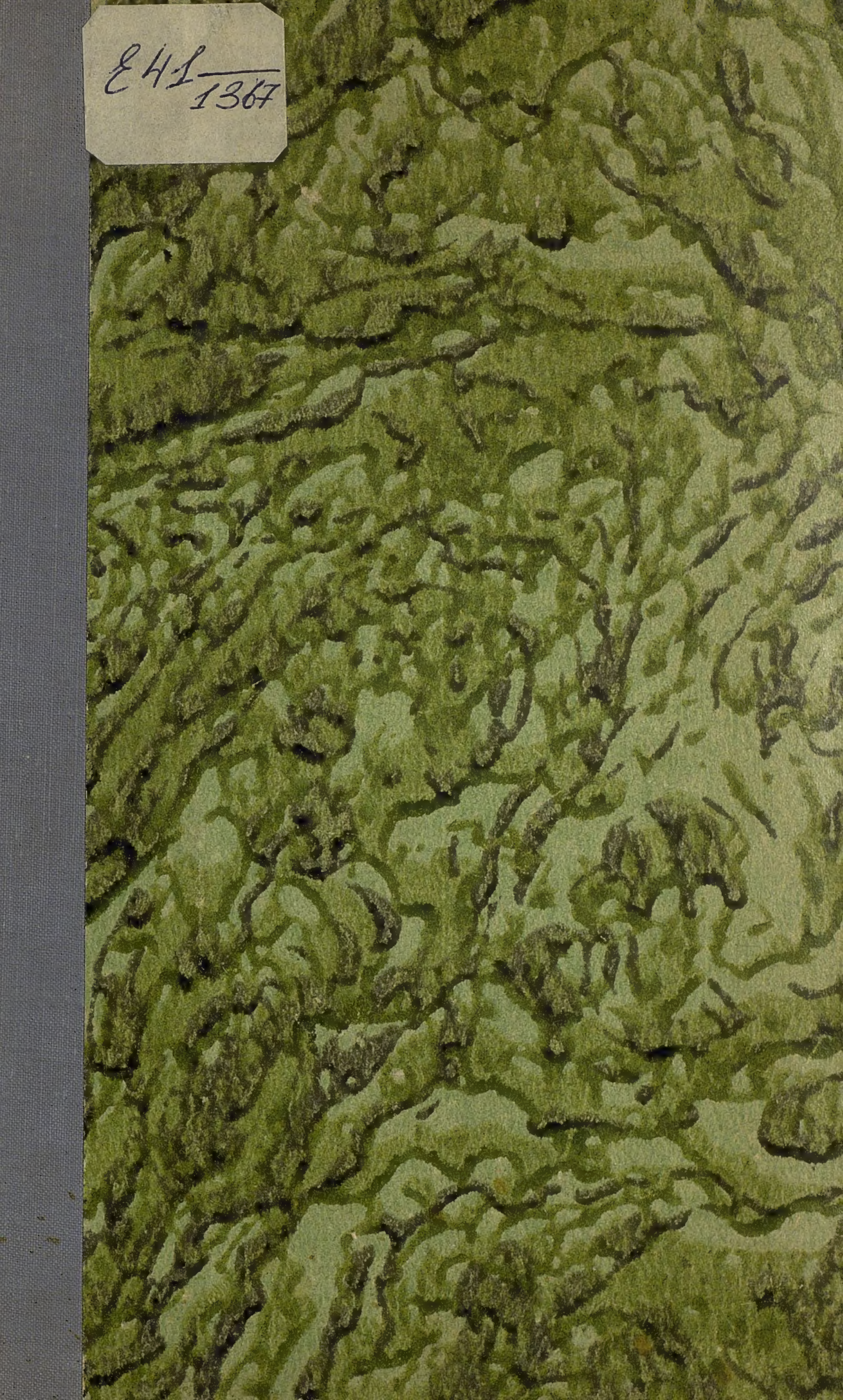
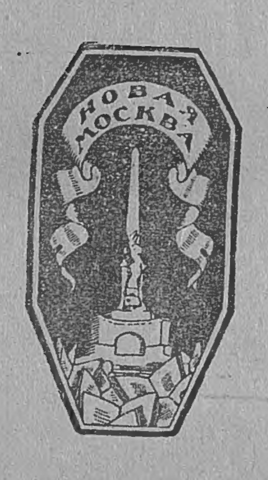

Е41
1367

Л. Б. КАМЕНЕВ

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

„НОВАЯ МОСКВА“

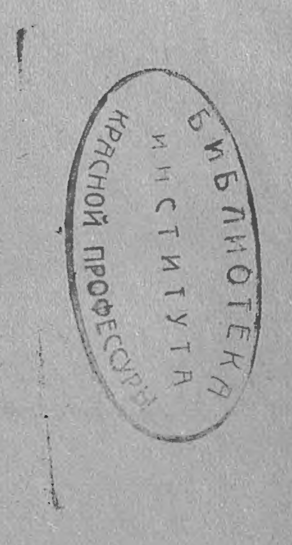

НОВАЯ
МОСКВА

Л. Б. КАМЕНЕВ

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

2-е ИЗДАНИЕ

„НОВАЯ МОСКВА“
1923

Отпечатано в 3-й типогр.
М.С.Н.Х. „Мосполиграф“,
Мал. Грузинская, Охотничий пер., дом 5/7,
в количестве 5,000 экз.
Мосгублит № 448. Москва.

Памяти строителей партии

Иосифа Дубровинского
(погиб в ссылке на Енисее в 913 г.)

Сурена Спандарьяна
(погиб в Туруханке в 915 г.)

Валентина Яковлева
(расстрелян Колчаком в 1918 г.)

Якова Свердлова
(умер в 1919 г.)

посвящается этот сборник

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-му ИЗДАНИЮ

Второе издание лежащего перед читателем сборника понадобилось раньше, чем я получил возможность исполнить свое намерение—расширить те примечания и справки по истории партии, на желательность которых я указал в предисловии к первому изданию. Не теряя надежды выполнить эту работу впоследствии, я пока ограничиваюсь введением в состав сборника двух дополнений.

Первое дополнение состоит в введении в отдел «Столыпинщина», статьи о 3-й Думе, написанной в 1910 году для польского журнала «Социал-демократическое Обозрение», редактировавшегося Розой Люксембург и Лео Тышко-Иогихес. Читатель увидит, что эта статья представляет общую характеристику социальной природы контр-революции 1908—1914 г.г.

Второе дополнение заключается в нескольких страницах, введенных в статью «Ликвидация гегемонии пролетариата». При напечатании этой статьи в «Пролетарии» т. Ленин убедил меня выкинуть вставляемые ныне страницы. Они заключают в себе указания на то, что корни меньшевизма надо искать в известных брошюрах П. Б. Аксельрода середины 90-х годов.

Моя попытка установить эту преемственность меньшевистской идеологии от данных брошюр Аксельрода казалась тогда т. Ленину частью неверной, а частью несвоевременной. Эта точка зрения т. Ленина проистекала, мне думается, из того факта, что сам т. Ленин в борьбе с экономистами неоднократно—и с успехом—пользовался брошюрой Аксельрода.

В конце 90-х и начале 900-х годов, несомненно, эта точка зрения на взгляды Аксельрода, как на орудие борьбы с экономизмом, была совершенно правильна и отодвигала на второй план заключавшиеся в этих взглядах семена будущего меньшевизма. Остается, однако, бесспорным, что именно Аксельроду принадлежит такая постановка вопроса о гегемонии пролета-

риата и о роли рабочего класса в общем демократическом движении, которая в своем развернутом виде привела к меньшевистской системе политики и тактики. В последнее время эта точка зрения на роль Аксельрода в истории меньшевизма и, в частности, на значение указанной мною его брошюры нашла себе подтверждение в статьях т. А. Мартынова в «Красной Нови».

Мне думается, что остается также правильным мое противопоставление в этом смысле Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода.

Я восстанавливаю ныне эти страницы по первоначальной моей рукописи, именно потому, что их история дает некоторый материал для суждения об отношении В. И. Ленина к некоторым любопытным моментам в истории русской социал-демократии.

Л. Каменев.

12/VI—1923 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 1-му ИЗДАНИЮ

Настоящий сборник статей, написанных на перевале от первой ко второй российской революции, имеет своей целью напоминание, обращенное одновременно и к друзьям, и к врагам нашей партии.

Врагам нашей партии следует всячески напоминать, что партия большевиков родилась не в октябре, не в июле и даже не в марте 1917 года, а лет за 15 до этого. Только величайшее невежество русского «образованного общества» в социально-политических вопросах может объяснить тот взрыв удивления, который сопровождал появление большевиков на открытой арене после февральской революции.

Основные взгляды большевиков на классовый состав русского общества, на ход и тип русской революции, на основные формы революционной борьбы сложились до революции 1905 года и в самом ходе этой революции получили уже достаточно ясное воплощение. Перелистывая лежащий перед читателем сборник, как, впрочем, и всякий другой сборник большевистской литературы данного периода, враги наши смогут убедиться, что отношение большевиков к политическим партиям и даже к отдельным руководителям этих партий не только в общем, но и в деталях, сложилось и было достаточно ясно формулировано задолго до того, как победоносная революция пролетариата дала нашей партии возможность на деле провести наши взгляды. Борьба внутрипартийная и межпартийная, которую в течение десятилетий вели большевики, и которую десятилетиями они вынуждены были вести только в подполье, борьба с Милюковыми, Кусковыми, Черновыми и Мартовыми была только подготовкой и предвосхищением той массовой открытой борьбы, которая решила судьбу партий и лиц дореволюционной России.

Полезно также, чтобы и молодые члены партии, не принимавшие непосредственного участия в создании и в первых боях нашей партии, перелистывая страницы старой большевистской литературы, познали, в каких идейных схватках складывалась

идеология и тактика передового отряда современного пролетариата. Им следует знать, что для того, чтобы победить в октябре, для того, чтобы удержать в своих руках власть в продолжение пяти лет, для того, чтобы безошибочно различать врагов и без промаха направлять свои удары, партия должна была проделать долгую подготовительную работу. Враги, которые в дни пролетарского восстания возникли перед нами в лице общественных классов и политических групп, их тактические приемы, их военные маневры не были для нашей партии чем-то новым и незнакомым. Наша партия, вооруженная методами революционного марксизма, заранее осветила все углы российской дореволюционной действительности, заранее наметила и учла своих врагов и именно поэтому могла вести пролетариат в бой с открытыми глазами и полной ориентировкой в условиях этого боя.

Теперь мы знаем, что предварительный учет условий этого боя, расположения противников, его слабых и сильных сторон, его сил и возможных для него маневров был нами произведен правильно. Буквальное осуществление целого ряда соображений и предсказаний большевистской литературы о роли и тактике в революции общественных групп, классов, партий и даже отдельных вождей, отдельных партий служит блестящим доказательством этому. Поэтому-то история большевистской партии до революции в сопоставлении с действительным ходом революционных событий служит одним из самых блестящих доказательств силы и значения революционного марксистского метода изучения общественных явлений и в то же время может служить лучшей школой революционной стратегии и тактики для новых поколений пролетариев.

Даже единственный, более или менее резкий, перелом в партийной идеологии выразившийся в замене лозунга демократической республики лозунгом советской республики, не может свидетельствовать против указанной выше цельности большевистской идеологии, если принять во внимание ту резкость, с которой уже в 1905—1906 г.г. большевики в противоречие со всеми другими воззрениями на роль и значение Советов Рабочих Депутатов, подчеркнули значение Советов Рабочих Депутатов, как органов революционной власти, а также и то обстоятельство, что уже в первой революции лозунг «диктатуры пролетариата и крестьянства» явно перевешивал в тактике и политике большевиков лозунг «Учредительного Собрания».

Изучая большевистскую литературу эпохи первой революции и контр-революции, всякий читатель должен будет убедиться, что

понятие диктатуры, раньше, чем оно получило в работах т. Ленина теоретическое обоснование на основании учения Маркса и Энгельса о государстве, было выхвачено большевиками из живой революционной действительности, так, как она разворачивалась в эпоху первого массового движения приблизительно от 9-го января до московского восстания 1905 года. Мысль о том, что русская революция, начавшаяся в 1905 году, стоит на границе демократических и социалистических революций, связанная неизбежно и естественно с мыслью о контр-революционной роли либерализма, принадлежит к основным элементам большевизма и не покидала его не только в эпоху широкой массовой борьбы (1905—1907 г.г.), но и в эпоху контр-революции. А то, что большевизм пронес через мрачные дни «столыпинщины» революционную традицию 1905 г. и отстаивал ее в борьбе буквально со всеми общественными течениями, принадлежит к величайшим заслугам большевизма.

Собранные в этом сборнике статьи характеризуют отдельные моменты и отдельные эпизоды идейно-политической борьбы большевиков. Составляя план сборника, я имел в виду, при помощи примечаний и справок, связать эти эпизоды в некоторый общий очерк, который позволил бы молодым товарищам проследить весь ход борьбы большевиков за свои идейно-политические позиции как в эпоху революции, так и в эпоху контр-революции. К сожалению, возложенные на меня партией новые обязанности принудили меня отказаться от этой мысли и ограниться минимальным количеством примечаний и справок.

Все статьи, напечатанные в этом сборнике, печатались в органах, редактором которых был тов. Ленин. Они, конечно, могли быть написаны только потому, что я мог учиться революционному пониманию задач и тактики пролетариата непосредственно у тов. Ленина. Больше того, всякий раз, когда мне приходилось по тому или другому поводу расходиться во взглядах на ту или другую очередную тактическую проблему с тов. Лениным, я всегда субъективно был убежден, что аргументирую свою позицию, исходя из тех же принципов, которым научился у тов. Ленина (хотя бы это объективно было бы и не так). Поэтому мои статьи и весь сборник не претендуют ни на что больше, как быть комментарием к тем задачам революционной политики и тактики, которые выдвигал и отстаивал тов. Ленин.

Л. Каменев.

25/XII. 1922.

Московский Совет.

БОРЬБА ПАРТИЙ
В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ И БУРЖУАЗНАЯ ПУГЛИВОСТЬ [1]).

В 1883 г. в первой русской социал-демократической брошюре, изданной первой русской социал-демократической группой, первый русский социал-демократ-теоретик Г. В. Плеханов писал, что русские социалисты «должны позаботиться о том, чтоб еще в доконституционный период изменить фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса». «В противном случае,—говорит он, —падение абсолютизма далеко не оправдает надежд, возлагаемых на него русскими социалистами или даже демократами» [2]). Что значило в устах Плеханова это выражение, что буржуазная революция не оправдает надежд, возлагаемых на нее социал-демократами? Какие надежды возлагают социал-демократы на буржуазную революцию и в каком смысле она их может оправдать? На этом вопросе пришлось остановиться тому же Плеханову, когда он подошел по поводу голода 1891—1892 г.г. к конкретному вопросу о задачах социалистов в борьбе с этим бедствием. В 1892 г. Плеханов писал: «Надо, чтоб, восстав против существующего порядка, народ завоевал политические права для себя, а не политические привилегии для своих эксплоататоров». Плеханов тут же пояснил, что такой вы-

---

[1]) Напечатано в начале 1906 г. в большевистском сборнике „Невский Сборник". Спб. 1906 г., изд. „Эпоха". После разгрома декабрьского восстания периодическая печать большевиков была задушена. Большевикам пришлось перейти к отдельным брошюрам и сборникам. Московские большевики выпустили тогда сборник „Текущий момент" со статьями М. Н. Покровского, И. И. Степанова и др. В Петербурге Г. М. Кржижановский организовал „Невский Сборник" со статьями А. Луначарского, Г. Кржижановского, моими и т. д. Сборник был немедленно конфискован.

[2]) „Социализм и политическая борьба", изд. „Пролетариат", Спб. 1906 г. стр. 70. Вошло в „Собр. Соч.", Г. В. Плеханова, т. I, стр. 151.

годный для пролетариата исход революции зависит от степени развития классового сознания пролетариата. И Плеханов систематизировал эти две стороны одного и того же процесса, говоря: «никакой другой способ не приведет так скоро к победе (и к такой полной победе, мог сказать автор) над абсолютизмом, как именно тот, который соединяет в себе... борьбу за политическую свободу с содействием росту классового сознания пролетариата»[1]). Вопрос о различных методах ликвидации абсолютизма и о различной ценности результатов того или иного метода был таким образом поставлен остро и решительно. Оставалось также точно и решительно ответить на вопрос о том, какое же положение в комбинации сил, направленных против существующего режима, должен знать пролетариат, чтобы гарантировать себе наибольшие результаты от ликвидации старого режима. И Плеханов не замедлил ответить на этот вопрос. Через 8 лет после только-что цитированной брошюры и через 17 после брошюры «Социализм и политическая борьба» Плеханов пишет для первой книжки «Зари»[2]) статью «Еще раз социализм и политическая борьба». Это было время, когда, по словам соратника Плеханова Старовера (А. Н. Потресова), «было слишком очевидно, что партии сознательного пролетариата предстоит борьба с могучим врагом не один на один, а в сложной комбинации различных общественных групп, преследующих различные цели и предъявляющих каждая свою долю в наследстве к умирающему режиму». Какая тактика обеспечивала пролетариату его «долю в наследстве»? Плеханов отвечал решительно: «Наша партия возьмет на себя почин борьбы с абсолютизмом, а следовательно и гегемонию в этой борьбе» [3])... и кончал статью, направленную к обоснованию этой тактики гегемонии, следующими энергичными словами: «Тактика, защищаемая мною в этой статье, не-

---

[1]) „О задачах социалистов в борьбе с голодом“, изд. „Пролетариат“, Спб. 1906 г., стр. 59.

[2]) „Заря“—научно теоретический журнал, издававшийся за границей группой „Искра“ (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов) в 1901—1903 г.г. Журнал „Заря“, как и газета „Искра“, был органом революционного марксизма, ведшим жестокую и победоносную борьбу со всеми видами оппортунизма, ревизионизма и соглашательства.

После раскола в 1903 г. группы „Искры“, а за нею и всей партии на „большевиков“ и „меньшевиков“ „Заря“ прекратилась, а „Искра“ стала органом меньшевиков и изменила свое направление. Прим. к наст. изд.

[3]) „Еще раз социализм и политическая борьба“, изд. „Пролетариат“, Спб. 1906 г. стр. 110. Курсив Плеханова.

избежно дала бы русской социал-демократии,—этому передовому отряду русского рабочего класса,—политическую гегемонию в освободительной борьбе с самодержавием». Задача, поставленная Плехановым перед партией пролетариата, ясна, и, когда он формулировал ее таким образом, он, несомненно, стоял на точке зрения тех людей, которые все, что содействует росту классового сознания пролетариата, считают полезным для своего дела, все, что замедляет его,—вредным.

Мы попытаемся теперь посмотреть, какими же методами думает Плеханов в конкретных условиях русской революции реализировать эту гегемонию. Как решает Плеханов поставленную им же задачу, и решает ли он эту задачу или незаметно для себя подменяет ее другой? «Дневники» Плеханова представляют для нашей цели незаменимый материал[1]). Три №№ «Дневников», это — отклики на животрепещущие вопросы русской революционной действительности за 4 интереснейших и богатейших опытом месяца. Содержание 3 и 4 №№ — это соображение о той тактике социал-демократии, которая позволила бы ей в наибольшей степени использовать положение, созданное октябрьской стачкой, при чем 3-й №, написанный еще до ноябрьской стачки, рассматривает, что следовало бы сделать, а 4-й, выпущенный после декабрьских восстаний, критикует то, что было сделано. Таким образом тактические взгляды Плеханова должны были получить вполне законченное выражение.

На другой день после 17 октября 1905 г. Плеханов писал: «...Слуги реакции скоро вырвут из рук пролетариата плоды его первой победы, если за нею не последуют новые и еще более решительные поражения царизма». Плеханов был прав, как показали события: содержанием последующих месяцев русской революции стала напряженная борьба между попытками реакции, которая скоро приняла форму контр-революции, вернуть все утерянное в октябре, и непрестанно развивавшимся народным движением, которое также скоро приняло форму вооруженного сопротивления этим попыткам.

Что же, в предвидении реакционных попыток, должна была

---

[1]) После раскола 1903 г. Г. В. Плеханов занял колеблющуюся позицию: несколько месяцев (август—ноябрь 1903 г.) он работал с большевиками, затем перешел к меньшевикам и совместно с ними редактировал „Искру“. В середине 1905 года, после III с’езда партии, Г. В. Плеханов разошелся с меньшевиками‘ вышел из состава редакции „Искры“ и стал издавать свой собственный орган под именем „Дневник Социал-Демократа“. В революцию 1905—1907 г.г. Плеханов в Россию не возвращался и издавал свой „Дневник“ в Женеве.

делать социал-демократия? Во-первых, говорит Плеханов в 3-м №, надо использовать для успеха рабочего движения «разлад буржуазии с царизмом», во-вторых, надо обратить усиленное внимание на крестьянство, в-третьих, не надо нетактичным поведением восстанавливать против себя «монархистов-конституционалистов»[1], в-четвертых, наконец, не надо легкомысленно болтать о восстании.

Основная ошибка этих советов,—то, что сделало их «никчемными» в русской революционной действительности,—ясна. Это тот факт, что борьба народа с реакцией приняла форму открытой гражданской войны. Эта возможность осталась за пределами зрения Г. Плеханова, и этим только можно объяснить то незначительное внимание, какое уделил Г. Плеханов таким формам боевой организации пролетариата, как Советы Рабочих Депутатов, таким фактам, как зарождение элементов местной революционной власти, и пр., и пр. Значение всего этого громадного движения осталось темным для Плеханова, и нет поэтому ничего удивительного в том, что, критикуя в № 4 тактику социал-демократии в эти дни, Плеханов смог только повторить в декабре свои советы, данные в октябре. События оказались не в силах изменить и заставить конкретизировать те абстрактные положения, которые развивал Плеханов в № 3. Ноябрь и декабрь—деятельность Советов Рабочих Депутатов и вооруженное восстание—не научили его ничему.

Возьмите 4-й Дневник, и вы найдете там те же соображения о том, что на реакционные попытки надо было отвечать усилением агитации в отсталых слоях пролетариата, планомерной агитацией за создание профессиональных союзов, привлечением сочувствия непролетарских классов, усилением влияния социал-демократии в крестьянских массах, что «не надо было браться за оружие», раз не была гарантирована победа восстания.

Когда-нибудь, когда выплывет наружу вся та грандиозная работа организации и агитации, которая была выполнена социал-демократией в эти дни гражданской войны, Плеханов узнает, как высоко оценивала социал-демократия и агитацию в отсталых слоях пролетариата и организацию профессиональных сою-

---

[1]) Под этим приличным наименованием фигурируют у Плеханова те монархисты, кои демонстрировали свою приверженность к „конституции“ погромами 18 октября, убийством т. Баумана и пр.

зов, и какую массу энергии приложила она в этом направлении[1]). Вероятно, тогда же поймет Плеханов и то, что говорить о восстании в октябре и ноябре далеко не значило «легкомысленно болтать»...

Мы оставим поэтому в стороне эти советы Плеханова. Из тех 4 пунктов, которые мы отметили, как кардинальные в советах Плеханова, и которые не были им пополнены после декабрьских дней, а лишь на них иллюстрированы, для нашей цели самое интересное—разобраться в вопросе о том, как думал Плеханов использовать «разлад буржуазии с царизмом». Это тот единственный пункт, на котором явственно выразилось понимание Плехановым задач и роли пролетариата в русской революции.

Плеханов начинает с совершенно правильных и общепризнанных посылок: «Наша буржуазия,—пишет он,—хочет политической свободы, но не хочет революции». «Чтобы буржуазия заключила мир с монархией, необходимо, чтобы наш политический порядок *хоть отчасти, хоть наполовину* (курс. наш. Л. К.) был приведен в соответствие с нашими экономическими отношениями, которые характеризуются господством капитала». До тех пор наша буржуазия останется недовольной, и это «политическое недовольство нашей буржуазии в высшей степени выгодно для дела российской революции»—заключает Плеханов. Это неоспоримо. Это основная посылка марксистского понимания русской революции. Что же из этого следует?

Следует то, что социал-демократия должна построить свою тактику так, чтобы способствовать углублению этого конфликта, чтобы углубить это недовольство, чтобы радикализировать требования буржуазии, предъявленные ею нашему политическому порядку. Надо способствовать разъединению правительства и буржуазии, говорит Плеханов. Как это сделать?

Плеханов знает, что в объятия правительства, к идее «сильной власти» толкает буржуазию, прежде всего, революционная самодеятельность пролетариата. И ответ для него формулируется удивительно просто: пролетариат не должен отталкивать буржуазию своими «бестактными выходками».

---

[1]) Справившись с датами, Плеханов мог бы убедиться, что большинство наших проф. союзов ведут свое начало именно с этого времени, и что роль с.-д. в их образовании громадна. См., напр., отчет о 2-й конференции профессиональных рабочих союзов в журнале „Без заглавия“, № 13.

На самом деле процесс радикализации буржуазии протекает у нас несколько сложнее. Специфическая черта русской революции, обусловленная социальной и классовой структурой русского общества революционной эпохи, заключается между прочим в том, что наш феодально-крепостнический уклад гибнет не под ударами «единой нации», о которой с таким «идеалистическим» подъемом мечтают, принуждены мечтать наши апологеты буржуазии, а в пропасти, разверзающейся между промышленной буржуазией и пролетариатом, с одной стороны, между землевладельческим дворянством и крестьянством—с другой. И не надо напоминать всем известного процесса выработки программ наших буржуазных партий, на глазах у нас идущего процесса политического самоопределения буржуазии, чтобы убедиться, что процесс радикализации буржуазных требований, процесс вовлечения буржуазии в политическую борьбу—идет под непосредственным давлением пролетарских выступлений. Лишь по мере того, как буржуазия убеждалась в неспособности наличного политического строя обеспечить ей регулярное выжимание прибавочной ценности, предъявляла она этому строю требование реформироваться. Лишь по мере того, как в процессе революции она убеждалась в невыгодности для нее этого строя, созревала у нее идея взять реорганизацию этого строя в свои руки. Лишь по мере того, как растет в ней—под непосредственным влиянием усиливающегося и радикализирующегося движения пролетариата—уверенность в невозможности для старой власти обеспечить «законность и порядок», эти необходимые элементы нормального товарного обращения,—лишь в этой мере растет и ее решительность в ее отношениях со старым порядком. И лишь в той мере, в какой классовое движение пролетариата будет предъявлять к наличному строю все более и более широкий круг требований, лишь в этой мере будет расти радикальность требований буржуазии и решительность ее тактики. Стремление обеспечить, наконец, «законность и порядок» заставляет буржуазию тащиться в хвосте требований трудящейся массы, заставляет ее на каждом этапе народного движения искать компромисса между старой властью и выдвинутыми народным движением требованиями, кидая ее то в объятия реакции, то в объятия революции, но вместе с тем, вкладывая в буржуазную законность и буржуазный порядок все более широкое социальное содержание в меру развития в освобождающейся «нации» социальных, классовых конфликтов. Буржуазная политическая мысль лишь формулирует те рамки «законности и по-

рядка», расширение которых непосредственно зависит от логики классовой борьбы пролетариата с ней самой. Так, революционная и оппозиционная мысль нашей буржуазии лишь регистрирует расширение той пропасти, которую создает классовая борьба пролетариата. Растет эта пропасть, растет и то политическое содержание, которое вкладывает буржуазия в формулу: «законность и порядок». Буржуазию в ее требованиях гонит вперед не что иное, как революционная самодеятельность пролетариата.

Ясно, что это совсем не похоже на плехановское отпугивание либералов «бестактными выходками». И жалко становится тех прекрасных и глубоко-поучительных цитат из «Коммунистического Манифеста», которые украшают Плехановский «Дневник», отнюдь не способствуя доказательности его мысли о той беде русской революции, которая целиком, по Плеханову, объясняется «нашей бестактностью».

Перед нами два пути утилизации в интересах русской революции буржуазного недовольства. Один путь,—которым шла до сих пор русская революция, чем навлекла на себя неудовольствие Г. Плеханова (см. № 4 «Дневника»),—путь развития классового движения пролетариата, не ставящего своим основным критерием запуганность и благодушное к нему отношение либерала и, вместе с тем, неминуемо вызывающего радикализацию его настроения относительно наличного порядка. Другой путь, путь Плеханова—путь, на котором он надеется привлечь либеральные симпатии.

Плеханов любит сравнить тактику большевиков с тактикой немецких «истинных социалистов», так жестоко и справедливо раскритикованных Марксом. Маркс упрекал «истинных социалистов» в том, что они противопоставляли политическому движению социалистические требования, в том, что они проповедывали народной массе, что в «этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но скорее рискует потерять все». Так гласит цитата, которую Плеханов счел нужным привести в назидание русским социал-демократам. Но как обстоит дело у нас? Противопоставляем ли мы политическому движению социалистические требования, проповедуют ли русские социал-демократы, что пролетариат ничего не может выиграть от идущей революции, носящей, несомненно, буржуазный характер? Нет. И это признает даже Плеханов. С этой стороны, дело насчет либералов и буржуазных ценностей обстоит благополучно. Все социал-демократы со-

гласны, что получить от этого движения пролетариат может, в зависимости от своей тактики и уровня классового развития, больше или меньше, но кое-что получит наверное; терять же ему нечего.

Убедившись, что с этой стороны социал-демократы не грозят буржуазному движению никакой «бестактностью», Плеханов идет дальше по своему пути привлечения либеральных симпатий на сторону революционной борьбы пролетариата. Не помешает ли этому делу наша так называемая «конечная цель»? «Наша конечная цель не оттолкнет от нас передовых элементов нашего общества, если только мы сумеем хорошенько уяснить ему свою ближайшую политическую задачу», пишет Плеханов. Тут с Плехановым произошел несомненный казус. Ведь наша «ближайшая политическая задача»—это создать политико-социальные условия успешнейшей и энергичнейшей борьбы за социализм. «Хорошенько уяснить» ее—это и значит уяснить как раз эту неразрывную связь между нашей «ближайшей задачей» и «конечной целью». Изолировать «конечную цель» от «ближайшей задачи», это значит не только скрыть тот смысл, который для нас имеет задача, но и то объективное содержание, которое она в себе заключает. Наша «конечная цель» накладывает глубокий отпечаток на размер и содержание нашей «ближайшей задачи», и тут уж ясно, что Плеханову в его целях привлечения симпатий либерализма придется не только «хорошенько уяснить» ему эту задачу, но и смыть этот отпечаток. Во всяком случае, придется «уяснить» связь между «конечной целью» и «ближайшей задачей» несколько своеобразно и непривычно для революционного социал-демократа.

И все же мы думаем, что делу это мало поможет. Порукой нам в этом сам Плеханов.

Страницей выше он рассказывает об отношении либералов к народовольцам. По мнению народовольцев, от революции, низвергающей царизм, следовало ждать начала социалистической организации, рассказывает Плеханов. Из этого проистекало то, что «поскольку либералы брали всерьез (курс. Плеханова) народовольческую программу, постольку они должны были приходить (курс. наш. Л. К.) к тому убеждению, что их интересы самым существенным образом расходятся с интересами революционеров», это с одной стороны; с другой—известное сочувствие либералов народовольцам проистекало только из того, что народовольческие пророчества «казались им детской

утопией, не грозящей никакими серьезными опасностями буржуазному экономическому укладу».

Не думается ли Плеханову, что и перед ним стоит та же дилемма? Или либералы, взявшие всерьез наши «пророчества» насчет классовой борьбы и ее развития на расчищенной от царизма арене, должны будут притти к убеждению и т. д., как в рассказе Плеханова о народовольцах; или мы сами, дабы не пугать их, должны будем рисовать нашу «конечную цель» и наши соображения о развитии классовой борьбы в виде «детской утопии, не грозящей» и пр....

Как бы то ни было, отославши «конечную цель» в область, далекую от злобы текущей политической борьбы, изолировав политическую задачу пролетариата от «конечной цели», Плеханову все-таки пришлось еще посчитаться с «противопоставлением» буржуазии и пролетариата на почве именно политических программ и действий.

Покуда заметим, что стремление использовать политическое недовольство буржуазии в интересах русской революции по рецепту Плеханова привело его на первых же шагах, и совершенно неизбежно, к отводу неудобного свидетеля—«конечной цели», то-есть к необходимости сузить социальное содержание русской революции. Если бы русская социал-демократия приняла совет Плеханова, это значило бы, что она забыла великий завет Маркса. В том же «Манифесте» Маркс писал: «Ни на минуту не перестает она (коммунистическая партия) вырабатывать в умах рабочих сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». А это невозможно, в особенности в момент буржуазной революции, без уяснения связи ближайших задач пролетариата в этой революции с его конечною целью. А это запугивает либералов. А этого не хочется Плеханову. А поэтому он и отделался от этого вопроса тем, что практики-де не умеют этого делать и портят все дело.

Что же следует из соображений Плеханова о «конечной цели»? Следует то, что поскольку надежды социал-демократов покоятся не на симпатии к ним либералов, а на развитии классового сознания рабочих, постольку использование разлада правительства и буржуазии лежит в другой плоскости. Это использование будет тем энергичнее, чем яснее в головах рабочей массы будет связь их ближайших задач и конечных целей, чем сильнее под влиянием этого развернется классовая борьба в освобождающейся нации.

Но будем следить за развитием мысли Плеханова.

Покончивши с тем «противопоставлением» политическому движению социалистических требований, которым занимались немецкие «истинные социалисты», и тем противопоставлением «конечной цели» и «ближайшей политической задачи», которым занялся сам автор «Дневников», Плеханов переходит к центру вопроса, к тому противопоставлению буржуазии и пролетариата на почве идущей политической борьбы, на почве политических требований и тактики, которым занимается русская революция, и которое выясняет для широких пролетарских масс российская социал-демократия.

Этим «противопоставлением» Плеханов очень недоволен: «бестактность» рев. социал-демократов в этой области принимает в его глазах характер настоящего бедствия. «Мы крайне поверхностно понимаем слова: «противопоставление себя буржуазии», мы отталкиваем от себя наших либералов и наших демократов там, где в интересах дела нам следовало бы привлечь их к себе», говорит Плеханов. Это мешает, по его словам, «либеральной и демократической буржуазии проникнуться сочувствием к нам, социал-демократам». Что же надо делать, чтобы завоевать это сочувствие?

Надо, как мы знаем, хорошенько уяснить ей нашу ближайшую политическую задачу. «Мы должны, кроме того, выяснять и напоминать этой последней (все той же буржуазии. Л. К.), что она сама заинтересована в падении абсолютизма, и что поэтому она должна поддерживать революционные усилия пролетариата, поскольку они направляются против существующего политического порядка». Мы оставим здесь в стороне вопрос о том, **как** выяснять и напоминать буржуазиии ее заинтересованность в падении абсолютизма: мы знаем уже, что путь Плеханова и действительное движение здесь расходятся. В то время, как пролетариат делал это в течение всего прошлого периода русской революции, повышая свои требования и толкая этим буржуазию к усвоению идеи о неспособности и невозможности для старой власти создать гарантии нормального развития, Плеханов не выходит здесь за пределы ничего не дающей фразы.

Но здесь есть другой вопрос, на затушевании которого построено все дальнейшее. Здесь незаметно уяснение ближайшей политической задачи пролетариата подменено выяснением буржуазии ее заинтересованности в падении абсолютизма. Но не может же остаться тайной для Плеханова, что буржуазия заинтересована в этом падении не так, как пролетариат, что «падение абсолютизма» для буржуазии имеет другое содержание.

чем для пролетариата, что понятие «ближайшая задача пролетариата» и то, что вкладывает буржуазия в «падение абсолютизма» далеко не совпадают, что поэтому буржуазия заинтересована в известном методе борьбы с абсолютизмом, что ее «отпугивают» те методы, которые в наибольшей степени гарантируют пролетариату решение как раз его ближайшей задачи[1]). Плеханов пишет, что буржуазия должна поддерживать пролетариат, поскольку его усилия направляются против существующего политического порядка. Это значит, без сомнения, что буржуазия может его поддерживать, поскольку он в своей борьбе не затрагивает интересы самой буржуазии, т.-е. поскольку он только прокладывает ей путь к власти. Что значит, при таких условиях, для пролетариата приобресть сочувствие либеральной буржуазии, о которой хлопочет Плеханов? Не значит ли это отказаться от противопоставления на арене политической борьбы политических требований пролетариата политической платформе буржуазии, от противопоставления пролетарских методов борьбы с царизмом либеральным ее методам? Не значит ли это рекомендовать пролетариату вести политическую борьбу с существующим политическим укладом в рамках, не затрагивающих интересы буржуазии, т.-е., повторяем, обеспечивающих для буржуазии наивыгоднейший для нее результат ликвидации старого режима.

К сожалению, это—так, это логический результат призрака запуганного либерала. И Плеханов не оставляет в этом сомнения.

Он настоятельнейшим образом рекомендует не говорить с буржуазией накануне буржуазной революции таким языком, который уместен лишь после нее («Дневник», № 4). Какой язык уместен тогда? Язык классовой борьбы. Но мы уже знаем, что в данный момент у нас под флагом борьбы политических требований и конкуренции политических тактик идет борьба буржуазии и пролетариата за тот или другой ход развития русской революции, за то, как писал Плеханов еще в 1892 г., «завоюет ли народ политические права для себя или политические привилегии для своих эксплоататоров». Уместен ли в такой момент язык классовой борьбы?

Он необходим и здесь, он основа, основа, между прочим, и того языка соглашений, который ведь не исключен из практики

[1]) Речь идет о вооруженном восстании и о требовании республики. Ни то ни другое не могло быть названо по цензурным условиям. Прим. к наст. изданию.

социал-демократии в странах, переживших буржуазную революцию. Отсутствие его знаменовало бы как раз отказ от «противопоставления» буржуазному пониманию «падения абсолютизма», пролетарского понимания своей ближайшей задачи. Короче, это значило бы подменить нашу ближайшую задачу ближайшей задачей буржуазии.

Но автор этой тактики неумолим. Процитировав воззвание «ко всем хозяевам торговых и промышленных заведений», Плеханов замечает «именно в этом тоне мы должны говорить с буржуазией». И правда, в коротком и энергичном призыве к всеобщей забастовке (октябрьской), цитируемой Плехановым, нет никаких социал-демократических «бестактностей», но, вероятно. лишь потому, что в нем вообще и не пахнет социал-демократией. да и вообще никакой определенной политической программой. В воззвании не упоминается ни требования рабочих, ни даже имя рабочего класса.

Плеханов предлагает говорить с буржуазией тоном кадетов.

И в защиту этого «тона» он немедленно переходит в наступление и обрушивается на резолюцию III съезда партии [1]) «об отношении к либералам». Здесь не место ее защищать; достаточно отметить, что особое неудовольствие Плеханова вызывает пункт, рекомендующий «разъяснять рабочим анти-революционный и анти-пролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках». Это разъяснение несомненно граничит с «бестактностью», оно неизбежно подразумевает противопоставление не только «своей идеологии—идеологии буржуазии», на что согласен и Плеханов, но и революционного характера пролетарской борьбы за полную и действительную свободу анти-революционному характеру либерального политического маклерства.

Плеханов иллюстрирует свои выводы критикой ноябрьской и декабрьской стачек. Он рекомендует выбирать такие мотивы «столкновения пролетариата с реакцией, которые обеспечивали бы стачечникам самое широкое сочувствие». В таком виде совет совершенно верен. Но из контекста видно, что дело идет все о том же сочувствии буржуазии, понимаемой в смысле либеральной оппозиции. А с этой точки зрения понятно, почему вторая и третья забастовки так резко критикуются Плехановым. Ведь эти забастовки формулировали не только требование «падения абсолютизма», но и «нашу ближайшую задачу» [2]),—

---

[1]) III с'езд партии в мае 1905 г. принял целиком большевистские резолюции.

[2]) Требование республики. Прим. к наст. изданию.

таким образом, самым своим содержанием они нарушили первое условие сочувствия буржуазии; она ведь может поддерживать пролетариат лишь постольку, поскольку он не выходит за пределы либерально-буржуазного понимания «ближайших задач»; кроме того, они, перейдя в восстание, применили такой метод политической борьбы, который более всего заставляет опасаться буржуазию того, что пролетариат выпрямится слишком сильно, говоря словами Плеханова. Ясное дело что из всего этого проистекает такой «тон», который мало обеспечивал сочувствие буржуазии революционной борьбе пролетариата. Inde ira. Отсюда гнев!

Вывод Плеханова относительно поставленного им вопроса об условиях «новых и еще более решительных поражений царизма»—ясен. Окончательный ответ реакции надо дать тогда, когда на стороне его будет сочувствие всего общества, т.-е. окончательный ответ и решительное поражение подразумевают не что иное, как реализацию усилиями буржуазно-пролетарского блока ближайших задач... буржуазии.

Любимая формула Плеханова об «изоляции реакции», подменяющая у него идею «концентрации революционной демократии вокруг пролетариата», знаменует не что иное, как гегемонию политической платформы либерализма над политической платформой и тактикой революционной демократии, руководимой пролетариатом.

Так, пытаясь решить поставленный им же еще в 1900 году вопрос о реализации гегемонии пролетариата в конкретных условиях русской революции, как о методе, обеспечивающем наивыгоднейшие для пролетариата формы ликвидации старого режима, Плеханов решил не ту задачу. Его тактика, направленная к усилению позиции пролетариата в русской буржуазной революции, усиливает на самом деле позиции либерализма. Его тактика облегчает буржуазии решение ее задачи. Его тактика привлечения симпатий буржуазии, обусловленная принижением борьбы пролетариата до уровня буржуазной оппозиции и в вопросах тактики, и в политической программе, лишь передает руководство борьбой в руки либералов. Сам Плеханов еще 20 лет тому назад предостерегал нас от этого, и лишь неправильностью избранного им пути можно объяснить эту странную ошибку логики учителя и вождя русской социал-демократии: Решая одну задачу, он решил другую. Утопизм узких путей сыграл скверную шутку с ясным умом.

Весь ход мыслей Плеханова приводит и подтверждает лишь тот вывод, который и до сих пор остается наиболее ценным завоеванием социал-демократической мысли на русской почве:— гегемония будет принадлежать пролетариату лишь в меру роста его классового сознания, в меру резкости и классовой отмежеванности его требований, предъявляемых наличному режиму. лишь в меру осложнения политического конфликта его борьбой за реализацию в процессе русской революции рабочей политической и социально-экономической программы. Всякий другой путь низводит до минимума использование буржуазной революции в интересах социалистической борьбы пролетариата.

И при виде казуса Плеханова хочется привести его собственные слова, сказанные им ровно 14 лет тому назад: «С нашей стороны нелепо было бы умышленно запугивать либералов; но если они испугаются нас как-нибудь невзначай, помимо нашей воли, то нам остается только пожалеть об их совершенно уж «несвоевременной» пугливости. Во всяком случае мы считаем самым вредным родом запугивания, запугивание социалистов призраком запуганного либерала. Вред, приносимый таким запугиванием, несравненно больше той пользы, которую могло бы принести убеждение г.г. либералов в нашей умеренности и аккуратности» [1]).

Золотые слова!

* * *

Вместе с позицией Г. В. Плеханова характерной чертой того разброда, который наблюдается теперь в русской социал-демократии, является появление на сцену «тактики революционной оппозиции». Последнее время дало в этом направлении довольно много отрывочного, большею частью резолютивного материала. Главными же литературными материалами являются уже давно появившиеся брошюры Мартынова «Две диктатуры», его же «Победы и реванши», и отчасти поясняющая эту позицию брошюра Дана «Государственная Дума». Мы поэтому покуда оставляем в стороне разбор позиции «революционной оппозиции» в надежде, что процесс кристаллизации этого взгляда даст нам, наконец, законченное литературное произведение. Полемика о Государственной Думе и на почве тактических платформ к предстоящему IV съезду дала достаточный толчок для этого, и

---

[1]) „О задачах социалистов“, изд. „Пролетариат“, Спб. 1906 г., стр. 80.

мы с нетерпением ждем оформления этой позиции, «неизменно работающей над тем падением красного знамени перед трехцветным», о котором говорит Маркс в своей «Борьбе классов во Франции», как о признаке недостаточного развития классового сознания рабочих в момент французской буржуазной революции 1848-го года. «Рядом и подле буржуазии», выражаясь его словами,—такова эта позиция, прямо противопоставленная идее гегемонии, но искусно прикрытая шумихой марксистской, якобы марксистской фразеологии.

Последний абзац статьи посвящен меньшевикам. Уже на своей женевской конференции, происходившей в мае 1905 г., меньшевики по существу высказались решительно против гегемонии пролетариата в революции и выдвинули тактику непугания буржуазии и поддержки либералов. Наиболее продуманное обоснование этой тактики было дано в двух вышеуказанных брошюрах А. Мартынова, бывшего „экономиста“, редактора оппортунистического „Рабочего Дела“, примкнувшего после раскола „искровцев“ к меньшевикам. А. Мартынов исходил из той мысли, что гегемония пролетариата неизбежно приведет к участию пролетариата в государственной власти совместно с революционным крестьянством и, таким образом, к диктатуре пролетариата и крестьянства в русской революции 1905—1906 г.г. Эта по существу правильная перспектива победоносной революции, на которой настаивали большевики с января 1905 г., казалась Мартынову, а за ним и всем меньшевикам, опасной и противоречащей марксизму. Тактика меньшевизма сводилась поэтому к тому, чтобы пролетариат не мешал либеральной буржуазии добраться до власти, сохранив за собой лишь роль стоящего на левом фланге союзника и подталкивателя либералов. Эта тактика фактически делала меньшевиков в первую русскую революцию орудием буржуазного влияния на пролетариат, вынуждала их тормозить движение рабочего класса, проповедывать ограничение его требований, толкала к поискам соглашения с кадетами, заставляла переоценивать роль буржуазного либерализма и недооценивать роль крестьянского революционного движения. Все эти характерные черты меньшевистской политики 1905—1907 г.г. неизбежно вытекали из их основной ошибочной и антипролетарской позиции. Одна часть меньшевиков—в первую очередь Плеханов, затем Череванин, Васильев, Потресов—уже в конце 1905 и в начале 1906 г.г. откровенно делала все выводы из своей позиции, другая—во главе с Мартовым—шла по тому же пути, но с большей осторожностью и оглядкой на действительное положение дел в России.

Законченное литературное оформление, о котором говорится в конце статьи, позиция меньшевиков получила в докладе П. Аксельрода, который он сделал в мае 1906 г. на IV с'езде партии накануне открытия 1-ой Гос. Думы. Этот доклад затем издан был брошюрой под заглавием „Две тактики“, Спб., 1906 г. Рядом с названными в тексте брошюрами А. Мартынова этот доклад П. Аксельрода остается наиболее обдуманным выражением основных положений меньшевистской тактики, превратившей меньшевиков в подголосков кадетов. Об этом именно докладе я упоминаю ниже в статье: „Классовые задачи пролетариата“, стр. 27. Общая же оценка меньшевистской тактики дана ниже в отделе „1905 г. и меньшевики“. П. Б. Аксельрод с тех пор и до сего дня оставался руководителем

наиболее логичных меньшевиков и яростным врагом большевиков. А. Мартынов до октябрьской революции оставался ближайшим политическим единомышленником Мартова. С его оценкой революции нам придется еще встретиться ниже.

Борьба большевиков и меньшевиков по основным вопросам русской революции 1905—1907 г.г. естественно привлекала внимание европейских социалистов. В 1906—1907 г.г. два крупнейших теоретика международного рабочего движения— К. Каутский, тогда еще признанный глава ортодоксального марксизма—и Роза Люксембург высказались по волновавшим русский рабочий класс вопросам. Оба высказались за большевиков и против меньшевиков. Статья Каутского явилась в виде ответа на запрос Г. В. Плеханова, который надеялся найти,—но не нашел,—в нем единомышленника. Статья К. Каутского была переведена на русский язык под заглавием „Движущие силы и перспективы русской революции“ под редакцией и с предисловием Н. Ленина (вошло в VIII т. „Собр. Соч.“ Н. Ленина) и послужила прекрасным материалом для разоблачения антипролетарской позиции меньшевиков.

Что касается Розы Люксембург, то она имела возможность изучать вопросы русской революции не только по документам, но и на месте. Уроженка Польши, она при первых звуках русской революции бросила Германию, где работала в рядах германских рабочих, вернулась в Варшаву и в качестве члена Центрального Комитета польских социал-демократов приняла непосредственное участие в российском революционном движении. После ареста она выпуждена была вновь скрыться за границу и здесь по поручению гамбургской организации написала на основании опыта русского революционного движения книгу: „Всеобщая стачка и немецкая социал-демократия“ (русск. пер., Спб, 1907 г.). Эта работа имела значение не только для России, но и для европейских рабочих, ибо обогатила их опытом революционной борьбы русских рабочих и содействовала революционизированию тактики германской социал-демократии, заставив ее пересмотреть свое отрицательное отношение к всеобщей стачке, как методу внепарламентской борьбы рабочего класса. Этой работе Р. Люксембург посвящена следующая статья.

Первоначально она была напечатана в газете „Пролетарий“, которую большевики стали издавать под редакцией т. Ленина нелегально в Финляндии немедленно после разгона 1-ой Гос. Думы и крушения Свеаборгского и Кронштадтского восстаний.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ [1]).

К. Каутский закончил свою последнюю, так непонравившуюся нашим меньшевикам, статью о русской революции призывом отбросить при обсуждении ее проблем узкие шаблоны и заняться серьезным изучением этого «совершенно своеобразного процесса совершающегося на границе буржуазного и социалистического общества». Этот совет относится, конечно, прежде всего, к тов. Плеханову, в ответ на запрос которого о характере русской революции и писал Каутский. Но через голову Плеханова Каутский обращается ко всем теоретикам российской социалдемократии.

Этот совет был, как нельзя более, кстати. Мы не знаем, знаком ли был Каутский в то время с тем пережевыванием «шаблонов», которое называется докладом П. Аксельрода Стокгольмскому съезду, и с тем вульгаризированием «шаблонов», которое называется литературной деятельностью Череваниных, Горнов и прочей меньшевистской братии [2]),—несомненно одно— этот совет вождя германской с.-д. относится к ним.

Указания Каутского покуда оставлены втуне как раз теми, к кому он обращался. Это немудрено. Изучение своеобразия русской революции должно, помимо доброй воли того или иного «раба лукавого» шаблонов, превратиться в формальное осуждение тактики правого крыла с.-д., к упрочению позиций ее революционного крыла. Серьезный анализ русской революции и роли в ней пролетариата разрушает в конец уютные сообра-

[1]) „Пролетарий". № 15, 25 марта 1907 г.

[2]) О докладе П. Б. Аксельрода см. выше, стр. 17. В. Горн—меньшевистский литератор, стоявший тогда вместе с Череваниным на крайнем правом крыле меньшевиков. В своей дальнейшей деятельности г. Горн проявил большую последовательность взглядов: в 1919 г. он был членом правительства ген. Юденича. Прим. к наст. изд.

женьица о «тактике и бестактности» [1]), о поддержке во что бы то ни стало оппозиционной буржуазии, о соглашениях с кадетами, об «обще-национальных» задачах. Этот анализ выдвигает вопросы о классовом характере русской революции, об экономическом базисе либеральной оппозиции, о завоевываемой в борьбе с нею гегемонии пролетариата над городской и деревенской беднотой, о новых формах пролетарской борьбы, о всеобщих стачках и баррикадной борьбе. Изучение гражданской войны, ее форм, ее течения, вот к чему призывает Каутский, вот в чем видит он богатый вклад, который может сделать русская революция в сокровищницу международной социал-демократической теории и практики.

Подменивание проблем гражданской войны—проблемами парламентской дипломатии, вопросов тактики—вопросами «тактичности», гегемонии—договорами—вот то опошление вопросов революции, которое Каутский нашел бы на страницах писаний признанных «теоретиков» российской социал-демократии, тов. Плеханова, Аксельрода и К⁰.

Не у них приходится искать ответов. Теоретики революционного крыла германской социал-демократии, подвинутые к самостоятельному изучению русской революции серьезностью и интернациональным характером ее проблем и в процессе этого изучения освобождающиеся от гипноза наших «старейших и достойнейших», приходят нам на помощь.

За К. Каутским—Р. Люксембург.

Перед нами ее последняя работа, написанная по поручению комитета гамбургской с.-д. организации, посвященная как раз проблемам гражданской войны в России и одному из ее главных вопросов—всеобщей стачке [2]).

Роза Люксембург, правда, ограничивает свою задачу: она изучает лишь гражданскую войну городов, за пределами ее изучения остается гражданская война в деревне, борьба помещика и «мужика». Но эта борьба, хотя и нуждается в детальном из-

[1]) „Письма о тактике и бестактности"—таково название статей, которые Г. В. Плеханов писал в 1906—1907 г.г. против большевиков. Основная мысль этих статей: большевики своей „бестактностью" отпугивают буржуазию вместо того, чтобы искать с ней соглашения.

[2]) Р. Люксембург. Всеобщая стачка и немецкая социал-демократия. СПБ 1907 г. Переиздана в 1919 г. П.С.Р. и К.Д. Эта работа Р. Люксембург до сих пор остается лучшим истолкованием значения массовой стачки не только для периода 1905—1906 г.г., но и для эпохи 1912—1914 г.г., когда массовая стачка вновь стала главным орудием пролетарской борьбы в России. Тогда же возобновились наши споры с меньшевиками о значении этой формы борьбы. См. подробнее ниже в отделе „На пороге новой революции", статьи: „Политическая стачка в России"; „О стачках", „Рабочие стачки в 1913 г." Прим. к наст. изд.

учении, не представляет того интереса, не порождает в общем тех вопросов, разрешение которых так важно для тактики с.-д.

Связь «экономики» и «политики», социальный характер борьбы в деревне так ясен, что никто еще в среде революционных партий не пытался подменить в этой области вопросов гражданской войны вопросами «изоляции реакции», «соглашений», и подставить под требования крестьянской бедноты—требования «обще-национальные», общие—капиталистическому хозяйству либерального помещика и революционного крестьянства. Кадетская политика в этом вопросе встретила вполне определенное отношение к себе со стороны всех революционных партий. И, быть может, только эн-эсы (народные социалисты), занявшие тут то же положение, которое правое крыло социал-демократии—«меньшевики» заняли в городе, запутавшись между классовыми требованиями пролетариата и требованиями «обще-национальными», быть может, они только нуждаются в чем-нибудь, подобном брошюре Люксембург.

Не то в городе. Непримиримость классовых делений и рядом с этим общая цель для сегодняшнего дня двух крупнейших образований города—пролетариата и буржуазии—создают здесь такую политическую конъюнктуру, в которой тщетно бьется мысль наших оппортунистов. Тут именно создается почва для подмена социальной борьбы двух классов капиталистического общества борьбой капиталистического общества целиком с самодержавием. Тут именно создается возможность для маниловских мечтаний о средней линии взамен конкуренции двух методов борьбы с абсолютизмом. Тут возможны красивые слова о «договорах» на предмет «изоляции» реакции, тут находит себе сочувственную аудиторию в лице представителей мелкой буржуазии, шатающейся между либеральной буржуазией и социалистическим пролетариатом, плач о «бестактностях», «резкостях» и прочих грехах пролетариата. Здесь, наконец, существует довольно сильная прослойка, все участие которой в политической жизни выражается в постоянном стремлении затушевывать социальную, классовую борьбу в городе и выдвигать вперед «общие цели». Эта прослойка политически объединяет левого кадета и правого социал-демократа, питаясь буржуазным радикализмом первого и оппортунистическим демократизмом последнего.

Заслуга Р. Люксембург в том и заключается, что она вскрыла классовый характер политической борьбы в городе и непреложно доказала для всей русской городской революции экономическую основу политических выступлений рабочего класса. Посвятив добрую треть своего исследования анализу массовых ста-

чек—этой главной формы политической и экономической борьбы русского пролетариата с 1896 по 1906 г.г..,—Р. Люксенбург пришла к выводу о невозможности разграничить в них политический и экономический момент. «Массовые стачки,—пишет она,—совершенно незаметно переходят из экономических в политические, при чем почти невозможно провести границу между теми и другими... Движение в общем происходит не только в направлении от экономической к политической борьбе, но и обратно. Достигнув своего политического апогея, каждое крупное политическое выступление масс переходит в бесконечный ряд экономических стачек». Эта характеристика течения массовых политических стачек совершенно совпадает с тою, которая в начале 1905 года дана была в первом тактическом листке: «Бюро Комитетов Большинства» [1]). Б. К. Б. рекомендовало организациям «стремиться к использованию остаточной энергии замирающей и дробящейся массовой политической стачки для экономической борьбы там, где это может дать какой-нибудь успех». «Это относится к каждой отдельной крупной массовой стачке и ко всей революции в целом», говорит Р. Люксембург. Этот вывод заслуживает того, чтоб его заучили и продумали все любители толковать об «общих» целях буржуазии и пролетариата в русской революции.

Каждое крупное выступление пролетариата имеет своим непосредственным поводом экономическую борьбу с буржуазией. Каждое крупное выступление пролетариата на политическую арену имеет своим логическим концом экономическую борьбу с буржуазией. Вся история массовых стачек в России доказывает, что их содержанием является классовая борьба пролетариата **против** буржуазии. **Социальный раскол** между наемным трудом и капиталом—вот действительное содержание городской **политической** революции. Затушевывание этой социальной базы политической революции не усиливает, а обессиливает ее. Условия «изоляции реакции» находятся не в той плоскости, где ищут их наши оппортунисты, не на пути ослабления между-классовой борьбы для возвышения «общей» борьбы с «общим» врагом. Максимум политической энергии при борьбе с этим врагом развивается не при замазывании социального раскола пролетариата и буржуазии, а при расширении его; он зависит не от «тактичности» пролетариата по отношению к буржуазному либерализму, а от тактики расширения классовой борьбы между

[1]) „Бюро Комитетов Большинства“ было создано в начале 1905 г. совещанием партийных комитетов, стоявших на точке зрения большевиков, в противовес Центральному Комитету, оказавшемуся в руках меньшевиков. Вплоть до III-го с'езда „Бюро Комитетов Большинства“ играло роль Центрального Комитета большевиков.

пролетариатом и теми слоями общества, где лежат корни буржуазного либерализма. Настойчивость либеральной оппозиции, ее энергия в борьбе с абсолютизмом находится в зависимости только и исключительно от энергии и настойчивости пролетариата в борьбе с ней самой. Для развития революции «требуется. чтоб не только народные массы, но и буржуазные слои пробудились, познали себя и пришли к своему классовому сознанию. Но ведь они могут образоваться и достигнуть зрелости не иначе как в борьбе... в столкновении с пролетариатом, в постоянном трении между собой». Политические победы над самодержавием лишь отражение этого процесса классовой борьбы пролетариата и буржуазии. Поистине, кабинетской выдумкой, политической маниловщиной являются попытки заменить этот исторический процесс, это действительное содержание революции рассуждениями, взятыми хотя бы из хороших книжек о силе общенационального натиска, арифметикой первых двух действий. «Общенациональный» натиск создается не договорами, соглашениями и «тактичностью», не урезыванием пролетарской борьбы (см. Череванина и Плеханова — с полновластной Думой) и пролетарских требований (см. весь меньшевизм), не устранением «на время» экономической борьбы (см. г. Васильева), а усилением натиска пролетариата на буржуазию [1]). Политическая арифметика не столько доказывает, что общее действие партий либеральной и пролетарской сильнее, чем каждой из них в отдельности, а скорее, что первая развивает свою максимальную силу против «общего» врага при максимальном напряжении чисто-классовой тактики последней. Так говорят факты; это должны признать серьезные исследователи русской революции, об этом почти в одинаковых словах говорят и русские революционные социал-

[1]) В конце 1906 г., накануне избирательной кампании во II-ю Гос. Думу, Череванин—первый из меньшевиков—выступил в меньшевистском еженедельнике „Наше Дело" с предложением снять с очереди тогдашний программный лозунг социал-демократов—Учредительное Собрание, как *слишком революционный*. Вслед за тем Плеханов предложил заменить лозунг „Учредительное Собрание" лозунгом „Полновластная Дума", как облегчающим соглашение с кадетами. Васильев, старый социал-демократ, идя по тому же пути и в тех же целях облегчения соглашения с кадетами, предложил партии отодвинуть на задний план свое руководство экономической борьбой пролетариата против буржуазии. Все эти выступления Плеханова, Череванина и Васильева были встречены громкими похвалами кадетов, в частности Милюкова. Но похвалив их за „умеренность", „реализм" и „государственный разум", кадеты на соглашение все же не пошли: они чувствовали себя достаточно сильными и без „коалиции" с меньшевиками, а с другой стороны, знали бессилие меньшевиков среди рабочих, которые шли за большевистскими лозунгами. О фактическом ходе избирательной кампании и позиции различных партий в ней см. ниже статью „Блок вчерашнего дня". *Прим. к наст. изд.*

демократы-большевики, и Каутский, и Люксембург. Этого не хотят признать русские оппортунисты. Тем хуже для них.

Здесь мы не можем исчерпать и десятой доли богатого содержания брошюры Люксембург. Ее должен прочесть всякий социал-демократ, желающий подвести итоги прошлому и действительно понять глубину наших разногласий. Много товарищей усвоили себе привычку демонстрировать глубину своего понимания русской революции,—походя ругая свою партию, но немногие пытаются учиться у русской революции. Немецкие товарищи делают это лучше нас. И в ответ на все нападки, как лекарство против упадочных настроений, охвативших часть нашей партии, мы могли бы только сказать: учитесь у революции...

Остановимся еще на одном вопросе.

И революционное крыло русских с.-д. и западно-европейские социал-демократы не устают указывать на своеобразие русской революции, на то, что, буржуазная по своему непосредственному экономическому содержанию, революция производится прежде всего современным, обладающим классовым сознанием пролетариатом и происходит в международной среде, стоящей под знаком распадения буржуазной демократии. «Буржуазия, — пишет Люксембург,—не является уже передовым революционным элементом». Эти положения, от которых уже нельзя отмахиваться, эти исторические факты, для которых не найден еще «шаблон», вызывают у наших «правых» лишь печальные сожаления и попытки аптекарскими методами излечить слабосильную буржуазию: не пугайте ее, не расстраивайте, не махайте перед ней своим знамением—вот то новоявленное политическое знахарство, которое не устают насаждать у нас Плехановы, Череванины и пр.

Люксембург не боится пугать буржуазию и не отказывается ради доброй цели кого-то не испугать от изучения своеобразия русской революции. «В этой формально буржуазной революции противоречие между пролетариатом и буржуазным обществом,—пишет она,—господствует над противоречием между буржуазным обществом и самодержавием, удары пролетариата с одинаковой силой направлены и против устаревшей политической формы и против капиталистической эксплоатации (курс. наш)». Этот анализ несомненно может напугать наших либералов—это так...—но, что делать—этот же анализ указывает нам, большевикам, наши дальнейшие шаги. В специфических политических условиях русская рево-

люция является скорее первым предвестником новой серии пролетарских революций Запада, чем последним отзвуком прежних буржуазных революций. Раз это так, то соц.-дем. остается не путаться в ногах истории с сожалениями о слабосильности буржуазии и пр., а делать свое дело — вождя пролетариата и авангарда революции.

«Давать пароль, направление борьбе, приспособлять тактику политической борьбы так, чтобы в каждый фазис, в каждый момент борьбы реализовалась вся сумма полной, свободной активной мощи пролетариата, чтобы она выражалась в боевой позиции партии; следить за тем, чтобы тактика соц.-дем. по своей решимости и определенности никогда не стояла ниже действительного соотношения сил, а наоборот, всегда стояла впереди». Тов. Люксембург в этих словах имеет в виду собственных ревизионистов и оппортунистов, мы имеем в виду своих. Революционная соц.-дем. с помощью русской революции бьет оппортунистов соц.-демократ. по всему флангу. А русская революция сама бьет российских оппортунистов. Российские оппортунисты борятся с этим, отставляя от понимания русской революции з.-европейских революционных соц.-демократов. Они отставили Каутского. Теперь Роза Люксембург. Бедные меньшевики... Не придется ли им отставить себя от дела пролетариата в русской революции. Пусть в предотвращение этого они учатся ее понимать.

Назначенный на апрель 1907 г. V с'езд партии заставил и большевиков и меньшевиков подвести общие итоги опыта первой русской революции. Открытая гражданская война продолжалась уже два года, если началом ее считать 9-е января 1905 г. Русский рабочий класс имел за собой ряд политических и экономических стачек невиданного до тех пор размаха, ряд вооруженных восстаний (Москва, Прибалтика, Кавказ, Сибирь), широкое движение в крестьянстве и в войсках (Потемкин, Свеаборг, Кронштадт), первый опыт Совета Рабочих Депутатов, наконец, опыт созыва и разгона 1-ой Гос. Думы. Самая подготовка с'езда шла в атмосфере созыва II-ой Гос. Думы, в избирательной кампании в которую партия приняла энергичное участие. Каждый из отмеченных фактов и вся их совокупность вызывали диаметрально-противоположные оценки со стороны меньшевиков и большевиков. В рамках об'единившейся в апреле 1906 г. на Стокгольмском с'езде партии жили по существу две партии, каждая со своей особой тактикой, со своими литературными и организационными центрами. К предстоящему с'езду готовились, путем выработки двух „платформ" и борьбы за них на каждом собрании. „Платформы" эти представляли сумму резолюций по всем основным вопросам революции. Платформа большевиков выработана была к середине февраля на ряде собраний редакции „Пролетария" с рядом практиков-большевиков. Для пропаганды своих резолюций большевики издали два выпуска сборника „Вопросы тактики" со статьями т. Ленина, Линдова и др. Обоснование защита нашей резолюции „о классовых задачах пролетариата в современный

момент демократической революции" были выполнены мной в перепечатываемой ниже статье, которая сообразно важности темы для обоснования всей большевистской тактики превратилась в сопоставление основных позиций большевиков и меньшевиков во всем процессе первой русской революции и как бы подводит общий теоретический итог „нашим разногласиям" на исходе первой революции. Этот итог сформулирован так: „меньшевизм окончательно превращается в орудие подчинения пролетариата общедемократическим задачам буржуазии; меньшевизм неминуемо приводит к склонению знамени классовой борьбы пролетариата перед знаменем общедемократической борьбы". Эта формулировка дана на исходе первой русской революции весной 1907 г. Вся история меньшевизма с 1907 по 1917 и с 1917 по 1922 г.г. только подтвердила и ярче, понятнее для миллионов рабочих демонстрировала правильность этой характеристики.

Защита большевистской линии дана в этой статье в форме полемики с Мартовым потому, что Мартов в то время был и долго еще оставался наиболее тонким и искусным, а потому и наиболее опасным фальсификатором марксизма, как никто умевшим облекать либеральную политику в марксоподобные формулы и схемы. В то время, как издавался наш сборник „Вопросы тактики", перед глазами русских рабочих вообще и петербургских рабочих в особенности находились не только теоретические рассуждения г.г. Мартовых, но и практический опыт проведения ими своей политики на выборах во II-ую Гос. Думу от Петрограда. Этот опыт важен потому, что тут меньшевики и эс-эры на деле, наглядно показали свою зависимость от кадетов, свою тягу к блоку с кадетами, свою анти-пролетарскую и анти-революционную природу. Теперь после опыта 1917—1922 г.г. это не требует доказательств, но характерен и заслуживает быть отмеченным тот факт, что уже первый опыт открытой борьбы партий на широкой арене за 10 лет до революции 1917 г. ясно вскрыл эти основные черты меньшевиков и эс-эров, и что это тогда же было показано и заклеймено перед лицом рабочих большевиками. Перепечатываемая ниже статья „Блок вчерашнего дня" напоминает кратко историю этого меньшевистско-эс-эровского соглашения с кадетами против рабочих в 1907 г., рассматривая это соглашение как иллюстрацию общей характеристики меньшевиков, данной в предшествующих статьях.

Немногие, вероятно, знают, что в нашем списке, который выставила, вопреки налаживавшемуся блоку кадетов, эс-эров и меньшевиков, большевистская питерская организация, фигурировал — по Выборгскому району — т. Ленин, живший тогда нелегально в Финляндии, под Питером, и что этому списку не хватило нескольких сот сбитых с толку кадетами и меньшевиками голосов, чтобы победить. В результате эс-эровско-меньшевистской политики тогда в Петербурге победили кадеты, как победили бы они и в 1917 и в 1918 г.г., если бы пролетариат послушался меньшевистских советов. Характерно, что в этом маленьком прологе к грядущим великим битвам — мы встречаем те же фигуры, которые сыграли решающие роли и в 1917—1920 г.г. Как и в 1917—1920 г.г., в 1907 г. по одну сторону баррикады стоит революционный пролетариат во главе с большевиками, а по другую—кадеты: Милюков, Набоков, Винавер, н.-с.: Пешехонов, Мякотин, Петрищев; член Ц. К. эс-эров Якобий-Гендельман; меньшевик Дан, главный, хотя и закулисный организатор „блока" 1907 г., — все виднейшие члены коалиции 1917 г. Не только та же политика, но—как бы для наглядного обучения!—все те же имена. Решительное сопоставление обеих тактик произошло на Лондонском, пятом с'езде партии. Этому столкновению посвящена последняя статья этого отдела. Она рисует положение партии в момент падения первой революционной волны 1905—1907 г.г. и накануне полного торжества столыпинской контр-революции.

КЛАССОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ [1]).

1. „Еще одно разногласие“.

Тов. Л. Мартов в своей статье «Перед четвертым съездом» [2]) пришел к выводу, что большевистская «резолюция о классовых задачах пролетариата» вскрывает «еще одно существенное разногласие, которому суждено, вероятно, играть все большую роль с развитием революции». Мартов прав. Разногласие здесь— чрезвычайно существенно, и мы сказали бы только, что это существенное разногласие не только будет, «вероятно, играть все большую роль», а что оно уже теперь лежит в самой основе наших споров и, наверное, сыграет определяющую роль в ходе и исходе этих споров.

Действительно, ведь, определить и определить конкретно классовые задачи пролетариата в данный момент,—это значит в громадной степени предопределить тактику социал-демократии для данного момента. Ведь, если т. Мартов согласится с нами, что политика и тактика социал-демократической партии определяется для данного момента тем или другим пониманием классовых задач пролетариата в данный момент, то ему не трудно будет сообразить, что и различие между тактикой «меньшевизма» и «большевизма» лежит в области различного понимания не вопроса о «вооруженном восстании», не вопроса даже «об оценке момента», и уж, конечно, не вопроса о проценте

---

1) Сборник „Вопросы тактики“, в. I, Спб. 1907 г.

2) „Отголоски“, в. V.—„Отголоски“ меньшевистский журнал, издававшийся в начале 1907 г. Мартов назвал свою статью „Перед четвертым с‘ездом“ по фракционным соображениям: меньшевики не хотели считать третьим с‘ездом партии с‘езд 1905 г., на который они не явились. На самом деле, в статье идет речь о предстоящем пятом с‘езде, которой состоялся в Лондоне в апреле—мае 1907 г. Меньшевики именуются в статье „товарищами“ в силу того, что партия в те времена сохраняла формальное единство.

помещиков, голосовавших за к.-д. на последних выборах, а именно — вопроса о классовых задачах пролетариата в буржуазной российской революции вообще и в данный момент ее развития в частности. Если бы это соображение об основном значении вопроса о «классовых задачах» для наших разногласий пришло в голову Мартову своевременно, то он, конечно, поостерегся бы демонстрировать свое непонимание кардинальнейших проблем, разъединяющих российскую социал-демократию, делая свое открытие, что-де вскрывается «еще одно» разногласие, которому суждено «вероятно» играть роль... Если бы Мартов не только пытался утопить «большевизм» в ложке желчи, если б он стремился в своей полемике не только побить рекорд на «злобность», а потрудился бы выяснить сущность «большевизма» в его «противоречиях» с классовыми интересами пролетариата, то ему, конечно, пришлось бы итти тем путем, которым идут «большевики», и который единственно возможен для марксиста, т.-е. выводить разногласия о вооруженном восстании, об отношении к буржуазным партиям и пр. из различного понимания «классовых задач пролетариата». Тогда бы только Мартову удалось то, над чем он безуспешно бьется вот уже в нескольких своих статьях— вскрыть внутреннюю логику «большевизма». А логика эта заключается не в чем ином, как в постоянном стремлении строить пролетарскую тактику и политику на анализе тех общественных условий, в которых пролетариату приходится вести борьбу за реализацию своих классовых задач.

Только то или иное понимание объективно - выдвинутых в данный момент перед пролетариатом, как классом, задач определяет тактику социал-демократии,—говорит «большевизм», а Мартов видит в этом «еще одно» разногласие. Ревизионизм всегда видел в стремлении ортодоксального марксизма свести споры к их корню, к различному пониманию классовых задач пролетариата—«еще одно» разногласие на - ряду с десятками других—и всегда умудрялся это разногласие «вскрывать» последним.

В дальнейшем мы будем говорить не об «еще одном» разногласии, усмотренном Мартовым, а об основном разногласии и вместе с тем и основном вопросе российской социал-демократии.

2. Самостоятельность вождя или „самостоятельность“ пассивного участника?

Классовые задачи пролетариата могут быть им сознаны и реализованы лишь в той мере, в какой сам пролетариат становится классом. Только в процессе формировки массы наемных рабов капитала в рабочий класс, только в процессе сплочения пролетариата в самостоятельную рабочую партию, только

в той мере, в какой в движении пролетариев выделяются и отстаиваются общие интересы всего пролетариата и на различных стадиях развития рабочей борьбы—общие интересы движения в целом[1])—только в этом процессе и в этой мере решаются классовые задачи пролетариата. Вот первая и основная мысль «большевистской» резолюции.

Какие бы преграды ни ставил буржуазный и общенациональный характер российской революции процессу выделения рабочего класса, как бы ни стремилась в общем эта революция использовать пролетариат не как самостоятельный класс, а только как элемент буржуазного общества—процесс формировки рабочего класса не может остановиться, и самые противоречия современной буржуазной революции, революции не XVIII, а XX века, не могут не питать этого процесса.

Формировка рабочего класса, как самостоятельной социально-политической силы, противостоящей всем другим общественным группировкам, силы—с своими тенденциями развития, с своей программой и своей тактикой, с своими методами ликвидации до-капиталистических остатков и с своим методом использования столкновения феодального и буржуазного общества—такова та канва, по которой вышита большевистская резолюция.

Ничего не понял в «большевизме» тот, кто не усмотрел в нашей резолюции этой ее основы. И заранее обречен на далекое, очень далекое отклонение от социал-демократизма тот, кто попытался бы строить классовые задачи пролетариата чисто-рационалистическим путем, не базируясь на этом основном движении российского пролетариата, на процессе его выделения, как класса.

Но партийные резолюции пишутся не для того, чтобы заменять социологические этюды. Резолюции политической партии—не тезисы политического исследования. А потому и задачей рассматриваемой резолюции было не столько и, во всяком случае, не только констатировать этот процесс, не только демонстрировать отношение социал-демократии—сознательной выразительницы этого процесса—к нему, но, прежде всего, указать те условия, при которых этот процесс достигает максимального развития, и ту роль в современной революции, работая над которой пролетариат быстрейшим и экономнейшим образом идет к выделению себя, как класса, из буржуазной нации.

[1]) Подчеркнутые слова взяты из „Ком. Ман.“.

Совершенно недостаточно, если идеологи пролетариата, или покушающиеся на эту роль, будут в своих статьях, речах и резолюциях упражняться в склонении имен существительных с именами прилагательными, бесконечно повторяя во всех падежах «самостоятельный класс», «классовый», «классовый», «классовый»;—только в живом политическом деле, реагируя с своей точки зрения на все явления социально-политической жизни, пролетариат действительно растет, как класс. И социал-демократия только тогда исполнит свою задачу, когда ясно наметит ту позицию в этом живом деле—в революции, заняв которую, пролетариат получит возможность наполнить свою деятельность широким, всеобъемлющим классовым содержанием.

Наша резолюция именно это и делает. Но все ли с.-д. хотят это сделать? Все ли пытаются показать, каким конкретным содержанием может быть заполнена «классовая деятельность пролетариата в современной демократической революции»?—Нет!

«Меньшевики уже давно формулировали, как первую (курс. наш) задачу пролетариата в буржуазной революции—борьбу за свою классовую самостоятельность»... Так пишет Мартов.

Наша резолюция спрашивает, какая позиция в буржуазной революции обеспечивает пролетариату наибольшее развитие его классовой деятельности; в ответ нам преподносят «классовую самостоятельность» в винительном падеже.

Наша резолюция говорит, «классовая самостоятельность» дается лишь в результате определенной роли класса в перипетиях социально-политической борьбы и указывает на определенные задачи, как на такие, в процессе осуществления которых классовая самостоятельность пролетариата становится неизбежным фактом; наша резолюция говорит: поставив в центр эти задачи, пролетариат «обеспечивает» себе «в наибольшей степени» возможность поднять его социально-экономическое положение, всесторонне развить его классовую деятельность».—Нам отвечают: «в противоположность жоресистско-бланкистской (?!) тенденции большевизма меньшевики давно формулировали»: классовая задача пролетариата в современный момент демократической революции—это борьба за классовую самостоятельность!

Наша резолюция пытается, худо ли, хорошо ли, формулировать объективное содержание классовой борьбы пролетариата в данный момент, наметить вытекающие из данного содержания этой борьбы задачи партии, а этому противопоста-

вляется голая и пустая форма—классовая самостоятельность, под которой подпишется, именно в силу ее пустоты, любой буржуазный профессор-объективист, любой демократический российский «политик», из породы тех, кто готов признать всяческую «самостоятельность» пролетариата, когда из этой «самостоятельности» вынуто конкретное содержание пролетарской политики.

И именно то упорство, с которым конкретному содержанию классовой борьбы пролетариата в данный момент (как понимает его большевистская резолюция,—роли руководителя демократической революции) противополагается пустая форма—борьба за классовую самостоятельность,—заставляет нас поближе присмотреться к политическому смыслу этого противоположения.

А смысл здесь может быть только один: фразой о классовой самостоятельности стремятся прикрыть неумение (или нежелание?) указать дело, на котором «самостоятельность» отливалась бы в социально-политический факт. Не умея нащупать роль пролетариата в буржуазной революции, боясь пролетарской гегемонии в буржуазной революции, как ступени к... «захвату власти» (вспомните Мартыновские «Две диктатуры»), не находя почвы в фактическом ходе революции для подтверждения излюбленной идейки о позиции «постоянной оппозиции» пролетариата в такой революции, где нет другой руководящей силы, кроме него,—меньшевизм «классовую самостоятельность» противополагает ее фактическому содержанию, выдвигая ее не более не менее, как против идеи пролетарской классовой борьбы за доведение революции до конца.

И, конечно, много откровеннее был т. Миров, когда на московской обще-городской конференции заявил, что пролетариат не может играть роли руководителя современной революции и не должен к этому стремиться. Это было вполне ясно, и это вскрывало смысл меньшевистской «классовой самостоятельности».

Дальше. Слова, что «первой задачей пролетариата в буржуазной революции является борьба за свою классовую самостоятельность», заставляют поставить еще ряд вопросов. Ведь «борьба» подразумевает того, кто борется, того, с кем борются, формы и цель борьбы.

И вот вопрос—с кем должен бороться пролетариат за свою самостоятельность? Конечно, с тем, кто стремится эту его самостоятельность ограничить или совсем исключить ради подчинения пролетариата своим целям. В русской буржуазной революции, как и во всякой другой несоциалистической революции, это пытаются сделать все буржуазные партии. А материаль-

ной основой этих попыток является недостаточное развитие классового сознания среди отсталых слоев самой рабочей массы. Таким образом в ответ на вопрос—с кем предлагает Мартов «бороться» пролетариату за свою классовую самостоятельность—ответ может быть только один: с отсталыми слоями рабочей массы, с слабым развитием классового сознания этих слоев.

Формула Мартова гласит, что эту борьбу должен вести пролетариат. Но мы не сделаем большой ошибки, если скажем, что эту борьбу может и должна вести, прежде всего, социал-демократия, как передовой, наиболее сознательный отряд рабочего класса.

Наконец, форма подобной «борьбы» может быть только одна—пропаганда социал-демократических идей и пропитывание ими рабочих масс на конкретных фактах политической жизни.

Мы дешифрировали формулу меньшевизма—«первая задача пролетариата в буржуазной революции—борьба за свою классовую самостоятельность». В переводе на общепринятый язык это значит не что иное, как то, что «первой задачей социал-демократии в буржуазной революции является пропаганда, а также практическое демонстрирование и т. п. идей классовой самостоятельности среди широких рабочих масс». Это, конечно, не ново, но истина, здесь заключающаяся, настолько ценна, что нельзя ничего иметь против ее повторения. Однако речь у Мартова шла ведь не о задаче социал-демократии, а об объективных задачах пролетариата в данной революции. А потому, что же собственно произошло тут? Да только то, что классовые задачи пролетариата, его роль в буржуазной революции подменены задачами и ролью того лекторского, пропагандистского или литераторского кружка, к которому принадлежит т. Мартов; только то, что анализ форм социально-политической борьбы пролетариата подменен анализом идейной борьбы т. Мартова с эсерами и большевиками. Наконец, все это свидетельствует лишь о том, что, не решаясь прямо формулировать свое отрицательное отношение к задаче пролетариата—быть вождем демократической революции, меньшевизм выдвигает «классовую самостоятельность» лишь для прикрытия того объективного факта, что меньшевистская «самостоятельность» есть лишь самостоятельность «пассивного» (самостоятельно-пассивного!) участника революции, плетущегося в хвосте буржуазии, та «самостоятельность», обратной стороной которой является сотрудничество с буржуазией, та «самостоятельность», право на которую, из вполне понятного политического расчета, готовы были признать за пролетариатом

и демократы типа г.г. Кусковой, Прокоповича и пр., вплоть до либералов, до г. Струве.

«Борьба за классовую самостоятельность» в устах меньшевизма это—не более, как протест оппортуниста против фактической роли пролетариата в русской революции, испуганный окрик мещанина на пролетариат, идущий к гегемонии. И когда Мартов с хорошо инсценированным трагизмом вопиет: «об этой задаче в большевистском проекте—ни слова»,—то мы можем с спокойной совестью сказать: да, о брентанистско-кусковской «самостоятельности» пролетариата мы предоставляем говорить вам, т.т. меньшевики, когда криками о победной самостоятельности вам приходится прикрывать отказ от той роли пролетариата, которая в данный момент единственно гарантирует ему действительно-классовое *содержание* его борьбы.

Мы же оставляем за собой право думать, что «борьба за свою классовую самостоятельность» (поскольку в этой формуле действительно есть смысл) для пролетариата *немыслима* вне широкой, в национальном масштабе ведущейся экономической и политической «самостоятельной классовой борьбы». Объективные задачи этой борьбы и намечает наша резолюция.

3. Что значит „использовать“ буржуазную революцию в интересах пролетариата?

В начале второй главы мы наметили ту канву, на которой построена большевистская резолюция о классовых задачах пролетариата. Эта канва—формировка рабочих масс в класс. Этот процесс для *российского* пролетариата и *в данный момент* происходит в обстановке демократической, буржуазной революции. Перед пролетариатом, в силу объективных тенденций его развития, встает, таким образом, задача занять такое положение в революции, чтобы, с одной стороны, в самом процессе ее *выделить* себя из «нации», чтобы, с другой, обеспечить себе в ее результатах максимум завоеваний, т.-е. отвоевать наиболее широкую арену для борьбы за социализм.

Нетрудно видеть, что независимо от тех или иных резолюций, съездов и пр., пролетариат самым своим положением толкается на этот путь. Анализ пролетарского движения в России легко вскроет, что по существу своих основных, социально-экономических интересов пролетариат движется именно в этом направлении. Пролетариат пробует наложить на процесс постройки «нормального» буржуазного общества свою руку, стре-

мится извлечь максимум завоеваний **для себя** в процессе ломки старого строя и самыми своими победами и поражениями, самым стремлением обеспечить себе этот максимум толкается к противопоставлению себя, как класса, всем другим классам общества. своей программы ломки старого и постройки нового всем другим программам. В этом противопоставлении и в этой борьбе в области экономической и политической и состоит стихийный процесс формировки класса.

С другой стороны, нельзя не видеть, что оба основные процесса—выделение пролетариата из буржуазной «нации» и реализация в результате возможного максимума **своих требований**—только две стороны одной медали.

Ибо нет у пролетариата других методов обеспечить себе наиболее полное использование буржуазной революции, как только свое собственное сплочение в класс, как только выделение себя, как самостоятельного целого, из ряда других общественных группировок и противопоставление себя им.

И нет другого метода сплочения пролетариата в класс, как только максимальное его участие в происходящей революции.

Российский пролетариат не использует российской буржуазной революции, не выделяя себя в самом ее прцессе, и не выделит себя, как класс, не вмешиваясь и не вмешиваясь каждодневно в самую гущу современной борьбы.

Таковы стихийные тенденции пролетарского движения, питаемые буржуазной революцией, происходящей в атмосфере развитой борьбы труда с капиталом. Какова задача социал-демократии относительно этого процесса? Да постоянная ее задача—задача осмыслить этот процесс, осветить пролетариату лежащий перед ним путь и помочь пройти его наиболее экономным образом.

Итак, что значит «использование» пролетариатом буржуазной революции, как должно быть сформулировано это стремление пролетариата, чем может явиться это «использование» с точки зрения общих, классовых интересов пролетариата? Наша резолюция отвечает:—**действительно** использование буржуазной революции для пролетариата не может означать ничего иного, кроме завоевания наиболее широкой арены борьбы за социализм. С точки зрения пролетариата, его интересы в буржуазной революции получат тем больше осуществления, чем шире рамки, созданные в исходе буржуазной революции, рамки классовой борьбы.

Итак, «классовые интересы пролетариата в буржуазной революции требуют создания условий наиболее успешной борьбы против имущих классов за социализм» (§ 2 резолюции).

Эта формула есть, с одной стороны, марксистская формулировка единственного пути *действительного* использования пролетариатом и в интересах пролетариата буржуазной революции, представляя, с другой стороны, протест против всяких попыток подменить интересы пролетариата в данной исторически-ограниченной сфере радикальным утопизмом перманентной революции, социализации фабрик и заводов и пр.

Условия наиболее успешной борьбы пролетариата «против имущих классов за социализм» по существу заключают в себе два момента: объективный, в смысле тех «условий», которые ставятся данной степенью развития производительных сил, и субъективный, в смысле тех «условий», которые даются степенью развития классового сознания и классовой сплоченности пролетариата.

Гарантии «наиболее успешной борьбы... за социализм» коренятся именно в этих двух условиях. И эти-то гарантии и формулированы в двух дальнейших пунктах резолюции.

Раскрывая смысл «условий успешной борьбы», резолюция говорит (§ 3): «единственным возможным способом создания и *обеспечения* этих условий является... завоевание демократической республики... и необходимого для пролетариата минимума социально-экономических приобретений (*8-мичасовой раб. день и другие требования с.-д. программы-минимум*) (курсив наш). Итак, в чем большевистская резолюция видит первое «обеспечение» «условий успешной борьбы за социализм»?

Прежде всего, в таком развитии производительных сил, которое даст *объективную возможность* осуществления рабочей программы-минимум. Чем шире в результате *полного* торжества революции разовьются производительные силы, чем меньше развитие их будет стеснено остатками крепостничества, кадетскими мероприятиями (выкуп, 10-час. рабочий день, сохранение монархии и пр.) и плодами народнического прожектерства (уравнительность), тем шире будет арена классовой борьбы, тем лучше будет почва для закрепления «минимума социально-экономических приобретений», т.-е. опорных базисов для борьбы за социализм. Наибольшее развитие производительных сил и осуществление на этой почве политической и экономической программы-минимум рабочего класса—таково первое обеспече-

ние «условий наиболее успешной борьбы за социализм», которого добивается пролетариат, принимая участие в буржуазной революции.

Второе обеспечение этой борьбы заключается в том, чтоб из процесса буржуазной революции пролетариат вынес максимум классового сознания, классовой самостоятельности и широкий опыт классовой деятельности. Ибо при широком развитии производительных сил степень классового сознания широких рабочих масс будет определять и степень успешности его борьбы за социализм.

Наша резолюция, намечая роль, которую пролетариат должен играть в русской революции, указывает именно ту роль, которая «обеспечивает в наибольшей степени пролетариату возможность поднять его социально-экономическое положение, всесторонне развить его классовое самосознание и развернуть его классовую деятельность не только в экономической, но и в широкой политической области» (§ 5).

Только тогда, когда пролетариат в процессе буржуазной революции будет выделять себя, как класс, будет сплачиваться в особую, классовую самостоятельную рабочую партию, в той мере, в какой в этом процессе он разовьет свое классовое сознание и воспитает в себе привычки и навыки классовой самостоятельной деятельности и борьбы, и в области экономической, и в области политической—только тогда и только в этой мере использует пролетариат буржуазную революцию, т.-е. в конечном счете обеспечит себе условия наиболее широкой борьбы за социализм.

Таковы предпосылки большевистской резолюции и этими предпосылками, конечно, недоволен т. Мартов. Впрочеем, это—специальность этого товарища и удивляться его недовольству нечего.

«Если классовые задачи пролетариата в данный момент сводятся к доведению до конца демократической революции, то в них нет ничего классового». Таково главное соображение Мартова. Очень хорошо! Но, во-первых, мы считали бы... ну, неудобным что ли, приписывать резолюции то, чего в ней нет, до тех пор, хотя бы, покуда авторы ее еще держат перо в руках. «Классовые интересы требуют...», как говорит наша резолюция, не все равно, что «классовые задачи сводятся», как хочется приписать нам т. Мартову.

А затем обратите внимание на дальнейшие слова Мартова: «Для успеха борьбы за социализм мы нуждаемся лишь (кур-

сив Мартова) в доведении нынешней революции до полной победы принципа народовластия и до завоевания важнейших социальных реформ, нужных пролетариату»,—язвит нас Мартов. Надо полагать, что наше понимание социального содержания формулы «доведения революции до конца» достаточно ясно выражено в резолюции, если даже Мартов не смог этого скрыть[1]). И вот вопрос, понимает ли Мартов, что подобное ее содержание в качестве необходимой предпосылки подразумевает развитие производительных сил. Понимает ли Мартов, что задача «доведения революции до конца» кроет в себе не только прямо положительные, но и чисто отрицательные задачи, сводящиеся к борьбе пролетариата с попытками «мелкого хозяйчика» внести в эту формулу такое содержание, которое фактически противоречило бы развитию производительных сил, а, следовательно, было бы не «доведением до конца», а, вольной или невольной, постановкой преград на пути «завоевания важнейших социальных реформ, нужных пролетариату».

Может быть, теперь Мартов поймет, каков смысл тех двух пунктов нашей платформы, где мы, видя единственного возможного союзника пролетариата в деле «доведения до конца революции» в мелкой буржуазии, т.-е. в крестьянстве, в то же время говорили: «социал-демократия должна... бороться с их (партиями мелкой буржуазии) стремлением затушевать классовую противоположность между пролетарием и мелким хозяйчиком»[2]). и поясняем, что «довести до конца демократическую революцию» пролетариат в состоянии только при том условии, если, ведя за собой массу крестьянства, он сумеет «придать политическую сознательность ее борьбе против помещичьего землевладения и крепостнического государства».

Все это Мартов может найти в разбираемой резолюции, в § 4. Что же обозначает ирония Мартова по поводу того, что «мы не добиваемся гарантии наибольшего развития производительных сил?» Да ничего не обозначает, кроме того, что Мартов не может уразуметь, какого «доведения до конца» требуют интересы пролетариата. А не понимая этого, меньшевизм всегда будет путаться в вопросе о классовых задачах пролетариата в буржуазной революции. А всякая путаница в этом вопросе

[1]) Правда, смог урезать, ибо резолюция ясно говорит, что для борьбы за социализм „мы нуждаемся“ не „лишь“ в этом, а еще и в сплоченном, развитом рабочем классе. Так что мартовское „лишь“ свидетельствует лишь об умении его не видеть того, что ему неудобно.

[2]) § 4 резолюции об отношении к буржуазным партиям.

бесконечно вредна для рабочего класса, ибо она не только не помогает пролетариату использовать в своих классовых интересах буржуазной революции, а помогает буржуазии использовать пролетариат.

Меньшевистская «путаница», по своему содержанию и есть только интеллигентское отражение этих попыток буржуазии. А теперь мы придем на помощь «путаникам» и возможно яснее сформулируем содержание и смысл разобранных нами пунктов резолюции большевиков.

Пролетариат стремится использовать процесс буржуазной революции. Действительно же использует он революцию, с точки зрения общих интересов пролетариата и общих интересов пролетарского движения в целом, лишь постольку, поскольку в ее процессе сам пролетариат выделится и обособится на своей классовой позиции, т.-е. сформируется, как класс (§ 5), и поскольку сама революция развернет все свои возможности, т.-е. создаст возможность наибольшего освобождения производительных сил буржуазного общества[1]), и тем даст почву для осуществления «необходимого для рабочего класса минимума социально-экономических приобретений» (§ 3). Подобного «использования» требуют классовые интересы пролетариата, ибо лишь совокупность этих условий дает широкую арену для «успешной борьбы против имущих классов за социализм» (§ 2). Наконец, подобное «использование» требует от пролетариата борьбы как с псевдо-социалистическими утопиями «мелкого хозяйчика», так и с его политической отсталостью (§ 4 резолюции «о партиях» и § 4 резолюции «о классовых задачах»).

4. Что значит „довести буржуазную революцию до конца"?

В конце третьей главы, пытаясь выяснить нашему почтеннейшему критику то социально-политическое содержание, которое сознательный пролетариат вкладывает в слова «использование буржуазной революции в интересах рабочего класса», мы

---

[1]) Примечание для путаников. Давая в резолюции „о современном моменте", в § 4, программу незавершенной (по кадетскому типу) революции мы первым признаком этой ее незавершенности ставим то, что она „ведет к наименьшему освобождению производительных сил буржуазного общества". Буржуазная революция, раскрывшая все свои возможности, дает наибольшее для капиталистического общества освобождение этих сил, создавая условия для осуществления нашей программы-минимум. Это-то и говорится в нашей резолюции.

вынуждены были немного заглянуть вперед и употребить выражение «доведение революции до конца».

Мы пытались уже там дать конкретное содержание этой формулы. Наша резолюция по существу заключает в себе тезис: действительное использование буржуазной революции в интересах пролетариата не может быть, с марксистской точки зрения, ничем иным. как доведением этой революции до конца.

Мы знаем целый ряд попыток показать, что полное использование данной российской революции заключается в ее непосредственном переходе в революцию социалистическую. Троцкий и Парвус в борьбе со своей марксистской совестью, соц.-рев., давая радикально-интеллигентскую формулировку аграрного, мещанского социализма мелкого собственника, максималисты и анархисты, так сказать, по долгу и обязанности — стремятся выйти из пределов исторически ограниченной российской революции, пытаясь в большей или меньшей степени непосредственную борьбу за социализм сделать конкретным содержанием, доведением до конца буржуазной революции. Разбираться сейчас в этом прожекторстве, в этих плодах «пленной мысли раздражения» для нас нет нужды. Нам важно отметить, что, в пределах марксистской постановки вопроса, только создание в ходе и исходе буржуазной революции возможно широких объективных (производительные силы) и субъективных (сплочение пролетариата, как класса) условий успешной борьбы за социализм есть действительное использование буржуазной революции, а вместе с тем знаменует и доведение ее, как революции буржуазной, до ее конца. Ибо создание наиболее широких условий социалистической борьбы знаменует уже ту ступень революционизирования классовых отношений, которая стоит на границе буржуазного и социалистического общества. Ведь эти условия характеризуют полное уничтожение всех тех остатков феодолизма и крепостничества, которые (подумайте над этим, т. Мартов!) засаривают арену специфически-пролетарской борьбы.

Таким образом, «доведение революции до конца» есть только формула, конкретное, социально-политическое содержание которой дается нам мерой использования этой революции пролетариатом в интересах дальнейшего развития пролетарской борьбы.

Только тогда пролетариат сможет признать буржуазную революцию выполнившей свои возможности, когда он вынесет из нее «необходимый минимум соц.-экономических приобрете-

ний», широкую классовую организацию, развитое классовое сознание и навыки широкой классовой деятельности.

Вот то доведение до конца демократической (буржуазной) революции, к которому стремится пролетариат, толкаемый в этом направлении всей классовой структурой русского общества и русской революции, и это-то стремление, прошедшее через горнило марксистского метода, и сформулировано в нашей резолюции, как объективно-неизбежное содержание классовой борьбы пролетариата в момент буржуазной российской революции.

И лишний раз т. Мартов демонстрирует свое непонимание классовых задач пролетариата в настоящей революции, когда для окончательного посрамления большевизма, заявляет, что «во Франции буржуазная революция доведена была в 1793—1794 г.г. до конца» (подчеркнуто М-вым). Позвольте вам напомнить, товарищ, что «до конца» эта революция доведена была на мерку санкюлота, а не на мерку пролетариата.

Сумма тех социальных перестроек, которая знаменовала «конец» революции для Франции XVIII в., для общества, где пролетариат, как класс капиталистического общества, не играл никакой самостоятельной роли, ни в коем случае не может знаменовать «конца» буржуазной революции XX в. для общества, в котором пролетариат, выступая как класс, стремится в своих целях использовать революцию.

Не думает ли Мартов, что буржуазная революция, которая не только не создала (да и не могла создать) никаких условий для непосредственной борьбы пролетариата за социализм, но попыталась в корне подрезать попытки борьбы труда с капиталом (вспомните, т. Мартов, закон Шапелье о запрещении стачек!), что эта революция объективно (с точки зрения капиталистического развития) и субъективно (с точки зрения пролетариата) может считаться типичной для доведенной до конца буржуазной революции?

Так почему же козыряет т. Мартов против идеи «доведения революции до конца» французской революцией? Потому, что марксизм т. Мартова давно стал скопческим требником, который употребляется т.т. Плехановым, Мартовым, Череваниным и прочими меньшевиками для отпугивания пролетариата от стремления завоевать и те позиции, которые по шаблону в буржуазной революции должны принадлежать буржуазии. «Не пугайте буржуазию!»—учит пролетариат Плеханов, «не стремитесь до-

водить революцию до конца, пусть это делает буржуазия, она и во Франции это сделала», поучает Мартов.

Да, сделала, но сделала скверно и нашла в себе силы сделать это именно потому, что ей не противостоял пролетариат. В России же сделать это не может никто иной, кроме пролетариата. и б о вложить в «доведение до конца» то содержание, которое нужно пролетариату, может только пролетариат. Предоставляя же это буржуазии, отпугивая от этого пролетариат, меньшевизм фактически, подменяет пролетарское понимание «конца» революции буржуазным его пониманием, пролетарские классовые интересы—интересами буржуазии. Так вскрывается истинная сущность меньшевистского влияния в вопросе: должен ли пролетариат считать доведение революции до конца своей задачей, диктуемой ему его классовым положением и классовыми интересами? Большевистская резолюция и говорит, что, понимая под доведением революции до конца—окончательное уничтожение крепостнических остатков и осуществление рабочей программы-минимум и далеко вперед пошедший процесс выделения пролетариата, как класса, из «нации» (§§ 3 и 5),—подобное «доведение до конца» мы считаем лежащим на пути классовых задач пролетариата и только его. (§ 4—«довести до конца демократическую революцию в состоянии только пролетариат при условии...» и т. д.).

Поэтому мы поворачиваем данную выше формулу и говорим: действительное доведение революции до конца с точки зрения пролетарских интересов не может быть ничем иным, как наиболее широким использованием ее пролетариатом в своих целях.

«Но в этих задачах нет ничего классового», перебивает нас т. Мартов. Вот как? Тогда, товарищ, постарайтесь убедить нас или в том, что доведение «до конца революции» (в нашем пролетарском смысле, а не в вашем демократическом), не гарантирует нам наиболее широкой арены для борьбы за социализм, или в том, что создание подобной арены не в классовых интересах и задачах пролетариата.

А до тех пор мы будем считать, что «доведение до конца», т.-е. завоевание объективных и субъективных условий успешной борьбы за социализм, есть основное содержание чисто классовой борьбы пролетариата, что никаким другим классом эта задача не может быть выполнена в данных условиях, и что низводит рабочий класс до роли раба мелко-буржуазной демокра-

тии тот, кто этой задачи перед пролетариатом не ставит во весь ее рост.

Пусть вспомнит т. Мартов роль пролетариата в тех буржуазных революциях, где мелко-буржуазные идеологи методами, близкими тому оскопленному марксизму, который проповедуется на страницах меньшевистских изданий, сумели отвести слаборазвитый пролетариат с авансцены истории, отдав «доведение до конца революции» демократии, и те результаты, которые пожал здесь пролетариат!

5. Руководитель демократической революции или ее орудие?

Раз задача «доведения революции до конца» лежит на столбовой дороге пролетарских задач, раз в этой задаче сгущается и олицетворяется для данного момента классовое развитие пролетариата, то остается выяснить, какую позицию должен занять относительно ее пролетариат.

Он в своем развитии может стремиться или стать во главе буржуазно-демократической революции, используя каждый ее этап в целях доведения ее до конца, или принять участие в этом процессе на-ряду с другими общественными группировками, своей постоянной оппозицией воздействуя на них, или, наконец, остаться в стороне, пытаясь использовать те ситуации, которые явятся результатом борьбы других общественных сил между собой, и ограничивая свою деятельность областью непосредственной борьбы труда с капиталом.

Стремление закрепить первую тенденцию—основная нота большевизма; меньшевизм—представляет вторую, а третья есть по существу чистый профессионалистский аполитизм, который в той или другой степени тоже окрашивает собой построения части меньшевиков. Фактически содержание обеих последних тенденций—одно и то же. В революционный период, в период борьбы демократии с абсолютистским крепостничеством, пролетариат, достаточно выросший для того, чтобы представлять из себя самостоятельную силу, может или итти во главе революции, или быть использованным революцией; использованным, конечно, не в тех элементарных формах, как он был используем буржуазными революциями XVIII и начала XIX века.

Самый факт его самостоятельного существования меняет форму и методы использования. Признание его самостоятельности становится необходимым условием самого использования; вульгаризированный марксизм авторов «Credo» и «экономистов», г.г. Кусковых и т.т. Череваниных и Васильевых, и пр. становится необходимым методом этого использования.

Этими осложняющими обстоятельствами и объясняется, почему плащ марксиста так часто окутывает теперь фигуру мелкобуржуазного идеолога, и почему формы этого использования столь разнообразны и часто трудно уловимы. Во всяком случае, как аполитизм, так и позиция одного из элементов оппозиции, элемента наиболее левого, к чему зовут меньшевики, есть именно одна из наиболее тонких, а потому и опасных форм подчинения задач пролетариата задачам демократии.

Не взяв на себя задачу быть вождем революции, пролетариат самым ее ходом обращается в одно из ее орудий, в орудие наиболее сильное, орудие, гарантирующее буржуазной революции максимальный эффект, орудие опасное для самой буржуазии,—но все же одно из орудий буржуазной революции.

Отказавшись от задачи руководить революцией, пролетариат сам становится в положение руководимого буржуазной революцией. Это руководство демократии пролетариатом может итти под каким угодно знаменем, под знаменем анархистского аполитизма, «чисто-рабочего» синдикализма, эс-эровского социализма, наконец, меньшевистского «истинного социал-демократизма»,—сущность остается та же.

«Реализм» с.-д. Плеханова и «утопизм» с.-р. Чернова имеют общую черту в том, что устами того и другого говорит буржуазная революция, ищущая у пролетариата его силы для своей борьбы со старым режимом.

Наша резолюция ставит целый ряд вопросов для того, чтобы определить роль пролетариата в совершающейся революции. Какая роль, спрашивает наша резолюция, «обеспечивает в наибольшей степени пролетариату возможность поднять его социально-экономическое положение»?

Какая роль даст ему возможность «всесторонне развить его классовое самосознание»?

Какая позиция поможет ему «развернуть его классовую деятельность не только в экономической, но и в широко-политической области»?

При каких условиях сможет пролетариат сильнее всего воздействовать на демократическую массу? Иначе говоря, какая роль обеспечит пролетариату максимальное использование им буржуазной революции? Какая позиция даст пролетариату максимальную способность оказать сопротивление нивеллирующим тенденциям этой революции? Резолюция отвечает—«роль руководителя демократической революции» (§ 5), «роль вождя народной революции, ведущего за собой массу демократического

крестьянства» (§ 2). Мы знаем, что меньшевики совершенно определенно отрицают эту роль пролетариата, но до сих пор мы не слышали доказательств того, что эта роль неудовлетворяет тем условиям, ради которых мы ее и выдвигаем. Правда, несколько лет тому назад т. Мартынов объяснил нам в «Двух диктатурах», что результатом этой роли может явиться для пролетариата необходимость... захвата власти, что может получиться... диктатура пролетариата и крестьянства, и что все это совершенно недопустимо для такого марксиста, как он. Потом т.т. Плеханов и Аксельрод вспоминали что-то насчет... «народовольцев» и тоже пугали пролетариат... захватом власти. Не удивительно, что меньшевикам приходится... молчать и молчать о том, есть ли другая позиция в совершающейся в России революции, которая в такой же мере отвечала бы классовым интересам пролетариата, как намеченная нами. И мы повторяем: «роль руководителя демократической революции обеспечивает в наибольшей степени пролетариату возможность поднять его социально-экономическое положение, всесторонне развить его классовое самосознание и развернуть его классовую деятельность не только в экономической, но и в широко-политической области».

А что же значит отрицательное отношение «меньшевиков» к подобной роли пролетариата? Каков смысл этого отношения при данных условиях? Он ясен. Меньшевизм, протестуя против этой задачи, протестует против той роли пролетариата в революции, которая единственно действительно гарантирует ему и классовую самостоятельность и позволяет действительно использовать буржуазную революцию в своих классовых интересах.

Марксистской фразеологией меньшевизм стремится прикрыть тот факт, что на этом пункте он окончательно превращается в орудие подчинения пролетариата общедемократическим задачам буржуазии.

«Классовая самостоятельность» на каждой строке и во всех падежах и—отказ от того конкретного содержания действительной борьбы, которое дает твердую базу для развития классовой самостоятельности—таков образ той демократической идеологии, которая в плаще «меньшевистской с.-демократии» гуляет в пролетарских рядах.

Мы закончили свои комментарии к резолюции большевиков «о классовых задачах пролетариата в современный момент демократической революции».

Ее канва—формирование в процессе революции рабочих масс в класс. Ее предпосылки—классовые интересы пролетариата требуют наибольшего освобождения производительных сил буржуазного общества и, на этой основе, создания в ходе и исходе революции условий наиболее успешной борьбы пролетариата за социализм.

Ее задача—наметить позиции пролетариата в буржуазной российской революции и подчеркнуть «доведение ее до конца», как историческую задачу пролетариата, лежащую в пределах его классовых интересов.

Ее вывод—«всякое умаление этой задачи неминуемо приводит к превращению рабочего класса из вождя народной революции, ведущего за собой массу демократического крестьянства, в пассивного участника революции, плетущегося в хвосте либерально-монархической буржуазии».

Из нашего анализа возражений т.т. меньшевиков ясно, кто в наших рядах умаляет эту задачу, и чья позиция «неминуемо приводит» к склонению знамени классовой борьбы пролетариата перед знаменем общедемократической борьбы. Меньшевизм, превративший гордое и чистое знамя революционного марксизма в орудие оскопления пролетариата, в «тормоз движения» (как писал Плеханов в «Товарище»),—раскрывает свое содержание все яснее.

И скоро революционные классовые интересы пролетариата заставят его отвернуться от его оппортунистических «друзей».

Свои взгляды на отношения между буржуазным либерализмом и пролетариатом меньшевики (и эс-эры) наглядно иллюстрировали в ходе избирательной кампании во 2-ую Гос. думу в начале 1907 г. Это был первый опыт формального открытого соглашения (блока, коалиции) меньшевиков и народников (т.-е. партий эс-эров, народных социалистов и трудовиков) с кадетами против большевиков. Оглядываясь на состав и роль этой коалиции 1907 г., ясно видишь теперь, что она буквально предвосхитила все элементы коалиции 1917 г. В 1917 г. меньшевики и эс-эры в грандиозном масштабе осуществили ту анти-революционную и анти-пролетарскую политику, которую прорепетировали в 1907 г. Особенно характерны в этом смысле эпизоды, рассказанные ниже на стр. 54, 55, 56. Отношения между кадетами, меньшевиками, эс-эрами и большевиками, за которыми идет рабочий класс, рисуются здесь теми же чертами, которыми характеризуются их отношения во время коалиции Милюков-Керенский-Дан-Чернов в 1917 г. Разница в том, что в 1907 г. в борьбу был втянут лишь узкий круг избирателей в Гос. Думу, в 1917 же году борьба решалась многомиллионными массами рабочих крестьян и солдат не путем избирательных бюллетеней, а путем открытых массовых столкновений. Основные же линии политики остались те же, ибо те же были основные классовые силы: буржуазия, крестьянство и пролетариат. Перепечатываемая ниже статья поэтому может послужить напоминанием о том, что борьба 1917 г. была лишь завершением десятилетней борьбы большевиков и против кадетов и против их „социалистических“ лакеев.

«БЛОК» ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ [1]).

(Вместо надгробного слова.)

«Левый» блок в Петербурге, сыгравший такую важную политическую роль во всей избирательной кампании во 2 Государственную Думу, прекратил свое политическое бытие 7-го февраля 1907 г., в тот самый момент, когда был опущен в урну последний избирательный бюллетень.

Но его значительная роль сказалась, между прочим, и в том, что и теперь еще некоторые политические кумушки, с видом чрезвычайно хлопотливым, снуют вокруг трупа, пытаясь оживить то, что умерло и чему в той же форме уже не воскреснуть.

Но помимо тех «охов» и «ахов», которые подняли вокруг покойника г.г. из «Товарища» и т.т. из «Нашего Мира» и «Откликов» [2]), существует серьезная задача почтить покойника надгробным словом—и эту задачу должны взять на себя социал-демократы-большевики—те, которым, в сущности, и принадлежит создание «блока». Эта задача тем обязательнее для нас, что некоторые из наших друзей, т.т. меньшевики, пытаются построить свое сильно поколебленное политическое благополучие не более, не менее, как на гальванизировании трупа. Мы превосходно понимаем, как важно для наших «друзей» иметь право сообщить о «достоверных» данных по поводу продолжения и в Думе блока тех групп и партий, которые вошли в левый «блок» в Петербурге.

Внешняя история соглашения в Петербурге всем памятна. Корни ее лежат в той литературной кампании, которую еще в ноябре 1906 г. поднял «Товарищ» во имя сплочения всей оппозиции. Плехановские письма в Питере и позиция «Нашего Дела» [2]).

---

[1]) Сборник „Вопросы тактики", в. II., Спб., 1907 г.

[2]) Журналы меньшевиков.

Череванина, Горна и пр. в Москве были ответным эхом, раздавшимся из восприимчивой среды «меньшевиков» на этот призыв «Товарища». «Речь», хранившая до того гордое молчание или не менее гордо заявлявшая о том, что она не согласна ни с кем итти вместе, в ответ на голоса социал-демократов-меньшевиков недвусмысленно заявила, что она согласна вести их за собой. На этом собственно кончился доисторический период.

Его политическое содержание можно формулировать только так: идейная подготовка со стороны «Товарища» и меньшевиков почвы для концентрации оппозиции вокруг «кадетов». Кадеты, в лице «Речи», ведут себя, как признанные гегемоны; «Товарищ» посредничествует от лица «беспартийных» между «Речью» и меньшевиками; меньшевики от социал-демократии принципиально обосновывают возможность соглашения с кадетами и выдвигают «полновластную Думу» (Плеханов), общность чисто-политических задач для буржуазии и рабочего класса (Васильев) и несвоевременность лозунга «Учредительное Собрание» (Череванин, Иркутский Комитет, правое крыло кавказских меньшевиков на Кавказском съезде), как почву для соглашения вокруг кадетов. Меньшевистские центральные учреждения и наиболее авторитетные «левые» меньшевики (Мартов) или молчат, потворствуя г.г. Васильевым, или на принципиальный вопрос отвечают соображениями о каторжной цепи, связующей в России рабочий класс и буржуазию [1]. Тогда большевики в ответ на принципиальные соображения о соглашениях с кадетами выступают с пропагандой приниципиальной же недопустимости подобных соглашений для социал-демократии (1-я брошюра т. Ленина: «Социал-демократия и избирательные соглашения») [2]. Что делают в этот момент, момент не деловых переговоров, а лишь подготовки почвы для них, другие партии? Трудовики, поскольку они представлены в Петербурге, предоставляют за себя высказаться сотрудникам «Товарища». Народно-социалистическая партия без долгих разговоров постановляет допустимость соглашений с кадетами [3], а партия соц.-революционеров не находит лучшего метода использовать момент, как допустить соглашения с контролем Ц. К-та партии [4].

---

[1]) См. „Народно-социалистич. Обозрение", сборн. XI, статью А. Петрищева: „О соглашениях".

[2]) Перепечатана в VIII т. „Собр. Соч.". Прим. к наст. изд.

[3]) „Отклики", Вып. I, ст. Мартова, дата: 17 дек. 1906 г.

[4]) См. упомянутую статью г. Петрищева, который рассказывает как участник переговоров.

Таким образом большевики в своей принципиальной позиции изолированы. Идейная подготовка концентрации оппозиции вокруг кадетов, начатая «Товарищем», заканчивается тем, что совместными усилиями Плеханова, социал-революционера Якобия, трудовика Водовозова, меньшевика Мартова, н.-с. Мякотина и Пешехонова, куцая идейка испуганного обывателя—«не правее к.-д.»—блестит... как начищенный медный таз в качестве единоспасающей опоры в борьбе с «черносотенной опасностью».

Наступает второй период. Кадеты начинают действовать. Кто во что ценит принципиально установленную необходимость сплочения оппозиции «не правее к.-д.?» Кадеты оценивают ее так: 4—нам, 2—вам. Народники всех толков вкупе сначала было оценили ее так: 4—нам, 2—кадетам, но потом, решив, что принцип дороже места, спустились до: 3 и 3. Кроме того—«казалось, что со стороны, по крайней мере, меньшевиков, особых возражений не последует»[1]). Итак: 4 и 2, и 3 и 3—таков символ второго периода. Каков его политический смысл? Был ли это только торг из-за места? Нет, конечно! Каждая из соглашавшихся партий пыталась под голые цифры подставить теоретические соображения и разницу от вычисления свести к разнице тактических мнений. «Так как партия народной свободы... считает единственно правильной свою тактику, то, естественно, она считает conditio sine qua non, т.-е. ультимативным условием соглашения, предоставление ей большинства мест в оппозиции» [2]). А так как минимальное большинство при 6 местах—4 места, то отсюда и цифры 4 и 2.

Арифметика народников и меньшевиков была еще проще. Вокруг Думы должно быть сплочено все население Петербурга и сплочено не путем предварительной борьбы и конкуренции тактических линий, а путем полюбовного соглашения. А так как в Питере существуют—1) кадеты, 2) народники, 3) социал-демократы и 4) рабочий класс, то... вы думаете, что следовало бы разделить места по возможности поровну или по удельному весу каждой группы среди населения,—нет!—надо дать по одному месту народнику, с.-демократу и рабочей курии,

---

[1]) См. сб. „Коллективность". Москва. Ст. М. Якобия: „Блоки и соглашения", под статьей дата: декабрь 1906 г. М. Якобий—псевдоним М. Гендельмана, впоследствии члена Ц.К. партии С.-Р., осужденного Революционным Трибуналом по последнему процессу С.-Р. Прим. к наст. изд.

[2]) „Вестник Народной Свободы", № 3, ст. 118. В 1906—1907 г.г. „В. Н. Св." был официальным органом Ц. К. партии кадетов.

а остальные 3—кадетам. Спрашивается, где учились гг. «левее кадетов—минус большевики» арифметике?

В самом деле, политический смысл этого периода ясно сказывается в том, что кадеты, стоя на почве, подготовленной им другой стороной, пытались учесть в свою пользу все выгоды создавшегося положения. «Господа,—говорили кадеты своими цифрами,—вы хлопотали о соглашении. Мы в них не нуждались и не особенно нуждаемся. Мы черносотенной опасности не видим. Вы боясь ее, хотите соглашения. Мы понимаем это ваше желание только так: идите за нами. Вот вам два места за те ваши писания и крики о черносотенной опасности, которые мы уже вписали и еще впишем в свой актив—и идите за нами».

Это естественно, и здесь Водовозовы, Петрищевы, и т. Мартовы и пр. пожинали то, что посеяли.

Интересно то, что, с самого начала отказавшись даже от мысли о борьбе в городской курии с кадетами, подменивши конкуренцию партий их соглашением, гг. соглашатели принуждены были свои силы, силы четырех партий и всей рабочей курии приравнять к силе кадетов. 3 и 3—это значит: «Ваше преобладание по формуле 4 и 2 нас слишком угнетает, но мы согласны приравнять себя к вам. Во имя полюбовного ведения дела, во имя того, чтобы не раскалывать оппозиции—мы идем за вами, но не хотим унизительных форм этого хождения».

Об этом хорошо рассказывает г. Пешехонов (в «Народно-Социалистической библиотеке», В. I, ст. 9—10): «Соглашаясь на эти условия (3 и 3), мы в сущности говорили к.-д.:—«Хорошо пусть будет ваш верх...»

А они отвечали:

— «Нет, и маковка пусть будет наша».

Гордые кадеты! Наивные народники! Жалкие оппортунисты!

Таков политический смысл второго периода. Кадеты, учитывая ту деморализацию, которую произвела в среде революционно-буржуазных партий и в правом крыле партии социал-демократической пропаганда принципиально-допустимых соглашений, не веря в «черносотенную опасность», но используя ее в качестве пугала, покуда лишь для партий (потом она была использована кадетами шире и определила их победу в Питере), пытаются закрепить свою гегемонию и предлагают партиям, идущими на соглашение, итти за ними, надеясь использовать своих левых союзников, как агентов для заполучения демократических голосов.

Левые же союзники, увлекаемые той наклонной плоскостью, на которую они стали в первый период, неуклонно скатываются вниз, соглашаясь итти за кадетами, не понимая того, что это их положение отклоняет самую линию избирательной борьбы к желательной для кадетов линии.

Отклонение линии политической борьбы направо, сужение арены политической агитации и организации масс—вот что было непосредственным результатом позиции соглашения с кадетами, и что стало бы реальным результатом этого соглашения, если его осуществлению не помешал... петербургский пролетариат.

«Речь», стоя на горе политического положения, чувствовала все же, что не все обстоит благополучно. Газета «реальных» политиков ждала с нетерпением, что скажет с.-д. организация. 6 января конференция с.-д. организации в Питере вынесла свое решение о соглашениях, а 4-го «Речь» писала, что в конце концов «техническую важность соглашение представляет, главным образом, с социал-демократией». До самой конференции представители петербургской организации большевики никакого участия в переговорах не принимали. Цифр, которые показывали бы, в какой мере большевики стремились итти за кадетами, не существует. Наоборот, вся их работа сосредоточивалась на выработке среди широких масс убеждения, что за кадетами, вообще, итти недопустимо ни в пропорции 4 и 2, ни в пропорции 3 и 3, а что необходимо бороться с ними. Это возбуждало большое неудовольствие. «Речь» и «Товарищ», «Отклики» и народные социалисты писали громовые статьи и произносили страстные речи на тему об упрямстве, бездушии, и прямолинейности большевиков. Меньшевистские «Отклики», ближе других стоявшие к с.-д. работе в Питере, усиленно жаловались на то, что в Питере большевиками вопрос поставлен именно на принципиальную почву. «Согласно резолюции общерусской конференции, конкретные вопросы, подлежащие решению местной конференции, сводятся к определению того, имеются ли в данном месте основания признать необходимым соглашения с к.-д. и другими левыми партиями... Между тем, Петербургский Комитет Партии «расширил» содержание предварительных дискуссий к будущей конференции, поставив на обсуждение вопрос о «принципиальном» отношении к соглашениям с к.-д.»... Иначе говоря, меньшевикам очень не нравилось, что, вместо того, чтобы занимать рабочих вопросами о том, на каких условиях может пролетарская партия итти за кадетами, большевики поставили вопрос о том, может ли эта партия вообще

итти за ними. Выяснение необходимости самостоятельного выступления социал-демократии в избирательной кампании и практическая подготовка этого выступления были противопоставлены петербургской социал-демократической организацией разговорам о всевозможных комбинациях 4 и 2, 3 и 3, и т. д.

Все три номера «Терниев Труда», выпущенных большевиками, посвящены именно этой задаче. «Кадеты готовы на соглашение, но лишь в том случае, если социал-демократы откажутся от самостоятельной тактики в Думе и ограничатся только политической поддержкой либеральной буржуазии»,—говорилось в № 1 от 24-го декабря. «Относитесь критически к ходячим крикам, воплям и страхам насчет черносотенной опасности»—советовалось здесь пролетарской и полупролетарской массе. Вскрывая сущность соглашений с кадетами, тот политический смысл, который вкладывает в этот акт не воля того или иного благомыслящего политика, а политическая ситуация, постоянно указывая на колеблющуюся между кадетизмом и действительной борьбой рабочего класса политику народнического блока (с.-р. трудовиков и н.-с-ов), вызывая из уютных кабинетов, где ведутся переговоры между вождями [1]), на улицу,—большевики звали рабочий класс к самостоятельному выступлению. «Долой всякие блоки!»—писали они 31 декабря (№ 2 «Тернии Труда»). Такова была линия большевиков, и они единственные омрачали блестящие перспективы соглашения.

Третий период открылся конференцией петербургской с.-д. организации. На самом ее ходе мы останавливаться не будем. В общем, выборы на нее происходили по двум платформам: за соглашение с кадетами и против него. Как только стало ясно, что большинство организации—против, меньшинство, стоявшее—за, ушло с конференции с вполне определенным намерением продолжать переговоры с народническим блоком и с кадетами. «Большевики», как тактическая линия, и большинство петербургской организации оказались изолированными. Социал-демократы-оппортунисты разорвали с партийной организацией, чтобы от своего имени уже свободно вести переговоры направо. Социал-демократический пролетариат Петербурга был поставлен в положение, при котором ему предстояло не только решить для себя вопрос о допустимости или недопустимости соглашений с кадетами, но и сделать невозможным объединение меньшинства с.-д. организации с ка-

---

[1]) О них рассказывали нам публицисты „Н.-С. Обозрения“.

детами и народниками против большинства петербургского пролетариата. Уход «меньшевиков» значительно менял положение дела.

Выдвигаемое «большевиками» самостоятельное выступление обозначало фактически—борьбу с черносотенной и кадетской опасностью силами пролетариата, раскрывающего своей политикой колеблющийся характер мелко-буржуазных партий, увлекавших демократические слои петербургской бедноты на путь поддержки либеральной буржуазии. Эта политика пролетариата ставила перед демократическим избирателем дилемму: или с кадетами, хотя бы под «народническим» флагом, или с пролетариатом. Покуда с.-д. организация оставалась цельной, ей при политике самостоятельного выступления не было никакой необходимости давать рядом с собой место мелко-буржуазным партиям, и, ведя борьбу с кадетами и народниками за демократическую часть избирателей, давать последним возможность итти на поддержку рабочего класса под своим классовым—мелкобуржуазным знаменем. Можно было надеяться, что он покинет свое знамя, двигавшееся направо к кадетам, ради того, чтобы иметь возможность пойти налево—к рабочим. В этом—смысл самостоятельного выступления пролетариата, как его понимали большевики. Мелко-буржуазный избиратель, покинувший не только кадетское, но эс-эровское, трудовическое или эн-эсовское знамя, чтобы поддержать партию пролетариата—таков мог быть политический результат самостоятельного выступления социал-демократии при том условии, что лозунг: или за кадетами, или с пролетариатом будет ясно и решительно выдвинут перед этим избирателем.

Меньшевики сделали все, что могли, чтобы эта дилемма в таком виде не встала перед рядовым избирателем. При той комбинации, которую они создавали своим уходом и продолжением переговоров с кадетами, т.-е. при комбинации: кадеты, народники и меньшевики - социал-демократы против большевиков - социал-демократов,—очерченная выше дилемма грозила принять в глазах избирателя такой вид: со всей оппозицией и под своим собственным флагом, или с фанатиками пролетариата.

«Перед «большевиками» стояла задача — дать возможность демократическому избирателю из рядов мелкой буржуазии прийти на помощь рабочей партии в ее борьбе с кадетами со своим мелкобуржуазным знаменем, раз исчезла возможность заставить его ради помощи рабочему классу уйти из-под своего знамени.

Меньшевики своей политикой, своим санкционированием кадетско-эс-эровского меньшевистского блока навязывали революционной социал-демократии ту позицию, которая позволяла мелкой буржуазии итти за пролетариатом, неся с собой и свое мелко-буржуазное знамя.

До формального разрыва «меньшевиков» с большинством социал-демократического пролетариата мы могли говорить мелкобуржуазной массе, чьи смутные, отчасти реакционные, отчасти утопические чаянья, но вместе с тем, по существу, революционные для данного момента интересы отражает «народнический» блок,—мы могли говорить этой массе: твоя партия идет за либеральной, по существу анти-революционной буржуазией—выбирай: поддержи ее в ее предательстве твоих интересов или оставь ее и иди за рабочим классом. Самое малое колебание этой массы при таких условиях было бы нашей громадной политической победой.

Но теперь мы должны были сказать этой массе: возьми свое знамя в свои руки и неси его или за кадетами, или за рабочим классом.

Оппортунисты социал-демократии заставляли всю социал-демократию отклонить свою линию и нести раскол в демократию не теми путями, которые гарантировали наибольший политический эффект.

Но этот путь был навязан социал-демократии данной ситуацией и был при данных условиях единственным путем для реальной борьбы против черносотенной и против кадетской опасности.

Надо удивляться, как быстро конференция осознала новое положение. Она предложила эс-эрам и трудовикам итти за рабочим классом, предоставляя им два места.

Соглашение с левыми было навязано большевикам меньшевиками, ушедшими к кадетам. Над этим следовало бы подумать тем товарищам из «Откликов», которые анализ политических фактов склонны заменять анализом «противоречий» того или иного публициста (см. «Отклики» № 3, ст. Л. Мартова).

Да, Ленин в ноябре был против всяких соглашений; да, Ленин в декабре воевал во-всю с теми оппортунистами, кои занимались не подготовкой борьбы с кадетами, а подготовкой почвы, на которой выросли кабалистические кадетские 4 и 2; да, Ленин и в ноябре, и в декабре, и в январе не уставал подчеркивать колеблющуюся политику мелко-буржуазных партий; да, Ленин, несмотря на все это, после меньшевистского раскола должен был противопоставить кадетско-меньшевистскому

соглашению возможность для эс-эров итти за рабочей партией в ее борьбе за гегемонию. Любителю хоронить своих противников можно попытаться похоронить на этом Ленина как это и делает Мартов в вышеназванной статье (помнится, Мартов уже однажды хоронил его года три тому назад, на стр. «Искры». Живуч человек!), но вряд ли эти похороны способны скрыть от глаз пролетариата действительный смысл совершившихся событий.

Так или иначе, революционная социал-демократия теперь уже совершенно ясно и определенно в форме официального решения поставила перед «народническим» блоком дилемму: или за кадетами, или за пролетариатом. Вопрос принял обостренную форму: партиям, расположившимся на средней позиции между либеральной буржуазией и социалистическим пролетариатом и отражавшим всю межеумочность положения мелкой буржуазии, впервые в таком масштабе пришлось решать этот вопрос.

Проследить, как отнеслись объединенные партии народников к тому выбору, перед которым поставило их решение с.-д. конференции, было бы чрезвычайно важно и интересно для широких масс, для определения их действительной физиономии. К сожалению, партии эти умеют потихоньку обделывать свои дела. Они редко выступают перед публикой с открытым выяснением своих политических шагов. То, что делали и как думали эти партии в период с 7 по 18 января, покрыто мраком. И вряд ли кто-либо расскажет нам откровенно, как в их среде меняется жребий, куда перекинуться. Одно можно установить несомненно: прямо и открыто стать против кадетов, на это их не хватило. В продолжение всего этого срока партия мелкой буржуазии ждала с нетерпением решения кадетских лидеров и, жадно глотая «Речь», все надеялась отыскать среди ее холодных строк признаки уступки. Только теперь г. Петришев поднимает маленький уголок завесы. «После 7-го января на короткое время,—пишет он,—наступил было п р о с в е т. Б л о к н а р о д н и ч е с к и х г р у п п п о к а с ч а с т л и в о в ы д е р ж а л н а т и с к б о л ь ш е в и к о в. Меньшевики решительно в ы с к а з ы в а л и с ь з а е д и н е н и е с н а р о д н и к а м и д л я с о в м е с т н ы х п е р е г о в о р о в с к а д е т а м и» [1]) (курсив наш). Пояснение это не оставляет желать лучшего. Народники, не задерживаясь на предложении с.-д. пролетариата Петербурга,

---

[1]) „Народно-Социалистическое Обозрение". В. XI, стр. 10.

ждут уступок со стороны кадетов. Меньшевики прикрывают их шествие в кадетскую Каноссу. Попытке «большевиков» расколоть народнический блок, отколов от него н.-с-ов, счастливо противопоставляется попытка сообща и под руководством кадетов изолировать революционную социал-демократию. Перед обрадованным взором российского либерала вставала заманчивая картина. «Народнический блок» с беспартийным «Товарищем» в центре всеми силами просился к кадетам, ужасаясь мысли оказаться на одной доске с «большевиками». Н.-с. «счастливо» выдерживали натиск дилеммы: или за кадетами, или за пролетариатом. С.-р-ы, «скрепя сердце», вели переговоры, находя, что «делить поровну представительство от Петербурга между кадетами и всеми группами, которые левее их, включая рабочую курию (т.-е. фактически без боя признать гегемонию кадетов!)—это максимум уступок, на которые могла итти революционная партия»[1]. Этот «максимум уступок» был тем минимумом устойчивости, который способна обнаружить мелко-буржуазная партия перед раскрытыми объятиями партии доподлинно-буржуазной. Наконец, меньшевики, расколов петербургскую с.-д. организацию, немедленно постановили: вступить в сношение с объединенной народнической группой (с.-р., трудовики, н.-с.) и кадетами, в целях заключения соглашения относительно общего списка выборщиков и распределения мест в Думе[2].

Теперь мы поймем, о каком просвете после 7 января говорил г. Петрищев. Этот просвет—договор[3] (до сих пор скрываемый), заключенный народниками и меньшевиками для совместного ведения переговоров с кадетами. «Просвет» и «счастие» народников заключались в том, что меньшевики прикрывали отказ мелкой буржуазии итти на поддержку рабочего класса, ради торгов с кадетами.

С другой стороны, либеральная буржуазия немедленно попыталась использовать создавшееся положение. Возможность изолировать революционную социал-демократию была настолько заманчива, что «Речь» сразу переменила тон и выдвинула «оппозиционный блок» уже не для борьбы с «черносотенной опасностью», которой она не признавала, а для борьбы с «красным

---

[1]) „Новая Мысль“, № 3, стр. 121—122.

[2]) Постановление выделившейся части конференции, одобренное собранием 100 пропагандистов и агитаторов „меньшевиков“ от 13 янв.

[3]) См. об этом „Народно-Социалистическую Библиотеку“, в. I, ст. Пешехонова, стр. 11.

призраком большевизма» и с той частью революционной демократии, которая способна была бы пойти за ним. «Меньшевики решительно пошли навстречу созданию общего оппозиционного блока». «Возможность оппозиционного блока кадетов, меньшевиков и соц.-нар. надо признать значительно увеличившейся» пишет «Речь» 14 января. Кадеты попытались немедленно осмыслить политическую игру народников и меньшевиков. «Умеренно-социалистические» партии (н.-с. и м-ки) против революционной социал-демократии — эта комбинация настолько заманчива и открывает для либеральной буржуазии такие широкие перспективы, что «Речь», «Товарищ», «Сегодня» в один голос ликуют по поводу поведения меньшевиков. Их решение спасло Россию,—пишет «Сегодня». В шатающуюся, колеблющуюся, беспринципную политику народническо-меньшевистского блока «Речь» вкладывает политическое содержание. «Совершившаяся в среде социалистических партий диференциация обещает до некоторой степени приблизить и понятия умеренных социалистов о думской тактике к нашим собственным (т.-е. кадетским) понятиям». «Часть социал-демократии, хотя и не наиболее влиятельная, зато наиболее склонная к парламентской деятельности, пошла навстречу нашим предложениям» («Речь», 13 и 14 января). Так осмыслила «Речь» третий период избирательной кампании в Питере. «Просвет», оказывается, существовал после 7 января не только для народников и меньшевиков, он был просветом и для «Речи». Возможность создать под своей гегемонией «оппозиционный блок «умеренных» и «умеренных социалистов» против революционной социал-демократии,—вот на что стоило «Речи» потратить силы и способности. «Идите с нами, и да будет нашим лозунгом борьба с черными и борьба с революционной социал-демократией!», — говорила «Речь», и предлагала за это одно место н.-социалистам, а другое место рабочей курии—меньшевикам. «Место, которое предназначалось для лица, избранного рабочей курией..., уж не может быть предоставлено рабочему-большевику. При новом составе блока меньшевики могли бы смотреть на это место, как на свое законное достояние» («Речь», 14 января). Ясно!

Но «просвет» был и для большевиков. Даже не просвет, а яркий день, в котором они больше всего и нуждались, чтобы вскрыть в его свете действительную сущность соглашательской кампании с кадетами. Учитывая положение дела, большевики не уставали настаивать на самостоятельном характере выступления пролетариата. Либеральная буржуазия хочет «руково-

дить умеренной мелкой буржуазией и мелкобуржуазной частью пролетариата; революционный пролетариат идет самостоятельно, увлекая за собой в лучшем случае (лучшем для нас, худшем для кадетов) только часть мелкой буржуазии», говорили они. «Мы не можем при таких условиях пренебрегать задачей подорвать гегемонию кадетов, помочь трудящемуся люду сделать шаг... к более решительной борьбе. Мелкобуржуазным слоям городского и деревенского трудящегося люда мы говорим: есть только одно средство помешать неустойчивости и колебаниям мелкого хозяйчика. Средство это — самостоятельная классовая партия революционного пролетариата». Задача, таким образом, была ясна. «Пока трудовики колеблются, пока меньшевики торгуются, мы должны всеми силами вести самостоятельную агитацию. Пусть знают все, что с.-д. идут, во всяком случае, и безусловно на выставление своего списка. И пусть все бедные слои избирателей знают, что им предстоит выбор между кадетами и социалистами». В ясности этой позиции был наш «просвет», наш яркий день! (Все эти цитаты взяты из № 1 «Простых Речей», и 2-й брошюрки Ленина: «Социал-демократия и выборы в Думу». И то, и другое вышло одновременно с цитированными статьями «Речи» и постановлениями меньшевиков 14—15 января.)

В задачи «большевиков» входило выдвинуть лозунг «против кадетов» и собрать вокруг него городскую демократию. Еще в нашем декабрьском сборнике («Новая Дума», сб. 1-й) мы противопоставили этот боевой для демократии лозунг усыпляющим сказкам о черносотенной опасности, мы подчеркнули на конференции, что идем в бой с кадетами. «Кто за нас?»—спрашивали мы с 7 по 18 января, и не уставали разоблачать партии мелкой буржуазии. 15 января, в тот день, когда народнически-меньшевистский блок ждал ответа от г. Милюкова, а Милюков ждал ответа от г. Столыпина, мы разоблачили позицию мелкой буржуазии, бегущей от пролетариата под крылышко либералов. Мы повторяли: «В бой мы идем, во всяком случае, самостоятельно. Принципиальную линию мы определили. В СПБ. будут три списка: черносотенный, кадетский и социал-демократический». («Услышишь суд глупца»...—прямой вызов эс-эрам и трудовикам, открытое разоблачение их шатающейся мелкобуржуазной политики, вышла 15 января).

Негодуя против меньшевиков, отчего вы не негодуете против эс-эров?—спрашивали мы пролетариев, когда выяснились резуль-

таты выборов в рабочей курии. «И те, и другие одинаково волокут вас под крылышко либералов»[1]. «Где окажутся мелкие буржуа,—их дело, а революционный пролетариат, во всяком случае, выполнит свой долг»[2],—послали мы 18-го января в догонку гг. эс-эрам, трудовикам, эн-эсам и меньшевикам, отправлявшимся на свидание с гг. Милюковым, Набоковым и Винавером. «Пролетариат, как бы ни кончилась избирательная кампания, как бы ни кончились между вами торги из-за мест, идет и будет итти своей особой, классовой, революционной дорогой».

Третий период кончался. Улыбавшаяся кадетам комбинация — «оппозиционный блок» против рабочих расшатывался в корне неуклонным ведением большевиками своей линии. Среди эс-эров начиналось колебание. Меньшевики, как выяснилось 14 января, не представляли политической силы. Н.-с. не могли оторваться от эс-эров. Кадеты оказались перед дилеммой: или открытая борьба с большевиками на новой, выдвинутой ими, платформе, или связывание себе рук в этой борьбе, благодаря бесплодной, но все же ограничивающей размах кадетской борьбы с «красной тряпкой» связи с «умеренными социалистами».

Кадеты выбрали первое. «Мы запутали в свои сети целый ряд групп из тех, которые «левее» нас, мы раскололи петербургскую социал-демократию, мы дали развиться страху «черносотенной опасности»,—мы использовали и эн-эсов, и эс-эров, и «Товарища», и меньшевиков. Теперь на этой нами подготовленной вашими руками арене мы идем в бой за кадетизм в чистом виде»,—так объявили кадеты 18 января. Кадеты отказали эс-эрам и меньшевикам.

Большевики добились своей цели: период уютных разговоров в кабинетах кончился, дело выносилось на улицу. Мелкой буржуазии и социал-демократическим оппортунистам не удалось спрятаться от борьбы под кров соглашений с буржуазией. На улицу звала рев. социал-демократия и либерального барина, и ноющего народника, и растерявшегося оппортуниста. Улица должна была судить.

Как вели себя гг. из «народнического блока» и оппортунисты социал-демократии в кабинетах, мы знаем. На улице они в той же мере, но на более широкой арене демонстрировали ту же мелко-буржуазную сущность своей политики. Борьба кадет-

[1] „Пролетарий“ № 12, стр. 4, столб. 1.

[2] Передовица № 2 „Простых Речей“, писана 18 января.

ствующих с кадетами, попытки, двусмысленные и судорожные, вырваться из-под либеральной гегемонии—это любопытная страничка из политической жизни нашей мелкой буржуазии. Попытавшись итти против партии рабочего класса под руководством кадетов, они принуждены были, в конце концов, тащиться в хвосте рабочей партии, в ее борьбе против кадетов. Как шли они, упираясь, оглядываясь, скользя и ноя—это заслуживает особой статьи. А пока скажем им, нашим бывшим «союзникам»: «Речь» смеялась над вами, говоря, что большевизм «хворостиной» загнал вас на новую тропу. Но это верно в своей жестокости. Развитие революции и раскрытие ее классового характера,—та хворостина, которая всегда будет больно вас бить и будет гнать вас, помимо воли, на службу революционному пролетариату. И мы не знаем других «блоков» с вами, как ваше служение нашему делу. Таких «блоков» мы будем добиваться, ставя всегда перед вами вопрос: с кадетами или за нами. И не всегда оппортунистическое крыло социал-демократии создаст для вас возможность это следование за революционным пролетариатом назвать «соглашением» или «блоком». «Хворостина» развития революции будет гнать вас вперед, на свою службу до тех пор, пока изменения в ее социальном базисе не дадут вам возможности окончательно погрязнуть в тине либерализм [1]). А пока мы будем бороться против всяких «блоков» и за то, чтоб «хворостина» действовала исправно.

---

1) Это предсказание относительно эс-эров исполнилось в 1917 г.

ЛОНДОНСКИЙ С‘ЕЗД РОССИЙСКОЙ С.-Д. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ 1907 г.[1])

30 апреля—19 мая ст. ст.

1. Общая картина с‘езда.

Есть в России распространенная игра: на землю, вытянув перед собой ноги, садятся двое «борцов», подошвы их соприкасаются, и, схватившись за руки, они всячески стараются перетянуть друг друга. Эти борцы встают передо мной всякий раз, когда я пытаюсь восстановить перед собой общую картину последнего, пятого по счету, съезда р. с.-д. р. п.—Незавидная картина.

Но, в самом деле, переберите в памяти все предыдущие съезды: II., III «большевистский» съезд и меньшевистскую «конференцию», IV, названный объединительным,—и для каждого из них вы сразу найдете его характерную черту, то, что делало «эпоху» в жизни партии. И II, на котором выработана была программа партии, который был первым шагом ее на пути разрыва с «кружковщиной» и «кустарничеством», и III—этот генеральный смотр идейного багажа партии накануне решительных событий 1905 г., и IV—объединительный, умудренный опы-

[1]) Статья о Лондонском с‘езде написана под непосредственным впечатлением с‘езда, через несколько недель после его окончания,—в начале июня 1907 г.,—для издававшегося тогда в Петербурге большевистского журнала „Вестник Жизни“ (см. „Вестник Жизни“, № 6, июнь 1907 г.). В своей полемической части статья была направлена, главным образом, против так называемого „центра“, идейным выразителем которого был тогда стоявший вне обеих боровшихся фракций тов. Троцкий. Тов. Троцкий ответил в следующей же книжке „Вестника Жизни“ статьей „Мораль Лондонского с‘езда“, мой ответ на которую не появился в свет вследствие прекращения журнала. Оценке с‘езда, кроме этих двух статей, посвящены были: большевистский сборник „Итоги Лондонского с‘езда“ (Спб. 1907 г.) со статьями Н. Ленина, В. Ногина, Г. Зиновьева, М. Лядова и др., брошюры Череванина и Дана. Большой том протоколов с‘езда вышел только в 1910 году в Париже. Плеханов издал свои речи на с‘езде отдельной брошюрой с громоносным предисловием против большевиков под заглавием „Мы и они“.

том пережитых битв, арена столкновений «двух тактик», съезд, на котором партия стояла перед задачей наметить первые шаги на «парламентском» поприще—все это легко и стройно укладывается в схему развития пролетарской партии. Последний, Лондонский съезд войдет в эту схему лишь некоторыми своими частями.

Съезд собирался и работал под знаком «критики». Для этого было достаточно причин, которые вводили в порядок дня критику не схем, не теоретических, в прок заготовленных положений, а критику практических шагов.

С апреля 1906 г. и по апрель 1907 г., партия, под руководсвом центральных учреждений, созданных «меньшевистским» большинством на объединительном съезде, работала на новой, до того времени совершенно чуждой ей арене.

Партия вступила на путь «парламентской деятельности», создала «парламентскую» фракцию, вела избирательную кампанию, выставляла собственных кандидатов и входила в соглашения... И все это среди непрекращавшихся споров, «дискуссий», на фоне непрерывного роста числа членов партии.

Все это надо было оценить, учесть, во всем этом надо было разобраться, и все это шире и шире развертывало пропасть между тенденциями большевиков и меньшевиков, все это требовало в то же время сговора...

Критика, направленная к тому, чтобы обезвредить в дальнейшем ту часть партии, которая в предыдущий период вела, вернее, тащила за собой партию, на ее новом пути,—такова была практическая задача большевиков.

Критика, направленная к тому, чтобы добиться соглашения компромисса, критика, направленная направо, к меньшевикам, за их ошибки, и налево к большевикам, за их «нетактичное», «неумеренное», «прямолинейное» вскрывание этих ошибок — такова была позиция так называемого «центра».

Из фактов, которые не были мною отмечены в перепечатываемой статье можно теперь отметить, что на последнем заседании большевистской фракции с‘езда, уже после закрытия с‘езда для руководства дальнейшей работой большевиков был избран так называемый Б. Ц. (большевистский центр), в дальнейшем игравший роль Ц. К. большевиков.

Лондонский с‘езд 1907 г. был последним с‘ездом партии эпохи первой русской революции: следующий с‘езд собрался только через 10 л., в 1917 г. Он был также последним, на котором присутствовали меньшевики: меньшевики фактически покинули партию в эпоху контр-революции и не присутствовали на конференции 1912 г., которую собрали большевики, чтобы восстановить ослабленную бешеными репрессиями царизма и преданную меньшевиками партию.

Эта внутренне-противоречивая позиция центра и определила собой всю работу съезда за первые две недели его заседаний. Эта работа не может быть названа предварительной, ибо отняла чуть ли не $1/2$ или даже $3/4$ времени у съезда, но ее нельзя назвать и положительной, практической политической работой сравнительной с массой энергии и силы, на нее затраченной. Критиковали, оценивали, взвешивали пройденный путь все: большевики и бундовцы, поляки и латыши. Но закрепить эту критику, сделать из нее достояние партии, а не съезда только, пустить ее в оборот, перечеканить, так-сказать, речи съездовских ораторов в ходкую монету резолюций съезда, сделать эту критику отправной точкой развития всех членов партии—к этому стремились только большевики, и в этом чаще всего, почти постоянно, оставались в одиночестве. Все остальные группы делегатов, не говоря уже о меньшевиках, больше всего боялись именно этих результатов съездовских разговоров.

Большевики, бывшие застрельщиками критической кампании и нашедшие в этой работе сочувственную аудиторию среди центра, все время пытаются сделать из этой критики партийного опыта, из годовой демонстрации применения «меньшевистской» тактики к жизни—партийное достояние, точно и ясно перечисляя и формулируя в своих резолюциях о деятельности Центрального Комитета и социал-демократической фракции II Гос. Думы их неверные шаги. Пробежав эти, внесенные на съезд большевиками, резолюции [1]), всякий сразу увидит, что здесь нет ни малейшей попытки из прошлогодних ошибок «меньшевизма» создать сегодняшний триумф «большевизма». Ничего подобного. Сумма этих резолюций есть объективно—мера того уклонения от пролетарской политики, которое было не плодом меньшевистской непокорности, а результатом неверных, а следовательно, и вредных представлений о ходе пролетарской борьбы. Эти представления не выдержали испытаний жизни, и это должен был сказать съезд той массе, которая его выбрала.

Именно это и именно должен был сказать.

Но этого не позволяла съезду сказать та сила, которая имела возможность «вязать и решать», покуда оставалась едина,—центр. Во имя чего? Во имя единства партии, конечно, во имя мира в партии, во имя «поднятия партийной культуры», как выразился лидер центра, т. Троцкий.

---

[1]) Резолюции эти теперь перепечатаны о сборнике „РКП в резолюциях ее с'ездов и конференций". М. Госиздат. 1922 г.

Во имя принципа партийного единства уничтожали возможность реального единения партии на почве критического отношения к пройденной ступени ее развития. Во имя поднятия «партийной культуры» среди делегатов забывали о задачах развития критической мысли среди широкой партийной массы.

«Центр» съезда, полагая, что он является носителем примирения и единства, фактически, объективно противопоставил эту идею интересам дальнейшего развития партии.

Боясь сыграть в руку фракционным интересам «большевизма», центр еще не понимал, что, работая в том направлении накопления и оценки партийного опыта, куда звали его большевики, он работал бы именно в интересах партии и лишь постольку в интересах «большевизма», поскольку эти интересы отражают интересы партийного развития. Покуда же он работал в фракционных интересах «меньшевизма», в пользу политического течения в партии, которое не нашло ни в одном вопросе (кроме вопроса о партизанских выступлениях и боевых дружинах) теоретических союзников в лице той или другой делегации.

Лишь тогда, когда съезд перешел к положительной части своей работы, к намечанию путей дальнейшей работы партии, центр, как единое целое, исчез, рассыпался, распался направо и налево, и тогда мы услышали от одного из авторитетнейших делегатов съезда, Розы Люксембург, о неизбежности поддержки «большевизма» во имя интересов революционной социал-демократии и возможности такой поддержки для товарищей, совершенно отрешившихся от фракционных интересов.

В нашу задачу не входит ни анализ того, как там, в глубине России, сложился этот центр, ни изучение того, имеются ли условия в партийной жизни, которые дали бы возможность центру и после съезда проявить себя, как таковому. Был момент на съезде, когда все ожидали от товарищей, расположившихся на центральной позиции, плодотворных указаний и живого руководства съездом: большевики звали тогда «центр» выйти вперед и развить свою тактическую линию; по компетентному показанию одного из его лидеров, бундовца Абрамовича, оказалось, что центр покуда «сидит за деревьями»; когда же он появился «из кустов», то оказалось, что это просто добрые люди, которые хотели дать «примирение» и «синтез», а смогли дать лишь образчики «марксизма на вес» и разбились по тем же линиям, оппортунистов и революционных социал-демократов. Противоречие между под-

держанными «центром» фракционными интересами той части партии, которой принадлежали центральные учреждения и большинство с.-д. думской фракции, и интересами партийного развития— сделало бесплодной работу съезда вплоть до того момента, покуда съезд не перешел к III пункту порядка дня, к вопросу об отношении с.-д. партии к непролетарским партиям, т.-е. к началу 3-й недели занятий съезда.

Передо мной лежат 3 проекта порядка дня, предложенные «большевиками», «меньшевиками» и «социал-демократией Польши и Литвы», и порядок дня, принятый съездом. Во всех четырех на первом месте стоят отчеты Ц. К-та и с.-д. думской фракции.

Для всех, конечно, было ясно, что эти пункты включают в себя генеральные дебаты о политической, но надо сказать,— чисто-политической борьбе пролетариата. И вот только один проект (большевистский) непосредственно за этим на первую очередь выдвигает вопрос об «обострении экономической борьбы» и, в связи с ними, тут же о «современном моменте», подчиняя ему непосредственно следующий вопрос о «классовых задачах пролетариата» в современный момент. Увы, это делает только большевистский проект. Все остальные проекты,—а также и принятый съездом против голосов большевиков,—упоминают об экономической борьбе в 7 и 8 пункте порядка дня.

Ни о современном моменте, ни о задачах пролетариата, ни меньшевистский, ни принятый съездом порядок дня не говорят ни слова, и только польский проект вставляет, в виде уступки большевикам, «роль и задачи пролетариата в настоящий момент».

Случайность ли это? Конечно, нет. Это только отголоски минувшего года, только отражение того взгляда на рост революции, который составляет специфическую черту меньшевизма. Это результат годичного сосредоточения всего внимания и всей энергии на вопросах, ось которых наш «парламент».

Для большевиков было ясно, что, несмотря на лихорадочную деятельность, вертевшуюся вокруг Думы, революция уперлась в тупик, поскольку эта думская лихорадка охватила лишь политически развитые верхи массы, и даже лишь верхи политических партий. Для них было ясно, что коренная ошибка предшествовавшего годового периода работы партии под руководством меньшевистского Ц. К. заключалась в неправильном распределении ее внимания между думской и внедумской деятельностью. В проекте резолюции о Ц. К. большевики прямо

сказали это, внеся туда пункт, констатировавший «недостаточную отзывчивость Ц. К. на важные проявления пролетарской борьбы»... и выставив двух ораторов, специальной задачей которых было отстоять первое место после отчетов для вопросов «экономической борьбы».

Не только в интересах большей плодотворности работ самого съезда, но и в интересах дальнейшего роста партии было настоятельно необходимо сосредоточить внимание всей партии на вопросе внедумской борьбы пролетариата.

Весь порядок дня, предложенный большевиками, практически, несмотря на свою внешнюю «теоретичность», был призывом сосредоточиться на интересах «улицы», и там искать исхода и для революции, и для партии. И, действительно, только этот путь дал бы возможность съезду развернуть широкую и плодотворную работу.

Внедумская борьба пролетариата, единственный источник сил, как революции, так и с.-д. партии, и только прикосновение к этому источнику, только работа над вопросами этой борьбы могла бы заполнить деятельность съезда действительно важным содержанием.

Уклонившись от этого пути, съезд сделал столь же бесплодной положительную часть своей работы, как и критическую. Съезд последовательно отверг предложение «большевиков» о постановке сейчас же после отчетов пунктов об «обострении экономической борьбы и современном моменте», и о «задачах пролетариата в современный момент», затем предложение поляков поставить сюда пункт о «роли и задачах пролетариата в настоящий момент», и поставил на 8 место этот пункт в суженном, кастрированном виде—вопроса о безработице, стачках и локаутах. Тут произошло странное, но очень характерное недоразумение. Съезд, под руководством «м-ков», отверг предложение «б-ков» и «поляков» за их, будто бы, абстрактность и теоретичность, из-за стремления, не тратя времени на эти абстракции, перейти к вопросам конкретной политики. Сколько произнесено было на эту тему хороших слов и горячих речей. В действительности основной тенденцией этих предложений было именно стремление о к у н у т ь съезд в самую глубь движущих экономических сил российской революции, приблизить съезд к интересам масс. И если это стремление получило внешнюю форму «теоретических» вопросов, то это лишь еще раз подтверждает неизбежную для с.-д. политики связь вопросов самой конкретной действительности с самыми основами марксисткой теории. И

если этому стремлению «большевиков» был на съезде противопоставлен со стороны «м-ков» подчеркнутый практицизм, и если из этого практицизма ничего практического не вышло, а вышло только то, что съезд не обсуждал ни теоретических, ни практических вопросов, т.-е. конкретных вопросов пролетарской борьбы, то это лишь подтверждает старое наблюдение над оппортунизмом, который противопоставляет теории практику для того, чтобы обесплодить теорию и обессилить практику.

Этим объем «положительной» работы съезда был сразу сужен, перспектива ближайших задач и взаимоотношений форм пролетарской борьбы сразу нарушена, и, что еще характернее, в этой нарушенной перспективе перед съездом не оказалось ни одного конкретного, насущного вопроса, который стал бы осью и нервом дальнейших работ съезда. Область вопросов чисто-политических, область лозунгов была исчерпана в отчете и резолюции о Г. Думе, которая и споров-то почти не возбудила, вопросы же социально-экономические были отброшены; в центр всей работы съезда был выдвинут вопрос о возможных комбинациях на той политической арене, которая отражала прошлое российской революции, а не ее будущее, а ко времени возвращения делегатов и совсем отошла в историю[1]). Да, в этом оппортунизм, обессиливая съезд, праздновал свою пиррову победу.

Съезд топтался на месте потому, что центром его работ была та комбинация общественных элементов, которая создалась на почве Думы, думского периода российской революции, а вопросы о жизнеспособности этой комбинации, об интересах пролетариата относительно нее, о настоящем и будущем специфически пролетарской борьбы—были отброшены за свою «теоретичность». Практика—это Дума, теория—это задачи и борьба пролетариата,—вот как стояло дело на взгляд оппортунистов, имевших еще настолько силы, чтобы заставить съезд топтаться на этой почве. Но история мстит, и когда оппортунисты вернулись домой, они нашли свою «практику» поверженной в прах, а то, что они отослали в область теории, единственным конкретным вопросом российской действительности. Может быть, теперь они находят уже, что, только поставив съезд на рельсы тех вопросов, которые были выдвинуты революционным крылом партии, они приняли бы посильное участие в действительно-важной, единственно-жизненной работе.

---

[1]) Речь идет о II Гос. Думе, которая была распущена как раз к моменту возвращения делегатов с'езда. Прим. к наст. изданию.

Вот та общая картина работ съезда, которая позволяет сказать, что съезд был «шагом на месте». Но как бы то ни было, съезд отражал партию, съезд обсуждал и принял 2—3 важных и очень серьезных резолюции; и с той, и с другой точки зрения его важно изучить. К этому мы и переходим.

2. Состав с'езда.

Это был первый съезд Р.С.-Д.Р.П., на котором она была представлена целиком, во всех своих частях. На съезде присутствовало 302 делегата с решающими голосами, представлявшие около 150 тысяч членов партии. Из этого количества у большевиков и меньшевиков было приблизительно по одинаковому количеству делегатов—по 87, С.-Д. Польши и Литвы располагала 45—47 голосами, бунд 53—55 и С.-Д. латышского края—26.

Силы обоих крыльев съезда—оппортунистического и революционного—были приблизительно равны. Меньшевики в общем действовали в союзе с бундом и незначительной частью латышской делегации (6—8); большевики в союзе с С.-Д. Польши и Литвы, и с большею частью латышей.

Когда колеблющейся части наших союзников в атаках большевиков чудились «фракционные» интересы, или когда оказывалось для них возможным увидеть в наших спорах с меньшевиками элементы чисто-организационные или личные—известная часть их шла на поддержку меньшевиков и помогала им отбивать наши атаки. Так было при голосованиях: резолюции об участии некоторых видных м-ков в буржуазной прессе, резолюции по поводу отчета Ц. К., резолюции по поводу отчета думской фракции, при определении состава нового Ц. К.

В вопросах же политических, общих, большевики всегда не только могли рассчитывать на твердость своих союзников, на единство всего революционного крыла съезда, но им довольно часто удавалось получить голоса отдельных делегатов правого центра.

И только один раз м-кам удалось объединить вокруг резолюции (раньше им удавалось объединять лишь вокруг отказа от всяких резолюций) большинство съезда—в вопросах о партизанских выступлениях, где самая постановка вопроса заставила большевиков воздержаться от голосования.

Кроме этой резолюции, все остальные приняты съездом в духе революционного крыла социал-демократии, которое в этих

вопросах действительной политической важности располагало большинством от 71 голоса (в вопросе о рабочем съезде) до 53 (в вопросе об отношении к непролетарским партиям, являвшемся как раз основным нервом фракционной полемики последнего времени).

Меньшевики собирали вокруг себя большинство лишь тогда когда центру казалось необходимым защитить меньшевиков от большевистских свирепых атак, и когда ему казалось, что эти атаки диктуются чисто-фракционными интересами большевиков. На самом деле, это большинство, само того не замечая, защищало лишь кружковые интересы руководящих кругов партии, ставших в противоречие с интересами самостоятельной классовой политики пролетариата. На этом пути то большинство (9—14 голосов, не больше), которое иногда удавалось собрать вокруг себя меньшевикам, лишь обесплодило, насколько могло, критическую работу съезда и сузило постановку практических вопросов вне-думской борьбы в связи с современным моментом и классовыми задачами пролетариата.

3.Споры и резолюции.

После сильно затянувшихся прений о порядке дня, который был охарактеризован мною выше, съезд перешел к отчету Ц. Комитета. Доклад, прочитанный от имени Ц. К-та, имел целью дать защиту той позиции, на которой стояла меньшевистская фракция и Ц. К. Фактически же это было обвинительным актом против большинства партии, которая не приняла и не одобрила ни одного лозунга Ц. К. Перед съездом прошли надежды Ц. К. на Думу и попытки его связать пролетарскую борьбу с этой Думой, как целым, лозунги «ответственного министерства» и «за Думу, как орган власти, созывающий Учредительное Собрание», попытки вызвать народное движение после разгона Думы, и, наконец, политика соглашения с кадетами и отвержение идеи «левого блока»... Это была история непрерывной борьбы Ц. Комитета с партией, и потому не было ничего удивительного, что доклад заканчивался пессимистическими указаниями на то, что «партия влачит жалкое существование рядом с массовыми, открытыми рабочими организациями». Этот пессимизм был естественным отражением растерянности Ц. К., ибо партия жила и работала не по его указке.

Другим выводом доклада было соображение о том, что «лишь деятельность партии среди пролетариата вне полити-

ческой области может восполнить наш неуспех в области политической». Докладчик Ц. К., видимо, не замечал, что эти слова были лишь плохо формулированным обвинением всей деятельности Ц. Комитета.

Разбору по существу эта политика Ц. К-та подверглась в речи т. Ленина. Он характеризовал эту тактику, как ведшую к подчинению самостоятельной политики социалистического пролетариата—политике либеральной буржуазии, наглядно показывая, как эта тактическая линия вела в целом ряде случаев не только к подмене революционных лозунгов социал-демократической, пролетарской партии оппортунистическими, антиреволюционными лозунгами буржуазной оппозиции, но иногда и к попыткам нарушения тех частей нашей программы, которые являлись помехой для составления общенационального блока. В вопросе о «конфискации земли», о «передаче всей земли народу без выкупа» делались Ц. К-ом попытки ради «единства оппозиции» нарушить партийную программу.

Целый ряд ораторов из среды центра (П. С.-Д., бунд), как на разборе общей позиции Ц. К., так и на анализе его отдельных шагов лишь подтверждали эти общие соображения лидера большевиков. И лишь один товарищ из бунда, оговорившись, что вина Ц. К. не в том, что он был меньшевистский, а в том, что был «скверный» меньшевистский Ц. К., попытался оправдать его тем, что это была «осажденная крепость». Ц. К., «осажденный» партией! Не говоря уже о том, что этого рода защита была слишком похожа на обвинение, эта картина вызвала целый ряд данных, которые явно показали, как в проведении своей, отвергаемой партией, линии Ц. К. не стеснялся ни автономией местных комитетов, ни даже прямым нарушением единства партийных организаций.

Большевики внесли в президиум резолюцию, содержавшую в себе точное и ясное перечисление установленных в речах целого ряда ораторов ошибочных шагов Ц. К-та, которую мы здесь и приводим, чтобы дать сумму обвинений, выдвинутых против Ц. К. на съезде.

Вот эти пункты:

«1) Центральный Комитет отступил от постановления объединительного съезда, что выразилось, главным образом: а) в провозглашении лозунгов «ответственного министерства» и «борьбы за Думу, как орган власти»; б) в «попытках отказаться от требования конфискации земли без выкупа и заменить его требованием отчуждения земли; в) в тактике соглашений с контр-

революционной либерально-монархической буржуазией во время избирательной кампании; г) в тактике соглашения с той же буржуазией в Г. Думе и в отказе от углубления и обострения конфликтов и противоречий в Думе и вне Думы; д) в нарушении партийного единства, как это было в Петербурге и других местах.

«2) По существу деятельность Ц. К-та во многом не соответствовала классовым интересам пролетариата, что особенно ясно выразилось: а) в перечисленных выше отступлениях от постановления объединительного съезда, приводящих не только к отказу от независимой тактической позиции пролетарской партии, но отчасти даже к отступлению от партийной программы; б) в недостаточной отзывчивости Ц. К. на важные проявления пролетарской борьбы, локауты и целый ряд подобных фактов; в) в том, что в своей практической, организационной, осведомительной деятельности Ц. К. не был высшим практическим центром партии, а лишь представителем одной ее части».

У меня нет сейчас под рукой резолюций, внесенных другими делегациями, но характерно, что настроение съезда по отношению к деятельности Ц. К-та было настолько ясно выражено, что м-ки даже и не попытались внести резолюции с выражением одобрения бывшему Ц. К.

По этому пункту порядка дня воздержание тт. поляков и голосование всего бунда, и части латышской делегации с меньшевиками дало возможность последним отклонить принятие какой бы то ни было резолюции. Партия лишена, таким образом, официального мнения своего съезда о политической работе высших учреждений партии, официально выступавших от ее имени.

VII заседание съезда началось отчетом думской фракции, представленной на съезде официальной делегацией и несколькими отдельными частями (Церетели, Зурабов, Джапаридзе, Г. Алексинский и др.).

Принципиальные основы политики думской фракции были те же, что и у Ц. К., который и являлся ее руководителем. Но ее своеобразное положение, в качестве единственной открытой организации партии, запертой в подполье, и специфические условия работы на почве Думы сделали из нее, быть может, наиболее яркое представительство российского оппортунизма и того течения социал-демократии, которое ищет основ своей тактики

в нелепом противопоставлении идеи «общенациональной» борьбы—классовой позиции социалистического пролетариата.

Отчет фракции, представлявший собой перечисление и мотивировку наиболее важных шагов в жизни фракции, сопровождался соображениями на счет тактики пролетариата в буржуазной революции[1]). Эти коротенькие соображения заключались в том, что в 1789 г. пролетариат принимал участие в революции, как один из элементов буржуазной нации, еще не выделившийся в особый класс, в в 1848 г. этот пролетариат, «отвергши обще-национальную политику», потерпел поражение: «красный призрак самостоятельного выступления пролетариата отбросили буржуазию от революции». И из этого-то «исторического опыта» докладчик выводил основы тактической позиции российского пролетариата в 1906—1907 гг. Сплочение обще-национального движения должно быть целью политики пролетариата,—говорил докладчик, и на целом ряде фактов из жизни Франции иллюстрировал... как с.-д., оппортунисты искали линии «единой оппозиции». Для связи этих общих положений с конкретной российской действительностью служило положение, что кадеты, представляя классы и группы, еще неудовлетворенные в своих интересах, являются партией оппозиционной, с которой у партии пролетариата имеется общая почва. Опираясь именно на эти соображения, докладчик защищал метод общих совещаний всей оппозиции. Однако эти совещания, ничего не давая, только связывали крайне левые фракции[2]). Но оппортунисты, поставившие своей задачей на думской арене демонстрировать солидарность с.-д. с либерализмом, практиковали эти совещания, не останавливаясь даже перед тем, что, идя к кадетам, они попали к «народовцам», которые были съездом охарактеризованы, «как организация контр-революционных элементов польского общества», «сознательный и непримиримый враг пролетариата и социал-демократии».

---

[1]) С докладом от имени фракции выступал на с'езде меньшевик Ир. Церетели. Дальнейшая роль Церетели, в качестве руководителя Петроградского Совета и члена Врем. Правительства Керенского, известна и не нуждается здесь в напоминании. Следует только отметить, что все основы предательской роли Церетели в 1917 г. уже даны в его позиции 1907 г. и в частности в той речи, которая разобрана мной в тексте. Разоблачение и борьба с г. Церетели (и с меньшевиками вообще) в 1907 году была предвосхищением той борьбы, которую рабочим пришлось вести с этими господами в 1917 г., хотя тогда никто еще не мог предвидеть глубины падения г. Церетели и его политических единомышленников. Прим. к наст. изд.

[2]) Подробности см. книжку И. Степанова и К. Левина: Деятельность второй Гос. Думы. Москва, 1907, стр. 29. Книжка вышла накануне с'езда.

Защищать совещание с подобными группами было трудно, но и здесь наши парламентские дипломаты нашли выход: оказалось,—с одной стороны,—что «народовцы так же грязны, как и всякая другая буржуазная партия», а с другой,—что «народовцы, будучи у себя дома реакционными, в русских делах—конституционны». Эти аргументы годились более или менее для того, чтобы не вносить семейных раздоров в ту «семью оппозиционных партий», о которой говорил докладчик, но эта своеобразная оценка политических партий звучала странно на съезде, где было достаточное все-таки количество марксистов.

Как вопрос об общих совещаниях и народовцах, так и вопрос о президиуме решался «меньшевистским» большинством думской фракции соображениями о «единстве оппозиции» во что бы то ни стало. Во имя этого «единства» фракция не только голосовала за кадетского председателя, но и воспретила некоторым добивавшимся этого права большевикам-депутатам воздержание при голосовании. Для защиты этого голосования у докладчика, даже после вполне выяснившегося характера политического поведения г. Головина не нашлось других аргументов, кроме соображений о необходимости для социал-демократов усилить авторитет кадетского председателя, как представителя всего оппозиционного дела Думы и связать г. Головина своим голосованием. Мы знаем теперь, как использовал г. Головин свой авторитет представителя «всей» оппозиции, и кто, кого и с кем связал [1]). Во всяком случае, частицу «авторитета» бывшего председателя Г. Думы и часть ответственности за его шаги взяла на себя та фракция, которая подавала за него голоса.

Разрыв с кадетами и вообще со всеми непролетарскими партиями в ответ на декларацию г. Столыпина и декларация с.-д. фракции,—были предметом особой гордости тт. меньшевиков, и докладчик сказал, что этим шагом фракции должны быть довольны и большевики, ибо, по его словам, на этом пункте меньшевики будто бы воплощали в жизни тактические планы большевиков [2]). Накануне этого заседания,—говорил Церетели,—социал-демократы употребили всю энергию на разоблачение на «общем совещании оппозиции» непоследовательности кадетов и на отвлечение от кадетской «тактики молчания» народнических групп.

---

[1]) Намек на роль председателя II-ой Думы г. Головина и всей кадетской партии при выдаче с.-д. депутатов в руки Столыпина.

[2]) Не правда ли, характерно! Первое самостоятельное выступление с.-д. фракции в Думе в устах оратора меньшевика получает название акта „большевистской“ политики. Мы можем гордиться...

Большевики тут же указали, что одним из условий неудачи социал-демократов в этой важной и первой попытке отвлечения левых групп от кадетской гегемонии было то, что эта попытка была **первой**, что с самого начала социал-демократы не только не противопоставляли себя кадетам так, чтобы это стало ясным для крестьянских депутатов, но сами, хотя бы тем же голосованием за кадета Головина, приучили серую думскую массу к мысли о важности объединенных с кадетами действий. Меньшевики пожали здесь то, что посеяли: идея «единой» оппозиции в руках кадетов стала орудием против социал-демократов.

Мы разоблачали непоследовательность кадетов,—говорил докладчик. Какими методами,—спрашивали большевики?

Кадеты в ответ на контр-революционную декларацию Столыпина предлагали молчать. Социал-демократы предлагали в ответ на декларацию правительства выступить с декларацией народных нужд. Крестьяне колебались. Оторвать их от кадетов в этом вопросе можно было, лишь противопоставив кадетскому молчанию голос действительных народных нужд. Если бы думская фракция с.-д. взяла бы на себя эту задачу формулировки народных требований и на этой почве вела борьбу с кадетами за крестьянских депутатов, ей легко удалось бы привлечь к себе крестьян. К сожалению, большинство фракции пошло по другому пути. Оно отвергло, как тему и задачу декларации, выставление «программных требований», оно не хотело ввести в эту декларацию ни требования земли, ни требования воли. Все содержание декларации должно было быть исчерпано лозунгом «ответственного министерства». В декларации так и было сделано: ответственное министерство—ее **единственный** политический лозунг. Крестьяне на это не пошли.

Вообще декларация эта подверглась подробнейшему обсуждению. Во-первых, с точки зрения отсутствия в ней того элемента, который делал бы ее социал-демократической: социализма, вопроса о классовых задачах и стремлениях пролетариата, о самостоятельности пролетарской партии. Об этом в социал-демократической декларации не было ни звука. Зато «единение оппозиции» и ее лозунг «ответственное министерство» были проведены и подчеркнуты во всей декларации. Это последнее было вторым пунктом обстрела.

И атака, и защита велась обычными аргументами, которые достаточно известны, чтобы их не воспроизводить еще раз здесь. Хотелось бы только отметить, что то отношение к программным речам, которое высказал докладчик и его товарищи

(«зачем читать всю программу всякий раз»), то противопоставление программы и «текущей работы», которое должно было оправдать отсутствие социалистических элементов (программа) в декларации (текущая работа), встретили единодушное осуждение... И если ораторы из «центра» готовы были видеть в декларации лишь ошибки «молодой» неопытной фракции, то сама защита этих шагов со стороны меньшевиков должна была показать, как правы были большевики, которые видели во всем этом не случайную ошибку, а естественный и неизбежный результат мелко-буржуазных тенденций, стремления демонстрировать единство «всей оппозиции».

Желание стоять на общей почве оппозиции, на почве демократии, а не социализма, особенно сильно сказалось в том пункте, где Церетели и его товарищи пытались аргументировать свой принципиальный отказ от социалистической мотивировки бюджетной резолюции, внесенной с.-д. фракцией. Оказалось, что социалистическая мотивировка помешала бы осуществлению поставленной задачи. Социалистическая мотивировка,—говорили ораторы-меньшевики,—привела бы нас к заявлению, что мы отказываем в бюджете всякому буржуазному государству, и тем был бы ослаблен наш удар по данному крепостническому государству и его бюджету. С другой стороны, социалистическая критика нашего бюджета ни для кого, кроме нас, с.-д., неприемлема и прозвучала бы даром, лишь расстроив ряды «единой оппозиции».

Стремление сейчас же добиться непосредственного успеха здесь же, на парламентской арене—привело вновь к тому, что социал - демократическая политика была заменена демократической.

Съезд не мог согласиться с этим приличествующим разве г-ну Струве утверждением, что пропаганда социалистических идей, что социалистическая критика может каким бы то ни было образом обессилить борьбу с крепостническим государством. Все «глубокомыслие» этого аргумента не могло быть воспринято съездом уже потому, что, несмотря на то, что социал-демократы отвергли социалистическую мотивировку, они все же не нашли поддержки у тех, на кого рассчитывали, как на демократов: перед съездом была несоциал-демократическая декларации социал-демократической фракции, и факт передачи бюджета в комиссию всей Думы, вопреки социал-демократам. Оставалось утешаться тем, чем пытался утешить съезд т. Мартынов: если бы кадетское большинство отвергло резолюцию с.-д.

из-за ее социалистических элементов,—говорил он,—то в этом не было бы ничего удивительного, а теперь, когда кадеты отвергли демократическую резолюцию, нам легко разоблачить их непоследовательный демократизм. Съезд посмеялся над хитроумными кознями, построенными т. Мартыновым кадетам.

В речах целого ряда ораторов съезд разъяснил представителям думской фракции, что не стоит скрывать свой социализм ради привлечения кадетов, ибо кадет не идет за социал-демократом даже тогда, когда последний притворяется демократом. Но, видимо, фракции нужен был наглядный урок, чтобы усвоить себе эту простую истину. Об этом уроке, преподанном кадетами, и рассказал докладчик в конце своего доклада. Дело шло об основном вопросе революции, о земле. Как известно, с.-д. добивались революционного решения вопроса путем конфискации помещичьих земель без оплаты. Кадеты стояли за наиболее выгодное для помещиков решение, путем «принудительного отчуждения» лишь части земель и за плату. «Мы условились с кадетами,—жаловался Церетели съезду,—нападать сообща на правительство по линии «принудительного отчуждения» [1]), не критикуя друг друга, но кадеты, заручившись этим соглашением, напали в первой же речи Кутлера на социал-демократов». Из чего получилось, что Кутлер «конфискацию» критиковал, а социал-демократы... отстаивали кадетское «принудительное отчуждение».

Но даже этот урок не помешал докладчику кончить заявлением о том, что кадеты по всем главным вопросам выступали совместно с «левыми» [2]), и найти оправдание для кадетов в общем ослаблении революции, отрицая с энергией, которую трудно было бы предположить в марксисте, всякое заподозривание кадет в боязни революционного движения пролетариата. Этим думал докладчик оправдать и себя.

После речи содокладчика и после затянувшихся дебатов были внесены 4 проекта резолюций, вышедшие из среды б-ков, м-ков, С.-Д. Польши и Литвы и бунда.

Проекты большевиков и поляков заключают в себе некоторые указания, которыми фракция должна была бы руководиться в своей дальнейшей деятельности, при чем проект поляков

---

[1]) А как же „конфискация“, стоящая в программе? Да, так то „программа“, а то „текущая работа“... „сообща с кадетами“.

[2]) На фактическую неточность этих слов было немедленно же указано. Из 23 наиболее важных голосований кадеты голосовали с с.-д 3—4 раза, 17 же раз голосовали с правыми, против левых.

заключает в себе только «директивы», а проект большевиков, кроме того, и указания ошибочных шагов фракции.

Проект меньшевиков и бунда никаких указаний не делает и ограничивается лишь приветствием фракции.

Исходивший из среды меньшевиков проект краток: «Съезд, выслушав отчет думской фракции, выражает ей доверие за энергичное и последовательное отстаивание интересов пролетариата и дела революции». Бунд прибавляет к этому признание, что «в деятельности с.-д. фракции были отдельные ошибки».

Таким образом, указания на ошибочные шаги в том или другом виде даются всеми резолюциями (за исключением, конечно, меньшевистской). Точно сформулированы они в проекте большевиков: «Фракция, — говорит этот проект,—обнаружив в общем стремление быть достойной представительницей рабочего класса, не всегда, к сожалению, вполне последовательно проводила точку зрения пролетарской классовой борьбы, что проявилось: 1) в ошибочном голосовании социал-демократов за кадета в председатели Думы; 2) в несоциалистической и нереволюционной мотивировке декларации; 3) в опущении социалистического обоснования бюджетной резолюции; 4) в усвоении буржуазно-либерального лозунга о подчинении исполнительной власти Госуд. Думе и в некоторых других случаях»...

Комиссия, которой поручено было съездом столковаться на счет резолюции, предложила, прежде всего, обсудить спорный вопрос о том, должны ли быть сделаны вообще в данной резолюции какие-либо указания фракции для ее будущей работы.

Отказ съезда сделать указания, на взгляд б-ков, поляков и части латышей, был бы новым самоустранением съезда от такой работы, которой имела право требовать от него партия.

Делегация фракции перед самым голосованием внесла тут же оглашенное заявление в том духе, что принятие в резолюции каких бы то ни было директив заставит известную ее часть «подать в отставку». Что это значило,—бог весть, но действие свое это возымело.

К концу съезда была без прений принята резолюция, признающая, что «в общем и целом» фракция стояла на страже интересов пролетариата и революции.

В связи с вопросом о думской фракции съездом была принята резолюция «о национальном вопросе в Думе», рекомендующая фракции более внимательно отнестись к этому во-

просу, и резолюция «о народовой демократии», которая обращает внимание с.-д. фракции на необходимость беспощадного разоблачения черносотенной физиономии национал-демократов и причисляет эту партию и ее фракцию в Думе к тем группам, «с которыми с.-д. фракция не должна входить в какие бы то ни было переговоры и соглашения».

Дебаты по вопросу «об отношении к непролетарским партиям» были наиболее существенным моментом съезда, а принятие по этому поводу резолюции самым серьезным его моментом. Эта резолюция навсегда останется в активе партии.

Съезд выслушал 4 докладчиков. Тов. Ленин в блестящей речи дал исторический очерк различных решений этого вопроса в среде российской социал-демократии и анализ роли различных классов в российской революции, на этом обосновав те наши формулировки, которые после целиком вошли в принятую резолюцию. Тов. Мартынов исходил в своей формулировке из соображения об «общенациональной» революции и ставил дальнейшее развитие ее в зависимость не от успеха борьбы пролетарской партии против гегемонии кадетов над мелкобуржуазной демократией, а от успехов «обще-национального» сплочения.

Докладчик бунда взял на себя трудную задачу примирить эти две точки зрения. Эта попытка была обрисована выше. Наконец, тов. Роза Люксембург в речи, которая с большим вниманием была выслушана всем съездом, подвергла критике воззрения, высказанные тов. Мартыновым, и рядом исторических справок по истории российского либерализма, с одной стороны, и истории отношений социал-демократии и самого Маркса к буржуазному либерализму, с другой, убедительно показала, что, как теория, так и практика революционной социал-демократии требует той формулировки нашего отношения к непролетарским партиям, которое было дано в проектах поляков и большевиков. Из последующих речей заслуживают упоминания речь тов. Троцкого, направленная как против воззрений меньшевиков на возможность «сотрудничества» пролетариата с либеральной буржуазией в русской революции, так и против того «марксизма на вес», образчики которого были даны оратором бунда (Р. Абрамовичем), и речь тов. Плеханова, взошедшего на кафедру только для того, чтобы прочесть интересную цитату из Маркса, взамен более подробного выяснения своей точки зрения. Роль т. Плеханова на съезде была, кстати сказать, вообще—ролью человека нашедшего точного выразителя своих

взглядов в т. Мартынове, и потому не дававшего себе труда самому рассказать о своих взглядах[1]).

Мы не будем здесь излагать споров, вертевшихся вокруг оценки кадетов и народнических групп. Съезд, после того, как тт. поляки сняли свою резолюцию, положил «в основу» большевистский проект. К этому проекту правое крыло съезда внесло до 70 поправок, из них до 35 приходилось на параграф о кадетах. Самая важная из них, формулировавшая допустимость соглашений с партией к.-д. была отвергнута, и весь пункт был затем принят с единственной чисто-редакционной поправкой.

Был принят и пункт о народнических группах, после страстных дебатов, вызванных стремлением м-ков специально подчеркнуть реакционно-утопические элементы этих групп, и, таким образом, провести в резолюции свою антиреволюционную и чисто кадетскую классификацию «прогрессивной городской и отсталой сельской буржуазии». Тов. Ленин в своей речи вскрыл, что в данном случае подобное подчеркивание и подобная классификация фактически были бы борьбой против конфискационных стремлений крестьянской массы и переходом социалдемократии на точку зрения левого кадета, стоящего между кадетизмом и трудовичеством. Этого кадета,—говорил Ленин,—тянет трудовичество, ибо оно политически-революционнее, и отбрасывает направо, к кадетизму,—боязнь конфискации. В этом конфузном положении политического радикала—основа меньшевистской формулы. Но партия не может стоять на этой почве, которая, помимо воли, несмотря на ту или другую формулировку, объективно была бы для данной эпохи не осуждением утопической и реакционной идеологии интеллигентов народнических групп (она достаточно подчеркнута уже в большевистском проекте), а революционных, конфискационных тенденций массы крестьянства. После речи Ленина поправки м-ков были отвергнуты.

Отвержение указанных двух поправок, столь ясно вскрывавших позицию меньшевиков, показало, что в вопросе об отнонии к непролетарским партиям съезд в громадном большинстве стоит на почве революционной социал-демократии. На этой резолюции большевики объединили вокруг себя все не-оппорту-

---

[1]) Смысл этого замечания заключается в намеке на то, что Плеханов в 1905—1907 г.г. стал единомышленником Мартынова, которого до раскола партии на большевиков и меньшевиков бешено критиковал, как типичного оппортуниста. Прим. к наст. изд.

нические элементы съезда, собрав $^{2}/_{3}$ его голосов. Победа революционного крыла была полная. Это настроение съезда было столь ясно, что м-ки не решились внести на съезд предварительно выработанный и отпечатанный ими (см. № 12 газеты «Нар. Дума»), проект резолюции, написав совершенно новый, представлявший большое улучшение сравнительно с тем принципом «комбинирования» действий пролетариата с шагами непролетарских партий, который составлял все политическое содержание первого проекта.

В той же атмосфере поворота съезда к принципам революционной социал-демократии обсуждался и вопрос о «рабочем съезде».

К сожалению, на самом съезде, на его официальных заседаниях вопрос этот не был поднят на высоту принципиальных дебатов и не связан с какими-либо практическими предложениями. И речь тов. Аксельрода, и речь т. Валерина [1]) показали явственно, что «рабочий съезд» не вышел еще из стадии чисто интеллигентского обсуждения.

Большим недостатком речи Аксельрода, автора «рабочего съезда» было то, что о рабочем съезде в ней не было почти ничего. Мы не знаем ничего — так можно было бы резюмировать речь Аксельрода — насчет рабочего съезда,—когда он будет, откуда он придет, что принесет для партии?—Но мы надеемся на то, что «идея» съезда спасет нашу партию. Тов. Валерин, большевик, на эту «идею» не надеялся и старательно доказывал, что до сих пор эта «идея» фатально приводила к дискредитированию существующей партии. Отсутствие конкретной почвы для обсуждения «рабочего съезда», неумение связать эту «идею» с текущей действительностью, чисто-литературный характер постановки этого вопроса у обоих докладчиков—сделал из этого вопроса—вопрос чисто-академический. Единственным практическим было в этих спорах общее признание того, что агитация за рабочий съезд до сих пор ничего, кроме дезорганизации партий и стирания границ между социал-демократизмом и анархо-синдикализмом, не дала.

Резолюция по этому вопросу, внесенная большевиками и принятая 165 голосами против 99, характеризует последовательно роль политической и экономической организации в пролетарской борьбе, признает необходимым использование в це-

---

[1]) Под псевдонимом Валерина на с'езде выступал покойный тов. Лейтайзен Прим. к наст. изданию.

лях укрепления и развития этих основных форм организаций пролетариата других, стихийно-возникающих на фоне революционного подъема форм объединения рабочего класса и признает безусловно вредною для классового развития пролетариата агитацию за рабочий съезд, ибо, как говорит пункт 4 резолюции—«идея рабочего съезда ведет по существу своему к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего съезда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии»...

Те же элементы съезда, которые объединились вокруг большевистских предложений по рассмотренным выше вопросам, провели и резолюцию о «Г. Думе», и о «профессиональных союзах», которая, подтверждая резолюцию Стокгольмского съезда. напоминает, кстати сказать, часто забывавшуюся, особенно тов. меньшевиками, задачу социал-демократии—«содействовать признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению организационной связи с ней,— и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту связь в жизнь».

Последней резолюцией была резолюция «о партизанских выступлениях». Она зовет партию на «энергичную борьбу против этих последних» и постановляет распущение «боевых дружин». Для «большевиков» вопрос этот не был фракционным: среди них имелись и сторонники, и противники данной формы борьбы. Но резолюция, внесенная по этому вопросу, сначала меньшевиками, а затем меньшевиками, бундом, поляками и латышами совместно, была аргументирована таким образом, давала образчики «социологии» такого типа, что ни один из большевиков-противников «партизанских выступлений» не мог подать за нее свой голос. Часть большевиков воздержалась, часть голосовала против.

Наконец, выборы нового Ц. К. показали еще раз, как «центр» понимает свою роль и задачи примиренчества. Кандидаты того крыла съезда, которое определило все главные его резолюции, получили волею съезда случайное преобладание лишь в один голос в том учреждении, которое должно было проводить в жизнь съездовские решения.

Опять перед глазами встала картина той игры, с описания которой я начал статью; после кратковременного проблеска съезд опять делал «шаг на месте».

4. На дорогу.

Революционное крыло с.-д.-тии, преобладавшее на съезде, пыталось уже на съезде поставить партию на «новые рельсы», и до известной степени, в некоторые моменты ему удавалось это... Два принципа должны характеризовать этот путь: «самостоятельная классовая политика пролетариата»,—во-первых, партийность»,—во-вторых. Тяжел ли этот завет для «большевиков»? Конечно, нет!

С момента выяснения тактических разногласий на каждом этапе партийного развития, с первого момента революционной бури большевизм боролся за выдержанную линию пролетарской политики.

Будучи у «власти» в момент напряжения революционной борьбы, отброшенный в оппозицию в год шатаний и оппортунизма, «большевизм» всегда боролся под знаменем партийности и единства партии. Провести в жизнь тот и другой принцип—нет, это не обуза для большевиков. Работая над этими задачами, большевизм работает над своей постоянной задачей.

Но сможет ли он выполнить эту задачу,—задачу, поставленную перед нами съездом? Увидим, и первым испытанием ему будут умение разобраться в той гнетущей политической обстановке, которую встретил съезд, когда переступил российскую границу.

Революционная с.-д-тия в России знает теперь во всяком случае, что ее преобладание в партии диктуется не подъемом или упадком революционного настроения среди партийной массы, а упорной борьбой за выдержанность и самостоятельность пролетарской политики.

„Гнетущая политическая обстановка", указанием на которую кончается статья и которая встретила возвратившихся с Лондонского с'езда делегатов, создана была государственным переворотом 3-го июня 1907 г., сопровождавшимся роспуском Гос. Думы, арестом социал-демократических депутатов Думы,—приговоренных к концу года к каторжным работам,—и изменением избирательного закона. Вслед за этим последовало введение военнополевых судов и полный разгром рабочих организаций. Все эти меры контр-революции встретили лишь очень слабое противодействие со стороны ослабленного предшествующей борьбой пролетариата и знаменовали конец первой русской революции и полное торжество союза монархии, дворянства и крупной буржуазии, приветствовавшей переворот, во главе которого стал Столыпин. Революционные партии должны были перенести центр тяжести своей работы в подполье. Торжество монархии, подновленной союзом с октябристской буржуазией и поставившей ставку на „сильные", кулацкие

элементы деревни, сопровождалось широкой волной разочарования, ренегатства и отхода от революции в среде мелко-буржуазных партий. Среди кадетов на фоне общего поправения всей партии выделяется группа „Вех" (Струве, Изгоев, Булгаков и др.), создающая идеологию сильной национальной монархической власти, правящей путем союза дворянства и промышленников. Среди эс-эров выделяется группа „народных социалистов" (Пешехонов, Мякотин и др.), рвущая с идеей республики и аграрной революции. Меньшевизм, развиваясь по намеченному еще в разгар революции пути, превращается в ликвидаторство, хоронящее и революционную борьбу 1905 года, и партию, и основные завоевания революционного марксизма.

Общим для всей этой волны является не только фактическое примирение с третье-июньской монархией и отказ от подготовки нового революционного наступления, но и резко отрицательное отношение к массовой революционной борьбе пролетариата и крестьянства в 1905 году. В форме критики революции 1905 г. и совершался, прежде всего, процесс „линяния" былых революционных партий, их переход на почву контр-революции, их „прощание" с былыми „иллюзиями" и „увлечениями". Реакционная, ликвидаторская, ренегатская „критика" 1905 г. стала в 1908, 1909, 1910 г.г. признаком „хорошего тона" и „политического разума" не только для кадет, но и для меньшевиков и эс-эров. Г.г. Милюковы, Струве, Мартовы, Потресовы, Даны, Черновы и Савинковы дружно работали на этом поприще и в газетах, журналах, брошюрах и целых „исследованиях" старались перещеголять друг друга.

Первой задачей большевиков при этих условиях было—рядом с текущей политической работой — разоблачить контр-революционный характер кадетской, меньшевистской и эс-эровской „критики" первой русской революции и вскрыть перед новым поколением пролетариев те великие уроки политической классовой борьбы, которые оставила по себе разбитая революция 1905 года. В эпоху полного внешнего торжества контр-революции и ренегатства в 1908—1911 г.г. наша большевистская печать—на $^{9}/_{10}$ подпольная и нелегальная—уделяла этому вопросу, как и следовало, очень много места. Некоторые мои статьи, посвященные тому, как кадеты, меньшевики и эс-эры оценивали первую русскую революцию, перепечатываются ниже.

УРОКИ 1905 ГОДА

1905 г. и ЛИБЕРАЛЫ.

„ГОД БОРЬБЫ“ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА [1]).

1. Г. Милюков—политик.

Г. Милюков выпустил книгу публицистической хроники, озаглавив ее «Год борьбы». Надо его поблагодарить за эту книгу; это—большая жертва, принесенная г. Милюковым на алтарь истории... российской словесности. Да не подумает читатель, что жертва эта принесена г. Милюковым сознательно. Отнюдь нет. Скорее, напротив: г. Милюков рассчитывал и рассчитывает, что эта книга должна стать методом проверки и оправдания поведения той партии, с деятельностью которой слилась деятельность ее автора. Для себя лично г. Милюков результатами проверки доволен: «он не находит, чтобы ему следовало особенно стыдиться результата произведенного экзамена», «в основе суждений лежит некоторая руководящая идея», и он предоставляет читателю решить лишь, насколько эта идея, этот «критерий суждений и оценок» «наложен извне или взят из самой сущности обсуждаемых фактов». Перед судом г. Милюкова произведения его политической мудрости блестяще сдали экзамен зрелости. Так же ли блестяще выдержат эти «публицистические отрывки» испытание, которое уготовил им г. Милюков, собрав их воедино и бросив в виде объемистого тома на суд публики? Эта публика не знает русского либерализма, как доктрины, как политической системы, как тактической линии. Так недавно еще появился либерализм, как политическая партия, на арене русской истории, а публика что-то с трудом вспоминает, как и когда он родился, кто стоял у его колыбели, когда и как он боролся за существо-

[1]) Сборник „Зарницы“, в. I, Спб., 1907 г.

вание. Но она любопытна,—эта публика, и естественно будет. если она станет искать ответов на свои вопросы о судьбах русского либерализма в книге г. Милюкова. Мы опасаемся, что книга эта не много даст той публике, которая захочет познакомиться с учением русского либерализма, ибо собрать всю груду своих ошибок, уже ясных, сгруппировать свои расчеты и предсказания, носящие на себе следы недвусмысленного прикосновения злой, для г. Милюкова злой, истории, обнажить корни своих несбывшихся пророчеств, дать точную копию с собственной фигуры—политика лавировавшего и невылавировавшего, барахтавшегося и невыбарахтавшегося, вынесенного на момент на верх теми низами, против движения которых он не уставал воевать, и сброшенного теми верхами, на которых почили его надежды, и подобный сборник печальных анекдотов и траги-комических приключений выставить, как **оправдание**, как оплот против неумолимой истории,—это, значит, сказать, что у русского либерализма не существует истории, что, пожалуй, не существует и самого либерализма, если понимать «либерализм» не только как ярлык для мирных сотрудников контр-революционных сил. Русский либерализм, как политическое и общественное движение, не имеет собственной истории, ибо он никогда не был самостоятельным **движением**, политическим и общественным. История российского либерализма вся целиком умещается в истории российской контр-революции.

* * *

Г. Милюков—талантливый человек. Некоторые статьи, вошедшие в его книгу, когда-нибудь будут почитаться образчиками политической прозы. Беда его лишь в том, что политика его особого рода: это прежде всего и после всего—дипломатия. Его искусство писать, есть искусство печатно вести переговоры, причем старушка-история ни разу еще не дала ему возможности вести переговоры при сочувствующей аудитории. Наоборот, переговоры приходилось скрывать, вести их надо было так, чтобы сокровенный смысл их был ясен лишь посвященным. Ради непосвященных приходилось закутывать их как можно лучше в байковые одеяла конституционной законности и законной «непримиримости». Только теперь, читая статьи г. Милюкова под ряд, одну за другой, в хронологическом порядке, можно почувствовать ту внутреннюю дрессировку, ту тонкость обоняния, которая давала возможность г. Милюкову день за днем разговаривать со страниц «Права» и «Речи» с владыками России, с кн. Свя-

тополком, с гр. Витте, с ген. Треповым и т. д. Всегда и постоянно, при всех условиях, правительство—любимый собеседник г. Милюкова. И он умеет с ним говорить. Он говорит с ним и тогда, когда оттуда, с этих недоступных высот готов грянуть гром, и после грома, когда готовы его слушать и когда не слушают, когда ласкают и когда гонят вон; он тщательно выбирает слова и оттачивает фразы, он иногда грозит, чаще предупреждает об опасностях, идущих снизу, убеждает, разъясняет, ловит на слове, играет на самолюбии, пытается поссорить г. Витте с Треповым и монархистов звездной палаты с Горемыкиным, ждет исправления. Он—лучший публицист к.-д. партии, потому что лучший парламентер. Уступчивость г. Струве, коленопреклоненность г. Родичева, «тон» г. Набокова, эти существенные качества людей, охваченных горячкой примирения, но плохих дипломатов, г. Милюков научился заменять достоинствами хорошего дипломата, выдержкой и рассудительностью шахматиста. Не его вина, если его обычные партнеры оказывались не только шахматистами. Он играет по-своему честно, и думал, что честностью гарантировал себя от ударов кулаком по самой доске. Не его вина и в том, что после такого удара ему приходилось немедленно лезть под стол, чтобы там искать почти обеспеченный выигрыш. Он берет все, что можно, и там, где находит.

Русский либерализм не имеет истории. Не имеет он и публицистики. Ибо ему нечего защищать, кроме своего неутолимого желания быть собеседником «верхов». А здесь достаточно дипломатии.

Теперь, в книге г. Милюкова этот либерализм жаждет оправдания. Он пользуется передышкой революции, чтобы бросить ей вызов, в длинном свитке перечисляя те удары, которые нанесла ему «улица». И «улица» вправе спросить его, кому он служил и что сеял.

Читатель извинит нас, если мы ограничим свою работу именно этой задачей и не будем затруднять его полемикой с самим г. Милюковым. Это было бы безнадежным предприятием. Полемика с г. Милюковым по поводу данной его книги необходимо свелась бы к выяснению наших с г. Милюковым разногласий по поводу движущих сил и перспектив российской революции. А если бы даже мы и чувствовали хоть какую-нибудь потребность в ревизии наших взглядов на этот предмет, то производить ее в связи или даже по поводу книги г. Милюкова нет никаких оснований. Хотя книга его и названа «Годом борьбы», г. Милюков не удосужился хотя бы раз вплотную заняться анализом той

действительной борьбы, которая шла на русской земле. Анализ состояния духа высших сфер, анализ актов, оттуда исходивших, наконец, анализ партий, групп и слоев, стоящих правее к.-д., отнял у г. Милюкова время, потребное на изучение движения широких масс. В результате об этом движении, об этой «стороне» революции г. Милюков ничего не знает. Революция и массы для него элементы посторонние, всегда опасные, всегда портящие его чертежи, всегда задерживающие ход шахматной игры, всегда явление, требующее «лечения» патетованными способами либерализма, и, на случай их появления на той арене, где действует г. Милюков, у него один прием—уйти в сторону. У человека, который практикует по поводу революции этот прием, нельзя научиться ее пониманию. Революции нечему учиться у проторговавшегося либерала, достаточно лицемерного, чтобы назвать свое ремесло маклера «борьбой», достаточно откровенного, чтобы не скрывать, что «обезоружить революцию»—его постоянная задача.

2. Кадеты накануне революции.

Есть миф,—он очень усердно распространялся еще очень недавно,—что элементы, из которых создана была партия к.-д., способны, хотя бы спорадически, становиться на точку зрения революции. Ходило предание, что именно в эпоху до-октябрьскую и в самые октябрьские дни партия сочувствовала революционной борьбе народа и готова была связать с ней свою судьбу. Г. Милюков задался целью опровергнуть это, несомненно, ложное представление. С этой целью он предпослал сборнику своих статей 1905—1906 г.г. статью 1904 г., посвященную «задачам земского съезда 6—9 ноября 1904 г.». Статья эта поистине может быть названа «пролегоменами ко всякой будущей дипломатии», и хотя г. Милюков после нее далеко ушел вперед, она по праву занимает свое место в сборнике. В этой статье в наличности весь тот арсенал, которым и впоследствии действовал г. Милюков, и если здесь нет еще элементов чисто контр-революционной позиции, то только потому, что г. Милюков в те времена, в ноябре 1904 г., и не подозревал самой ее возможности.

Г. Милюков приписывал съезду 6-го ноября чрезвычайное значение—«и по его характеру, и по моменту созыва, и по содержанию вопросов, подлежащих его решению». Г. Милюков знал уже тогда об «общегосударственной необходимости», т. е. о необходимости свержения самодержавия, и об «общем подъеме

настроения», т.-е. о росте революции. Казалось бы, человеку, познавшему эти две серьезные вещи, естественно было обратить внимание на те средства, которые помогли бы «настроению» отлиться в какие-нибудь серьезные формы сплочения и действования; естественно, было бы обратиться к тому морю, которое, видимо, начинало бурлить и выходить из берегов, в развитии самого этого движения искать методов воплощения в жизнь «обще-государственной необходимости». Пусть буржуазный демократ разошелся бы с демократом небуржуазным в оценке желательных методов и понимания размеров «необходимости»— вся российская история толкала его туда, где совершался этот подъем, и требовала, чтобы он там, внизу закладывал фундамент надвигающейся борьбы. Организованность вражеской силы требовала для серьезной борьбы немедленной работы в сторону организации народных масс. Разыгрывалась прелюдия российской революции, и тот, кто хотел читать в ее книге, должен был там прочесть именно это.

Г. Милюков не хотел развернуть даже первых ее страниц. Два слова блистали своим отсутствием в статье, трактовавшей о «наболевшем крике жизни»: народные массы и принцип организации сил для борьбы. В чем же коренились силы съезда? В том,— отвечал г. Милюков,—что «на этот раз созыв земских людей получил официальную санкцию», «что в этом нельзя не видеть прямого указания свыше», «что голос совещания может иметь авторитет в глазах власти», «что взгляд администрации изменился», и из этих-то данных будущий лидер «демократической» партии выводил, что «все условия для серьезного общественного заявления [1]) теперь налицо», «рамки устранены и путы сняты». Таков анализ положения, сделанный г. Милюковым накануне 1905 года.

Ну-с, а каковы были тогда перспективы г. Милюкова, на что надеялся он, когда говорил об «обще-государственной необходимости»? Увы, эти перспективы и эти надежды не выходят за пределы приобретения совещанием земцев «авторитета в глазах власти». Вот альфа и омега политической мудрости г. Милюкова.

С этим багажом и пустился наш политический деятель по бурным волнам русской революции. Полное игнорирование роли массы и отрицание других движущих сил в этом процессе переустройства России, кроме «взглядов администрации» и «авторитетного» для нее голоса «земских людей»,—вот его арсенал.

---

[1]) Т.-е. для заявления о необходимости конституции.

И он остался верен этому арсеналу, его, казалось ему, достаточно, чтобы играть роль преемника старой власти. Если этой роли ему не пришлось сыграть, то не потому, чтобы он изменил своему арсеналу, своим взглядам на взаимоотношение различных элементов общественного движения, а потому, что арсенал изменил ему и оказался в руках его соседей справа.

«Путы сняты»,—провозгласил г. Милюков в предверии того года, который целиком ушел на спор о том, разобьет ли их народ или нет. Но напрасно было бы предположение, что г. Милюков готов был учиться у жизни и что последовавшие факты способны были заставить его пересмотреть свою схему. 12-го декабря, через четыре недели после песнопения г. Милюкова, он мог из хорошо осведомленного источника убедиться, что, вопреки его мнению и схеме, «взгляды администрации» не переменились, а «путы» желают бороться за существование. А 9-го января он мог убедиться и в том, что на политической арене не только земец и кн. Святополк-Мирский [1]), а и элементы, совершенно чуждые беседам первых двух.

В продолжение 2 месяцев схема г. Милюкова оказалась нарушенной с двух концов. Первое построение профессора истории оказалось немедленно отброшенным в ее мусорную яму. Но что за дело до этого нашему публицисту: жизнь не может надеяться, что в ней будет искать он директив своего политического поведения, и если она не хотет итти по той схеме, которая кажется наилучшей русскому либерализму, то он всегда найдет профессора истории, который расскажет о ней так, как ему угодно. Послушайте, как он укладывает ее в ложе своих схем.

Речь идет о депутации кн. С. Трубецкого к царю 6-го июня 1905 г. Вспоминая эту дату, г. Милюков устанавливает вехи в истории последних лет: «После 6-го июня эпоха «представлений» окончилась: «воля царская—созвать выборных от народа» —объявлена непреклонной: дело народного представительства в принципе выиграно... В ряду побед 6-е июня занимает переходное место между 6-м ноября и 17 октября. 6-го ноября страна получила впервые возможность громко формулировать свои желания. 6-го июня она услыхала на них такой же громкий ответ, равносильный обязательству»... [2]). Помилосерд-

---

[1]) Тогдашний министр внутренних дел, пытавшийся заигрывать с земцами. Прим. к наст. изд.

[2]) П. Милюков. Год борьбы. Публицистическая хроника. Изд. „Общ. Польза“, Спб. 1907, стр. 11. Курсив наш.

ствуйте, г. хроникер: ведь, вы забыли о том, что ответ на 6-е ноября был дан 12-го декабря, что между 12-м декабря и 6-м июня было 9-е января и целая полоса стачек, демонстраций и прочих проявлений массовой борьбы, что, наконец, понадобился «октябрь» для того, чтобы хотя «в принципе», но действительно, на «улице», выиграть то, что вам казалось выигранным кн. Трубецким на аудиенции, и ноябрь-декабрь, чтобы это «в принципе выигранное», удержать... на недолгий срок.

Чтобы покончить с 6-м июня, приведем еще одно «разъяснение» истории, сделанное нашим хроникером: по его сведениям, в эту эпоху «велась при дворе упорная борьба за характер народного представительства. Очень сильно было влияние, добивавшееся представительства сословного с преобладанием дворянства... Решительный удар этой идее нанес кн. Трубецкой в том знаменитом месте своей речи, которая «увещевала русского царя» и т. д.[1]). Жаль, что результатом этого увещевания явился закон... 6 августа[2]). Это так нарушает историю г. Милюкова.

На ее сцене имеют право существовать и двигаться лишь две фигуры: первая, это—покуда еще «администрация», вторая—покуда еще земец. Для остальных нет и не должно быть места, и г. Милюков положит все свои силы на то, чтобы охранить эту сцену от напора «улицы». И единственная форма, в которой г. Милюков мыслит исторический процесс, это—«взаимодействие» этих двух сил, единственных творческих сил, которые знает его история. Все формы, которые выходят за пределы этого «взаимодействия», заранее осуждены г. Милюковым.

Всякое противоречие общественного развития может и должно быть решено взаимодействием «власти» и «общества»; вмешательство «улицы», во всяком случае, должно быть предупреждено: таков принцип, положенный в основу практики «либерализма в революции».

Как видите, это—до большой степени **пустая** форма, которая должна была еще быть заполнена конкретным социально-политическим содержанием. Мы польстили бы и либерализму и либеральному профессору, если бы предположили, что тот или другой способен господствовать над последним, что либеральные слои русского общества способны определить содержание русской революции. И тот, и другой могут лишь **пытаться** приспособить это содержание к своим целям и... всегда сидеть у разбитого корыта этих попыток. Социальное содержание рус-

---

¹) Там же.

²) 6 августа издан закон о Булыгинской Думе. **Прим. к наст. изд.**

ской революции дается не сразу, а лишь разворачивается в процессе классовой борьбы, и г. Милюков в этом отношении был всегда послушным рабом истории. Он смело может сказать, что, если он никогда не пытался вести ее за собой, то зато всегда покорно бежал за ее колесницей, сосредоточенно вглядываясь в то, что открывала она следующим сзади.

«Задняя» история всегда давала ему конкретное содержание его формул, и тут находил он указания на социальные слои, которые гарантировали бы ему устойчивость его политических методов. История за последние годы поворачивалась у нас достаточно энергично, но ни разу г. Милюкову не пришлось увидеть ее лица. Не ее вина поэтому, что г. Милюков не прочел ее знамений и всегда оказывался на той дороге, с которой она уже ушла. Г. Милюков очень зол на нее.

Как мы видели, первая же попытка пойти ей навстречу сразу же была ею отброшена: попытка и надежда — сладкая надежда русского либерализма—«охранить» народ от «революционных бурь», получив «конституцию» при помощи влияния «авторитетного голоса земских людей» на «администрацию», получила почти одновременно два удара—справа и слева—12-го декабря и 9-го января. Земец и его «авторитет для власти» сам по себе, оказалось, не обладал достаточной «силой», чтобы стать противовесом революционному методу решений противоречий жизни, и, таким образом, отнюдь не обеспечивал г. Милюкову мирного исхода спора. Ни задачи, ни схема г. Милюкова не могли, конечно, от этого измениться, но на старую роль надо было искать новых персонажей, которые способны были бы, по возможности, не расширяя политической платформы земцев 6-го ноября 1904 г. и не выходя за пределы их способа «делать революцию», создать в союзе с земщиной более широкий и более надежный буфер против, ясных теперь и для г. Милюкова, более широких и более глубоких возможностей революционного развития событий.

После 9-го января российскому либерализму приходилось покинуть свое «подполье», — залы земских собраний и квартиры кн. Долгоруковых и г. Набоковых [1]) и вне их искать свою армию «мирного развития»; это прямо диктовалось потребностями неизбежной теперь конкуренции с армией революции.

Последняя стала реальностью для либерализма в день «кровавого воскресения», и для борьбы с этим днем он взял его форму—массовый характер движения, а указ 18-го февраля,—

[1]) Места заседания земского с'езда 6/XI 1904 г. и предшествующих.

эта оттянутая и сквозь зубы проборможенная формулировка испуга правительства перед массовым движением,—дал г. Милюкову официальное, т.-е. наиавторитетное для профессора истории удостоверение в том, что «армия» так же нужна тому, кто «спасает», как и тому, кто «ниспровергает». С тех пор г. Милюков ищет свою массу.

История вдвинула 9-го января в разгоравшийся процесс русской революции 2 слова: борьба и пролетариат,—широкая массовая борьба с основами старого порядка под прямым руководством пролетариата; г. профессор сумел выучить из этого великого урока и предвестника и противопоставить ему крохотную идейку для придворного употребления: массовидная «борьба» на законной арене для влияния на правительство, под политическим руководством земщины.

18-го февраля, «признав очередной задачей созыв доверенных людей для предварительной разработки» министерских предположений,—дало этой идейке официальную санкцию и... реальную почву [1]), и г. Милюков, временно выбитый из седла, опять почувствовал себя на крепких ногах и опять в ногу с историей: г. Милюков всегда чувствует себя пророком, когда идет на полшага впереди официальных церемониймейстеров.

Очередная задача г. Милюкова была разрешена им с гениальной простотой. Она формулировалась так: противопоставить массе, собиравшейся в процессе частичных выступлений зимы, весны и лета 1905 г., под знамя решительной борьбы с основами старого порядка, свою «массу» под знаменем поддержки благожелательных реформ правительства и дальнейшего толкания его по пути «благожелательства», иначе говоря,—модернизировать «борьбу» земцев 6-го ноября, придав ей массовидный характер. Решение, естественно, должно было заключаться в том, чтобы привести в подданство земщине «солидную» интеллигенцию, всего быстрее способную усвоить платформу последней и всего менее склонной выйти из сферы тех методов предупреждения революции, которые она практиковала. Это была «масса» г. Милюкова.

Реальным базисом, на котором должен был произойти этот процесс, явилось «обещание» 18-го февраля. В зависимости от этой «реальности» и «реальнейшим» из орудий охранения сцены

---

[1]) Так, по крайней мере, полагал Милюков. Он отказался от своего взгляда на „реальность“ почвы указа 18-го февраля лишь после того, как прочел манифест 17-го октября.

истории от вторжения «улицы» должны были считаться выборы в обещанное учреждение.

Формой, в которой этот процесс протекал, было «союзное» движение лета 1905 г.

Действительно, все статьи г. Милюкова этой эпохи под внешней оболочкой обсуждения вопроса о профессионально-интеллигентских союзах прямо посвящены подготовке выборов в то учреждение, обещание созыва которого дано было под непосредственным впечатлением 9-го января.

Таков факт. Вся эпоха, начиная с 9-го января и до 17-го октября, отразилась в политических писаниях г. Милюкова, как... подготовка к выборам в Булыгинскую Думу. Вне этих пределов ему не дано было видеть и чувствовать. Немудрено, что когда г. Милюков готов был уже пожать плоды своего исторического предвиденья и расчета, история опять выбила у него из рук все карты и развернула новую арену, полную самых ярких неожиданностей для г. Милюкова.

Все это может показаться... странным. Как? Готовиться к 17-му октября подготовкой выборов в Булыгинскую Думу? Итти навстречу крушению самодержавия подчеркиванием своей лойяльности? Пропустить мимо ушей все признаки и в сладком мираже законосовещательной канцелярии увидеть средство не допустить революции? Закладывать фундамент партии народной свободы участием в депутации 6-го июня? Готовиться ответить на 6-е августа участием в выборах и вступить в октябрьские дни, неся с собой в задних карманах фрака проект монархической конституции?

Но, послушайте, г. Милюкова. Его статьи правдиво расскажут вам печальную повесть о рыцаре народной свободы, завязшем в придорожном болоте, где подобрала его революция октябрьских дней.

Г. Милюков не без обиняков рассказывает о том, что представляется ему главной целью общественного движения середины 1905 г. До недавнего времени,—пишет он 21 апреля 1905 г.,—«не было прямого повода ставить на очередное практическое решение известные политические вопросы, так как никаких надежд на их немедленное разрешение не было. Теперь, по мере того, как коренная политическая реформа становится предметом очередного законодательства (вот где кроется источник надежд г. Милюкова)... основные вопросы программы выдвигаются на первый

план» [1]. «При предстоящей выборной кампании местные («союзные») группы могли бы сыграть в высшей степени важную и незаменимую роль» [2]. Он не знает для «союзного» движения других задач и целей, кроме помощи правительству в его попытках сооружения булыгинской плотины пробуждению масс. Еще яснее вскрывается понимание г. Милюковым очередных задач в летние месяцы 1905 г., когда он, уже без обиняков рассказывает, на какие элементы рассчитывает он в предстоящей политической кампании. Задача союзов,—пишет г. Милюков 5 мая,—«объединить такие элементы», которые... в действующие теперь партии не могли войти. Эти элементы... суть элементы средние между правыми и левыми» [3], т. е. те, «которым не хватает своеобразной «правоты» правых и решительности левых».

Подготовлять выборы, опираясь на те «средние» элементы, которым не хватает «решительности» для действительной борьбы за действительное народное представительство,—в этом заключались политические задачи русского либерализма в середине 1905 г., как их формулировал г. Милюков. Объективно—это была попытка применить оттяжной пластырь к процессу нарастания революционных сил, попытка использовать «конституционные уступки» самодержавия для организации «общества» против революционизировавшегося народа. Естественно, что на этом пути русский либерализм нашел попутчика. Этим попутчиком было... само самодержавие, стремившееся дополнить старый плевевский арсенал взнуздания народа новыми орудиями его порабощения. Естественным посредником между двумя попутчиками должна была стать «земщина». И надо отдать справедливость г. Милюкову: он всегда понимал это провиденциальное назначение «земских людей», понял его и теперь... В рамках булыгинских предприятий земщина должна послужить цементом объединения «общества» и «власти» против революционной борьбы масс.

Во имя политических интересов земщины и от ее имени г. Милюков не только пытается сорганизовать «средние» элементы в стороне от революции, не только подменяет для этих групп задачи борьбы со старым порядком,—задачами поддержки земщины в ее договорах с правительством старого порядка. Он сознательно стремится сделать из этих элементов оплот

---

1) Там же, стр. 35.
2) Там же, стр. 52.
3) Там же, стр. 45.

против партий, стоящих на точке зрения революции. Тут контр-революционные уши г. Милюкова вырисовываются уже достаточно ясно, уже... ибо революция была еще впереди. Из союзов г. Милюков пытается создать аппарат для оттягивания известных групп от крайних партий. Не случайность, что именно на этом вопросе начинает г. Милюков свою, с тех пор не прекращающуюся полемику с социал-демократией. «Прошло то время, когда говорили в России только самые смелые и развивались только самые крайние программы... Все громче звучат более умеренные и практические голоса»,—ликует г. Милюков [1]). Несчастный историк! Он не подозревал, что само положение постоянного «советчика правительства» будет для него легализовано лишь победой, или, точнее,—полупобедой этих «самых смелых» и «крайних», и история заставит его воздать им хвалу. лживую хвалу лживого либерализма.

«Умеренность» и «практичность» уже торжествуют, но они не потеряли еще надежду использовать «смелых» и «крайних»... во имя «умеренных» и «практичных». Земский служка умненько ведет свою роль маклера между теми и другими, и само ликование—еще только неожиданно-вырвавшийся вздох надежды. «Без них не обойтись»,—внушает г. Милюков соратникам по «умеренности», и с чисто-профессорской добросовестностью, незаметно переходящей в откровенный цинизм, выясняет одному из них,—непонятливому и уже испуганному Кузьмину-Караваеву,—на что «они» нужны. «Одно мы знаем довольно твердо: именно, что «сила» может быть сохранена земской группой только в союзе с интеллигенцией... Если мнение общества есть сила, в таком случае кое-что все-таки надо же (это очень хорошо: кое-что, все-таки, надо же...) делать, чтобы сохранить эту силу на своей стороне»... И далее. «Это особенно нужно, именно, теперь потому, что никогда... земская группа не нуждалась так в общественном кредите..., как именно в настоящую минуту... Земцы пойдут в законосовещательное учреждение... и общество... все-таки могло бы примириться с их вступлением в Думу, если бы»... если бы гг. Кузьмины-Караваевы и Трубецкие помогали г. Милюкову его обрабатывать, а не разбалтывали во всеуслышание земские «идеалы» и «идеи»... Вот они корни... партии народной свободы! Вот она... революционная борьба членов партии народной свободы накануне 17-го октября! Вот

---

[1]) Там же, стр. 53. Статья относится к июлю — августу 1905 г. (дата у Милюкова не обозначена).

цель и смысл их участия в «революционных организациях»: до октябрьских союзах!

Попытка использовать ярко оппозиционные настроения различных слоев населения для организации контр-революционных выборов, контр-революционной «земщины» в законосовещательную канцелярию самодержавия для ознакомления «власти» с рекомендуемыми «доверенными людьми» методами предотвращения крестьянского восстания и пролетарской борьбы,— такова была сознательная задача, которой верой и правдой служил тогда либерализм.

Мы не ошибемся, если сформируем общественное значение этой работы, как попытку остановить революционную мобилизацию страны, попытку явно противопоставленную тому процессу, который привел страну к 17 октября.

Эта попытка, как мы видели, поставлена на рельсы той же схемы г. Милюкова: «законная» власть и земщина, «влияющая» на нее. Схема эта осложнена лишь тем, что для «влияния» найден канал в виде законосовещательного учреждения, а для земщины найдена широкая и прочная опора в виде «солидной» интеллигенции.

Легко представить, что когда к августу эта последняя задача казалась г. Милюкову более или менее выполненной, он с восторгом ухватился за предложенный г-ном Булыгиным 6-го августа канал для приведения в соприкосновение «власти» и «земщины» в виде Госуд. Думы. Если со стороны г. Милюкова и не заметно полного удовольствия по сему поводу, то потому только, что грубое нарушение в этом акте прав и стремлений «интеллигенции» внушает ему опасение насчет прочности налаженного с трудом «блока». А впрочем... г. Милюков так доволен, что его метод предотвращения революционного воспитания масс начинает приниматься «наверху», что торопится поставить точку. «Революция» внизу закончена созданием союза земщины с «интеллигенцией», революция вверху,—официальным признанием совместной работы первой с «властью».

Итак, «теперь приходится присмотреться к конструкции 6-го августа поближе, уже не с точки зрения архитектора, а с *точки зрения жильцов* вновь воздвигнутого государственного сооружения» [1]) (курсив наш). Г. Милюков собрался жить в новом здании серьезно и солидно, а потому осматривает помещение старательно. Фундамент постройки кажется ему узковатым, окна также пропускают света не слишком много.

---

[5]) Там же, стр. 54. Ст. „Госуд. акт 6 авг. 1905". („Право", август, № 31).

он боится падения долгожданного здания. Но к кому апеллировать за необходимым ремонтом? Сам он и за себя и за друзей с первых слов отказался от точки зрения архитектора. К хозяину, конечно. И он почтительно указывает хозяину, «что может обеспечить этому акту устойчивость и долговечность»[1].

«Устойчивость и долговечность» Думы 6-го августа,—вот что заботит г. Милюкова. На какой предмет?—естественно спросить. Если г. Милюков опасается возврата к старому, то буквально двумя строчками выше сентенции насчет «устойчивости и долговечности», он, не без исторической прозорливости, решил, «что от него (акта) возврата нет назад», если же насчет будущего, то... от кого собирался г. Милюков охранять акт 6-го августа?

Г. Милюков не собирался быть архитектором, но жизнь, все ближе подходя к октябрьским дням, видимо, донесла и до его слуха весть о новых «архитекторах»; борьба между новыми и старыми «архитекторами» надвигалась, и г. Милюков торопится предупредить старых о грядущей грозе и торопит, торопит их расширить фундамент. «Хозяин» и жилец, торгуясь и ворча, толкуют о громоотводах, ибо гром уже гремит...

«Нужно гораздо, несравненно более *дать* Думе прав и полномочий, чтобы явилась для нее возможность спокойной деятельности в рамках закона и, *чтобы люди перестали искать косвенных* (читай: революционных) *путей*» (курсив наш)[2]. От этих-то «людей», не перестающих искать «путей» полной победы над старым режимом, путей неизбежно революционных, и предлагал г. Милюков спасать «устойчивость и долговечность» Думы 6-го августа. Критикуя его, он критиковал неспособность старого режима гарантировать себя от полной над собой победы революционного народа.

И он спасал старое не только переговорами с его «недальновидными» агентами, но и обманом своей демократической аудитории.

Г. Милюков посвятил акту 6-го августа две статьи, одну он поместил в «солидном» «Праве», другую в «демократическом» «Сыне Отечества». В первом говорил с хозяевами; мы слышали сейчас этот предостерегающий голос: я чувствую ветер—он разобьет окна, я слышу подземные толчки—они разрушат здание на узком фундаменте. Торопитесь предупредить!

Во втором он говорил в пространство,—думая, что говорит

[1] Там же, стр. 68.
[2] Там же, стр. 66.

к неведомой ему стихии новых строителей. Уже в «Праве» его устами русский либерализм лгал русскому народу о положении дел, уже тогда систематический обман становился неизбежным политическим орудием либерализма в его отношении к массе; ища «прямых путей» борьбы с революционными путями разрешения вопросов русской жизни, либерализм пришел к лжи и на ней пытался утвердить свое существование. Свои переговоры с «хозяином», он заканчивает ложью для черни: «Теперь, после 6-го августа, в России нет более бюрократического строя, и сохранение его приемов было бы необъяснимым и непонятным... было бы такого рода противоречием, в котором еще не был повинен существующий строй» [1]).

На страницах «демократического» органа г. Милюков продолжает свою ложь для демократии: «Необходимо стоять на той точке зрения, что все это (раскрытые окна, расширение фундамента, отрицание «бюрократических приемов», кратко—«конституция») само собой вытекает... из существования народного представительства» 6-го августа. Это значило: успокойтесь! для того, чтобы растворить окна, достаточно уверенности, что окна растворять позволяется...

Дрожа за судьбу «канала» 6-го августа, он торгуется за его расширение с «верхами» и боится, чтобы оно не было результатом открытой борьбы масс. Между царской канцелярией и народной борьбой он ставит свою либеральную ложь и охраняет «конституционную уступку» самодержавия от напора «улицы» своим призывом,—успокойтесь, политическая свобода сама собой вытекает из... юридического анализа бумаги 6-го августа. Фактически, настаивая перед «верхами» на расширении «канала» во имя успокоения низов, и успокаивая низы во имя того, что «канал» расширится благоволением верхов, русский либерализм ежеминутно левой рукой разрушал то, что делала правая, и всегда и неизменно охранял старый порядок от революционной борьбы народа.

Но либерализм оказался не в состоянии укрепить Булыгинскую Думу.

С трудом состряпанный «блок», видимо, расползался: «третий элемент», опираясь на подымавшуюся волну, явно начинал бороться с политической гегемонией земщины, а в акте 6-го августа оказались в наличности все элементы, необходимые для окончательного разрыва. Земщина шла в Думу, «союзы» пытались итти налево, Г. Милюков ясно видел, что каждый шаг

---

1) Там же, стр. 68.

земщины по направлению к Думе, отдаляет ее от ее аудитории: что ей грозит остаться одинокой, но не мог не итти за ней старый служака земщины и дошел с ней вплоть до Булыгинской Думы.

Построения г. Милюкова, видимо, рушились. Он укрепил их на «обещаниях»,—они обманули; социальные группы—земцы и верхний слой интеллигенции, в которых он видел естественных руководителей движения, видимо, капитулировали перед ним, одни,—уходя направо, другие—связывая судьбу с грядущим строителем. Со своими методами политического действия приходилось ждать, когда правительство вернется с улицы в кабинет. Подымавшийся ветер сорвал карты со стола г. Милюкова. Игра была проиграна. Когда грянул гром октябрьской всеобщей забастовки, организатору мирной контр-революционной оппозиции пришлось поклониться «мирному и организованному» характеру того движения, которое свело на-нет его контрреволюционную работу. «Улица» опять испортила чертежи профессора истории.

Но г. Милюков не знает и знать не хочет массы: он верен своей схеме.

Некоторые карты г. Милюкова, унесенные разыгравшейся бурей, оказались в руках гр. Витте; когда заработали типографские станки, Милюков начал игру сначала. Роман г. Милюкова с гр. Витте—интереснейший роббер в его невыигранных партиях.

3. В дни гражданской войны.

В лице гр. Витте история, казалось, давала г. Милюкову именно того партнера, который был ему нужен. С точки зрения г. Милюкова, естественно, было увидеть в нем ту форму власти, которая легче других входила в его схему, хотя бы уже тем, что из ее рук вышли те попытки «улучшить» здание, которые так необходимы были для дальнейшей игры г. Милюкова. Из октябрьских дней г. Милюков взял, как отправную точку этой игры, бумагу 17 октября. На этой-то бумаге пытается он теперь обосновать новую попытку контр-революции. Он опять хватается за «заднюю» историю, тщетно стараясь накинуть на нее петлю соглашения между гр. Витте и обывателем. Та система, которая должна привести к желаемому результату построена им по образцу только что разбитой: «лучшая часть правительства»,—с одной стороны, оформленный блок земщины

с «солидной» интеллигенцией,—с другой, эти две силы на почве новых обещаний 17-го октября должны «искренно и правдиво» договориться о положении препон «расходившейся» революции.

Для г. Милюкова ничего не переменилось: в его представлении творческие силы остались прежними, методы их взаимного влияния — тоже. На фоне борьбы народных масс эта схема лишь детализируется: сборное правительство разделяется на «худшие» и «лучшие» элементы; земщина 6 ноября и «союзы» середины 1905 г., получив из рук народа возможность партийной организации, оформляются в партию обывателя—к.-д.; договор с властью является сознательно провозглашенной целью. Общая и постоянная задача г. Милюкова—борьба с революцией—принимает теперь форму открытой войны со всякой мобилизацией общественных сил во имя расширения завоеваний 17 октября. Если до 17 октября г. Милюков маневрировал во имя того, чтобы «обойтись» без революции, то теперь его задачей становится задержать ее дальнейшее развитие. С этой именно точки зрения подходит он и к оценке «правительства 17 октября».

Он понимает, как мало выгодно для него создавшееся положение: о, если бы «не лилась кровь и не создалось того плотного, непроницаемого слоя ненависти, который отделяет теперь правителей от управляемых и лежит роковым препятствием делу умиротворения России»[1]). Он ищет кругом себя элементов для засыпки этой пропасти. Главные надежды, конечно, на правительство: «правительство с манифестом 17 октября получило крупнейший козырь в борьбе с революцией,—«козырный туз»,—цитирует г. Милюков публициста «Русского Государства» и прибавляет: «прекрасное сравнение». Великолепно. В руках гр. Витте в игре против революции «козырный туз». В руках г. Милюкова тоже недурная карта: «сознательные элементы общества... не подвергшиеся революционному гипнозу». Этими двумя картами пытается воспользоваться либерализм, чтобы уничтожить горчайший для него факт русской жизни: «непроницаемый слой ненависти «между управляемыми и правителями». Через манифест и «сознательность» этих элементов лежит дорога от революционной борьбы народа с самодержавием к мирному сотрудничеству с властью. Либерализм знает эту дорогу и подхватывает гастрономическое указание буттербродного публициста «Русс. Государства» насчет «сервировки» того «блюда, на котором был положен драгоценнейший плод русской жизни»—ма-

¹) Там же, стр. 73.

нифест 17 октября; отсюда выводит он свою либеральную мораль: «17-е октября надо «сервировать» как следует, чтобы революция «не вышибла блюда из рук» правительства и не «использовала в своих целях» правительственных актов» [1]), (курсив наш). И г. Милюков энергично работает на обе стороны для того, чтобы обеспечить от новых толчков снизу раскрывающуюся дорогу сотрудничества, чтобы создать для правительства возможность сохранить «блюдо» в своих руках, чтобы устранить возможность для революции его «использовать» в интересах народных масс. От Витте он не требует ничего, кроме «искренности и прямоты». От «сознательных элементов» он требует: «спасти революцию от нее самой», организоваться, чтобы «овладеть движением», вырвав его из рук «крайних». Таким-то образом, подготовлялся тот мусор, которым профессор истории готов был засыпать развертывающуюся пропасть между самодержавием и революцией. Была создана и специальная формула того политического учреждения, которое должно было помочь правительству удержать «блюдо» в своих руках: оно называлось «Думой с учредительными функциями».

Этот любопытный плод профессорской мудрости превосходно отражает позиции г. Милюкова и его партии в тот момент. Смысл этого учреждения ясен: кадеты, во главе с г. Милюковым, не хотели, да и не могли сделать ни шага назад от 17октября; вместе с тем, с изданием этого акта их основной целью стало поставить точку революции—не делать ни шага и вперед. Они поэтому явились единственными певцами октябрьской полупобеды [2]). Полупобеда народа над старой властью,—естественная и желанная почва для примирителей во что бы то ни стало. Полупобеда, покуда положение держалось бы на этой точке, делало их хозяевами положения. И единственным недостатком этого положения была его неустойчивость. Та или другая сторона должна была перейти в наступление. На полупобеде ничего нельзя было строить, кроме продолжения борьбы,—г. Милюков хотел построить на этом песке храм сотрудничества со старой властью, в виде Думы с «учредительными функциями». Кто же должен был наградить Виттевскую

[1]) Там же, стр. 190.

[2]) Я пользуюсь здесь тем определением октябрьских дней, которое уже в ноябре 1905 г. на страницах „Новой Жизни" дано было т. Лениным и которое одно только давало возможность стать на верный путь в разрешении дальнейших тактических задач русской революции.

Думу учредительными функциями? Революция? Конечно, нет. Победоносная революция наградила бы ее «полнотой власти», а об этом «и речи нет»,—заявляет г. Милюков. Нет. Дума с учредительными функциями,—вполне мирное собрание, которому существующая власть добровольно делегирует строго определенные функции[1]).

«Дума с учредительными функциями», это палата соглашения, «добровольно» созванная существующей властью на основе народной полупобеды для предотвращения возможности его полной победы.

К этому идеалу и думал итти г. Милюков в союзе с гр. Витте, в его осуществлении он и видел плоды 17-го октября.

В марте 1906 г. «по поводу слухов об отставке» гр. Витте, когда и для Милюкова стало ясно, что звезда Витте закатывается, он приподнял завесу над своими отношениями к Витте в октябрьские—декабрьские дни. «Теперь,—пишет г. Милюков, контрассигнируя указ об отставке Витте,—имя гр. Витте останется на памяти истории в сопровождении имен Чухнина и Дубасова, Дурново и полк. Римана, и тому подобных. Тогда, в октябре и ноябре, оно могло бы быть окружено другими именами»[2]), именами Милюкова и Шипова, гр. Гейдена и Струве, Петрункевича и кн. Трубецкого, конечно... И, окружив плотным кольцом гр. Витте, «может-быть, теперь мы бы уже благополучно перевалили через критический момент великого исторического перелома, а имя гр. Витте стояло бы в ряду таких имен, как Кавур, Бисмарк, Гамбетта»[3]).

Так растил свои белые лилии г. Милюков, покуда не пришел суровый месяц декабрь, чтобы побить их морозом гражданской войны. Этот месяц учел его работу за октябрь—ноябрь: г. Милюков употребил эти два месяца для того, чтобы прикрывать своими надеждами, переговорами, своим торгом подготовку гр. Витте к московским, прибалтийским, уральским, кавказским, сибирским и др. победам. Гр. Витте держал г. Милюкова при себе до тех пор, покуда ему необходимо было собраться с силами для нападения на народ; когда правительственные силы оказались оправившимися от октябрьского погрома, гр. Витте без рассуждений отбросил в сторону поползновения г. Милюкова своим ответом земской депутации, о котором г. Милюков писал 2 декабря: «С тех пор, как Витте просил поддержки,

---

[1]) Там же, стр. 155.
[2]) Там же, стр. 194.
[3]) Там же, стр. 193.

сколько воды утекло», и 3-го декабря арестом Совета Раб. Депутатов открыл боевые действия. Из игры г. Милюкова против революции был вынут, таким образом, «козырный туз»; гр. Витте взял себе в соратники, по «сервировке блюда» не г. Милюкова и его поддержку, а г.г. Дубасова и Дурново и их пулеметы. В ответ на это г. Милюков провозгласил преступлением... подготовку народного отпора наступлению реакции [1]).

Неизбежно развившаяся из неустойчивого равновесия октябрьской полупобеды декабрьская борьба г. Милюковым понята была, как «гениальная» провокация гр. Витте. Против неизбежного при данном соотношении общественных сил стремления народных масс довести борьбу до конца и окончательно свалить врага, г. Милюков выступил с теорией, по которой вся октябрьско-декабрьская революция объяснялась ловким планом Витте. А так как г. Милюков не желал оказаться в числе провоцированных, то он и отказал в своем «сочувствии» тому движению, которое субъективно было неизбежной попыткой довести революцию до конца, объективно же было сопротивлением народных масс против наступления реакции. Логикой исторического положения люди, желавшие стоять на почве 17 октября и только на этой почве, были приведены к тому, что оказались в обозе гр. Витте в его борьбе с плодами октябрьских дней. Когда пришла пора в декабре защищать октябрь, русский либерализм 8-го декабря объявил эту защиту «преступлением», 15-го решил: «Мы должны принять задачу так, как поставили ее обстоятельства; мы должны взять избирательный закон 11-го декабря»... и 17-го противопоставил лозунгу народной борьбы и сопротивления свой лозунг: «Давайте делать выборы» [2]). Даже защищать 17-е октября русский либерализм не хотел, раз эта защита связана была с ростом политической самодеятельности народных масс; с гр. Витте он готов был итти даже назад от октября, раз это обещало откинуть назад массы. Это было трагедией русского либерализма. Пропасть между старым порядком и революцией все росла. Цена успокоения масс на либеральном рынке сообразно этому все повышалась, а правительство не давало и минимальной цены. Надо было выбирать между все возраставшими возможностями революции и прямым путем правительственного наступления. Русский либерализм, естественно, сворачивал на этот второй путь. Привязанный к колес-

---

[1]) Статья „Своевременна ли всеобщая политич. забастовка?“, написанная 8 декабря, кончается призывом „остановиться“, обращенным к пролетариату.

[2]) Там же, стр. 81 и 85.

нице правительства общностью борьбы с революцией, он покорно бежал за ним, укоряя его лишь в одном: «в руках правительства был превосходный шанс действительно умиротворить значительную часть общественного мнения страны. Как всегда, правительство этот шанс упустило» [1]). И, призывая при зареве декабря «делать выборы», он брал на себя эту задачу умиротворения общества, которая вопреки его надеждам оказалась не по плечу его недавнему союзнику—Витте.

Г. Милюков объяснил подробно на II съезде к.-д. партии, собравшемся через две недели после написания сейчас цитированных статей его, что, выкидывая в эпоху гражданской борьбы свой лозунг выборов,—он не знал и не мог знать, установится ли для них в результате битв реальная почва и как она будет выглядеть, не знал и того, будет ли вообще Дума и какова она будет; он надеялся лишь, что выборы, это—война гражданской войне, что этот лозунг зовет народные массы к ее прекращению, «к введению политической деятельности в легальные рамки». Он там же пояснил, что в декабрьские дни его позиция была позицией «среднего обывателя», того самого, который, «испугавшись революционеров, все-таки не поверил и правительству» [2]), того самого, которому «хаос» революционной борьбы пролетариата «внушил ужас против революционного террора», и, в еще большей степени, «страх перед террором правительственным». Милюков, укоряющий правительство за неумение использовать свои «шансы» и пролетариат в «преступлениях» против «права» и «закона», это—персонифицированный обыватель, обыватель, познавший себя в суровые дни гражданской войны. И, когда Витте своими «одолениями и победами» создавал реальную возможность выборов в Думу, он делал дело г. Милюкова, как Милюков хотел делать дело гр. Витте, когда звал от декабрьской борьбы за октябрьские позиции—к выборам. Исход декабря вернул г. Милюкова графу Витте; гр. Витте вернул г. Милюкову равновесие: массы и революционная борьба, хотя и не теми методами, которые рекомендовал г. Милюков, оказались отодвинутыми в сторону, и арена истории осталась за г. Милюковым и... за победителем, за самодержавием.

«Схема» опять начинает действовать, но теперь уже г. Милюков стоит на твердой почве: под шум декабрьской борьбы он нащупал свою опорную точку—испуганного и окончательно порвавшего с революцией обывателя. От его имени говорит теперь г. Милю-

---

[1]) Там же, стр. 109.

[2]) Там же, стр. 80.

ков с гр. Витте. Но, прежде всего, надо окончательно ликвидировать до-декабрьский период своей собственной идейной биографии. Мы знаем: для того, чтобы возобновить прерванную игру. г. Милюкову не много надо было ликвидировать: он и раньше делал по существу контр-революционную работу, но она прикрыта была рядом фраз, долженствовавших служить мостом между ним и демократией, связавших его,—идеолога старой земщины,—с оппозиционной обывательщиной. Программа и тактика русск. либерализма была всегда лишь формулировкой «либеральных» методов охранения старого порядка от революции. Эти методы всегда отражали поэтому широту пропасти, развертывавшейся между «правительством» и «народом». Чем шире становилась пропасть. тем способнее становился либерализм искать даже героических лекарств от революции. И всякая «победа» старого порядка над революцией давала ему желанную возможность спустить цену за свой «либеральный» «секрет спасти Россию от революции».

После декабрьских побед он спешит ликвидировать старые «фразы», чтобы предложить себя правительству на сходных условиях.

Граф Витте полагал, что ему удалось ликвидировать русскую революцию; г. Милюков спешит ликвидировать в своей программе и тактике весь тот налет, который наложил на них период бури и натиска. Целый ряд статей за январь-февраль 1906 г. посвящен этой работе самоочистки для того, чтобы уже в очищенном виде броситься в новую кампанию переговоров. Когда в январе 1906 г. Милюков признал, что он не знает «иных кампаний и иных способов» «сосчитаться», кроме выборов, когда он принял эту «кампанию» так, как дали ее победы соратников гр. Витте, когда устанавливал свое отношение к самой Думе, только и исключительно в зависимости от успеха обывателя на этой арене[1], когда в феврале он выяснял, что «к.-д. партия есть по существу партии парламентская, и, как большая политическая партия, она возможна только при известной степени простора для мирной политической деятельности», и в то же время давал ясно понять, что эта степень простора уже существует,— он сознательно санкционировал «победы» Витте.

Когда он в ряде статей пытался отграничить себя от правых в лице кн. Трубецкого и союза 17 октября для того, чтобы закончить это разграничение признанием по адресу кн. Трубецкого,

---

[1]) В зависимости от успеха нашего в избирательной кампании будет находиться и наше отношение к будущей думе, говорил Милюков в своем докладе II с'езду к.-д. партии. Там же, стр. 107.

что «границу между его тактикой... и тактикой партии к.-д. провести довольно трудно» [1], и по адресу г. Брянчанинова из «союза 17 октября», что его постановка, в сущности, совершенно одинакова с постановкой вопроса об «учредительном собрании» к.-д. партией [2]), то это знаменует, конечно, не что иное, как предложение по адресу гр. Витте возобновить октябрьско-ноябрьские переговоры, прерванные декабрем, но теперь уже на фоне задушенных последним попыток «улицы».

Контр-революционная коалиция власти и либерализма может быть осуществлена теперь, после декабря, легче: таков политический вывод г. Милюкова из того факта, что «власть» в декабре показала, что она покуда еще «сильнее» народа. И он стремится показать гр. Витте, что окружить себя «другими именами», именами либеральных радетелей народной свободы, он может теперь за более дешевую цену, чем до декабря. Гр. Витте мог смело поздравить себя с декабрьскими победами: либерализм предлагал себя теперь почти даром, за ту цену, за которую были приобретены уже г.г. Трубецкие и союз 17 октября.

Победителей не судят. И г. Милюков готов забыть прошлое гр. Витте, чтобы только опять получить его в партнеры. С этих пор и вплоть до выяснения избирательных успехов к.д. вся политическая мудрость правительства, по Милюкову, должна заключаться в принципе: не дразнить обывателя. Он тщательно следит за этим обывателем и неукоснительно докладывает своей политической возлюбленной—Витте, о всех тревожных признаках: «Средний обыватель проникается чувством недоверия. Обращаем на это внимание кого следует. Ведь так легко успокоить среднего обывателя. И так много от него зависит!» Но, ах! «они» не умеют успокаивать его: «они» подделывают выборы, создают «министерскую» партию, преподносят обывателю законы 20 февраля, не желают расстаться с Дурново и Треповым; уверения в скромности обывательских пожеланий плохо на них действуют.

Видимо, гр. Витте не нуждался в поддержке г. Милюкова, раз значение пулеметов было так блестяще подтверждено и применение этого «средства» так блестяще оправдалось на судьбе либерализма. Хочешь, не хочешь, приходилось опять осложнять арсенал своих средств воздействия на правительство угрозами: так «делать выборы» приняло форму воздействия на гр. Витте: в нем, ведь, одном гарантия того, что выборы, т.-е. право на политическое существование обывателя, действительно, будут.

---

1) Там же, стр. 132.

2) Там же, стр. 161.

Как укреплять конституцию, не обращаясь к массе и ее «эксцессам»? Существует только один способ решения так постановленного вопроса: обращаться к власти. Этот метод укрепления конституции и демонстрирует г. Милюков. Уверения в скромности чередуются с пуганием правительства нескромными. Через день после статьи, посвященной указаниям: «так легко успокоить обывателя», на столе гр. Витте лежит уже статья о «тревожных признаках», о «признаках подъема»...

4. Кадеты в первой Думе.

Выборы были сделаны. 17—22 марта раздается ликующая песнь обывателя. В поистине блестящей статье с гр. Витте снимается ореол помазанника истории. Неблагодарный обыватель, учтя в свою пользу плоды политической работы гр. Витте, построив свой храм на жертвах декабря, в порыве ликования хочет итти дальше один. «Гению истории они больше не нужны». «Сегодня они бессильны бороться против жизни... Завтра... может быть, завтра они сами отойдут в область теней, дурных воспоминаний, безвозвратного прошлого...» «Завтра она заговорит... Больше того, она заговорит властно». Как? Неужели вместе с гр. Витте оставлена и старая схема? Г. Милюков хочет итти дальше один, он собирается говорить с «верхами» властно? Он нашел силы для борьбы? Он отвергает путь «взаимодействия»? Либерализм нашел в себе силу перестать быть рабом власти? Нет, конечно, нет. Это мелькнуло лишь перед ним, это он захлебнулся, поднятый на мгновение ввысь на плечах истории. Но это лишь мгновение. Вот он рысцой уже бежит назад, под гору, к ногам гр. Витте, с очами, воздетыми кверху. Ибо, опять-таки, где искать упрочения Думы, не обращаясь к массе и ее «эксцессам», как не у власти, и кто же может обеспечить правильный и непрерывный ход переговоров, как не великий маг и чародей, укротитель революций, старая опора российского либерализма, человек, расчистивший арену для кадетских выборов—граф Витте. Пусть известия о петербургских и московских избирательных победах дали возможность г. Милюкову поставить над ним крест; сам этот «крест» был у г. Милюкова не методом борьбы, а методом переговоров: г. Милюкову нужен «посредник» во что бы то ни стало, и он не знает лучшего, чем гр. Витте. «Да, граф Витте ненадежный посредник, ненадежный на обе стороны, потому что ни одна ему не верит. А есть кто-нибудь в запасе более надежный? Мы таких не знаем... Отставка

гр. Витте равносильна потере последнего шанса сговориться»,— пишет г. Милюков накануне открытия кадетской Думы 18-го апреля [1].

Кадетская Дума и гр. Витте—г. Милюков готовился подать это блюдо с такой помпой, которая бы навсегда обессилила в России революцию. Г. Милюков брал на себя задачу втянуть в рамки легальной «парламентской» работы революционную массу и ее партии, гр. Витте должен был позаботиться, чтобы «большинству в будущей Думе была дана возможность провести конституционную реформу парламентским путем». При этих условиях перед г-ном Милюковым раскрывались лучезарные перспективы окончательной ликвидации революции на почве закрепления октябрьской полупобеды. Профессорская формула этого закрепления—«учредительные функции Думы»,—опять появляется на сцену, как платформа переговоров. Смысл этой формулы все тот же: на поприще мирной парламентской работы закрепить народную полупобеду; это та же попытка: «не дать революции возможности использовать» полупобеду для подготовки победы полной. Героическое сопротивление декабря удержало политическое положение в том же неустойчивом равновесии, не дав старому порядку уничтожить все завоевания октября. И вновь эта формула отражала и всю глубину надежд известных групп населения сохранить это положение, и всю бездну политической мудрости людей, надеявшихся удержать колеблющееся положение... его точной юридической формулировкой. Думая, что он идет впереди истории, г. Милюков опять оказался в ее хвосте. Он боялся новой неизбежной борьбы и на обломках старых попыток опять закладывал фундамент контр-революционной постройки ради той же цели: спасти правительство от победоносной революции; спасти своих хозяев, «умеренных и практичных» помещиков и заводчиков, от неизбежных последствий роста сознательности «улицы».

* * *

В этой новой главе истории каждому была суждена своя роль: правительство должно было итти по пути отобрания у народа плодов его полупобеды; народные массы не могли ни отказаться от них, ни собрать достаточно сил, чтобы немедленно отразить готовящееся нападение; г. Милюков не мог не играть на руку первому, прилагая во имя защиты «конституции» от революции все силы к тому, чтобы оставить конститу-

[1] Там же, стр. 305.

цию без охраны. Правительство шло к своей цели тем, что устранило от активной роли того, кому в этом вопросе не доверяло: любимого собеседника г. Милюкова—гр. Витте, и выдвинуло взамен ему, навстречу Думе г.г. Горемыкина, Столыпина, Стишинского, Гурко и Павлова. Оно подошло к своей цели 9 июля [1]). Народные массы шли к своей цели, облекая в своем сознании властью безвластную Думу, предписывая ей биться до конца за «всю землю и всю волю»; они подытожили свои силы в Свеаборге, Кронштадте и июльской забастовке.

Г. Милюков шел к своей цели своим обычным путем организации анти-революционных элементов для борьбы с революцией, путем соглашения с правительством. Сообразно с положением, установленным графом Витте в декабре—январе, старая схема и старые методы борьбы г. Милюкова приняли форму законной «борьбы» кадетской Думы с «худшими элементами бюрократии» за влияние на правительственный центр, иначе—форму прямых переговоров г. Милюкова насчет тех условий, при которых он принял бы на себя обязанности могильщика русской революции. Не вина г. Милюкова, а беда его в том, что хорошо рассчитанный план не только не привел его к этой роли, но и помог другим претендентам на нее более или менее комфортабельно расположиться на этой позиции. Г. Милюкову нельзя отказать в том, что роль эту он подготовлял для себя тщательно и рачительно; русский либерализм сделал все, что было в его силах, чтобы подготовить «могильщику» революции триумфальное шествие, чтоб обезопасить это шествие от всяких неожиданностей—снизу, и, если этим путем прошел не г. Милюков, а г. Столыпин, и если против него г. Милюкову пришлось самому (о, ирония!) вызывать те силы, которые он загодя усыплял,—то это уже вина той истории, которая для г. Милюкова идет «неисповедимыми путями», которая неизменно ставит г. Милюкова в глупое положение.

История кадетской политики в 1-й Думе еще у всех на памяти, и мы не будем подробно следить за ее развитием. Подготовительные работы, произведенные здесь г. Милюковым, велики. Прежде всего, требовалось сгладить, как можно тщательнее, ту дорогу, которой г. Милюков надеялся притти к положению официально признанного спасителя монархии: следовало обезопасить себя от конфликтов с договаривавшейся стороной,

[1]) 9 июля 1906 г. была царским указом распущена I Гос. Дума. Ответом на это были попытки всеобщей политической стачки и восстания в Свеаборге и Кронштадте.

нужна была новая «чистка» тактики применительно к новому положению, нужно было явное отграничение от всего не «умеренного» и не «практичного». Теперь, когда деятельность кадетов в 1-й Думе грозит при их ближайшем участии перейти чуть ли не в героическую легенду, быть может полезно напомнить, к чему они шли, эти обыватели, заступившие место героев.

24-го марта г. Милюков обещает рассказать, «что есть преувеличенного в страхе правящих сфер перед партией к.-д.». Оказывается, все преувеличено, и страхи напрасны. С жаром доказывает г. Милюков, что «русская оппозиция» не собирается «нарушать условия мирной борьбы», а наоборот, ставит своей задачей введение этой «борьбы» в «легальные рамки». Доказательством этого служит, во-первых, то, что никогда элементы к.-д. партии не стремились ни к какому «ниспровержению», а только к «реформе», и, во-вторых, что эта партия и теперь борется лишь за ту работу, которая «может вестись в терминах «реформы», а не в терминах «ниспровержения», и для которой «существующие законы дают полную возможность». И он старательно подчеркивает, что «практика» учредительных функций Думы *ничем* и *никому грозить не может* (курсив наш), что «ничего революционного в работе оппозиции в Думе нет», что «Дума не будет противополагать себя правительству, если правительство не выступит против нее агрессивно». Мы не только не разрушители, мы единственный оплот против «разрушителей», так рекомендует себя г. Милюков правительству накануне созыва Думы. 10 апреля, имея в виду проект основных законов, Милюков комментирует сейчас цитированные слова: «Мы взывали к благоразумию правящих сфер и старались найти ту общую почву, на которой острый политический кризис мог бы разрешиться в мирных и легальных формах». Отношение г. Милюкова к апрельскому заграничному займу должно было подтвердить эту характеристику на деле. Этой же цели должна была послужить и новая формулировка его отношений к «левым», к «революции», даже в той незлобивой форме, как она представлена была г.г. «беззаглавцами» [1]). «Руки прочь!»,—гаркнул г. Милюков налево, когда наивные люди оттуда попытались преподать «руководящей партии» некоторые советы: «Мы не будем руководиться никакими

[1]) В 1905 г. некоторые члены либеральной организации „Союз Освобождения", среди них г.г. Прокопович, Кускова, Богучарский, вышли из „Союза" и образовали группу „левее кадетов", издававшую журнал „Без заглавия" и газету „Товарищ". Группа эта, позволяя себе критиковать кадетов, вела решительную борьбу с революционной с.-д-тией.

внушениями со стороны». Мы не нуждаемся в вас для ведения переговоров, покуда не израсходован весь запас нашего авторитета для правительства, вынесенный нами из избирательной кампании! Так в статьях, под заглавием «элементы конфликта», г. Милюков формулировал «возможности соглашения».

К открытию Думы игра была налажена, предстояло ее разыграть. В основу игры было положено отделение министерства от «высших сфер» [1]. В этой кабинетной выдумке не было ни грана реализма, но она имела для г. Милюкова большой смысл. Это отделение давало ему возможность иметь какую-либо тактику, кроме революционной, ибо, не отделяя одно от другого, он не мог бы ничего предложить, кроме «бланкистской» роли Думы. Апелляция к высшей власти во имя ее интересов стала, таким образом, естественным путем борьбы с революцией.

Надежды на Витте уплыли для того, чтобы дать место надеждам на монархию, и г. Милюков готов видеть уже в самой отставке гр. Витте стремление верхов избежать войны с Думой. «Понята, наконец,—радуется г. Милюков,—эта нехитрая мысль: если нужно и желательно предупредить конфликт между Думой и министерством, то всего лучше, чтобы они друг с другом не встречались... и сделан естественный вывод из нее, что весь кабинет должен получить отставку» [2]. О, пророк! В смене г. Витте на г. Горемыкина он увидел п р е д у п р е ж д е н и е конфликта! Самая вершина власти становится прибежищем надежд либерализма, потерявшего графа Витте.

Лица, уполномоченные для переговоров столь важных, должны пользоваться «полным доверием» и практиковать «всю свободу воли»: всякий контроль, даже со стороны самой партии к.-д., был бы вмешательством [3], которое грозило порвать тонкую паутину г. Милюкова. Основой переговоров, для которых так необходима «вся свобода воли», должен служить отказ даже от «речи о немедленном и формальном переустройстве всего учреждения Думы и Совета по закону 20 февраля», от всякой попытки «и з м е н и т ь п р и н ц и п и а л ь н ы е о с н о в ы в з а и м н ы х о т н о ш е н и й м е ж д у з а к о н о д а т е л ь н о й и в е р х о в н о й в л а-

---

[1]) Т.-е. от царской камарильи.

[2]) Там же, стр. 309.

[3]) Там же, стр. 315. Читатель, быть может, заметил уже, что здесь, как и в других местах, г. Милюков лишь переводил на политический язык ту „философскую“ работу, в которой г.г. „критики“ вроде Бердяева, Булгакова, Туган-Барановского загодя искали „нравственного оправдания“ для будущей политики торговцев народной свободой.

стью»[1]) (курсив наш): партия должна остаться «в рамках учреждений 20 февраля». На этой основе переговоры должны быть осуществлены в процессе нормальной повседневной работы, «выводящей деятельность партии за узкие пределы, которыми хотели бы ограничить ее деятельность в Думе строгие последователи идеи о правильном представительстве». При чем не надо забывать, что в интересах этих переговоров надо, чтобы и эта работа не помешала тому, «чтобы народные представители имели возможность остаться в Думе в течение более или менее продолжительного времени». Формальный отказ от борьбы с законами 20-го февраля, отказ от отрицания «органической» работы, наконец, отказ от всякой попытки изменить те «отношения» между верховной властью и «парламентом», которые установила первая после декабрьских побед[2]),—это было, конечно, основным условием,—должны были стать первыми ступенями той лестницы, по которой либерализм думал спуститься от избирателя к власти. Это были предварительные условия, создававшие возможность переговоров. Либерализм подписал их авансом. Весь тот авторитет, который либерализм получил в избирательной кампании, был им употреблен для того, чтобы сделать значительнее для «верхов» свою подпись под отказом от народной борьбы за «изменение отношения между законодательной (Виттевской Думой) и верховной властью». Отказавшись от этой борьбы, сложив у ног хозяев безвластной Думы свои избирательные трофеи, либерализм без борьбы сдался на милость победителя.

И с упорством маньяка г. Милюков изо дня в день твердил, что от милости «хозяев» ждет он своего призвания. 28 апреля, в день открытия Думы, либерализм рукоплещет «конституционному монарху» в Зимнем дворце и сажает на председательское место в Таврическом г. Муромцева,—«этот последний якорь спасения для тех, кто надеется на возможность мирного исхода» (стр. 402—403); 3-го мая он устами г. Милюкова зовет «сильную власть», которая бы «использовала» «доверие к правительству», и на которую могло бы «опереться» параламентское большинство. Он обещает отвести «все живые силы народа» на мельницу переговоров, если только сверху дадут ему возможность работать (стр. 406); 4-го он зовет к «законодательной» работе, отвергая работу «подземных сил», чтобы 5-го отречься от желания создать из Думы «носителя чрезвычайной власти», по-

[1]) Там же, стр. 332.

[2]) В апрельских „основных законах“, о которых г. Милюков благоразумно умалчивает и которые принимает без всякой попытки борьбы.

рожденной «чрезвычайными обстоятельствами». 6-го он раскрывает свои карты на обе стороны, заявляя, что «политика», рекомендуемая адресом Думы, есть, безусловно, политика «поддержания власти», и поясняя, что «для успеха этой работы (поддержания власти) опаснее всего было бы, если бы внепарламентская поддержка приняла форму внепараламентского давления». В его игре стране отведена только одна роль—«поддержать думский адрес—думскую политику поддержания власти—многочисленными выражениями солидарности с ним» (стр. 408—409). 10-го мая он ставит и благополучно решает коренной для его политической судьбы вопрос о том, «можно ли остановить революцию и при каких условиях может она остановиться в своем логическом развитии» (стр. 350), и длинно и обстоятельно объясняет «монарху», что «неустойчивость положения конституционной партии неизбежно повлечет за собой дальнейшее ее. т.-е. революции, развитие». Эта партия должна в «монархе» получить твердую точку опоры, чтобы с успехом применить свои методы лечения «разбушевавшихся стихий», чтобы помешать сделать из думы «агитационную трибуну революции», чтобы сам либерализм не стал «жертвой своего исторического положения между двумя крайностями». И он мечет громы против «безответственных сторонников короны... за то роковое непонимание, за то непонятное ослепление, за ту узкость и ограниченность, с которыми они пропускают последний благоприятный момент. чтобы избежать новых катастроф»...

Так пытается г. Милюков связать судьбы своей партии с судьбой «короны». 17-го он предупреждает ее, что, если она хочет держать «вопросы открытыми вправо, то, ведь, открывается новая возможность решений влево». И тут же под дамокловым мечом этой последней возможности формулирует свои средства «остановить революцию» и спасти от нее «корону» и себя: «Недоверие страны, высказанное ее организованным представительством, должно послужить регулятором доверия монарха» (стр. 483); «цель может быть достигнута лишь решительным шагом короны: ее обращением к представителям парламентского большинства» (стр. 446). Цель? Какая это цель? Г. Милюков еще раз формулирует ее: «Мы уже перешли к формам симуляции борьбы, и все наши усилия должны состоять в том, чтобы удержаться на этой почве...» (стр. 483) народного обмана и торговли народной свободой.

Так выросла идея кадетского министерства, как средства симулировать народную борьбу со старым порядком, как сред-

ство спасти монархию и монархическую конституцию от «катастроф».

Но и для того, чтобы реализировать это слабительное революции, либерализм не знает других средств, кроме представления свидетельства о своей благонадежности.

Не получив еще в свои руки даже намека на то, что ему будет предоставлена возможность борьбы с революцией из министерского кабинета, только конкурируя с г.г. Горемыкиным и Столыпиным за право войти туда, он уже охраняет нынешних хозяев его от призраков действительной борьбы. Он старается удержать от этой борьбы Думу: «Оставаясь строго в пределах предоставленных ей прав, Дума бесспорно принудит министерство уйти в отставку»; «мы должны *показывать* (курсив наш) министерству, что вместе с ним работать не можем» (статья 23-го мая). Даже пройти к власти г. Милюков пытается ползком. Он не умеет *доказывать*, ибо *доказывать* можно лишь апеллируя к массовой борьбе, и потому ограничивается *показыванием*. Верит ли г. Милюков, что эта ползучая тактика может увенчаться успехом, что в данном случае можно обойтись без «доказательств»? Если и не верит, то *должен верить*, или показывать вид, что верит. Ибо неверие в благодатную силу «показываний» и «прав Думы» фатально отдавало решение вопроса «улице», а «вопрос должен быть решен здесь, в зале Таврического дворца».

Через день, 25 мая, идя своим путем к «власти», г. Милюков пишет: «Мы не хотим ни «поднимать ада» (т. е. народ, низы), ни помогать... совершать те подготовительные меры, которые, по их мнению [1]), могут им пригодиться для достижения этой цели». И если какое-либо из данных народу на выборах обещаний стоит в противоречии с этой тактикой, то долой его: долой всеобщее голосование для земельных комитетов, «ибо составить их путем всеобщего голосования, значило бы готовить их не для мирного решения на местах земельного вопроса, а для чего-то совершенно другого» (стр. 459); долой и точное представительство в них крестьянских и помещичьих интересов, ибо крестьянские интересы должны пасть ниц перед государственными расчетами г. Милюкова, ткущего «ткань конституционного правосознания». «Эту ткань хотим мы укреплять, а не возвращаться к силе «Ахерона», низов,—и Милюков ткет... 27-го он гордо заявляет, что настоящее и будущее принадлежит ему и его тканью: в будущем он не видит борьбы, кроме «*симулированной*»:

---

[1]) Речь идет о революционных партиях.

«великая воспитательная роль Думы» заключается в том, что она дает перевес «реалистическим» взглядам над «утопическими», переговорами с властью—над борьбой с ней, «эволюции»—над революцией». О, великий филистер России! Величайший из ее филистеров! Пройдет еще месяц, «ткань» будет порвана, и он побежит искать у русского народа остатков революционной энергии; этот растлитель будет просить у него силы девственного порыва...

Но покуда он пытается делать свое дело растления и вплетает в свою ткань переговоров все новые элементы: губернаторская агитация против Думы и позиция меньшевиков-социал-демократов, «понимание» которых, по Милюкову, «совершенно одинаково с пониманием либеральных партий», признаки начинающейся жакерии и визит английской эскадры,—все в ловких его руках превращается в аргумент за неизбежность для «монархии» искать спасения от революции в лойяльном либерале, ею обеспокоенном.

«Они (министры) ведут дело к жакерии и революции», все чаще раздается предостерегающий по адресу «короны» крик г. Милюкова. А мы... «мы знаем, где лежит главное течение жизни», «известный нам «секрет» этого течения может выручить страну а в т о м а т и ч е с к и (курсив наш) из безвыходного положения». Но кроме «нас» в этот «секрет» верит людей «меньше», чем мне хотелось бы» (стр. 364), и затягивание переговоров, отсутствие хотя бы минимальных признаков уступок грозит сорвать нас с нашего якоря. 8-го июля в двух статьях Милюков берет самую высокую ноту. Налицо, «к с о ж а л е н и ю, новый прилив—вполне осязательный и очевидный факт». «Он подлежит учету», он должен быть использован. Из этого прилива или «старинная народная лойяльность вынесет идею царя, связанной с идеей народного представительства», или «вода прилива скоро смешается с кровью и снесет и самую мельницу (Думу), и ораторов» (крайние партии), и «сердцевину старого народного понимания» (идею монархии). Скорей же, скорей, вы теряете последние шансы. «Поддержка «законной» власти представляется прямо необходимой...» «Надо направить волну в русло», чтобы «избежать опустошительного наводнения». Если не принять предохранительных мер и дать ей разлиться, «какая бы группа ни оказалась на ее гребне, хотя бы это была сама Госуд. Дума, роль ее ф а т а л ь н о (курсив наш) будет «бланкистской»; история пойдет «бланкистским» путем «восстания, захвата власти». Пусть же «корона» торопится спасать страну от этого пути: Дума уж «до-

шла до крайних пределов своих прав» и неспособна одна на сопротивление. Пусть «корона» торопится выбирать между союзом с Горемыкиным, губящим своей политикой идею монархии, неумеющим держать «поток», и кадетским министерством, знающим секрет, как задержать разлив новой революционной волны и потушить революционную борьбу народа за власть.

На этот исторический вопль либерала, кинувшегося в объятия «старинной народной лойяльности» в паническом ужасе перед «тревожными признаками» роста революции, было отвечено сверху: «Подождите, мы подумаем» [1].

С этих пор и до последних дней Думы—до последних страниц его книги—у г. Милюкова мы уже не услышим ничего насчет подъема, не будет уже больше угроз и пугания: г. Милюков терпеливо ждет результатов от обдумывающих «верхов», неукоснительно исполняя порученное ему дело: доказать, что кадетское министерство, действительно, могло бы справиться с революцией,

[1] Когда мы писали статью, только тон статей г. Милюкова до и после 8 июня дал нам понять, что 8 июня за кулисами Думы произошла какая-то попытка какой-то сделки между к.-д. и „сферами". Теперь, в только что вышедшем кадетском сборнике: „Первая Государственная Дума", в. I, г. Винавер дает документальные сведения об этой сделке, вполне подтверждая наши соображения о том, чем диктовалась к.-д. их позиция с 8 июня по день разгона Думы (см. особенно стр. 249, 251—252, 267 указ. сб.). Так рельефно отражаются на самом тоне кадетской публицистики „веяния" из высших сфер. Прим. 1907 г.

В 1907 г. только статьи Милюкова и указанная выше статья М. Винавера могли послужить материалом для подозрений о тайных для Думы и для народа переговорах кадетов с Николаем II и царской камарильей, во главе которой тогда стоял ген. Трепов. Только через пять лет, в 1911 г., г. Милюков приоткрыл краешек завесы над тогдашней тайной, связывавшей его с Треповым и Столыпиным. И только теперь, благодаря воспоминаниям Шипова (Д. Н. Шипов. „Воспоминания и думы о пережитом". Москва, 1918 г., стр. 445—460), воспоминаниям Витте (Витте. „Воспоминания" т. II, Берлин, 1922 г.) и, наконец, вынужденным об'яснениям самого Милюкова (П. Милюков. „Три попытки". Париж, 1921 г.), можно установить более или менее точную картину тайных переговоров земцев и кадетов с Николаем, Витте, Треповым и Столыпиным. Картина эта целиком подтверждает сказанное в тексте и только ярче и детальнее показывает, что во все время первой русской революции соглашение с царизмом в целях удушения революции трудовых масс было действительной целью руководителей русского либерализма. О переговорах, предшествовавших роспуску I Гос. Думы, Милюков теперь сообщает следующее: „Было два центра переговоров о кабинете думского большинства (т.-е. кадетском кабинете министров при Николае). Первый был при дворе, второй — в министерстве. Только первая инициатива, принадлежавшая Трепову, была серьезна. Прямое обращение ко мне Трепова и было началом переговоров. Наше свидание... было секретное, и некоторое время (пять лет!) тайна его сохранялась". Надежда на то, что Трепов возьмет Милюкова в министры, и определила всю дальнейшую тактику кадет вплоть до разгона кадетской Думы. Прим. к наст. изд.

а покуда ограждать министерство существующее от «рискованных шагов Думы и народа».

Покуда г. Столыпин работал над созданием реальных опор своей власти, русский либерализм готовился к думскому министерству и жил в тумане этой сладкой мечты. Покуда наверху «думают», он продолжает рекомендовать себя: 22-го июня он настаивает на необходимости дать денег министерству, 24-го он обещает, что «Дума будет орудием умиротворения страны, или ее не будет вовсе; но орудием для водворения хаоса она не будет»; иначе—мы отдадим Думу в руки правительства, но в руки революции не отдадим ни в каком случае; 25-го он предостерегает трудовиков от организованного закрепления связи Думы с населением и, от лица главенствующей партии, отказывается от подобной связи с населением. И параллельно этому, он пишет программу будущего министерства. 18-го он занят счастливо разрешаемым им вопросом о «прочности» кадетского министерства в Думе, о большинстве, которое бы здесь его поддерживало.

За 10 дней до появления «фатальной» фигуры г. Столыпина в роли спасителя монархии и укротителя революции, в роли, на которую претендовал и надеялся г. Милюков, шансы последнего, по его собственному расчету, стоят очень высоко, и он дает подробное объяснение по этому поводу.

«Кадетское министерство, это—«способ не продолжить революцию, а прекратить ее». Но достигнет ли этот способ цели? За это Милюкову ручается... слабость русской революции: «она не так сильна, чтобы благонадежные защитники политической свободы должны были сложить руки... (курсив наш). «Черные» и «красные» должны смолкнуть перед средним течением, которое пробивает себе все более широкое русло». «Задача наша,—разоружить революцию, заинтересовав ее в сохранении нового порядка». С этим планом он и обращается «к тем, кто желает, чтобы кадеты попробовали разоружить революцию», в данном случае, к генералу Трепову.

29-го у него есть точные сведения о том, что на министерских скамья «общий лозунг теперь—не мешать работе Думы»: дело с кадетским министерством, видимо, на мази, и Милюков 30 июня предлагает свои услуги для того, чтобы остановить «нарастание боевого настроения» [1]. 5-го июля он—уже почти

---

[1]) Кстати приведу для характеристики тогдашних расчетов либерализма один факт, о котором сообщает г. Винавер. 5 июня пятью кадетами, по постановлению комитета фракции, было внесено в Думу предложение о примерном рас-

хозяин положения, почти премьер-министр—обращается через Плеханова к меньшевикам-социал-демократам с предложением «поддерживать кадетское министерство»: он еще в беседе с Треповым делал попытки втянуть меньшевиков в круговорот своих с ним переговоров, как аргумент, как пример, как характерное указание, как первый опыт приучения и приручения крайних; теперь он диктует им уже и вывод: «приходится итти в хвосте буржуазной политики».

О, ирония судьбы! Г. Столыпин прервал нашего профессора как раз в тот момент, когда последний хотел пожать все плоды слабости революции. «Это я могу сделать сама»,—сказала корона. «Раб сделал свое дело и может итти». 9-го июля царским указом Дума была распущена; г.г. кадеты, метившие в министры, разосланы по домам; вождь откровенной контр-революции, Столыпин, назначен председателем совета министров.

9 июля либерализм пожинал плоды своей собственной работы. Он сказался пустой марионеткой в руках того, кто заставил своего конкурента расчистить себе дорогу и потом с презрением от него отвернулся. Г. Милюков работал во имя реакции; он не должен был удивляться, когда она пришла в своем чистом виде. Свои «либеральные» надежды он построил на слабости революции и пытался ослаблять ее еще больше во имя этих надежд. И реакция не только не мешала ему питать этих надежд: она сознательно и умно поддерживала эти надежды либерализма, чтобы заставить его работать на себя. И именно тогда, когда в руках либерализма оказалась думская позиция, когда либерализм мог казаться правительству опаснее, чем когда-либо, оно пустило в ход этот прием приручения и приманивания. Оно знало, видимо, качества либерализма русского обывателя. Несколько ласковых похлопываний оказалось достаточно, чтобы сделать из него послушное орудие, которое в каждую минуту можно было пустить против революции. Правой рукой г. Столыпин строил свои крепости, левой заводил послушный либеральный органчик, так хорошо прикрывавший грохот замышлявшегося переворота нежными напевами о кадетском министерстве и великих возмож-

---

пределении думских занятий, как „повод,—пишет г. Винавер,—для об'явления правительству, что планы его для нас ясны, что всякую попытку учредить нам каникулы мы будем считать за роспуск Думы и за нарушение конституции". „Но после 8 июня паническое настроение по поводу каникул... сменилось на время возбужденным ожиданием решительного поворота в другую сторону; обсуждение нашего заявления стало бесцельным, и мы в конце концов решили снять его с очереди 4 июля, за четыре дня до роспуска думы".

ностях «легальной оппозиции в пределах предоставленных прав». В течение месяца реакция грубо «водила за нос» либерализм, а он верой и правдой служил ей, прикрывая ее, обманывая народ, каждую минуту становясь между властью и народной борьбой с ней. Во имя принципа мирной контр-революции он пытался развращать народную борьбу и всюду, где мог, сеял семена холопства, расчищая дорогу реакции в чистом виде. Поймав либерализм надеждой на сотрудничество, реакция в течение месяца, с 8-го июня до роспуска Думы, имела в нем верного слугу—не за страх, а за совесть и, обобрав его, бросила на посмешище истории, пройдя на его плечах к своей цели. Так, идя к своей задаче—«обезоружить революцию», либерализм вооружал контр-революцию.

И когда г. Милюков попробовал подменить карты и в Выборге пытался переменить амплуа лакея власти на положение хозяина революции, она не пошла к нему на службу[1]). Это было недурно задумано: итти к власти ползком и быть принесенным к ней на плечах нового «мирного народного» движения. Это было бы мастерским ударом: столкнуть счастливого соперника и предстать перед монархией в роли ее спасителя.

---

[1]) После роспуска Думы часть ее членов отправилась в Выборг и составила там манифест к народу с призывом не платить податей и не давать солдат. Этот шаг кадет некоторыми толковался, как доказательство способности либералов к решительной борьбе с контр-революцией. Сами кадеты тоже иногда были не прочь похвастать этим своим „революционным“ шагом. Но вот что рассказывает о Выборгском манифесте автор его, г. Милюков, в своей упомянутой выше брошюре 1921 г.

„Выборгский манифест был минимумом того, что можно было сделать, чтобы дать выход общему настроению. Для членов партии народной свободы это была попытка предотвратить вооруженное столкновение на улицах Петрограда... и дать общему негодованию форму выражения, которая не противоречила конституционализму... Конституционные элементы тотчас после Выборга... отвергли революционные выступления, как и последовавшие затем восстания в Кронштадте, Свеаборге и т. д. Самое приглашение народу—не платить податей и не давать солдат—имело условное значение,—в случае, если не будут назначены выборы в новую Гос. Думу... Таким образом, в сущности выборгское воззвание осталось политической манифестацией и мерой на крайний случай,—который не наступил, ибо выборы во вторую Думу были назначены. Что касается к.-д., то они и формально отменили меры Выборгского воззвания после летнего совещания... Вот почему, вместо демонстраций в воинских присутствиях, члены партии и начали готовить выборы во вторую Гос. Думу“.

Так и этот, якобы „революционный“, жест г.г. кадетов оказался обычным обманом народа. Прим. к наст. изд.

Но история погнала его назад. Он вернулся из Выборга, чтобы свое право на политическое существование получить из рук Столыпина, как раньше получал его из рук князя Святополка и графа Витте.

5. Либерализм и революция.

Картина истории русского либерализма за 1904—1906 г.г., данная его лидером, достаточно выразительна, чтобы не нуждаться в пространных комментариях. Г. Милюков, действительно, вправе был ожидать, так делает он в предисловии, что «ни читатель-друг, ни читатель-противник не откажут признать, что в основе (его) суждений лежит некоторая руководящая идея, и что эта идея является для политических объяснений путеводной нитью». Да, в «основе» русского либерализма «лежит некоторая руководящая идея», в этом нельзя ему отказать. Прослеживая судьбы либерализма в революции, мы могли убедиться, что русский либерализм, как он дан нам революционной эпохой, есть создание политического доктринерства, прежде всего. Трудно было бы найти политическое течение более узкое, проявлявшее бо́льшую неспособность выйти из пределов своих схем, чем русский либерализм. Только упорная верность своим схемам, только сознательное отворачивание от всех уроков жизни, ежеминутно опрокидывавшей все построения либерализма, и спасает его от окончательной прострации.

Русский либерализм может двигаться лишь в пределах строго очерченных, ходить лишь по одной дороге. Зная лишь одну дорогу, органически неспособный выйти из пределов одного метода, либерализм должен был стать рабом своей «дороги», верным данником своего «метода»: доктрина и схема владеют им. Пусть доктрина эта—самая узенькая, а схема—самая коротенькая, от глаз наблюдателя не скроется, что своему божку либерализм идолопоклонствует со всем усердием и всем отчаянием дикаря, захваченного грозой. Партия русского либерализма—наиболее фетишистская партия, неукоснительно разбивающая себе лоб во славу своей догмы. Ее фетиш—предотвращение и «обезоружение» революции.

Мы не будем вдаваться в анализ тех социальных условий, которые заставили русскую крупную и среднюю буржуазию,

и «солидную» интеллигенцию отвернуться от российской буржуазной революции. Это уже достаточно выяснено. Говоря кратко, причины этого лежат в том, что революционное решение великого спора между старой и новой Россией открывает, заведомо для завтрашних ее хозяев, такие возможности для общественных «низов», которые отнюдь не гарантируют безмятежного существования «верхов». Предвестником и главнейшим условием таких, отнюдь не вдохновляющих нашу буржуазию на революционную борьбу, перспектив является то обстоятельство, что всякий шаг на пути революционного решения проблемы сегодняшнего дня передаст главную роль в руки «могильщика буржуазного строя»—пролетариата. Наш либарализм твердо знает, как хорошо воспитывает массы революция, и, боясь политического воспитания масс, не может не видеть уже теперь, даже в революции буржуазной своего опаснейшего врага.

«Обезоружить революцию»,—это крылатое словечко г. Милюкова,—и значит лишить «революцию» ее великих воспитывающих элементов, значит подменить революцию буржуазными реформами. Это—та великая задача либерализма, в которой он видит свое прабо на существование, и во имя которой он требует себе признания со стороны нынешних владык России. В этом разгадка всей позиции либерализма, в этом его трагедия, его жизнь, его надежды, его доктрина и его гибель.

Какими бы то ни было средствами и во что бы то ни стало—избежать революционных путей, во-первых, не допустить раскрытия всех возможностей буржуазной революции, во-вторых,—такова «руководящая идея» либерализма в революции. Либерализм не интересуется вопросом, возможно ли это, есть ли почва в современной России для подмена народной революции буржуазными реформами; он не останавливается на вопросе о том, где те социальные элементы, на которые он мог бы опереться, идя к своей цели. Для решения своей задачи он берет все, что подвертывается под руку: кн. Святополка и его «доверие», манифест 18 февраля и его «обещание», «увещание» 6-го июня и канцелярию 6-го августа, 17-го октября и Витте-Дубасовские «одоления»... вплоть до апелляции к интересам монархии. На этих плечах хочет он пройти к «охранению

страны от революции», и если почвы для его задачи нет, если Святополк, Булыгин, Витте и Столыпин не только не ведут его к его цели, а на его плечах идут к своей, то он гипнотизирует себя, ибо не может перестать служить своему фетишу.

Он должен верить, что «средний путь», существует, ибо только этим путем может он ходить—и он верит, несмотря ни на что. Поэтому он так упорно возвращается к своей доктрине всякий раз, когда она повергнута в прах. Вне доктрины о возможности путем сверху идущих бюрократических реформ избежать и задержать революционное воспитание и политическую самодеятельность демократии—нет русского либерализма. В этом вся его политическая мудрость, весь его хваленый «реализм», учащий, как жертвовать «либеральными» принципами, программой, своими, наконец, общими задачами—задаче «обезоружения революции» во что бы то ни стало. В этом кроются и его методы участия в исторической жизни страны.

Либерализм видит и знает лишь одну «законную» власть, способную делать его дело. У него самого, вне совместной работы с существующей властью, нет никаких средств воплотить свою «идею» в жизнь. Против процесса политического воспитания и революционирования низов он не может выставить ничего, кроме предупреждающей работы законодательства сверху.

В борьбе против неизбежного исторического процесса он имеет одного союзника: уже существующий и борющийся за свое существование аппарат власти; он лелеет одну надежду на то, что «правильно понятые» интересы этого аппарата должны дать, наконец, почву для «искренней» коалиции существующей власти и буржуазии против демократии. Существующая власть должна явиться опорным базисом анти-демократического и анти-революционного либерализма, раз он отвергает самый принцип революционной борьбы.

Борясь с революционной демократией, либерализм тем самым борется против вырывания власти из рук агентов старого порядка. И, если он хочет реформировать эту власть на свой лад, чтобы приспособить ее к задаче могильщика революции, то естественно это может быть лишь результатом прямого соглашения. По учению русского либерализма,—власть, если и не от бога, то от благоволения высших сфер, и только ими хочет он быть к ней призван. Тут перед нами заколдованный круг либеральной тактики: только законодательными мунипуляциями можно предотвратить революцию и ликвидировать ее, только

существующая власть может это сделать, только поддержка ее на этом пути может привести либерализм к его цели, и только из рук существующей власти может либерализм получить свои орудия борьбы с революцией. Поэтому-то поддержка потуг приспособляющегося старого строя против нового—единственная дорога либерализма. Отрезав себя от задачи демократии—создать новую власть, власть «народа», творимую только в революционной борьбе, либерализм нашел свою—в поддержке старой. Принцип сохранения старой власти стал принципом политического поведения либерализма, когда он должен был в области тактики сделать вывод из своей доктрины. Добиваться замены народной революции буржуазными реформами оказалось невозможным, не опираясь на старую, феодальную, отрицающую и реформы, и революцию власть. Это та дорога, которой прошел либерализм, идя от «доверия» Святополка через «обещание» Булыгина к «разрешению» Витте, и «чуть-чуть» не к министерству в эпоху Думы, чтобы встретить на своем пути фигуру г. Столыпина. Этот последний попытался перевернуть формулу либерализма: то, что хотите и можете сделать вы, опираясь на нас, я попытаюсь сделать сам, опираясь на вас. По-нашему это звучит ничуть не хуже или, если хотите, не лучше. чем звучало в устах г. Милюкова.

Чтобы получить свою собственную формулу, отраженной из уст г. Столыпина, либерализм пытался привести в подданство этой формуле все, что революция обнаружила контр-революционного. Его «путеводная нить» вела его от надежд на министров через надежды на министерство (графа Витте) к надеждам на центр «старинной народной лойяль ости», на царя. и от «земщины» через «солидную» интеллигенцию к растерявшемуся и испугавшемуся революции обывателю.

Контр-революционные задачи, контр-революционная тактика и контр-революционная аудитория,—таковы элементы, создавшие русский либерализм. Переговоры с существующей властью—таковы его методы действия. В этом своем виде он целиком пошел на потребу той контр-революции, которая теперь в лице уж не прикрашенного октябризма может больше взять у старой власти потому, что хочет и обещает ей больше дать.

Кадетизм хотел дать старой власти организацию «мирной» и «либеральной» контр-революции. Эта работа потерпела крушение, когда у власти оказалось достаточно сил, чтобы организовать контр-революцию воинствующую.

Проторговавшийся либерализм остался не у дел, когда у реакции накопилось достаточно сил, чтобы позвать к себе своего прирожденного сотрудника—октябризм. Теперь они попробуют подменить революцию—реформами.

Но либерализм верен своим схемам. Он готовится снова сыграть на контр-революцию... И его ждет новый удар по вновь расставленным им шахматам [1].

От либералов естественен переход к меньшевикам.

В печатаемых ниже критических очерках характеристика меньшевиков в революции 1905 года и предшествующую эпоху дается на основании меньшевистской же оценки первой русской революции. Эту оценку меньшевики дали в коллективном пятитомном сборнике, начавшем выходить в 1909 г.—в самый разгар Столыпинской контр-революции—под названием „Общественное движение в России в начале XX века“, под редакцией наиболее ответственных представителей меньшевизма Л. Мартова, А. Потресова и П. Маслова. Сборник этот представлял попытку рассмотреть и осветить с меньшевистской точки зрения не только борьбу классов в 1905—1906 г.г., но и весь процесс общественного развития и политической борьбы за период конца XIX и начала XX веков и превратился, таким образом, в своего рода меньшевистскую энциклопедию, в сводку меньшевистских воззрений по всем вопросам русской революции и борьбы русского пролетариата. Эта многотомная сводка целиком подтвердила роль меньшевиков уже в первой революции, как проводников буржуазного влияния на пролетариат, искусно прикрывающих свое служение буржуазии марксистской фразеологией. Подводя итоги 25-летнему развитию русского рабочего движения и марксизма в России, меньшевизм в этом сборнике пытался систематически ликвидировать революционную идеологию пролетарского движения, его революционную тактику, его революционные традиции, традиции 1905 г. с его всеобщими политическими стачками, первыми Советами Рабочих Депутатов, вооруженной борьбой и присоединением крестьянства к пролетариату в борьбе и против самодержавия и против кадетов и, наконец, пролетарскую партию.

Большевики в эти темные дни перевала от первой ко второй революции видели свою задачу как раз в сохранении и развитии этой идеологии, этих традиций и этой партии против сплошной волны интеллигентского ренегатства и ликвидаторства, дополнявших контр-революционную работу победившего союза царя, помещика и капиталиста. Эта задача подготовки новой революции требовала от большевиков систематического и беспощадного разоблачения не только кадетов, но и так называемых „социалистов“—меньшевиков и социалистов-революционеров,—поскольку последние теоретически и практически подготовляли уже тогда то предательство, которое полностью развернулось только через 10 лет—в 1917 и последующие годы.

---

[1]) Кадеты и октябристы, разделив работу со Столыпиным, сумели оттянуть этот удар на 10 лет. Он пришел в февральские дни 1917 г. О роли кадетов в этот промежуток см. ниже, отдел „Столыпинщина“. Прим. к наст. изд.

Как убедится читатель, уже тогда — в 1908—1910 г.г. — главные удары большевистской критики были направлены на разоблачение мелко-буржуазной природы этих так называемых „социалистов“, на их рабское следование за кадетами, на их идейный блок (в 1917 г. этот блок получил название коалиции) с кадетами, на их готовность ради этого блока, соглашения, коалиции с буржуазией предать интересы пролетарской и крестьянской революции, наконец, на их измену тем чертам революции 1905 г., которые делали эту революцию подлинным движением рабочих и крестьян и против царского самодержавия и против буржуазного либерализма, и тем самым делали октябрь 1905 г. прологом октября 1917 г.

Конечно, тогда нельзя было еще предвидеть, как далеко пойдут г.г. Мартовы, Даны, Потресовы, Черновы, Авксентьевы и Савинковы, как следование за кадетами приведет их к поддержке империалистской войны, к коалиции с генеральско-казачьей контр-революцией, сделает орудиями мирового капитала и заставит добровольно играть роль наводчиков у дула тех орудий, из которых буржуазия расстреливала социалистическую революцию. Во всяком случае из истории революции нельзя будет выкинуть тот факт, что за 10 лет до Октябрьской революции большевики вскрыли контр-революционную роль меньшевиков и эс-эров и разоблачили союз Мартовых и Черновых с буржуазией против рабочих и крестьян.

1905 г. и МЕНЬШЕВИКИ.

ЛИКВИДАЦИЯ ГЕГЕМОНИИ ПРОЛЕТАРИАТА В МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Статья первая [1])

Ликвидация гегемонии пролетариата в русской революции... Не значит ли это,—спросит мало-мальски осведомленный в ходе русской революции читатель, ликвидировать исторический факт, и притом один из грандиознейших фактов истории России и Европы за последнее полстолетие?.. Мыслима ли история, которая прошла бы мимо этой характернейшей черты первой русской революции, и которая—с ненавистью или с удовлетворением—не воздала бы должное тем, кто построил свою политическую деятельность на предвидении и учете этого основного факта?

Однако, недавно вышла книга в 700 стр., основное содержание которой, тема которой, задача которой заключается как раз в том, чтобы похоронить идею гегемонии пролетариата в первой русской революции.

Не рискуя, ибо это невозможно, отрицать факта, факта руководящей роли пролетариата во всем ходе русской революции,—авторы направляют свою полемику против той партии, которая положила этот факт в основу своей политической деятельности.

Рассматриваемая книга представляет собой первый том пятитомного издания, под названием «Общественное движение в России в начале XX века», редактируемого г.г. Л. Мартовым. П. Масловым и А. Потресовым. (Г. Плеханов, при составлении первого же тома, вышел из редакции, в которой он первона-

---

1) „Пролетарий", № 47—48, от 5 сентября 1909 г.

чально должен был принять участие.) Перед нами, следовательно, история революции, написанная социал-демократами и направленная против социал-демократической партии. Перед нами попытка систематизировать тот запас представления о революции, который накопился в рядах социал-демократов-меньшевиков.

И. конечно, всякая такая попытка должна будет, не может не сопровождаться критическим анализом политики и тактики с.-д.-тии. Пользуясь всем опытом революционных дней, анализируя реальную картину соотношения социальных сил и политических партий, необходимо на этом опыте и на этой картине массовых движений проверить те идеологические схемы, с которыми русская с.-д.-тия приступила к работе.

Ни для кого не тайна, что уже в самом процессе революции, уже при первых ее шагах отрицательное отношение к некоторым основным положениям русской социал-демократии—к положению о руководящей роли пролетариата в русской революции в особенности—стало тем признаком, по которому подбирались различные элементы, выделившегося правого крыла партии. На этом крыле мы видели целый ряд оттенков: от искреннейших работников пролетарского дела, оппортунизм которых лишь отражал неразвитость общественных отношений в России, знаменовал лишь недостаточное выделение рабочего класса из рождающегося буржуазного общества, и до таких элементов, либеральная природа которых тем яснее сказывалась, чем плотнее пытались они закутать ее в марксистскую фразеологию.

И если в практической работе, на отдельных задачах дня можно было до поры до времени поддерживать единство этих элементов, то, взяв на себя задачу дать цельную картину революции, меньшевизм должен был наглядно обнаружить свой двойственный характер. Не случайность поэтому, что первая же попытка дать связный очерк роли пролетариата в революции, вышедшая из рядов меньшевизма, известная книга Череванина, вызвала разделение меньшевиков. И только продолжением этого неизбежного процесса выделения является выход Плеханова из редакции «Общественного Движения». Глубокое же смешение и, так сказать, взаимопроникновение пролетарски-оппортунистических и буржуазно-демократических элементов в меньшевизме во время революции привело к тому, что это выделение не может не итти зигзагообразным путем. Ни одно из выделяющихся течений в меньшевизме до сих пор не сознало ясно причин разделения и его неизбежности, ни одно не решилось открыто выступить с учетом новой группировки. Редакция мень-

шевистского «Голоса Социал-Демократа»[1]) не переварила Череванина, предпочтя, однако, отречься от Череванина только в немецкой с.-д. печати и промолчать в русской, но без особого труда проглотила Потресова, политическую мудрость которого отказался усвоить один из редакторов, Плеханов. (Уже после выхода из редакции «Общественного Движения», Г. В. Плеханов вышел и из редакции «Голоса Социал-Демократа».)

Вполне естественно, что совместная работа по истории русской революции оказалась возможной только для тех элементов меньшевизма, которые заранее согласились не ставить препятствий своим последовательным и идущим—в ликвидаторстве—до конца товарищам. Ничего поэтому нет удивительного в том, что история, которую взялись составить социал-демократы-меньшевики, вышла толстым памфлетом против социал-демократии, написанным с точки зрения буржуазного демократа общеевропейского типа.

В русской общественности это новый тип. До сих пор все, что было в России не социал-демократического и не явно-либерального (в типе руководителей кадетизма), все это стояло обеими ногами на почве народнических предрассудков. Слабее или сильнее, но вся наша интеллигенция—за исключением всецело ушедшей в рабочее дело—была окрашена в народнические цвета. Это было естественно до поры до времени. Но с расшаткой той общественной среды, которая питала народничество с развалом дореволюционной общественности время это прошло и теперь мы присутствуем при нарождении нового типа: буржуазного демократа или радикала, основой для радикализма и демократизма которого служит уже не сплошной быт полупатриархального крестьянства, а процесс европеизации страны. В краски буржуазной, общеевропейской культуры хотя и крайне медленно, но все же окрашивается наша жизнь и крайне быстро—вся интеллигенция во всех ее группах. Процессу европеизации нашей «науки» и нашей крупной буржуазии соответствует процесс нарождения идеологии мелкой городской демократии. Интеллигент валит сюда отовсюду, но главный штаб этой новой интеллигентской группы неизбежно составится из людей, получивших европейскую выучку в школе марксизма, конечно, «марксизма» оппортунистического. Марксизм был на перевале от старой к новой России школой реалистической мысли для всей

---

[1]) „Голос Социал-Демократа“—официальный орган меньшевиков, выходивший за границей в 1908—1913 г.г. под редакцией Л. Мартова, П. Аксельрода, Ф. Дана и А. Мартынова. До середины 1909 г. в ред. входил и Г. Плеханов.

жизнеспособной русской интеллигенции, и вполне естественно что он давал и дает идейных вождей всем европеизирующимся слоям русского общества. За пределами этого процесса остались только такие специфические группы, как «левые» и «правые» с.-р.. максималисты и прочие группки, корни которых лежат в пережитой уже эпохе.

При этих условиях меньшевизм должен послужить главным резервуаром, где европеизирующаяся русская городская демократия черпает своих идеологов, а отчасти и свою идеологию. Понятие «ликвидаторства» шире, чем проповедь ненужности старой партийной организации. Ликвидаторство—известная система политической мысли, а не только упадочное и бездейственное настроение, и это ликвидаторство является как раз той формой, в которой совершается теперешний исход, побывавшей у с.-д-тии (главным образом, меньшевистской) интеллигенции к новому формирующемуся идейному центру мелкой буржуазии. к новой прослойке либерализма.

Рассматриваемая нами книга останется надолго памятником того, как в лоне меньшевистской с.-д-тии воспитывались эти элементы буржуазной демократии и как долго они оставались незаметными для руководящих кругов меньшевиков.

Ибо в этой книге, прикрывшись еще марксистским знаменем и под защитой марксистских имен, совершается работа выхолащивания основных идейных положений русской социал-демократии,—необходимая предварительная работа новой буржуазной идеологии.

Это ближе всего относится к статье А. Потресова, посвященной истории социал-демократии с 1883 по 1905 г.г. Статья эта—«Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху»—самая значительная и по размерам, и по содержанию в толстом сборнике. Уходящим из социал-демократии буржуазным демократам—красный угол: это заслуженная меньшевиками шутка истории.

Для Потресова, как и для громадного большинства его сотрудников, причины поражения русской революции лежат в той преобладающей, руководящей роли, которую играл в революции пролетариат, и основной грех его руководительницы—с.-д-ской партии—для них в том, что она отразила своей идеологией эту роль пролетариата. Гегемония пролетариата и русская социал-демократия, для которой эта гегемония является исконной идеей,—«идея гегемонии, это—исконная концепция революционного русского марксизма»,—пишет сам Потресов на стр. 614

«Общественного Движения», — основной враг. Ecrasez l'infâme! раздавите подлую! Вот, поистине, каннибальский крик, который вырвался из стесненной груди буржуазного интеллигента, когда торжество контр-революции высвободило его из-под кошмара «стихийной силы непосредственных классовых инстинктов» пролетариата (выражение сотрудника Потресова Л. Мартова стр. 675) и дало возможность хотя бы литературного реванша. По образцу всех просвещенных демократов, А. Потресов готов признать социал-демократию, но под тем условием, что у нее будет вырвано ее жало. В русском революционном марксизме этим жалом является искони идея гегемонии; в русской революции главенствующая роль пролетариата вызывала наибольшее ожесточение со стороны всех непролетарских элементов; идейная борьба против этой гегемонии, — борьба, которая была основным содержанием философской, этической, тактической критики г.г. Бердяевых и Струве, — давно уже сменилась политической, реальной борьбой с так называемыми на либеральном языке «эксцессами» и «исключительностью» пролетариата, с Советами Рабочих Депутатов, с всеобщими забастовками, с систематическим разоблачением либерализма и с «левым блоком» [1]), и, видимо, по мысли редакции меньшевистского сборника, настало время для историка вбить осиновый кол в могилу этой идеи [2]).

[1]) В 1905—1907 г.г. меньшевики проповедывали и всюду, где это им удавалось, проводили соглашение с буржуазными либералами (кадетами). Большевики же отстаивали и проводили соглашение пролетарских и крестьянских партий против кадетов. Эта последняя тактика получила в то время название тактики „левого блока", т.-е. боевого союза „левых", пролетариата и крестьянства. Полное развитие эта тактика получила в 1917 г., когда, в виде союза пролетариата и крестьянства, она разбила „правый блок", союз кадетов, меньшевиков и эс-эров. Прим. к наст. изд.

[2]) Чтоб показать всю своевременность этой задачи авторов сборника, приведем несколько слов из статьи центрального органа германской с.-д-тии, посвященной отчасти тому же вопросу о роли пролетариата. Вот, что написано там в номере от 9 июля 1909 года: „Вредоносной иллюзией было бы думать, что полевением буржуазии может быть решена задача демократизации России. Нет, эта задача остается за пролетариатом: он до сих пор стоял в авангарде, он же останется носителем революции и впредь". Чтобы стала еще яснее пропасть между историческим делом могильщиков идей гегемонии и марксистской мыслью, противопоставим этим словам признание одного из сотрудников и редакторов „Общественного Движения" (Л. Мартова), сделанные им в другом месте: „Общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие данного класса (буржуазии) не сделает его движущей силой". Это звучит в своем противоречии известной фразе Г. В. Плеханова 1889 г., как признание: „Русская революция победит, как движение буржуазии, или не победит вовсе". Новейшая мудрость меньшевизма в словах основателя русской с.-д-тии заменила лишь одно слово: „рабочий класс" — „буржуазией".

Как видит читатель, борьба с идеей гегемонии не новость в истории развития русской политической мысли: все без исключения отвалы не пролетарских групп от марксизма совершались под знаменем борьбы с этой идеей, и все буржуазные политические группы в России формировались в борьбе с этой именно идеей: беззаглавцы, с.-р., «идеалисты», освобожденцы начали свою политическую жизнь с борьбы против этой идеи и каждая из этих групп охотно выдала бы рабочему движению патент на спокойное существование, если бы оно отказалось—в идее и на практике—от той роли в русской революции, которую оно призвано сыграть [1].

Это как нельзя более естественно, ибо в этой идее гегемонии учитывается та специфическая черта, которая в условиях буржуазной революции в России в начале XX века делала из рабочего движения самостоятельное движение класса, а не придаток «общенационального» движения буржуазного общества.

Естественно, что идея эта была основой «Искры», что она выделила русскую социал-демократию в предреволюционную и революционную эпоху из того конгломерата, который звался «русским марксизмом» в 90-х г.г. Естестственно также, что борьба с этой идеей переходит по наследству от Струве к авторам «Кредо» и от них к Потресову.

И как всегда, новая борьба с «исконной идеей русского революционного марксизма» пытается на первых порах остаться в пределах с.-д-тии.

Поэтому-то, наряду с попытками укрыться от Г. В. Плеханова под сень построений П. Б. Аксельрода, наряду с определенным, ничем не прикрытым отказом от всей эпохи старой «Искры», извращение всей истории идейной жизни русской социал-демократии является характерной чертой статьи А. Потре-

---

[1]) „Освобожденцами" назывались первоначально кадеты по их журналу „Освобождение", выходившему перед революцией за границей под редакцией П. Струве. Когда „освобожденцы" в ноябре 1905 г. образовали кадетскую партию, небольшая часть бывших „освобожденцев" в партию не вошла и во главе с Кусковой, Прокоповичем и др. стала издавать журнал „Без заглавия". Отсюда их кличка—„беззаглавцы". Во всех существенных политических вопросах „беззаглавцы" шли за кадетами, специальностью же их—в качестве ренегатов социализма—была борьба с революционным марксизмом. „Идеалистами" здесь названа группа сотрудников вышедшего в 1903 г. сборника „Проблемы идеализма", в котором ряд бывших легальных марксистов, Струве, Бердяев, Булгаков и др.—окончательно порывали с учением Маркса и создавали буржуазную идеологию. Все они в революцию 1905 г. фактически примкнули к кадетам. Прим. к наст. изд.

сова. Все это извращение направлено к тому, чтобы представить «исконную идею русского революционного марксизма», как случайный и временный зигзаг демократической мысли. Потресов «хитро» рассчитал: если бы ему удалось внушить своему читателю эту мысль об интеллигентско-демократическом происхождении идеи гегемонии пролетариата в русской революции, читатель уже до конца остался бы в полной уверенности, что ликвидация «Группы Освобождения Труда» и «Искры» произведена Потресовым, действительно, во имя «истинного» марксизма и «истинной» социал-демократии.

Чтобы сразу схватить дух направленных к этой цели извращений истории с.-д-тии, проделанных Потресовым, надо обратить внимание на слова, которыми сам Потресов охарактеризовал свой метод исследования. Сборнику своих статей он предпослал следующие слова: «Действующим лицом его работ (курсив наш) неизменно оставался тот пестрый комплект наслоений нашей русской общественности, который известен под общим названием—интеллигенция». Это, действительно, так: мысль Потресова с трудом переходит за грани интеллигентских кружков и логики их внутреннего развития; поэтому Потресов подменяет процесс действительной жизни процессом развития мыслей этих кружков. Из материалистического его метод становится «психологическим», и тщетно старается автор словесными увертками скрыть от себя, что его метод есть метод идеалистический.

Вся история социал-демократии, вся идейная борьба ее перестает быть для него отражением того своеобразного положения, в котором оказался пролетариат в предреволюционную и революционную эпоху, а движется по собственным законам, которые представляют не что иное, как открытые самим Потресовым законы развития русского разночинца-интеллигента. Не мудрено поэтому, что у него пропадает живая основа, реальный нерв всей той позиции, которая знаменовала выделение чисто-пролетарской линии соц.-демократии в непрерывной борьбе с чуждыми ей, буржуазными и мелко-буржуазными элементами.

В преддверии 90-х г.г., когда марксизм, а затем и социал-демократия сделались впервые общественной силой в России, стоит фраза Плеханова о том, что русское революционное движение восторжествует, как движение рабочих, или не восторжествует вовсе. «Буржуазная революция под гегемонией пролетариата», это—не наша формулировка политических идей «Группы Осв. Труда». Эта формулировка настолько неизбежна, что ее вынужден был дать не кто иной, как

меньшевик Мартынов, в первом же номере меньшевистского «Голоса Социал-Демократа», чтобы затем в следующих номерах напасть на большевиков как раз за то, что они оставались все время революции верны этому основному положению «Группы Осв. Труда».

Плеханов констатировал факты, когда в 1888 г. писал: «Много ли таких людей («общества») в России? И могут ли эти люди победить правительство одними только своими силами? Возьмите историю Франции, припомните историю Германии. Кто сражался на баррикадах в июле 1830 года: общество или народ? Кто сломил монархию Луи-Филиппа: рабочий класс или буржуазия?» Это напоминание Плеханова было убедительнейшим призывом и совершенно достаточным основанием для того, чтобы широкие круги интеллигенции—между прочим, и будущие идеологи нашей буржуазии всех оттенков — почти что всерьез объявили себя марксистами и даже социал-демократами.

Но остановиться на этом пункте рассуждений Плеханова было возможно только для этих будущих идеологов буржуазии, только для Струве, только для Булгаковых и Изгоевых.

Соц.-дем. должны были пойти дальше: работа действительно пролетарской мысли началась как раз там, где для свободолюбивой интеллигенции она кончалась. Для с.-д. вставал вопрос: если сражаясь на баррикадах в 1830 и 1848 г.г. пролетариат оказывался под политическим руководством буржуазии, то какую позицию должен занять русский пролетариат, чтобы избегнуть этого просвещенного руководства и его политических последствий, в тот момент, когда на костях старого начнет воздвигаться новое здание эксплоатации рабочих? Плеханов напоминал историю европейских революций не только для того, чтобы увещевать «общество» не отворачиваться от рабочего движения, а и для того, чтобы подчеркнуть тот урок, который должен был усвоить из этого опыта русский рабочий класс. Плеханов поэтому напоминал не только февраль, но и июнь 1848 года, то толкование, которое участию рабочих на баррикадах придала буржуазия руками Кавеньяка [1]).

И поэтому только дальнейшим развитием мыслей Плеханова, а часто только конкретизацией ее, была основная идея «Искры», идея гегемонии пролетариата в революции. Все, что было революционно-социал-демократического в русском марксизме—про-

[1]) Известно, что в июне 1848 г. республиканская буржуазия расстреляла руками Кавеньяка рабочих, осмелившихся потребовать от революции и республики больше того, чем удовлетворилась буржуазия.

двинулось в этом направлении; а все, что было буржуазно-демократического—объявило борьбу этой идее.

Коренная фальшь потресовской истории заключается в том, что ему и в голову не приходит, что идея гегемонии была на всем протяжении истории русской соц.-демократии реально-политическим выражением идеи о самостоятельной рабочей партии, стремящейся быть не только привеском к «общенациональному» движению, но ставящей себе целью довести это движение до такого предела, который гарантировал бы возможно большую свободу для борьбы за социализм.

Никто из членов «Гр. Осв. Труда» не сознавал и не подчеркивал этого особого положения пролетариата в русской революции так ясно, как Плеханов. Конечно, сообразно условиям 80-х годов, эта идея не могла принять конкретных очертаний, она часто могла даже затеняться, и конкретизация этой идеи, тактические выводы из нее принадлежат другой эпохе в развитии соц.-демократии. Но сам Потресов принужден привести из сочинений Плеханова того времени целый ряд мест, которые содержат в себе почти целиком все дальнейшие тактические выводы из этой идеи.

Сотрудники «Общественного Движения» хорошо это чувствовали, хорошо понимали, что, отвертываясь от тактических выводов старой «Искры»,—что они делают с большим усердием,—необходимо бить их основу, ту концепцию пролетариата-освободителя, пролетариата движущей силы, которая заключена уже в первых произведениях Плеханова, и которая осталась руководящей идеей большевизма, поддерживаемая неоднократно западноевропейской с.-д. мыслью (Каутский, Р. Люксембург). Не отваживаясь покуда на этот теоретический подвиг, они зато с особым чувством удовлетворения противопоставляют Плеханову Аксельрода, отыскивая у последнего те именно места, где он больше всего поддавался гипнозу «общенационального» движения. И Л. Мартов, и Потресов специально и неоднократно подчеркивают то, в чем Аксельрод отходил от Плеханова—направо, к поглощению специальных задач пролетариата в буржуазной революции общими задачами борьбы нового общества со старыми порядками. В этих отступлениях Аксельрода авторы сборника видят важнейшее наследство «Гр. Осв. Труда». И, действительно, меньшевикам, которым трудно вести свое родословие от плехановской концепции, легко установить свою связь с подобными, например, заявлениями П. Б. Аксельрода: «Итак, для принципиального политического

антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией историческая почва еще не подготовлена, напротив их обоюдное историческое положение навязывает им общую цель и принуждает их к энергичной постоянной взаимопомощи».

И немудрено, что Потресов приводит эту цитату как бы затем, чтобы подчеркнуть недостатки плехановской концепции, в которой отнюдь не было места для отрицания «принципиального политического антагонизма» между различными элементами нового общества в предреволюционную эпоху и которая, наоборот, зиждилась на признании различия тех задач, которые предъявляются различными группами к делу ликвидации старого режима.

Но, если уже в 90-х г.г. аксельродовская позиция в этом смысле извращала действительное взаимоотношение различных элементов в борьбе с самодержавием, то теперь, после того, как перед нашими глазами развернулась действительная картина действительного отношения пролетарских и буржуазных элементов в революции,—теперь поднимать на щит подобное заявление, отвертываться от плехановской концепции во имя аксельродовских отступлений от нее, это значит начисто отказываться от революции 1905 года, ставить минус к той роли, которую пролетариат в ней выполнил и теоретическое предвосхищение которой является основной заслугой теоретиков с.-д. в России. «Отсутствие принципиального политического антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией»!.. До революции 1905 г. у соц.-дем. не было врага более живучего, чем этот политический предрассудок, постоянно и своекорыстно выдвигавшийся всеми фракциями непролетарской интеллигенции при их попытках наложить печать своего руководства на политическое движение рабочего класса. Трудно развернуть брошюру или статью противников русской соц.-дем. в эпоху 1900—1905 г.г, невозможно найти буржуазного критика русской революции за 1905—1909 г.г., чтобы не натолкнуться на вариацию этого положения.

Это положение стало боевым кличем всей буржуазной демократии, ополчившейся против главенствующей роли пролетариата в революции, и этой концепции «Освобождения», «с.-революционеров», «беззаглавцев», «внепартийцев», вплоть до «Речи» того периода, когда г. Милюков еще «соглашался» носить «осла», противостояла лишь одна идея, собравшая вокруг себя действительно революционно-социал-демократические элементы — идея гегемонии пролетариата.

Не трудно видеть, какую роль призваны были сыграть эти две идеи и их борьба: это была борьба за характер, размер и ход переворота, а вместе с тем, и за характер самого рабочего движения и революции: будет ли оно классовым движением пролетариата, подчиняющего свои временные задачи своим конечным целям, или будет оно движением рабочих, подчиненных руководству и задачам идеологов «общенационального движения», т.-е., говоря проще, буржуазии.

История борьбы этих двух политических систем—поучительнейшая сторона партийного развития и только проследив ее, мы поймем, куда идут Потресовы со своей критикой.

Сам Потресов не мог при всем желании извратить историю этой борьбы настолько, чтобы совершенно затушевать суть дела.

Перелистаем эту историю с этой точки зрения.

А. Потресов должен неоднократно подтверждать на протяжении своей статьи, что формула «буржуазная революция под гегемонией пролетариата» точно охватывает воззрения «Группы Освобождения Труда».

Не забудем же в дальнейшем, что эта формула точно предвосхитила действительный характер переворота и что, таким образом, направленная против нее критика была не чисто-теоретическим спором, а в свою очередь предвосхищением политических позиций, боровшихся с пролетариатом внутри самого— общественного движения групп буржуазии.

Следующая эпоха—эпоха легального марксизма. И здесь идея руководящей роли пролетариата остается главенствующей в среде марксистов. Но она получает два совершенно отличных оттенка. С одной стороны, разрабатывается дальше идея Плеханова («Задачи русских социал-демократов» Ленина), с другой стороны, она принимает типично-интеллигентский оттенок. В этом своем виде—элементарном и грубом—она сводится к голому признанию того факта, что с е й ч а с пролетариат—единственная революционная сила. Весь тот сложный комплекс идей, который вкладывался в идею пролетариата-освободителя, делая ее связующим звеном между политическими задачами пролетариата в буржуазной революции и его конечными, социалистическими целями, оказался выброшенным за борт свободолюбивой интеллигенцией. Это пришлось ей не по плечу. Но зато с тем большей радостью схватилась она за первоначальные звенья плехановского рассуждения. «Пролетариат освободит Россию»,—это интеллигенция усвоила, и, освободив эту мысль от всего сопровождающего, она скоро должна была притти к мысли, что нужное

ей дело сделает только такой пролетариат, который не откажется итти за буржуазными идеологами. Так интеллигентское толкование гегемонии пролетариата в 90-х годах легко и естественно уже на рубеже 900-х г.г. перешло в противоположность гегемонии, в борьбу с идеей гегемонии пролетариата, с классовым характером его задач в революции, в борьбу с его самостоятельной партией. Рекомендация политического воздержания для пролетариата было разновидностью того же уклона мысли.

Потресов в своих целях компрометации идей «Гр. Осв. Труда» и «Искры» и их продолжателей, большевиков, использовал внешнее совпадение социалистической и буржуазно-интеллигентской мысли, когда попытался сыграть на том, что идея гегемонии выдвигалась в те времена (середина 90-х годов) между прочим и Струве.

Процитировав статью г. Струве из «Работника» и пододвинув к ней брошюру Ленина «Задачи русских социал-демократов» А. Потресов начинает разводить в недоумении руками по поводу того, что—«насмешка истории»—в статье «буржуазного» Струве, пожалуй, более решительно и громко, чем у социал-демократа Ильина (Ленина), звучит эта нота—предвестница той будущей концепции, которая в работах Ленина нашла свое специфическое развитие» (стр. 580). Потресов очень уже простыми средствами заставляет свою «историю» смешить себя. Но все же смеется Потресов сквозь слезы. Ибо сближение «ноты» Ленина с «нотой» Струве столь же убедительно, как и попытка Мартынова доказать редакторство Ленина в «Рабочем Деле». И та, и другая попытка должны кончиться плачевно для их авторов.

Действительно, в «концепции» Ленина уже в его работе 1896 г. «Задачи русских социал-демократов» гегемония была, так сказать, гегемонией социалистических задач над временными политическими задачами, подчеркиванием необходимого,—единственно дающего смысл существования русской соц.-дем.,—сочетания ближайшей задачи буржуазной революции с конечной целью пролетариата. Надо, действительно, сравнить брошюру Ленина и статью Струве, чтобы увидеть, что, если у первого идея гегемонии являлась ответом на вопрос: какое положение должен занять пролетариат в русской буржуазной революции, чтобы выйти из нее в максимально-свободных условиях для борьбы за социализм и максимально-способным к ее успешному ведению, то Струве провозглашал гегемонию, только как результат того, что у тогдашних демократов не было, на кого возложить своих политических надежд. И, чем больше он надеялся на пролетариат,

тем скорее он стал освобождать этот пролетариат от свойственных последнему неприятных черт. Когда стало ясно, что это не удастся, Струве стал искать уже специально такой группы, которая бы оказалась способной низвергнуть и заместить пролетариат в его роли в деле освобождения. И если ныне Потресов, идя по проложенным г-ном Струве следам, стремится освободить пролетариат от этих же неприятных черт и жадно высматривает в русском обществе заместителей пролетариата в качестве «движущей силы» освобождения, находя их в нынешней аудитории того же г-на Струве, то это должно было бы подсказать ему, что говорить о «насмешках истории» для него не безопасно. Для Потресова эта «история» воплощается в приветствиях, которыми награждал Струве меньшевиков в той же мере, в какой для идей автора «Задач русских социал-демократов» она воплощалась в политической ненависти кадетов к большевизму.

Но смешение двух тенденций, проделанное Потресовым, понадобилось ему для того, чтобы скрыть тот факт, что во всей дальнейшей истории идея гегемонии является оселком для испытания социалитичности различных общественных групп, и что борьба против этой именно идеи была первым шагом процесса самопознания русской буржуазной идеологии. А стушевав этот исторический факт, ему легко было в дальнейшем объявить бланкизмом совокупность идей «Искры» и ее продолжателей и уйти с поля сражения под маской социал-демократа, тогда как на самом деле он порвал с основной идеей русской революционной социал-демократии.

В самом деле. «Критика марксизма», сменившая эпоху легального марксизма и заполнившая собою конец 90-х годов, очень быстро нашла своего врага, и все ее выступления—откуда бы они ни шли—берут идею гегемонии в штыки, тем самым разоблачая и собственную свою буржуазную природу и знаменательную роль этой идеи. И, конечно, «критика» направлена не против струвевского, а против плехановско-ленинского понимания роли пролетариата в русской революции.

Для Потресова—с его «психологическим», а не материалистическим методом, с его непониманием совокупности политических идей, включенных в формулу «гегемония пролетариата»—процесс формирования русской буржуазной идеологии в борьбе с марксизмом представляется удивительно аляповато простым результатом интеллигентской мысли.

«Марксизм,—пишет Потресов,—санкционировал движение интеллигенции в рабочую среду, но он санкционировал

одно лишь это движение. Неудивительно, поэтому, что бо́льшая часть демократической интеллигенции, которая, вовлеченная в сети марксистских идей, тем не менее не хотела и не могла найти для себя приложения сил в обслуживании пролетариата, что эта интеллигенция должна была вскоре почувствовать несоответствие марксизма ее собственным задачам и целям» (курсив наш).

Вот, поистине, образчик потресовского метода объяснения исторических фактов из кружковской жизни интеллигентских групп. Какой долей политической наивности надо обладать, чтобы в завязавшейся борьбе пролетарских и либеральных тенденций в среде шедшего к революции общества увидеть результат того, что та или другая часть интеллигенции «не могла найти для себя приложения сил в обслуживании пролетариата».

По своей великолепной наивности это «объяснение» может конкурировать только с соображениями того же Потресова, что идея «гегемонии пролетариата» была ничем иным, как зигзагом демократической мысли.

А на самом деле загадка идейной борьбы с революционным марксизмом в предреволюционную эпоху не так уж головоломна, особенно для историка, перед глазами которого теперь уже не только страницы брошюр и журналов, а опыт массовой и открытой борьбы.

Формулы, выдвинутые со стороны либерализма против идеи пролетариата, как главной движущей силы революции, теперь наполнены конкретным содержанием, и читатель, просматривая те данные, которые приводит сам Потресов,—и вопреки его указке,—легко вскрывает их политико-социальное содержание.

Первый протест против руководящей роли пролетариата в русской революции известен под именем «Кредо» [1]). Оно протестует против самостоятельной политической партии пролетариата, против специфически-пролетарских задач в революции

[1]) Документ, известный под именем „Кредо" (т.-е. Credo=верую, исповедание веры), составлен в 1899 г. Е. Кусковой, числившейся некогда социал-демократкой и стоявшей в первых рядах интеллигенции, рвавшей тогда с марксизмом и пролетариатом. Документ этот вызвал немедленный, резкий и решительный отпор со стороны Ленина, находившегося тогда в ссылке. Отповедь, составленная Лениным, была вскоре затем опубликована за границей и в России под заголовком „Протест русских социал-демократов". (См. Соб. соч. Н. Ленина, т. 1.) Составление этого „Протеста" описано тов. Лепешинским в его воспоминаниях „На переломе". Мартов и Потресов, не успевшие еще изменить революционному марксизму, присоединились тогда к этому протесту. См. Л. Мартов. „Записки социал-демократа". Стр. 408—409. Прим. к наст. изд.

(«для русских марксистов исход один: участие в либеральной оппозиционной деятельности») и, конечно, погребает идею «гегемонии пролетариата»; пролетариат, как одна из колонн политически-идейной армии «общенационального движения»—вот мысль, которая была противопоставлена авторами «Кредо» «исконной идее русского революционного марксизма». Политическое руководство либерализма пролетариатом, как наиболее выгодный тип революции для буржуазии,—вот смысл «Кредо» и всей последующей борьбы буржуазной демократии с социал-демократией. и, не понявши идеи гегемонии и ее значения, нельзя понять и всего смысла этой борьбы и этой эпохи.

По мере того, как революционная социал-демократия от общих вопросов переходит к боевым вопросам политики и тактики, эта борьба все больше разрастается.

Протест либералов (а все «Освобождение», весь тогдашний «идеализм» построены на этом протесте) против идеи гегемонии является тем более знаменательным, что он становится всеобщим в непролетарской среде как раз тогда, когда эта идея становится практическим путеводителем «Искры» и в ней получает свою конкретизацию. При наличности этих фактов объявить идею гегемонии, как это делает Потресов, зигзагом мысли демократической интеллигенции, это значит не только ничего не понять в истории политической мысли последнего десятилетия, это значит извратить историю во имя словесного уязвления... большевиков.

Если мы к общеизвестным фактам из истории русского либерализма прибавим то, что и в социал-революционерстве определяющим моментом служила критика идеи о главенствующей роли пролетариата во имя распределения этой роли между интеллигенцией. крестьянской демократией и рабочим классом, то мы должны будем убедиться, что протест против основной идеи революционной социал-демократии о роли пролетариата в русской революции является общим знаменателем для всех буржуазно-освободительных тенденций русского общества.

Специфической чертой русской социал-демократии эпохи господства идей «Группы Освобождения Труда», приблизительно до конца 1898 года, до времени раскола заграничного «Союза», было, по признанию нашего историка, «выдвигание освободительной миссии пролетариата», идеи пролетариата-гегемона. Следующие годы были эпохой отказа от этой идеи, критикой ее, борьбы с ней. Это течение проникло и в самое социал-демократию.

И эту черту эпохи берет, как главного своего идейного врага, «Искра». Она с первых же номеров ставит диагноз этому отказу от идеи гегемонии, как симптому нарождения буржуазных течений под покровом марксизма, как стремлению подчинить рабочее движение руководительству чуждых ему элементов.

«Искра» взяла тогда этот протест против идеи гегемонии как вопрос о существовании социал-демократии, и иначе поступить не могла, ибо еще раз прав противник этой идеи, Потресов, заявляя, что она является «исконной концепцией революционного русского марксизма». «Борьба с ними (с противниками этой «исконной» концепции), это—борьба за существование социал-демократии в современной России»,—писала еще «Группа Освобождения Труда».

Ко времени возникновения «Искры» в результате борьбы различных тенденций ставится на очередь коренной политический вопрос во всей его сложности. Какая идея и какой класс будет главенствовать в русском революционном движении? «Национальная идея» подчинит ли себе классовую борьбу пролетариата и буржуазный либерализм, оттеснив соц.-демократию, добьется ли руководящей и направляющей роли в движении?

На высотах идеологии—в области философии и этики—свергают с трона освободительные стремления пролетариата, водружая на «очищенном» месте знамя «человеческой личности», а в области политики пролетариат приглашается подчинить свои специфические задачи «национальной идее». Создается система—с направленным против партии рабочего класса острием,—в которой, по выражению «Освобождения», «идея либерализма и политической свободы впервые занимает не побочное, а центральное место».

История в ближайшие годы раскрыла общественно-политическое содержание этих, кое-кому казавшихся темными, формул. Теперь уже не трудно, в этой критике роли пролетариата, в «национальной идее», в «центральном месте» либерализма, в нападках на пролетарскую «исключительность» увидеть идейную подготовку к реальной борьбе с теми методами и целями русского рабочего движения, которые выходили за пределы торговли с властью за буржуазную монархию.

Борьба с забастовками, с Советами Рабочих Депутатов, проклятия восстанию, вплоть до «безумия стихий» и до «красной тряпки» г. Милюкова, уже включены в эту «систему», и вытекли

из одного источника, из стремления придать движению характер наиболее выгодный для эксплоататорских классов.

Мы видим, таким образом, что вопрос о «гегемонии» не был ни злокозненной выдумкой Ленина, как это представляет наш мудрый Потресов, ни результатом того или другого «метода мышления», как это рисуется меньшевистским историкам. Этот вопрос был центральным узлом, где сходились все противоречия первой русской революции. Буржуазия или пролетариат, «национальная идея» освобождения или классовая борьба—все проблемы русской революции сходились у этого пункта, и потому-то «Искра», к вящшему сожалению Потресова, так много занималась вопросами «гегемонии». «Системе» буржуазного руководительства пролетариатом она противопоставила свою «систему» пролетарской политики.

Ни эта «система», ни характер пролетарского движения не нравится Потресову и его товарищам. Они не находят достаточно хулительных слов, чтобы охарактеризовать старую «Искру», «Искру» Плеханова-Ленина. Они прилагают возможно больше усилий, чтобы отмежеваться от нее. Отчего они отмежевываются и во имя чего?

Мы видели сейчас, перед какими вопросами стала «Искра» и какое наследство она получила.

Вопрос о том, кому должна принадлежать руководящая роль в движении,—буржуазии или пролетариату, она решала в сторону пролетариата; вопрос о том, что должно стать доминирующей идеей русской революции—общенациональная идея или идея классовой борьбы, она решала в пользу классовой борьбы.

Это не может нравиться тем, кто исходит в своих построениях из идеи, что «для принципиального политического антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией историческая почва еще не подготовлена» и что общенациональная задача легко осуществима, когда пролетариат отказывается от своей «исключительности». Поэтому авторы «Общественного Движения» не могут быть довольны ответами «Искры». В течение трех лет (1900—1903), будучи соредакторами (или рабами) плехановско-ленинской «Искры», они и бунтуют теперь, как рабы, боясь поставить точки над i.

Всех поводов неудовольствия старой «Искрой» мы не можем здесь перечислить—так их много. Оказывается, что организационно-политическую линию «Искры» определяет «собой... бланкизм», который в ее время «быстро» «идет к господству» (Потресов, стр. 168), что «Искра» слишком увлеклась «по-

литицизмом» и слишком строго расправилась с экономизмом, что в ее эпоху образовалась «партийная аристократия» и «партийный плебс» (Егоров, стр. 404), наконец, что ее практика «глушила первоначальные всходы пролетарской самодеятельности» (Потресов, стр. 618) и т. д. Но и для самих прокуроров—это только орнаментика обвинительного акта.

«Искра» конкретизировала идею руководящей роли пролетариата в русской буржуазной революции. То, что для «Группы Осв. Труда» было общим, теоретическим положением, принципом участия пролетариата в буржуазной революции, то «Искра» перевела на язык реальных общественных отношений, развила в политическую систему.

«Искра» не только собрала партию, сгруппировала и дала руководящие начала для целого ряда элементов, везде оказывавшихся во главе рабочего движения и рабочих организаций, она, исходя из анализа общественных сил России, сумела подметить тенденции и взаимоотношения, которые всем ходом революции были с несомненностью подтверждены, и, таким образом, наметила для пролетариата как раз ту роль, которую он и призван был сыграть в революции. И если теперь историки-меньшевики, как Мартов и Потресов, вынуждены сознаться, что действительными продолжателями линии «Искры» на деле были большевики, а меньшевики на деле своей тактикой на каждом повороте событий оказывались в противоречии с линией «Искры», то это признание тем более ценно для нас, что большевики никогда ни на что другое и не претендовали, как на то, чтобы быть в русском пролетарском движении представителями революционного марксизма, нигде до тех пор не воплощенного столь ярко, как в «Искре». Что касается методов «собирания» партии, то, обрушивая на «Искру» и будущих большевиков всем набившие оскомину упреки в бланкизме, в идеализации «профессиональных революционеров» и проч., наши историки не могут скрыть того факта, что это была борьба «за такие методы ее построения, при которых этой партии максимально обеспечивалась чистота социал-демократических принципов» (Потресов, стр. 611).

Рядом с этим признанием крики о «бланкизме», о «диктатуре организации над движением масс» и прочие словечки из обычного словаря международного оппортунизма совершенно понятны и естественны со стороны той группы, которая в борьбе с партийно-организационными взглядами «Искры» должна была обратиться и обратилась к идейному багажу экономизма, ко-

торому, по признанию Мартова (стр. 400) книгой Ленина «Что делать?» был нанесен решительный удар. От решительности автора «Что делать?» можно, как это делает тот же Егоров, сколько угодно апеллировать к специально «мягкой» критике экономизма П. Аксельрода (стр. 382),—это лишь показывает, что решительность в борьбе с «экономическими», т.-е. оппортунистическими предрассудками скоро, слишком скоро оказалась не по плечу наиболее легковесным из «искровцев». Конечно, и все ошибки Плеханова во время революции проистекли именно из того, что он не провел последовательно той линии, которую сам вел в старой «Искре».

Егоров в своей статье дал удивительную по неожиданной рельефности картину параллельности борьбы экономизма против «Гр. Осв. Труда» и «Искры», и меньшевизма против большевиков. Кроме тезиса о преждевременности политической борьбы, буквально нет ни одного тезиса «экономистов», вызвавшего критику «Искры», который в том или другом, а чаще в том же виде не был бы выдвинут меньшевизмом. Как мы видели выше, меньшевики не нашли даже новых терминов для своей борьбы с революционной социал-демократией, чем те, которые в конце 90-х годов были захватаны руками экономистов. Во всяком случае, Л. Мартов, редактировавший статью Егорова и сам бывший соредактор «Искры», вряд ли остался доволен той неловкостью, которую проявил этот его сотрудник в тщетной попытке дать критику «Искры», в чем-либо расходящуюся с критикой экономистов [1].

Посудите сами. Характеризуя «практиков» конца 90-х годов, т.-е. экономистов «молодых», Егоров пишет: «Она (периферия того времени) решительно выступала против идеи образования соц.-дем. партии, настаивая на том, что рабочая партия может вырасти лишь органически из самого рабочего движения, когда оно—в лице массы рабочих—вплотную подойдет к политическим задачам, и когда сами местные организации, утратив свой иерархический и интеллигентский характер, станут рабочими организациями, охватывающими всю борющуюся часть пролетариата. Всякий другой путь образования партии объявляется «заговорщическим» и «народовольческим». Эта историческая справка об аргументации экономистов, в борьбе и

---

[1]) Под псевдонимом А. Егоров в сборнике „Общественное движение“ выступал тот же Мартов, бывший в свое время соредактором „Искры“, но ко времени выхода сборника решительно порвавший со взглядами этой газеты. Прим. к наст. изд.

для борьбы с которыми основалась «Искра», с своими полуироническими кавычками дана на странице 382; а на 405 и 406. характеризуя воплотившую этот «другой» ненавистный экономистам путь—«Искру», тот же Егоров с высоты историка разоблачает тот «заговорщический», сектантский», «интеллигентский» и «бланкистский» (то же самое, что «народовольческий» по терминологии «экономистов») характер, которая приняла партия, идя за «Искрой».

Спрашивается, приятно ли публицисту Мартову узнать от историка Егорова, что единственное, что нужно было делать ему в то время, когда он (по молодости) помогал создавать «Искру», это—внять предостережениям «более трезвенных» экономистов и бежать как можно дальше от этой «Искры», столь пунктуально подтвердившей худшие предсказания экономистов, как это нам теперь свидетельствует историк Егоров. Ибо из слов Егорова явствует, хотя он и не хочет прямо это сказать что в борьбе «Искры» и «экономистов» за методы создания партии правы были именно «экономисты», что бы там ни говорил Плеханов, упрекавший экономистов в том, что их путь построения партии граничит с отрицанием надобности таковой. Поверив Плеханову, Л. Мартов оказывается на поверку историка Егорова лишь продемонстрировал «Искрой» правоту «экономистов» и законность их предостережений.

По следам Струве, по следам «Кредо», по следам экономистов,—вот путь меньшевистской «истории», проводящей защиту «исконных» идей либерализма под флагом социал-демократии.

Статья вторая [1]).

Мы закончили первую статью, посвященную сборнику «Общественное Движение», разбором отношения меньшевиков к организационной позиции «Искры». Теперь нам предстоит присмотреться к их отношению к политической линии «Искры», особенно в вопросе о либерализме, и к их общим выводам относительно роли пролетариата в революции.

Общее значение «экономизма» в русской социал-демократии, которое систематически преуменьшается Потресовым и Мартовым, было очень значительно. Какой бы, по внешности, «чисто» пролетарский характер ни носила идеология экономистов, на самом деле своим принижением политической деятельности рабочего класса, своей тенденцией к растворению партии в классе

[1]) „Пролетарий“, № 49 от 3 октября 1909 г.

она шла по той же дорожке, по которой прошло «Кредо», и в конце концов, незаметно для себя отдавала политическое руководство движением буржуазному либерализму. Немудрено поэтому, что «Искра» в своей борьбе за специфически-пролетарскую политику в революции столкнулась с «экономизмом» и была вынуждена к самой решительной борьбе с ним, как естественно и то, что с оживлением идеи «общенационального» характера движения политические предрассудки, жившие в «экономизме», получили полное признание и р а з в и т и е в меньшевизме, впервые совместившем в русской с.-д-тии идею политической партии пролетариата с ее подчинением задаче сотрудничества с буржуазией. В этом виде впервые основная тенденция критики конца 90-х годов получила приемлемый для части рабочих вид и послужила общей формой, в которой оппортунизм вступил в революцию.

Реакция против «экономизма» хранила в себе две струи, две «политики». Если признание политических задач социал-демократии было общим для противников—и «мягких» и «решительных»—«экономизма», то это не исключало того, что многие тенденции «экономизма» оказались в наличности у части его противников. И ныне, предпочитая «мягкую» критику «экономизма» «решительной», авторы «Общественного Движения» «мягко» относятся не к тому, что экономизм отстаивал преждевременность политической борьбы для рабочего класса, а к тем именно чертам воззрений экономистов, которые позволяли ему отодвигать назад специфически-пролетарские задачи рабочего класса в революции. Недаром даже среди меньшевиков нет более рьяного защитника «общенационального» характера движения, чем «экономист» Мартынов.

С точки зрения этих групп, горячо защищающих тезис о необходимости политической борьбы и политической партии пролетариата, русское революционное движение рисовалось в виде «национального движения» всего общества, классовая борьба внутри которого п о к р ы в а е т с я общими целями, и различные элементы которого подвигаются на борьбу т е м и ж е силами, лишь большей или меньшей тяжестью давящими на разные слои общества. С этой точки зрения пролетариату неизбежно итти в ряду с другими общественными силами, отнюдь не покушаясь на какую-либо р у к о в о д я щ у ю роль, ибо такая роль пролетариата неминуемо о т т о л к н у л а бы известные оппозиционные слои, р а с с т р о и л а бы тем ряды движения и тем самым обессилила бы «общенациональное» дви-

жение. Такова эта несложная система, построенная на первых двух действиях арифметики. Мы видели уже выше, что сторонники подобной системы находились во всех оппозиционных партиях, и, когда в «Освобождении» г. Струве с горячностью доказывал своим либеральным друзьям из земцев важность и полезность рабочей партии, он, конечно, имел в виду ту же арифметику.

Идея гегемонии пролетариата, положенная в основу «Искры», была сложнее, как раз в ту меру, в которую революционная борьба 1905—1906 г.г. оказалась сложнее сложения и вычитания.

[До известного времени этим «политическим» течениям можно было итти рядом и только тогда, когда на деле стали вырисовываться позиции пролетариата, эти тенденции разошлись, чтобы, поскольку и та, и другая оставались в пределах рабочего движения, сталкиваться в революции, как две конкурирующие тактики. Надо сказать, что одна из этих тенденций, та, которая устремилась к «обще-национальному» характеру движения, часто выходила за эти пределы, встречая больше сочувствия у либерализма всех оттенков, чем в рабочей среде.

Если теперь, когда для некоторых моментов развития с.-д-тии видимо наступила уже пора истории вспомнить ставшую в борьбе конца 90-х годов чуть ли не классической страницей из брошюры П. Б. Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и т. д.», то мы убедимся, что в формулировке тех задач, которые ставил тогда П. Б. Аксельрод социал-демократии, уже в скрытом виде таилась та ограниченность, которая превзойдена была «Искрой» теоретически, а реальным рабочим движением практически.

Рисуя свои знаменитые перспективы для русского рабочего движения, Аксельрод писал, направляя свою аргументацию против отрицателей «политики» в рабочей среде:—«Другая перспектива—социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу частью рядом и в союзе с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), а частью же привлекая прямо в ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые элементы из интеллигенции». Эта формула, будучи ярким и как нельзя более своевременным призывом к «политике» против «аполитицизма» и в этом своем качестве послужившая орудием в руках с.-д.-тов, выступавших против «Кредо», вместе с тем, хранила в себе зародыши того тактического оппортунизма, который на деле, в революции, не раз стремился подчинить

политику рабочего класса политике «общества». Ибо, выражая сомнение в наличности для будущего времени буржуазных фракций, и надежду на способность с.-д-тии «прямо» привлечь к себе буржуазную демократию, эта «перспектива» предусматривала на тот случай, если буржуазные фракции окажутся в наличности, лишь одну возможность борьбы пролетарской партии именно «р я д о м и в с о ю з е» с ними. В этой «перспективе» не предусматривается как раз тот реальный случай 1905—1906 г.г., когда пролетариату пришлось вести свою «борьбу за свободу» п р о т и в и в о п р е к и наиболее типичным буржуазным фракциям. И эта «перспектива» вполне согласовалась с вышеуказанными соображениями П. Б. Аксельрода «насчет отсутствия почвы для принципиального политического антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией», соображениями, относящимися к той же эпохе, что формулировка «перспективы» (97—98 годы).

Мы привели эти цитаты отнюдь, конечно, не для того, чтобы ловить кого-либо за фалды недостаточных или неловких формулировок, ибо, вопреки авторитету Мартова и Потресова, не считаем этот метод удобным методом выяснения исторической истины, а, во-первых, для того, чтобы показать, что реакция против «аполитицизма» экономистов хранила в себе различные тенденции, ибо, как увидим ниже, перспективы «Искры» сильно отличались от сейчас указанных «перспектив» Аксельрода, а во-вторых, для того, чтобы помочь читателю распутать некоторые узлы, напутанные нашими историками вокруг идеи гегемонии. Мы уже видели, что эта идея является основным грехом русской с.-д-тии и для Потресова, и для Мартова. И тот, и другой, особенно Потресов, стараются представить ее как результат идеализации пролетариата демократией, как з и г з а г д е м о к р а т и ч е с к о й и н т е л л и г е н т с к о й м ы с л и, временно увеличенной пролетариатом (стр. 582 и 584). Эти старания можно понять, если принять во внимание тут же брошенное как бы мимоходом замечание, что эта идея «в работах Ленина нашла свое специфическое развитие». Сопоставление Струве и Ленина, как выше было указано, должно было довершить попытку. Ведь если сопоставление Струве и Ленина может вызвать только улыбку на устах читателя, который умеет помнить факты и не поддаваться на словесные удочки «историков», то этому читателю должно показаться действительно знаменательным, что у Аксельрода мы как раз нашли идею гегемонии в том именно элементарном и примитивном виде, как она рисовалась

г. Струве в 97 году. Смысл этого совпадения станет еще более знаменательным, если мы вспомним,—идя по пути указанному Потресовым,—как привстствовался поворот части «искровцев» от «работ Ленина» «Освобождением» и сколько раз обжигали своими поцелуями друзья г. Струве друзей тов. Аксельрода, когда «тенденции» стали воплощаться в жизнь. С этим политическим опытом мы, действительно, переходим к пониманию различных политических тенденций и их общественного значения, от тех словесных фокусов, которые в «истории» Потресова слишком похожи на заметание следов.

И нам теперь совсем незачем защищать каждую букву старой «Искры», чтоб увидеть, что «идея гегемонии у «Искры» отнюдь не была похожа ни на зигзаг мысли г. Струве, невольно прилепившегося к пролетариату, как единственной,—казалось ему,— освободительной силе, ни на аксельродовскую концепцию, вращавшуюся в том же круге.

Аксельродовски-струвевская концепция и тогда, когда она выводила гегемонию пролетариата просто из того факта, что никаких других сил в наличности не оказывалось, и надеялась на «прямое» привлечение к делу пролетариата «всякого русского человека» (слова г. Струве), и тогда, когда переходила к отрицанию принципиального антагонизма между пролетариатом и либеральной буржуазией,—в этих обоих своих видах эта концепция была одинаково ограничена, одинаково противоречила реальным отношениям и, в конце концов, вела к подчинению тактики пролетариата тактике либерализма].

В этом своем виде, ограничивающем задачи и тактику пролетариата в революции задачами и тактикой «обще-национального» движения, эта система стала официальной политической системой меньшевизма, который и сделал из нее тактические выводы в эпоху революции. Завет: «не отпугивайте буржуазию», поддержка общих лозунгов, союзы с кадетами, урезка требований во имя единства «всей оппозиции» и всяческая защита кадетизма против революционно-социал-демократической критики,—вот тут путь, которым шел меньшевизм в революции, и вот почему его бессилие в рабочих массах вызвало такое сожаление на страницах «Речи» и «Товарища». И только историку, насквозь пропитавшемуся этой оппортунической мудростью, может казаться, что партийно-политическое оформление либерализма и народничества могло исказить перспективу гегемонии пролетариата (Потресов, стр. 625). Для тех, для кого «гегемония» была не политической идеей, а простым результатом не-

чального факта отсутствия других общественных сил, для них «гегемония» кончалась в тот момент, когда эти силы выступали на арену. Для них одного факта появления либерализма было уже достаточно, чтобы началась вожделенная эпоха «соглашений». Поэтому Потресов, как только оформились либеральные политические течения в русской жизни, поторопился отряхнуть прах «гегемонии» и поспешил с своим проектом соглашательских пунктов для либералов (на II съезде партии в 1903 г.),—попытка, которая Плехановым тут же была ограничена постановкой на очередь задачи разоблачения анти-демократического и анти-революционного характера русского либерализма. Как мы видим, для будущих меньшевиков (как и для бывших марксистов) гегемония пролетариата благополучно кончалась на соглашениях с либералами, т.-е. как раз там, где для действительных защитников специфических задач пролетариата в буржуазной революции эта гегемония становилась проблемой, вопросом о том, сможет ли пролетариат удержать за собой такую позицию в системе сил начинавшейся революции, которая обеспечила бы ему максимум благоприятных условий для его дальнейшей борьбы. Оформление либерализма обозначало прогрессивный шаг (как это постоянно подчеркивала и «Искра, и Ленин), но для социалистов, не разучившихся—от радости перед этим прогрессом—мыслить диалектически, это оформление вместе с тем обозначало оформление силы, неизбежно стремящейся занять доминирующее положение в борьбе и свести пролетариат к орудию в своих руках. Конечно, переход буржуазных элементов от аморфного состояния к политическому оформлению был прогрессивным явлением, но этот процесс нес в самом себе тенденцию к ограничению, окарнанию революции и ее задач, и оформливающийся либерализм должен был попытаться на свой путь увлечь поднимавшиеся народные массы. В этих пределах и возникал вопрос о гегемонии, как вопрос о ходе и характере революционного движения.

И сколько же нужно политической наивности, граничащей с полным непониманием положения и интересов пролетариата в русской революции, чтобы самодовольно пояснить, что идее гегемонии подходил конец с концом монопольного положения «Искры» и монополии социал-демократической организованности (Потресов, 617). Вот еще один образчик объяснения исторических тенденций из истории тех или иных журналистов и тех или других кружков. Говорите за себя, уважаемый историк, когда вы в гегемонии видите результат увлечения ин-

теллигенции пролетариатом, результат «монопольного положения» «Искры», как единственного в России свободного органа. Действительная идеология гегемонии, действительная идея «Искры» коренились не в истории газет, «Искры» или «Освобождения», а гораздо глубже: в том взаимоотношении классов, которое раскрылось в революции.

И если бы наш историк искал корней идеи гегемонии не в своем собственном недомыслии, а в действительной роли пролетариата в революции, он должен был бы обратить внимание на факты, засвидетельствованные его же сотрудниками. А они вот каковы.

«В массовом движении мог играть исключительное влияние только рабочий класс»,—пишет П. Маслов (стр. 655), безграмотно («играть влияние») подходя к признанию, что в городах движение носило «характер почти исключительно рабочего движения» (стр. 556, курсив Маслова).

Другой автор, Л. М. (т.-е. Мартов), подводя итоги сборнику, пишет о факте руководящей роли пролетариата в движении, о том, что «все остальные оппозиционные слои города были или раздираемы внутренними противоречиями, или слишком малочисленны, или не имели одинакового с ним значения в хозяйственной жизни» (стр. 673). И подобных признаний—десятки не только в социал-демократической, но и в эс-эровской литературе. Реальный ход революции подтвердил «теорию» «Гр. Осв. Труда» и «Искры»: буржуазная революция под гегемонией пролетариата».

Таково и свидетельство сотрудников Потресова, отнюдь не склонных к идее гегемонии: оба они в этой роли пролетариата видят причину слабости движения и предвидят успех только от укрощения «классовых страстей» пролетариата, несдержанность которых слишком-де далеко заводила пролетариат в его борьбе. Но тем паче значит мы можем поверить их свидетельству, показывавшему, что идея гегемонии отражала как раз реальную роль пролетариата в русской революции, из этого факта делала политические выводы.

Странным же должен показаться наш историк, объясняющий господство идеи гегемонии в русской социал-демократии «монопольным» положением «Искры» и узревший последний удар этой идее в факте возникновения эс-эровской «Революционной России» и либерального «Освобождения». Между тем оформление либерализма и конец монополии «Искры» обозначает лишь возможность для рабов идеи гегемонии—с трудом сносивших

«ярмо» с.-д-ческой «исключительности», как сам Потресов или на другом полюсе Мартынов,—немедленно броситься в объятия «общенациональных задач». Другие же, оставшиеся верными делу «пролетариата, борющегося под собственным знаменем и во имя своих классовых интересов, отличных от социальных интересов всех других классов, продолжали в своих построениях отстаивать идею пролетариата, присоединяющего к себе революционную демократию в борьбе за новый строй, как с крепостническими силами старого порядка, так и с ограничивающими тенденциями буржуазной оппозиции. Доминирующее положение пролетариата в ряду всех других оппозиционных и революционных сил подсказывало «Искре» проповедь той тактики, которая действительно скоро стала тактикой открытой борьбы масс. В этом ее заслуга и это же причина недовольства наших критиков и историков, с одинаковым усердием обрушивающихся *и* на «Искру» *и* на тактику пролетариата в революции.

Потресов свидетельствует, что «в первом же номере «Искры» очередная задача политической агитации в рабочем классе и его политической организации упирается в идею гегемонии пролетариата и его социал-демократического авангарда в деле политического освобождения России» (стр. 613, курсив наш).

Мы не можем здесь дать детальной картины политического облика «Искры», достаточно для нашей цели будет показать, какое содержание вкладывала «Искра» в эту идею гегемонии, т.-е. какие политические и тактические выводы она из нее сделала. И вот что характерно: даже тот материал, который дают для характеристики «Искры» враждебные ей Потресов и Мартов показывает, насколько трезво и реально учла «Искра» положение пролетариата среди других сил русского общества и задачи выдвигаемые перед ним ходом действительной борьбы. Она учла буржуазный характер революции,—и это было ее боевым пунктом в борьбе со всяческой революционной романтикой народничества, но она учла также и национальные особенности русской буржуазной революции, ее специфические черты, и это было основой ее борьбы со всяческим оппортунизмом тех, кто во имя обще-национального характера движения, во имя шаблона буржуазной революции вел линию подчинения пролетариата «общим задачам» или «союзу» с буржуазией во что бы то ни стало.

Поняв «первенствующее политическое значение рабочего движения в буржуазной революции России», «Искра» видела

задачу партии пролетариата в том, чтобы ее позиции соответствовали этой роли рабочего движения. На каждом повороте она боролась с «передачей руководящей роли в руки буржуазной демократии», справедливо видя в руководящей роли пролетариата гарантию максимальных завоеваний для пролетариата в революции. Констатируя первенствующее значение рабочего движения для успешной революции, направляя партию пролетариата к отвоеванию себе руководящей роли в освободительном движении, «Искра» видела в этом условие доведения буржуазной революции до конца, до крайних пределов развития заложенных в новой русской экономике революционных возможностей. «Мы должны развить революционную мысль и революционное дело до последних пределов и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачивает нашу революционность» (№ 18). Дело доведения буржуазной революции до конца, до полной очистки почвы от всех остатков крепостничества—и экономического, и политического,—мыслимо, однако, лишь как дело пролетариата, становящегося во главе революционных слоев населения против не идущего дальше половинчатых мер либерализма и против его попыток собрать вокруг себя демократию. Совершенно логичной поэтому была на страницах «Искры» жестокая кампания разоблачения истинного характера либерализма. Кампания эта дала блестящие результаты, учесть которые оказалось возможным лишь в самом ходе революции, когда всяческие попытки либерализма заполучить себе рабочую аудиторию терпели фатальное фиаско[1]).

---

[1]) Быть может, иной читатель, прочитав нашу общую характеристику „Искры" с ее идеей гегемонии, борьбой с либерализмом и тактикой, направленной к доведению буржуазной революции до конца, спросит, чем же отличается „большевизм" от „Искры"? Тому читателю мы ответим: большевизм отличается от „Искры" только тем, что является конкретизацией и дальнейшим развитием основных идей последней. Это относится и к тем чертам большевизма, которые характеризуют его отношение к крестьянству и крестьянскому революционному движению. Этой стороны „Искры" мы здесь не могли коснуться, но нам придется потолковать о ней подробнее особо.

Рядом с этим полезно будет указать, что для отношения меньшевиков к „Искре" нет ничего харктернее следующего обстоятельства. До революции, в 1900—1903 г.г., вся „Искра" в целом считала борьбу с буржуазным либерализмом неизбежной задачей. А в революции, в 1905—1906 г.г., меньшевики употребляли все усилия, чтобы обойти эту задачу, видя в ней больше всего помеху делу.

Сравнение того, во что превратились идеи „Искры" в революции, в руках большевиков и меньшевиков, заслуживают сугубого внимания со стороны всякого интересующегося судьбами русской социал-демократии.

Этим для умевшей мыслить по-марксистски «Искры» отнюдь не исключалось признание прогрессивности оформления либерализма. Мы уже видели выше в среде марксистов людей, для которых признание наличности тех или других оппозиционных фракций в общественной среде было в то же время признанием необходимости для пролетариата соглашения с ними. Для них совершенно недоступны основы революционной тактики «Искры». К этому типу марксистов принадлежит и Мартов, облыжно обличающий теперь «Искру» в том, что она не замечала «прогрессивного значения одновременного, под влиянием «освобожденцев» совершающегося, выхода имущей оппозиции из аморфного состояния в состояние политической партии» (стр. 102). Это ложное обвинение неоднократно повторяется в сборнике и, конечно, имеет тот смысл, что служит удобным подходом к главному обвинению в низкой оценке буржуазии и слишком высокой оценке роли пролетариата, в «большевистской исключительности».

Но наши авторы в своей прокурорской поспешности не обратили внимания на ту формулу отношения к либерализму, которая, признавая прогрессивность роста буржуазной оппозиции, в то же время делала перед лицом этого факта другие выводы, предвидевшие «решительную борьбу» с либерализмом за влияние на пробуждающиеся народные массы и, следовательно, за определение характера и метода революции.

Эта формула была дана во втором номере «Зари», и так излагается Потресовым (стр. 612):

«Мы будем,—писал Ленин,—приветствовать рост политического самосознания в имущих классах, мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и с.-д. взаимно пополняла друг друга». Но «мы никогда и ни в каком случае не откажемся от решительной борьбы с теми «иллюзиями» либерализма, которые позволяют ему предполагать, «будто возможно еще парламентерство со старым режимом»... и т. д. (Напомним, что эти слова Ленина относятся к 1902 году; «иллюзии» либерализма отчасти изменили свой характер в дальнейшем, и сообразно этому другие «иллюзии» стали объектом той же «решительной борьбы».)

Совершенно ясно, что автор, цитируемый Потресовым, признавал «союзников пролетариата»: он только нашел их там, где либеральные «иллюзии» выбивались из голов объективным революционным положением данного слоя: в крестьянстве,

мелкой сельской буржуазии, поставленной в данный момент в революционное положение самым ходом вещей.

Но ни Мартов, ни Маслов, ни Потресов не могут взять в толк, как, признав прогрессивность факта оформления буржуазной оппозиции, можно занять резко-критическую позицию в сути ее программы и тактики; метод «подталкивания путем критики», путем резкой позиции пролетариата—единственные методы, которые действительно приводили к обострению позиции и самого либерализма—не существует для наших историков. С момента появления на сцену либерала, они знают лишь одно правило поведения: ради бога, не пугайте, не запугайте его! И это правило кажется им настолько незыблемым, что, очутившись перед социал-демократом, последовательно критикующим либерализм, они начинают кричать: смотрите, он не признает прогрессивности факта появления имущей оппозиции, он не дооценивает ее и т. д., и т. п.

Мы знаем уже общественные корни этой странной ошибки зрения наших историков: они лежат в том, что идея «общенационального движения», идея согласованного шествия «всей оппозиции» шла вразрез с «решительной» борьбой и ортодоксальной «исключительностью» «Искры», а вскоре встретила препятствие в самом классовом характере движения пролетариата. Загипнотизированные этой идеей, наши историки гораздо более поэтому сражаются с «решительной» критикой либерализма—социал-демократами и с «иллюзиями» рабочего класса, чем с либеральной критикой «нетерпимости» пролетариата или чем с «иллюзиями» либерализма.

Поэтому-то свои открытия в области истории русской социал-демократии Потресов дополняет новым открытием чуть ли не «социал-демократического» содержания русского либерализма.

Между кличем: «Да здравствует армия», которым либеральное «Освобождение» открыло политическую кампанию 1904 г. и провозглашением земского ноябрьского съезда «общественным» мнением всей России, которым оно этот год завершило, «Освобождение» выпустило несколько демократических нот. Для Потресова этого достаточно, чтобы, забыв и предшествующее, и последовавшее, поспешить записать: «Либерализм демократизировал свои программные требования, в известных пределах он пытался стать социальным». В скором времени, во имя этих своих открытий, Потресов потребует от пролетариата и от пролетарской партии «смягченного отношения» к буржуазному либерализму.

И вот, как в свое время против «исключительности и «нетерпимости» «Гр. Осв. Труда», т.-е. как раз против ее идеи о политической роли пролетариата в революции, так теперь против тактических выводов из этой идеи, сделанных «Искрой», поднимается волна оппозиции. Общественное содержание этих волн до известной степени одно и то же; поэтому последняя волна так много заимствует у старой и по форме, и в содержании своем.

Надо подчеркнуть, что для новой линии сотрудничество с буржуазной оппозицией стало именно принципом, а не только решением той или другой тактической задачи. Положенный в основу деятельности, этот принцип приводит новую линию—меньшевизм—фактически к тактике, которая ведет рабочий класс к роли привеска буржуазной оппозиции, к той роли, которую рабочий класс играл во всех буржуазных революциях XIX в. и в разъяснении опасности которой был смысл существования социал-демократической партии до буржуазного переворота.

Но это сотрудничество, соглашательство с буржуазией не могло удерживаться, конечно, только в области тактики, оно незаметно для самих авторов его должно было постепенно окрасить весь их теоретический багаж. Мы уже видели, как под влиянием этого принципа исказилась история русской соц.-дем. в руках его сторонников, как улетучилось для них все содержание идейной борьбы «Гр. Осв. Труда» и «Искры». И мы сейчас увидим, как теория сотрудничества с «имущей оппозицией», ставши руководящим принципом, привела авторов «Общественного Движения» к прямо-реакционным нотам в области истории рабочего движения в России. Характер поворота от «Искры» намечен уже и в разбираемом сейчас I томе истории революции, но, конечно, лишь в следующих томах мы найдем полное раскрытие общественно-политического содержания меньшевизма. Переходя к описанию первых этапов поворота части «искровцев» от принципов революционной соц.-дем., Потресов пишет: «Его (революционно-марксистского течения) стремительный организационный успех внутри партии до поры до времени не позволяет развиваться самокритике, а та почва под ногами, которая ощущалась в непрерывно растущем движении рабочего класса, *казалось, давала все шансы на выполнение* соц.-дем. *роли вождя освободительного движения*» (стр. 625, курсив наш). Увы, Потресов, скоро убедился, что это только «казалось». (Что это была реальная задача, над которой надо было ра-

ботать, чтобы пойти в ногу с реальным движением класса, это ему и в голову, конечно, притти не может.)

Убедился же он в ошибочности того, что ему «казалось» сейчас же, как только увидел, что рядом с соц.-дем. организуются другие партии. А из такого характера наступившего разочарования вытекал и новый лозунг поворачивавших, будущих меньшевиков, лозунг, для характеристики которого сам Потресов нашел удачное выражение: «смягченное отношение», т.-е. смягченное отношение как к оппортунизму, так и к буржуазному либерализму.

Статья Потресова в этом томе не выходит за пределы тех месяцев, которые предшествовали так наз. «земской кампании» и окончательному самоопределению меньшевизма. А поэтому, говоря о начале меньшевизма, Потресов мог покуда ограничиться такой характеристикой: «Перед литературой меньшевизма стояла боязнь «торичеллиева пространства» и диктовала ей, как смягченное отношение к оценке прошлой деятельности «экономистов», так и готовность приветствовать самые несовершенные усилия самоорганизации пролетариата».

Эта самохарактеристика слишком мягка и благожелательна. «Смягченное отношение» должно было распространяться на все большее пространство, захватить в область своего действия анти-пролетарское движение, совершенно логически привести к поддержке кадетских лозунгов, к урезыванию программы, и оставить в качестве объекта «не смягченного отношения» лишь одно: революционную идеологию и «классовые страсти» российского пролетариата. В последнем же мы сейчас убедимся. Для этого взглянем на сторонников Потресова: А. Егорова и Л. Мартова.

Статья Егорова захватывает уже, хотя мельком, эпоху «земской кампании» и дает нам, поэтому, первый пример «смягченного отношения» на деле. По поводу роли соц.-дем. в этой кампании у Егорова есть одно лишь соображение: рабочие «вопреки предостережениям новой «Искры» [1]), старались более всего заклеймить перед массами недостаточность и недемократичность ее (буржуазной оппозиции) требований; а это при

---

[1]) Новой „Искры“, т.-е. „Искры“ 1904—1905 г.г., когда, после раскола и ухода из редакции Ленина, „Искра“ стала органом меньшевиков и совершенно изменила своей первоначальный характер.

данных условиях грозило ослабить подымавшееся общественное движение» (стр. 410) [1]).

Если принять во внимание, что несколькими строками выше Егоров берет отношение к «земской кампании», как момент «окончательного самоопределения обоих социал-демократических течений, в виде 2-х фракций с различной тактикой в борьбе со старым порядком—вообще, и по отношению к буржуазным партиям—в частности», то будет совершенно ясна тенденция сторонников «смягченного отношения». Заклеймение перед массами, выражаясь словами Егорова, недостаточности и недемократичности требований буржуазной оппозиции объявляется ошибочной тактикой, ослаблением движения. Это, действительно, было тактическим новшеством, стоявшим в полном и коренном противоречии со всем обликом старой «Искры». Уже в этой характеристике Егорова «непугание» либералов выступает, как решающий момент в построениях меньшевиков. Положить в основу своей политики соображение о том, что критика недостаточности и недемократичности оппозиции земцев со стороны рабочих ведет к ослаблению движения, это

[1]) Чтоб показать полнейшую выдуманность этих „предостережений“ „Искры“ и предвзятость обвинений, повторяемых до сих пор Егоровым, не бесполезно будет привести здесь фактический рассказ о соответствующих событиях конца 1904 года, данный в статье Е. Маевского в только что вышедшем под той же редакцией II томе того же сборника „Общественное Движение“.

„...Городская демократия и передовые рабочие массой устремились в эти единственно существующие оазисы свободного слова (банкеты). Но „общественные деятели“, из опасения потерять свою привилегию на свободу, за редкими исключениями, делали все от них зависящее, чтоб так или иначе преградить вход в эти собрания рабочим и демократии... Но даже тогда, когда часть жаждущих и попадала, наконец, на собрания, чаще всего они оказывались там в неравноправном положении: в качестве публики, но не участников собрания... Нет ничего удивительного, что на этой почве первая же встреча... рабочей демократии и либерального „общества“ приняла форму резких и враждебных столкновений,—продолжает Маевский (стр. 39) и делает вывод:—„Надо сказать, что и революционные организации сами не всегда проявляли достаточно такта („такт“, это своего рода „пунктик“ меньшевиков), но первопричина лежала не столько в них и их требовательности (вполне понятной), сколько в тех, кто стремился монополизировать то, что не подлежало никакой монополизации“.

Ведь из этого рассказа не очень углубляющегося, но зато правдивого Маевского, пожалуй, вытекает, что „продостережения“ „Искры“ были лишь пустой интеллигентской выдумкой, тактикой совершенно бессмысленной перед лицом этих „общественных деятелей“, и что единственный реальный смысл в словах Егорова об „ослаблении движения“ заключается в том, что ослабляло движение требование равноправия, пред'явленное рабочими к монополизаторам из оппозиции. Ожидал ли, однако, Егоров, что его позиция фактически сведется к защите „общества“ от рабочей „требовательности“? Не щадит меньшевиков, как видно, даже их собственная история.

значило взять такой курс, который обрекал пролетариат на роль прямо противоположную той, в которой и «Гр. Осв. Труда», и «Искра» видели успешное решение политической задачи пролетариата; это значило на деле указывать пролетариату путь раба буржуазной революции, а не ее вождя. Эту тенденцию меньшевистского «плана» земской кампании тогда же, в 1904 году, отметил и подчеркнул большевизм. А теперь простой рассказ меньшевика же Е. Маевского вскрывает большевистскую правду в этом деле, столь сильно волновавшем в те времена партию.

Поскольку эта меньшевистская проповедь не могла изменить реального соотношения сил революции, поскольку она приходила в противоречие с неизбежным путем классовой борьбы пролетариата, постольку она обязывала самих проповедников к реакционному отношению к классовому движению пролетариата. Независимо от их воли, принцип—«не пугайте либералов своими выступлениями, не отталкивайте их своей критикой перед массами» должен был с развитием пролетарского движения показать и свою оборотную сторону, перейти в принципиальное удержание пролетариата от развития и усиления его классовой борьбы, привести к проповеди понижения «требовательности» рабочих масс. Рассуждения итоговой статьи Л. Мартова насчет «элементарных классовых страстей», «стихийной силы непосредственных классовых инстинктов», пробивающаяся нота сожаления по поводу «рано (!) совершившейся дифференциации политических партий», затруднявшей «концентрацию» разных классов,—все эти реакционные нотки по поводу собственно того, что исторический процесс уже вырыл пропасть между русским пролетариатом и буржуазией,—все это естественное и неизбежное дополнение к тактике непугания буржуазии. И тут, конечно, вопрос не «тактичности» а «тактики», вопреки тому, в чем нас старались уверить некоторые товарищи во главе с Плехановым [1]).

Проникновение этих реакционных нот в идеологию меньшевизма знаменует лишь капитуляцию перед сложностью положения и задач пролетариата на повороте от старой к новой России; не только неумение решить возникающие тут вопросы, но и неспособность их поставить с точки зрения классовой борьбы пролетариата.

---

[1]) Плеханов в 1906 г. помещал в меньшевистских газетах статьи под заглавием „Письма о тактике и бестактности“, в которых громил большевиков за их „бестактность“, грубость и т. п. по отношению к либералам. Прим. к наст. изд.

Конечно, после событий последних лет никто не осмелится повторить фразы П. Аксельрода об отсутствии «почвы для политического антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией», но невольное воздыхание о тех счастливых временах, когда этого антагонизма не было—неизбежный удел и Егорова, и Потресова, и Л. Мартова. Какой иной смысл может иметь и нижеприводимая фраза Мартынова из «Голоса С.-Д.», как не выражение надежды, что придут еще времена, когда пропасть между пролетариатом и буржуазией прикроется, пролетариат откажется от «иллюзий» своего отношения к либерализму, от той роли в революции, которую он играл в 1905—1906 г.г., и в поддержке «имущей оппозиции» обретет альфу и омегу своей политической мудрости.

«Нужны были жестокие наглядные уроки и кровавые поражения революции для того, чтобы установилось то взаимоотношение роли буржуазии и пролетариата, при котором буржуазная революция может победить» [1]), т.-е., говоря словами того же Мартынова из той же статьи, такое взаимоотношение, когда пролетариат (под руководством меньшевиков) начнет «приспособлять» свою тактику к тактике общенационального движения, т.-е. тактике все той же «имущей оппозиции».

Как видите, урок, вынесенный меньшевизмом из русской революции, мало чем отличается от той предпосылки, с которой вступили в эпоху революции г.г. кадеты, и с точки зрения которой ведется теперь в кадетской печати ожесточенная атака против пролетариата, разбившего-де неумеренностью своих требований и «исключительностью» своей тактики ряды «оппозиции». Счастлив Мартынов, что ему не дано понять, на чьей дуде он играет, утверждая, что «нужны были... кровавые поражения революции», чтобы научить пролетариат «приспособлению» своей тактики к тактике «оппозиции». Счастливы Кольцовы, Черевашины и Масловы, не догадывающиеся, какой класс их устами громит «иллюзии» пролетариата, т.-е. революционный энтузиазм и революционную тактику рабочего класса [2]). Но во много счастливее их Л. М., автор итого-

---

[1]) „Голос Соц.-Демократа", № 8—9, стр. 19 (курсив Мартынова).

[2]) Нам хочется, однако, помочь в данном случае нашим бедным историкам. И на первый раз мы процитируем им несколько строк из статьи представителя реакционного течения по-революционной эпохи.

„С точки зрения истинной религиозности, практический максимализм есть кощунственное стремление воплотить сполна бесконечное в конечных пределах, поймать и удержать в узких и закрепленных формах безграничный свет идеала...

вой статьи, которому тов. Мартов, редактор сборника, не захотел напомнить многое из того, что ему было известно еще в 1904 году.

Ибо было бы ошибкой думать, что реакционные ноты сразу появились в идейном обиходе меньшевизма. Нет. Даже в новой «Искре» Мартов еще знал, что есть разные методы ликвидации самодержавия, что одни более, другие менее выгодны в конечном счете пролетариату, что пролетариат должен отстаивать свои методы, в борьбе с такими «методами (ликвидации старого режима), которые... имеют тенденцию затруднить решение пролетариатом его политической задачи». (Цитата из статьи Мартова в № 70 «Искры» взята у Потресова, стр. 629.) Теперь, просвещенный Мартыновым и Череваниным, Мартов заменил всю сложность намеченной им проблемы мудростью «смягченного отношения», вопросы борьбы за пролетарский метод решения поставленной задачи, вопросы политической конкуренции за просвещение и руководительство народных масс он легко заменил все разрешающим лозунгом: не пугать буржуазии. Увы, на протяжении всей революции пролетариат продолжал пугать и не мог не пугать «имущей оппозиции», и для редактора «Общественного Движения» остался один выход: напасть на пролетариат, поскольку он выходил за предписанные ему умеренной оппозицией рамки, а так как на этот неугодный Л. Мартову путь пролетариат толкался самим процессом развития противоречий внутри буржуазной России, то напасть и на характер этого процесса развивающейся борьбы пролетариата с буржуазией. Ставши на этот путь, в той же мере дозволительно считать себя социал-демократом, в какой считали себя и, кажется, продолжают считать себя марксистами деятели из «Союза Освобождения» и первой эпохи конституционно-демократической партии.

Глубочайший трагизм русского революционного движения состоял именно в том, что... оно веровало в одни лишь интересы и аппетиты. За эту свою слепоту оно поплатилась тем, что вызванные его нигилизмом признаки классовой розни и эгоистической разнузданности подавили и уничтожили его".

Попробуйте-ка, Мартынов или Череванин, освободить мысль писателя „Вех"— хотя это и печально для вас, но вы ведь догадались, что это писатель именно из „Вех" (С. Франк)—от ее ханжески-лицемерного жаргона, и вы получите... увы... свою собственную политическую мудрость в ее наиболее отчетливой форме. Это печально, но это факт. („Вехи"—вышедший в разгар столыпинщины сборник возвещавший окончательный разрыв либералов с народом и революцией и переход их на службу капиталу, сыграл роль манифеста контр-революционной интеллигенции. Во главе сборника стояли г.г. Струве, Бердяев, Изгоев, и др. Об основных идеях „Вех" см. ниже отдел „Вехисты". (Дополнение к наст. изд.).

Мы можем подвести итоги. Протест против реального классового движения революционного пролетариата—во имя задач «общенационального движения», понимаемого в смысле самоограничения крайних групп населения, т.-е. прежде всего, пролетариата; протест против идеологии революцонной социал-демократии, поскольку она в борьбе с другими группами выдвигала руководящую роль пролетариата и доминирующее значение классовой борьбы пролетариата и буржуазии в русской революции,—такова та точка зрения, с которой дана история общественного движения в разбираемом сборнике. Эта точка зрения неизбежно привела авторов к мелко-буржуазной реакционной утопии. Таким образом, эта идеология вернулась к своему исходному пункту, к той системе, во имя которой в конце 90-х годов от марксизма «Группы Освобождения Труда» с ее идеей гегемонии, ушли наши будущие буржуазные демократы с их идеей «общенациональных задач».

Если вышеизложенные выводы насчет русской революции и роли пролетариата имеют несомненный реакционный смысл в устах социал-демократа, то совсем иное значение они имеют в устах мелко-буржуазного демократа. В его устах критика, данная разобранными статьями, вполне законна и естественна. Больше того, эта критика хорошо формулирует то, что вызывает неудовольствие подобного демократа в пролетарской партии и в пролетарском движении. Для идеолога мелкой буржуазии и реакционная утопия «идейной нации», и реакционная критика «рано совершившейся дифференциации политических партий» и, наконец, оппортунистическое представление о критике либерализма, ослабляющей-де движение,—все это неизбежные и—по нынешним временам—уже достаточно поношенные одежды. Но не надо, щеголяя в этих одеждах, выдавать их за марксистские. Промежуточное положение всегда вредно, а в данном случае оно еще, как мы видели, неизбежно порождает стремление найти кажущийся выход в попытках повернуть назад колесо истории. Освобожденная же от своих противоречий политическая мысль меньшевиков — авторов «Общественного Движения» легко станет центром мобилизации европеизирующейся городской буржуазной демократии.

Мы не можем не считать поэтому хорошим предзнаменованием для процесса размежевки пролетарской и буржуазно-демократической идеологии, что теоретик «Гр. Осв. Тр.» не счел возможным прикрыть своим именем первые шаги последней.

С Г. В. Плехановым у нас вполне определенные и точные разногласия. Они серьезны, значительны и не раз еще вызовут в русской социал-демократии принципиальное обсуждение и споры. Но, видимо, осуждены на крушение всякие попытки под флагом этих разногласий провести идейную контрабанду в идеологию революционной социал-демократии, с какой бы стороны эти попытки не делались.

В непоколебимости этой идеологии и в самом характере и условиях развития русского рабочего движения мы видим залог того, что Потресову и его единомышленникам не скоро придется отпраздновать успех их попыток ликвидировать «исконную идею русского революционного марксизма».

МЕНЬШЕВИСТСКИЙ КРИТИК ПРОЛЕТАРСКОГО ДВИЖЕНИЯ [1]).

К изучению социальных явлений можно приступать с различными методами в руках. Но из всех возможных методов изучения социальных явлений—два особенно характерны. Один из них,—которым руководствуются марксисты,—заключается в изучении внутренней логики развертывающегося процесса. Другой метод нашел себе точное отражение в тех словах, которыми поэт-барин, граф Алексей Толстой, характеризовал свое отношение к мужику:

Есть мужик и мужик;
Коль мужик не пропьет урожаю,
Я того мужика уважаю...

Русскому рабочему движению так не повезло, что за его историю в революционные годы брались до сих пор писатели, придерживающиеся—к большому ущербу для результатов их исторических трудов—метода графа Алексея Толстого. Первый «историк» «пролетариата в революции», Череванин, установил, как известно, что пролетариат, несомненно, «пропил урожай» и потому отказал ему в своем «уважении».

Теперь второй публицист, взявшийся за эту же тему, написавший очерк под заглавием: «Рабочие в 1905—1907 г.г.», Д. Кольцов [1]), на протяжении 10-ти печатных листов пытается убедить читающую и интересующуюся рабочим движением публику в том, что Череванин прав, и что поелику «мужик» пропил-таки урожай, он никакого уважения не заслуживает.

[1]) „Социал-Демократ", № 14, 22 июня 1910 г.

[2]) Сборник „Общественное движение в России в начале XX в." Т. II, ч. I.

Нельзя сказать, чтобы наш новый «историк» был совершенно лишен способности смотреть на свой предмет—рабочее движение в 1905—1907 годах—глазами исторического материалиста. Он делает иногда попытки проникнуть в самый механизм пролетарского движения в России, у него иногда пробивается—слишком слабо, правда,—стремление понять ту закономерность, которая руководила сменой форм революционного движения пролетариата. Но, увы! это только попытки, только поползновения, вернее, воспоминания о марксистской точке зрения.

Господствующим же и определяющим является для Д. Кольцова угол зрения бухгалтера, сверяющего грандиозный процесс выступления российского пролетариата на революционный путь с приходо-расходной книгой, составленной для российской революции общественным мнением российского либерализма.

Надо сказать, что с этой точки зрения перетряхивать—по-кольцовски—еще раз историю рабочего движения за время революции было, пожалуй, излишним трудом: перед судом мещанской политической бухгалтерии приговор над ним вынесен и экзамена перед этим судом российский пролетариат не выдержал... Бесплодность тактики пролетариата после 17-го октября стала уже общим местом нашего либерального общественного мнения. Результатом «безумия» (см. «Пролетариат в революции», стр. 67), объявил революционные выступления пролетариата после манифеста Череванин. Результатом «революционных иллюзий» объявляет теперь ноябрьско-декабрьское движение Д. Кольцов.

Бесплодная и безумная тактика, выросшая на почве революционных иллюзий,—такова та формула, в которой великолепно умещается и сожительствует корыстный «реализм» либеральной оценки рабочего движения с бескорыстной ограниченностью социал-демократического оппортунизма.

И еще характернее этой общей оценки то обстоятельство, что она специально приурочена к ноябрьско-декабрьскому периоду.

Перелистайте очерк Д. Кольцова. Его первые 7 главок посвящены описанию эпохи от 9-го января до 17-го октября 1905 г. Вы не найдете в этих главах ни самомалейшего умения понять закономерность того процесса, который вел пролетариат от частных забастовок к всеобщим стачкам, политическую всеобщую стачку делал этапом классовой борьбы с буржуазией и, наконец, сливая воедино максимальные политические и минимальные (в смысле нашей программы) экономические требования,

делал восстание неизбежным. Но зато вы не найдете в этих главах никаких словечек о «революционных иллюзиях», об «увлечении», о «переоценке своих сил» о «недооценке» сил врагов и т. п.

Требование 8-часового рабочего дня, всеобщие стачки, сражение в Иваново-Вознесенске, баррикады в Лодзи, восстание в Одессе, все, что уже летом 1905 года являлось провозвестником решительных мер борьбы, и что в октябрьско-декабрьский период получило свое полное развитие, милостиво регистрируется нашим историком, не вызывая в нем сомнений насчет уместности и плодоносности этих форм борьбы. Конечно, он не преминет скорбно пожалеть, приступая к описанию летних месяцев 1905 года—месяцев начавшейся вооруженной борьбы—о том, что «боевые задачи начинают брать верх над всеми другими» (?), но—в общем и целом—он приемлет и баррикады, и восстание и повышенную экономическую борьбу и даже «боевые задачи»... до 17-го октября. Но вот манифест дан... и наш историк решительно отказывается от роли объективного описателя, он чувствует, что теперь как раз во-время перейти к роли критика... пролетарской политики. С его точки зрения, так близко в этом вопросе подходящей к соображениям г. Милюкова, пролетариат после 17-го октября решительно начинает «пропивать» не только свой, но и чужой «урожай». Все, что делает пролетариат в ноябрьско-декабрьские дни, преисполнено ошибок, заранее обречено на неудачу и является плодом «переоценки своих сил».

Это распределение света и тени в рабочем движении по сю и ту сторону сакраментальной даты 17-го октября поневоле внушает опасение, что наш историк рабочего движения не уберегся от соблазнительных конструкций российского либерализма, для которого 17-е октября есть тот момент, когда революция, до того «великая и славная», перешла в «безумие стихий». Для либерализма этот взгляд естественен и неизбежен как раз постольку, поскольку для него ясен объективный смысл революционной борьбы после 17-го октября. Ибо как раз ясное понимание характера этой борьбы и заставляло либерализм ждать того, чтобы народная борьба не выходила за рамки добытого результата—манифеста.

Но когда марксист приходит к той же характеристике послеоктябрьских выступлений пролетариата, то для этого может быть только два основания: или то, что этот «марксист» смешал бессознательно точку зрения революционного пролетариата с

точкой зрения либерализма, или же то, что он *не понял* характера после-октябрьских событий. Д. Кольцов может выбирать.

Для российской революции 17-е октября есть тот момент, когда она уперлась в задачу *борьбы за власть*. Если до манифеста объективные рамки, в которых двигался революционный процесс, определялись *давлением на старую власть*, то продолжение борьбы после манифеста означало переход к *завоеванию власти*. Из понимания этого выросло различное отношение либерализма к до-октябрьской и октябрьско-декабрьской эпохам. Из непонимания этого обстоятельства выросла «критика» Д. Кольцова.

Уже в преддверии октябрьско-декабрьской эпохи Д. Кольцов начинает «критику» пролетарской борьбы, поскольку эта борьба переходила в борьбу революции за власть.

«Обнаруживалось,—пишет он на стр. 226,—*ставшее впоследствии роковым*, стремление этой (рабочей) армии обходить встречающиеся на пути неприятельские позиции, а не укреплять их за собой. Даже наиболее передовым отрядом этой армии была гораздо более по душе эта, имеющая *чрезвычайно радикальную внешность* тактика, чем другая. стремящаяся предварительно использовать в своих интересах всякую неприятельскую позицию в целях укрепления своих собственных рядов». Некоторое оправдание для пролетариата Д. Кольцов находит в том, что «без привычки к организованной жизни он (пролетариат) не знал бы, что ему делать с завоеванными позициями, *какие части их можно ассимилировать и какие надо отбросить*»... (курсив всюду наш).

О чем речь?—может спросить изумленный читатель. Разве то широкое, митинговое и забастовочное движение, слившее воедино экономические требования рабочих и их протест против бюрократического метода их разрешения, которым петербургский пролетариат ответил на комиссию Шидловского,—было *обходом* неприятельской позиции? Разве еще более грандиозное сентябрьско-октябрьское движение, сметшее Булыгинскую Думу,—было *обходом* неприятельской позиции? И, наконец, в самом бойкоте 1-й Думы, на сторону которого, по словам того же Д. Кольцова, стали «наиболее активные, наиболее сознательные элементы» рабочего класса (стр. 265), была ли тенденция «обойти препятствие»?

Конечно, пролетариат не только может, но и должен работать над «укреплением собственных рядов» и тогда, когда эта работа по необходимости ограничена рамками, предписанными неприятелем. Но противопоставлять этот метод «укрепления своих рядов» тому методу непосредственного нападения на неприятельские позиции, который характеризует весь 1905 год и высшее оправдание которого в том, что он пробудил и поставил на боевую позицию миллионы пролетариев,— можно только окончательно погрязнув в легализме.

О чем, действительно, не было речи в 1905 году,—это о той тактике «ассимилирования», которую (быть может, бессознательно?) Д. Кольцов противопоставляет тактике решительной борьбы.

«Ассимилирование» в политике не может быть ни чем иным, как взаимоприспособлением.

Взаимоприспособление монархии Романовых и потребностей буржуазии было руководящей идеей либерализма за весь период его политического существования, идеей, противопоставленной решительной борьбе за власть. А теперь наш «историк» становится на ту же точку зрения, проповедуя пролетариату задним числом—для 1905 г.—тактику «ассимилирования» неприятельских позиций и называя тактику прямой борьбы «роковой» и продиктованной «социальной ограниченностью» русского рабочего класса.

И разве не дополняют друг друга в своей ограниченности тактика, игнорирующая для 1909 года работу в так наз. «легальных возможностях», и тактика, рекомендующая «ассимилирование» для 1905 года?

Для «историка», объясняющего нетерпимость революционной тактики российского пролетариата наличностью в его среде сильных «мещанских и крестьянских элементов, внешний радикализм которых соответствует их социальной ограниченности» (стр. 226), для подобного историка смысл деятельности Советов Рабочих Депутатов должен остаться, конечно, тайной за семью печатями. Тот, кто вздумал бы по «очерку» Д. Кольцова составить себе представление о деятельности этих организаций, должен был бы прийти к заключению, что их господство было господством легкомыслия, опрометчивости, революционной фразы, детских иллюзий и преступного отношения к тем задачам, ради которых они вызваны были к жизни. И мы не станем оспаривать естественности такого представления для наблюдателя, для которого борьба революции за власть теряет

всякий смысл с того момента, как от этой борьбы отказывается буржуазный либерализм.

Но Советы Рабочих Депутатов и весь октябрьско-декабрьский период для пролетарской борьбы не принесли ничего принципиально-нового: этот период лишь синтетировал, резче очертил и поднял на высшую ступень те тенденции и формы, которые зародились еще до 17-го октября. Но то, что до 17-го октября покрывалось «общенациональным» характером борьбы, что «прощалось» пролетариату, как необходимому орудию буржуазной революции, встретило решительный отпор, когда развитие его борьбы показало, что пролетариат не имеет возможности остановиться и пытается превратить самое революцию в орудие своих классовых интересов.

Но именно это последнее, это стремление пролетариата из илота—раба буржуазной революции стать ее вождем, и возбуждает больше всего негодование у нашего «историка».

Окарикатуривая всю деятельность Совета Рабочих Депутатов, он одинаково клеймит и ноябрьскую забастовку, и борьбу за 8-часовой рабочий день, и надежды на армию, которые видите ли, с точки зрения этого «реалиста», были величиной «невесомой»... как раз в то время, о котором сосед Д. Кольцова по сборнику, Е. Маевский, пишет: «Ноябрьский протест рабочего Петербурга упал на чрезвычайно благодарную почву». Именно в ноябре и, надо полагать, в значительной степени благодаря этому протесту, движение в воинских частях приняло широкие размеры. Этот момент — приблизительно середина ноября,—быть может, был самым опасным моментом для старой власти за все время русской революции (стр. 126).

Что же касается специально декабря, то для его характеристики почтенный историк не нашел других слов, как следующие:

«В так называемых вооруженных восстаниях участвовали почти исключительно дружинники, т.-е. члены боевых организаций, созданных во время погромов в целях самообороны. Это было своего рода заместительство в восстании, которое, как всякое заместительство, могло создать только иллюзии относительно действительного настроения масс. Когда период восстаний прошел, то эти «боевые дружины» остались как чужеядный нарост, с которым рабочему движению кое-где приходится бороться и по сие время» (стр. 248).

Так называемые восстания... заместительство... чужеядный нарост... боевые дружины (в иронических значках), с которыми приходится бороться, такова эта оценка высшего пункта народной и пролетарской борьбы, данная на страницах—увы!—социал-демократического издания. Мы не вправе, конечно, требовать от Д. Кольцова исторического понимания, но можно, казалось бы, надеяться хоть на каплю политического чутья...

Отсутствие того и другого Д. Кольцов покрывает крохотной теоретикой, которую зато не перестает жевать на всем протяжении своего очерка. Она сводится к тому, что поражение революции является «логическим результатом самоизоляции пролетариата в буржуазной революции» (стр. 225, курсив наш).

Мы слышали в революционную эпоху из социал-демократических рядов призыв к «изоляции реакции». Но, признаться, в первый раз слышим обвинение пролетариата в том, что он в эпоху революции занимался тем, что сам себя изолировал.

Несколькими строками выше выписка из статьи единомышленника и товарища Д. Кольцова по сборнику, засвидетельствовала нам состояние армии в эпоху «самоизоляции» пролетариата. Вы помните, уважаемый историк?—«благодаря ноябрьскому протесту (который вы называете «ноябрьским поражением») (стр. 238) петербургских рабочих—движение в воинских частях приняло широкие размеры. Этот момент был самым опасным моментом для старой власти за все время революции».

От армии ли «самоизолировал» себя пролетариат, почтенный историк?

Теперь послушайте другого своего единомышленника и тоже товарища по изданию, П. Маслова (N. B. Мы нарочно цитируем ваших единомышленников, ибо их вы лишены возможности заподозрить по череванинскому рецепту в «увлечении» и в том, что они слишком «горячие головы»). Если вам недосуг перечитать все те 25 страниц и те 10 главок, которые этот ваш единомышленник должен был посвятить простому описанию «крестьянского движения» после 17-го октября, т.-е. за октябрь, ноябрь и декабрь 1905 года, то перечитайте, по крайней мере, хоть эти его заключительные слова.

«В итоге осеннего крестьянского движения в России оказались сожженными, разграбленными, вообще уничтоженными свыше 2.000 усадеб, при чем убытки только по 19 затронутым движением губерниям определяются... в 29 миллионов руб.

Крестьянским движением конца 1905 г. было охвачено более 160 уездов Европейской России, не считая Кавказа и Польши» (там же, т. II, ч. II, стр. 260—261), и на тех же страницах вы найдете указание, что это крестьянское движение было ничем иным, как восстанием.

От кого же или чего же изолировал себя пролетариат в октябрьско-декабрьские дни? И какими методами «самоизолировался» он? Читателю не трудно ответить на эти вопросы. Пролетариат оказался изолированным от либеральной буржуазии и ее предательской тактики своей революционной борьбой, пробуждавшей к революционной жизни армию и крестьянство. Историку-меньшевику, историку-ликвидатору может не нравиться революционная тактика пролетариата, ему может казаться большой ошибкой политический разрыв пролетариата с буржуазией, поставивший пролетариат во главе революционной деревни и революционизирующейся армии, ему может даже казаться, что самоограничение пролетариата в революционной борьбе спасло бы буржуазную революцию, но все это не дает ему еще права утверждать, что пролетарская борьба покоилась на «революционных иллюзиях» и «невесомых величинах», и что тактика его была тактикой «самоизоляции».

И незаконен ли будет теперь вопрос о косоглазии почтенного «историка»? Мы уже видели, как странно легли для него тени и свет по ту и сю сторону царского манифеста. Теперь мы убеждаемся, что стоит сойти со сцены либеральной буржуазии, и ему уже начинает казаться, что на сцене ничего нет, хотя его сотрудники и докладывают ему почтительно о крестьянском восстании, о массовом движении в войсках, наконец, о «так называемых» вооруженных восстаниях в городах. «Самоизоляция»!—изрекает наш историк. «Изолируйтесь от заразы либерального недомыслия», должна ответить этому историку социал-демократия.

* * *

Жалкое словечко о «самоизоляции пролетариата в буржуазной революции» вскрывает только ту жалкую идейку, с которой наш историк подошел к рабочему движению в революции. Идейка эта в том, что, ежели бы пролетариат вместо фантастической «самоизоляции», которой он будто бы занимался, занялся реальным «самоокарнанием» своей революционной борьбы, то из этого проистекло бы нечто полезное для «общенациональных» задач.

На фоне крестьянского движения, при звуках, стремительно разраставшихся (слова Е. Маевского), солдатских и матросских бунтов, в самый опасный момент для старой власти и на пороге нового взрыва крестьянского движения, Советы Рабочих Депутатов **должны были стать и стали завязями новой революционной власти** и, как таковые, органами непосредственной борьбы за власть, вырываемую из рук старого режима. В этой своей борьбе они не могли апеллировать к **самоограничению** пролетарской борьбы во имя тех слоев буржуазии, которые в борьбе революции за власть видели угрозу не только **старой** монархии, но и своим мечтам о **новой** монархии.

Пролетариат апеллировал не к ограниченности революции, а к ее расширению, хотел опираться и опирался не на колеблющийся либерализм буржуазии, а на радикализм крестьянских слоев. Поэтому он вполне заслужил упрек Д. Кольцова в том, что он опирался на «иллюзию, дававшую возможность видеть на исторической сцене только себя и больше никого» (стр. 234), в том, что он оперировал «невесомыми величинами» и принимал их за «реальные факторы» (стр. 236—237) и, наконец, в том, что его призывы «к удесятерению работы для планомерной подготовки последней всероссийской схватки» выросли на почве беспочвенного «оптимизма».

Но как раз то, что мещанину представляется апелляцией к «невесомым величинам» и беспочвенным «оптимизмом» было для пролетариата апелляцией от предательского поведения либерализма к **основным силам** революционного процесса, не «оптимизмом», не верой, не взрывом чувства, а глубоким сознанием **неизбежности** революционного пути развития и готовностью на этом пути положить к ногам истории всю накопленную энергию и весь запас своего революционного воодушевления. Именно эта апелляция к «невесомым величинам», эти «иллюзии» и «оптимизм», свидетельствующие о том, что пролетариат, если и не был в контакте с либерализмом, зато был в контакте с гением революции,—это и сделало движение российского пролетариата **принципиально-революционным**, залогом и источником всякой будущей российской революции, придало ему тот интернациональный характер, который сделал движение **российских** рабочих **в рамках буржуазной революции** исходным пунктом нового этапа в борьбе **международного** пролетариата за **социализм**. Умственное мещанство не видит этого: его «реализм» заключается в том, чтобы

не ценить всего того, что подымается над уровнем сегодняшних записей его приходно-расходной книги.

Революция разбита... не достаточно ли ему этого, чтобы обрушить на голову пролетариата упреки в «переоценке» сил, а на его представителей излить язвительную иронию обманувшегося мещанина по поводу их «спешки» (стр. 236), опрометчивости, слов «о последнем бое»?

Мещанский аршин, издевающийся над пролетарской борьбой, это такое зрелище, от которого поневоле потянет на свежий воздух. Читатель не посетует поэтому на длинную цитату: она взята из «очерка», тоже написанного после разбитой революции, она оценивает такой момент в революции, который можно по его решающему значению приравнять к ноябрю-декабрю 1905 года, наконец, и весь «очерк», и данное место «тоже» критикует поведение пролетарских групп в революции. Сравните эту оценку с той, для которой девизом служат слова: ах, поторопились, ах, переоценили, ах,—«о последнем бое не могло быть и речи»!..

«Но в революции, как в войне, всегда необходимо смело наступать; и преимущество на стороне нападающего; и в революции, как в войне, в высшей степени необходимо рисковать всем в решительный момент, как бы неравны ни были силы... Правда, собрание и народ, если бы сопротивлялись, могли быть побиты; Берлин мог подвергнуться бомбардировке, и сотни людей могли быть перебиты, не помешав окончательной победе королевской партии. Но это не было резоном сдаваться сразу. Поражение после доброго боя—факт не меньшего революционного значения, чем и легко одержанная победа... Собрание и народ в Берлине, вероятно, разделили бы судьбу двух вышеназванных городов (Парижа и Вены), но они пали бы со славой и оставили бы по себе в душе уцелевших желание мщения, которое в революционные времена является одним из сильнейших побуждений к энергичному и страстному действию. Понятное дело, что во всякой борьбе поднимающий перчатку рискует быть побитым, но есть ли это основание признать себя побитым и подчиниться ярму, не обнажив меча?

«В революции тот, кто занимает решающую позицию и сдает ее вместо того, чтобы заставить врага изведать его силу при нападении, неизменно заслуживает имени изменника».

Духом этих слов Маркса был проникнут пролетариат в решающие месяцы русской революции. И поэтому он должен был подвергнуться упрекам Д. Кольцова. Но печально это

только для Д. Кольцова. Ноябрь-декабрь создали такое положение, что российский пролетариат для того, чтобы не подпасть под характеристику последних строк марксовой цитаты, должен был изменить тактике либеральной буржуазии. Особенно выпукло, рельефно и ясно (особенно, ибо никогда тактика революционного пролетариата не сливалась и не была похожей на тактику либерализма) разделение задач и методов борьбы либерализма и пролетариата сказалось после 17-го октября. Совершенно естественно поэтому, что наш «историк» возводит декабрьские «ошибки» пролетариата к октябрю.

«Декабрьская тактика явилась неизбежным продолжением октябрьской и ноябрьской,—пишет он на странице 245,—проявлением той переоценки своих сил, которая сказалась в деятельности Петербургского Совета Рабочих Депутатов». Вот та единственная закономерность, которую готов признать наш историк; закономерность «ошибок», вытекших-де неизбежно из того, что пролетариат и после 17-го октября продолжал развивать свою революционную тактику, «самоизолируясь» от буржуазного либерализма.

В этом объяснении декабрьской «опрометчивости» из октябрьской «самоизоляции»—закономерность того обстоятельства, что с либеральной схемой в руках нельзя понять пролетарского движения, нашла себе окончательное выражение.

И, действительно, проповедь «ассимиляции неприятельских позиций», критика революционных методов пролетарской борьбы, как приводящих к «изоляции» от либеральной буржуазии, игнорирование рядом с этим той задачи борьбы революции за власть, которая была поставлена всем предшествующим развитием и того крестьянского восстания, на фоне которого развертывалась деятельность Советов Рабочих Депутатов, как зачаток революционной власти, наконец, усмешечка по поводу «декабря»,—разве же это не законченное политическое воззрение? Читатель решит, имеет ли оно что-либо общее с социал-демократией.

* * *

Перебрать все ошибки и кривотолкования Д. Кольцова нет здесь никакой возможности.

Мы поэтому оставим в стороне чрезвычайно остроумное соображение Д. Кольцова о том, что «успехи соц.-дем. в то время (во время революции) были прямо пропорциональны социально-экономической отсталости данной местности». Обойдем

также его приветствие характеру стачек середины 1906 года, в которых рабочие доказали будто бы свое понимание «необходимости отделения политического движения от профессионального» (стр. 280), равно как и находящееся в связи с этим сожаление о том, что еще к середине 1907 г. «общее в политике еще преобладало над частным» (стр. 336). После всего, что мы знаем уже о Д. Кольцове, даже это сожаление не может нас удивить.

Но от историка вы вправе потребовать верного описания. Взгляните же, как Д. Кольцов описывает. Приступая к описанию положения рабочего класса «до и во время 1-й Думы». Д. Кольцов пишет: «Из понесенных поражений был сделан только один вывод: одних только сил рабочих недостаточно... и ему надо искать себе союзников... нет, даже не искать, ибо один только возможный союзник и имеется у рабочих,—это крестьянство... В рабочем классе начинает усиливаться вера в приближающееся крестьянское восстание. Вера эта питалась .. успехами «трудовиков»... демагогическим тоном некоторых лидеров этой... группы»... Легкомысленен же русский рабочий класс: достаточно оказывается трудовиков и демагогического тона их лидеров, чтобы он поверил в восстание... Но если Д. Кольцов окончательно лишен способности уразуметь, что «вера» в крестьянское восстание была убеждением в неизбежности революционного пути для раскрепощения России, если ему кажется удобнее свести это убеждение пролетариата к его «легковерию», то следовало бы ему все же справиться... с историей. Из нее ему не трудно было убедиться, что не вера пролетариата в эпоху первой Думы была легкомысленна, а легкомысленно объяснять эту веру легковерием, как это делает наш «историк».

На стр. 277-й 2-го выпуска II тома того же издания, где пишет Д. Кольцов, он нашел бы следующий подсчет. «Подводя итоги крестьянского (экономического) движения весной и летом 1906 года, Н. Саваренский насчитывает, что оно охватило 215 уездов, или половину уездов всей России, тогда как осеннее движение 1905 г. наблюдалось только в 161, или 37% уездов (курсив наш). Так как же, уважаемый историк рабочего движения, находясь между этими двумя волнами крестьянского движения, политическое значение которого не может быть тайной и для вас, проявлял ли пролетариат особое легковерие, когда полагал, что «ему надо искать себе союзника... в крестьянстве»?

Еще пример того, как умеет наш историк обращаться с исторической перспективой. На стр. 265 он, критикуя бойкот первой Думы, толкует о том, что «уже первое выступление рабочих в 1906 г. должно было показать сознательным элементам, в какой мере апатия и усталость стали овладевать массами и насколько непрочны оказались результаты объединительной работы предыдущего года». А через 4 страницы оказывается, что 1-е мая 1906 года «опять подчеркнуло революционность пролетариата» и явилось «воистину небывалой в России мобилизацией!» (стр. 269). Очень хорошо. Но как же быть с «апатией» и отсутствием результатов работы 1905 года?.. А на стр. 277 уже оказывается, что «к концу мая и началу июня 1906 г. стачечное движение охватило громадную площадь, увеличивающуюся с каждым днем» (курсив всюду наш).

Но если при описании 1905 г. Д. Кольцов потерял всякую перспективу, заменив ее либеральным аршином, если для 1906 г. факты ломают его перспективу, то в 1907 году он, наконец, находит себе свое надлежащее место.

По мере того, как упадочные настроения начинают овладевать отдельными группами рабочих, когда, отбив их атаки, правительство штыками загоняет их в рамки, отведенные рабочим на заднем дворе 3-июньской монархии, по мере того, как массовая борьба сменяется приспособлением и «общее» отходит на задний план перед «частным», наш историк бросает тогу критика. И так же, как для его понимания 1905 г. характерна его критика «революционных иллюзий», так для его понимания эпохи упадка движения характерно *отсутствие* хотя бы намека на критику тех разлагающих процессов, которые начали сказываться и в среде пролетариата и в среде партии.

Ренегат, с хорошо развитым нюхом ищейки относительно всяких упадочных настроений в революционной среде, г. Изгоев поспешил отметить по поводу «очерка» Д. Кольцова, что «г. Д. Кольцов знает больше, чем говорит». Прожорливость ренегатства беспредельна: ее не накормить. Но и одного того, что *сказал* Д. Кольцов, достаточно, чтобы понять, *что* знает он о рабочем движении: он знает не больше и не меньше того, что полагается знать о рабочем движении патентованному либеральному недомыслию.

КОНЧЕННЫЙ СПОР [1]).

Ровно год тому назад в ноябрьско-декабрьском № «Голоса С.-Д.-та» за 1909 год было напечатано начало статьи А. Мартынова: «Кто ликвидировал идейное наследство?». Под статьей значилось: «продолжение следует». Предполагавшийся, таким образом, ряд статей должен был явиться ответом на мои фельетоны в №№ 47—49 «Пролетария», посвященные разбору коллективной работы с.-д.-меньшевиков по исследованию русской революции [2]). Разбирая вышедший тогда 1-й том сборника «Общественное движение в России в начале XX века», автор приходил к двум выводам. Первый вывод заключался в том, что авторы этого сборника (особенно в лице Потресова) разрывают с «исконной идеей русского революционного марксизма», с идеей гегемонии пролетариата. Второй вывод так формулирован автором фельетонов:

«Понятие ликвидаторства шире, чем проповедь ненужности старой партийной организации. Ликвидаторство—известная система политической мысли... и оно является как раз той формой, в которой совершается теперешний исход побывавшей у социал-демократии (главным образом, меньшевистской) интеллигенции к новому формирующемуся идейному центру мелкой буржуазии, к новой прослойке либерализма».

Автор намечал и путь ликвидаторства, подчеркивая связь этого нового течения с истинами старого экономизма. «По следам Струве, по следам «Кредо», по следам «экономистов»— этой характеристикой кончался первый фельетон, а второй— предлагал авторам сборника вчитаться в некоторые места «Вех», чтобы обрести там «свою собственную политическую мудрость

1) „Социал-Демократ“, № 21—22, 19 марта 1911 г.

2) См. выше статьи: „Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции“.

в ее наиболее отчетливой форме». Фельетоны заканчивались указанием на то, что к удовольствию всех русских марксистов ликвидация марксизма в разбираемом сборнике не будет покрыта именем Г. В. Плеханова, который в объявлениях о сборнике фигурировал в качестве одного из его редакторов. Об этом говорил, прежде всего, особый листок, приложенный к сборнику, а затем и выход Г. В. Плеханова из редакции «Гол. С.-Д-та», сообщенный публике в его «письме в редакцию» в майском номере этого журнала за тот же 1909 год. Автор фельетонов не мог, однако, хотя бы в качестве иллюстрации своего мнения о коренном противоречии позиции А. Потресова и других сотрудников сборника с идеями «Гр. Осв. Труда» сослаться на оценку этих позиций Г. В. Плехановым. И это по той простой причине, что он ее не знал. Листок, приложенный к разбиравшемуся сборнику, не только не упоминал об идейном расхождении и его пунктах предполагавшегося редактора сборника Г. Б. Плеханова и других его редакторов, но специально оговаривал, что статья А. Потресова не подвергалась редакторскому просмотру Г. В. Плеханова. Для чего понадобилась эта разоблаченная впоследствии неправда редакции сборика—неизвестно, но, во всяком случае, она стремилась скрыть действительные причины ухода Г. В. Плеханова: ясно, ведь, что редактор не мог отказаться от редакторства по поводу нередактированной им статьи. Трехстрочное же письмо т. Плеханова в майском № «Голоса» просто сообщало о выходе его из редакции без всякой мотивировки. Известно, что уже после появления моих фельетонов Мартов и Потресов подняли сильный шум по поводу того, что им-де неизвестно, какие мысли в статье Потресова послужили первопричиной разрыва Плеханова и «Общ. Дв.» и «Голосом». Известно также, что это последнее было неправдой. Плеханов опубликовал впоследствии целый ряд писем, адресованных им Мартову и Дану еще до выхода сборника в свет и выяснивших основы разногласия Плеханова с Потресовым так, как они ему представлялись [1].

Не менее известно и еще одно обстоятельство. В № 42 «Пролетария», в статье, посвященной декабрьской конференции 1908 г., т.-е. в то время, когда, по словам Мартова, вопрос о ликвидаторских тенденциях ни разу не поднимался в колле-

[1]) Письма эти были опубликованы самим Плехановым в „Приложении“ к № 10 „Дневника Социал-демократа“, издававшегося им после разрыва с меньшевиками-ликвидаторами в 1909 г.

гии «Голоса», было указано на статью Потресова и прямо поставлен вопрос: «настолько ли прогрессировал тов. Плеханов, что и он молча прикрывает это ликвидаторство основ революционного марксизма». Теперь уже известно, что редакторы «Голоса» имели ответ на этот вопрос в ныне опубликованных письмах Плеханова гораздо раньше, чем его получила читающая публика, между прочим, и те, кто этот вопрос ставил.

Вот, в то время, когда редакторы «Голоса» и «Общ. Дв.» находили выгодным скрывать от читателей, что именно ликвидаторство А. Потресова оказалось неприемлемым для Г. В. Плеханова, и появились фельетоны «Пролетария». Это не могло понравиться дипломатам ликвидаторства. Еще менее, конечно, понравилось им то, что вышедший несколько времени спустя после написания непонравившихся ликвидаторам фельетонов № 9 «Дневника» Плеханова косвенно подтвердил несовместимость точки зрения Потресова с точкой зрения революционной с.-д. кратким пояснением выхода Плеханова из редакции «Общ. Дв.». Собственно «точки зрения» А. Потресова касалась в этом пояснении следующая фраза: «Уже при первом чтении первой части статьи Потресова я увидел,—писал Г. Плеханов,—что он совершенно потерял способность смотреть на общественную жизнь, в ее настоящем и прошлом, глазами революционера». Это было уже настолько неприятно, что один из редакторов «Голоса» немедля же напомнил Плеханову, что плехановская критика не смеет касаться «издателя Бельтова» [1]). Это обнаружило большую заботливость о плехановском «добром имени», но это не подействовало.

Перед дипломатами из «Голоса» оставался один выход: объявить, что в пользу своего решительного приговора Г. Плеханов не может привести доводов по существу, а что те соображения, которые приведены в фельетонах «Пролетария», представляют злостную, совершенную с заранее обдуманным намерением «фальсификацию истории, сознательно сбивающую с толку рабочих». Достаточно было, казалось г.г. ликвидаторам, объявить шаги Г. Плеханова результатом истерии, а доводы «Пролетария» фальсификацией истории, чтобы «честь»

[1]) Имевшая громадное значение для пропаганды марксизма книга Плеханова: „К развитию монистического взгляда на историю“ могла быть издана не за границей, как предполагалось, а легально в России (с заменой имени Плеханова псевдонимом Бельтов) лишь благодаря финансовому и организационному содействию Потресова. Когда Плеханов напал—через 15 лет после этой услуги Потресова марксизму—на ликвидаторство Потресова, Мартов счел полезным напомнить Плеханову об этой услуге Потресова. Прим. к наст. изд.

А. Потресова была спасена. Первый взялся засвидетельствовать это никто иной, как Л. Мартов,—писатель, известный хладнокровностью и объективностью своих оценок,—второе было поручено доказать никому другому, как Мартынову,—писателю, известному своей неизменной преданностью идеям «Группы Освобождения Труда», с которыми он боролся, будучи «экономистом» и борется, будучи «ликвидатором», и которых он не понимал никогда.

Именно последнее обстоятельство и заставило, вероятно, Л. Мартова передать это дело А. Мартынову. Там, где Л. Мартов не мог быть искренним, А. Мартынов мог до конца блистать искренностью своего непонимания.

Автор статей в «Пролетарии» писал: идеи А. Потресова есть ликвидация основных идей «Группы Освобождения Труда», исконных начал революционного марксизма. Это легко опровергнуть, подумал Мартынов: стоит лишь напомнить этим «Иванам, непомнящим родства», что «Гр. Освобожд. Труда» уже в 1885 г. предвосхитила идеи А. Потресова 1909—1910 г.г. Для всякого другого это стоило бы немало труда, но для А. Мартынова это ничего не стоило: он уже 10 лет тому назад воспринимал идеи «Гр. Осв. Труда» как оппортунист, т.-е. как А. Потресов теперь.

Автор статей в «Пролетарии» доказывал, что грехопадение потресовского ликвидаторства заключается в том, что он рабочий класс рассматривает с точки зрения одного из орудий революции, а не наоборот, революцию с точки зрения интересов рабочего класса. Позвольте,—воскликнул А. Мартынов, — но ведь это же и есть точка зрения «Гр. Осв. Труда»; ведь это же Г. В. Плеханов сказал: «рабочий класс очень важен для революции». В чем же вы видите расхождение А. Потресова с Г. Плехановым? Вы сознательно, чтобы обмануть рабочих, чтобы польстить Плеханову, фальсифицируете историю!..

С «лестью» А. Мартынов поторопился: какая уж тут «лесть» сказать, что Г. Плеханов ни в 1885, ни в 1889, ни в 1900, ни в 1902 гг. не был похож на А. Потресова, и что он оказывает большую пользу русской социал-демократии, «отказываясь прикрыть своим именем» потресовщину в 1909 году. Или Мартов и Мартынов полагают, что отречься от потресовщины значит проявить очень л е с т н ы е для социал-демократа черты? Мы этого не думаем. Для этого вполне достаточно просто естественных черт революционного социал-демократа. Никогда не судите по себе, т. Мартынов, относительно этих черт!

Вы не хотите «льстить» Плеханову. Однако вы произвели Г. Плеханова в Иоанна Предтечу Спасителя—Потресова. Не максимум ли это возможной для вас, исповедующего потресовщину, лести по отношению к Плеханову?

Тут мы должны посетовать на т. Плеханова.

Он лишил нас большого удовольствия присутствовать при зрелище того, как А. Мартынов доказывал бы нам, что, собственно, вся история русской социал-демократии—«Группа Осв. Труда», «Искра», «Заря»,—были только предвосхищением потресовского ликвидаторства. Это была бы забавная история русской социал-демократии. Но у Г. Плеханова не хватило терпения. Прочитав статью А. Мартынова, он не стал дожидаться ее продолжения и заявил приблизительно следующее: те мысли, которые А. Мартынов вкладывает в уста «Гр. Осв. Труда», действительно, как две капли воды, похожи на мысли Потресова, ибо эти мысли оппортунизма. Их Потресов не ликвидировал. Но это не те мысли, на которых зиждилась деятельность «Гр. Осв. Труда». Это мысли Льва Тихомирова, народовольца, а впоследствии ренегата революции.

Обещанного «продолжения» статей Мартынова не потребовалось. Оказалось, достаточно одного «приступа». Мартынов успел уже в нем очень убедительно доказать:

1) что он не понимал принципов «Гр. Осв. Труда»;

2) что, поскольку ему приходилось оперировать с идейным наследием этой группы, это непонимание помогало ему искажать их на свою, оппортунистическую потребу;

3) что искаженных на оппортунистический вкус мыслей «Гр. Осв. Труда» Потресов не ликвидировал;

4) что, поэтому, у Г. Плеханова было достаточно оснований, чтобы заявить о несоответствии мыслей, искаженных на оппортунистический лад Потресовым, и неискаженных мыслей «Гр. Осв. Труда»;

5) что поэтому же всякий интересующийся судьбами марксизма в России, сопоставив статью Потресова и основные принципы революционного марксизма, имел достаточно и побуждений, и оснований, и материала для того, чтобы утверждать, что А. Потресов,—отнюдь не ликвидируя А. Мартынова 1899—1910 г.г.,—ликвидирует Г. Плеханова 1885 и 1889 г.г., отнюдь не ликвидируя «Кредо» г. Кусковой—ликвидирует «Задачи русских социал-демократов» т. Ленина, отнюдь не ликвидируя «Рабочее Дело»,—ликвидирует революционную «Искру»;

б) что ликвидировали и ликвидируют «наследства» те, кто видит в потресовской, мартыновской, «голосовской» философии—обобщение своей практики в революции и своего понимания задач пролетариата.

Таким образом, А. Мартынов, взявшись доказать, что у авторов статей против Потресова имелось желание, но не было доводов, доказал, что он-то руководствовался лишь голой потребностью во что бы то ни стало присвоить себе непринадлежащее ему наследство.

Попытка не удалась. И теперь, после года ожиданий «продолжения», мы были бы слишком наивны, если бы предположили, что А. Мартынов и редакция «Г. С.-Д.» найдут в себе достаточно смелости, чтобы продолжать свое исследование по интересному вопросу о том, «кто же ликвидировал идейное наследство». С этим писателем и с этой редакцией спор кончен.

Надо, однако, надеяться, что найдутся все же Стивы Новичи [1]), которые сделают для себя те выводы, которые жеманятся сделать и Мартынов и «Гол. Соц.-Дем.». А если они найдутся, они скажут прямо: да, мы ликвидируем «исконные начала русского революционного марксизма», с наследством «Гр. Осв. Труда» нам нечего делать.

Но с ними нам не придется спорить. Для наших отношений найдутся другие выражения. А спор о том, «кто ликвидировал идейное наследство»—кончен. Его ликвидируют Потресовы, а их ликвидацию защищают Мартыновы и Мартовы, естественно видящие в ликвидаторской философии Потресовых идеологическое завершение своей ликвидаторской практики. Они-то ведь знают, что эта философия отражает не только их сегодня и их завтра, но и их вчера.

Через три месяца. За время, протекшие от написания этой заметки до ее напечатания, вышло еще несколько номеров «Гол. С.-Д.». Наше предсказание исполнилось: Мартынов не продолжает в них своего «исследования» о наследстве. Оправдалось и второе наше предсказание: Левицкие, Герасимовы и

---

[1]) Один из основателей меньшевизма, в первую эпоху меньшевизма ближайший единомышленник Мартова, затем последовательный ликвидатор. Сотрудник буржуазных газет и, наконец, злейший контр-революционер, в 1919—1920 г. г. сотрудник Деникина в Одессе. Ныне издает в Берлине контр-революционный социал-демократический журнальчик „Заря“. Писал в меньшевистских изданиях под псевдонимом Стива Нович и Ст. Иванович. Прим. к наст. изд.

прочая ликвидаторская братия договорили то, что жеманился сказать Мартынов. «Лиха беда—начало»...[1]).

Разлагающее влияние контр-революции глубже всего сказалось на партии социалистов-революционеров. Однако фактическое разложение этой партии и шедшая внутри ее глубокая ликвидация социалистических и революционных элементов прикрывались обычной у этой мелко-буржуазной партии революционной фразой и усердно поддерживавшейся лицемерной вывеской единства партии.

В революцию 1905 года партия эта вступила в качестве идеолога революционно-настроенной интеллигенции, строящей свои расчеты на крестьянском революционно-демократическом движении. Поскольку в крестьянском движении, направленном против помещичьего землевладения, несомненно имелась „уравнительная", элементарно-социалистическая тенденция, идеология сгруппировавшейся в партии эс-эров интеллигенции получила субъективную окраску социализма, объективно отражая мелко-буржуазные социалистические иллюзии. Рядом с этими элементами мещанского социализма в идеологии партии громадную роль играли чисто интеллигентские тенденции единоличной террористической борьбы против самодержавия.

Контр-революция обоим этим основным элементам партии эс-эров нанесла сокрушительные удары. Революционное крестьянское движение 1905—1906 годов не увенчалось успехом, на смену ему пришла Столыпинская попытка аграрной реформы сверху, опиравшаяся на хозяйственно-сильные буржуазные элементы деревни.

Партия эс-эров не могла ни осмыслить этой политики, ни нащупать в противовес ей какой-либо практической классовой позиции и мало-по-малу превращалась в реакционных идеологов земельных порядков, обреченных историей на слом.

Что касается интеллигентских групп партии, которые определяли всю политику и тактику ее, то уже во время революции они доказали свою полную неспособность противостоять либерализму (иллюстрацию этого мы видели в статье „Блок вчерашнего дня"). Характерным образчиком коренного расхождения между эс-эровскими интеллигентами, неизменно капитулировавшими перед кадетами, и подлинными стремлениями крестьянской массы надо считать политику той и другой группы в Государственных Думах. (Это расхождение прослежено в книге Ленина „Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции".)

В эпоху контр-революции этой интеллигентской группе эс-эров был нанесен сокрушительный удар разоблачением провокаторской роли главы боевой организации партии и фактического руководителя всей террористической работы—Азефа. Двусмысленная роль виднейших членов партии, как В. Чернов, Б. Савинков и др., до конца защищавших Азефа, а затем безнаказанно выпустивших его из своих рук, вызвала громадный кризис внутри партии.

Несмотря на стремление во что бы то ни стало сохранить официальное единство партии и примирить внутри ее фактически далеко расходящиеся элементы, партия фактически делилась на 3 группы. В одну сторону уходили чистые террористы, называвшие себя тогда левыми социалистами-революционерами и фактически совершенно порвавшие с социализмом. В другую сторону уходили

---

[1]) Левицкий и Герасимов—последовательные меньшевики-ликвидаторы. О них см. ниже в статье „Что такое ликвидаторы?", которая вообще характеризует следующий этап в развитии меньшевизма.

умеренные элементы партии, фактически порвавшие и с терроризмом и с социализмом и явно превращавшиеся уже тогда (1910—1914 годы) в идеологов буржуазных верхушек деревни (Авксентьев, Бунаков и др.). Эта группа издавала в эти годы журнал „Почин", отражавший явный упадок революционных стремлений в среде партии с.-р. Кстати сказать, именно эта группа с самого начала войны окончательно порвала с последними остатками социализма и целиком перешла на точку зрения оборончества. Этой же группе принадлежала руководящая роль в партии эс-эров после февральской и до октябрьской революции 1917 г.

Центровая группа партии (Чернов, Ракитников и др.) пыталась замазать раскол и разложение партии и при помощи красивых фраз и революцинной жестикуляции прикрыть глубокое идейное и социальное банкротство партии.

Нами, большевиками, наблюдавшими в годы контр-революции это моральное, идейное и социальное крушение партии социалистов-революционеров, не исключалась, однако, тогда возможность, что из осколков этой партии может создаться подлинная крестьянская партия, идущая до конца в республиканской демократической борьбе против монархии и помещичьего землевладения, но окончательно ликвидирующая свои претензии на социализм. В борьбе против царизма такая откровенно-буржуазная, но революционная и демократическая партия, организующая верхи крестьянства, несомненно, могла бы сыграть положительную роль. Для этого, однако, требовалось, чтобы партия эта не только скинула лживые и явно не идущие к ней одежды социализма, но и заняла позицию непримиримой борьбы с кадетским либерализмом. Господа Черновы оказались неспособны и на это: сохраняя лживую, „социалистическую" фразеологию, они прикрывали ею свое фактическое подчинение политике кадетов.

Характеристика эс-эровской партии в этот период дана на двух образцах: на статьях Чернова, в которых ясно выразилась зависимость эс-эровской идеологии и политики от буржуазного либерализма, и на романе Савинкова-Ропшина, в котором отразились типичное для широких кругов эс-эров интеллигентское отречение от массовой борьбы и беспринципный авантюризм, прикрытый по контр-революционной моде мистическо-индивидуалистическим плащем. И Чернов в разбираемых ниже статьях, и Савинков в своем романе целиком показали те именно черты эс-эровской интеллигентщины, которые так широко и наглядно развернулись в 1917 и последующие годы.

1905 г. И СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

ОТ ДЕМОКРАТИЗМА К ЛИБЕРАЛИЗМУ [1]).

Перед нами несколько последних книжек нового журнала «Современник». В них останавливает на себе внимание ряд статей В. Чернова, представляющих в своей связи попытку оценки общественного движения последних лет. Подобная попытка должна привлечь к себе внимание, тем более, что с оценкой нашего недавнего прошлого в данном случае выступает признанный «вождь» народнического «центра». Что же вынесла эта народническая «ортодоксия» из революции?

Начнем с оценки октябрьско-декабрьских дней.

В статье, вызванной книжкой А. Морского: «Исход русской революции 1905 года и правительство Носаря» и посвященной именно этому периоду, В. Чернов пишет:

> Движение конца 1905 и отчасти 1906 г. имело вовсе не тот смысл, который ему иногда присваивают: не смысл *революции*, хотя бы и неудавшейся, не смысл переворота, хотя бы и недоношенного. Оно имело смысл колоссального *духовного* переворота [2]).

Итак, *не* революция, а духовный переворот. Что же, однако, значит это противопоставление? Конечно, революции, массового народного движения не может быть без «духовного» переворота. Но если «духовный» переворот есть неизбежный спутник революции, переворота не только духовного, то не всегда «духовный» переворот непосредственно ведет за собой революцию.

---

[1]) Журнал „Просвещение“, № 1, декабрь 1911 г.

[2]) Эта и следующие цитаты—из ст. В. Чернова „Откровенная книга“, „Современник“ 1911 г., кн. VII.

не всегда «оружие критики» непосредственно переходит в «критику оружия». Хочет ли сказать В. Чернов, что в России этого перехода не произошло? Его противопоставление не может иметь никакого другого смысла.

«Давно пора понять, что это не была «революция».

Что же это было?

> Атмосфера растерянности власти и преувеличенной веры в „революцию" (кавычки В. Чернова) было условием необыкновенно благоприятным для превращения России в огромный политический народный университет с многочисленными странствующими лекторами, с общедоступными курсами политики и социализма.

Увидеть в России 1905—1906 г.г. не страну, охваченную революцией, а всего лишь «огромный политический университет»—значит, совершенно не понять характера происходивших событий, значит избрать такой пункт наблюдения, с которого реальные очертания классовой борьбы той знаменательной эпохи неизбежно должны совершенно расплыться в тумане общих и пустых фраз о «духовном перевороте» и т. д., и т. п.

Осмелимся доложить неожиданно прозревшему В. Чернову, что революция и есть переход «огромного политического университета», в который превращается страна по мере нарастания и обострения элементов кризиса,—к действиям.

«Фабричные мастерские и деревенские сходки были превращены в аудитории»,—пишет Чернов, поясняя свою мысль, что «это-де была не «революция», а превращение России в «огромный политический университет». Но только ли в «аудитории»? Из этих «аудиторий» не вышла ли непосредственно волна о р г а н и з о в а н н о г о и массового д в и ж е н и я? Или на взгляд В. Чернова, как и на взгляд писателей из «Вех», небывалые в мировой истории забастовки и крестьянские «волнения» были лишь «экспериментами», чем-то вроде «физических опытов», проделывавшихся «слушателями» по указаниям «странствующих лекторов» для иллюстрации «общедоступных курсов по политике и социализму», по примеру того, как проделываются опыты студентами в университетских лабораториях под руководством профессоров?

Увы! Эта точка зрения, которую в устах «народника», а не вехиста Чернова должно назвать по меньшей мере... легкомысленной, развивается им с удивительной... последовательностью.

> Огромная масса населения, в сущности, была лишь пассивным свидетелем того, как при парализованности и растерянности власти ничтожные, в сущности,

кучки энергичных, организованных в левые партии элементов превращаются чуть ли не в хозяев положения... Страна была приучена к тому, что кто палку взял, тот и капрал.

Тут, кажется, легкомыслие «просто» переходит за ту грань, где его трудно отличить от полного разрыва с прошлым.

Ведь обе открытые В. Черновым «сущности»: то, что масса населения была лишь пассивным свидетелем с рабьей психологией (кто палку взял, тот и капрал), и то, что в хозяев положения превращались ничтожные кучки,—ведь обе эти «сущности» отдают чистейшим ароматом «веховской» философии истории.

Если был в русской истории момент, когда масса населения вышла из состояния «пассивного свидетеля» палочных упражнений каких бы то ни было капралов (палка-то, ведь, все время оставалась в руках «капралов»... старых), если был момент, когда кажущиеся (веховцам кажущиеся) «ничтожными» «кучки энергичных элементов» на деле, на опыте оказались выражающими могучие, миллионные силы, то этот момент приходится на движение 1905—1906 г.г.

Все это факт настолько неоспоримый, что его принуждены констатировать, хотя бы и против желания, даже некоторые из веховцев (напр., г. Струве). Его в иные минуты не станет оспаривать и В. Чернов. Почему же ему под перо подвернулись утверждения прямо противоположные? Мы к этому еще вернемся, а покуда попробуем проследить за его дальнейшими выводами.

Прежде всего это те выводы, что нужно покончить с «иллюзиями» той эпохи. Иллюзии!.. «Иллюзиям» 1905—1906 г.г. досталось со стороны отвернувшихся от демократии критиков той эпохи столько, что поневоле удивишься, зачем было В. Чернову присоединить и свой голос к этому в достаточной мере опротивевшему хору.

Как «поумневший» муж совета, снисходительно отчитывает этот вождь партии, постоянно щеголявший своей особой «левизной», «кучки энергичных элементов», организованных в левые партии» за «иллюзионистскую» веру в свои силы, за «мысль, что за ними стоит чуть ли не вся страна», за введение в свои расчеты «мнимых величин» (напр., «сел и деревень»), за веру, наконец, в то, что Россия действительно переживает революцию. На самом же деле, в действительности, было только: «потеря правительством веры в себя и мираж огромной силы направленного против него движения».

В. Чернов призывает задним числом к умеренности и аккуратности:

«Давно пора,—пишет он,—взглянуть на ту эпоху трезвыми глазами, не выставлять к ней неосуществимых требований и не судить ее с точки зрения зародившихся в ее буре иллюзий».

Призыв к «трезвости» плохо прикрывает доподлинный смысл сейчас приведенных слов. Ведь, эти слова не более, как попытка самооправдания перед веховской критикой. Не судити-де нас строго. Мы сами отказываемся судить о той эпохе с точки зрения «зародившихся в ее буре иллюзий». Ведь, что же выходит? Кто питал «иллюзию»? По признанию В. Чернова—«левые». Выходит, ведь, что один из вождей партии, сугубо претендовавших на левизну, В. Чернов, обращается к русскому обывателю с просьбой простить ему его «иллюзии», выходит, что В. Чернов отказывается сам судить ту эпоху с своей точки зрения. Это полная капитуляция перед веховской критикой.

Вместо того, чтобы поднимать обывателя до своей «тогдашней» точки зрения, он сам капитулирует перед обывательской точкой зрения.

И напрасно. Обывательщины этим запоздалым отказом от «иллюзий» и показанием не умилостивишь (дорого, ведь, и обывателю яичко лишь к Христову дню), а себя низведешь лишь до типичного представителя по-революционного Katzenjammer'а [1]).

Трезвость —великолепная вещь! Именно «трезвости» требовали от Чернова марксисты, когда нападали на мелко-буржуазную утопию «социализации», когда выступили с решительным протестом против утопий единоличных, хотя бы и героических выступлений. Дело шло о «трезвости» во всем споре марксистов с народниками черновского толка: о «трезвости» в оценке путей социального развития России, о «трезвости» в оценке соотношения борьбы крестьянской демократии против крепостничества и борьбы рабочей демократии за новый экономический порядок, о «трезвости в оценке форм массовой и единоличной борьбы.

Но одно дело «трезвость» марксистов, выступивших против мелко-буржуазного утопизма народничества, другое дело «трезвость» «Вех», выступающих против радикализма требований и борьбы рабочей и крестьянской демократии. А Чернов воспринял «трезвость» именно в духе «трезвого» обывателя.

---

[1]) Похмелья.

Чем были те, якобы, «иллюзии», от которых ныне открещиваются на всех перекрестках бывшие люди?

Это было сознание огромности разбуженных к политической жизни народных сил. Этим сознанием жило все движение. Без этого сознания оно не могло бы принять своих действительных размеров. То, что ныне презрительно клеймится именем «иллюзий», было на самом деле уверенностью в правильности избранного пробуждающейся массой пути и своеобразным выражением воли к победе. Нельзя вести борьбу, не рассчитывая на победу, не веря в победу. Нельзя побеждать, не наступая. Нельзя наступать, не веря в собственные силы. Только бездарнейшим толстовским Пфулям массовые движения могут казаться простой стратегической, чуть не арифметической задачей, решаемой по методу die erste Kolone marchirt, die zweite Kolone marchirt и т. д. Выкиньте из истории того времени все воззвания, все, что писалось или говорилось. Оставьте из всего соответствующего материала лишь цифры голую статистику, простой подсчет. Взгляните на цифры стачек, крестьянских и прочих[1]) волнений... Не превзошли ли эти цифры массового действия всех расчетов всех самых крайних, самых оптимистически-настроенных в эту сторону элементов? Не обгоняло ли движение, покуда оно шло вверх, все расчеты, все надежды? Не воплотило ли оно в жизни больше того, что могла рисовать себе и что на деле рисовала самая легко-воспламеняющаяся фантазия?

«Русская жизнь,—пишет В. Чернов,—на момент как-будто скакнула необыкновенно далеко, так далеко, что самые решительные программы стали казаться самыми своевременными».

Вот они, «иллюзии»-то! Слишком далеко скакнули со своими решительными программами! Теперь отрезвевший Чернов знает, что «во благовременьи» были тогда отнюдь не решительные программы.

Так проповедуемый Черновым отказ от «иллюзий тогдашней эпохи» знаменует на деле лишь подчинение либеральным иллюзиям, иллюзиям столь прославленной либеральной «реальной» политики.

Некогда марксисты, недостаточно «левые» на взгляд Чернова, присвоили представляемой последним политике характери-

---

[1]) Под „прочими“ волнениями, цензуры ради, скрыт был намек на восстания в армии и флоте, принявшие широкие размеры в 1905—1906 г.г. Прим. к наст. изд.

стику «авантюризма» [1]). Тогда эта характеристика вызвала бурю негодования. Не имеем ли мы, однако, теперь подтверждение правильности этой характеристики во всей десятилетней истории этой политики, не ее ли подтверждает и разбираемая статья, статья в своем роде «юбилейная», подводящая итог десятилетнему развитию? Этот юбилей застает «народничество» в состоянии полного разложения, одним из симптомов которого только и является данная статья Чернова. Банкротство, явно сказавшееся здесь, не менее, если не более рельефно сказалось и во всех других областях партийной идеологии и практики: рушатся самые основы партийных воззрений в области аграрного вопроса, с оглушительной наглядностью терпит крушение характернейший индивидуалистический элемент партийной практики [2]) и т. д. Самой характерной чертой этого всестороннего банкротства служит то, что, эмансипируясь от «социалистически»—(на деле: мещански)—утопических элементов своего мировоззрения, люди одновременно разрывают и с демократией, от социального утопизма перескакивают к либеральной умеренности.

Новоявленная черновская трезвенность не ограничивается тем, что выбрасывает за борт «иллюзии той эпохи». Он пытается ныне дать схему той «трезвой политики», которой следовало держаться деятелям революции.

Г. Чернову положение дела в 1905—1906 г.г. рисуется донельзя просто. С одной стороны стояла власть, морально «внутренно-ослабленная, но которая по прежнему физическую силу имела на своей стороне», с другой стороны... «политический университет», представлявший лишь «мираж огромной силы».

Совершенно ясно, что при этом школьническом представлении, подменивающем живой процесс классовой борьбы печальными плодами мысли отрезвевших интеллигентов, вся тактика упирается в одно положение: «надо было годить».

О, трезвенные умы, о глубокомысленные Пфули, переигрывающие великие акты народной борьбы на шахматной доске домашнего изготовления.

---

[1]) При самом зарождении партии эс-эров „Искра“ вскрыла авантюристские элементы политики эс-эров и на всем протяжении своей полемики с эс-эрами в начале 900 г.г. непрестанно указывала на эту черту эс-эров, как на отражение их мелко-буржуазной сущности.

[2]) Т.-е. террор. В 1909 г. вскрылась провокаторская роль главы боевой террористической организации эс-эров и члена их Ц. К. Азефа, десятилетие состоявшего на службе царской охранки. См. об этом подробнее ст. „Живые мертвецы“. Прим. к наст. изд.

Впечатление, произведенное первой забастовкой,—пишет Чернов,—было колоссально. Позиции, завоеванные левыми партиями благодаря ей, были как нельзя более благоприятны и для всенародной проповеди своих идей, и для какой угодно широкой организации своих сторонников.

Какая, подумаешь, Аркадия! Но послушаем дальше.

Этому делу, казалось бы по здравому смыслу, и нужно было посвятить все силы, а не уменьшать собственного престижа неосторожными действиями, рисковавшими вместо демонстрации своей силы превратиться в демонстрацию своей слабости.

И дальше—в стиле смешливого водевильства—Чернов излагает—в семи картинах—легкомысленную и противоречащую «здравому смыслу» тактику левых, не нашедших в себе достаточного «благоразумия», чтобы «годить», и достаточно выдержки, чтобы не «заскакивать» вперед со своими «решительными программами». Чем больше вчитывались мы в «здравомысленные» соображения Чернова, тем сильнее вспоминали мы «здравый смысл» российских либералов, подсказавший им характеристику тактики после 17-го октября, как тактики «кровавой и бесплодной».

Надо, поистине, все забыть и стать на какую-то совершенно особую точку зрения, чтобы написать, что после 17-го октября условия были как «нельзя более благоприятны и для всенародной проповеди своих идей и для какой угодно широкой организации своих сторонников», и что эти «благоприятные» условия были испорчены ничем иным, как выступлениями левых, главным образом, второй и третьей забастовкой.

Прямо трудно было ожидать, чтобы аргументы, которые показались г. Морскому удобными для того, чтобы оправдать перед д-ром Дубровиным тактику графа Витте в борьбе с революцией, оказались настолько соблазнительными для В. Чернова.

По Чернову выходит, что с одной стороны было правительство, не осмелившееся наложить свою руку на «благоприятные» для левых условия пропаганды и агитации, а с другой стороны—левые, которые поперли на рожон, раскрыли своими выступлениями «свое бессилие», вывели правительство из столбняка и сами навлекли на себя удар пребывавшей в параличе власти.

Да, ведь, вы забыли г-на Дурново, добродушнейший из историков! На самом деле, было как раз обратное: была власть, уже 18-го октября перешедшая в наступление, и движение, которое только с боя, пядь за пядью, могло отстаивать завоеванные позиции.

Немедля после 17-го октября—погромы, которые с 18-го по 24-е октября охватывают до 100 городских поселений, и которые г. Морским относятся к «предвиденным» элементам политики гр. Витте,—локаут, начавшийся с казенных заводов и, по объяснению того же Морского, «не без ведома гр. Витте»;—объявление военного положения в Польше, военный суд для кронштадтских моряков, затем нападение на профессиональную организацию почтово-телеграфных служащих, объявление на военном положении всего района крестьянских волнений и рассылка генерал-адъютантов—вот факты конца октября и начала ноября, которые Чернову угодно назвать «благоприятными условиями» для всенародной проповеди своих идей и для какой угодно широкой организации своих сторонников», и к которым он считает возможным применять тактику выжидания. Но тут «годить» значило бы очищать позиции без разговоров перед лицом наступающих сил, тогда как нужно было или отбиваться, или подчиниться, как подчинился им на деле либерализм. «Третьего» не было дано именно потому, что это не была ни приятельская партия в шахматы, ни игра в «политический университет».

И по поводу событий того времени непозволительно забывать верные с научно-исторической точки зрения слова Маркса: «В революции, как в войне, всегда необходимо смело наступать, и преимущество на стороне нападающего; и в революции, как в войне, в высшей степени необходимо рисковать всем в решительный момент, как бы неравны ни были силы... Понятное дело, что во всякой борьбе поднимающий перчатку рискует быть побитым; но есть ли основание признать себя побитым и подчиниться ярму, не обнажив меча?». И дело здесь не только в «измене», о которой дальше говорит Маркс, а в том также, что эта тактика оказывается объективно выгоднее.

Та же школьническая теория, или, точнее, типично-обывательская схема и та же тактика выжидания шутит плохие шутки с Черновым, когда он приступает к выяснению своего отношения к роли буржуазных, либеральных партий.

На эту тему «Современник» высказался в статье того же Чернова в IX книжке. Статья называется «Либеральный демократ старого типа» и с самого начала вызывает удивление тем, что определение «демократ» отнесено в ней ни к кому другому, как к... С. А. Муромцеву[1]. Из дальнейшего не трудно убедиться,

---

[1]) С. А. Муромцев—виднейший деятель кадетской партии, выдвинутый ею в председатели I Гос. Думы, участник переговоров с Николаем II и Треповым о создании кадетского министерства в 1906 г. Прим. к наст. изд.

что слово «старый» употребляется здесь в противопоставлении «новому», «желтому» «национал-либерализму» веховцев. Выходит, что «старый» здесь псевдоним «хорошего», а, вместе с тем, что Муромцев—в сознании Чернова—выступает как тип хорошего демократа. Но «демократ» есть или точное политическое понятие, или ничего не говорящее слово, прикрывающее ничего не стоющее благоволение ко «всему хорошему»...

Что же дало право Чернову оценить Муромцева «демократом» хорошей школы?

Чернов на протяжении долгих страниц возится с попытками определить внутреннюю сущность муромцевской натуры. Не знаю, интересно ли это. Но ясно, однако, что ничего другого, кроме портрета благонамеренного, аккуратного и работящего чиновника, именно чиновника, в результате этих исследований не получилось. Чернов долго возился с фактами, цитатами, сопоставлял, исследовал, хвалил Муромцева за любовь к труду, сообразил, что именно «вместе с трудом в его натуру глубоко вросло неразлучное с трудом демократическое начало» (что, между прочим, совершеннейшие пустяки: усидчивый чиновник и демократическое начало две вещи разные!..)—и в результате этих длинных экскурсий обмолвился фразой, хорошо рисующей духовный облик его героя, но за которой совсем не зачем было так далеко ходить...

«Муромцев от молодых когтей был благоразумным перестарком», а проще говоря, был чиновником по всему складу своей натуры.

К чему же были все эти хорошие слова о «труде», о глубоко вросшем «демократическом начале», о внутреннем «отщепенстве» от барства, столь обильно рассыпанные Черновым в его характеристике духовного склада Муромцева?

Посмотрим теперь, какой материал был у Чернова для характеристики общественно-политической физиономии Муромцева.

«Муромцев всю жизнь возился то с буржуазией, то с дворянством»... Он «то ухаживает за помещиками, то за купцами, за думцами», пытаясь «сделать запрещенную точку зрения удобоприемлемой (курсив наш) для этих объектов своего внимания»... Он стоял за «октроированную конституцию»; его единомышленник, Ф. Кокошкин, характеризует его позицию, как «признание того, что желательная реформа при всем своем коренном значении должна быть произведена не иначе, как при непременном и живом участии самой власти»; он сам писал о своей и своей партии «заботе о вящшем утверждении в стране

авторитета государственной власти», его друзья свидетельствуют, что в их и его задачи никогда не входил подрыв самого принципа монархии; П. Милюков свидетельствует, что задачей своей Муромцев почитал «примирить страну с властью». Это находит свое разъяснение в словах Гредескула о том, что «Муромцев не находил для себя никакого удовольствия даже в необходимом, исторически неизбежном разрушении». И г. Гредескул, конечно, прав. Отношение Муромцева к «власть имущим» было отнюдь не «разрушительным». В июле 1905 г. Муромцев входит в сношения с гр. Сольским. «Оба остались друг другом довольны». В конце года,—по свидетельству г. Милюкова,—Муромцев «беседует» с гр. Витте и «принимает по приглашению последнего участие в заседании совета министров, посвященном пересмотру избирательного закона 6-го августа». 22-го ноября Муромцев опять беседует с Витте.

В эпоху первой Думы, проводя с своего председательского места кадетскую анти-демократическую политику, обрывая речи трудовиков и с.-д.,—Муромцев в то же время ведет переписку с Треповым о кадетском министерстве, беседует о том же с «двумя-тремя сановниками» и, наконец, получает прямое предложение от П. А. Столыпина. Наконец, на «выборгском» процессе Муромцев объясняет, что видел свою задачу в том, чтобы «отвести» движение с путей решительной борьбы со старым строем. Вот несколько фактов, взятых нами со страниц весьма скупой на подобные признания кадетской литературы («С. А. Муромцев». Сборник статей Винавера, Милюкова, Кизеветтера и др.). Эти факты известны В. Чернову; он их цитирует. А теперь скажите: есть ли во всем этом хотя бы гран, хотя бы намек на какой-либо демократизм? Мог бы высказываться, так вести себя какой угодно демократ, хотя бы наибуржуазнейший, но демократ. Не встает ли из этих заявлений, шагов и «бесед» фигура типичного контр-революционного либерала, ищущего союза с «исторической властью» против демократии? Одного из самых правых членов партии, вся деятельность которой была прямым вызовом демократии,—партии, вся тактика которой была проникнута контр-революционными тенденциями, все взоры которой были направлены после 6-го августа 1905 г. к «верху», а не к «низу», Чернову благоугодно было почесть «демократом»! Мало того, этому либеральному чиновнику он поет гимны. Да, ведь, как! «С. А. Муромцев,—пишет Чернов,—типичный представитель демократического либерализма старого типа в его «идее». Я хочу сказать, что он

был не характерным средним экземпляром данного течения, со всеми его слабыми и сильными сторонами: нет, сильные стороны его были в Муромцеве развиты в наибольшей степени, слабые же—были смягчены... Не без намерения также употребил я термин «демократический либерализм». Ибо в России, наряду с последним, хорошо известен типичный земско-дворянский либерализм, известны даже потуги на либерализм плутократический».

Как видите, на взгляд Чернова, С. А. Муромцев был лучшим представителем сильнейших сторон лучшего из известных видов буржуазного демократизма. Не высоки же требования Чернова! С таким уровнем требовательности только и можно продолжать до сих пор воспевать «парижскую конференцию» 1904 года [1]), на которой «социализм» народнического типа уже при первых шагах движения демонстрировал свое тяготение к «демократам» типа Муромцева и Милюкова.

Не подтверждает ли все это правильности той характеристики, которая уже в 1907 году, на основании всего предшествующего опыта, была дана большевиками позиции «народничества», как позиции постоянного колебания между подчинением гегемонии либералов и «решительной борьбой». Это тяготение мелко-буржуазных элементов к подчинению либерализму должно было особенно ясно сказаться в момент упадка борьбы того класса, который решительно противопоставлял свою тактику тактике либерализма.

Достаточно было хотя бы временного ослабления этого противовеса, чтобы либеральные тяготения сказались, как в статьях Чернова, во всем своем блеске.

В статьях Чернова 1911 г. о «демократе»—Муромцеве мы имеем только лишнее свидетельство того, что с 1904 года единомышленники Чернова ничему не научились.

Не научились даже распознавать за маской своих «союзников»,—кадетских «демократов» подлинные черты контр-революционных либералов. А уж не кадетская ли партия приложила все старания чтобы сделать это ясным для всех желающих видеть? Правильно говорит тот же Чернов: «кому хочется быть одураченным, тот, конечно, всегда будет одурачен».

---

[1]) См. в той же статье Чернова, стр. 181-182. На парижской конференции в ноябре 1904 г. было заключено соглашение о совместных действиях между эс-эрами, которых представляли Чернов и Азеф, и кадетами, представленными Милюковым. Это было первое открытое соглашение эс-эров с либералами. С.-Д. от участия в конференции отказались. Прим. к наст. изд.

Дело тут, однако, далеко не только в желании быть одураченным. Дело в том, что в схеме движения, как она рисуется Чернову, «демократам» типа Муромцева и Милюкова отведено определенное и важное место.

По поводу либеральной тактики соглашений с властью и по поводу комбинаций с министерством из кадетов в частности. Чернов пишет:

Я не обвиняю кадетов за то, что они оказались такими щепетильными и сдержанными по отношению к заигрываниям Витте. Я знаю, как много можно сказать против политического флирта с подобным деятелем... Но с точки зрения кадетской тактики тут была допущена несомненная политическая ошибка... Момент был, в своем роде, единственный... Если когда-нибудь за истекшее время кадетская тактика могла принести некоторые плоды, то именно в этот момент. Представители земских либеральных кругов могли занять ответственное положение.

Вы понимаете, читатель? «Я не обвиняю», «я знаю», что «много можно сказать против»... но... но была допущена несомненная ошибка, «момент был исключительный», «кадетская тактика (тактика соглашения с властью) могла принести некоторые плоды».

«Язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли»; но вглядитесь в эти слова, и вы увидите, что, ведь, по существу,—это упрек «левого» Чернова либералам за то, что они оказались слишком требовательны, слишком щепетильны с властью и «пропустили момент»... пойти с ней на соглашение на ею предлагавшихся условиях. Ведь, это полная индульгенция, больше чем индульгенция контр-революционному либерализму!

Почему не удались все попытки соглашения, несмотря на наличность доброго желания и с той и с другой стороны, со стороны власти (или, хотя бы, некоторых ее элементов), и со стороны либералов? Потому, что при данных размерах тех уступок, которые давала власть, кадеты не надеялись справиться с революцией. Обостренность гражданской войны,—вот где лежала причина кадетской «требовательности и щепетильности». Жалеть, как жалеет Чернов, о том, что «момент был упущен», что комбинация не удалась, значит или говорить пустые, ничего не значущие слова, или же жалеть о том, что борьба внизу слишком обострились, что она сразу поднялась на такую ступень, где «примирителям страны с властью» не оставалось места.

И если это так, а это, несомненно, так, то из хаоса черновского непонимания, легкомыслия и путаницы вырисовывается в конце концов довольно стройная схема.

Мы уже видели, что «это была не революция», что «своевременность решительных программ»,—была «иллюзией», что движение со своими решительными программами и решительной тактикой «скакнуло» слишком далеко, что для левых правильной тактикой было бы «темпоризирование», мудрая постепенность развития (под ударами г. Дурново). Из всего этого вытекает—по отношению к либеральной тактике соглашений—определенный тактический рецепт: рабочим надо было «погодить» и пропустить вперед «примирителей» — кадетов, «демократов»—Муромцевых.

И эту тактику Чернов рекомендует теперь даже не для июня 1906 г., а для ноября 1905 г. Это логично, но это и значит расписаться в полном непонимании хода и логики классовой борьбы в России в конце 1905 года и начале 1906 года. Это и значит,—за «духовным переворотом» не разглядеть реальных классовых сил, действовавших на арене истории, а за «политическим университетом» не разглядеть страны, вступившей уже на путь действий.

Мы уже видели первый вывод из черновской теории—отказ от «иллюзий того времени». Теперь мы видим и второй—вступление на путь либеральной политики. И этого существа дела не могут скрыть самые яркие анти-либеральные фразы. В своих рассуждениях о «прошлом» Чернов дал образчик мещанского «глубокомыслия», образец обывательской оценки. При чем «оценка» эта произведена «обывателем», засосанным контр-революционным болотом.

Как объяснение того, что было, схема Чернова совершенно неприемлема для того класса населения, который шел и идет во главе освободительного движения. Неприемлема для него и та «мораль». которая получается в результате рассуждений Чернова.

Но, быть может, и эта схема и эта мораль не есть личное достояние автора: и то, и другое очень недурно отражает мысли и настроения отсталых элементов движения, тех именно мещан «гор. Окурова и жителей «деревни. Дурновки», на которых, по словам Чернова, «распространяясь концентрическими кругами и все слабее по мере отдаления от центра движение сказывалось каким-то глухим и совершенно неопределенным смятением и тревожным ожиданием». Путанное непонимание и естественное—хотя и временное — разочарование, а отчасти недовольство, отхватывающее эту среду на другой день после того, как были разбиты надежды и чаянья, связанные с револю-

цией, и отразили статьи Чернова. Там, на этой периферии разбитого движения, естественны разговоры о том, что «рабочие скакнули слишком далеко», что вот если бы они вели себя «поосторожнее», то, может, что-нибудь и вышло, там не изжили еще либеральных иллюзий и там есть еще место для тяготения к либеральным схемам. Бессвязная и недисциплинированная политическая мысль отсталых элементов движения, все время колебавшихся между радикализмом желаний и либеральным кадетским обманом, нашла свое воплощение в рассуждениях Чернова. И далеко не только в области рассмотренных вопросов «колебания» в момент движения увенчались подчинением либеральным схемам в момент его упадка.

Но тому классу, который поставил своей задачей очищение политического сознания широких масс населения от всякого подчинения либеральным и анти-демократическим обманам, не зачем брать в свои сотрудники идеологов, способных лишь закреплять в своих писаниях предрассудки отсталых элементов. Не сотрудничество, а упорное разъяснение этих предрассудков—вот задача данного момента.

Это, между прочим, и наш ответ на «объединительные» призывы Чернова. «Объединение социалистических фракций»,—этот лозунг кажется ему крупным выводом из крупных событий, которых мы касались выше. Но читателю не трудно будет заметить, что, как вывод из рассуждений Чернова, этот лозунг имеет всю видимость пустого, по существу мещанского, благопожелания. Нельзя «объединить» сознания передового класса с предрассудками отсталых элементов движения. Мещанство—думать что «объединение» наверху разрешит хоть что-нибудь в столкновении различных—передовых и отсталых—элементов «внизу».

РАЗЛОЖЕНИЕ ЭС-ЭРОВ [1].

(Ответ В. Чернову).

Активное народничество вступило в 1905 год как типично-интеллигентская организация, с сильно выраженным тяготением к крестьянству. Интеллигентская стихия внесла в партию свои индивидуалистические методы борьбы и чисто-политический радикализм; стремление найти базу в крестьянстве, равно как и старая интеллигентская традиция принесли облачение мелкобуржуазного утопического «социализма».

Испытаний революции эта комбинация не выдержала. Создание «трудовичества» знаменовало, что партия неспособна выполнить своих задач в крестьянстве. С другой стороны, интеллигентские элементы отрывались от масс, создавая на двух полюсах свои, уже чисто интеллигентские группы: направо «отцы»—«народные социалисты» с либеральным привкусом, налево—«дети» с привкусом явно-анархическим.

Эпоха реакции должна была в сильнейшей степени обострить и ускорить этот процесс *разложения* старой идеологии. Ибо дело тут шло именно о *разложении*, о крахе устоев, отправных точек социально-политической ориентировки.

Партия создавалась не как отражение постоянной силы современного общества, а как *временная комбинация*, вызванная к жизни определенной специфической задачей и опиравшаяся на две силы, не имеющие *социалистического* будущего: интеллигенцию и крестьянство. В то время, как зада-

[1]) „Просвещение", № 8—9 за 1912 г. и № 2 за 1913 г. Моя статья „От демократизма к либерализму" вызвала со стороны В. Чернова попытку оправдаться. Он осуществил это в виде обширной полемической статьи в народническом журнале „Заветы". Я воспользовался этой статьей, чтобы еще раз подчеркнуть крушение эс-эровской партии. В дальнейшем надо иметь в виду, что „лидер" эс-эров выступал тогда в литературе и под именем В. Чернова и под именем Я. Вечева.

чей социал-демократии являлась организация рабочего класса для борьбы за конечные цели, а завоевание демократии лишь эпизодом (хотя бы и бесконечно важным), для народничества этот «эпизод» исчерпывал в с е.

Решение данной задачи для рабочей демократии обозначало лишь дальнейшее р а с ш и р е н и е элементов ее программы и тактики, для народничества же решение этой задачи обозначало бы к о н е ц, уничтожение всех основ его существования.

Но, поэтому, и потрясение 1905 года совершенно различно должно было отозваться на рабочей партии и на народничестве. Для пролетарской партии выступила задача найти новые методы борьбы за свои постоянные цели. Для народничества наступила эпоха п о л н о г о   п е р е с м о т р а всех «ценностей» его программы и тактики. Внутри-партийные «несчастия» (дело Азефа) одно время как бы прикрыли этот существенно важный процесс внутри-партийного разложения, отвлекли внимание от существа дела к его поверхности.

Всякая общественная группа имеет право умереть, лишь разрешивши поставленные перед ней задачи. Классовая партия пролетариата умрет, когда уничтожится классовое общество. Народничество—в широком смысле слова—как отражение чаяний и стремлений задавленного помещиком крестьянства, умрет когда будет уничтожено самодержавие в России. До этого момента оно в той или другой форме найдет себе место среди других течений и направлений общественной мысли. Но изменения, внесенные 1905 годом, в том и заключаются, что та форма народничества, которая соединила крестьянофильский утопически-реакционный «социализм» с интеллигентским полу-либерализмом, полу-анархизмом, существовать далее не может. Для этой комбинации места больше нет. Зато есть место, и место н о в о е для последовательно-демократической крестьянской партии. Сумеет ли старое народничество занять это место? Сумеет ли оно из интеллигентской организации с крестьянофильскими симпатиями превратиться в демократическую массовую партию, выкинув за борт интеллигентскую повадку качаться между либерализмом и анархизмом? Всякую исходящую из среды народничества попытку пересмотреть старое мировоззрение с точки зрения создания подобной массовой и последовательно-демократической крестьянской партии должно было бы приветствовать. Под ударами подобного пересмотра должны были бы пасть и реакционный утопизм, и мирно-уживавшаяся с последним постоянная тяга старого народничества к либерализму.

Признаки полного распадения старого народничества заключаются, между прочим, в том, что неизбежная и необходимая самокритика народничества идет совсем по другому руслу. Вместо того, чтобы пересмотреть свой «социализм» и свою «политику» с точки зрения последовательно-демократического реализма, народничество в лице своих авторитетных представителей ведет этот пересмотр с точки зрения... либерализма. (Мы не говорим здесь о имеющем меньшее значение, но все же характерном параллельном «пересмотре» с точки зрения последовательного интеллигентского анархизма.)

Перескочить от социального утопизма и интеллигентского максимализма к либеральной умеренности не значит еще совершить плодотворную работу критического исследования прошлых ошибок. Это значит—только к старым ошибкам прибавить новые, пожалуй, горшие и показать свою полную неспособность действительно подойти к новому решению старых задач.

Наши указания на процесс либеральной самоликвидации народничества в статьях Чернова и Вечева, на их уклон «от демократизма к либерализму», вызвали ответ «Заветов», имевший сомнительное счастье понравиться демократам... из «Русской Мысли» «Запросов Жизни».

Это счастье, однако, не случайно. «Заветы» прибегли к странному приему обсуждения принципиальных вопросов.

Они сочли за благо обойти почти все существенные пункты нашего разбора выступлений Чернова и Вечева. (Пример: об отношении народников к либералам, об их оценке кадетов в лице Муромцева, чему я посвятил центральное место моего разбора,—Вечев не сказал в своем ответе ни одного слова.) Зато Вечев целиком использовал прием, введенный в русскую литературу, если не ошибаюсь, Катковым в его полемике с тогдашними эмигрантами, и с тех пор бывший нераздельной собственностью «Нового Времени», а затем г. Изгоева.

Борьба с ликвидаторством внутри рабочей партии вызвала обширную литературу. К глубокой важности вопросам принципиальным, в этой литературе присоединились вопросы менее важные—организационные, а иногда и совсем неважные, но в известных условиях неизбежные,—личные. Литература эта, по характеру обсуждавшихся в ней принципиальных вопросов, не могла стать достоянием широкой читательской массы [1].

---

[1]) Ибо выпускалась нелегально, главным образом за границей. В статье речь идет о том, что Чернов использовал в легальной литературе мою не-

Что же делает Чернов?

В легальной литературе, ни слова не говоря о принципиальных пунктах полемики, он собирает букет «пикантных» словечек из полемической литературы и преподносит их неосведомленному читателю, указывая на себя, как на образец благонравия и благоприличия.

Подобное использование недоступной читателю литературы. есть, вероятно, новое «подтверждение» верности Чернова «тем старым, славным литературным заветам, которые вменяли в нравственный долг литератору известную щепетильность»... Чернов специально поклялся верности этим заветам в первой же книжке журнала. И подтвердил их: сначала помещение романа г. Ропшина, затем катковско-изгоевскими приемами полемики. Эти последние уже были названы в литературе «пакостническими». Я к этому ничего добавить не имею и не хочу.

Но, послушайте, господа, помещая романы Маркевича, то бишь... Ропшина, которые ваши же бывшие единомышленники по праву назвали «контр-революционной беллетристикой», и прибегая к катковским приемам полемики при обсуждении принципиальных вопросов, чьи «Заветы» вы выполняете?.. Неужто вы думаете, что торжественные клятвы на верность «славным заветам» и пафос «объединения» способны заменить соответствующие дела?

Если я на страницах нашего журнала завел о Чернове речь, то только потому, что в его статьях я увидел «попытку оценки общественного движения последних лет». Это тема,—важнее которой нет для русского публициста, и Чернов знает, что не мнение его о том или другом отдельном событии, а именно общая схема его, общий тон его критического пересмотра всего движения в целом заставили меня заняться его статьями. Русский читатель не только имеет право, но обязан потребовать от всякого ответственного политического деятеля, прежде всего, точной, ясной. недвусмысленной формулировки итогов его размышлений над эпохой 1905 и последующих годов. Такую формулировку Чернов и Вечев поостереглись дать. Но все же из ряда их статей можно было вышелушить этот общий итог их воззрений на эту эпоху. Мы дали себе труд это сделать. В результате перед нами вырисовалась довольно стройная—на свой манер—схема, в которой нашли себе место ответы на все основные вопросы политической жизни страны: и общая характеристика

легальную, вышедшую за границей в 1911 г. книгу „Две партии“, направленную против меньшевиков. Прим. к наст. изд.

движения, и оценка роли различных классов в нем, и характеристики действий революционных партий в их взаимоотношений с правительством и либерализмом.

Что же лучше!.. Беда была только в одном—схема Чернова и Вечева была—и остается—закругленной, логически стройной либеральной схемой. В самом деле, что развивали Чернов и Вечев в своих статьях? Вот что: «Движение 1905—1906 г.г. не было революцией», «своевременность решительных программ»—была «иллюзией», движение со всеми решительными программами и решительной тактикой «скакнуло» слишком далеко; для левых правильной тактикой была не тактика наступления, а «темпоризирование», мудрая постепенность развития. Из этого вытекает для Чернова—по отношению к либеральной тактике соглашений—определенный тактический рецепт: левым надо было посторониться и не мешать кадетам, которых Чернов—в лице Муромцева—считает демократами, вступить в соглашение со старой властью. Всякая другая тактика левых, т.-е. та тактика, которая была реализована в октябрьско-декабрьские дни, объявляется «легкомысленной», «бесплодной», противоречащей здравому смыслу.

Именно этими словами формулировали мы взгляды Чернова, выраженные в его статьях в «Современнике». Исписав в ответ на нашу статью более двух печатных листов и наполнив их пространным докладом читателю о скверном, бранчливом характере автора этих строк, Чернов умудрился не сказать об этом основном нашем обвинении, о том, что предложенная им схема движения—есть либеральная схема—ни одного слова. Это—не достойно демократического публициста. «Взявшись за гуж, не говори, что не дюж»,—взявшись за обсуждение вопросов об октябрьско-декабрьских днях, о роли левых и либералов в революции, не надейся, что удастся подменить обсуждение этих вопросов пышными фразами о пользе «объединения». В своей заметке об ответе Чернова нам г. Изгоев похваляется, что он предсказал неприятность нашего «изобличения» Чернова и Вечева в «капитуляции перед веховской критикой». Что же, для этого не надо быть пророком. Мы не можем остаться равнодушными, когда под демократическим и даже якобы социалистическим соусом демократической аудитории за подписями демократов преподносятся либеральные рассуждения.

Первое звено черновского рассуждения таково: «движение конца 1905 года имело... не смысл революции, хотя бы и неудавшейся, не смысл переворота, хотя бы и недоношенного. Оно

имело смысл колоссального духовного переворота». Мы указали, что это исторически неверно, что для 1905—1906 г.г. нельзя противопоставлять «духовного» переворота революции. Чернов не нашел ничего, чтобы он мог противопоставить нашим воззрениям, но зато он решил определить точнее, в каком смысле он отказывается усматривать революцию в движении 1905—1906 г.г. Революции на его взгляд, это попытки «силой изменить режим и поставить у государственного руля новую общественную силу». Но мы спросим Чернова: ломали?.. Да, ломали. Сломали?..—Нет, не сломали. Но тот, кто стал бы доказывать—в каких бы целях он это ни делал,—что не ломали, исходя из того факта, что в конце концов все же не сломали,—тот совершил бы явную историческую передержку. Дело тут конечно, не в словах, не в названии эпохи, а в том, что, противопоставляя духовный переворот революции, Чернов связывает это положение с целым рядом важнейших выводов. Для эпохи «духовного переворота» не годится, полагает Чернов, тактика революции, а так как в России не было революции (даже «неудавшейся революции»,—добавляет он), а всего лишь духовный переворот, то тактика «левых» не годилась, «решительные программы» были несвоевременны, наступательная тактика диктовалась «иллюзиями» и расчетами на «мнимые величины». Что же было уместно?.. Уместно было левым—годить, а кадетам вступать в соглашение с властью.

По поводу всего этого мы указываем, что исторически вся эта картина—попросту вымышлена, при чем на вымысле лежит явственный след интеллигентского упадка и распада, а что политический смысл ее—в переходе на либеральную точку зрения.

Чтобы вновь подтвердить это на основании новой статьи Чернова, которою он нам якобы возражает, достаточно взять в ней характеристику любого момента движения и посмотреть, что он в данном этапе, в данных формах движения осуждает и что он для этого этапа рекомендует. Возьмем хоть ноябрь.

«Вторая забастовка (ноябрьская, Л. К.),—пишет Чернов,—была вовсе не шагом вперед в смысле развития мер физического давления на существующий строй. И вся атмосфера этой забастовки была совершенно особенная... Меньше всего было атмосферы практического действия, и больше всего партийно-просветительной педагогии». Вывод?..—Вторая забастовка отнюдь не имела «революционного характера» даже в той малой степени, каковую имела забастовка октябрьская. Те, кто придавал ей это значение, питались «иллюзиями». Те, кто сообразно

с этими «иллюзиями»—строил план практической деятельности. кто, исходя из этих «иллюзионистских» представлений вырабатывал свою тактику,—те обнаруживали легкомыслие и беспочвенный оптимизм.

Чернов знает, что «ходить бывает склизко по камешкам иным», поэтому вместо всяких рассуждений со своей стороны по поводу ноября, мы ограничимся цитатой из автора и из «изданий, которых никто не заподозрит в излишних увлечениях» и которые не менее Чернова поработали над разоблачением «иллюзий» и «мнимых величин», между прочим как раз «иллюзий» ноября и «мнимых величин», на которые опирался тот же ноябрь.

Вот что пишет Е. Маевский в умереннейшей истории «Общественного движения в России», изданной ликвидаторами (т. II. стр. 126): «Ноябрьский протест рабочего Петербурга упал на чрезвычайно благодарную почву. Именно в ноябре и, надо полагать, в значительной степени благодаря этому протесту движение в воинских частях приняло широкие размеры... Этот момент—приблизительно середина ноября,—быть может, был самым опасным моментом для старой власти за все время русской революции».

Добавим к этому еще одно. Европейская биржа в это время тоже была—по примеру Совета Рабочих Депутатов—в руках «иллюзионистов». Русская рента, стоявшая в декабре 1904 года—83.80, а после 9-го января—69.90, именно к началу декабря достигла низшей точки своего падения—63,80 и 63.30. Г. Коковцев недавно поведал московской бирже, что именно в этот момент государственные финансы стояли у порога банкротства.

Мы предоставим читателю сравнить эти факты с черновской критикой ноябрьских «иллюзий» и определить то объективное значение, которое в своей обстановке приобретают его тактические советы на поставленные ноябрем вопросы.

Почтенный ликвидатор из марксистов имел больше места и тщательнее обдумал свою тему, чем Чернов. Поэтому он не ограничился простым указанием на «мнимые величины»—по примеру Чернова. Он пытался конкретно указать, в чем заключались «иллюзии» и как не оправдался расчет на «мнимые величины». Чернов просто декретирует: «Села и деревни были «мнимыми величинами», вера в «физический переворот» была иллюзией. Кольцев эту же тему конкретизирует. «В рабочем классе,—пишет он,—начинает усиливаться вера в приближающееся крестьянское восстание. Вера эта питалась успехами трудовиков... демагогическим тоном некоторых лидеров этой груп-

пы». Затем идет, конечно, доказательство легкомысленности, иллюзионизма, легковерия пролетариата.

Разбирая эту статью в другом месте, мы писали: «На странице 277, 2-го выпуска II тома того же издания, где пишет Кольцов, он нашел бы следующий подсчет. Подводя итоги крестьянского (экономического) движения весной и летом 1906 года, Н. Саваренский насчитывает, что оно охватило 215 уездов, или половину уездов всей России, тогда как осеннее движение 1905 г. наблюдалось только в 161, или 37% уездов». Так как же,— спрашивали мы Кольцова и спрашиваем Чернова,—находясь между этими двумя волнами, проявлял ли пролетариат особое легковерие когда полагал, что... его расчет на крестьянство был реальнее всего прочего, реальнее либерального или черновского расчета на соглашение земщины с Витте?

Вот вам конкретный образчик того, какой вид в ликвидаторской черновско-кольцовской пореволюционной публицистике принимает критика «иллюзий». Это—не критика и критика не иллюзий. Это либеральное издевательство над тактикой массового движения 1905—1906 г.г.

«Не было ли в оценке политического положения у действовавших в 1905—1906 г.г. партий ненужных и вредных иллюзий?..»—допрашивает нас Чернов, полагая, видимо, что наличность «иллюзий» уже сама по себе даст ему право на их либеральную критику.

Были... и это, прежде всего, ваши иллюзии, иллюзии не буржуазной революции, иллюзии триединства интеллигенции, рабочего класса и крестьянства, иллюзии веры в либералов, с которыми вы входили в соглашение в 1904 году и которых вы почитаете демократами в 1912 году, иллюзии единоличной борьбы, иллюзии радикальной интеллигентщины, колебавшейся между рабочим движением и либерализмом, между максимализмом и «Союзом Освобождения».

Были... Иллюзии конституционные, либеральные, сводящиеся к вере в возможность соглашения со старой властью, к вере, которую вы поддерживаете до сих пор, пиша о «плодоносности» соглашения либералов с Витте в ноябре 1905 года.

Эти иллюзии были, действительно, слабой стороной движения. Их суть была—в вере в либерализм. Они знаменовали, что широкие народные массы, в первую очередь крестьянство и нерабочая городская демократия, делают лишь первые шаги по пути политического воспитания. Они связывали движение.

Но эти ли иллюзии взялся критиковать Чернов?.. Против них ли ополчился? Нет!

Этих иллюзий он не трогает, ибо сам всецело стоит на их почве. С ним случился обычный казус: обрушившись на то, что на либеральном жаргоне зовется «революционными иллюзиями», он сам попал всецело под власть иллюзий либеральных. Ведь он напал на тактику «левых», диктовавшуюся на его взгляд «революционными иллюзиями», для того, чтобы возвеличить не что иное, как либеральные иллюзии.

Чернов издевается (я стою на этом слове) над тактикой Совета Рабочих Депутатов, над ноябрьской забастовкой, но почему? Потому, что ему она кажется иллюзионистской, а реальной ему представляется точка зрения, которая позволяет ему Муромцева считать демократом, а отказ от соглашения с гражданином Витте «ошибкой», хотя бы и ошибкой кадетской.

Но ягодка еще впереди. Переходя к третьей забастовке, т.-е. к декабрьским дням, наш автор продолжает: «Иное, конечно, дело третья забастовка. Да, она сразу вошла в жизнь, как попытка решительного «прямого действия» с ярко выраженным наступательным характером. Но з а т о она и кончилась полной неудачей» (курсив наш). Это маленькое словечко «з а т о» право стоит иного трактата. Третья забастовка кончилась неудачей з а т о, что имела характер «прямого действия», имела наступательный характер. И вы хотите, чтобы подобную критику мы не считали веховской!..

Вы видите: в ноябрьском движении заслуживает оправдания лишь его просветительно-педагогическая сторона, т.-е.—по терминологии Чернова—та, что носила характер «политического университета», а не политического действия. Декабрьское движение уготовило себе поражение, приняв наступательный характер. Но что же имеет предложить Чернов для ноября—декабря 1905 г., что противопоставляет он тактике «иллюзионистов»?..

Прямой ответ заключается в следующем рассуждении В. Чернова («Современник», кн. IX, стр. 185) о земской депутации к гр. Витте, имевшей место 22 ноября.

Господа либералы колебались. В. Чернов пишет: «я не обвиняю кадетов за то, что они оказались такими щепетильными и сдержанными по отношению к заигрываниям Витте. Я знаю, как много можно сказать против политического флирта с подобным деятелем... но... момент был, в своем роде, единственный. Если когда-либо за истекшее время к а д е т с к а я т а к т и к а м о г л а п р и н е с т и н е к о т о р ы е п л о д ы, то именно в тот момент. Представители земских либеральных кругов могли занять ответственное положение... Момент был упущен»...

Теперь сопоставьте черновскую критику ноябрьско-декабрьских «иллюзий» с черновской критикой ноябрьской «щепетильности» кадетов, и вам будет ясен политический смысл черновских рассуждений.

Так, под видом «смелой» критики революционных иллюзий совершается робкий переход под сень иллюзий либеральных.

Чернов очень обиделся на нас за то, что мы разоблачили смысл его критики «революционных иллюзий», и наговорил по этому поводу совершеннейших пустяков об «экзотерической» и «изотерической» мудрости, о нашей «апологии иллюзий», о том, что мы проповедуем формулу «верь и спасешься», пустяков совершенно к делу не идущих, но уже успевших весьма порадовать г. Изгоева. Все это, конечно, по формуле: «когда о честности высокой говорит»... и так далее.

Но, почтеннейший проповедник морали и политической честности, о чем шла речь? Вы до сих пор, видимо, этого не сообразили и мы позволим себе объяснить вам это подробнее. Были ли в движении 1905 года иллюзии? Были. Подлежат ли они критике? Подлежат. Все, что вы говорите насчет этого— пустейшие общие места, никем никогда не оспаривавшиеся и которые были бы попросту смешны, если бы этими общими местами вы не пытались отговориться от вопроса о том, что же считать «иллюзиями» в этом движении.

Либералы всех оттенков считали до 9-го января «иллюзией» веру в существование активных масс в России (см. «Освобождение» г. Струве), а реальной—шиповщину, в августе они считали «иллюзией» возможность октябрьского движения, а реальной—Булыгинскую Думу, в октябре они считали «иллюзией» то, что двигало «Советом Рабочих Депутатов», а реальным—манифест 17 октября, в декабре они считали «иллюзией» гражданскую войну, а реальной—законодательную работу, в эпоху второй Думы они считали «иллюзией» указания на революционность положения, а реальной—задачу сбережения Думы. Мы сейчас видели, что Вечев—Чернов считают «иллюзионистским» ноябрьско-декабрьское движение, а реальным—возможность соглашения с властью либералов, иллюзионистской всю тактику левых в эти дни, а реальной тактику «гожения».

Начинает ли Чернов понимать?.. Если нет, мы поясним ему и еще.

В после-революционной публицистике критика «революционных иллюзий» стала оболочкой, внешним благовидным прикрытием либеральной критики движения. Всякий, кто присмотрится

к соответствующей литературе, должен будет признать, что это так, что никакой другой критики этих «иллюзий» нам не было дано. Доказательство? Несколько томов того же «Общественного движения в России XX в.», где темы о «революционных иллюзиях», «мнимых величинах», легкомысленности тактики левых после 17 октября разработаны до педантизма всесторонне и во всех возможных разветвлениях. Пусть не думает Чернов, что его рассуждения после «Вех» и «Общественного движения» удивили нас своей новизной или оригинальностью. Нет, его рассуждения об «иллюзиях» для нас лишь отражение веховщины, лишь новое проявление процесса ликвидации демократических заветов в известных группах нашей интеллигенции. Для справедливости надо добавить, что до критики «щепетильности» либералов в меньшевистском «Общественном Движении» еще не доходили. Но этот вывод—логичен, в этом нельзя отказать Чернову.

В конце концов те «иллюзии», в которых грешны левые перед Черновым, сводятся к двум пунктам: к тому, во-первых, что левые верили, что события в России есть переворот не только духовный, к тому, во-вторых, что они применяли в этом перевороте не тактику «гожения», а тактику «прямого действия». Мы защищаем эти «иллюзии». За это Чернов обвиняет нас, естественно, в «апологии иллюзий». Но не точнее ли было бы в данном случае поставить вместо слова «иллюзии» другое слово [1])...

Чернов усиленно старается не понять, в чем суть вопроса об «иллюзиях» конца 1905 г. Ему все кажется, что мы защищаем его собственные былые иллюзии. Вот что называется «нашим же добром, да нам же челом». В конце 1905 года борьба за демократию была реальностью, а не «иллюзией», а иллюзией было представление о том, что эта борьба не демократическая, а социалистическая, иллюзией были уравнительное землепользование, социализация. В те времена Чернов с этими действительными иллюзиями не только «мирился», но и активно их проповедывал, а мы разоблачали эти иллюзии, указывали на утопизм народнических представлений. Теперь своей умеренностью Чернов лечится от своих собственных иллюзий, но мы оставляем за собой право находить его лекарство столь же вредным для демократии, как и его былые излишества. В этом смысле мы

[1]) Это „другое слово“, конечно, революция, т.-е следовало сказать не „апология иллюзий“, а „апология революции“. Но сказать это в 1912 г. в легальном журнале „Просвещение“ нельзя было без риска похоронить наш журнал. Приходилось ограничиваться намеками. Прим. к наст. изд.

и писали, что «характерной чертой банкротства народничества служит то, что, эмансипируясь от «социалистически» (на деле: мещански) утопических элементов своего мировоззрения, эс-эры одновременно разрывают и с демократией, от социального утопизма перескакивают к либеральной умеренности». Эти слова мы писали еще в конце прошлого года и нам не надо было «Почина», чтобы их написать: достаточно было статей Чернова—Вечева[1]).

Чтобы покончить с вопросом об «иллюзиях», следовало бы взять еще какой-нибудь конкретный пример с «мнимыми величинами».

Но Чернов скуп на факты: он предпочитает судить об эпохе 1905 г. (которая, прежде всего, нуждается в тщательном изучении) с «птичьего дуазо». Этак-то легче бросаться легкомысленными обвинениями и превыспренними общими местами. Но, как мы уже говорили, тема об «иллюзиях» не личное достояние Чернова. Это—общая тема пореволюционной публицистики, которая, нужно сказать, удивительно однотонна во всех своих нападениях. Пусть Чернов развернет, напр., статью Д. Кольцова во II томе все того же «Общественного Движения».

Чернов с пафосом, поистине ложным, защищает от нас право критики, критическую мысль, свободу критического исследования прошлой тактики, попутно, конечно, обвиняя нас в «упорном консерватизме мысли», в культивировании фикции «личной или фракционной непогрешимости». Все это очень хорошо. Все это свидетельствует о большом благородстве духа и великой смелости мысли самого Чернова, хотя и изложено слишком превыспренним тоном. Чернов не жалеет своего запаса благородных слов, ни своей груди, в которую неустанно бьет кулаками.

Но, несмотря на благородную позу Чернова, стращающего мир нашим желанием «убить критическую мысль», мы все же остаемся при старом мнении, что не всякая «критика»—критика; мы решительно отказываемся признать завоеванием критической мысли демократии, когда Чернов начинает повторять избитые либеральные трафареты о пользе «темпоризирования», о «бесплодности» тактики левых после 17 октября, о «плодоносности» тактики соглашения либералов с властью и прочее.

Почему это «критика», а не капитуляция демократической мысли перед либеральной...

[1]) „Почин"—журнал, который в 1912 г. начала издавать крайняя правая группа эс-эров (Авксентьев, Бунаков, Воронов и др.) Ликвидаторские и либеральные взгляды проводились в этом журнальчике от имени эс-эров еще откровеннее, чем в статьях Чернова. Прим. к наст. изд.

Критика нужна, критика необходима. Но когда гг. Изгоевы «критикуют» тактику кадетской партии ее героического периода,—я оставляю за собой право не восхищаться ни смелостью его мысли, ни его «благородными» завываниями о пользе критики. Я просто отмечаю, что это есть октябристская критика кадетов. Равно, когда Чернов критикует «левых» так, как это делалось в «Современнике» и делается в «Заветах»[1])—я оставляю за собой право остаться глухим к его восхвалениям свободной критической мысли и отметить: это либеральная критика левых. Не говорите красных слов о свободе критики, не бейте себя в перси,—критикуйте, но критикуйте не по либеральному, и ни одному злому марксисту не придет в голову «изобличать» вас в капитуляции пред веховщиной, и ни г. Изгоеву, ни г-же Кусковой не придет в голову цитировать вас, как образчик «движения мысли» в демократической среде. «Движения мысли», радующие гг. Изгоевых, не обладают свойством внушать нам почтение. Да, в этом смысле, перед этим «движением»—мы «упорные консерваторы мысли». Чернов, воспользовавшись этим нашим признанием, может написать трактат в защиту свободы мысли и против фракционной кружковщины, убивающей ее, но—поведаю ему по секрету,—это будет вторичным уклонением его от критического обсуждения им же выдвинутой публицистической платформы.

«Капитуляция перед веховщиной» имела для нас и другой смысл. Где психологические истоки черновских рассуждений? Откуда вышел тот толчок, который развернул их клубок, придал им то, а не другое направление? Последняя статья Чернова

---

[1]) Нужно сказать, что вообще лозунг „свобода критики“ оказывает большие услуги почтенный ред. „Заветов“. После того, как он призван был освятить черновскую либеральную критику движения 1905-го года, он ныне (см. „Ответ редакции“ в № 8) выдвинут в защиту контр-революционной беллетристики г. Ропшина. Законный протест друзей вызвал со стороны редакции ответ, который лучше всего свидетельствует, что руководители журнала совершенно потеряли способность различать между свободным обсуждением вопросов движения и продуктами идейного разложения. Памфлет г. Ропшина есть именно продукт подобного разложения, ведущего—через карикатуру на движение—к антисоциальному реакционному мистицизму. О романе г. Ропшина мы поговорим в след. книге „Просвещения“ подробно. Покуда заметим, что как бы ни был „критичен“ роман Ропшина, это критика уже с „той стороны баррикад“. И никакое почтение к „свободе критической мысли“ не обязывает еще — хвала богам!—нас к продуктам политического и психического банкротства Ропшиных относиться, как к вкладу в идейный багаж демократии, а не как к элементам, противодействующим ее идейному и политическому возрождению. (Обещанная здесь статья о Ропшине перепечатана ниже.)

дает на этот вопрос совершенно недвусмысленный ответ, по ясности своей превосходящий его признания в «Современнике».

Тот—пишет Чернов — кто весь смысл этого периода усматривает в прямой попытке силой изменить режим и поставить у государственного руля новую общественную силу, не может прийти к иному заключению, кроме как к тому, что мы остались „у разбитого корыта"... Тот же, кто видит главный смысл тогдашнего момента в огромном духовном сдвиге, может подвести лишь самые утешительные итоги. Но мы как раз и доказывали, что рассматривать события 1905—1906 г.г. как неудавшуюся физическую революцию, невозможно: что события эти можно и должно рассматривать лишь как вполне удавшуюся предварительную фазу.

Нельзя быть откровеннее и... беспомощнее. Читатель видит, что главное для Чернова—это прийти к «утешительным» выводам. И вот эта-то жажда «утешительных» выводов и заставляет Чернова строить свой силлогизм. Взгляд на события 1905—1906 г.г., как на революцию,—приводит к выводам неутешительным, взгляд на эти события, как на «духовный переворот», и только, дает выводы «утешительные»,—думает он. А потому: «рассматривать события 1905—1906 г.г., как неудавшуюся революцию, невозможно: события эти... должно рассматривать, как духовный сдвиг».

Признаться, я не знаю более яркого образчика свободного обращения с историческими фактами в целях улучшения собственного самочувствия. Как-то Г. В. Плеханов назвал религию, изобретенную А. Луначарским, душегрейкой для интеллигентских душ, не вынесших ударов 1905—1906 г.г. Историческая концепция Чернова относится к продуктам того же рода. Интеллигентская аудитория нашего народника жаждет «утешения», и ее вождь немедленно подносит ей утешительные свои рецепты: стоит-де посмотреть на события 1905—1906 г.г. не с точки зрения «зародившихся в ее буре иллюзией», не с точки зрения ломки», и утешительные выводы готовы. Так как Чернов нуждается в популярном разъяснении того, что называется отсутствием критической мысли, то пусть он вчитается в рассуждения... Чернова. Для нас и эта жажда «утешения» и сами «утешительные» микстуры, приготовленные по рецепту Луначарского ли, Чернова ли,—одинаково лишь продукты интеллигентского распада, яркие образчики неспособности посмотреть прямо в глаза действительности.

Демократии не нужны «утешительные» выводы Черновых, покупаемые ценой извращения действительного характера исторических событий. Демократия может посмотреть прямо в глаза правде и сказать: да, это была неудавшаяся (вернее, незавер-

щения) домка, без того, чтобы немедленно впасть в Katzenjammer и искать дешевого утешения: давайте же рассматривать те события не как ломку, а как духовный переворот: легче будет.

«Утешение» демократии не в этом, а в том, что она может констатировать громадную массу разбуженных к политической жизни сил. Какому-нибудь Энгельгарду с его максималистскими чаяниями этого мало, и Чернов весьма справедливо указывает. что его «разочарование» было лишь обратной стороной его максималистского утопизма [1].

Но многим ли отличается от него сам-то Чернов, перескочивший прямиком от своей былой «левизны» (чего уж был «левый») к концепции «духовного переворота» и упрекам кадетам за их «щепетильность» в деле соглашения с гр. Витте.

«Ю. Каменев,—пишет Чернов,—все возмущается тем, что мы допускаем «умаление титула Великой Русской Революции». Нет, не этим, а тем, что вы измеряете эти события «очарованиями» и «разочарованиями» интеллигенции, что вы подходите к ним с либеральным аршином в руках, что ради сохранения своего доброго самочувствия вы извращаете характер действовавших на исторической арене сил. Тем, наконец, что при обсуждении этих событий вы стали на одну плоскость в «Вехами».

Правда, «Вех» Черновы не поняли: они увидели в них наименее важную сторону: критику интеллигенции. Но увидев в «Вехах» только это, они изо всех сил бросились защищать эту интеллигенцию от ударов либералов. Занятие никчемное. Интеллигенция, как общественная группа, более всякой другой заслужила критическое к себе отношение. Она обнаружила больше всего расслабленности, неустойчивости, неумения ориентироваться, неспособности итти до конца в демократичности... Возьмите петербургскую прессу в эпоху расцвета и в ней наиболее интеллигентский орган—«Товарищ». Вот вам типичный образчик шатаний и тяги к либерализму передовой интеллигенции. Мы, конечно, не говорим здесь о тех интеллигентах, которые

---

[1] Небезызвестный публицист Энгельгард в эпоху первой революции 1905—1907 г.г. выступил (под псевдонимом Е. Тагин) с рядом брошюр, обосновывавших тактику немедленного социалистического переворота по народническому рецепту. Брошюры его послужили чем то вроде теоретического обоснования для небольшой группки „эс-эров—максималистов", главным проявлением деятельности которых был ряд экспроприаций и неудавшихся покушений. В эпоху контр-революции Энгельгард выступил с развязной статьей, в которой обругал за свои несбывшиеся фантазии русский трудящийся народ „фефелой" и затем скрылся с политической арены. Прим. к наст. изд.

силу свою почерпали в том, что вошли в массовое дело, войдя в **народные** партии.

Черновы взяли всерьез обвинения «Вех» против интеллигенции и принялись ее защищать, можно сказать, не щадя себя.

«Энгельгард судил народ, веховцы стали учинять суд над интеллигенцией»,—пишет Чернов.—Это совершеннейшие пустяки. За что «судил» (неправедным судом) народ г. Энгельгард, обидившийся за свой максимализм? За то, что, выражаясь словами Чернова,—народ «вел себя не по-вулкански». За что судили интеллигенцию веховцы? За то, что она содействовала «вулканским действиям народа[1]). Как же можно ставить на одну доску эти два суда? Но что до этого Чернову? Он, ведь, подлинный рыцарь интеллигентщины и защищает ее всеми возможными и невозможными аргументами.

«Неужели Каменев,—пишет Вечев,—не видит даже того, что в относительном ничтожестве этих «кучек» (кучек организованных левых. Л. К.) и в ненадежности стихийных проявлений—главное оправдание этих кучек перед чрезмерно строгими судьями, которые готовы казнить интеллигенцию за «позорный провал» всего движения».

Увы, должен сознаться, что я, действительно, не вижу «**даже этого**». не «вижу» ни главного черновского оправдания перед веховцами, ни вообще никакого оправдания перед ними. Но я вижу очень хорошо, что Чернов-то подыскивает оправдание для себя перед «строгими судьями» из «Вех». И, в конце концов, не все ли равно, где он находит это оправдание,—в «ничтожестве» ли левых, «ненадежности ли стихийных проявлений» в «иллюзиях» ли, или в чем-либо другом.

Важно то, что задача «защищать» интеллигенцию перед «Вехами», найти для нее оправдание и утешение водит рукой Чернова-Вечева, диктует ему его схемы, подсовывает ему либеральные рассуждения, застилает в его глазах все остальное.

Не имели ли мы полного основания охарактеризовать позицию Чернова-Вечева, как «самооправдание перед веховской критикой»? Не подтвердило ли его якобы возражение нам правильности нашего диагноза?

Подлинная демократия не может ставить вопрос о 1905—1906 г.г. с точки зрения необходимости найти утешение для обанкротившихся утопистов народничества и романтиков максимализма. Для нее незачем искать оправдания перед «стро-

[1]) Надо сказать: содействовала плоховато и потому не так виновата перед „Вехами“, как им это с перепугу кажется.

гими судьями» из «Вех». Это не судьи, а прокуроры, хотя еще и не правительственные. Их приговору демократия противопоставляет не смиренную просьбу Чернова: «не судите нас с точки зрения зародившихся в буре иллюзий», а горькую правду того, что иллюзиями были призраки конституционного решения русских вопросов, законодательной работы, кадетского министерства; единственно же плодоносной, единственно реальной была тактика, кажущаяся основанной на иллюзиях Чернову, Кольцову, Милюкову.

Чернову кажется убийственным следующий аргумент: «Тот, кто весь смысл этого периода усматривает в прямой попытке силой изменить режим и поставить у государственного руля новую общественную силу, не может притти к иному заключению, кроме как к тому, что мы остались у «разбитого корыта». Это рассуждение действительно убийственно... но только для Чернова-Вечева, как и для всего бойкотистского народничества. Оно целиком вскрывает психологические корни его бесплодия, его полной отброшенности от жизни. Движение разбито, следовательно, мы у старого «разбитого корыта». Ничего не изменилось. Бойкот новых форм жизни, бойкот выборов и Думы, бойкот легальной работы—естественное следствие этого хода мысли.

Рабочая партия рассуждает не так. Неудача, незавершенность движения для нее отнюдь не обозначает возвращения к «разбитому корыту». Движение разбито: оно ломало, но не сломало; но именно потому, что оно было, условия для дальнейшего движения создались новые, старые задачи требуют новых способов решения, старые цели—новых методов работы. Рабочая партия умеет совместить полную преданность старым целям, полное признание старых путей с работой в новых условиях. Растерявшееся же народничество не может выбиться из этого, кажущегося ему порочным, круга. Покуда оно держится точки зрения конца 1905 года, оно никак не может пробить себе дороги к новым методам работы. Когда в головы его представителей заползает мысль об этих новых методах, эта мысль покупается ценой отказа от «иллюзий» 1905 года, ценой перехода на либеральную точку зрения. Вот это-то противоречие и нашло себе полное выражение в статьях Чернова-Вечева, еще ранее того, как «Почин» собственными, можно сказать, боками иллюстрировал одну сторону этой дилеммы.

На этом мы могли бы закончить свою беседу с читателем о новейшей эволюции народничества, или, по крайней мере, некоторых его вождей.

Но нам нельзя не отметить в данном случае одной частности. Вечев очень разобижен тем, что, споря с ним, мы не просто говорим: «мы с вами не согласны», а пытаемся еще охарактеризовать общественно-политический смысл его выступлений и рассуждений. При этом нам, естественно, приходится характеризовать последние то как утопизм, то как шатание в сторону либерализма и т. д. Правильны ли наши оценки? На этот счет наши с Черновым мнения, конечно, расходятся. Где же искать ответа на этот вопрос? В общественном учете тех или других выступлений, в том, как они воспринимаются в окружающей среде, как они регистрируются сознанием тех или других групп, направлений, партий и т. д. И вот в качестве симптомов этого «учета» выступлений Чернова-Вечева мы позволим себе констатировать, что статья Чернова против «Просвещения» произвела большое впечатление... в редакциях двух журналов: «Русской Мысли» и «Запросов Жизни». В последнем из них (№ 30 за 1912 г.), выступая против большевиков, сочувственно цитирует Вечева г-жа Кускова. В «Русской Мысли» приветствует Вечева г. Изгоев. «В последних статьях В. Чернова и Я. Вечева (в № 2 «Заветов»),—пишет г. Изгоев,—много нестерпимого фразерства, общих мест и цитат «по Михайловскому». Но в них есть и «движение мысли», стремление признать старые ошибки, чтобы их впредь не делать. Это уже действительный «пересмотр», которого нельзя не приветствовать... Каменев напал на него за отказ от «революционных иллюзий»... Г. Вечев правильно разоблачает моральную и политическую несостоятельность этого учения... Большевистская демагогия нам глубоко противна, и мы всецело сочувствуем демократическому негодованию г. Вечева». Так пишет Изгоев.

Быть может «нападение» со стороны «Просвещения» и приветствия со стороны «Русской Мысли» наведут Вечева на полезные размышления о том, что наше нападение не было подсказано дурным характером, и что наша характеристика его рассуждений, как либеральных, не была плодом нашего воображения или полемического жаргона.

«Камень», который, как рассказывает Чернов, он бросил в «тихие заводи нашей журналистики», был, как видим, сейчас же подхвачен в надлежащим образом направлен... в революцию. И нам не надо было пророческого дара, чтобы загодя определить кривую полета этого «камня».

P. S. Моя статья давно уже была отправлена в редакцию «Просвещения», когда мне удалось ознакомиться со статьей

Л. Мартова, вызванной разбираемой статьей Я. Вечева[1]). По существу политических соображений В. Чернова, Л. Мартов пишет вот что: «Очень левый В. Чернов изложил—в виде исключения—очень «ликвидаторские» мысли о тактике левых партий во время событий 1905—1907 г.г.... В. Чернов писал сущую правду и местами излагал ее очень убедительно...» Привожу этот отзыв Л. Мартова,—несомненного авторитета в вопросах ликвидаторства—не только для того, чтобы дать возможность В. Чернову ознакомиться со всей гаммой оценок его выступления в русской журналистике—от г. Изгоева до Л. Мартова,—но и для того, чтобы помочь ему, наконец, усвоить тот факт, что в выступлении «Просвещения» против Чернова-Вечева повинна не наша любовь к полемике, а наша нелюбовь к ликвидаторству, в какой бы форме последнее ни выражалось.

---

[1]) См. Л. Мартов. Письмо в редакцию „Наша Заря", № 7—8.

О РОМАНЕ РОПШИНА-САВИНКОВА [1]).

Роман Ропшина: «То, чего не было» по заслугам вызвал общественное мнение,—«по заслугам», впрочем, не относится к художественным достоинствам произведения. Если судить роман Ропшина с этой, т.-е. художественной, точки зрения, то интерес, им возбуждаемый, следовало бы приравнять к интересу, возбуждаемому кинематографической лентой, посвященной какому-нибудь затрогивающему любопытство зрителей сюжету. Цусима, неудачное военное восстание, таинственное заседание комитета террористической партии, восстание в Москве, террористическое покушение, экспроприация, убийство провокатора, самоубийство максималистки,—все это мелькает одно за другим, возбуждая в читателе отнюдь не художественные образы, а лишь поддразнивая его любопытство воспоминаниями о недавних и всем известных фактах. Читаешь о Глебове, Эпштейне, Берге,—думаешь и интересуешься «Медведем», «Мортимером», Азефом [2]). Свой кинематограф Ропшин наладил недурно: он старался по-

---

[1]) „Просвещение“, 1913 г., № 4 (апрель). Под псевдонимом Ропшина Борис Савинков напечатал два романа из жизни революционеров: „Конь бледный“ в 1909 г. в кадетской „Русской Мысли“ и „То, чего не было“ в 1912 г. в эс-эровском журнале „Заветы“. Уже первый из этих романов Савинкова, написанный под явным влиянием реакционно-мистических настроений, в частности под влиянием кружка Мережковского - Гипиус, вскрывал явно чуждую трудящимся массам психологию интеллигентов-террористов из эс-эровской партии. Роман „То, чего не было“, охватывавший более широкий круг явлений революционной борьбы, обладал уже всеми чертами типичной контр-революционной беллетристики. Напечатание его в эс-эровском журнале, редактором которого был Чернов, вызвало протест даже некоторых групп эс-эров во главе с М. А. Натансоном. Чернов, конечно, защищал Савинкова. Роман вызвал порядочный шум и большое удовлетворение среди реакционно-мистически настроенной интеллигенции.

[2]) „Медведь“—революционная кличка организатора „Союза с.-р. максималистов“ Соколова, организатора ряда экспроприаций, террористических покушений в 1906 г. Казненный в том же году „Мортимер“,—кличка максималиста Рысса, запутавшегося в сетях охранки, с которой вошел в сношения.

дражать действительным произведениям искусства. Для всех ясно, что Ропшин во время своей работы усиленно справлялся с Л. Толстым. Справляясь с Толстым, Ропшин добился многого: его лента не рябит, внешние события описаны четко и ясно. Но говорить о художественных достоинствах романа Ропшина не приходится. Интерес к его произведению возбужден не яркостью созданных им образов, не значительностью и глубиною положенной в основу романа мысли, а исключительно и только тем, что Ропшин под заглавием: «То, чего не было» пытается изобразить то, что было и что не может не возбуждать интереса в каждом читающем русском (да, пожалуй, и не русском) человеке.

В основу «Того, чего не было» положено то, что было в промежуток между 1905 и 1907—1908 годами. Как же описывает автор эти события, каков т о н, взятый им для воссоздания того фона, на котором он ставит свои «моральные проблемы»?..

Над судьбами отдельного человека, группы, народа, властвует предопределение. Ничто ни от кого не зависит. Стремиться понять что-либо в ходе движения, предвосхитить его исход—бесполезно и нелепо. Слова, решения, поступки,—бессильны. Жалкий разум человека—игрушка в руках стихий, и наиболее беспомощны как раз те, что подходят к движению с меркой разума...

Как создалась в таком-то полку почва для недовольства?..—«Причины его были слепы». Как недовольство переходило в бунтарское настроение?... Неизвестно. Будет ли бунт?.. «Никто не знал, когда это будет, и никто не мог бы сказать, что для этого нужно сделать». Почему восстание не удалось? Это можно чувствовать, но рационального ответа быть не может.

Если нельзя понять хода и исхода движения в данном конкретном случае, то еще нелепее пытаться уразуметь его в общенародном масштабе.

Хотя и Арсений Иванович, и Болотов, и Ваня, и Сережа, и Давид, и все бесчисленные товарищи, ожидали каждый день революции, верили в ее неотвратимую близость и надеялись на ее обновляющую победу, они не поняли, что их желания сбылись, и что революция уже совершается... И жандармы, и сыщики, и чиновники, и министры, хотя и боялись ее, хотя и чувствовали приближение, но не могли верить ей, не могли верить, что то небывалое, что происходит на их глазах, и есть та страшная революция, которую они тщетно старались предотвратить... Наяву совершился сказочный сон. Воцарилось сонное царство. Как это произошло—никто не знал и никто не сумел бы объяснить...

Революция—«сонное царство», царство сна. Те, кто пытается разгадывать сны,—знахари. Так рисует автор.

Происходит восстание в Москве.

Болотов воочию увидел, что в Москве совершается что-то торжественно-важное, необычайно решительное, что-то такое, что не зависит ни от его ни от чьей бы то ни было отдельной воли. Он увидел, что не власть партии и не его, Болотова, власть всколыхнула многолюдную, богатую, деловую и мирную Москву, и петербургские заседания (комитета революционной партии. *Л. К.*) показались ему жалкими и смешными. Он пытался понять и не мог, какая же именно скрытая сила движет всеми теми людьми, которые в Лефортове и в Кожевниках, на Миусах и на Арбате одновременно начали строить баррикады, одновременно решились умереть и убить.

В этом «царстве сна», где никто понять ничего не может, где господствует недоступная человеческому разуму некая высшая воля, «жалким и смешным» должно казаться не то или другое «заседание», не та или другая «директива», не то или другое направление мысли, а вся деятельность людей, пытающихся внести организацию в смутно-движущийся хаос, всякая попытка воздействовать на ход событий, всякое стремление рационально уяснить себе смысл революции.

Мы не говорим, чтобы Ропшин проповедывал в своем романе какую-либо обдуманную в этом направлении теорию. Мы говорим лишь о том, как воспринял Ропшин и его герой Болотов—в этом пункте они друг от друга неотделимы—описываемые в романе события. Дело не столько в том, какие мысли по поводу этих событий высказывает Ропшин, сколько в том, как они отразились на всем его душевном строе. А отразились они в его сознании так, как в сознании дикаря отражается игра сил природы. Как дикарь, повергающийся ниц перед тропической грозой, так и Ропшин—раб непонятной для него стихии исторических событий. Он ими подавлен и раздавлен.

Человек, оказавшийся в таком положении, не только не может анализировать совершающихся над ним событий, но ему и в голову не придет даже мысль о самой важности какого бы то ни было разумного понимания господствующей над ним стихии...

Особенно ясно сказывается это настроение Ропшина и Болотова—они опять-таки и в этом пункте неотделимы друг от друга—в той иронии,—желающей быть глубокой и язвительной,—с которой они относятся к деятельности партий. Ею проникнут весь роман, и это настроение недостаточно иллюстрировать отдельными цитатами. Несколько отрывков намекнут нам, однако, с чем мы здесь имеем дело.

Происходит заседание комитета. Автор поясняет:

И сейчас же, в накуренной, душной комнате, они перешли к делу, т.-е. заговорили о том, следует или нет начинать восстание. Они говорили в уверенности, что от их разговоров зависит судьба двух тысяч солдат, что две тысячи человек по их первому слову пожертвуют самым ценным, что у них есть—жизнью и начнут делать то, что наиболее противно людям,—начнут убивать людей... Они забывали, что никто над чужой жизнью не властен... И седому Арсению Ивановичу, и доктору Бергу, и измученной Вере Андреевне, и самому Болотову казалось естественным и законным, что товарищ Давид, близкий всего десятку солдат, приезжает от имени всего полка спросить у них, неизвестных, когда именно нужно всему полку начать убивать и умирать...

Если добавить к этому,—а это видно из дальнейшего рассказа,—что Давид приезжал совсем не за этим, и что у членов комитета отнюдь не было уверенности в том, что «по их первому слову две тысячи человек пожертвуют жизнью»,—то смысл данного выше описания, пожалуй, будет совсем ясен.

А вот как автору рисуется внутрипартийная жизнь:

Три направления боролись между собою, и борьба эта была источником озлобленных споров. Одни, изучив крестьянский и рабочий вопрос и хозяйственные отношения России, требовали социализации земли. Другие, опираясь на те же ученые книги, требовали социализации фабрик и заводов. Третьи, прочитав еще десяток томов, не требовали ни того, ни другого, а соглашались на принудительный выкуп земель. И „умеренным“, и „правым“, и „левым“, и комитету, и партии, и Арсению Ивановичу, и доктору Бергу, и Вере Андреевне разногласия эти казались решающими и важными... Они искренно верили, что партийные разговоры, как разделить по совести землю и распорядиться судьбою России, умножат силу и ускорят шествие революции и определят будущее стомиллионной страны. И тот съезд, который с неисчислимыми затратами, опасностью и трудом созывала партия, в ряду других „государственных“ дел, должен был разрешить и всероссийскую земельную тяжбу. Это было похоже на то, как если бы люди, плывущие в бурю на корабле, бросив руль, опустив паруса и погасив сторожевые огни,—забывая о тяжкой участи утлого корабля,—начали буйно спорить о том, в какую именно гавань направить бег, когда утихнет ветер и успокоятся волны. Но никто из товарищей не понимал бесплодности безрассудных раздоров, и все с надеждой и нетерпением ожидали исторического события—общепартийного съезда.

Так рассуждает автор. Так же рассуждает и неотделимый от него Болотов. Присутствуя на съезде и, видимо, подслушав мысли Ропшина, Болотов

увидел, что „депутаты“, молодые и старые, „боевики“ и „массовые работники“, умеренные и крайние, делают то же, что всю свою жизнь делал он, и что теперь казалось ошибочным и ненужным... И он не мог признать полноценным их труд... Слушая страстные речи Геннадия Геннадиевича, холодные рассуждения доктора Берга, слезные жалобы Веры Андреевны, он уже твердо, без колебаний знал, что разговоры эти—глухая дорога. Он уже знал, что товарищи будут спорить либо о справедливом, но им недоступном устроении России, либо о ничтожных хозяй-

ственных мелочах. Он уже знал, что от этих шумных дебатов, речей и голосований расцветет партия и не увенчается революция. Он уж знал, что никакой с'езд не скажет, что такое убийство, что никакой съезд не посмеет признать, что он не властен руководить всероссийским восстанием.

Массы неустойчивы, чужды и непонятны; движение их хаотично и не поддается определению; искать в историческом движении разрешения каких бы то ни было вопросов и в особенности—вопросов «моральных» поэтому бесплодно и нелепо и даже лицемерно.

Партия—лицемерные ширмы, за которыми очень удобно даже недалеким людям прятать свою дрянность и свою моральную омертвелость. В них привольно живется лишь «генералам», да «революционным канцеляристам», кассирам Залкиндам, да еще до поры до времени провокаторам Бергам, кстати сказать—по странной «иронии» автора—умнейшему человеку в комитете. Да еще Аркадию Розенштерну сухой рационализм—соответственно подчеркнутый приказчичьей наружностью — позволяет уживаться в этой лицемерной западне.

Только с этого момента, с момента освобождения себя от социальных связей с каким-либо коллективом—с борющейся массой или с партией,—и начинается у Ропшина то, что некоторые критики безо всякого к тому основания приняли за основную «роковую», «моральную проблему» всякой общественности, особенно революционной. На деле «проблема Ропшина»—это не проблема революционного насилия или вообще революционного действия уже потому, что она дана как раз в тех условиях, в которых не может ставиться подобная проблема.

Болотов не думал о насилии, убийстве, войне,—до тех пор, пока ему не показалось, что на войне убит его брат. Он думал, что «именно он, Андрей Болотов, и в его лице комитет, и в лице комитета вся партия управляет всероссийской революцией—и только после восстания убедился, что «нельзя управлять революцией». Только на баррикадах догадался он, что «братоубийственная, неистовая война» в Москве «не Володей объявлена». Только побывавши на партийном съезде он познал, что «никакой съезд не скажет, что такое убийство»!.. В каких же идейных захолустьях воспитывался этот человек, которого нам стараются представить «вождем» сильной и активной партии, искренним и чутким революционером?!. Хорош вождь!.. Хороша партия, выдвинувшая его,—по желанию Ропшина—в вожди!.. Хорош, наконец, Ропшин, поручивший именно Болотову решать некоторые основные вопросы движения. Ведь

это же все равно, как если бы решение сложных алгебраических задач было поручено человеку, не знакомому с первыми четырьмя действиями арифметики!..

Конечно, нельзя не радоваться, когда у подобного человека пробуждается,—наконец-то!—интерес к алгебре... и сложным вопросам движения.

Но—надо же это сказать,—все, что мы знаем о духовной жизни и умственной работе Болотова до того момента, когда он проявил интерес к этим вопросам, говорит за то, что никакого добра из его попытки—по-своему решить эти вопросы—не выйдет, не может выйти.

Существует весьма понятное и естественное правило, по которому для того, чтобы вскрыть какие-либо органические свойства какого-либо явления, надо брать последнее в его наиболее чистом виде. Ропшин не последовал этому хорошему правилу: в тех описаниях, которые мы привели выше, он не удержался от каррикатуры и тем обеспечил, конечно, все свое построение. Он окаррикатурил и самого носителя «проблемы», ищущего на партийном съезде разрешения вопроса: «что такое убийство?»—и то историческое движение, которое породило самое проблему. Каррикатурные черты, лишая построение Ропшина всякой убедительности, зато очень ярко подчеркивают его—и Болотова—действительное отношение к тому факту, который лежит в основе всей «проблемы»,—к попыткам людей организованно воздействовать на историческую стихию.

Придя по поводу этих попыток к тем мыслям, к которым пришел Болотов, остается одно только: уйти от всякой революционной и даже шире—общественной деятельности.

Все без исключения, писавшие о разбираемом романе, пришли к единогласному выводу, что автор его порабощен фаталистической «философией истории» Льва Толстого. Но Толстой совершенно логично от этой «философии истории» пришел к идеалу и морали «самосовершенствования».

Болотов, будь он хоть немного более умен и последователен, должен был бы притти к тем же выводам, должен был бы замкнуться в скорлупу «самосовершенствования». Но это не входило в планы автора. Посему, будучи уже духовно мертвым. Болотов—в виде «живого трупа»—продолжает бродить по страницам и—что хуже—среди революционеров. А автор и не замечает, что от его героя за десять верст несет тлением и разложением. Наоборот, он усиленно старается убедить нас, что то—не тлен и разложение, а аромат расцветающей к новой.

полной и углубленной жизни души человеческой. Болотов—нищий, а нам стараются представить его носителем существенных «моральных проблем», важных для всех сторон общественного действия. Автор, видимо, и не догадывается, что «проблема» Болотова есть не проблема революции, как он это пытается представить, а проблема человека, уже порвавшего со всякой революционной средой. Фигура Болотова остается образом человека, раздавленного революцией, «размагниченного» интеллигента пореволюционной эпохи, открытого всем дуновениям реакционных идейных влияний.

Для аэроплана, чтобы он мог держаться в воздухе, нужны поддерживающие поверхности. Для того, чтобы могла быть решена проблема революционного, насильственного действия, т.-е. действия, направленного к сверхличному благу, должен быть дан какой-либо сверхличный коллектив.

Этот коллектив—в том или другом виде—дан обоим революционерам, противопоставленным Болотову и по мысли автора находящимся на неизмеримо низшей ступени морального и политического развития, чем Болотов.

Розенштерн, как мы уже сказали,—сухой рационалист; его речи о терроре производят на Болотова впечатление «очень благоразумных», но не приемлемых для его разбуженной совести. Володя Глебов—романтик, мечтающий о том, как зажженные его дружиной дворянские усадьбы напомнят «им» о «Степане Тимофеевиче». Но у того и другого—в виде романтически ли представляемого народа или в виде узко-практически понимаемых интересов данной партии—есть коллектив,в свете интересов которого они решают проблемы, мучащие Болотова. Один решает их реалистически, чуть ли не со счетами в руках, взвешивая место террора в общей системе действий партии и торгуясь с охранником за нужные ему сведения о провокаторе. Другой решает их романтически, по методу: «не трусь, не трусь и еще раз не трусь. Вот вам и вся наука».

С их решениями можно (даже должно) не согласиться; но и у того, и у другого есть зерно истины в руках.

Совсем не то «чуткий», «проснувшийся» Болотов. Он потерял «поддерживающие поверхности» и неизбежно должен падать все ниже и ниже.

Болотов, сообщает нам автор, «знал» многое из того, чего не знали ни Розенштерн, ни Володя. Оставим Розенштерна. Он и Болотов говорят на разных языках. Но вот Володя... К нему неприменимы те упреки, которые Болотов обращает против

большинства своих товарищей упреки в том, что «они не знают. что такое кровь», что они лишь говорят о смерти, сами «не бросая ей вызова». За каждую каплю пролитой им крови Володя готов непосредственно в каждом данном случае заплатить своей. И решение Володи не удовлетворяет Болотва. «Он увидел, что Володя тоже не понимает смерти, тоже не чувствует неразделимо-тяжкой ответственности, тоже по-своему пытается руководить революцией». Почему же Болотов не удовлетворен ответом Володи? Почему жизнь и смерть Володи кажутся ему столь же мало «полновластными», как и «труд» его товарищей по партии, не знающих, «что такое убийство» и не бросающих «вызова смерти»?

Потому, что гибель свою Володя подчиняет интересам сверхличным, интересам того дела, которому он служит, подчиняет интересам жизни. Потому, что для Володи, его собственная гибель входит в круг того, что на жаргоне Ропшина называется «руководить революцией». Именно эта неразрывная в сознании Володи связь между его личной смертью и торжеством жизни заставляет Болотова сказать, что «Володя не понимает смерти».

Володя не ищет смерти, но готов к ней во имя того, что он считает торжеством жизни. Для Болотова же жизнь потеряла всякую цену, он ищет именно смерти, и потому смерть приобрела для него самостоятельную ценность, которую может только понизить какое бы то ни было подчинение ее интересам развивающейся жизни. Поэтому он отвергает не только путь своих «разговаривающих» товарищей, но и путь отдающего свою жизнь Володи.

Для Болотова, оторвавшегося от массы—и не только от массы, а от всякого понимания исторического движения,—порвавшего с партией—и не только с данной партией, а со всякой способностью встать в ряды какого-либо организованного коллектива,—для него не остается никакого другого пути, кроме пути смерти. Автор усиленно старается убедить нас в том, что Болотов что-то «познал», познал нечто такое, что недоступно ограниченному уму и затвердевшей совести его былых товарищей. Но Болотов познал лишь одно: необходимость своей смерти. Необходимость ее для кого? Лишь и исключительно для себя.

Это естественно.

Если историческое движение масс—хаос, равнодушно отталкивающий всякую попытку воздействовать на него, если при этих условиях—всякая организация, созданная в этих противо-

естественных целях, становится неизбежно клубом лицемеров и простачков,—тогда для искреннего и порядочного человека, не желающего путаться в грязи существующего, путь один — смертью своей засвидетельствовать свою чистоту и свой протест. Не вижу исхода, не приемлю мира сего—и посему умираю.

Самозаклание на алтаре неведомого бога есть только заключительный вывод из полного разочарования в движении масс, полного банкротства оторвавшейся от судеб движения личности, крайний вывод из разрыва между «героем» и «толпой».

Болотов отрицает право на борьбу, право на жизнь. Он утверждает одно: смерть и жертву. Ибо, с точки зрения Болотова, только жертва есть единственно допустимая форма борьбы и протеста против данной формы жизни. Не борьба, а жертва,—вот что «познал» Болотов. Не борьбу, а жертвенную смерть—вот что он проповедует, как исход из нестерпимых условий жизни.

Ропшин не видит этого вырождения былого революционера. Наоборот, процесс вырождения кажется ему возрождением, возрождением от партийной узости, от рационалистической сухости, от кружкового шаблона—к истинно-человеческой широте духа, к разбуженной совести!

Беда Ропшина именно в том, что процесс вырождения он рисует теми чертами, которые были бы уместны лишь при описании возрождения человека. В этом та основная фальшь, которая лишает роман Ропшина в целом всякого художественного значения

Есть ли в этой психологии, психологии жертвы, что-либо революционное? Нет. И сколько бы ни убеждали нас Ропшин или его защитники, умудрившиеся найти в его героях некую «мистическую революционность»[1],—мы видим ясно, что Болотов обнищал, обнищал импульсами борьбы, увидел искупление жизни—в жертве, стал искателем смерти. Не только в психологии Болотва нет ничего революционного, но, наоборот, по мере выветривания у него революционных ценностей, ценностей, характеризующих борца и человека—победителя стихий, все яснее происходит их замещение ценностями мистического порядка, элементами психологии раба и идущей на заклание жертвы. Ступив с пути борца на путь искания смерти, Болотов все больше и больше убеждается в том, что смерть—жертва, которой он ищет, не может иметь никакого «посюстороннего»

[1]) „Мистическую революционность“ нашел в романе Ропшина В. Чернов.

смысла и значения. Он должен, поэтому, все больше склоняться к той мысли, что она имеет некий сверхземный, мистический смысл и значение. Отвергнув «суд» земной, суд истории, он апеллирует к «высшему, неложному суду», который и говорит ему то, что он же этому суду подсказал: «ты обязан погибнуть». Во всем этом нет уже не только сознания борца, но даже простой человеческой гордости.

Вот как описывает автор важнейший и решающий момент в духовной эволюции Болотова.

Ему стало ясно, что он не только обязан погибнуть, но и не властен, не в силах жить. Ему стало ясно, что та кровь, которая струилась на баррикадах кровь Скедельского, Проньки, Романа Александровича, кровь Слезкина и драгунского офицера, кровь тех безыменных солдат, которых Ваня взорвал своей отомщающей бомбой,—требует не скудной, не бережливой, а вдохновенной и просветленной жертвы. Ему стало ясно, что, отвечая перед комитетом, перед партией, даже перед Россией, он в праве жить... Но если есть высший, неложный суд, суд не Арсения Ивановича, не доктора Берга, не партийного съезда, если есть несказанная, молитвенная ответственность, то он—слуга революции—может и должен отдать народу себя, свою бессмертную жизнь. И как только ему это стало ясно, он почувствовал благоговейный восторг, точно с плеч свалилось еще одно, тягчайшее, бремя, точно обрел спасительную свободу... Я знаю, что делать. Я не могу и не в праве жить... Если есть на земле правда, если в жизни не все—неразумие и ложь, то призрак истины, тень справедливости в моей, свободно избранной смерти.

От непонимания исторических движений, через скептицизм по отношению к организованному воздействию на историческую стихию, к мистической философии индивидуальной жертвы, перед лицом «неложного суда»—таков путь героя Ропшина. И, конечно, в этом и приговор ему. Розенштерн неправ: точка зрения Болотова—не точка зрения тех, кого побеждают. Это—точка зрения уже побежденных.

Что же есть в романе Ропшина?.. Извращение характера революции, представленного, как некий хаос, колеблемый сменяющимися ветрами. Каррикатура на деятельность партий—не какой-либо определенной партии,—а партий вообще, как организаций по существу нелепых, жалких и смешных. Описание вырождения революционера—скажем откровенно: плохого и не очень умного революционера, каким был Болотов до своего «переворота»,—как процесс его возрождения, описание выветривания революционной психологии и заполнения ее мистическими настроениями,—как расширения и углубления личности.

Эта картина могла создаться только под давлением реакционной атмосферы. Переоценка ценностей, которая производится в романе Ропшина, ведется им с точки зрения, ничего общего

не имеющей с точки зрения возрождающейся к борьбе революции, и находится в прямом противоречии с процессом совершающегося восстановления психологии борьбы.

Это и дало мне повод сказать в предпоследней книжке «Просвещения»[1], что критика Ропшина есть критика «с той стороны баррикад». Этот характер произведения Ропшина не мог укрыться от читающей публики. Наши реакционеры его приветствовали. Демократические элементы поспешили от него отгородиться. Г. Изгоев поспешил заявить, что «роман Ропшина представляет в лучших своих местах лишь ряд иллюстраций к «Вехам». Это правда. Литературный обозреватель «Русских Ведомостей», характеризуя проникающие роман «идеи», пишет: «Эти идеи, приложенные к революционной деятельности, должны делать последнюю ненужной и нелепой в глазах самих ее участников»[2].

Это, опять-таки,—печальная правда. И, я думаю, весьма скоро нам придется узнать, что ропшинский роман пошел в фундамент той религиозной Вавилонской башни, которую с таким усердием строит г. Мережковский.

А жаль... Описать те видоизменения и перерождения, которые претерпевает психология и идеология активной личности, оторвавшейся от массы и не умеющей считаться с законами ее движения,—благодарная задача. Художник, взявшийся за нее и ее решивший, дал бы очень ценный материал для понимания недавних событий и не мало посодействовал бы настоятельно необходимому пересмотру эс-эровских «заветов», давно ликвидированных на Западе, но еще державшихся у нас в среде «активных личностей».

Мы видели, что, помимо воли автора, и Володя Глебов, и Болотов дали все же кое-что для решения вопроса о том, как не надо понимать отношения между массой и личностью. Они, опять-таки против воли автора, иллюстрировали, к чему ведет та теоритическая путаница, которая царствует в их головах[3].

---

[1]) См. предшествующую статью, стр. 219.

[2]) Савинков - Ропшин этот вывод и сделал. От революционной борьбы с царизмом он фактически отказался, а с 1914 г. стал не только военным корреспондентом кадетских изданий, но и защитником империалистских целей войны царской России. „Психология борьбы“ вернулась к нему только тогда, когда власть в России перешла от царизма к рабочим и крестьянам. Контрреволюционные авантюры Савинкова на службе Нуланса и Пилсудского всем еще памятны. Прим. к наст. изд.

[3]) На это обстоятельство следовало бы обратить внимание тем, кто—совершенно естественно—счел нужным протестовать против появления произведения

Но для того, чтобы поставленная выше задача была решена, надо, чтобы сам художник подошел к ней с совсем, совсем другой точки зрения, чем та, на которой стоит Ропшин. Рукой автора «Того, чего не было» руководило чувство разочарования и внутреннее ощущение банкротства. Тот художник, который правильно поставил бы вопросы, извращенные Ропшиным, должен был бы верить в движение масс и быть недоступным для мистических настроений.

Ропшина на стр. „Заветов“. Обратив внимание на теоретическую путаницу героев Ропшина, они, правда, должны были бы выйти за пределы чисто формального протеста, но зато значительно повысили бы общественное значение своего выступления.

ОШИБКИ БОЛЬШЕВИКОВ.

Партия большевиков, конечно, не могла совершенно избежать разлагающего влияния крушения первой революции и торжества Столыпинской контр-революции. Основное ядро большевиков во главе с Лениным быстро ориентировалось в новой обстановке, созданной государственным переворотом 3 июня 1907 г., и, встав на чисто классовую пролетарскую позицию, нашло правильный критерий для оценки совершавшихся событий. Однако далеко не все большевики, единым фронтом и без каких бы то ни было значительных разногласий выступавшие в 1904—1907 годах, смогли так же быстро и определенно наметить свою позицию.

В довольно значительной группе большевиков занятая товарищем Лениным немедленно после выяснившегося крушения первой революции позиция собирания революционных сил пролетариата и использования для этого всех легальных возможностей, в том числе и трибуны Государственной Думы, показалась отступлением от подлинно-революционной политики.

Сказалась „детская болезнь левизны"...

Разногласия начались по поводу участия в выборах в III-ю Государственную Думу.

На июльской (1907 г.) конференции, которая должна была решить вопрос об участии нашей партии в этих выборах, тов. Ленин один из большевиков голосовал за участие, в то время как все остальные делегаты - большевики голосовали против участия. Противником участия в Государственной Думе был в то время и я, и на мою долю выпало написать тот единственный литературный документ, который обосновывал с большевистской точки зрения тактику бойкота III-й Думы в виде ответа на государственный переворот контр-революции. Этот документ был напечатан под заголовком „За бойкот" вместе со статьей Ленина под заголовком „Против бойкота" в одной общей брошюре, вышедшей как раз к моменту конференции. Я перепечатываю его ниже именно в качестве политического документа, характеризующего начало разногласий между Лениным и группой „левых большевиков". Моя статья отражает тот ход мыслей и ту аргументацию, которые неизбежно повторяются в аналогичные моменты „левыми" коммунистами для защиты бойкота, и потому, думается, может пригодиться для сопоставления ошибок большевиков в 1907 г. и некоторых коммунистов в 1919—1920 г.г.

Что касается меня лично, то уже к концу года я признал ошибочность этой позиции и целиком примкнул к той платформе революционной работы, которую выдвинул и проводил в течение всей эпохи контр-революции тов. Ленин.

Но разногласия получили дальнейшее развитие, когда в результате Столыпинской политики руководящие элементы большевистской партии оказались в эмиграции за границей. Бывшие бойкотисты образовали тогда особую фракцию, именовавшуюся впоследствии „впередовцами", по имени издававшегося ими журнальчика „Вперед".

Тут сошлись „отзовисты" (они требовали отзыва социал-демократической фракции из Государственной Думы) и „ультиматисты" (эти настаивали на предъявлении социал-демократической фракции Государственной Думы ультиматума с требованием проявить себя более „революционно", и если бы ультиматум был отклонен—фракцию следовало отозвать) с рядом „боевистских" элементов, примкнувших к большевикам в период героической борьбы и с трудом ориентировавшихся в условиях наступившего контр-революционного затишья.

Во главе всей этой группы, гордо называвшей себя „левыми большевиками", „истинно-революционными" большевиками и т. п., стояли тогда: Г. Алексинский (ныне врангелевец), А. Богданов, А. Луначарский, М. Лядов, Ст. Вольский и др.

В июне 1909 г. наш Центральный Комитет (именовавшийся тогда расширенной редакцией „Пролетария" или Большевистским Центром) дал политическую характеристику всей этой группы в следующих словах:

„К нашей партии в ходе буржуазно-демократической революции примкнул ряд элементов, привлеченных не чисто пролетарской ее программой, а преимущественно ее яркой и энергичной борьбой за демократию, и принявших революционно-демократические лозунги пролетарской партии вне их связи со всей борьбой социалистического пролетариата в ее целом.

„Такие недостаточно проникшиеся пролетарской точкой зрения элементы оказались и в рядах нашей фракции. На почве безвременья эти элементы выказывают все больше свою недостаточную с.-д. выдержанность и, становясь во все более резкое противоречие с основами революционно-социал-демократической тактики, создают за последний год течение, пытающееся оформить теорию отзовизма и ультиматизма, а на деле лишь возводящее в принцип и усугубляющее ложное представление о с.-д. парламентаризме и думской с.-д. работе. Эти попытки создать из отзовистского настроения целую систему отзовистской политики приводят к теории, которая по существу выражает идеологию политического индифферентизма, с одной стороны, и анархических блужданий—с другой... В виду всего этого расширенная редакция „Пролетария" заявляет, что большевизм, как определенное течение в Р. С.-Д. Р. П., ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом, и что большевистская фракция должна вести самую решительную борьбу с этими уклонениями от пути революционного марксизма".

За принятием этой резолюции на этом же совещании в июне 1909 произошел и организационный разрыв: А. Богданов был исключен из состава „Большевистского Центра", ряд его политических друзей последовал за ним.

Борьба этой группы против позиции Ленина особенно обострилась после того, как во имя борьбы с ликвидаторами-меньшевиками с нашей группой стал сотрудничать Г. В. Плеханов, поместивший в редактировавшихся нами изданиях ряд резких статей против Потресова, Мартынова и других меньшевиков. Борьба между „левыми большевиками" и нами нашла себе отражение в ниже перепечатанной моей статье: „Об отзовизме, его родословии и его теории".

Политическая борьба „впередовцев" против „поправевшего" Ленина и его группы осложнилась еще одним обстоятельством. Накануне революции 1905 г., уже после раскола партии на большевиков и меньшевиков, к большевикам примкнула группа литераторов, ведшая в то время в легальных журналах реши-

тельную идейную борьбу против буржуазного идеализма. Эта группа примкнувших к большевикам литераторов состояла из А. А. Богданова, А. В. Луначарского В. А. Базарова и др. Примкнувши к большевикам, эта группа сохранила однако своеобразные взгляды в области философии. В эпоху революционной борьбы 1905—1907 годов партии было не до философии и примкнувшие к Ленину литераторы, целиком захваченные практической революционной работой в рядах нашей партии, уделяли меньше всего времени на пропаганду своих своеобразных философских теорий.

В эпоху контр-революции у партии оказалось больше досуга для внимания к основным вопросам марксизма. В то же время Богданов, Луначарский, Базаров, отчасти примкнувший к ним Ст. Вольский, начали в ряде сборников и статей („Очерки по философии марксизма" Богданова, Луначарского, Базарова и других книга „Религия и социализм" Луначарского; „Эмпириомонизм" Богданова) систематически излагать свои философские взгляды, глубоко расходившиеся с философскими взглядами Маркса и Энгельса.

Положение, занятое в то время Богдановым, Луначарским, Базаровым в нашей партии, создавало явную опасность, что излагавшиеся ими философские взгляды будут приняты за взгляды самой партии. Между тем,—как всегда в эпохи упадка революции,—в России обострился поход против материалистических взглядов марксизма, поднялась волна религиозных исканий. Интересы революции и классовой борьбы пролетариата требовали как широкой идейной борьбы с буржуазным походом против основ марксизма, так и резкого размежевания с тем извращением материализма и марксизма, который широко проповедывался в легальной литературе Богдановым, Базаровым, Луначарским, Вольским и другими. Тов. Ленин, который еще во времена близкого политического сотрудничества с Богдановым решительно высказывался против его извращений марксизма, открыл наступление своей книгой: „Материализм и эмпириокритицизм". Борьба с Лениным и его группой объединила проповедников новых философских взглядов: Богданова, Луначарского, Вольского и их сторонников (эмпириомонистов—богдановцев и „богостроителей"—сторонников Луначарского) с отзовистами и ультиматистами (сторонниками Алексинского, Лядова и других). Все они оказались в одной политической группе „левых большевиков".

Эта комбинация была, конечно, совершенно неустойчивой, и естественно распалась, при чем некоторые члены этой группы, как Алексинский и Ст. Вольский, стали подлинными и злобными врагами пролетарской революции, другие, как Богданов, заняв политически нейтральную позицию, продолжали свою проповедь антимарксистской идеологии и, наконец, третьи, как А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и др., стали преданными работниками Октябрьской революции. Но в эпоху контр-революции нашей группе пришлось вести с этим „левым большевизмом" как в области политической, так и в области философской, решительную борьбу. Ниже напечатанные статьи: „Не по дороге", „Религия против социализма", „Луначарский против Маркса", „Один из учеников ренегатов марксизма", первоначально появившиеся в нашем нелегальном органе „Пролетарий", который выходил тогда за границей под редакцией Ленина, Зиновьева и моей, служат отражением этой борьбы.

Что касается Богданова, то извращения марксизма в области философии скоро привели его к отступлению от марксизма и во всех других областях науки об обществе и к извращению экономического учения Маркса. Для характеристики этих извращений Богдановым Маркса я перепечатываю также свою рецензию на одну из книжек Богданова. Рецензия написана в 1913 г. по согла-

шению с товарищем Лениным специально для предупреждения русских рабочих от излишнего доверия к Богдановским популяризациям Маркса.

Думается, что предупреждения против философских, политико-экономических и политических ошибок Богданова и его друзей в эпоху 1908—1913 годов окажутся небесполезными и теперь.

ЗА БОЙКОТ [1]).

Я полагаю, что с.-д. партии невыгодно, а потому и не нужно участвовать во всей той полицейской процедуре, которая называется «избранием» народных представителей в III Гос. Думу. Наоборот, есть, по-моему, достаточное количество данных, говорящих за то, что наилучшим способом использовать период избирательной кампании будет тактика «бойкота» Гос. Думы. С этим словом, которое довольно часто стало повторяться в наших рядах после роспуска II Гос. Думы, связана масса недоразумений, которые затрудняют выработку наших ближайших шагов и от которых надо отделаться раньше, чем перейти к защите нового «бойкота» в новой обстановке.

Первым таким недоразумением является попытка поставить на одну доску тот бойкот, о котором говорится сейчас, в 1907 году, с тем бойкотом, который был осуществлен в 1905 г., и который проводился в 1906 году. Мы заранее согласны, что бойкот 1907 г. будет так же мало похож на бойкот 1905 года, как октябрь-декабрь 1905 г. на июнь-июль 1907 г., и заранее отстраняем всякие попытки отвергнуть бойкот сейчас потому, что он не внушает больше тех надежд, которые внушал полтора года назад. Тогда, говорят нам старые бойкотисты, бойкот имел за себя революционную ситуацию и потому приобретал громадное значение прямого отказа революционного народа принять ту арену дальнейшей борьбы (или соглашения), которую предлагал царизм. Да, скажем мы, но если теперь бойкот не имеет такого громадного значения, не раскрывает таких грандиозных перспектив, не может опираться на восходящую тенденцию революции в таком же размере, то здесь виноват не бойкот, как тактическая линия, а достаточно обнаружившееся для данного момента бессилие революции. На базе этого состояния революции всякая тактика, между прочим, и развитие революции кажется мне безнадежной схоластикой. Бу-

---

[1]) Впервые напечатана в подпольной брошюре: „Н. Ленин и Юрий К-ев. За и против бойкота“ в июне 1907 г. совместно со статьей Ленина „Против бойкота“ (перепечатана в VIII томе Собр. сочинений).

дем ли использовать Думу так или иначе—это совершенно не решает вопроса о том, как смотрим мы на дальнейшее развитие революции, хотя, конечно, естественно, что безотрадный взгляд на ее ближайшее будущее почти обязывает заявить себя анти-бойкотистом; но зато анти-бойкотизм сам по себе совершенно не свидетельствует об этом безотрадном взгляде.

Итак, оставляя в стороне всякие сравнения старого и нового бойкота, как неимеющие никакой цены для решения нашего очередного вопроса, не связывая анти-бойкотизма с упадочным настроением, а бойкотизма с «барабанщиками революции», я перехожу к рассмотрению аргументов «за бойкот».

Обычнейшими аргументами против бойкота являются указания на «элементарность» этой тактики и на то, что выборная кампания позволит партии выйти из того паралитического состояния, в которое она брошена переворотом 3-го июня.

Нет сомнения, что бойкотистское «настроение» часто чрезвычайно элементарно и, в известных слоях населения, отражает скорее пассивность и безнадежность, чем сознательный политический расчет и сознание силы. Это так. Но не менее ясно и то, что готовность участвовать в выборах отражает сравнительно для гораздо бо́льших слоев населения еще бо́льшую элементарность и еще бо́льшую пассивность. Избирательная кампания в III Думу при неверии в нее, при явной невозможности провести своих кандидатов—для демократии не может не явиться своего рода полицейской повинностью. Готовность к исполнению этой повинности—отражает гораздо бо́льшую пассивность, чем протест против нее; с другой стороны, этот протест (бойкот) хранит в себе гораздо больше революционных возможностей. Но только деятельность политических партий, и, прежде всего, с.-демократии, сможет сделать и из выборов, и из бойкота широкую политическую кампанию. Вставши на точку зрения бойкота, употребив сюда всю ту энергию, силу, политический расчет, которые должны быть затрачены на самую процедуру безнадежных выборов, партия легко добьется, что акт отказа от участия в этой процедуре будет наполнен широким, обобщающим содержанием и станет лучшим способом концентрировать революционную энергию масс. Для широкой политической кампании с.-демократии, бойкот, как отправная точка, пригоднее лозунга участия в выборной процедуре. В этом же и наш ответ тем товарищам, которые идут на выборы, ибо «больше делать нечего». В этом стремлении ухватиться за выборы сказывается та же психология, которая привела уже некоторых товарищей к «рабочему съезду», как к средству за-

нять пролетариат, вызвать пролетариат на активность, подсунуть ему какое-нибудь «дело». Разница только в том, что «рабочий съезд» пришлось выдумать самим, а выборы и выборная процедура подарены нам каким-нибудь дворянским съездом. Но с.-демократия не может ни «выдумать» занятия для пролетариата, ни браться за какое-нибудь дело на том основании, что больше будто бы делать нечего, а это как ни как будет политическим делом. Ее задача заключается лишь в том, чтобы в целом ряде точек приложения пролетарской энергии выбрать такую, которая яснее всего формулировала бы общие задачи пролетариата в данный момент и его поступательное движение вперед. Этой точкой является для данного момента бойкот. Он требует от партии, если смотреть на него, как смотрим мы, ничуть не меньше сил и энергии, чем участие в выборах, и в то же время он формулирует, что касается пролетарских слоев населения, прежде всего их действительное отношение к Думе, высказывает «то, что есть». А как важно, чтобы пролетариат делом показал «то, что есть» в ответ на переворот 3-го июня, об этом не может быть спора.

Итак, бойкот, т.-е. использование всего периода избирательной агитации при отказе от участия в избирательной процедуре скорее, чем выборы, может послужить отправной точкой широкой политической кампании, при чем в этой кампании будут совершенно отсутствовать элементы политиканства, без которых не обойтись при кампании в пользу выборов «народных представителей». Нервом этой кампании станет стремление более сознательных и революционных классов и элементов населения увлечь за собой менее сознательные и менее революционные на путь протеста против переворота 3-го июня и против тех путей, которыми хочет вести страну правительство и буржуазия октябристско-кадетского типа. Надо упереться, надо не поддаться на удочку правительства, желающего втянуть всех (вспомните ту характерную черту нового избирательного закона, что ни один избиратель во II Думу не лишен и теперь избирательного бюллетеня, цена коему—в конце концов—грош) в избирательную процедуру, надо не исполнить полицейского приказа итти к урнам, чтобы создать угодную, неизбежно-угодную правительству Думу, надо теперь уже отказаться положить хотя бы один камень в постройку гг. Столыпина и Крыжановского [1]), надо готовить народ к борьбе с Думой,—вот то, что прежде всего скажет бойкот, что надо сказать бойкотом.

[1]) Крыжановский—помощник Столыпина, автор избирательного закона в III Гос. Думу.

Но нам говорят: крестьяне не пойдут на бойкот,—это будет жалкая демонстрация изолированного пролетариата. Но, во-первых, мы сейчас при бойкоте можем рассчитывать на гораздо более широкие массы, чем в сентябре 1905 г. и феврале 1906 г. Вся та масса, которая учла урок I и II Думы, должна будет оказаться под знаменем неверия, недоверия к III Думе и, если в ней сохранилась хоть бы та сила, которая нужна для отказа от исполнения приказа урядника—выбирай,—то это неверие и недоверие не может вылиться ни во что иное, кроме бойкота. А, во-вторых если бы сила инерции, пассивности и погнала бы к урнам ту или другую группу демократии, то единственной задачей ее сознательных слоев было бы стать между этим инертным потоком и урнами для того, чтобы попытаться направить его в другую сторону. Заранее же предсказывать, что эти слои в этой задаче останутся изолированными, значит, предрешать вопрос о том, что масса демократии изолировалась от революции, и во имя этого самим итти за **этой** деморатией. Социал-демократия не может этого сделать хотя бы потому, что она—организация рабочего класса, который по самому своему положению в данный момент не может отказаться от знамени революции. **Не верить** в поддержку демократии, а потому сейчас, теперь отказываться призвать ее на поддержку—самая худшая тактика. Мы уверены, наоборот, что энергичный призыв пролетариата к протесту встретит широкий отклик в тех слоях, которым после урока дифференциального исчисления, данного первыми двумя Думами, не нужен урок по первым четырем действиям арифметики, который сможет дать III Дума. В самом деле. Не входя здесь в подробности, можно сказать, что объективной задачей, стоящей перед III Думой, будет ли она октябристской или октябристско-кадетской, является осуществление того, что так удачно названо Лениным—«серьезным» конституционализмом господ Гучковых [1]). Эта попытка дуумвирата Столыпин-Гучков закрепить в России режим «серьезного конституционализма» должна будет встретиться снизу с попыткой не дать в руки этого дуумвирата плодов революционной борьбы и революционным же путем их расширить. Это будет решительная схватка двух путей дальнейшего развития России, и здесь неизбежно пролетариат и Дума окажутся на двух

[1]) На днях Меньшиков пояснил это очень удачно, определив свои надежды на III-ю Думу, как установление хозяйничанья Собакевичей. „Собакевичевский конституционализм"—это очень, очень хороший перевод конституционализма г.г. Гучковых.

противоположных полюсах. Уже сейчас должны быть выяснены широким массам эти перспективы и сейчас же должна вестись пролетариатом работа в том направлении, чтобы к моменту этой схватки широкие массы демократии не колебались между двумя врагами, а определенно стали на его позицию. С появлением на горизонте III Думы наша постоянная задача, борьба с либерально-монархической буржуазией из-за гегемонии над крестьянством, подчеркивается еще сильнее. Революционизирование демократии, отрыв ее от кадетской гегемонии—есть для данного момента вопрос о том, будут ли у пролетариата сотрудники в борьбе против самодержавного правительства и октябристской, правительственной Думы. И вот, прежде всего: Дума покуда существует лишь в ряде бумажных параграфов; наполнить их жизнью, т.-е. осуществить, созвать Думу должна избирательная кампания и выборная процедура. Создавать Думу, как реальный факт, как реальную силу будут все те партии, которые примут участие в этой процедуре, все те граждане, которые будут осуществлять свои «права». Создавать Думу будем и мы, если мы станем на почву выборов. От этого не отговоришься никакими словесными заговорами. А потому, если мы хотим действительно готовить и готовиться к народной борьбе с Думой, не к давлению на Думу, нет, а к борьбе народа с правительственной Думой, то нет для нас другой позиции, как теперь же отказаться от участия в постройке Думы, этого объекта, одного из многих, народной борьбы и ненависти. С другой стороны, тот отрыв демократии от кадетизма, то революционизирование демократии, которое есть залог дальнейшей борьбы и воскресения революции, может произойти одним из двух методов: или противопоставление рабочей партии—кадетской будет происходить на общей почве признания выборов и, таким образом, будет ограничиваться для избирателя выбором между двумя именами, двумя бюллетенями; или это противопоставление будет итти по двум действительным тактическим линиям. Или мы будем говорить: выбирайте представителя рабочей партии, а не кадетской потому, что мы делали то-то и будем делать так-то; или мы скажем: делайте, сейчас, теперь, вы сами так-то, и каждый будет видеть, что то, на что мы зовем, принципиально отличается от дела правительства и от дела кадетизма. Провести водораздел между нами и соглашательской буржуазией по линии раздела двух тактик сегодняшнего дня, завоевать себе сочувствие демократии на почве подобного раздела—я согласен: это труднее, чем убедить подать те или другие группы населения свои голоса за нашего кандидата.

Но, я полагаю, политические результаты рекомендуемого мною метода в десятки раз превосходят результаты той тактики которая тянет массу демократии на нелепые, фальсифицированные выборы, чтобы там, на этой узкой и ограниченной арене, состязаться с прирожденными апологетами именно этой арены— с конституционными партиями буржуазии. Да, при данных условиях с.-демократия заслужила бы всеобщее признание и благодарность. если бы ей удалось помочь и правительству и кадетам втянуть стоящие за ней массы в эту процедуру обмана и оболванивания народа. Мы не могли бы доставить большего удовольствия правительственным дельцам и либеральным болтунам, как вступив на ту покатую плоскость, которую они нам предлагают. Кадеты совсем не боятся конкуренции наших списков, раз мы пойдем на выборы, но они очень боятся того, что мы не пойдем на выборы, и конкуренция наша заключалась бы в том, чтобы заранее подрывать доверие к этой Думе и увлечь за собой колеблющиеся массы демократии на почву борьбы с теми, кто эту Думу заложил и кто будет ее строить. Милюков знал, что говорил, когда писал мирнообновленцу Трубецкому: «Я предпочитаю социалистов в палате социалистам на улице», особенно в т а к о й палате, как III Дума, и особенно в таких условиях, как после государственного переворота— мог он добавить. Оставим надежды г. Милюкова на то, что «серьезному конституционализму» легче будет справиться с «социалистами в палате»; но он не совсем не прав, если думает. что и в избирательной кампании социалисты, идущие на выборы, гораздо более желательный элемент, чем социалисты, на эту о б щ у ю почву с кадетами не идущие. Ибо г. Милюков сообразил уже, что позиция с.-демократов, зовущих массы выбирать в Ш Гос. Думу, не может не быть противоречивой. Что можем мы сказать избирателю? Мы расскажем ему о смысле переворота 3-го июня, о бессилии Думы и думской борьбы, покажем ему наглядно, что выборы—комедия, результат которой—октябризм на пьедестале более или менее широких выборов, что кандидат демократии не может пройти в Думу, ибо в 53-х губерниях заведомое большинство обеспечено помещикам и крупным цензовикам, что напрасны надежды на то, что Дума или часть ее может выполнить какие-либо «организационно-агитационно-пропагандистские» задачи, что из Думы можно что-либо организовать и т. д., и т. д., и после этого позовем его выбирать! После этого попытаемся противопоставить нашу тактику—тактике кадетов, тактике с.-р. Это будет смешно. Если Дума

действительно то, что вы нам говорите, скажет избиратель, то все тактики в этих пределах бесплодны и одинаково нехороши— и он будет прав. Я с с наслаждением послушал бы, как, критикуя Думу и призывая в нее выбирать безо всяких надежд на возможность обратить ее хотя бы отчасти в орудие революции, с.-демократ будет пытаться отделиться от кадета и, главное, показать массе на своих действиях сегодняшнего дня принципиальное различие между собой и кадетом в области думской политики. Противоречие и неудача в этом случае будет не виной того или другого оратора или политика, а противоречием и бесплодностью самой позиции. Жизнь сильнее слов, и слова будут смешны, когда ими будут пытаться отделаться от неизбежных последствий занятой позиции. Милюков мог сказать, что социалисты, попавшие в противоречивое положение, ему милее всех прочих, и если он еще этого не сказал, то он скажет это на первом же избирательном собрании. Но основным противоречием будет противоречие между нашей тактикой и теми демократическими слоями, которые поперек нашей дороги поставят свое бойкотистское настроение. Посмотрите газеты, поговорите с рабочими, обратитесь к партийной хронике и вы увидите, что это настроение—не миф. Перед вами будет стоять задача: заполнить ли это настроение широким политическим содержанием или ломать его, приурочивая свою тактику не к этим слоям страны и нашей партии, а к тем группам, которые пойдут исполнять новую повинность, как исполняют много других. Вы не сможете сказать этим бойкотистам даже того, из-за чего, собственно, необходимы выборы [1]). Другим, еще более серьезным противоречием партийной жизни, если мы пойдем на выборы, будет неизбежная концентрация внимания и партии, и идущих за партией слоев населения на работе около Думы, как на чем-то положительном. На совершенно бесплодной, не хранящей в себе ни одного зерна пролетарского развития арене выборов перед нами, неизбежно, развернется, блистая всеми цветами радуги, вся та «парламентская» игра, которую с большим основанием, с большими надеждами, на более широкой политической арене проделали мы перед II Думой. Парламентские комбинации перед III Думой, после переворота, в ответ на переворот,—это насмешка над задачами и ролью пролетариата и его партии. Посмотрите: пролетариат еще не успел

1) Как не умеют это сказать опубликованные недавно проекты избирательной платформы Р. С.-Д. Р. П.

обдумать, какую позицию он займет по отношению к выборам и Думе, а Л. Мартов на стр. «Товарища» уже делает политику. уже говорят о соглашениях, уже распределяют места, уже Е. Смирнов мечтает о единой, не дробящей сил оппозиции в Думе и т. д., и т. д. И тут вина позиции: взявшись за выборы, надо делать их рачительно, тщательно взвешивая, и надо внушить и себе и другим, что это важно, что это чревато последствиями и хранит в себе революционные возможности. В конце концов, встав на этот путь, нельзя не сделать из этого средоточия партийной жизни и внимания. Направит ли сюда свое внимание и пролетариат—мы сомневаемся, но что для верхов партии то будет средством излить свою энергию,—в этом сомневаться нельзя, и мы почти уверены, что это будет той политикой, которая проходит в стороне от масс: втянуть массу во все перипетии выборной процедуры и выборных волнений нам не удавалось и раньше, подавно не удастся теперь. Ради чего же будет делаться эта политика? Нам говорят,—всегда полезно иметь 6—10 человек даже в Ш Думе, а затем—надо же использовать... Насчет «использования» я полагаю, что всякое использование—палка о двух концах: мы хотим и должны использовать уступки старого мира, но старый мир, в свою очередь, делает уступки, чтобы нас использовать. И все бойкотисты согласны, что то, что, действительно, представляет наше завоевание, уступку нам—собрания, печать, в той дозе, в которой это будет существовать в период избирательной кампании,—должно быть полностью и целиком использовано с.-демократией. Но сама выборная процедура, та «уступка», которая заключается в том, что обыватель может «тайно» бросить в урну бюллетень, который ничего решительно не определяет, как может быть она использована? Я уже говорил выше, что для правительства, для октябризма, для кадетов чрезвычайно важно, чтобы мы «использовали» эту процедуру, т.-е. важно, чтобы массы занялись этой бирюлькой, а с.-демократы это занятие поощряли; но для нас должно быть ясно, что сами выборы, от которых устранена масса, никакого значения не имеют и могут быть «использованы» лишь для того, чтобы протянуть всеми силами под градом разъяснений, указов, арестов и пр. 6—10 делегатов в Думу. Уже предшествующие соображения показали. что это будет партии стоить дороже той пользы, которую они принесут. Но кроме того, роль наших депутатов в Думе будет поистине странная роль. Мне пришлось слышать, что на одном районном собрании меньшевик защищал участие в выборах

тем, что эта Дума будет чрезвычайно важной позицией для нападений на правительство. Раньше,—говорил он,—силы оппозиции дробились, теперь октябристы заставят всех, от кадетов и до большевиков, держаться вместе. Если он видел в этом залог побед [1]), то, надо сказать, он напрасно называет себя с.-д., но поскольку здесь есть предсказание,—оно опирается на объективную тенденцию. Дума может состоять на половину из октябристов и правее, на половину из кадетов и левее. Вопросы будут решаться несколькими голосами с.-д. и левых. С.-д. неизбежно будут поддерживать кадетскую оппозицию и притом в составе фракции, который будет зависеть по новому закону от гг. губернаторов и помещиков, вряд ли смогут достаточно четко подчеркнуть отличие своей с.-д.поддержки кадетов от поддержки просто, поддержки вообще, поддержки трудовиков. Это одна возможность. Или вся оппозиция с кадетами вместе будет составлять маленькую горсточку, разделения внутри которой будут стушевываться самим ходом дела в меру пропасти между этой оппозицией и реакцией в лице октябристов и правых. В обоих случаях (попробуйте их приложить к поведению с.-д. во время выбора председателя III Думы: с.-д. или проводят своими голосами кадета, или вместе с кадетами, сливаясь в общем действии, голосуют против октябриста) воспитательное значение с.-д. в Думе будет равно очень маленькой величине, которая не окупает невыгодность тактики участия в выборах. Вместе с этим, тактика участия превратится из использования Думы в орудие использования присутствия наших депутатов в Думе—правительством для создания декорума демократичности народного представительства, кадетами для поднятия престижа своей, совсем поблекшей оппозиционности.

Есть еще ряд соображений, которые выдвигаются против бойкота. Говорят: бойкот был бы хорош, если бы здесь к рабочим присоединились крестьяне; но мы в это н е в е р и м. На это можно ответить одно: имейте мужество определить дорогу рабочих и поднять их знамя, ибо, только поднявши его, вы его испытаете. С другой стороны, рекомендуется выбирать, надеясь на то, что «авось» стачка, которая началась в центральном районе, даст нам возможность «взлететь» к нашим старым революционным лозунгам [2]). Наконец, участие в выборах оправдывается

[1]) Недавно Е. Смирнов не постеснялся печатно заявить, что в этом именно почерпает он „веру, надежду и энтузиазм“.

[2]) Эту точку зрения в июле 1907 г. развивали товарищи, работавшие в центрально-промышленном районе во главе с тов. В. П. Ногиным („Макар“ на нашем языке того времени). П р и м. к н а с т. и з д.

тем, что, дескать, коль побит—так лежи и не хныч[1]). Все эти соображения требуют или точного уяснения их смысла, или же такого же общего ответа. За этим ответом мы обратимся к двум старым бойкотистам, один из которых теперь так яро стоит за выборы. Вот что очень недавно писала Р. Люксембург о тактике с.-демократии: «следить за тем, чтобы тактика с.-демократии по своей решимости и определенности никогда не стояла ниже действительного соотношения сил, а, наоборот, всегда стояла впереди,—вот самая важная задача руководства»... Это—вообще о тактике. А вот специально к данному случаю: «революционная с.-д. должна первой становиться на путь наиболее решительной и наиболее прямой борьбы и последней принимать более обходные способы борьбы» (Ленин).

Теперь, когда пишется эта заметка, с.-д. еще не упустила случая стать «на путь решительной и наиболее прямой борьбы», и мы надеемся, что дискуссия по вопросу о бойкоте покажет, что это не только путь борьбы, но для данного момента и по вопросу о Думе это единственный путь борьбы и именно тот путь, на котором рабочая партия может быть теперь понята и услышана крестьянством.

28-го июня 1907 года.

P. S. Заметка эта была написана на самой заре начавшихся разговоров об участии в выборах. Теперь, спустя три недели споров, аргументация, как той, так и другой стороны, до известной степени усложнилась. Но, просматривая свою заметку, я не нашел нужным подновлять ее. Общая система защиты бойкота для меня и теперь рисуется в прежних чертах, а известные тезисы тов. Ленина[2]) подтвердили для меня еще раз, что защита участия в выборах внутренне-противоречива даже у Ленина.

20-го июля.

---

[1]) Это энергичное выражение употребил во время тогдашних наших споров тов. Ленин. Его смысл сводился к тому, что надо глядеть правде в глаза, признать, что революция разбита, и приступить к медленной черновой работе накопления сил, а не хныкать и не фантазировать о немедленном новом взрыве массового движения. Прим. к наст. изд.

[2]) В середине июля тов. Ленин выпустил тезисы против тактики бойкота и в защиту участия в выборах. См. т. VIII „Собр. соч.“ Ленина.

ОБ ОТЗОВИЗМЕ, ЕГО РОДОСЛОВИИ И ЕГО ТЕОРИИ[1].

Печатаемая выше статья тов. Отзовиста представляет любопытнейший документ для характеристики современного состояния некоторых групп нашей партии. Видимо, вопрос у нас вышел из той стадии, когда, старательно пряча основы своей практической политики, товарищи отзовисты предоставляли своим противникам вылущивать суть их воззрений из массы разрозненных положений, заставляли своих противников даже взывать к ним с просьбой дать систематическое изложение своих взглядов.

Принятая резолюция Московского Комитета прекрасно показывает отношение к подобной тактике со стороны местных организаций, а в связи с недвусмысленным отношением к отзовизму Петербургского Комитета кладет раз навсегда конец попыткам связать это течение со «старейшими нашими организациями обеих столиц». Неосведомленность товарища виновата вероятно, в том, что лестная характеристика столичных организаций направляется против него, как их практика направлена против практики отзовизма.

Конечно, в отзовизме виноват не какой-нибудь партийный гастролер. Это настроение имеет гораздо более глубокие корни. Но в то же время было бы противным истине отрицать, что партийные «гастролеры» на основе не ими созданного настроения пытаются оформить некоторое партийное течение, связать с ним некоторые партийные элементы, непосредственно к отзовизму отношения не имеющие, и на этих основах предпринять уже организационные шаги.

---

[1]) „Пролетарий“, № 44 от 4 апреля 1909 г. Эта статья представляет разбор аргументации, развитой в защиту отзыва думской социал-демократической фракции из III Гос. Думы тов. Д. З. Мануильским, статья которого (подписанная им псевдонимом „Отзовист“) была напечатана в том же № „Пролетария“.

К сожалению, и разбираемая статья начинает обсуждение вопроса с чисто-гастролерского и широко гастролерами используемого утверждения, что «отзовистское течение есть продолжение той бойкотистской позиции, которую занимала значительная часть большевиков по отношению к III Государственной Думе». Это—как раз образец гастролерского софизма, тем более для отзовистов дорогого, что он легко позволяет заполнить пропасть, развертывающуюся между большевизмом и отзовизмом. Стоит установить свое родословие от бойкотизма, кажется им, и права отзовизма, как течения, связанного с недавней пуповиной большевизма, опять-таки как им кажется, не нуждаются в подтверждении и доказательствах. Это очень удобно, но это софизм, охотно используемый меньшевиками, но давно разбитый жизнью. Стоит присмотреться к жизни наших организаций с точки зрения не гастролера, чтобы перед этой родословной отзовизма встал вопрос: из кого же состоит та масса членов наших организаций, которая отвергает отзовизм, как он отвергнут в Питере, в Москве? Ведь, несомненно, что большинство нашей фракции стояло на бойкотистской позиции. Немножко логики, если не прямого наблюдения над составом борющихся с отзовизмом на местах товарищей, должно привести всякого к убеждению, что *против отзовизма стоит масса бывших бойкотистов*. Конечно, мы не отрицаем того, что нынешний отзовизм является преемником бойкотизма III Думы тех товарищей, которые не только ничему за это время не научились, но и учиться не хотят, заменяя анализ действительности повторением старых слов. Но что же с *массой* бойкотистов случилось? Прав ли Мартынов, который в № 12 «Голоса Социал-Демократа» пытается скакать и плясать по поводу открытой им «сильнейшей эволюции» большевизма и «оппортузима» большевиков? Если бы тов. отзовисты разделяли это воззрение Мартынова, то им оставалось бы лишь провозгласить изменниками всех большевиков, не стоящих на отзовистской точке зрения.

К таким самоубийственным выводам пришли бы наши «новаторы», если бы они поверили Мартынову, будто большевики, чтобы отречься от отзовизма, должны были проделать какую-то «сильнейшую эволюцию».

Как же, однако, понять, что бывшие бойкотисты в массе против отзовизма? Может быть они стоят на той позиции, которую пытался им подсунуть ультиматизм? Как известно, философия этой «политической» позиции заключается в том, что

раз-де потрачена была энергия на создание думской фракции, то надо тянуть уже и дальше эту лямку, иначе же произойдет растрата энергии. Эта позиция страдает только тем недостатком, что она может быть приложена в самых разнообразных обстановках, кроме обстановки живой политической борьбы. И ни одному серьезному политику не придет в голову применять в своих политических расчетах эту схоластику энергетических затрат. Прежде всего потому, что вопрос политической целесообразности подменен здесь нелепой и ни к чему не ведущей справкой о количестве ранее затраченной энергии. Ну, а как быть с той энергией, которая ежедневно тратится на поддержание и функционирование уже созданной фракции в Думе?

Можно смело предположить, что ни один бывший бойкотист в своей борьбе с отзовизмом не может ни сам руководиться, ни других убеждать этой кабинетной выдумкой [1]).

Так что же, однако, случилось с бывшими бойкотистами, ныне столь огорчающими отзовистов?

Прежде всего, надо установить один пункт: никогда лозунг бойкота не был тем лозунгом, который способен был бы выражать самое существо линий революционной социал-демократии в русской революции. У революционной с.-демократии в России были и остаются такие лозунги, которые действительно включают в себя, выявляют целиком, суммируют все содержание политической работы и политических целей рабочего класса в русской революции. Но подобным лозунгом никогда не был бойкот. Гегемония пролетариата, диктатура пролетариата и крестьянства и доведение до конца буржуазной революции—вот те лозунги, которые предопределяли содержание и тактику работы революционной социал-демократии, которые резюмировали наши воззрения на характер русской революции и давали пролетариату в этом процессе определенную общую линию. Сравнительно с этими началами бойкот был побочным и производным методом действия в известной и временной политической обстановке. Уже одно то, что, оставаясь изолированной в своих основных марксистских воззрениях, революционная социал-демократия в то же время сходилась с революционными мелкобуржуазными группами (с.-р.) в тактике бойкота, указывает на то, что бойкотизм был революционным методом действия общим целому ряду революционных слоев и ни в коем случае не может почитаться выражением существа большевистской ли-

[1]) Нелепый ультиматизм, представлявший только стыдливый „отзовизм“, развивался в те времена особенно усердно А. Богдановым. Прим. к наст. изд.

ции в русской революции. Вспомним также, что накануне Булыгинской Думы лозунг бойкота явился концентрационным лозунгом для революционной демократии, что к нему присоединились даже известные группы из «Союза Союзов» [1]). При этих условиях слова «старый бойкотист», которые любят повторять некоторые т.т. отзовисты и ультиматисты, думая этим связать себя с существом большевистской линии, обозначают на языке истории, пожалуй, нечто противоположное тому, что ими желают выразить. При том смысле, который вкладывают в эти слова общественные отношения, они обозначают не специфическую линию социалистического пролетариата, линию, сознательным выражением которой является большевизм, а то, что в умах некоторых товарищей сильнее, чем эта линия, фиксировались те точки движения пролетариата, когда его лозунг дня совпал с лозунгом дня других революционных слоев.

Некоторых товарищей привлекает, впрочем, в бойкоте известная оценка представительных или якобы представительных учреждений и их роли в русской революции. Но и тут явственно выступает переоценка известного метода действия в общей системе социал-демократической политики. История большевизма показывает с неоставляющей сомнения ясностью, что даже этот вопрос об оценке роли представительных учреждений в русской революции связан не с бойкотизмом, как частным методом действий, а с большевизмом, независимо от того, становился ли в данный момент большевизм бойкотистским или нет. Что же, различно оценивала наша фракция роль quasi-представительных учреждений в процессе революции, когда бойкотировала первую и шла во вторую Думу? Нужно усвоить меньшевистское представление об эволюции большевиков от первой до второй Думы, чтобы утверждать, что, идя на выборы во вторую Думу, мы изменили свое представление об отношении между «парламентской» и внепарламентской работой. Ибо бойкотизм есть метод действия, диктуемый той или иной политической обстановкой, а не выражение большевистского воззрения на роль представительных учреждений в процессе революции.

Еще на III Съезде, когда впервые стал вопрос о связи большевизма с бойкотизмом, т. Ленин объявляет мнение предлагавших бойкотировать всевозможные в ходе революции «представительные учреждения»,—«угловатым». «Ответить категорически,

[1]) „Союз Союзов"—интеллигентская, радикальная организация 1905 г., частично поддерживавшая бойкот Булыгинской Думы в 1905 г.

следует ли участвовать в Земском Соборе, нельзя,—говорил тогда Ленин,—все будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят, Земский Собор—обман. Это верно, но иногда для того, чтобы разоблачить обман, надо принять участие в выборах. Кроме общей директивы ничего дать нельзя» [1]).

И в то же время съездовская комиссия, в которую рядом с тогдашними бойкотистами входили и не желавшие связывать себе рук и явные анти-бойкотисты, эта комиссия внесла общий проект резолюции об отношениях к тактике правительства в предреволюционный момент, где пункт б) резолютивной части начинался словами—«пользуясь предвыборной агитацией и, принимая в тех случаях, когда это целесообразно, участие в самих выборах»... Но значило ли расхождение в вопросе о бойкоте в мае 1905 года, что товарищи расходятся в оценке Земского Собора, в оценке роли представительных учреждений в революции, в распределении внимания к думской и внедумской аренам? Отнюдь! И эта резолюция—с бойкотом или без него, или с оставлением этого практического вопроса открытым, как принятая в конце концов съездом,—одинаково била меньшевистское представление о Думах, как «центре», «орудии» и т. п.

Из всех этих справок явствует одно: для громадного большинства нашей фракции бойкот был всегда одним из методов действия, методом, которым пользовались и непролетарские революционные организации, методом общим нам с с.-р., например, а потому никогда не выражавшим существо линии пролетариата в русской революции. Он всегда имел определенное значение бойкотирования данного учреждения при данных условиях и большевику надо ослепнуть, чтобы поддаться на давнюю меньшевистскую провокацию и счесть бойкотизм—большевизмом и в бойкотизме увидеть резюме нашего отношения к представительным учреждениям в революции.

И именно потому мы считаем, что большевики могли быть бойкотистами или анти-бойкотистами, когда вставал вопрос—бойкотировать или выбирать, но что после выборов рассуждать о бойкоте, значит пытаться старыми словами замазывать новые проблемы и вопросы.

---

[1]) Протоколы III-го съезда. Стр. 159. См. „Собр. соч." Ленина, т. VI, стр. 168. Защитником бойкота выступал тогда т. Красин.

Если же брать всерьез эти разговоры о бойкотизме после полуторагодичного существования с.-д. фракции в Думе, то надо будет еще раз подчеркнуть, что в представлениях этих разговорщиков увлечение обще-революционным методом бойкота затемняет представление о специфических задачах пролетариата, что их большевизм утонул в их «бойкотизме».

Поэтому, совершенно правы те былые бойкотисты, которые полагают, что их былой ответ на былой конкретный вопрос— выбирать или не выбирать,—не может связывать им рук в решении другого конкретного вопроса—отзывать или работать с фракцией в Думе. Поскольку бывшие бойкотисты остались большевиками, поскольку они никогда не поклонялись бойкоту, как догмату, поскольку на фетишизированьи одного временного метода борьбы они не хотят строить своей политики—постольку они служат живому делу познания тактики пролетариата на каждом повороте исторического процесса и постольку им не надо было никакой особой эволюции, чтобы оказаться анти-отзовистами. Они остались большевиками и этого им достаточно, чтобы быть против отзовизма.

Политическая элементарность и примитивность отзовизма наложила такой сильный отпечаток на мышление т.т. отзовистов, что, пытаясь теперь для своих выводов взять под свою защиту бойкот, они обнаруживают, что даже вопросов бойкота они не умеют взять во всем их объеме. Что может быть грубее, как попытка т. Отзовиста связать вопрос о бойкоте с использованием легальных возможностей? Он старается показать, что вопрос о бойкоте III Думы был вопросом о возможности или невозможности вести, как следует социал-демократам, выборную кампанию, о возможности или невозможности для фракции выполнить «задачу» организации революционных сил вне стен Гос. Думы и т. д.

Уж больно просто представляет себе дело этот товарищ! Вопрос о возможности и невозможности есть вопрос факта и ничего более. Умудриться свести спор о бойкоте к спору о факте, при котором один говорит: есть возможность, а другой— нет возможности, это значит выхолостить все политическое содержание вопроса.

Самый спор о бойкоте накануне III Думы был спором о форме реагированья широких масс на переворот 3-го июня. Анти-бойкотисты, обсуждая создавшуюся обстановку, писали тогда: «Бойкот... неизбежно равняется призыву к самому энергичному и решительному наступлению. Есть ли в данную

минуту налицо такой широкий и общий подъем, без которого подобный призыв не имеет смысла? Конечно, нет... Вся беда теперь в том, что широкие круги населения в подъем не верят, силы его не видят»[1]).

А чему научили нас протекшие со времени этого спора почти 2 года?

Да как раз тому и научили, что неизбежный протест широких масс крестьянства и пролетариата, протест,—переходящий в борьбу против «путей, которыми хочет вести страну блок черносотенного помещика и крупного капитала», что этот протест не вышел в 1907 году, не вышел в 1908 году, не выходит в 1909 и может выйти только в результате длительного молекулярного процесса политического воспитания широких масс.

Нужно ли революционному социал-демократу, нужно ли большевику-бойкотисту изменить себе, чтобы принять этот урок к сведению, чтобы строить теперь свою политику, считаясь вот с этим явственно обнаружившимся путем дальнейшего развития революции в России? И не будет ли изменой духу социал-демократической политики бессмысленное повторение старых слов, бессмысленное топтание на старом, быть может и связанном с величайшими воспоминаниями, месте? И не анархический ли метод мышления сказывается в том, что революционеры, по справедливости недовольные тем направлением, которое принял исторический процесс, машут на него рукой и в изобретении лозунгов, хотя бы отдаленно напоминающих живые лозунги вчерашней борьбы, ищут успокоения своему раздражению на... историю.

А история не только не зачеркнула, а, наоборот, обострила и подчеркнула ту задачу, которая одинаково стояла перед антибойкотистами и бойкотистами, и которая давала им общую почву для разговора. Два года господства виселицы, локаута и землеустроителя, господства Столыпинско-Гучковской контрреволюции сделали то, что основные противоречия русской жизни дошли до последнего мужика в последнем захолустье, до самого отсталого рабочего в самом отсталом производстве. В этом процессе социал-демократия должна найти новые формы для достижения своих старых задач, а люди хотят доказать свою верность революционным задачам, все еще призывая присягать на призраке «бойкотизма». И как бы ни были искренни даваемые клятвы, они еще не обнаруживают понимания современной политической обстановки. А в социал-демократическом понимании этой обстановки и все дело.

[1]) Брошюра „За и против бойкота“, ст. Ленина, стр. 13 и 23.

Эти попытки отзовизма сделать себя законным продолжением большевизма и бойкотизма не только обнаруживают полное непонимание отзовизмом и большевизма, и бойкотизма, но прямо льют воду на мельницу меньшевиков, не желающих ничего лучшего, как иметь возможность большевизм подменить отзовизмом. Раскритиковав отзовизм, иметь возможность похваляться, что разбил «продолжение большевизма»,—ради этого удовольствия меньшевики никогда не откажутся поддержать измышленное родословие отзовизма.

Итак, социал-демократическое понимание современной обстановки... Увы, мы убедимся сейчас, что отзовистское понимание этой обстановки гораздо более напоминает некоторыми своими чертами воззрения совсем другого рода.

Отзыв социал-демократических депутатов из Государственной Думы предлагается партии не как техническое средство, не как простое хирургическое отсечение вредных органов, а как широкая политическая кампания. Поэтому отзовизм не может обойтись без своеобразной характеристики современного момента. И для партии пролетариата должен прежде всего встать вопрос: каково политическое содержание этой кампании и на чем эта кампания должна базироваться? И тут пролетариат России должен будет убедиться, к своему удивлению, что отзовисты, эти «революционеры», желающие быть во всем антиподами меньшевиков в исходных точках своего понимания момента, как две капли воды похожи на последних. Базой для ближайшей широкой пролетарской кампании они выбирают тот же пункт, откуда и для меньшевиков течет теперь единственный источник живой воды.

Думское представительство, те или другие шаги думской фракции,—все это становится для отзовизма не одним из подсобных видов с.-д. работы, а приобретает самостоятельную ценность, ценность главного содержания и исходной точки целой политической кампании. В этой политической кампании перед нами парадировали бы все добродетели парламентского кретинизма, вывернутые наизнанку, как в воззрениях меньшевиков они проходят перед нами в своем первоначальном виде. Но поскольку отзовизм хочет апеллировать к широким массам пролетариата, он неизбежно должен расширить содержание своей платформы. И он делает это, вводя в нее—в виде принципиального и обосновывающего положения—тезис: «до тех пор, пока материальная сила в руках старой власти, существование нашей фракции в Думе иллюзорно».

Это положение единственное и неизбежно-выдвигаемое, к к принципиальное обоснование отзовизма и потому на все лады варьируемое статьей тов. Отзовиста, до того проникнуто одновременно и буржуазно-либеральной и мелко-буржуазно-анархической путаницей по вопросу о парламентаризме, что диву даешься, как не видят люди, подобным образом аргументирующие, той пропасти, куда они катятся. Действительно, для буржуазного парламентария, для которого его парламентская фракция есть главное и, в конце концов, единственное орудие борьбы с неправившейся ему «старой властью»—для него существование фракции иллюзорно, поскольку к ней не переходит целиком или частями «материальная сила» этой старой власти. Для него фракция—«иллюзия», никчемность, поскольку ей не обеспечена возможность влиять, договариваться, и, в конце концов, разделять «материальные силы» со старой властью. Поскольку такой возможности для его фракции нет, поскольку, поэтому, «материальная сила» сполна и целиком удерживается старой властью, постольку он способен возвыситься до героического самооскопления, до отказа от желания иметь свою фракцию. История не раз уже давала примеры буржуазных партий, до того раздраженных нежеланием старой власти уделить им хоть часть своей материальной силы, что они «из нужды делали добродетели» и увенчивали свою неспособность к действительной борьбе против старой власти провозглашением отказа от парламентской деятельности. Тогда вступала в свои права тактика «пассивного непротивления»,—и нужно сознаться, что эта тактика постольку сказывается и в рассуждениях отзовистов, поскольку в их аргументации нельзя найти указания на тот революционный подъем, который превратил бы отзыв социал-демократической фракции в «отзыв» народом III Думы, и при котором «иллюзорному» существованию фракции противополагалась бы действительность революционной борьбы масс.

Только эта наличность революции могла бы социал-демократам разрешить говорить об «иллюзорности» фракции. Люди же, не надеющиеся на замену плохой деятельности фракции хорошей деятельностью масс на улице и продолжающие рекомендовать отказ от фракции, сами не замечают того, что их архи-революционная тактика как две капли воды начинает походить на архитрусливую тактику буржуазии. Для социал-демократа допустима «иллюзорность» всяческих фракций перед лицом революции, как для нас были «иллюзорны» всевозможные фракции Булыгинской Думы в атмосфере нараставшей революции, но для

с.-д. не может быть иллюзорным существование с.-д. фракции перед лицом контр-революции.

К этой точке зрения, как известно, приходят не только буржуа, отогнанные от правительственного пирога зарвавшимся крепостником, но она же лежит в основе анархизма. Для анархизма в парламентаризме так же «иллюзорно» все то, что не связано с «материальной силой»; анархисты только переворачивают это положение, заявляя, что в парламентаризме все служит на-руку хозяевам «материальной силы». Тов. Отзовист, между прочим, возможными заслугами отзовизма выдвигает и ту, что отзовизм противодействует укреплению у нас анархизма. Это было бы очень хорошо, если бы только своеобразное противодействие анархизму не заключалось для отзовизма в усвоении его методов мышления. Отзовизм, к сожалению, не вооружает пролетариат против анархизма, а фактически имеет тенденцию заместить последний. Объективно, несмотря на все хорошие желания его нынешних сторонников, развитие отзовизма в России означало бы, что для своего распространения среди русского рабочего класса анархизм должен принять форму вульгарного марксизма, что он и делает в отзовизме. Тов. из «Рабочего Знамени» (№ 6) подметил это на месте зарождения отзовизма, как практического течения; этот же вывод неизбежно напрашивается, когда следишь за аргументацией тов. Отзовиста[1]). Отзовизм утверждает, что покуда сила в руках старой власти, до тех пор социал-демократическая работа фракции органически невозможна. Фракция вынуждена приспособляться, ее попытки стать на революционный путь «подпали» бы под действие «уголовного свода» и т. д.

А что говорят анархисты? Да то и говорят, что в обстановке диктатуры буржуазии всякая парламентская деятельность рабочего класса «иллюзорна», неизбежно оппортунистична, полна компромиссов и деморализующа.

Неужели товарищ полагает, что диктаторствующая буржуазия в Западной Европе располагает менее драконовским «уголовным сводом» или затруднится создать таковой в тот момент, когда ей это понадобится для борьбы с теми «попытками организовать революционные силы», о которых упоминает товарищ? Только те, кто позабыл хотя бы деятельность «создателя» 3-й

---

[1]) „Рабочее Знамя“—газета, издававшаяся в те годы Московским Комитетом нашей партии при участии т. И. И. Степанова и др., и поместившая ряд статей против отзовизма. Статьи эти сильно помогли нам за границей в нашей борьбе с отзовизмом. Прим. к наст. изд.

республики—Тьера и кто полагает, что для гражданской войны в Европе,—в отличие от России,—нет места, могут оперировать принципиальным различением между условиями деятельности социал-демократических депутатов в черносотенно-буржуазном и в чисто-буржуазном парламенте.

Не ту же ли фразу об «органической невозможности» работы для освобождения рабочего класса в буржуазных парламентах, покуда «материальная сила остается в руках старой власти»— твердят все анархисты?

Какой же смысл имеет эта фраза? Судя по всему только один: до тех пор, покуда старая власть не уступит место новой, всяческие попытки социал-демократической агитации с трибуны Думы должны быть прекращены. Мы уж не говорим о том, что при установлении господства новой власти, т.т. отзовистам придется иметь между собой длинную беседу насчет того, настолько ли хороша эта новая власть, чтобы они позволили себе практиковать социал-демократический парламентаризм.

Но ведь совершенно ясно, что тезис отзовизма о невозможности работы в Думе «покуда материальная сила находится в руках старой власти» приобретает явно-деморализующее значение. Агитировать за отказ рабочего класса от своей фракции во имя того, что «сила у старой власти» и только—это значит возвести свое бессилие в принцип тактики, строить не на движении, а на апатии масс, пропагандировать силу старой власти и бессилие революции. Тактика бессилия и отчаяния—было бы наиболее точным обозначением такой тактики.

Иногда, правда, т.т. отзовисты дополняют эту свою пропаганду болтовней о «военно-боевых» задачах. (Это в 1909 году!) Тов. Отзовист, однако, благоразумно воздерживается от введения этого момента в цепь своих рассуждений, поэтому все содержание его политической кампании кончается «смертью фракции». Раз фракцию удалось благополучно убрать, великое «недоразумение» падает, несоответствие «легального представительства нелегальной партии» исчезает, яркое пятно, привлекавшее внимание т.т. отзовистов и партии, устраняется, все входит в нормальную колею...

С такой куцой программой двинуть политическую кампанию вряд ли удастся даже лучшему агитатору...

Остановимся еще на одном соображении тов. Отзовиста. Оказывается, что «социал-демократическая фракция не опирается на реальное соотношение сил борющихся классов» и «зависит от политической игры петергофской шайки». Это положение, ко-

торым очень дорожит автор, для нас, прежде всего, звучит двусмысленно. Что значит: не опирается на реальное соотношение сил борющихся классов? По мнению марксистов, все выражает в той или иной форме соотношение сил борющихся классов и, конечно, реальное, а не идеальное соотношение сил. Но, оказывается, не все: социал-демократическая фракция никакого соотношения сил не выражает, а существует потому, что петергофской шайке так угодно. Казалось бы, что этой шайке для забавы можно было бы придумать что-нибудь... ну, скажем, позабавнее... Но неужели ничего так-таки и не выражает? Не слишком ли упрощенно понимает т. Отзовист то, что он называет силами классов и соотношением этих сил в борьбе? Считает ли он, например, что то сопоставление сил различных классов, которое называется революцией 1905—1906 г.г., до сих пор имеет значение во взаимной оценке классовой силы разными классами? Что, например, Гучков и Столыпин в своей оценке классовой силы пролетариата руководятся не только донесениями губернаторов о количестве стачек за последний месяц, но и тем, что они видели в 1905 году, в 1906 году и т. д. Принимает ли он во внимание, что в учет соотношения сил, делаемый данным классом для себя, другим классом, наконец, политиком, входит не только учет материального положения, но неразложимым элементом и то, что называется политической традицией, и испытанная опытность в проведении политических кампаний и засвидетельствованная связь с той или другой политической партией и т. д., и т. п. Наконец, понимает ли тов. Отзовист и то, что именно *реальное* соотношение сил борющихся классов познается не из констатирования таких фактов, что крестьянство запугано и запутано, пролетариат молчит, буржуазия устраивает локауты и заседает в Думе, помещик ликует и законодательствует—тогда учет был бы прост, как сложение и вычитание,—а из углубления в движущие мотивы борьбы различных классов, из детального анализа ступени общественного развития, что, кратко говоря, никогда соотношение сил борющихся классов не есть момент статики, а всегда динамический процесс. Если бы тов. Отзовист захотел все это принять во внимание,—а не пользоваться полу-анархическим методом—то он, вероятно, не заявил бы с такой уверенностью, что социал-демократическая фракция опирается только на петергофскую шайку. Сохранение известных избирательных прав рабочих опирается на роль, сыгранную пролетариатом в русской революции, выражает как раз то «соотношение сил борющихся классов»,

при котором Гучков со Столыпиным не решились совершенно лишить его этих прав, а социал-демократическая фракция опирается на то, что «соотношение сил борющихся классов» заставляет пролетариат в России верить исключительно своей классовой партии и никакой другой.

Нужно совершенно разучиться мыслить по-марксистски и, поддавшись гипнозу силы «шайки», потерять всякое равновесие духа в своих метаниях, чтобы дометаться до фразы о социал-демократической фракции, ни на что, кроме игры Столыпина, не опирающейся, и никому, кроме Столыпина, ненужной.

Для нас, еще не загипнотизированных Столыпинской силой, ясно, что в направлении связи фракции с ее опорой, пролетариатом и его партией, лежит и единственная гарантия против ее оппортунизма. Мы не думаем, как меньшевики и отзовисты, что оппортунизм—неизбежная участь фракции. Мы не требуем от нее чудес, мы знаем, что всегда парламентская фракция будет ниже партии в целом, как доказывал еще Энгельс, но мы требуем, чтобы, прежде всего, партия показала и проявила свою способность к воздействию на фракцию, к исправлению ее ошибок.

Для тов. Отзовиста, для которого фракция отражает Столыпинскую игру, а не неспособность Столыпинской игры раз навсегда покончить с революционным пролетариатом в России, для тов. Отзовиста вполне естественно, что в этой «игре» «фракция неминуемо должна скользить по наклонной плоскости пошлейшего оппортунизма».

Но раз фракция представляет Столыпинскую игру и в таком своем качестве «неминуемо должна скользить», то, конечно, всего проще покончить с ней, а вместе с тем и со всеми вопросами, связанными с парламентаризмом... Этак-то мы быстро покончим со всеми вопросами или, если мы не успеем этого сделать, то Столыпин, приевшись «игрой», поможет нам покончить со всеми вопросами, позакрывав нам все и всяческие легальные возможности.

И только тогда, вероятно, тов. Отзовист, горящий желанием поскорее уничтожить оппортунизм, но пытающийся покуда достигнуть этого таким образом, что вместе с водой выплескивает и ребенка, т.-е. вместе с оппортунизмом отсекает и те отрасли партийной работы, в которых находят себе арену деятельности оппортунисты, тогда-то тов. Отзовист сочтет, вероятно, себя сохранившим чистоту принципов.

«Чистота принципов» великая вещь для социал-демократии,

но когда она фигурирует в конце странных рассуждений, как те, которые мы видели, и призвана оправдать столь странные действия, как те, которые нами рекомендуются, то она сама приобретает несколько странный характер. Не та ли эта «чистота», порок которой в невинности...

Основная фальшь отзовизма в том и заключается, что он считает случайными, легко-отсекаемыми, такие области партийной работы, которые характеризуют по существу новую обстановку, в которой приходится работать. Резолюция конференции «о современном моменте» констатирует в пункте а): «старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию»[1]). Еще шаг... Чем этот новый шаг отличается от прежних шагов в этом же направлении? Тем, кратко говоря, что этот шаг делается при помощи—и не может делаться без него—в общенациональном масштабе проводимого соглашения заинтересованных групп крепостников и капитала. Неизбежное на этом этапе процесса—перенесение его из кабинетов министров на общенациональную арену неизбежно же сопровождается втягиванием, заинтересовыванием в том, что делается, широких масс народа. Революция с другой стороны сделала то, что известные слои народа, наиболее революционные, пролетариат прежде всего, не могли быть совершенно оттиснуты от присутствия при сделке. Эти неприятные свидетели должны были быть допущены. О, как бы рад был Пуришкевич или Марков, если бы вообще благородному дворянству не надо было договориться с купцом Гучковым; как торжествовала бы «петергофская шайка», если бы она могла обделывать свои финансовые дела попрежнему в кабинете министра финансов, глаз на глаз с этими купцами, и как рады были бы все они, если бы даже при сознанной неизбежности Думы ее можно было бы совсем закрыть от глаз народа... Но 1905—1906 г.г. не позволяют. Вот почему на нынешнем этапе ни Столыпин, ни Гучков—оба заинтересованные в благополучном исходе процесса—не могут себе доставить удовольствия обойтись без свидетелей от народа. И на этом этапе не только органически возможна работа пролетарских трибунов в Думе, но она органически неизбежна. Они должны только помочь массам усвоить уроки того, свидетелями чего они неизбежно являются в Думе.

---

[1]) Речь идет о резолюции, принятой на Всероссийской Конференции, состоявшейся в декабре 1908 г. и впервые, после победы контр-революции, давшей общую оценку политического положения страны. См. „Р. К. П. в резолюциях ее съездов и конференций“, стр. 94.

И если товарищи, не поняли, что уже в первом пункте резолюции конференции, в характеристике того этапа, который переживает сейчас русская монархия, заключается признание характернейшей черты момента—вынесение на общенациональную арену сделки крепостников и капитала, а, следовательно, и неизбежность допущения «посторонних» свидетелей, то они ничего не поняли в нашей характеристике. Сложнейший исторический момент они понимают также упрощенно, как меньшевики: эти говорят: ничего не изменилось, никакого нового шага нет, все осталось по старому, а отзовисты повторяют: «материальная сила в руках старой власти». В том-то и дело, что этой силы Петергоф уже не может держать в своих руках, не договариваясь перед лицом всего народа с московским капиталом. А договариваться перед лицом всего народа значит, между прочим, что этот народ придвинется к тебе, чтобы поближе видеть ход дела. Он и придвинулся в лице пролетарских представителей, придвинулся для того, чтобы ежедневно оповещать народ о договорах грабителей. А нам этих свидетелей предлагают увести на том основании, что органически невозможно, чтобы «нелегальная» масса имела своих свидетелей при «легальном» договоре о дележе ее шкуры.

Эту «легальную» возможность, предоставленную нам, как видит теперь тов. Отзовист, не Столыпиным, а неизбежными условиями договора с крупным капиталом[1]), предлагают забросить до победоносного вооруженного восстания. Два года показали, что новый революционный подъем возможен лишь в результате глубокого усвоения пережитого опыта, на новой, более широкой арене, создаваемой господствующей диктатурой, при том условии, что эта диктатура своей работой расширит объем недовольных масс, углубит сознание и обострит чувство этих масс. Это—условия подготовки грядущего кризиса, как отмечает и уже упомянутая резолюция. Можно ли противопоставить этим условиям гражданской войны деятельность тех, кто оповещает массы о ходах контр-революции, кто своим реагированием—в речах ли или в чем другом—зовет к реагированию массы?

Пусть даже данные лица делают это недостаточно выразительно, пусть даже они склонны сами-то освещать свою деятельность не с точки зрения грядущей гражданской войны—не

---

[1]) Пусть тов. Отзовист вспомнит, что без таких свидетелей не мог обойтись ни Бисмарк, исключительным законом не исключивший с.-д. представительства, хотя и исключивший с.-д. партию из числа легальных, ни Наполеон III в конце 60-х годов.

ясно ли для нас, что в силу объективных условий, в которых развертывается эта деятельность, ничему другому, кроме нарастания элементов кризиса, она способствовать не может? И, конечно, тем плодотворнее она будет, тем более сознательной в этом отношении она станет...

Обстановка такова, что накопление революционных элементов в низах происходит с величайшей быстротой. Надо только понять ее действительно по-марксистски. Нетерпение ни о чем так не свидетельствует, как о неуверенности...

Только неумение уловить действительные очертания революционного исторического процесса могло создать в наших рядах ту комбинацию бунтарской фразы с сознанием бессилия, которая зовется отзовизмом.

Классовое чутье и классовый инстинкт проведут русский пролетариат мимо этой типичной комбинации контр-революционного периода.

НЕ ПО ДОРОГЕ [1]).

Русское «общество» проводит теперь время в болтовне о богостроительстве и богоискательстве. Этой пошлости отведен теперь красный угол в контр-революционной пропаганде либеральных газетах. И ни одна из них не отказывает себе в удовольствии покричать о том, что «ряд марксистов» встал на этот путь. Это—злоба дня. Товарищ А. Луначарский поместил в не-

---

[1]) „Пролетарий", № 42 от 12 февраля 1909 г. Статья эта была первым печатным выступлением нашей группы (тогдашней редакции „Пролетария", состоявшей из т.т. Ленина, Зиновьева и меня) против группы Богданова—Луначарского. Книга тов. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм" была уже написана, но не напечатана. После ее выхода борьба разгорелась во всю и окончилась в июне того же 1909 г. исключением Богданова из руководящего „Большевистского Центра" и созданием им совместно с „отзовистами" и „ультиматистами" (Лядовым, Ст. Вольским и др.) группы „Вперед". Статья „Не по дороге" вызвала ответ т. Луначарского и формальный протест Богданова. Разбором конфликта пришлось заняться „Большевистскому Центру", т.-е. нашему Центральному Комитету, официально называвшемуся тогда „расширенной редакцией Пролетария". Привожу для характеристики того, какое значение придавали мы тогда затронутым вопросам, две резолюции, принятые в связи со статьей „Не по дороге" совещанием расширенной редакции в июне 1909 г.

I.

О БОГОСТРОИТЕЛЬСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СРЕДЕ.

Принимая во внимание, что в настоящее время, когда—в атмосфере упадка общественного движения—рост религиозных настроений в контр-революционной буржуазной интеллигенции придал этого рода вопросам важное общественное значение и что в связи с этим ростом религиозных настроений делаются ныне отдельными социал-демократами попытки связать с социал-демократией проповедь веры и богостроительства и даже придать научному социализму характер религиозного верования,—расширенная редакция „Пролетария" заявляет, что она рассматривает это течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях т. Луначарского, как течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной

давно изданном в России сборнике: «Литературный распад. Кн. 2» статью, в которой в ряду других тем, не подлежащих здесь нашему разбору, касается темы, не могущей остаться без внимания со стороны нашей газеты. Речь идет о методах пропаганды социализма, и о тех его формах, в которых социализм из ряда «строгих, холодных формул» станет достоянием движущихся масс. Статья т. Луначарского, написанная по поводу беллетристического произведения, вошедшего в массы, потому и должна привлечь внимание всякого социал-демократа, что в ней вопросы, выдвинутые беллетристом и художником, поставлены на почву практики социализма [1]). Наличность этой практической постановки вопроса в статье т. Луначарского, не нуждается в доказательствах. Но полезно будет отметить, что т. Луначарский исходит из следующих неоспоримых положений: на стр. 91 он указывает, что к научному социализму «могут и должны притти многие представители коренной крестьянской и мелкобуржуазной интеллигенции», затем «такие элементы, которые

социал-демократической работе по просвещению рабочих масс, и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет.

Далее—констатируя, что это течение является формой борьбы мелко-буржуазных тенденций с пролетарским социализмом-марксизмом,—а поскольку оно переходит к обсуждению политических вопросов (как, например, в ст. Луначарского в „Литературном Распаде“)—подменяет последний первыми, расширенная редакция „Пролетария“ считает правильным напечатание в № 42 „Пролетария“ статьи „Не по дороге“ и предлагает редакции, как в прежнем, вести решительную борьбу с подобными тенденциями, разоблачая их антимарксистский характер.

II.

ПО ПОВОДУ ПРОТЕСТА Т. МАКСИМОВА В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ: „НЕ ПО ДОРОГЕ“ (№ 42 „Пролетария“).

По поводу поданного тов. Максимовым (псевдоним А. А. Богданова. Л. К.) в расширенную редакцию „Пролетария“ протеста против помещения редакцией „Пролетария“ статьи: „Не по дороге“,—протеста, заключающего в себе угрозу расколом, расширенная редакция „Пролетария“ считает нужным заявить:

1) что ссылки тов. Максимова на нарушения решения редакции не помещать философских статей на страницах нелегального органа—совершенно неосновательны, ибо борьба со всевозможными формами религиозного сознания и религиозными настроениями, откуда бы они ни исходили, является необходимой и одной из очередных задач руководящего органа фракции, и страницы „Пролетария“ ни под каким видом не могли быть закрыты для подобной борьбы;

2) что подобный протест должен быть рассматриваем, как попытка прикрыть богостроительскую пропаганду в с.-д. среде и помешать „Пролетарию“ выполнить одну из его задач.

[1]) Статья т. Луначарского была написана по поводу повести Максима Горького „Исповедь“.

являются переходными типами к ремесленному и сельскому пролетариату и самый пролетариат этого рода» и, наконец, говоря о политической гегемонии пролетариата, о революционном сотрудничестве его с крестьянством, в том понимании, которое дано и Каутским, и большевизмом, устанавливает неизбежность того или иного влияния пролетарской идеологии на мелкую буржуазию. Все это так, все это неоспоримо, и наше разногласие с т. Луначарским начинается только тогда, когда он ставит вопрос, способна ли «трудовая масса» воспринять пролетарскую истину «во всей ее чистоте». И он прав, когда отвечает на этот вопрос решительным отрицанием. Ведь иначе нам с Луначарским пришлось бы толковать о «гегемонии» не в том смысле, который мы с ним придаем этой линии, не в смысле «революционного сотрудничества» Каутского и большевиков, а в смысле социалистической революции. Ошибка Луначарского заключается в том, что он полагает, что существуют какие-то другие способы привлечения трудовых масс к знамени научного социализма, кроме того экономического процесса, который пролетаризирует эти массы и передвигает их на точку зрения пролетариата. Луначарский, вопреки основоположникам научного социализма, полагает, что самому социализму можно придать форму более приемлемую для полупролетаризированных слоев. А так как здесь мы видим незаконное распространение «революционного сотрудничества» на сферу идейную и, следовательно, компрометированье самого принципа «революционного сотрудничества», как он отстаивается—и правильно отстаивается—Каутским, то мы и должны самым решительным образом протестовать против этого зигзага в мышлении т. Луначарского.

Эта основная фальшивая нота,—стремление придать социализму более приемлемую для непролетарских слоев форму,—играет с тов. Луначарским скверную шутку. Он стремится приблизить «трудовые массы», полукрестьян («герой «Исповеди» Матвей,—пишет тов. Луначарский,—не социал-демократ, не рабочий, а полукрестьянин; это следует хорошенько заметить») к свету научного социализма, а выходит так, что его социализм становится похожим на полусознательные мечты и порывания крестьян. Что в этих местах—вполне естественно, как это неоднократно разъясняли все марксисты, и неизбежно, как показывают все крестьянские, революционные движения,—сказываются общие начала социализма утопического, что у «полукрестьянина», т.-е. крестьянина, оторвавшегося от стародедовского уклада и выброшенного в гущу капи-

талистического общества, прихотливо переплетаются эти начала крестьянского социализма с режущими впечатлениями новой жизни и комбинируются с *методами* мышления, вынесенными из первобытной среды—все это так. Но видеть в этом «поистине прекрасное» «преломление» пролетарского миросозерцания в головах самородков—как это хочет представить Луначарский,—это значит забывать критические задачи пролетарского социализма ради революционных задач демократа.

А у Луначарского выходит именно так. Оговорившись, что Иона—первый представитель пролетарского света, с которым встречается наш полукрестьянин,—«не удовлетворяет всем тем требованиям, которые предъявляются к сознательному партийному пропагандисту», Луначарский немедленно переходит к возвеличению вновь открытой формы социализма. «Иона,—пишет он,—дает общую истину, не *определяя ее точно*. И в этой общей форме она *доступнее* такому человеку, как Матвей. И ему, богоискателю, *понятнее высокая формула*, в которую *облечен* здесь социализм» (курсив наш).

Социализм в виде общей истины, именно, благодаря своей общности, расплывчатости, неточности более доступный полукрестьянину, облечённый в более «высокую» (?!!) формулу богоискательства—это и есть не пролетарский, а средневековый, крестьянский социализм. И, повторяем, не сказать именно этого по поводу разбираемого произведения,это и значит спасовать перед этой *формой* социализма, на место критики первоначальных форм социализма поставить апологетику этих форм. И эту-то апологетику—представляющую преступление в устах научного социалиста—в устах марксиста—Луначарский пытается оправдать «революционным сотрудничеством» пролетариата и крестьянства! Это как раз та форма сотрудничества, против которой не переставали протестовать такие марксисты, как Каутский.

Против нее протестует вся большевистская литература, как протестует она против всякого вида *оппортунизма*, против всякого приспособления пролетарской идеологии, против всяких попыток придать этой идеологии более «доступный» для непролетарских слоев вид. Социализм, приспособленный к религиозной психике полукрестьян и этим думающий облегчить «революционное сотрудничество» по-нашему, заслуживает того же, что социалистическая политика, приспособляемая к тому, чтобы «не запугать либеральную буржуазию».

Такие идеи доказывают лишь, что Луначарский недостаточно усвоил ту скромную форму социализма, которая зовется, в отличие от всяких других его форм «научным социализмом», и что

поэтому для него неясна та пропасть, которая лежит между марксовым социализмом «низкого штиля» и социализмом «высокого штиля» богоискателей.

Вот как поясняет Луначарский «высокую формулу», в которую облечен здесь «социализм». «Ищешь бога? Бог—есть человечество грядущего, строй его вместе с человечеством настоящего, примыкая к передовым элементам».

Нам вспоминается при этой формуле та формула, в которой некогда Вл. Соловьев пытался осмеять шестидесятников. «Так как человек происходит от плешивой обезьяны,—рассуждали шестидесятники по Вл. Соловьеву,—то ты должен положить живот свой за други своя». К этой карикатуре на гуманистический материализм Луначарский теперь сводит социализм. «Так как ты ищешь бога, то... примыкай к передовым элементам»... Между карикатурой Вл. Соловьева и формулой Луначарского различие—увы!—не в пользу последнего. В карикатуре Соловьева, лишенной формальной логики, была логика прогрессивного исторического движения, в формуле Луначарского есть логика реакционного движения мысли. Вместо того, чтобы осуществить критическую задачу социализма—разрушать тот строй души, ту психику, те методы мышления, которые выражаются в поисках бога, Луначарский пытается облечь социализм в такие формы, которые бы этот метод мышления удовлетворил. Эта попытка не может не кончиться конфузом для социализма т. Луначарского. Пытаться на религиозных запросах построить что-либо прогрессивное, это значит спуститься на ту плоскость, где действует организованная религия, и пытаться конкурировать с ней, отнюдь не отрицая самых ее основ. Это—не задача социалиста. На этой почве может быть конкуренция реакционных и либеральных попов, либеральных попов и идеалистов всех толков. Но тут нет места для научного социализма. Он копает глубже.

А т. Луначарский незаметно для себя оказался по ту сторону баррикады, по сю сторону которой научный социализм борется за полное освобождение человечества от всякого гнета, между прочим, и от гнета религиозных фетишей.

По поводу этой «высокой» формулы, дающей возможность социализму быть «доступнее» психике человека средневековья, Луначарский восклицает: «Чудная формула. Не в наших терминах изложена, но по существу она наша. Это та же музыка, наша музыка, только играют ее на новых инструментах».

Нет! Слух обманул Луначарского и обманул именно потому, что ему представилось, что научный социализм есть какое-то «облачение», которое может быть заменено другим, более «высо-

ким». Это не только не наша музыка, но музыка классов враждебных, разыгранная на инструментах, специально к этому приспособленных, и пытаться играть на этих «новых» (для марксистов!) инструментах—значит забывать, что критика этих инструментов—необходимый элемент нашей пролетарской музыки. Что социалисты-утописты вплоть до 1848 года пытались играть на этих инструментах,—известно, вероятно, т. Луначарскому, и, что Маркс начал с критики их «чудных формул», этого не должен забывать марксист.

И мы боимся, что—сколько бы ни старался т. Луначарский «облечь» социализм по-«новому» (а если не забывать истории— по-старому)—не удастся ему из его «новых» инструментов извлечь ничего, кроме старой музыки специально организованных музыкантов и из элементов опийной настойки приготовить бодрящее вино.

Мы боремся против «опиума» не для того, чтобы заменить его хмелем, и для нас глубоко немарксистскими являются мечтания о борьбе со старой организацией религии на ее же почве.

Наличность «старой музыки» очень старых инструментов не можем мы не отметить уже теперь у Луначарского. Стоит для этого просмотреть главку его статьи, озаглавленную «Чудо», где в качестве «кусочка грядущего» нам предъявляют «факт сладостного и грандиозного душевного подъема участников коллективных религиозных актов». Художник дал нам правдивую и сильно написанную картину этого «чуда» средневековья. Задача критика марксиста была осветить это средневековье с своей точки зрения, с точки зрения пролетариата. И вот это средневековье оказывается для него «знаменем грядущего», «предвкушением желанного». Нам предлагают не «шокироваться обрядовой и суеверной обстановкой», а оценить «наличность общего настроения, общей воли». Но мы еще не настолько увлечены музыкой старых инструментов, чтобы не рассмотреть здесь—даже уступая Луначарскому и оставляя в стороне обрядовую и суеверную обстановку—наличность общего рабского настроения, общей не просветленной сознанием воли, а в этом рабстве и в этом отрицании сознательности не видеть результата того отравления, которое несет всякая, т. Луначарский, религия. А Луначарский продолжает: «Но велика запуганность наша. Крестный ход? Иконы? Ризы? Кадила?—не хотим ничего слышать. Хотя бы в этих условиях развивались самые любопытные социально-психологические явления. Так нельзя»... И несколькими строками выше: «Дело не в том, чтоб отрицать начисто, априори, а в том, чтобы понимать и оценивать».

Тов. Луначарский напрасно так умышленно-упрощенно рисует себе психику марксистов—его противников. Конечно, надо понимать и оценивать, и дело только в том, что наше понимание, наша оценка не сходятся с т. Луначарским.

Мы «поняли» и полагаем—за одно со всеми основателями пролетарского социализма,—что дело как раз в том, чтобы отрицать начисто всякий дурман народа, даже такой, в котором «высокому» социализму и высоким формулам тов. Луначарского благоугодно видеть знаменья грядущего. И нет ничего мудреного в том, что призыв т. Луначарского к «пониманию» «крестного хода», к любованию «чудом», его приглашение видеть здесь «кусочек грядущего», встречает уже—и, думаем, будет встречать что дальше, то больше—со стороны товарищей—вопрос: «есть же предел?», и что на этот вопрос они уже склонны отвечать: «нам не по дороге с проповедниками такого социализма».

Социализм «высокого штиля», т. Луначарского, при всех своих благих желаниях, может только затруднить критическую работу пролетарского социализма—особенно в России!—и запутать не одного рабочего, выбивающегося из темноты средневековых понятий и средневековых мечтаний о религии-освободительнице к свету научного социализма.

Именно то «отрицание начисто», которое так не нравится т. Луначарскому, сопровождаемое знанием и пониманием гнусной исторической и социальной роли религии, является условием дальнейшего развития классового сознания русского рабочего.

А рядом с этим то компрометирование основных идей большевизма, которое создается попытками связать их с проповедью новых «облачений» социализма, которое скрывается в таком толковании «революционного сотрудничества», которое на деле является оппортунистическим приспособлением к психологии и горизонту крестьянской массы, живущей в средневековых условиях, должно встретить самый определенный отпор со стороны большевизма. Ибо, в переводе на язык реальных отношений, «революционное сотрудничество», покрытое, как шапкой, идеей богостроительства, есть порождение контр-революционной эпохой пасование перед реакционно-утопической крестьянской идеологией, пасование, которое, будучи додумано до конца, обозначало бы полный разрыв с той концепцией «революционного сотрудничества», которая дана большевизмом и которая осуществлялась в русской революции вопреки средневековым утопиям крестьян, ныне поднимаемым на щит тов. Луначарским.

РЕЛИГИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛИЗМА, ЛУНАЧАРСКИЙ ПРОТИВ МАРКСА [1]).

(О том, что у нас иногда принимают за „идейные центры").

Мы взялись за перо с тем, чтобы поздравить товарищей по партии с открытием, которое должно наполнить радостью их сердца и обоснование которого закончено в только что появившемся втором томе труда т. Луначарского о «религии и социализме».

Важность нового открытия не укрылась от глаз его автора, и т. Луначарский кончает свою работу словами, которым—в виду важности законченного дела—легко прощаешь налет мании величия и тон непризнанного пророка.

«Я сделал то, что должен был сделать. Я постарался широко распахнуть двери внутреннего святилища, эмоционального святая - святых марксизма. Моя книга лежит порогом в этих дверях. Пусть гневно попирают ее входящие: важно, чтобы они заглянули в недра открывшегося храма».

Подвиг сей совершен т. Луначарским в исключительно трудных обстоятельствах. Во-первых, ему мешали «разные сторожа при марксистском музее», во-вторых, борясь с оными «сторожами» и «заглядывая» в вышеупомянутые недра, он действовал, как пионер: первый взял (и выполнил) на себя эту задачу. Приподнимая покров над своим открытием, т. Луначарский скромно сознался в этом. Он пишет: «Для анализа экономических и политических судеб церкви, марксистами сделано довольно много (Энгельсом, Каутским и др.), для религиозно-социалистического истолкования сложившихся идей и настроений религиозного порядка ничего почти не сделано». Тут т. Луначарский, несомненно, прав. Для религиозного «истолкования идей и на-

1) „Социал-Демократ" № 25 от 8 декабря 1911 г.

строений религиозного порядка» сделано очень много—попами в рясах и без оных. Для *социалистического* истолкования (т.-е. для истолкования с точки зрения научного социализма) тех же религиозных «идей и настроений» очень много сделано—социалистами (между прочим, и самим Марксом). Но... прав тов. Луначарский, до него «почти ничего» не было сделано для истолкования религии с точки зрения *религиозно-социалистической*. И это по той простой причине, что для того, чтобы что-либо «истолковать» с точки зрения *религиозно-социалистической*, надо быть *религиозным социалистом*. А эта порода людей вымерла почти без остатка лет 60 тому назад, т.-е. тогда, когда на смену *религиозному* социализму мелкобуржуазного утопизма пришел *научный* социализм пролетарского класса. Но решительное отмежевание «социализма, как науки» от всяких религиозных примесей в теории, не гарантирует еще социалистического массового движения от перенесения в него «идей и настроений религиозного порядка». Эти «идеи и настроения» вносятся в него с двух сторон. Со стороны вновь примыкающих к движению крестьянских и мещанских масс, воспитанных тысячелетиями своими господами в религиозных бреднях и приносящих с собой из глубин своей культурной отсталости привычки и навыки религиозной психологии И со стороны примыкающих к движению интеллигентских элементов (часть которых составляют и примыкающие к социализму духовные лица, пасторы и т. д.), для которых «социализм, как наука», и социализм, как историческое движение данного класса в данной обстановке, слишком плоской, убог, мало-«обаятелен», мало-возвышен, мало «красочен», беден, сух. Не таков он для пролетария и для пролетариата, но интеллигент, соблаговоливший *принести себя в жертву* рабочему делу!.. ведь, он принес с собою свою душу, возвышенную, утонченную, богатую, свои «красивые» чувства и свои «богатые» чувствованьица, и он требует от социализма вознаграждения, возмещения: социализма-эстетики, социализма-метафизики, социализма-божества, социализма-религии.

Как немецкий пастор, возмутившийся видом страданий рабочих поселков и двинувшийся вперед к рабочей партии, начинает с того, что приспосабливает ее к себе, объявляет ее «носительницей христианства», чтобы ублаготворить сидящего еще в нем *попа*, так деклассированный интеллигент приспособляет в своем воображении реальное рабочее движение к своим потребностям, к себе, к своей фразеологии, делает из ра-

бочего социализма последнее прибежище своей издерганной сущности. Поразительные—по своей наивности и по неумению скрыть нищенский характер своей психологии—признания на этот счет заключаются в книге т. Луначарского.

Потерявши веру в «благостность» бога,—пишет наш автор, — «человек остается совершенно безутешным». «Безрадостен отъединенный человеческий индивид», находим мы в другом месте.

И этот мотив—«безутешен человек» без бога, «безрадостен индивид», потерявший первобытную связь с природой красной чертой проходит через всю работу т. Луначарского. За «утешением» и «радостью» пришел он, от старого отставший, в новое не вошедший,—к социализму. Пришел со старой психологией, со старыми потребностями, которые некогда удовлетворяла религия благого и разумно творящего бога. Однако бога вымела жизнь и наука, (которую он поэтому не прочь упрекнуть в сухости), и для удовлетворения старых потребностей, старой психологии надо искать нового объекта, который обладал бы старыми «утешающими» и «радующими» качествами. Социализм должен стать религией, чтобы удовлетворить выходца из старого мира; пролетариат, человечество должно стать божественным, божеством, самим богом, чтобы он согласился ему послужить или хотя бы итти с ним в ногу. Не новый мотив. Не очень богата русская общественная жизнь, однако т. Луначарский с этой психологией лишь последний в длинном ряду интеллигентов, пришедших к социализму, потому что и поскольку социализм казался им готовой заменой религии.

Пришел Булгаков, понюхал: не пахнет ли религия божественным, абсолютами, вечными ценностями, не утешит ли, не обрадует ли? Нет, не пахнет. Попробовал привить «высшие ценности» Канта, идеализм. Не вышло. Обругался и ушел... и то, чего искал, нашел в православии. Пришел Бердяев. Ужасно, говорит, у вас, господа пролетарии, все плоско, серо, убого, заразились вы буржуазностью, величию души тесно, надо от этого спасаться. Надо «признать мир идеальных ценностей», подняться до степени «священных запросов» религии, а то «жизнь будет сера, пуста, бессмысленна», а «души пролетариев покроются толстым слоем жира». Однако и к бердяевским заботам о том, чтобы пополнить серый «социализм, как науку» яркой религией, пролетарии не очень прислушивались. Этот ушел искать ответов на свои запросы тоже к Антонию Волынскому... Приходил Струве. Этот тоже жалел, что «социализм, как наука», «сер и деловит» и прямо ставил задачу: «создать в пролетариате моральное настроение

и мировоззрение, стоящее на высоте его исторически общественного призвания, иначе говоря, вложить ценное, моральное содержание в его общественно-политический идеал». Дело, как известно, кончилось «Вехами» [1]).

Теперь тов. Луначарский... и ему марксизм, таков, как он есть, кажется «музеем», который предстоит обратить в «храм» с помощью превращения социализма в религию. Путь, которым идет т. Луначарский, есть буквально, точка в точку, слово в слово, повторение того пути, которым шли 10 лет тому назад г.г. Бердяев, Булгаков, Струве. Пожелаем ему, чтобы он не пришел туда же, куда счастливо прибыли его предшественники.

Г.г. Струве, Бердяевы, Булгаковы, Луначарские ищут в марксистской философии того, чего в ней нет, чего она дать не может, и б о н е х о ч е т, ищут здесь удовлетворения тех потребностей, тех запросов, н а о т р и ц а н и и которых стоит философия и вся система воззрений Маркса.

Религиозные потребности представляются т. Луначарскому (как представлялись и представляются г.г. Струве, Бердяеву, Булгакову) извечной и неискоренимой чертой человеческого духа. Они представляются ему высшими выражениями этого духа. Он видит в религии «вечную сущность». Естественно, что его благосклонное отношение к научному социализму находится в прямой зависимости от соответствия последнего с этой «вечной сущностью религии. Но тут-то и оказывается, что предшественники и учителя т. Луначарского, г.г. Струве, Бердяев и Булгаков, были последовательнее и искреннее т. Луначарского. Они сразу поняли и очень скоро сказали, что марксизм не выдерживает критики перед судом их «вечных сущностей» и сразу поставили свою задачу, как и с п р а в л е н и е марксизма (для того, чтобы столь же скоро притти к неизбежному выводу, что тут дело непоправимое). Наученный же их опытом, т. Луначарский поставил свою задачу наоборот: он решил фальсифицировать марксизм для того, чтобы притти к выводу, что марксизм-то и есть не что иное, как религия, что марксизм

---

[1]) Статьи Струве, Бердяева и Булгакова, характерные для перехода русской интеллигенции от временного увлечения „легальным марксизмом" через „идеализм" и религию к служению буржуазии, собраны в сборниках: П. Струве „На разные темы", 1902 г., Н. Бердяев „Sub specie aeternitatis", 1906, С. Булгаков „От марксизма к идеализму", 1904. Последняя цитата взята из предисловия П. Струве к кн. Бердяева: „Субъективизм и индивидуализм в общественной философии", 1901 г., ст. LXXII. Антоний Волынский, архиепископ, реакционнейший „князь" церкви, приветствовавший „Вехи" специальной статьей.

есть новый религиозный ответ на старые религиозные вопросы и настроения. Таким образом, казалось, возможно и невинность соблюсти (пребыть «марксистом») и капитал приобрести (приспособить марксизм к «утешению» религиозных душ). В этом-то, т.-е. в том, что марксизм есть религия и что мы все, марксисты—социал-демократы, несознанно исповедуем религию, и принимая социализм, утоляем известные религиозные свои потребности,—и заключается открытие т. Луначарского.

Это его первое открытие, из которого следует, что до т. Луначарского никто, ни теоретики, ни миллионы с.-д. рабочих не понимали собственных мыслей.

Второе его открытие, естественно связанное с первым, заключается в том, что Маркс и Энгельс были никем иным, как великими религиозными реформаторами и глубоко религиозными людьми.

Не знаю, много ли социал-демократов обрадуются, узнав, что они исповедуют, принимая научный социализм, всего лишь новую религию. Вряд ли, однако. Борющийся пролетариат не чувствует потребности ни в чем божественном, ни даже в том, чтобы самого себя возводить в божество.

Удары научного социализма направлены не против той или другой формы религии, а против самой религии, против той «вечной сущности», высшим выражением которой хочет ее представить т. Луначарский. Не только о бездне невежества, не только о глубоком непонимании марксизма, но и о плоском, мещанском подходе к нему свидетельствует попытка т. Луначарского представить марксизм, отрицающий в корне всякую религию, высшей формой ее.

Тов. Луначарский фальсифицирует марксизм для удовлетворения сидящего еще в нем попа. По своей безмерной смелости эта попытка фальсификации социализма должна по достоинству занять место в ряду самых грандиозных попыток старого мира *п р и р у ч и т ь* социализм, отравив социалистическое движение ядом, выделяемым издыхающим организмом старого общества.

Религиозные потребности духа—извечны и неистребимы; научный социализм есть высшая форма их удовлетворения. Такова основная «идея» т. Луначарского. «Я осмеливаюсь сказать,—пишет он,—что философия Маркса есть *ф и л о с о ф и я р е л и г и о з н а я*, что она вытекает из религиозных исканий прошлого»... «В религиях прошлого—неясное мерцание той самой истины, которая ярко возвещена в нарождающейся религии коллективизма». «Иррациональные чувства», легшие будто бы в основу

«религии» Маркса—Энгельса, «действительно, коренным образом связаны с идеалистическими исканиями прошлого». Для конкретизации этого следовало, конечно, объявить религию извечной и неизбежной формой всякого протеста против угнетения человека человеком. Это и пытается доказать т. Луначарский, доказывая таким образом марксизм. У него естественно выходит, что «апостол Павел, как и Иисус были в сущности орудием коллективной души мирового пролетариата» (!!?).

Это—перл! Но, чтобы не увеличивать количества цитат, сплошь набитых самым дешевым и безвкусным Falschfeuer'ом, мы ограничимся только еще одной:

«Маркс резко подчеркивал примат человечески-коллективного, видового, над человечески-индивидуальным. С видом (?)... связана у него идея искупления (?!!)... И только в нем, выражаясь метафизически, видит он (Маркс?) бого-младенца, колыбель которого окружают тупые, черные змеи стихий. Прекрасная надежда на расцвет могущества этого бога-младенца, на растущий триумф его, запрягающего порабощенных светом сознания драконов в победную колесницу свою, на торжественный и стремительный полет его, светлого бога жизни, сквозь тьмы тем миров, бытия и полу-бытия,—вот идеализм Маркса. Горячие чувства своего родства, своей принадлежности богу-младенцу, понимание ценности жизни личной лишь в связи с грандиозным размахом жизни коллективной—вот религиозное чувство Маркса».

Таков луначаризированный Маркс, который, конечно, вызовет недвусмысленное отвращение всякого последователя великого социалиста. «Нет, мне смешно, когда маляр негодный мне пачкает»... картину научного социализма.

Что же касается существа воззрений Маркса настоящего и Маркса безбожно и бессовестно луначаризированного, то разница их вскрывается очень недвусмысленно: Маркс был историческим материалистом и не отступал ни от своего историзма, ни от своего материализма, «даже» перед «вечной сущностью» религии. «Религия,—писал Маркс,—есть дух буржуазного общества, выражение отделения и удаления человека от человека». «Религиозное отражение реального мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда условия практической будничной жизни людей будут каждодневно представлять им вполне ясные и разумные отношения человека к человеку и природе. Общественный процесс жизни, т.-е. материальный процесс производства лишь тогда сбросит с себя мистическое покрывало, когда он,

как продукт свободно соединившихся людей, станет под их сознательный и планомерный контроль». И «лишь тогда»,—по словам Маркса в старой его работе, «совершится человеческая эмансипация».

В этих словах Маркса дана критика не той или иной формы религии, а самой «вечной сущности» религии. Эмансипация человечества есть создание таких отношений человека к человеку и к природе, при которых не будет места никаким религиозным «сущностям», «идеям» и «настроениям». «Религиозное чувство», даже тогда, когда оно принимает наиболее тонкую форму (а не только та или иная историческая форма религии, т. Луначарский), само есть общественный продукт, продукт известных «общественных отношений», отнюдь не вечных—учил Маркс.

Религиозная «сущность» (а не только та или иная форма религии, т. Луначарский) есть функция «человека, как он испорчен всей организацией нашего общества, потерян, отдан господству нечеловеческих стихий и элементов»,—пояснял Маркс. И вот это-то порождение человеческой «испорченности», прямой результат организации современного общества, т. Луначарский пытается привить социализму, как новое (?!..) откровение, как «продолжение чистой философской традиции Маркса», как «движение вперед по геометрически прямой линии, в направлении, намеченном Марксом». Это все равно, если бы какой-нибудь экономист попытался привить к политической экономии Маркса фетишистические представления товаропроизводителей, объявив эту операцию раскрытием «недр храма» марксистской экономии, «движением вперед» и проч. (см. выше). Раскрытие «тайны» товарного фетишизма и разоблачение «вечной сущности» религии, цитированное сейчас, сделанное Марксом в одной и той же главе «Капитала», как раскрытие двух сторон той же тайны, и мы усиленно обращаем внимание т. Луначарского и особенно его друзей-экономистов на то, что его восстановление прав религии, умаленных Марксом, требует в качестве дополнения и завершения восстановления прав им же разоблаченного «товарного фетишизма».

Тов. Луначарский сам цитировал вышеприведенные слова о сущности религии. Чувствуя, что эти ясные слова побивают его теорию, он пытается спастись следующей цепью соображений: Маркс сам себя не понял, Энгельс не понял Маркса, оба они не поняли Фейербаха, но всех троих понял и разъяснил Богданов, который и создал из наконец-то понятого марксизма фундамент для «нового религиозного сознания» т. Луначарского.

Опять-таки здесь мы можем остановиться лишь на некоторых моментах этого хитроумного самопомазания в истинные марксисты.

Прежде всего, о Фейербахе. Маркс и Энгельс превзошли философию Фейербаха тем, что разорвали с сохранившимися в его системе остатками идеализма и религии. С этой стороны Фейербаха подвергали критике и Маркс и Энгельс.

Но именно эта критика и не нравится т. Луначарскому. Он выдвигает и подчеркивает, считает в Фейербахе гениальным как раз то, что превзойдено было марксизмом. Он считает, что критика Маркса-Энгельса по отношению к Фейербаху «слишком строга». Это понятно. Ведь на его, т. Луначарского, взгляд ценно в Фейербахе то, что «термин религии привлекал его потому, что он, как никто, понял и почувствовал ее вечную сущность», т. е. то, что в Фейербахе было от Луначарского. А между тем, «основной упрек, делаемый Энгельсом Фейербаху, это упрек в преувеличении значения религии и стремление сохранить этот термин для обозначения новых междучеловеческих отношений». Естественно, что т. Луначарский бросается спасать Фейербаха от «слишком строгой» критики «сухого, упорного и сурового рационалиста» Энгельса. Луначарский признается, что при наблюдении того, как Энгельс критикует религиозно-идеалистические элементы фейербахианства, ему «совершенно невозможно сохранить хладнокровие», что ему «больно читать» слова Энгельса о том, что «мы не имеем ни малейшего основания еще более суживать истинно-человеческие отношения, одевая их религиозным покровом». Еще бы «не потерять хладнокровие», еще бы не «больно»! Ведь, выходит, что 60 лет тому назад Маркс и Энгельс уже раскритиковали в лице Фейербаха последнюю, наиболее тонкую попытку примирить интересы развития человечества с религией. Тов. Луначарский «потерял хладнокровие» потому, что не мог не почувствовать, что перед историческим фактом разрыва научного социализма с религиозными моментами в фейербахианстве отдает плохим, безобразно-сыгранным фарсом. А «больно» ему потому, что он предчувствует, что его детским штанишкам не выдержать тех ударов, которых полстолетия назад не выдержал Фейербах. И напрасно надеется т. Луначарский, что Каутский осудил бы его книгу «мягко». Полагаю, что Каутский не поступил бы ни мягко, ни резко, а заметив, что автор двухтомного русского исследования гуляет совсем голеньким, просто отослал бы его к тем книгам, в которых немецкий социализм 50 лет тому назад распрощался с детскими иллюзиями и мла-

денческим лепетом. Увы, мы находимся не в таком положении. Всесторонняя отсталость России дарит нас такими «исследованиями» и такими «проблемами», которые для европейского марксиста представляют лишь потревоженные тени из запылившегося уже архива его идейного развития.

Тов. Луначарский не одобряет Энгельса и Маркса за их строго критическое отношение к религиозно-идеалистическим элементам фейербаховской философии, но зато он одобряет Богданова за его «движение вперед»... от Маркса. Естественно возникает вопрос: не потому ли защищает т. Луначарский одновременно и Фейербаха и Богданова, что в произведениях последнего прозрел воскрешение того, что осудили у первого и Маркс и Энгельс. Тов. Луначарский не оставляет нас здесь без точного ответа.

«Мы находим в воззрении Богданова, в столь блестящих построениях его на прочном фундаменте подлинного марксизма, прекрасную почву для расцвета социалистического религиозного сознания». Спасибо за откровенность, которая, впрочем, не очень понравится Богданову, т. Луначарский... Немного есть людей, которые бы так близко стояли к философии Богданова, как т. Луначарский, и никто, вероятно, не станет оспаривать за ним права интерпретировать философию последнего. Еще раз спасибо, т. Луначарский.

Но если, с одной стороны, «блестящие построения» Богданова дают «прекрасную почву» для «религиозного сознания» т. Луначарского, то — с другой стороны — они сами стоят на прочном фундаменте «подлинного марксизма». «Богданов является единственным марксистским философом, продолжающим чистую философскую традицию Маркса». Луначарский отстаивает «всю строгость» богдановской «марксистской ортодоксальности».

«Подлинный марксизм», через посредство Богданова, дающий несколько неожиданно для своих основателей и их учеников, вроде Каутского, блестящий плод нового религиозного сознания, — этого рода подлинный марксизм поневоле возбуждает сомнение. Загадка, однако, разрешается очень просто. «Подлинный Маркс», сам себя не понявший, не понятый Энгельсом и Каутским, вульгаризированный Плехановым, оказывается просто богданизированным Марксом. Доказательства? «Для Маркса мир действительности есть только человеческая практика... Космическое бытие, каким нам рисует его естествознание, для Маркса есть только временное трудовое приспособление». Можно ручаться, что ни один марксист не узнает в этих словах Маркса, материалиста Маркса, но всякий, перелиставший хотя бы

«Эмпириомонизм», узнает в этих будто бы марксовых словах Богданова. По Богданову,—пишет сам т. Луначарский,—«фактическая действительность есть своеобразное, общественное орудие. аналогичное всяким другим орудиям» (т.-е. всяким другим произведениям человека? Так?..). С помощью т. Луначарского выходит, что Маркс был не более, как идеалистом богдановского толка. Вот этот-то марксизм, росший, по словам Луначарского, «долгое время скрыто» (где?.. надо думать. под черепом Богданова), и дал свой плод в религии т. Луначарского. Теперь нам известна тайна и фокус т. Луначарского. Его задачей было спасти религию от критики социализма. Для этого он пустился на фокус и объявил самый марксизм ралигией. В конце же концов религия осталась у него в руках, а от марксовского социализма не осталось ни грана.

Но, ведь, т. Луначарский продолжает с яростью отстаивать свое звание «марксиста», да еще «подлинного», ортодоксального? Гм!.. И его учителя г.г. Струве, Бердяев, Богданов называли себя «марксистами» уже в тот момент, когда совершенно порвали с марксизмом, а г. Изгоев называет себя марксистом в книжке, выпущенной... в 1910 году. Стара штука.

На этом мы могли бы на этот раз покончить с т. Луначарским. Но нам хочется отметить вот что. Каждому контрабандисту приходится закутывать свою контрабанду. Тов. Луначарский закутал свою религиозную контрабанду в историческое исследование. 2-й том его книги начинается с рассказа о Христе, Павле и т. д. Мы посоветуем каждому, кто захочет действительно узнать что-нибудь об этих интересных явлениях, ни в коем случае не доверять исторической добросовестности т. Луначарского. Познавать действительное происхождение религий, их роль и судьбы надо н е о т п о п о в. Марксисты имеют теперь великолепное исследование судеб христианства от его возникновения до реформации в работах Каутского: «Происхождение христианства» и «История социализма». Поскольку в работе Луначарского есть какие-либо факты, социально-политические соображения и пр.,—все это дано в виде скучной, бессистемной компиляции, вернее сборника цитат из этих работ. Эти цитаты прерываются пророчествами и сентиментальными припадками дурного вкуса. Об этих пассусах мы имеем отзыв самого Маркса и им можем ограничиться. Этот отзыв дан в одной его работе в главе, носящей соответственное делу заглавие: «Р е л и г и о з н ы е б л а г о г л у п о с т и», и с исчерпывающей полнотой касается всех благоглупостей т. Луначарского, и «религии вида»,

и «преодоления эгоизма» и «искупления» даже. «Понятно,—пишет Маркс,—что любовная болтовня и ее противопоставление эгоизму со стороны т. Луначарского (которого автор этой цитаты характеризует, как человека «с большой долей чувствительной мечтательности и декламаторского таланта») есть не что иное, как все нарастающее откровение насквозь пропитанного религией ума. Все самоотречение, которое христианство требует от человека, т. Луначарский стремится вновь навязать ему под вывеской коммунизма». Цитируя фразу т. Луначарского: «не имеем ли мы права отнестись серьезно к долго-сдерживаемым желаниям религиозного сердца, и во имя бедных, несчастных, отверженных вступить в борьбу за реализацию прекрасного царства братской любви», Маркс пишет: «итак, он выступает в поход, чтобы отнестись серьезно к желаниям не настоящим, мирским, а религиозным, исходящим не от обозленных действительной нуждой сердец, а от размягченных блаженной фантазией». Луначарский пишет: «с видом связана у Маркса идея искупления». Маркс отвечает: «эта бессмыслица о «мировом искуплении» вполне соответствует чуду, состоящему в том, что пророчества евангелистов, от которых давно отказались, теперь, сверх ожидания, исполняются благодаря Луначарскому». А насчет «религии вида», человечества, исповедуемой будто бы Марксом, последний пишет: «Отвратительным сервилизмом в угоду оторванного от своего «я» и от отличного от него,—человечества, которое таким образом является метафизической и даже религиозной фикцией, никуда негодным рабским унижением кончает эта религия, как и всякая другая. Такое учение... вполне пригодно для храбрых... монахов, но никуда не годится для энергичных людей, да еще в боевое время». Луначарский,—кончает Маркс,—«именем коммунизма проповедует старую религиозную и немецкую (т.-е. идеалистически) философскую фантазию, которая прямо противоречит коммунизму. Вера и даже вера в «святой дух общности»,—это последнее, что требуется для проведения коммунизма». Но да не подумает какой-либо читатель, поверивший т. Луначарскому в том, что Маркс—ученик Христа и продолжатель дела Христова, будто Маркс—по примеру Христа—воскрес, дабы свидетельствовать истину. Вышеприведенные слова Маркса написаны 65 лет тому назад и приобретают все злободневное значение потому, что в лице т. Луначарского воскрес тот Герман Кригге, против которого они были в свое время направлены. Как не трудно убедиться из сопоставления слов т. Луначарского и слов Германа Кригге, цитированных Марксом, первый

повторил последнего буквально слово в слово. Вот вам и новое откровение», «недры нового храма марксизма»! Тов. Луначарский размазал в двухтомное исследование мыслишки жалкого немецкого мещанина, писавшего до Коммунистического Манифеста, и сохраненные нам только потому, что творец научного социализма выбрал именно их для демонстрации всей пошлости и убогости религиозной психологии и религиозного «социализма». Посему, т. Луначарский, а также потому, что «спаржу следует называть спаржей», вам следует называть себя не учеником Маркса, а продолжателем и последователем религиозного до-революционного немецкого мещанства.

Но почему же мы занялись в политическом органе этой жалкой, многословной попыткой фальсификации марксизма на потребу жаждущих «утешения», «гармонии» и разумного «миропорядка» душ?.. А потому же, почему Маркс выступил с «окружным посланием» против Луначарского-Кригге.

Потому, что срамно... Потому, что т. Луначарский хочет не только бога строить, но партию строить; потому, что он выступает представителем и порт-паролем политической группы («Вперед»), называющей себя частью Российской С.-Д. Р. П., потому, что, будучи кем угодно по существу своему, человеком, быть может, очень разносторонним, очень религиозным, очень талантливым, но не марксистом, он претендует на решающий голос среди марксистов; потому, что находятся люди, которые считают его и поддерживающих его друзей «идейным центром», с которым марксисты должны вступить в соглашение и т. д. Да, т. Луначарский «идейный центр», или один из идейных центров. Но чего?.. Один из идейных центров Р.С.-Д.Р.П.? Мы настоятельнейше просим, чтобы кто-нибудь выступил с открытым заявлением о том, что идейный центр т. Луначарского есть центр марксистский. Но мы настоятельнейше просим, чтобы этот кто-нибудь дал себе раньше труд сообразить, что социализм, марксизм—то ж есть целостная система. Наши уши прожужжали за время контр-революции криками: не трогайте религии, не трогайте философии, это личное дело каждого отдельного социалиста, личное дело Максимова, Луначарского и т. д., и т. д.. Это лицемерие, за которым прячется трусость. Луначарские и Максимовы не создали никакого центра практического рабочего движения, зато во время контрреволюции они создали, несомненно, анти-социал-демократиче-

ский центр, центр, через который философская реакция и вспышка религиозности из буржуазных и мещанских слоев проводилась в пролетарскую среду.

Быть может, Богданову дано создать секту эмпириомонистов, быть может, Луначарский и великолепный богослов, быть может, Савельев [1]) лучший из анархистов, а Вольский, автор «Философии борьбы», умнейший из анархиствующих критиков Каутского, но для постройки Р.С.-Д.Р.П. нужны не эмпириомонисты и проповедники «культуры», не богословы и не анархисты, а социал-демократы.

Из группы «Вперед» больше всего доносилось до нас криков о свободе личных убеждений, о законности «оттенков» и протестов против «нетерпимости». Это понятно. Группа «Вперед» представляла из себя разношерстный конгломерат из анархиствующих практиков и ревизующих в сторону идеализма и религии марксизм теоретиков, если не считать политиканствующих ущемленных самолюбий. Единогласно подняли они борьбу против узости и нетерпимости марксистов, чтобы, конечно, в ближайшее время начать отрекаться друг от друга. От этих дружеских взаимных «разъяснений» мы ждем только одного благого результата: разъясняя друг друга, товарищи по политической деятельности, отзовисты, люди «нового религиозного сознания» и люди «пролетарской культуры» разъяснят всем, что всем им нечего делать с марксизмом. Марксистам остается помочь им понять эту несложную истину.

А людям, надеющимся еще строить партию путем «соглашений» и «взятия подписки», обязательств и пр., мы напомним одно: В 1909 г. Луначарский в специальном листке писал: «Я решительно отказываюсь от термина религии» [2]). Нас меньше всего интересует терминология, но нельзя не указать, что в 1911 г. Луначарский выпустил книгу, где вся «терминология» сохранена во всей своей красе.

---

[1]) Максимов—псевдоним А. Богданова. Савельев—псевдоним Ст. Вольского. О последнем см. следующую статью.

[2]) Листок этот—под заголовком „письмо к товарищам"—выпущен был в Женеве т. Луначарским в ответ на мою предыдущую статью „Не по дороге".

ОБ ОДНОМ УЧЕНИКЕ РЕНЕГАТОВ МАРКСИЗМА [1].

Журнал «Заветы», считающий себя органом народнического направления и до сих пор прославивший себя лишь нашумевшим романом Ропшина, в одной из своих первых книжек заявил, что в нем сотрудничают и марксисты.

В вышедших книжках мы заметили, однако, лишь одно имя, принадлежащее автору, считавшемуся «марксистом».

Это—Ст. Вольский. В пятой книжке «Заветов» помещена его статья: «О блудных сынах социализма».

Статья эта, прежде всего, обнаруживает полную безграмотность автора в вопросах социализма и заставляет подозревать, что автор никогда ничего не слыхал о марксистском методе изучения общественных явлений.

Ст. Вольский обеспокоился «трезвостью» современного рабочего движения. Он открыл, что «волна мещанства надвигается на социализм из его собственных недр». Мотив не новый, совсем не новый. Уже добрый десяток лет тому назад это открытие было сделано совокупно небезызвестными господами Струве и Бердяевым.

«XIX век,—писал Бердяев в 1901 г.,—создал в своих недрах оппозицию буржуазному обществу. И вот оппозиция заразилась буржуазностью». «Буржуазностью,—подтверждает тогда же г. Струве,—одинаково поражены как удовлетворенные, так и неудовлетворенные современностью». Таким образом, нашему «рыцарю духа» и борцу с мещанством в социализме довелось начать свой крестовый поход простым плагиатом. А ему-то казалось, что он нивесть какие новые горизонты раскрывает...

Мы не можем запретить г. Вольскому иметь бердяевско-струвеское представление о характере борьбы современного пролетариата, и не собираемся разъяснять ему, что простой плагиат из писаний ренегатов марксизма не дает еще права счи-

[1]) „Северная Правда", 1913 г., № 17 и „Социал-Демократ", 1913 г., № 31 (15 июня).

тать себя провозвестником «нового слова» и спасителем социализма. Но мы должны указать, что, в той же мере, как и старые рассуждения г.г. Струве и Бердяева, и новые рассуждения г. Вольского свидетельствуют лишь о полной неспособности их авторов к усвоению основ современного социалистического движения.

Но почему же приключилась с пролетарским движением эта беда, обеспокоившая г.г. Струве и Бердяева в 1901 г., а Ст. Вольского—в 1913 году?

Последний объясняет это так: «Блага жизни стали доступнее, существование несколько сноснее; и проснувшаяся любовь к комфорту, к уюту свила в душе такое прочное гнездо, что уже не осталось там места грезам о далях, еще недостигнутых, о маяках, еще не зажженных».

Но не иначе объяснял печальное положение рабочего движения и г. Бердяев. Производители становятся гражданами мира сего, создаются некоторые элементарные условия для развития человеческой жизни, их борьба приобретает менее острый характер... и вот—пролетарии становятся мещанами.

Опасность, как видим, велика. И Бердяев и Вольский усиленно обращают на нее наше внимание: «мы рискуем войти в новое общество, окончательно растеряв по дороге свой идеализм, с душами маленькими, все такими же буржуазными, но благополучно переваривающими пищу и благоденствующими». В подтверждение этого пророчества г. Бердяева, которому протекла уже, по крайней мере, земская давность, Ст. Вольский именно этими чертами рисует деятельность миллионов «сознательных, развитых и умных рабочих».

Сознательные рабочие, вот эти миллионы организованных в партии, профессиональные союзы, кооперативы рабочих,—сообщает Ст. Вольский,—похожи на блудных сынков буржуазии: «затосковавши о тучном тельце отчего, буржуазного дома», «всюду несут они с собой дух умеренности и аккуратности» и сердцу их милее всего «селедка», и вопрос о вздорожании цен на нее.

И все это,—как разъясняет Ст. Вольский,—отнюдь «не случайность, не результат недомыслия».

Во всем этом виноват, прежде всего, сам современный социализм: «волна мещанства идет из его собственных недр».

Как спасти дело? Предшественники и учители Ст. Вольского, г.г. Бердяев и Струве, когда они пришли к тем же выводам насчет современного научного социализма, решили, что спасение заключается в том, чтобы «дополнить» «трезвое» и

«сухое» учение современного рабочего движения «идеализмом» и—далее—религией. Г. Бердяев тогда писал: «Передовой интеллигенции нашего времени предстоит работа над духовным перерождением» рабочего и призывал «начать это делать с сегодняшнего же дня».

Не иначе рассуждает и Ст. Вольский. Только бердяевский идеализм и поповщину он назвал новым именем.

Г. Вольский ищет спасения в новооткрытом им «социализме чувства». «Социализм чувства», которым г. Вольский пытается «дополнить» и «подправить» научный социализм,—пустая и напыщенная декламация, в которой, однако, явно проглядывает чуждая и враждебная рабочему движению физиономия истерически настроенного интеллигента-индивидуалиста, которому скучным и мизерным кажется современная борьба, который «заскучал» среди идущих к своей цели пролетариев.

Клевета на социализм, который, по утверждению г. Вольского, из своих собственных недр порождает мещанство, и клевета на пролетариев, естественно, дополняется в статье г. Вольского жаждой острых впечатлений для издерганных нервов гениальничающих и клевещущих на массу индивидуалистов.

На взгляд г. Вольского его новый социализм, «социализм чувства» тем хорош в отличие от социализма научного, что позволяет «накопленной (в пролетариате) энергии выливаться за трезвые, рассудком поставленные границы, ведет к рискованным, часто обреченным на неудачу, шагам». «Сознательно итти на вынужденную неудачу...—столь же важно, как и осуществить тот или иной пункт программы-минимум». Почему? Потому, что «из таких неудач создается беспокойство духа и лихорадка исканий».

Говоря проще: пролетариат должен «сознательно итти на вынужденные неудачи», ибо этого требует ежеминутно грозящий погаснуть «дух» г.г. Вольских, обещающих за то пролетариату «направо и налево разбрасывать звучные рифмы, дерзкие лозунги, романтические песни». Социализм они готовы признать, но лишь в той мере, в которой он примет вид «хмельного танца вакханок».

Эти циничные признания показывают, с чем мы имеем здесь дело. Перед нами циничные рассуждения интеллигента-индивидуалиста, органически чуждого рабочему классу и рабочему делу и ищущего в последнем лишь источника «сильных ощущений». Метод у них всех—от г. Бердяева до г. Вольского—один и тот же. Сначала они заявляют, что социализм сам порождает мещанство, и этим обнаруживают свое полное непонимание и

теории и практики современного рабочего движения, которое не порождает, а уничтожает мещанство. Затем следуют презрительные отзывы обо всех формах непрерывной классовой борьбы пролетариата. И, наконец, они проявляют свою полную готовность «спасти» рабочее движение.

Если наш «спаситель»—идеалист, он предлагает, в виде спасения, привить Марксу идеализм. Если он человек религиозный, он предлагает объявить теорию рабочего движения—религией. Если, наконец, он любитель сильных ощущений—он предлагает пролетариату «итти на неудачу», опрокинуть «рассудком поставленные границы», рекомендует, для спасения от трезвости, путь «рискованных. шагов».

Первые очень скоро совсем покидают рабочее движение и переходят к тем классам, где их проповеди идеализма и поповщины находят более радушный приют, в стан явных врагов пролетариата. Это путь г.г. Бердяевых и Струве. А любители «рискованных шагов» и противники «трезвого социалистического сознания» очень скоро оказываются вульгарнейшими анархистами, этими признанными и постоянными дезорганизаторами рабочего движения. Скучающие молодые люди, упрекающие рабочее движение за то, что оно не дает их «духу» достаточного количества острых возбуждений и совсем не имеет вида «хмельного танца вакханок»,—это постоянный состав всех анархических интеллигентных групп.

Для рабочего движения нет ничего опаснее, как то, что эти люди обращают на него свое благосклонное внимание. Рабочий класс всюду и везде торопится указать этим людям, типичным представителям деклассированной интеллигенции, зараженной всеми мещанскими предрассудками на счет рабочего движения, что их надлежащее место—вне рядов организованного рабочего класса.

Партия рабочего класса в России строилась, строится и будет строиться без них и против них. Вместе с г.г. Ропшиным, Львом Шестовым и их собратиями и г. Вольский должен быть отдан в полное владение «Заветов», этого пристанища всех обанкротившихся интеллигентов, всех «рыцарей духа», разобиженных современным рабочим движением [1]).

---

[1]) Как и следовало ожидать, г. Вольский кончил полной изменой рабочему классу. После октябрьской революции он перешел в стан контр-революции, писал на потребу Нулансов и Клемансо брошюрки на французском языке против пролетарской революции, судился в Рев. Трибунале и теперь продолжает свой

А. БОГДАНОВЪ И МАРКСИЗМ [1]).

(По поводу книги: А. Богданов. Введение в политическую экономию (в вопросах и ответах). Изд. «Прибой»).

За Богдановым установилась репутация хорошего популяризатора. Богданов хороший популяризатор, да, но популяризатор чего?.. Не марксизма, а своей собственной системы, которая с марксизмом имеет общего—разве только некоторые слова. Популярная книжка такого издательства, как «Прибой», по политической экономии, конечно, может иметь одну только цель—ввести неопытного читателя-рабочего в круг марксистских идей о современном обществе и подготовить его к чтению основных марксистских произведений. А эту роль названная в заголовке книжка г. Богданова не только не выполняет, она, наоборот, затруднит всякому рабочему, начинающему с нее, ознакомление с учением Маркса. Книжка г. Богданова не научит его, не подведет к марксизму, а спутает его: у Богданова все другое: терминология, подход к вопросу, центр тяжести. Приступив после Богданова, скажем, к Каутскому или Энгельсу, он будет не только не подготовлен, а, наоборот, должен будет переучиваться, забыть Богдановскую мудрость, чтобы начать

бессильно-злобный поход против дерзнувшего совершить величайший переворот пролетариата на страницах сб. „Шиповника“ рядом с г. Бердяевым. „Рискованные шаги“ русского пролетариата имели несчастие возбудить глубокое негодование этого борца против „трезвенности и мещанства“ рабочего класса. Прим. к наст. изд.

[1]) „Просвещение“, 1914 г., № 3 (март). Книжка Богданова, которой посвящена перепечатываемая заметка, переиздана в 1921 г. „Подотделом подготовки работников просвещения Петроградского губотдела Народного Образования“ с рекомендательным предисловием какого-то анонимного „члена экспертной комиссии“ вышеназванного почтенного учреждения. Оный „член“ почитает Богданова „одним из самых крупных теоретиков марксизма“ и рекомендует его книжку, как пособие для трудовой школы. Все это как нельзя более характерно для состояния дела пропаганды марксизма в Советской России. Прим. к наст. изд.

учиться марксизму. Уже по одному этому книжка эта не выполняет задачи, которая, несомненно, стояла пред издательством: дать в руки рабочего-читателя первоначальное руководство к усвоению марксовского учения.

Это большая беда, но еще хуже то, что по целому ряду вопросов книжка эта дает ему ложные на взгляд всякого марксиста представления. Вот, например, на стр. 8-й вопрос: «Какие следует различать главные виды производственных отношений»?.. Ответ. «Два главных вида: 1) отношения сотрудничества и 2) присвоение. «Присвоение же, оказывается, состоит в том, что одни люди работают для других или на других. Таков, например. обмен»... Это недопустимая каша. Выходит, что эксплоатация—обмен. Присвоение капиталистами продукта—обмен... Чего на что?.. И это, конечно, не случайность: в системе г. Богданова, взятой целиком, в отличие от системы Маркса, идея общности всех людей превалирует над идеей классовой и групповой борьбы. Это вы найдете в любом его сочинении и это именно заставляет его и в эксплоатации видеть, прежде всего, обмен, а в современной капиталистической практике—сотрудничество. «Основу трудовой организации в современном капиталистическом предприятии составляют: авторитетное сотрудничество сверху, товарищеское—снизу» (см. стр. 90). Это чепуха, которой недопустимо засаривать голову рабочего, начинающего учиться марксизму. Все «своеобразие» «популяризаторского» таланта Богданова в том и заключается, что при помощи словечек об «организации», «сотрудничестве» и «опыте», он мистифицирует те сложные жизненные отношения, которые марксизм объясняет. Излюбленные г. Богдановым формулы «организатор-исполнитель» именно мистифицирует действительные отношения. Взгляните на конец 22-й и начало 23-й стр. Ведь, выходит, что господствующий, это то же самое, что—специалист по распорядительской части, и уже под этой общей рубрикой все смешивается в кучу: патриархальная община, феодальный строй, рабовладельческое хозяйство, семья—и вплоть... до фабрики и капиталистического строя вообще. Получатель ренты, получатель дивиденда—«организатор»... Сей «организатор» должен пользоваться «авторитетом», а посему «такое сотрудничество» называют короче «авторитарным» (стр. 23). Никто, кроме Богданова, так не называет. Марксисты же не называют потому, что «авторитетное сотрудничество», которое одинаково хорошо объясняет (или не объясняет) строй семьи, рода, феодализма и капитализма=пустомельству. Нельзя запретить никому заниматься

сим пустомельством, но нельзя преподносить его читателю, жаждущему научиться марксизму.

«Авторитарному сотрудничеству» противопоставляется «товарищеское сотрудничество», как плод деятельности рабочих. Это опять-таки пустяки: разве акционеры, трестовики и синдикатчики не работают по «товарищескому» типу,—если уже употреблять эту нелепую терминологию в данном случае. А далее уже оказывается, что «товарищеская организация всего производства»=коллективизму... Это нелепое извращение коллективизма. Далее, стр. 27. «Какие различаются типы присвоения по их отношению к труду»?—«присвоение» трудовое и эксплоатация. Сбор крестьянином своего хлеба—присвоение, сбор оброка с крестьянина—присвоение, обмен сохи на деньги—присвоение. Натуральное хозяйство основано на присвоении, меновое хозяйство основано на присвоении, социалистическое общество основано на присвоении... Почему, скажите, читатель должен присвоить себе всю эту пустую болтовню? Читатель должен понять развитие систем производства и уяснить себе те силы, которые их определяют, а ему преподносят, что во всяком укладе общества существует «присвоение». Эта философия «присвоения» и «организаторов», конечно, должна потерпеть крушение, как только она сделает попытку подойти к объяснению конкретных исторических явлений, на выяснении которых как раз марксовская экономия показала всю свою силу; этим самым богдановская схема показывает, что она есть шаг назад в сравнении с марксизмом. Исторические примеры (крушение Рима и Эллады, Испании XVII в. и пр.) даны у Богданова на стр. 32. И вот оказывается, что крушение этих «обществ» объясняется тем, что «потребности работников не удовлетворялись полностью» (а где они полностью удовлетворялись?), тем, что «господа не давали рабам нормального количества жизненных средств». И ни слова о классовой борьбе, о международной обстановке и проч., и проч. Искать причин падения Рима в «ненормальном» удовлетворении и т. д., это значит итти не по пути Маркса, а по пути блаженных отцов церкви, объявивших, что Рим пал от язычества: и то и другое есть метафизика («нормальные потребности»), а не наука[1]).

Не стану больше приводить примеров; если сопоставить уже отмеченное, то ясно будет, что книжка Богданова не полити-

---

[1]) Кстати: почему же не погибло феодальное или крепостное общество, где, конечно, тоже „нормальные потребности" не удовлетворялись?.. Богданов не умеет объяснить процесса развития общества, будучи ослеплен своей метафизикой

ческая экономия и не марксовская политическая экономия. Это его собственная метафизическая социология о развитии общества путем «организации опыта» и «приспособления», социология, в которой всегда различные классы общества выступают не как борющиеся группы, а лишь как различно приспособляющиеся к окружающей обстановке органы единого целого. Не отрицая, конечно, этого «целого» (общества), Маркс умел освободиться от метафизических о нем представлений. Г. Богданов восстановляет метафизику в обществознании, лишь подновляя ее применительно к моменту (и марксистской терминологии) при помощи «организаторов», «авторитетного сотрудничества» и пр. нелепостей. Теперь еще один пункт.

На стр. 12-й выясняется, что у «производства» есть «три стороны»—техническая, экономическая, идеологическая. «Технической стороной производства»... человек «организует природу для себя», «экономикой» человечество само себя организует, наконец, «идеологическая сторона производства» есть «речь и мышление», как орудие, с помощью которых организуется «производство». Итак, производство (техника) организует природу, производство (экономика)—человечество, а речь и мышление организуют само производство: и технику, и экономику—и природу, и человечество. Я уже не говорю о чепухе, по которой одна из трех сторон производства оказывается в то же время и организатором всего производства и одной его стороной. Ей-ей, это уже напоминает «один в трех лицах божества» и ипостась в трех лицах. Однако это указывает не только на то, что некоторые популяризаторы не всегда умеют писать ясно,—эти рассуждения об «идеологии», организующей производство—и технику, и экономику, и природу, и общество,—являются действительно центральным пунктом философского учения Богданова. Можно к этому учению разно относиться, но нужно признать, что это учение есть не марксистское. Нельзя написать марксистский популярный учебник политической экономии, стоя на точке зрения этой философии. В этом надо дать себе отчет раз навсегда.

С точки зрения идеологии, которая организует производство, в свою очередь организующее общество и природу, нельзя изложить Маркса, не извратив его в корне. Книжка Богданова и представляет подобное извращение, лишь прикрытое марксистскими словечками и рассчитанное на неискушенность читателя.

СТОЛЫПИНЩИНА

ВЕХИСТЫ.

О ТЕНИ БИСМАРКА[1]).

I. Хамы дня нынешнего.

Рабы, как встарь, рабами...

Уже несколько лет известная часть нашей так называемой прогрессивной интеллигенции сделала своей специальностью борьбу с массой. Чтобы сохранить за этой специальностью некоторое благообразие, хотя бы по виду, а главным образом, для того, чтобы оставалась возможность вести эту борьбу на страницах прогрессивной печати, «масса» выступала здесь под псевдонимом «мещанства»; протест против характера деятельности массы облекался в форму протеста против «стадности», а борьба с идеологией организованной массы объявлялась борьбой за «высшие ценности» культуры против желудочного позитивизма, присущего массе. В этом своем виде борьба с массой и ее идеологией нашла легкий доступ к сердцу и уму русской интеллигенции, особенно верхних слоев ее, среди которых тяготение к аристократическим (о, конечно, только к духовно-аристократическим!) теориям, учениям и настроениям было прямой реакцией на идейное пробуждение низов. Нет ничего удивительного и в том, что наши «демократические» ежемесячники типа «Мира Божьего» и др. гостеприимно раскрыли свои двери провозвестникам «духовной аристократии» г.г. Бердяевым, Струве и прочим.

[1]) Сборник „О веяниях времени", С.П.Б., 1908 г. Это был последний большевистский сборник, который нашей группе удалось выпустить в России. Затем последовал долгий перерыв, во время которого большевики совершенно исчезли из „легальной печати". Сборник содержал статьи: Ленина, М. Покровского, П. Орловского, В. Ногина и др. и был немедленно конфискован.

Еще несколько лет тому назад, эта война «духовной аристократии» с грубым материализмом толпы вращалась исключительно в сфере абстракций. Толпа и ее стадность были для г.г. интеллигентов-идеалистов такой же абстракцией, какой по существу являются их «абсолютные ценности».

Некогда гунны воспевали сражения, в которых вторично бились в воздухе души погибших в земном бою. Здесь, как бывает достаточно часто, «воздушные» битвы предшествовали битвам на земле. Скоро «толпу» г.г. идеалистов можно было узреть на улице, а тогда наступил и их черед перевести свои культурные и вечные ценности на язык земных отношений. Тут и оказалось, что «толпа», с которой в абстракции боролись вышепоименованные господа, обладает, и в гораздо большей степени, чем в худших своих расчетах мог предполагать г. Струве, всеми неприятными для всяческой аристократии, — между прочим, и духовной—свойствами; и самые эти свойства в реальной обстановке приобрели гораздо более конкретный характер. Стало ясно, что «стадность» массы в устах идеалистов была псевдонимом ее реальной революционной дисциплинированности, ее «животный материализм» для удобства полемики прикрывал факты ее революционного энтузиазма, а «тупоумный и ограниченный позитивизм» должен был обозначать способность пролетарской массы не забывать своих конечных социалистических целей всечеловеческого освобождения ради идеалистического служения мирнообновленческим программам. С другой стороны, «вечные ценности» раскрывались в программах и тактике либерально-монархической оппозиции, отнюдь не зарекавшейся ограждать эти «ценности» от покушений со стороны «погрязшей в материализме» массы путем «идеальной» полиции, «идеальной» каторги, «идеалистической» тюрьмы и уж «абсолютной» армии[1]).

Тем, кто не видел этого раньше, практика земных отношений показала достаточно, даже, пожалуй, сверхмерно явственно, что война, объявленная «массе» во имя «ценностей» и «культуры», была ширмой, под прикрытием которой совершался переход русской «народолюбивой интеллигенции» на сторону командующих классов. Этому естественному процессу был реальной жизнью противопоставлен столь же естественный процесс концентрации народных сил вокруг знамени революции. Между двумя лагерями завязалась ожесточенная борьба и в этой борьбе господам идео-

---

[1]) Честь религиозно-философского обоснования полиции в современной русской литературе принадлежит г-ну Бердяеву. См. его „Новое религиозное сознание“, стр. 59.

логам из бывших «народолюбцев» досталась вполне определенная задача: поднять реальную борьбу либерализма с революцией, которая велась самыми практическими методами, на высоту философских, религиозных, моральных и других по возможности обобщений.

Труд, понесенный здесь интеллигентскими илотами капитализма, далеко еще не оценен по достоинству. Далеко не взвешено еще все то, что они проделали с философией, религией, моралью, искусством, чтобы приспособить их к борьбе с революционной массой. Они славно потрудились. Не подлежит во всяком случае сомнению, что успехи в этой области достигли уже такого размера, что каждый прошлый и будущий шаг г.г. Милюкова, Маклакова и др. может быть ныне обоснован не только с точки зрения «тактики» (это само собой понятно), но также и философски, и морально, и религиозно и эстетически.

Но мне кажется, что главнейшим результатом порученной г.г. идеологам работы была, завершенная уже к 1907 году, подробная, детально вырисованная картина «грядущего хамства», приуроченная к революционной массе народа вообще, пролетариата в частности, и особенности. Поставив перед глазами испуганного и архи-культурного русского обывателя яркую картину всеобщего разложения культуры в случае победы революционных сил, г.г. идеологи выполнили и вторую часть своей задачи. Этим их работа могла бы считаться законченной, если бы дело ограничивалось только созиданием религиозно-философски-эстетических подпорок для г. Милюкова в его борьбе с революцией.

Но дело оказалось сложней. Практические обстоятельства потребовали, чтобы работа по разрисовке «Грядущего Хама» и обоснованию борьбы с ним была дополнена разрисовкою же «Настоящего Культуртрегера» и обоснованию прямого союза с ним.

Философски, религиозно и эстетически развенчав революцию, надобно было столь же основательно и со всевозможных же точек зрения возвеличить существующую «культуру» со всеми ее атрибутами. Развенчав «революционный гипноз», надо было дополнить его апологией «лойяльности». И, «уведя» общество из объятий «героев революционной фразы», надо было привести его в объятия г.г. Гучкова и Столыпина.

Верная служанка определенной партии, мистическая и идеалистическая философия «аристократов духа» типа Струве, Бердяева, Булгакова и других, ныне занята, именно, этой дополни-

тельной работой: новая идеалистическая волна—в этом своем течении—прикрывает переход кадетизма на позицию октябризма. Обставить это отступление как можно более помпезно, грохотом религиозно-философской канонады и журчанием интимно-моральных словоизлияний создать видимость серьезного идейного кризиса там, где налицо лишь более или менее расчетливое приспособление—такова специальная задача возрожденной под редакцией г.г. Струве и Кизеветтера «Русской Мысли». Подвальные этажи «Слова» и «Речи», равно как и «особняк» кн. Трубецкого [1]), естественно, находятся в распоряжении кадетской идеалистической челяди.

Среди последней первое место по заслугам принадлежит публицисту, способности которого к сожительству с любыми идеями засвидетельствованы всей историей его духовного развития. Зовут этого господина П. Б. Струве, а узнать его можно по очень определенной примете. Если вы среди русских публицистов встретите человека, на лице которого ясно написана готовность немедленно же ренегировать, и если это не Меньшиков, тогда перед вами П. Б. Струве. Еще недавно он был кадетом из самых «чистых» и издавал журнальчик, специально посвященный доказательству той самоочевидной истине, что вне кадетизма нет ни истинной философии, ни истинной религии, ни истинной морали, ни истинного искусства.

Сейчас он чуть-чуть левее правых октябристов и правее левых из них и специально занят доказательством той очевидной истины, что философия и религия, этика и эстетика покоятся в лоне октябризма и ни в каком ином месте.

Не очень это занятная вещь присматриваться, как идеалистическая философия, отслужившая свою службу г-ну Милюкову, переходит на службу к г-ну Гучкову. Но есть здесь один элемент чрезвычайно показательный.

Об этой стороне дела можно было бы сказать, перефразируя Щедрина, что Бисмарка у нас еще нет, а бисмаркианцев—сколько угодно.

Действительно. Единственный смысл всех последних писаний г.г. Струве, Изгоева, Бердяева и прочих—это расчищение дороги чаемому Бисмарку. И если бы действительно суждено было явиться русскому Бисмарку, он нашел бы уже в наличности все элементы необходимой ему идеологии. А если он явится,

[1]) „Московский Еженедельник"—журнал профессора кн. Е. Трубецкого. Один из вождей русского идеализма, кадет, а затем глава „партии мирного обновления". Трубецкой умер в 1920 г., спасаясь от революции в обозе ген. Деникина.

можно теперь уже сказать, что он обеими ногами будет стоять на почве тех людей, которые спешно сейчас сводятся в определенную систему вышепоименованными господами.

Железному канцлеру» некогда пришлось создавать специальный «тайный фонд» для оплат «идеологических» услуг писак, вроде Руге и пр.

Российский Бисмарк нашел бы уже совершенно готовый штат идеологов, не за страх, а за совесть подготовивших к его потребностям подобающую идеологию.

Подготовить почву для Бисмарка в области практики—прямая задача октябризма. Но октябризм слишком практичен, слишком мало ценит «идеологию», слишком оторван от так называемых «культурных переживаний» русской интеллигенции, слишком неповоротлив в идейной среде, чтобы он мог брать на себя задачу создать культ Бисмарка, как национального героя, как выразителя национального духа. Вот эта-то работа и досталась в руки г.г. кадетов. Перед лицом «Грядущего Хама» провозвестники русского Бисмарка явили свою действительную суть, авансом сложив свои холопские чувства к ногам будущего «великого человека».

Зарождение и развитие среди русской либеральной буржуазии бисмаркианской идеологии—процесс совершенно естественный. Уже в эпоху после разгона первой Гос. Думы стало ясно, что либеральная буржуазия кадетского типа попробует переложить все свои надежды и все свои задачи на «историческую власть» [1]), раз только последняя проявит к ней хоть каплю благожелательности. Судьба II Думы ускорила этот процесс, почти совершенно устранив те требования «гарантий», которые еще в 1905—1906 г.г. либеральная буржуазия объявила условием своего сотрудничества с властью. А Ш Дума совершенно наглядно показала, в каких формах будет протекать фактическое «сотрудничество либеральной буржуазии и исторической власти в деле экономической и политической реорганизации России».

«Не входя здесь в подробности,—писал я в июне 1907 г., накануне выборов в Ш Думу,—можно сказать, что объективной задачей, стоящей перед Ш Думой, будет ли она октябристской или октябристско-кадетской, является осуществление «серьезного» или, по Меньшикову, по-собакевически хозяйственного конституционализма господ Гучковых. Эта попытка дуумвирата Столыпин-Гучков закрепить в России режим «серьезного коституционализма» должна будет встретиться снизу с по-

1) Т.-е. на монархию.

пыткой не дать в руки этого дуумвирата плодов революционной борьбы и революционным же путем их расширить. Это будет решительная схватка двух путей дальнейшего развития России» [1])...

Теперь уже нет сомнения, что то, что названо мною «объективной задачей» Столыпина-Гучкова, сознано, как задача практической политики и что на эту же позицию avec armes et bagages перешла и кадетская партия. Трудно было только предполагать, что этот переход последней удастся обставить таким помпеозным ассортиментом «вечных ценностей». Но при приходе к ничем не прикрытому сотрудничеству со Столыпиным и Гучковым наша либеральная буржуазия, не имея еще возможности прямо заняться апологетикой своих товарищей по работе, должна была постараться накинуть на их оголенные плечи тогу гражданского величия. Эту тогу либерализм смог состряпать лишь из лоскутьев того культа, которым немецкий филистер окружил своего героя.

Бисмарковская «идея»—исторически-обусловленное, неизбежное завершение политической эволюции русской либеральной буржуазии. Это не шалость пера Струве: здесь, как и в других случаях, он остался верным «регистратором» буржуазной мысли. А эта последняя, отброшенная от революционных методов реализации своих классовых интересов той ролью, которую в русской революции играет пролетариат, и достаточно уже наученная опытом, чтобы не ждать побед над старым режимом силой одних закулисных переговоров и избирательных бюллетеней, необходимо должна была упереться в мечту о Бисмарке и ему, этому грядущему герою, передать в руки свою дальнейшую судьбу.

Возможен ли русский Бисмарк, возможна ли сейчас в России «революция сверху»? Это серьезный вопрос, подлежащий серьезному разбору и на который возможен определенный ответ лишь в результате анализа общественных отношений, созданных русской революцией. Но этот вопрос даже и не ставится либерализмом. Либерализм знает, что Бисмарк ему необходим, как единственный метод постройки «нового» государства в России,— и этого с него достаточно.

Спустимся в ту лабораторию, где клеится новая идеология русского либерализма. Вот, прежде всего, г. Бердяев из «Слова», который покажет нам, почему встала перед русской буржуазией

[1]) См. выше статью „За бойкот“.

фигура Бисмарка, как единственного спасителя ее классовых интересов [1]).

Начинает г. Бердяев радостным, плотоядно звучащим заявлением: «Беснование революции кончилось, революция не удалась, дело ее проиграно»... Казалось бы, этим можно было ограничиться и пройти мимо «трупа», но г. Бердяев, видимо, не совсем уверен в непоколебимости своего прогноза, а, кроме того, он питает слишком большую и застарелую ненависть к революцией победу!) привык исповедывать самые крайние социаликазывать всенародно ее «язвы». «Русский интеллигент (интеллигенция для г.г. Струве, Бердяевых и пр. воплощение революционного духа: этак-то гораздо легче торжествовать над революцией победу!) привык исповедывать самые крайние социалистические и анархические идеалы... Обязательный разрыв с отцами, со всяким прошлым, с историей стал нормой жизни русского интеллигента. Русская интеллигенция сделалась отщепенской не только по отношению к власти, в чем была ее правда, но и по отношению к русской литературе, русской философской мысли, к народной вере, к национальному чувству, в чем была уже великая ложь». «Западничество в радикальной своей части превращается в революционное отщепенство, в нигилизм, понижающий уровень культуры». Интеллигенция, далее, оказывается совершила великий грех, когда она «рвалась к народу, жаждала соединиться с ним, но соединилась лишь на почве народных инстинктов и интересов, а не народной души и заложенной в ней великой идеи». Чтобы не было сомнений, о какой «душе» идет речь, г. Бердяев поясняет, что «народная душа сказалась в русском народном благочестии»...

С другой стороны, как представитель новой капиталистической Руси, идущей на смену Руси старой крепостнической, г. Бердяев не может вполне солидаризироваться с помещичьей реакцией. «И реакция (дворянско-бюрократическая) и революция (народная) посылаются свыше,—пишет на своем жаргоне г. Бердяев,—в наказание за совершенные преступления, за грехи власти и грехи народа». Он допускает, что «историческая власть... за редкими исключениями (какими?) была народна».

Наконец, г. Бердяев дает себе вполне ясный отчет в том, что именно подвигает его на битву с «бесами» реакции и революции. Правда, формулировано это у него в несколько странных терминах. «Россия... гонится бесами в пустыни, в пустыни хаотической революции. Только Иисус может повелеть нечи-

[1]) „Слово“, № 388, 28 февраля 1908 г.

стому духу выйти из тела России. Лишь Христос может быть избавителем». Но всего этого не надо принимать слишком всерьез: Бердяев считает эти имена необходимым аксессуаром указываемого им выхода и, нет сомнения, будущему Бисмарку придется-таки попользоваться созданными г. Бердяевым для его парадного обихода оборотами фраз.

На самом же деле, вопрос идет об очень прозаической вещи, о «хлебе (это уже без всяких метафор. Л. К.), который дается трудовым социальным развитием, созидательным экономическим процессом, всегда представляющимся слишком медленным для изголодавшихся «стихий», и который не может быть дан революцией». Или иными словами: «Только органический характер развития ставит вне безвыходного круга реакционного и революционного беснования». Таким образом, перед г. Бердяевым вполне определенная задача: между «бесом» крепостнической реакции и «бесом» крестьянско-пролетарской революции проложить путь «созидательному экономическому процессу». А этим самым,—если не верить, что для выполнения этой задачи достаточно одного «внутреннего поворота к Христу»,—доказана для русского либерализма необходимость Бисмарка.

На своем чисто-идеалистическом и мистическом жаргоне г. Бердяев может лишь в самых общих чертах наметить предпосылки «бисмарковской» линии русской интеллигенции. Прежде всего, надо признать, что «источник зла (гражданской войны народа и власти. Л. К.) не вне нас, не в навязанной нам власти, не в том или ином общественном строе, не в насилиях тех или иных классов общества, а внутри, в грехе... Основа же греха есть внутреннее богоотступничество народа».

Итак, задача чаемого Бисмарка—борьба со «злом», но, конечно, не со «злом» власти общественного строя и насилия командующих классов, а с «богоотступничеством народа». Читатель не удивится после всего вышеизложенного тому, что богоотступничество на устах г. Бердяева обозначает отступление хода борьбы общественных сил в России от либеральных норм, которые г. Бердяеву угодно считать божественными. Поясняя свою мысль о «богоотступничестве», г. Бердяев тут же предлагает лекарство, которое единственно может примирить русскую жизнь с богом. И «правые» и «левые» должны покаяться: «первые должны сознать неизбежность... глубокого переворота, обращающего к иной жизни, а вторые—сознать неизбежность консерватизма»... Или, далее, «прежде всего, должны быть сломаны и сметены все основы традиционного интеллигентского (читай—

революционного. Л. К.) мировоззрения, должен произойти радикальный, идейный переворот».

Совершенно ясно, что истинно-божественным г. Бердяев готов счесть только тот выход из создавшегося положения, когда помещичья реакция приспособится к задаче обеспечения в России капиталистического развития, а революция будет «сломлена и сметена». Всякий же другой исход, и, прежде всего, передача власти в другие руки революционным путем есть богоотступничество, борьба с которым—настоятельнейшая задача. Кто же возьмет на себя эту задачу? Кто переведет реакцию на новые рельсы и поставит точку к революции? Кто явится воплощением божественных предначертаний?

Ответ на эти вопросы г. Бердяев предоставил ближе стоящим к практике г.г. Струве, Изгоеву, Гредескулу и пр. Сам же он ограничился меланхолическим признанием, что «идеалистический консерватизм и либерализм пытались поддержать у нас человеческое и национальное единство, но не обладали тем воодушевлением и энтузиазмом, который мог бы определить ход истории».

Думается, дело было не только в недостатке «воодушевления» и мы сейчас увидим, что г. Струве, обойдясь совсем без ссылок на Христа, дал весьма конкретный ответ на то, что надобно «идеалистическому либерализму», чтобы осуществить «божественный» путь развития России.

Ответ его находится на страницах его статьи о «Великой России» («Русская Мысль», 1908. I) и гласит весьма явственно: «Великой России... необходима сильная армия»...

На статье г. Бердяева мы видели, каким именно путем русский либерализм, зажатый между «бесами» реакции и революции пришел к мысли, что только земное воплощение божественной воли, приспособив историческую власть к интересам капиталистического развития России, сможет осуществить задачи буржуазного либерализма. «Русская Мысль» и г. Струве поставили тот же вопрос на более деловую почву.

Г. Струве состряпал целую программу внутренней и внешней политики, осуществляя которую историческая власть, оставаясь сама собой и ничем почти не жертвуя, в то же время будет служить интересам буржуазного прогресса. А когда потребовалось по ходу статьи указать реальные возможности для русской «исторической власти» стать носительницей и представительницей капиталистического развития, то под пером Струве тотчас же выросла фигура «гениального Бисмарка». Наивный

г. Мережковский, попытавшийся сунуться по сему поводу к г-ну Струве с некоторыми своими недоумениями и наговоривший— к случаю—два фельетона «сумасшедших пустяков», так и не добился никаких других доказательств от г. Струве, кроме повторного предъявления «гениальной смелости и мощи» Бисмарка.

Основным мотивом статьи г. Струве является идея о примирении между властью, ставшей на путь экономического прогресса, и народом.

Г. Струве, как и Бердяев, не умеет даже поставить вопроса о возможности у нас Бисмарка, т.-е. о возможности для дворянской реакции разрешить проблему развития производительных сил России. Он, как и Бердяев, довольствуется сознанием того, что пути революционного разрешения этой проблемы для русской буржуазии заказаны, а, следовательно, вне бисмарковского решения вопроса, т.-е. вне разрешения этого вопроса приспособившеюся «исторической властью», для нее нет никакого другого решения.

Нужно сказать, вопреки ламентациям меньшевика Иорданского, что вопрос субъективно, т.-е. в пределах капиталистической политики, г-ном Струве поставлен правильно. В статье «Великая Россия» чувствуется подлинный голос капиталистического дельца, который сейчас загнан в тупик дворянской реакцией и которому нужен же выход. Рекомендовать ему выход через революцию было бы смешно, а раз так, то единственно, что ему остается,—это надеяться на то, что выход его капиталистической энергии будет дан и указан сверху.

«Созидать Великую Россию,—значит созидать государственное могущество на основе мощи хозяйственной»,—пишет г. Струве, и он совершенно точно формулирует здесь идеал русского капитала, ибо никакого другого идеала, кроме хозяйственной мощи капитала, оперирующего на базе государственного могущества России,—у последнего и быть не может. Вопрос может быть поставлен здесь не о самом содержании идеала, а о том, где ищет русский «либеральный» капитал, прижатый дворянской реакцией, тех движущих сил, которыми идеал может быть реализован. Ответ г. Струве гласит совершенно недвусмысленно: «государственное могущество» и «хозяйственная мощь» России могут быть созданы только под руководством исторической власти, т.-е. той же дворянско-крепостнической реакции. Этим самым российский капитал отказывается сам стать непосредственно во главе экономической и политической реорганизации России. Но что поделаешь, раз всякая попытка занять место

«руководителя» ведет к таким социальным сдвигам в глубине народных масс, которые отнюдь не гарантируют хорошего расположения духа для «руководителей».

В статье г. Струве российский либерализм раскрыл свою истинную подоплеку: из-под «либеральных» политических формул и схем выступили чисто-экономические интересы капитала. И, быть может, характернее всего в этой статье то, что здесь совершенно сознательно политические притязания отодвинуты далеко на задний план и подчинены притязаниям чисто-экономическим. Ничего другого и не обозначает основной тезис статьи: «Оселком и мерилом всей, так называемой «внутренней» политики, как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует так называемому внешнему могуществу государства?».

Не знаю, примут ли этот тезис к сведению и руководству «правительство и партии», но ясно, что политические организации русского капитала, как либерального, так и консервативного, в этой формуле найдут только то, что всегда определяло их «политику».

Действительно, что подразумевается здесь под «так называемым внешним могуществом государства»?

Указав на «бессмысленность дальне-восточной политики в экономическом отношении» вследствие невозможности для московского, петербургского и лодзинского промышленных районов конкурировать на Дальнем Востоке с «японцами, даже немцами, англичанами и американцами», Струве обращает внимание русского капитала на «ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры (культуры!)», «область эта—весь бассейн Черного моря (курсив Струве), т.-е. все европейские и азиатские страны (курсив наш), выходящие к Черному морю». «Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис: люди, каменный уголь и железо. На этом реальном базисе—и только на нем—неустанной культурной работой, которая во всех направлениях должна быть поддержана государством (курсив наш), может быть создана экономически мощная Россия... Основой русской внешней политики должно быть таким образом экономическое господство России в бассейне Черного моря». А для обеспечения этого господства, равно как для «поддержки» государством культурной работы русского капитала в чужих странах, естественно не-

обходимы «сильная армия» и такой флот, который «абсолютно обеспечил бы нас от вражеского десанта в этой области»[1]).

Итак. Читатель уже заметил, конечно, что «внешнее могущество государства» здесь, как две капли воды, оказывается похожим на колониальную политику капитала, а теоретический и удивительно «идеалистически» звучащий тезис о подчинении «так называемой внутренней политики» «правительства и партий» задаче «внешнего могущества государства» есть не что иное, как попытка подчинить «правительство и партии» интересам капитала, которому за недостатком внутреннего рынка—следствием обнищания громадных масс крестьянства и низкой заработной платы рабочих—приходится кидаться с Ближнего на Дальний и с Дальнего на Ближний Восток.

И когда, отвечая г. Мережковскому, г. Струве писал после всего вышеизложенного, что «проблема государства в окончательной своей постановке соприкасается для меня в настоящее время с проблемой не только культуры, но и религии»[2]), то только г. Мережковский и мог это пошлейшее лицемерное заметание следов принять всерьез и приводить против реальной попытки **класса** свои апокалиптические отводы. Но это между прочим.

Гораздо серьезнее вот что. Благополучно связав «проблемы культуры и религии» с «проблемой государства», а последнюю подчинив непосредственно «проблеме» завоевания русским капиталом внешних рынков и объявив последнюю задачу национальной, российский либерализм стал лицом к лицу с вопросом о том, кем сия «национальная идея» может и должна быть реализована. Тут-то г. Струве и споткнулся о Бисмарка. По схеме г. Струве только фигура подобного типа обеспечит реализацию его идеала. Русский Бисмарк должен будет превратить дворянскую реакцию в «революцию сверху», т.-е. поставить ее на службу «национальной миссии» капитала и, во-вторых, «противо-государственному духу, не признающему государственной мощи и с нею не считающемуся, и противо-культурному духу, отрицающему дисциплину труда (или, по г. Бердяеву, бесу революции), противопоставить новое политическое и культурное сознание». Последняя задача была, как помнит читатель,

---

[1]) Все цитаты из статьи П. Струве: „Великая Россия“, „Русская Мысль“, 1908 г., январь. Эта статья была затем перепечатана в сборнике П. Струве, „Patriotica“, С.П.Б., 1911, см. стр. 75—78, 82.

[2]) „Ответ Мережковскому“. „Речь“, 24/II 1908. Перепечатано в сб. „Patriotica“, стр. 109.

тем же Бердяевым сформулирована несколько яснее: «должны быть сломаны и сметены»,—писал он, все основы революционного мировоззрения. Выполнивши эти две задачи, историческая власть «овладеет национальной идеей» и станет для русского капитала тем гением, которым был для германского—Бисмарк.

Г-ну Струве не стоит, конечно, никакого труда эту мечту русского либерализма о бисмарковском пути превратить в закон истории. «Превратить реакцию в революцию сверху,—это такое же чудо, как превратить камни в хлеб»,—возражал г. Струве политический младенец г. Мережковский. «История полна такими «чудесами»... Такие «чудеса»... с исторической неизбежностью совершались и будут совершаться постоянно в творческом процессе живой истории народов»,—отвечал г. Струве [1]. «Творец событий, Бисмарк, в то же время был влеком ими» («Великая Россия»).

«Творец событий»!.. как не вспомнить по этому поводу той характеристики, которую заслужил Бисмарк из уст учеников Фихте и Гегеля, которым по новой схеме г. Струве отведена «почетная» роль предвосхитителей, подготовителей и воспитателей Бисмарка.

«Человек, который дает не историю, а эпизоды»,—эти слова ученика Гегеля, имевшего возможность наблюдать «гениального человека» за работой, так же хлещут в лицо вновь созданной историософии г. Струве, как хлестали наемных писак Бисмарка.

Эта хлещущая фраза, однако, на самом деле, была лишь попыткой наследников немецкой классической философии припрятать свою классическую капитуляцию перед Бисмарком за внешним презрением. Действительная борьба оказалась возможной лишь для тех, кто преодолел и классическую философию, для социал-демократии. Песнь русского идеолога крупного капитала в русской прессе тоже немедленно вызвала лавину презрительных, но бессильных фраз. За ними припрятался ужас, охватывающий мелко-буржуазные слои общества, когда перед ними встает картина «хозяйственной и государственной мощи» крупного капитала. Для того, чтобы выразить этот ужас мелкой буржуазии, потребовался публицист, путанность мысли которого не уступала бы путанности идеологии данного слоя. Величайшему путанику из среды сотрудников «Русской Мысли», Д. Мережковскому, и принадлежит честь первого вопля против «религии государственной мощи». На этом характерном эпи-

[1]) „Кто из нас максималист“? „Речь“, 18/III 1908. См. „Patriotica“, стр. 120.

зоде мы, к сожалению, не можем остановиться подробнее. Отметим покуда лишь следующее.

Из-под апокалиптической, идеалистической и всяческой другой чепухи, густым слоем покрывшей мысль г. Мережковского, совершенно явственно выступают простые, «позитивистические» соображения о тех длительных страданиях, которые несет с собой для стомиллионного народа воплотившаяся в Бисмарке «религия государственности»[1]). Г. Струве приглашает русскую мелко-буржуазную интеллигенцию «сквозь хищничество Бисмарка рассмотреть его религию», преклониться «перед величием Бисмарка». «Величие Бисмарка,—убеждает г. Струве,—остается фактом, хотя бы мы к его имени приписали слово «Зверь» с большой буквы». Мережковский же совершенно явственно заявляет, что «звериному образу», Бисмарку, он не поклонится. Но, не желая поклониться Бисмарку, надо уметь бороться с его появлением, надо уничтожить те условия, при которых он становится возможным, а для известных слоев общества и желаемым.

И окольными путями через Апокалипсис, мистику и Библию мелко-буржуазная мысль приходит именно к этой дилемме: или поклониться «Зверю», Бисмарку, или стать на путь революционного решения проблем современной России. «Нет, революция не кончилась,—в этом, кажется, главная ошибка моего собеседника»,—пишет Мережковский.—Это, конечно, хорошо. Хорошо, что г. Струве так заострил вопрос о Бисмарке, что даже г. Мережковский завопил о революции. Но читатель должен был бы забыть о природе мелко-буржуазной интеллигенции, если бы предположил, что Мережковский говорит о реальной борьбе народа с теми классами, которые призывают «Зверя», за революционный метод разрешения вопроса. Для г. Мережковского подобная постановка вопроса невозможна: это было бы уже «позитивной пошлостью», «хамством». От реально поставленной задачи он спешит убраться в надземные сферы, к противопоставлению «религии Зверя»—«религии Бога». Единственным средством борьбы с Бисмарком оказывается—сделать русскую интеллигенцию религиозной. Так, лишь подойдя к действительной постановке вопроса, Мережковский моментально сбежал от него, подменив вопрос классовой борьбы вопросом развития религиозного сознания среди русской интеллигенции.

Нельзя было лучше, чем это сделал г. Мережковский, показать, что реальный Бисмарк со стороны мелко-буржуазной, идеа-

---

[1]) Под Бисмарком тут и дальше понимался, конечно, Столыпин, назвать которого по цензурным соображениям было нельзя. Прим. к наст. изд.

листической мысли встретит полное бессилие, полную прострацию, полную неспособность противостоять его «огненной печи», если не считать противо-стоянием бессильные стоны в эту печь сажаемых. И, конечно, г. Струве, человек дела, стоящий на почве реальных интересов русского крупного капитала, мог только презрительно посмеяться над мистическими надеждами преодолеть крупный капитал на путях «религиозного сознания».

В конце концов, г. Струве должен не смеяться над Мережковским, а благодарить его. Последний, убежав от реальной задачи, поставленной статьей «Великая Россия перед мелко-буржуазной мыслью», позволил идеологу крупного капитала в дальнейшем затушевать оголенную позицию «Великой России» рассуждениями о «богоматериализме» и «мистике», «Боге» и «Звере». Это уже ни к чему [1]).

«Апокалипсис против истории, богоматериализм против мистицизма»,—так формулировал идеолог крупного капитала свои разногласия с протестантом от лица мелко-буржуазной путаницы. Если мы переведем этот язык богов на язык простых смертных, то получим формулу, довольно правильно вскрывающую сущность противоречивых тенденций крупного и мелкого капитала.

Смутные чаянья сверхъестественного избавления от «государственной и хозяйственной мощи» капитала («Апокалипсис») против бисмарковской идеи («история») русского либерализма, смутные мечты мелкой буржуазии о рае самостоятельных мелких производителей («богоматериализм») против отрицания всякой возможности реализации «царства Божия» («мистицизм»)—вот действительная постановка вопроса [2]).

Неумение отделить тенденции капиталистического процесса, присущие ему по существу, от форм его проявления, равно как и неспособность занять действительно революционную позицию в борьбе с капиталом,—это и составляет основу бессилия мелко-буржуазной мысли.

---

[1]) Полемические статьи Мережковского против Струве печатались в феврале—марте 1908 г. в „Речи", перепечатаны в сб. Мережковского „В тихом омуте". См. его „Собр. соч.", т. XII, статьи: „Красная Шапочка" и „Еще о Великой России".

[2]) „Внутреннее понимание религии,—пишет г. Струве о своем мистицизме,—не знает веры ни в какие феерии, ни в социально-экономическую, ни в апокалиптическую. Поэтому оно ближе к подлинному мистицизму". Это и есть тот мистицизм, который необходим современной буржуазии для религиозного оправдания энергии своей борьбы с пролетариатом.

В данном случае эта путаница сказалась у Мережковского неумением различить бисмарковскую форму развития производительных сил России, которой пропел гимн г. Струве, от самого неизбежного процесса развития производительных сил. А это сделало его позицию совершенно химеричной и завело в тупик, где идеологу капитала легко было одержанную над ним победу положить в основу воздвигаемой вавилонской башни капиталистической апологетики.

Однако Мережковский хотя бы краешком прикоснулся к реальной постановке вопроса. А он стоит так: будет ли дальнейшее развитие производительных сил России итти возможно безболезненным путем, т.-е. на почве, расчищенной крестьянско-пролетарской революцией, или же наиболее болезненным, мучительным для миллионов народа путем бисмарковской «революции сверху».

II. Хамы завтрашнего дня.

Во Франкфурте на-Майне
Делишки грязны крайне.

Д. Мережковский потому и характерен для русской интеллигентской мысли, погрязшей в мелко-буржуазных чаяньях и противоречиях, что на его нелепом жаргоне эти противоречия принимают абсолютную форму столкновения различных религий.

Но читатель, наученный долговременным опытом, надеюсь не удивится, если мы скажем, что истинный размер влияния бисмарковской идеологии среди русской интеллигенции можно определить только по «Товарищу». Эта газета отнюдь не может щеголять политической наивностью. Вокруг нее группируются люди, которые специальной целью своей поставили борьбу за политический реализм и политическую трезвенность, которые, по их собственным, положим, заверениям, имеют в своем специальном распоряжении «чувство жизни». В последнем отказать им было бы несправедливо, если только под «чувством жизни» понимать недурно развитое чувство обоняния. Взвешивать, какую роль сыграло это чувство в непрекращающихся злобных и слюноточивых причитаниях этих господ над «разбитой революцией», над «революционной идеологией», над «героями фразы» и пр., мы здесь не будем. Скажем только, что злобное слюноточение по поводу минувшей эпохи русской революции естественно должно было дополниться какой-либо положительной

программой. Употреблять свое «чувство жизни» исключительно на прошлое было бы странно. Теперь друзья газеты могут успокоиться: «чувство жизни» подсказало, наконец, «демократической» газете положительную программу. Естественно, что, начав с того, с чего начал г. Струве (критика революционной теории), задержавшись на том, на чем задержался на момент и г. Струве (на проповеди «культурной работы»), газета приняла и практическую программу г. Струве. Гимн русскому капиталу, под руководством Бисмарка, на костях народа и революции воздвигающему «государственное могущество», встретил на ее страницах самый восторженный прием. Не верите?—Тогда я позволю себе наказать ваше неверие длинной цитатой. Она взята из статьи постоянного сотрудника «Товарища» и «Столичная Почта» г-на А. Р. в № 242 «Столичная Почта»[1]). Называется она «Мечты о Великой России» и следующим образом формулирует отношение к этим мечтам русского крупного капитала.

«Всегда оригинальный, всегда смелый, всегда идеалист г. П. Струве предлагает русскому обществу новый лозунг... С радостью готов я приветствовать предлагаемый лозунг!

«Великая Россия! Примирение власти с народом! Прекрасные мечты! И благо нам, что между нами есть еще люди, которые так хорошо верят и нас зовут верить»... «Наш идеал,—продолжает почтенный «демократ»,—величественная гармония государственной чести и народных сил».

Изложив пламенные чувства, охватившие его при лицезрении Струвевского идеала, г. А. Р. позволяет себе выразить и некоторые свои сомнения по поводу немедленной реализации этого идеала.

«В русском обществе, в русском народе есть, конечно, стремление на высшую ступень человечности... Но все же стремление это слабо, а потому слаба и общественность, бесконечно слаба. еле теплится и национальная идея. Нужно в сто, в тысячу раз плотнее связать идейной связью разрозненные миллионы человеческих атомов, чтобы создалась действительно могучая русская нация. И много еще должно быть сделано под-

[1]) Статья принадлежала экономисту А. Рыкачеву, типичному демократу из группы „Товарища". Перепечатывая через несколько лет свои статьи, Струве специально отметил статью Рыкачева, ибо хорошо понимал, что она отразила настроение целой группы интеллигенции, стоявшей во время первой революции „левее кадетов". *Прим. к наст. изд.*

готовительной работы и много еще должно пройти времени, пока сознавшая себя нация сможет заключить мирный союз с исторической государственной властью на тех почетных, гордых условиях, о которых мечтает г. П. Струве» (курсив наш).

И с глубокой тоской наш демократ вопрошает г. Струве, может ли он обещать исторической власти «живую любовь народа к государственной культуре», «если нет еще даже самой почвы, на которой могли бы зародиться подобные чувства». Ну, не правы ли были мы, когда высказали предположения, что грядущий Бисмарк будет избавлен от расходов на «тайный фонд» для «идеологов».

Возьмите этих самых господ из «Столичной Почты», поместивших без малейших оговорок сейчас цитированную статью. В чем их отличие от г. П. Струве? Только в том, что г. Струве выводит свою линию точно, основательно и серьезно, а эти господа в припрыжку поспевают за ним, не умея даже удержаться от забеганий вперед.

Г. Струве знает, в какой среде ему приходится пролагать путь идеологии крупного капитала, и потому старательно одевает ее в идеалистические одежды, а демократические дурачки забегают вперед, устилают его путь цветами и во все горло ревут ему осанну: «всегда оригинальный, всегда смелый, всегда идеалист»... главное, идеалист!

В. Струве рисует в своей статье «пир жизни», который уготован в бассейне Черного моря русскому капиталу, опирающемуся на сильную армию и флот, и, конечно, совершенно реалистически смотря на это грядущее пиршество каннибалов капитализма, вывешивает ярко размалеванную народной кровью и потом вывеску: «Великая Россия», а холопская душа демократа вопит, падая на колени перед этой вывеской: «Великая Россия! Примирение власти с народом! Прекрасные мечты!»

Г. Струве призывает Бисмарка, зовет поклониться ему, разглядеть «сквозь хищничество Бисмарка его религию», и этот призыв находит немедленно же резонанс среди людей с «чувством жизни» в груди и с носом по ветру: «Благо нам, что между нами есть еще люди, которые так хорошо верят и нас зовут верить»...

Да, г. Струве знает, как подступить к русскому «левому» демократу и как взять его за нос. и как вести его за собой.

Единственное сомнение, которое осмеливается предъявить «демократическая» газета по поводу бисмарковской линии развития

капитализма в России, это соображение о недостаточной подготовленности народа к немедленному усвоению идеала г-на Струве. Но этими своими соображениями русская демократия «товарищеского» типа и попадает как раз в область сферы притяжения бисмарковской идеологии.

«Демократу» кажется, что предварительно «нужно в тысячу раз плотнее связать идейной связью разрозненные миллионы человеческих атомов», что «много должно быть сделано подготовительной работы», что еще надо пробудить в народе «живую любовь к государственной культуре». Но, ведь, это-то и есть то, над чем работает г. Струве, и г. Бердяев, и г. Изгоев, и пр., и пр.

Ведь, так, именно, так они и понимают свою задачу. Ибо о чем же говорит г. Струве, когда пишет, что «правильная политика общества есть проблема не тактическая, а идейная и воспитательная», как не о «связываньи» «разрозненных миллионов человеческих атомов». И разве не на ту же необходимость «живой любви народа к государственной культуре» указывает г. Струве, когда от имени грядущего Бисмарка требует «от всего народа и, прежде всего, от его образованных классов признания идеала государственной мощи и начала дисциплины труда». Напрасный труд создавать словесные разграничения там, где налицо полное подчинение общему идеалу и необходимо вытекающее отсюда общее же признание необходимости «подготовительной работы» в одном и том же направлении.

Ибо разве работа «Товарища» и всех этих Е. Кусковых, Рыкачевых, Прокоповичей и прочих не есть рабское выполнение той «предварительной работы», которая необходима в «воспитательных» целях г. Струве и которая ясно сформулирована его товарищем, г. Бердяевым: «прежде всего должны быть сломаны и сметены все основы традиционного интеллигентского (читай: революционного) мировоззрения».

Preterea censeo Carthaginem delendam esse. Прежде всего должна быть «сломана и сметена» революция. Да ведь эта старинная мечта «демократии» из «Товарища», и как нельзя более естественно, что она «радостно приветствует... новый лозунг». С принятием этого лозунга отрицательная программа (долой революцию!) получает свое естественное и неизбежное дополнение в виде программы положительной (да здравствует Бисмарк!). И если, в отличие от г.г. Струве и Бердяева, мы назвали этих господ хамами завтрашнего дня, то только потому, что внешне, хотя бы чуть-чуть соприкасаясь с истинной демокра-

тией, мерещится, что народ, быть может, не совсем еще **готов**, **воспитан** к принятию Бисмарка. Они боятся, что с «этим народом» придется еще повозиться, чтобы заставить его принять на свою спину «Великую Россию». Но, конечно, если завтра новоявленный Бисмарк усядется на этой спине и тем докажет, что «предварительная работа» кончена, они первые станут у подножия его трона.

III. О людях без будущего.

Демократией «Товарища» ограничивается сейчас область распространения «бисмарковской идеи». На глазах у нас происходит процесс концентрации либерализма и известной части мелкобуржуазной демократии вокруг широко развернутого знамени исторической власти, призванной смести революцию и стать во главе дальнейшего «развития» русского капитализма. «Развитие» это, сводящееся к киданию на внешние рынки за полным истощением рынка внутреннего—конечно, надо понимать cum grano salis. И в том, что Великую Россию г-ну Струве оказалось невозможным построить без агрессивной внешней политики, заключается, конечно, ахиллесова пята всех подобного рода построений о возможности дальнейшего развития производительных сил России не революционными, а контр-революционными методами[1]).

На примере г. Бердяева мы видели, как пришел русский либерал к идее бисмарковской «революции сверху», как к единственной форме обеспечения интересов капитала. Г. Струве рассказал нам, **зачем** нужен русскому капиталу Бисмарк. Наконец, «Столичная Почта» показала нам, как в круговорот бисмарковской идеологии втягиваются известные слои мелко-буржуазной интеллигенции. Но до сих пор в виде протеста против Бисмарка мы слышали лишь стоны и «мистические» надежды г. Мережковского, своим бессилием лишь дополняющие картину тех побед, которые одерживает «национальная идея» крупного капитала над умами и волей буржуазных слоев общества.

Не надо забывать, что, воспевая грядущего гения, г.г. Струве, Изгоевы и пр. охотно склоняются к мысли, что среди действующих на общественной арене фигур—одна обнаруживает способность если не вполне воплотить «гениальную смелость и мощь» Бисмарка, то, во всяком случае, заменить последнего. Установив,

---

[1]) См. подробнее ниже статью: „В тисках противоречий".

что история полна «чудесами», т.-е. превращениями реакции в «революцию сверху», т. Струве высказывает уверенность, что «г. Столыпин был бы величайшим чудотворцем, если бы он мог предотвратить ход вещей в таком направлении. Я не считаю г. Столыпина чудотворцем». К этому недвусмысленному уверению есть и пояснение в статье о «Великой России»: «самая незаметная и в то же время самая трудная и почетная борьба, которую вел Бисмарк во имя государства, велась им не против оппозиции парламента, не против внешнего врага и его дипломатии, а против главы государства».

Эти соображения г-на Струве о том, что г. Столыпин *не может* «противостоять ходу вещей», и что, «самая трудная и почетная борьба» велась Бисмарком из-за влияния на Вильгельма против его реакционных советников, полезно было бы дополнить соображениями г. Изгоева, развитыми в статье, специально посвященной характеристике Столыпина («Русская Мысль». 1907 г. XII). Мы приведем оттуда лишь несколько фраз. «Утверждали,—пишет г. Изгоев,—что созыв второй Думы в назначенное время на основании формально неизмененного и только исправленного (!?!) сенатскими разъяснениями избирательного закона дался П. А. Столыпину *не без серьезной борьбы с реакционными кругами*»... «Есть некоторые основания думать, что П. А. Столыпин *не без борьбы* уступил домогательствам дворянства» (курсив наш)... Наконец, г. Изгоев свидетельствует, что у г. Столыпина имеется, кроме «традиций носителя твердой власти» и idée-maîtresse [1]), «такая идея у него безусловно есть, идея ясная, определенная». И реализацию этой идеи, idée-maîtresse г. Столыпина (нам сейчас неинтересно, в чем она именно заключается) г. Изгоев считает явлением «прогрессивным и желательным».

Кажется, ясно. В пределах текущей политики «идеалистическое» служение «Великой России» не только требует, но прямо обязывает к поддержке той политики г-на Столыпина, в которой нашел свое земное воплощение идеал Бисмарка. Надо полагать, что недостающие черты российского Бисмарка, более или менее, воплощены в фигуре А. И. Гучкова...

Таким образом то, что в вышеприведенной цитате (стр. 293) мы назвали «попыткой дуумвирата» Столыпин-Гучков закрепить в России режим «серьезного конституционализма» и в сфере идеологии и в сфере практики получил вполне законченное выражение.

---

[1]) Главенствующая идея.

Остается рассмотреть другую сторону процесса. «...Эта попытка... мы продолжаем оборванную выше цитату... должна будет встретиться снизу с попыткой не дать в руки этого дуумвирата плодов революционной борьбы и революционным же путем их расширить. Это будет решительная схватка двух путей дальнейшего развития России. Уже сейчас должны быть выяснены широким массам эти перспективы и сейчас же должна вестись пролетариатом работа в том направлении, чтобы к моменту этой схватки широкие массы демократии не колебались между двумя врагами, а определенно стали на его позицию». Каковы перспективы и идеологические отражения этого второго пути? Даже оставаясь в пределах журналистики можно наметить чрезвычайно любопытные черты, которые обнаружились на левом фланге, когда он оказался перед лицом попыток «революции сверху».

Попробуем покуда рассмотреть, что делается в области «традиционного интеллигентского мировоззрения», которое, ведь должно же отстаивать свое существование от Бердяевско-Столыпинского наскока.

Прежде всего о народнической идеологии и ее отношении к «революции сверху». Кстати, во 2-й книжке «Русского Богатства», органе право-народнической мысли, напечатаны две статьи прямо на эту тему [1]). Статья г. Пешехонова так и озаглавлена: «Революция наоборот». Она представляет интересную попытку изучить плоды «революции наоборот» в среде аграрных отношений.

Перед нами любопытнейший образчик растерянности мелкобуржуазной мысли. И что, пожалуй, стоит отметить,—это характернейшее совпадение ошибок и выводов г. Пешехонова и г. Мережковского. Г. Мережковский толкует о «революции сверху» в плоскости религии, г. Пешехонов—в плоскости аграрных отношений; г. Пешехонов хочет быть политиком и реалистом, г. Мережковский—пророчествующий апокалиптик; г. Пешехонов аргументирует цифрами из отчетов Крестьянского банка, г. Мережковский цитатами из библейских сказаний, но мелкобуржуазные предрассудки владеют ими обоими с одинаковой силой, скрывают от них действительные отношения вещей в равной степени и заводят в один и тот же тупик бессильных стонов, «мистических» надежд, как это совпадение характерно и для «реализма» одного и для «свободного полета религиозной

---

[1]) „Русское Богатство“, 1908 г., кн. II.

мысли» другого! Корень путаницы и у одного, и у другого тот же: г. Пешехонов, как и г. Мережковский, не умеет отличить общих тенденций капиталистического развития от тех форм, в которых оно протекает.

Приведу несколько цитат. Замечу предварительно, что та idée-maîtresse г. Столыпина, «неизбежность, прогрессивность и желательность» которой признал устами г. Изгоева русский либерализм, заключается «в создании из русского крестьянина свободного личного собственника», по формулировке г. Изгоева, или в создании «крепкого крестьянина и свободного производителя, который ему нужен в качестве «оплота», по формулировке г. Пешехонова («Р. Б.», 1908, II, стр. 168. Остальные цитаты из этой же статьи). Только г. Пешехонов, естественно, считает это и непрогрессивным и нежелательным.

«Считая необходимым ослабить давление крестьянской земельной нужды на существующий порядок, оно (правительство) желало вместе с тем создать за счет уступаемой земли крепкого крестьянина, рассчитывая найти потом в нем оплот для священной собственности» (там же, стр. 140). Г. Пешехонов хочет трактовать «создание крепкого крестьянства» только, как результат давления сверху и по сему поводу пускается даже в неумную полемику с марксистами.

«Нам все время утверждали, что «хозяйственный мужичек» явится сам собой, в результате стихийного процесса; больше того: уверяли, что он уже имеется. Оказывается, однако, что этого самого «мужичка» *спешно должно создавать теперь правительство, что лишь при помощи планомерных усилий он может занять в жизни подобающее ему место*» (курсив наш).

Однако, несколькими страницами выше, г. Пешехонов сам принимается убеждать нас не более, не менее, как в следующем (стр. 161): «Нельзя упускать из виду, что психика крестьянской массы в ее отношении к земле уже испорчена,—испорчена выкупной операцией и теми меновыми сделками, на основании которых в течение всего пореформенного времени крестьяне только и могли расширять свое землепользование. Земля в глазах населения уже успела сделаться товаром, который приходится добывать за деньги. В частности, надельные земли,—это товар, который уже оплачен,—оплачен долгими годами труда и лишений. Вполне понятно поэтому, что даже там, где община сохранилась, крестьяне смотрят на землю как на частную собственность».

А этим общим соображениям предшествует целый ряд ламентаций г-на Пешехонова по поводу развивающегося в деревне «стремления к наживе, которое так легко развивается на почве собственности». «Это чувство правительству уже удалось пробудить в крестьянах»,—сетует г. Пешехонов. И «процесс протекает... охватывая постепенно одну часть деревни за другой, заражая все большую часть крестьян стремлением урвать, что только можно».

Безнадежно спутавши эти два процесса: «стихийный процесс» капитализации аграрных отношений и попытки русских «революционеров сверху» использовать этот процесс в своих интересах, г. Пешехонов должен был попасть и попал в невылазную трясину. Борьба с «революцией сверху» приняла для него форму борьбы с тенденциями капитализма вообще и, тем самым, эта его жестокая словесная борьба с «революцией наоборот» лишилась какой бы то ни было реальной точки опоры.

Тот анализ хода земельных операций, который дан в статье г. Пешехонова, доказывает—и совершенно неопровержимо,—что «революция сверху» в области аграрных отношений будет связана с ужасающими страданиями крестьянской массы, будет иметь своей основой массовую экспроприацию малоземельного крестьянства; он совершенно основательно пришел к выводу, что в результате революции сверху «крестьяне толпами станут бродить по всей России».

Все это так, и г. Пешехонов не понял лишь одного. Ведь появление «толп бродячих крестьян» будет знаменовать, что процесс бисмарковского созидания «Великой России» зашел уже достаточно далеко. «Толпы» будут *результатом* бисмарковской линии развития России, их выступление на *политическую* арену, если оно совершится, будет знаменовать борьбу с существующим Бисмарком, с властью, уже осуществившей или почти осуществившей свою программу ликвидации той революции, о которой мы с Пешехоновым сейчас говорим. Появление «толп» будет элементом *другой* революции, городской и социалистической, и признаком того, что так или иначе, а вопросы, сейчас стоящие перед деревней, разрешены, хотя бы по... Столыпински.

В идейном багаже народника не оказалось реальных методов борьбы со столыпинским методом разрешения вопросов *современной* деревни. Вот смысл статьи г. Пешехонова. От вопроса,—в каком направлении будет развиваться современная нам деревня,—в направлении революции снизу или реформы сверху,—

народник сбежал к вопросам совсем другого порядка, к вопросам социалистической революции.

Нотки реалистического воззрения проглядывают у г. Пешехонова и именно тогда, когда анализ фактов приводит его к мысли, что процесс создания «крепкого крестьянина» не только от Столыпина зависит.

«Можно удивляться только энергии, какую проявляет правительство, чтобы помочь им («хозяйственным мужичкам»,«индивидуальным личностям». Л. К.) в этом непривлекательном деле (в деле раздавливания «погибающих». Л. К.). Только себя компрометирует... И без него, ведь, дело сделается. Достаточно было предоставить «свободу», а затем, процесс сам собой разовьется». Это меланхолическое заявление погребает под собой все рассуждения г. Пешехонова. Ведь, вопрос как раз и шел о том, возможно ли на основе «само-собой идущего процесса» противопоставление «революции сверху»,—революции просто. Ясно, что на основе идущего «само-собой» процесса г. Пешехонов ничего построить не может.

В конце концов Столыпинской контр-революции он противопоставляет не что иное, как... «трудовые воззрения крестьянской массы» (там же, стр. 161). Ну, чем же это противопоставление отличается от той «религии человеческого бытия», которую г. Мережковский противопоставил Струвевской «религии Зверя»—Бисмарка...

Мелко-буржуазная путаница привела и того и другого к тому же бессилию мысли, к тем же попыткам «преодолеть» реальную проблему «мистическими» чаяньями, под каким бы наименованием эта мистика ни скрывалась, под формой ли веры в «трудовое воззрение» или под формой интеллигентского анархизма.

Мелко-буржуазная народническая мысль перед лицом крупно-капиталистической эры могла предъявить лишь свой стон и свою бессильную мечту. Эта мысль—без грядущего в прямом смысле слова.

Мы оставим после сказанного о позиции г. Пешехонова в стороне статью г. Мякотина. Укажем только, что ее сравнительный «реализм» весьма естественно дополняет «мистику» г-на Пешехонова в данном случае «чрезвычайно-плодотворной» идеей о сближении позиции кадетов с позициями более левых групп.

На этом мы оставим г.г. народников с их мистикой «трудовых воззрений» и реализмом «объединения всех живых сил страны», включая сюда же кадетов.

Нам следовало бы перейти теперь от «мыслей без будущего» к той системе воззрений на ход борьбы в русском народе, которая, несомненно, имеет будущее. Правда, некоторые сторонники этой системы,—мы говорим об идеологии пролетариата,—и с нею в руках умудрились оказаться без будущего. Без будущего, т.-е., в данном случае, без умения найти свое место и соответственно построить свою линию поведения. Некоторые из них умудрились даже так определить свои позиции, что их вода потекла на мельницу г. Струве (напр., г. В. М-д-м из «Нашей Трибуны», и далеко не один он). Но это уже вина этих сторонников системы, а не самой системы [1]).

Поэтому их ошибки мы разберем в связи с воззрением тех, кто решительно и последовательно ставит вопрос о том, насколько возможен тот, другой, не Столыпинско-Струвевский, не бисмарковский—путь развития России. Ибо речь идет именно о «двух путях дальнейшего развития России».

---

[1]) Легальный намек на ошибки меньшевиков. Они разобраны ниже в отделе „Ликвидаторы“. В. М-д-м подпись видного меньшевика-бундовца В. Медема, поместившего в 1908 г. в легальном бундовском журнале „Наша Трибуна“ ряд статей явно ликвидаторского свойства. Прим. к наст. изд.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ[1].

„Други, гребите против течения“...

Переживаемую нами эпоху по характеру ее отношения к ценностям, выработанным всей предшествующей историей русской общественной мысли, называют эпохой критики. Говорят, что это естественное последствие пережитых нами революционных событий, пятилетие которых было еще недавно отмечено российской прессой. Это верно и неверно. Верно то, что неудача общественного движения должна была вызвать пересмотр и проверку тех начал, которые легли в основу последнего. Неверно же то, что будто современная критика, направленная против этих начал, хоть в малейшей степени связана с самим движением, будто она порождена стремлением освободить, очистить сильные стороны движения от его слабых сторон, будто эта критика служит продолжением заветов самого движения. Как раз наоборот. Сущность современной критики—и это ее специфическая черта—заключается в том, что она нападает на то, что в движении было сильного, жизнеспособного, ведущего вперед, и берет под свою защиту то, что в нем было слабого, недоразвитого, тянувшего назад.

Она порождена не желанием усвоить великие уроки революции, а неспособностью видеть в революции то великое, что в ней было. Поэтому-то современная критика так трудно отличима от ренегатства, поэтому-то в ее произведениях «критическое» отношение к прошлому так легко переходит в капитуляцию перед настоящим.

Неудачи должны были породить критику, быть может они должны были породить и ренегатство. Но не надо смешивать

[1]) „Звезда“, 1911 г., № 22, 14 мая.

одно с другим. И, пожалуй, самой верной характеристикой нашей эпохи будет, если мы скажем о ней: слишком мало критики и слишком много ренегатства.

Слишком много ренегатства. Увы, это не случайно. Давно уже констатирован факт: «интеллигенция уходит». Но, быть может, не лишне присмотреться к этому факту с интересующей нас точки зрения; быть может, он объяснит нам, почему ренегатство стало характерной, определяющей чертой эпохи.

«Интеллигенция уходит». Но она уходит не только от работы в организациях, обслуживающих низшие слои населения. Она все более и более покидает и ту внеклассовую позицию, на которой буржуазное освобождение неизбежно воспринимало хотя бы некоторые черты демократизма. Накануне и на первых ступенях движения интеллигенция, в своем основном слое, хотела быть выразительницей общественной воли и в таком своем качестве не могла не облечь свою буржуазную сущность в демократические одежды. Но на этой двусмысленной позиции удержаться было нельзя. То самое дело, которому хотела служить интеллигенция, разрушало и призрак «общенациональной» воли и внеклассовой позиции. Надо было искать пристанища. Часть ее нашла его там, куда тянут ее подлинные интересы, ее зависимость от капитала. Другая пыталась удержаться на той же внеклассовой позиции, поднявшись над «разделившейся землей» в облака мистики или спустившись в бездны проблем пола.

Переход интеллигенции слева направо потерял характер единичной «измены убеждениям», он стал фактором общественной жизни и сделал ренегата типичной, массовой фигурой с общими, родовыми, хотелось бы сказать, чертами, с взаимным пониманием и взаимной поддержкой.

Интеллигент повалил направо—в порядке мудрой постепенности, конечно, и заполнил сцену политическими ренегатами, поощряющими друг друга. Но этого мало. Ренегат желает всенародно покаяться. Он искренен. Его устами говорит не рептильный фонд, а социальный сдвиг, который в нем-то субъективно сказался как открытие новой истины. Он хочет ее защитить. Но свою новую истину он должен защитить, прежде всего, раньше всего от своей же старой истины. «Совесть, когтистый зверь»... Вот почему вся современная «критика» так проникнута настроением, тоном злобного сведения счетов с прошлым. Тон один, методы—разные.

Один пытается извратить прошлое в угоду своей новой истине, другой, потеряв надежду на этот путь, прямо зашает прошлое (вспомните проф. Локоля) [1], третьи прямо объявляют прошлое «бесовским навождением», от которого спасение в новом крещении... от Крестовниковых или Гучковых—безразлично («Вехи»). Всех методов не перечесть: в каждом лагере найдете вы людей, отказывающихся от прошлого.

Но, быть может, откровенности надо искать там, где и прикосновение к этому прошлому было наиболее стихийным, наименее сознательным и где для очищения от следов этого прикосновения не требуется специальной и сложной аргументации,— в нижних этажах русской литературы.

Последним, насколько нам пришлось читать, пришлось отказываться от прикосновения к недавнему прошлому, от некоторого увлечения им г-ну В. Розанову из «Нового Времени». Его не было в «Н. В.», «когда начальство ушло» [2]). Где-то на стороне написал он несколько статей, где отдавал дань увлечению революцией и проповедывал—страшно сказать!—республику трудовиков, кадетское министерство и «весенний разлив». Но начальство вернулось.

Вернулся и г. Розанов в «Новое Время» на роль лаятеля.

Г. Струве, который никогда не возвращался назад, всегда шествуя вперед затылком, нашел это возвращение безнравственным. Г. Розанов почел нужным объясниться с г. Струве и в объяснение привел два соображения. Во-1-х, соображение Гераклита о том, что «все течет», во-2-х, то, что он увлекался революцией, поскольку она была увлекательна, и до тех пор, пока она была увлекательна, «а отлетела поэзия,—прощайте, я больше не политик».

Отлетела поэзия, иначе—отлетела сила, непосредственно ощущаемая и на глазах растущая сила, и г. Розанов «потек» в «Новое Время».

В этом объяснении хорошо уже то, что г-ну Розанову ради новой своей истины не пришлось «критически» разбирать старую.

Просто «все течет», «о всяком предмете, между прочим, и о революции, имею несколько мнений и каждое из них истинно в известных обстоятельствах»...

---

[1]) Проф. Локоть, член партии трудовиков 1905—1907 г.г. в эпоху контр-революции перешел в лагерь монархистов.

[2]) „Когда начальство ушло“ (С.П.Б. 1910)—так назвал В. Розанов сборник своих статей за 1905—1906 г.г.

Как видите, это предел цинизма и «широкого» отношения к истине, цинизма, до которого дойти дано не всякому, но который лишь оголил основные психологические мотивы нашей «критической» эпохи.

Люди, лишенные дара розановского юродства и способности единовременно вмещать несколько «истин» об одном и том же предмете, поставлены в гораздо более тяжелые условия: они лишены возможности отделаться от принятых на себя в недавнем прошлом обязательств простой ссылкой на Гераклита. По остроумному выражению Г. В. Плеханова, им приходится целым рядом «паралогизмов» и «софизмов» прикрывать свое отступление от былых позиций, свою работу по ликвидированию наследства.

У разных групп интеллигенции это наследство—разное. «Вехи» и «Русская Мысль» ликвидируют демократические и просветительно-рационалистические элементы, удерживавшиеся до известного времени в идейном обиходе русского либерализма. Меньшевики и эс-эры ликвидируют элементы социализма в своей политике.

Но к какой бы группе вы ни обратились, всюду «паралогизмы» и «софизмы» составляют орудие освобождения тянущего направо интеллигента от задач, формул и методов недавнего революционного прошлого.

Этими паралогизмами и софизмами наполнена вся почти идейная жизнь русского общества, поскольку она находит свое выражение на книжном и журнальном рынке. Эти-то паралогизмы и софизмы и придают нашей эпохе вид эпохи критики в то время как на самом деле это—эпоха капитуляции и веховства во всех его оттенках.

«Все течет»,—это так. Интеллигент всюду течет более или менее к «Вехам»,—это тоже факт. Но это не значит, чтобы не было никаких других течений. Они не так заметны на поверхности, не создают вокруг себя так легко атмосферы литературного события, но они есть.

НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЕ[1]).

Торжествующая реакция устами третьедумских депутатов судили на-днях русскую студенческую молодежь. Конечно, одна из главных ролей досталась при этом случае г-ну Пуришкевичу.

Но на этот раз Пуришкевич, нападая на студенчество, не ограничился собственными аргументами. Он взял себе в подмогу аргументы, старательно заготовленные против российской демократии господами из кадетского лагеря. Вводя в свою речь аргументы, направленные против студенчества господами - веховцами, Пуришкевич наглядно демонстрировал объективную ценность и объективное значение последних. А эта наглядная демонстрация значения «веховской» пропаганды очень важна. Быть может те, кто в свое время не сумел разобраться в лицемерии «Вех», теперь, наконец, увидят, в чью руку сыграли «веховские либералы». Их «работу» благословил Антоний Волынский, теперь их облобызал Пуришкевич: перед этими благословениями и лобзаниями вряд ли устоят их лицемерные уверения в преданности идеалам народной свободы. Статья г. Изгоева в «Вехах» против русской интеллигентской молодежи была в полном смысле этого слова отравленным извержением обозленного ренегата. Она не встретила, однако, достаточного отпора, автор ее не стал немедленно же для широкого круга читателей прокаженным, от которого чистоплотные люди должны держаться подальше уже из простой брезгливости. Это можно объяснить только глубоким падением общественных нравов, сопровождающим мрачнейшую полосу реакции. Быть может теперь, когда Пуришкевич приложил печать своего благословения к «соображениям» г-на Изгоева, читатели поймут, кто скрывается под тогой защитников «культуры».

---

1) „Невская Звезда“, 1912 г. № 1, 26 февраля.

Г-н Изгоев пытается увернуться от объятий Пуришкевича. Это ему не удастся, по той простой причине, что основа их мысли одна и та же.

Пуришкевич нападает на молодежь за ее демократические идеалы, за ее участие в освободительном движении, за ее приверженность идеалу борьбы. Он уснащает эти обвинения клеветами на моральную порядочность интеллигенции. Но за эти же «преступления» нападает на студенчество и г. Изгоев и его соратники по «Вехам» и «Русской Мысли».

Не писал ли г. Изгоев, что «основная задача нашего времени» в том, чтобы «дать себе отчет в том, какой вред приносит России исторически сложившийся характер ее интеллигенции»? И не в том ли видел г. Изгоев основную черту этого «вредного» характера, что «идеалом интеллигентного человека является профессиональный революционер»[1]).

Это буквально те же обвинения, которые формулирует и г. Пуришкевич. И, по примеру последнего, не дополнял ли свои политические «обвинения» г. Изгоев обвинениями моральными: в высокомерном невежестве, в нечестности, в нечистоплотности половой жизни и пр., и т. д.... Не ставил ли он в прямую связь с характером русской интеллигенции: «грязь, убийство, грабежи, воровство, всяческое распутство и провокацию...»

Правда, теперь, чтобы очиститься от разоблачающих его поцелуев г. Пуришкевича, г. Изгоев выуживает из своей статьи те места, в которых он снисходит до объяснения характера русской интеллигенции условиями русской общественной жизни. Однако он забывает указать, что в своей статье он готов был «простить» русской интеллигенции ее «грехи» лишь до 17 октября 1905 г. «Но 17 октября 1905 г. мы подошли к поворотному пункту». Для последующей эпохи г. Изгоев беспощаден. Именно после этой даты «отрицательные черты (интеллигенции) дают себя чувствовать особенно остро»,—писал г. Изгоев. Но именно за деятельность студенчества после 17 октября 1905 г. и поносит последнее г. Пуришкевич, и «опровержение» г. Изгоева никого не убедит в том, что Пуришкевич не имел основания пользоваться его соображениями, чтобы показать «вред», наносимый России ее интеллигенцией.

Реакция принесла нам не только «палки». Она принесла также реакционную идеологию, систематический «идейный» поход против всего того, что вдохновляло деятелей предшествующей эпохи;

---

[1]) Цитаты из статьи А. Изгоева в „Вехах": „Об интеллигентной молодежи", стр. 121 и сл.

в ее атмосфере широко расцвела клевета и обливание помоями всего того, что было дорого длинным поколениям русской интеллигенции.

«Палка» реакции осталась в старых руках. Новая «идеология», идеология реакции была развернута руками «поумневших» веховцев. В этой работе совершенно естественно заглавная роль досталась людям, имевшим за собой длинный путь передвижек «слева направо», г.г. Струве, Бердяеву, Изгоеву.

По мере общественного пробуждения эта роль идеологов реакции будет становиться все яснее в глазах широких кругов общества. Будем надеяться, что объяснения г. Изгоева с г. Пуришкевичем приблизят этот момент необходимой ясности.

Пора рассеять туман, в котором люди, служащие на деле Пуришкевичам, продолжают почитаться защитниками «культуры» и «свободы».

РЕЛИГИЯ И МИСТИКА ВЕЛИКОЙ РОССИИ [1]).

(По поводу „Patriotica" г. П. Струве).

В том блоке, который остановил поток массового движения и ныне осуществляет свою власть, легко различить три главные фигуры: дикого помещика, вроде Маркова, представителя объединенного дворянства, промышленника, вроде Гучкова или Протопопова, представителя объединенного капитала, и, наконец, лощеного бюрократа, представителя немалой толпы русского чиновничества. Но ни один из этих элементов не имеет в себе достаточных данных, чтобы создать идеологию эпохи реакции. Речи в защиту стражников рядом с речами о субсидировании первенствующего сословия, как бы сами по себе ни были они красноречивы и искренни, не могут создать того идеологического покрова, который нужен реакции так же, как и всякому другому общественному явлению. С другой стороны, октябризм слишком практичен, слишком мало ценит «идеологию», слишком оторван от так называемых культурных переживаний русской интеллигенции, слишком неповоротлив в идейной сфере, чтобы он мог взять на себя задачу создать эту потребную идеологию. Роль выразителя реакционных интересов, идейная, как и практическая, гегемония в боевой антидемократической среде досталась, таким образом,—бюрократии. Но и для этого элемента реакции не под силу вместить многое; он мог только дать командные слова: «Не запугаете», «мы создадим мелкого собственника и Великую Россию», «дайте нам 20 лет покоя», «ставка на сильных»,—в этих нескольких выражениях г. Столыпина скрыта в конце концов вся мудрость нашей эпохи.

Но одних командных слов мало.

---

[1]) „Невская Звезда", 1912 г., № 14, 24 июня. Статья написана по поводу выпущенного г. Струве в 1911 г. сборника его статей за 1905—1910 г.г. „Patriotica"

Задача создать идеологию Великой России, могущественной империи на основе капиталистических отношений, осуществившей задачи буржуазного развития методами реформы сверху и парализовавшей энергию движения снизу, задача создать идеологию, сливающую воедино интересы старой власти и буржуазного развития, выпала на долю «теоретиков» из среды нашей «наиболее образованной» партии, по ее собственной характеристике, из среды конституционалистов-демократов. Она, ведь, скопила в своей среде наиболее видные элементы, представляющие будущее либеральной буржуазии. Им, значит, и книги в руки.

У этих идеологов русской буржуазии задача сразу приняла двусторонний вид: с одной стороны,—критический, в виде борьбы с демократической идеологией, с другой стороны,—апологетический, в виде восхваления пропаганды идеи Великой России.

На жаргоне буржуазных любомудров это приняло название борьбы с материализмом, атеизмом, нигилизмом революционного движения во имя «религии Бисмарка» [1]), который для них явился земным воплощением их чаяний.

В ответ на переворот 3-е июня 1907 г., г. Струве в августе того же года поднял знамя борьбы с консерватизмом нашей... «интеллигенции», т.-е., иными словами, с верностью общественного движения своим задачам и заветам. В то время, как «победители» 3-го июня разрушали все завоевания предшествующей эпохи, г. Струве объявил войну общественному движению, которое «доходило до бешенства в стремлении к разрушению».

Для нас тут нет ничего удивительного и неожиданного. Интереснее посмотреть, как эта борьба с «интеллигенцией» возводится в сан «религии». Интересно нащупать истоки того интереса к религии, которым реакция успела заразить довольно широкие круги общества.

Против идеи широкого политического движения буржуазные идеологи выдвигают идею мощной империи, и против идеи классовой борьбы—идею мирного капиталистического развития, мирного и постепенного врастания новых социальных отношений в старые формы.

Обе эти идеи: «ставку на сильных» и «Великую Россию» надо препарировать не как лозунг той или другой группы, находящейся в противоречии с интересами других групп, а поднять их до высоты идеала, до высоты национального дела, подвига

[1]) Выражение г-на Струве. См. выше ст.: „О тени Бисмарка".

и служения, сделать эти идеи общеобязательными, не внешним, а внутренним мотивом деятельности; их надо освятить, сделать «религиозными».

Вот почему вопросы религии приобрели такое значение. Для народных масс, для демократии, для мелко-буржуазной клиентеллы тех же кадетов и «Великая Россия», и производственный процесс оборачиваются другой стороной: громадными налогами, громадным размером смертности, неслыханными условиями труда, обезземеливанием. И поэтому обязательным является для идеологов указывать за внешними покровами «зверя-Бисмарка», его «религиозную правду».

Поэтому Струве и пишет: «Проблема государства (Великой России) в окончательной своей постановке для меня соприкасается в настоящее время с проблемой не только культуры, но и религии».

И защищая вторую ходовую идею переживаемой эпохи: «ставку на сильных», идею «личной годности», также необходимо обратиться к религии.

«Интеллигенция, как таковая... всегда рассматривала и рассматривает до сих пор производительный процесс только под углом зрения распределения или потребления (т.-е. с точки зрения трудящихся классов. Л. К.). Она должна понять, что производительный процесс есть не «хищничество», а творчество самых основ культуры» (т.-е. стать на точку зрения «хозяев» промышленности. Л. К.). И вот, пригласив русскую демократию переменить свой критерий и свои оценки, г. Струве тут же заявляет: «Я должен сказать, что в столкновении этих точек зрения лежат различные религиозные миросозерцания. В основе интеллигентского экономического миросозерцания лежит безрелигиозный механический рационализм». А для деятелей новой идеологии оказывается нужным «религиозный индивидуализм и спиритуализм, для которого не нужна и не интересна материализация царства божия».

Кажется, мы попали в самые глубины богословских вопросов о царстве божьем, спиритуализме и пр., и т. д.

На самом же деле расшифровать все это не так уж трудно.

Государство соприкасается для г. Струве с религией. Эту связь можно толковать различно. Можно, напр., рисовать в таком виде, что религия-де предписывает государству надклассовые, идеальные цели, что, будучи религиозным по существу, оно является чем-то вроде «носителя» идеи справедливости, ее охранителем и воплощением.

Нельзя не припомнить, что во время оно, ренегируя от марксизма, г. Струве именно так—вопреки разрушаемой им «грубой догме» марксизма—толковал государство, пытаясь присоединиться к великому имени Лассаля, пытаясь для этого использовать имена идеалиста Канта и мистика Соловьева [1]). Но это было давно, это уже пройденный этап.

Теперь г. Струве и не пытается сделать из своей религии какого-либо идеалистического употребления. Он-то рассматривает государство чрезвычайно реалистически, но он хочет, чтобы масса относилась к государству и к его задачам религиозно, т.-е. как к некритикуемой, высшей силе, которая ведет ее, массу, вперед, вдохновляемая не человеческим, а мистическим своим предназначением.

«Религиозная сущность» государства,—это для плебса. Сам же г. Струве великолепно вскрывает «предназначение» «своего» государства, когда подсказывает Великой России цель в виде «господства над всем бассейном Черного моря, т.-е. над всеми европейскими и азиатскими странами, выходящими к Черному морю», и указывает для этого «господства» настоящий базис: люди, каменный уголь и железо. (См. его ст. «Великая Россия»). На этом «реальном базисе»—и «только на нем»—при помощи «сильной армии и такого флота, который абсолютно обеспечивал бы нас от вражеского дессанта в этой области»,—г. Струве и полагает выполнить религиозную миссию своего государства.

Читатель уже заметил, что в этом определении задач Великой России—очень мало идеализма, мало сентиментальности, но что здесь звучит голос дельца-капиталиста, аппетиты и фантазию которого разбудило подавление революции.

Перейдем ко второй основной идее эпохи реакции. Ее выразил П. Столыпин, опять как вожатый, словами: «правительство ставит ставку на сильных». Ее поднял на религиозную высоту г. Струве, перелицевав ее в «идею личной годности».

Эту ставку на сильных, эту идею личной годности г. Струве противопоставил одной из основ демократического миросозерцания, по его мнению,—идее равенства. «В идее личной годности перед нами вечный реалистический момент либерального миросозерцания». [illegible]

С этой идеей личной годности мы переходим от религии Великой России к ее мистике. Масса должна жить верой и на-

---

[1]) См. его статьи: „Ф. Лассаль“ (1900 г.) и „В чем же истинный национализм?“ (1901 г.). Обе статьи перепечатаны в сб. „На разные темы“. С.П.Б. 1902.

деждой на государство, на командующие классы, на Столыпина, но чем должны жить сами творцы этой Великой России. те, кто в ней будут хозяйничать? Мистическим, индивидуальным созданием своей «годности»,—отвечает г. Струве.

В мало разрыхленной русской социальной среде тип, о котором мечтает Струве, не закончен еще выработкой. На нем еще много следов патриархально-крепостнического быта. Он—груб и в то же время страдает сентиментальными припадками, он—нахален, но в глубине души еще раб и помнит своего деда крепостным холопом, он—еще не уверен в себе. Воспитать настоящего буржуа, хозяина своей фабрики и своего государства—вот в чем задача мистики г. Струве. Здесь лишь под религиозным соусом идее коллективности противопоставляется характерный для буржуазного общества и его культуры обыденный штемпелеванный индивидуализм:—сознание своего предназначения и своей «годности» капитана промышленности, дельца эпохи анархического производства.

Стоит пересмотреть статьи сборника идеологов новой буржуазии, и вы сплошь и рядом натолкнетесь на эту же идею в ее простом, не облаченном в мистические покровы виде. Вот. напр., что пишет соратник г. Струве: «Эгоизм, самоутверждение (это и есть личная годность)—великая сила; именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием—божьего дела на земле».

Кажется ясно, но—увы—не дипломатично. Дипломатия и есть мистика г. Струве.

Религия, как покров государственного хищничества, мистика—как покров личного, буржуазного хищничества,—вот крайние высоты буржуазной идеологии, которая с таким шумом заявляет свои права на русское общество.

Но эта же идея религии оказывает лагерю буржуазной реакции еще одну неоценимую услугу. Она способствует возведению земной борьбы буржуазии с революцией в степень божественного, тоже святого дела. Религия г. Струве, прежде всего, должна обесценить всякую борьбу за улучшение земного существования, затем она должна со своих высот объявить подобную борьбу аморальной, варварской, достойной зверей, а не людей.

Если мистика Великой России должна усилить веру в себя у хозяев, она должна, она одновременно направляется и к тому, чтобы обессилить, понизить энергию низов. Вот та третья задача, которая заставляет идеологию русской буржуазии принимать религиозную форму.

«Религиозная идея способна смягчать углы радикализма, его жесткость и жестокость»,—пишет г. Струве.

Действительно, перед лицом плебейского, безрелигиозного радикализма как не запросить лампадного маслица хозяевам жизни.

А затем, по мнению проповедников, «основная философема (посылка. Л. К.) всякой религии есть: «Царство божие внутри вас есть».

А посему: «религия апеллирует к внутреннему существу человека, ибо с религиозной точки зрения проблема внешнего устроения жизни есть нечто второстепенное» [1].

Религия Великой России призвана доказать, что внутренняя ценность движения низов равна отрицательной величине. Возьмите любую статейку современного русского патентованного философа и переверните в ней 20 стр., сплошь наполненных, казалось бы, совершенно отвлеченными вещами, беседой о релятивизме, абсолютах, скептицизме, о философской необоснованности неверия и пр. пр., и на 21 стр. вы непременно натолкнетесь на вывод: а из сего-де следует, что русская революция была кощунством, осквернением святынь.

Я не стану говорить здесь о г.г. Бердяевых, Булгаковых и пр.

Но вот я беру статью соратника г. Струве, его двойника, г. Франка, посвященную специально философской защите необходимости абсолютной ценности, и нахожу в ней один действительный аргумент в защиту его идей, в защиту религии. «Необходимо воспитание отчетливого сознания, что конечные цели и высшие ценности имеют абсолютную и сверхэмпирическую (т.-е. религиозную) природу, а потому допускают лишь относительное и приближенное осуществление в пределах эмпирической действительности. С точки зрения истинной религиозности, практический максимализм есть кощунственное стремление воплотить сполна бесконечное в конечных пределах... Глубочайший трагизм русского революционного движения состоял именно в том, что оно веровало в одни лишь интересы и аппетиты. За эту свою слепоту оно поплатилось тем, что вызванные его нигилизмом призраки массовой розни и эгоистической разнузданности подавили и уничтожили его».

Вывод совершенно ясен. Религия,—не трудно видеть,—необходима, как предохранительная прививка против требовательности демократии.

---

[1]) Все цитаты из органа г. Струве „Русская Мысль“.

«Основная положительная идея, которую необходимо противопоставить революционной идеологии,—это идея религии, как построяющего и освещающего жизнь начала»,—пишет г. Струве. И тут же поясняет: «настоящее действие в общем и целом должно быть основано на компромиссе... Тут вскрывается моральное значение, нравственная правда идеи компромисса. В основе настоящего компромисса лежит всегда идея правды, честного отношения к жизни. В самой же идее и психологии борьбы таятся моральные опасности».

Бесчестный отказ от борьбы сделать высшей честностью—вот смысл религии г. Струве. Освятить компромисс буржуазии со старой властью—вот ее задача.

В этой беседе меня не интересует политическая сторона того процесса, на который я указываю. В области же идейной надо констатировать, что буржуазная интеллигенция великолепно исполнила свое историческое дело: она впервые для России осмелилась традиционной мысли демократической интеллигенции противопоставить законченную систему буржуазной идеологии, она, затем, создала идеологию того практического дела, которое творит реакция. Дела г.г. Столыпина и Гучкова она возвела на принципиальную высоту. «Великую Россию», которую хотела бы, если бы могла, создать реакция, она облачила в одежды религии. Практические политики, вроде Маклакова, вольные публицисты, вроде Изгоева или Струве, кадетские профессора, вроде Котляревского, воплощают ныне эту идеологию в жизнь, разменивая ее религиозные туманности на звонкую монету ежедневных услуг сегодняшним хозяевам жизни.

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ И БУРЖУАЗИЯ.

СТОЛЫПИН РАБОТАЕТ...[1])

На протяжении двух недель министр российского самодержавия, г. Столыпин, счел нужным дважды выступить с декларациями, принципиальное значение которых трудно оспорить.

20-го ноября [2]) на собрании чиновников и дворян, так наз. Совете по делам местного хозяйства, и 5-го декабря в собрании «законодателей» г. Столыпин выступил для того, чтобы дать «руководящие указания» тем двум группам, в союзе с которыми и лавируя между которыми абсолютизм пытается спасти себя.

Для той эпохи приспособления, которую переживает российский абсолютизм, эти речи чрезвычайно характерны. Характерен, прежде всего, тон, тон пропагандиста, увещевающего, подсказывающего представителям известных групп определенные линии политического поведения. Куда девался старый тон Держиморды и Мымрецова? Недавний Мымрецов начинает сознательно и расчетливо играть ту роль, которую уж с 1906 года подсказывают ему кадетские публицисты: стать во главе живых сил страны, чтобы создать «Великую Россию» и вести ее к национальному возрождению.

Но характерно в речах Столыпина не только то, что ими он засвидетельствовал необходимость для приспособляющегося абсолютизма «национального» представительства командующих классов, ибо задача «возрождения» осуществима только способом в национальном масштабе проводимого сговора и союза самодержавия с помещичьим землевладением и октябристским капиталом.

---

1) „Пролетарий", № 41 от 7 января 1909 г.

2) 1908 г.

Характерно то, на какую почву ставит Столыпин самый вопрос о «возрождении» России на пользу помещика и октябриста за счет крестьянина и пролетария.

В обеих своих речах г. Столыпин заявил, что его почва — почва революции.

Революция не кончилась—втолковывал г. Столыпин дворянам и гучковцам—и не кончилась в двух смыслах: во-первых, у нас не только нет никаких гарантий, но есть достаточные основания ожидать нового периода революционно-демократического движения масс, а, во-вторых,—единственно мыслимая гарантия против этого неприятного «возрождения» заключается в том, чтобы мы, «капитаны народного хозяйства», сами стали на революционный путь и по-своему разрубили тот узел, который не успела разрубить революция. Революция сверху—как настоятельнейшая задача дня, как единственный способ предупредить новое оформление революции снизу—вот тот лозунг, который дает и вколачивает в головы своих непонятливых слушателей вожак контр-революции.

«Не случайно,—говорил г. Столыпин собранию высших чиновников, губернаторов и предводителей дворянства,—внимание ваше было, в первую очередь, направлено правительством на вопрос о переустройстве нашей деревенской жизни. Вы все, господа, живые свидетели того, что пережила наша деревня за последние годы». На этом собрании излишне было напоминать, что именно пережили г.г. помещики за последнее время: как раз, ведь, память об этих событиях и подстегивает их законодательную мысль. И г. Столыпин прямо перешел к средствам спасения: «Для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях нужен крепкий личный собственник, только он является преградой для развития революционного движения», поучал г. Столыпин своих сотрудников.

Г. Столыпину надо отдать справедливость: он не хвастает, когда неоднократно подчеркивает, что через все его контр-революционные попытки проведена,—по его выражению, «единая, объединяющая мысль», он был прав, когда указывал несколько растерявшимся благодаря крестьянской оппозиции закону 9-го ноября октябристам, что эта контр-революционная мысль «должна быть проведена по всем статьям, что выдернуть ее из отдельной статьи, значит, исказить закон, лишить его руководящей идеи».

Эта «руководящая идея» заключается в том, что старая монархия бессильна против революции, что она должна передви-

нуться на новые социальные устои, чтоб не быть выкинутой за борт истории.

Царский министр знает, что его задача укрепить абсолютизм, в корне задавив революцию, но министр, переживший первую вспышку революции, знает также, что эта задача выполнима только постольку, поскольку ему удастся развязать или разрубить тот узел социальных отношений, за который запнулось самодержавие. Он знает, что обойти этот узел нельзя,—он предоставляет либеральным межеумкам—с к.-д. во главе—ходить вокруг да около, стараясь по возможности не дотрагиваться до опасного места или стараясь отвести глаза от опасного места,—и контр-революция знает, что этот узел будет разрублен или ею, или революцией.

Бросившись с этим лозунгом в горнило социальной борьбы, г. Столыпин сразу—и естественно—нашел длинный ряд союзных сил. Черносотенный помещик, контр-революционный капитал и контр-революционный либерал сразу признали в этой идее—свою идею, и не за страх, а за совесть началась работа.

Если для Столыпина и вообще бюрократической верхушки «новые социальные устои» есть средство спасения монархии, то для октябристского капитала и кадетского либерализма монархия есть средство не дать крестьянской и пролетарской массе создать действительно новые условия дальнейшего развития России. При таких данных общая работа этих сил диктуется самим ходом вещей, а их расходящиеся в тех или других случаях интересы дают только возможность абсолютизму, лавируя между ними, укреплять свое значение в качестве фактического руководителя всех контр-революционных сил.

Торжество принципов капиталистического хозяйничанья на той арене, где старое самодержавие дольше всего пыталось охранять остатки патриархально-общинных начал, торжество частной собственности в деревне—этот принцип объединяет господствующий ныне блок. И объясняет потому, что пытается удовлетворить одновременно обе господствующие тенденции этого блока: направить процесс капиталистического развития России таким образом, чтобы власть и доходы остались и оставались в руках нынешних хозяев, и ввергнуть деревню в такую внутреннюю борьбу, чтобы в конце концов получить крепкого личного собственника, крестьянина — сознательного монархиста и «охранителя» порядка во что бы то ни стало.

Именно эта надежда укрепить абсолютизм на новых устоях дает смелость царскому министру снисходительно-критически

отнестись к прежним попыткам укрепить абсолютизм, охраняя его старые патриархальные начала. «Колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу; неужели забыто, что этот путь уже испробован?..»—напоминал г. Столыпин в Думе. И эти непрекращающиеся ссылки на революцию, это постоянное учитывание революции, как живой силы, прекрасно вскрывают «руководящую идею» г. Столыпина.

Выступая критиком старых, не оправдавших себя в борьбе с революцией, устоев самодержавия, пропагандируя новые, г. Столыпин призывает верить («господа, нужна вера!..» воскликнул он в Думе 6 декабря) в государственно сознательных крестьян, задаче создания которых он признает подчинить все остальное.

«Необходимо дать ему (слою государственно-сознательных кулаков) свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своею собственностью, надо дать ему власть над землею». И вот тогда, когда монархия за счет ограбленной деревни выкормит этого «крепкого собственника», когда при помощи полицейского государства кулак получит «власть над землей», тогда абсолютизм смело сможет поставить свою «ставку» на этого «сильного». Вот мечта блока!..

1905 и 1908 г.г. есть соревнование двух способов дальнейшего капиталистического развития России—соревнование демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и бонапартистской диктатуры Столыпин—Бобринский—Гучков.

В основу этой диктатуры триумвират из бюрократа, помещика и октябриста должен был положить и положил принцип организованного насилия над жизнью миллионной массы крестьян. Программа Столыпина, развитая им в упомянутых двух речах, хороша именно тем, что связывает воедино политическое и экономическое насилие, создавая стройную систему, где кулак, ограбивший деревню, фабрикант, выжимающий пот из бежавших из деревни жертв новой экономической политики, и предводитель дворянства в мундире начальника уезда и губернатора связаны круговой порукой, спаяны необходимостью взаимной поддержки. Именно об этом шла речь в «Совете по делам местного хозяйства», открывая который г. Столыпин призывал реорганизовать местную администрацию применительно к «выросшему значению личности крестьянина», т.-е. применительно к задаче ограбления деревни приобревшим «государственное значение» кулаком.

«Само собой понятно,—говорил г. Столыпин в «Совете»,—что новое в государственной жизни явление (нарождение устойчивого слоя государственно-сознательных земледельцев) требует новых форм, вследствие чего и понадобилось изменить облик волости и создать новые формы для жизни поселка». А в непосредственной связи с этим «и административный строй должен получить большую крепость и определенность, и не может оставаться на уровне потребностей чуть не начала прошлого столетия». Современные же «потребности» явно для всего контрреволюционного блока складываются из двух сторон той же монеты. Надо помочь «сильному» обогатиться и ограбить деревню, задачу, которую он без прямой помощи всех сил полицейско-дворянского государства не одолел бы так скоро, как этого требуют обстоятельства. Надо укрепить и усилить власть. Тут уж Столыпин опирается на прямой опыт своей борьбы с революцией. «Отсутствие главы уезда, расстройство уезда особенно сказалось в революционный период,—опять напоминал г. Столыпин «Совету»,—когда у администрации не оказалось на местах ответственных руководителей».

Что смысл административной «реформы» заключается в борьбе с революцией, это явно показал сам автор ее, указав, что прямо взять в начальники уезда уездного предводителя дворянства правительство не может, ибо неудобно подчинить выборному лицу уездную полицию, «а без этого реформа теряет все свое значение»,—добавил г. Столыпин.

Обогащайся, дави слабых,—взывает г. Столыпин к кулаку,—этим ты спасаешь и монархию, и помещика, и, так как это дело государственное, государство даст тебе в помощь на борьбу с деревней палачей из чиновников и руководителей «воинской силы» из предводителей дворянства.

И вот, в погоне за этим крепким устоем, монархия «милостью божьей« поступает на службу к грабителю, на грабителя деревенского «мира» ставит свою ставку.

Послереволюционная монархия,—монархия контр-революционная и приспособляющаяся к буржуазному развитию,—вынуждена кинуться в бонапартистскую азартную игру.

В этой игре гибель ее неизбежна, но она будет тем быстрее, тем решительнее, чем планомернее и сосредоточеннее будет вести социал-демократия свою работу организации пролетариата и просвещения широких масс народа на счет действительного значения переживаемого момента.

СОБАКЕВИЧИ И МАНИЛОВЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ [1]

Не останавливаясь ни перед чем в своей борьбе с революцией, ее традициями и ее духом, практикуя методы прямого физического истребления своих врагов и сделав петлю палача неизбежным условием своего существования, правительство в союзе с большинством III Думы по-своему пытается разрешить ряд вопросов, оставленных революцией в наследство «победителям». По той нервности, с которой производятся эти попытки, можно судить, насколько слаба у нынешних хозяев России уверенность в благоволении к ним истории.

Русская революция и, в связи с ней, осложнение международного положения поставили старый абсолютизм перед такими задачами, разрешить которые он не в силах; а отказаться от решения их он, под страхом полной изоляции, не может. При этих условиях неизбежно то, что ни к какому вопросу абсолютизм не может подойти, не обжигая себе пальцев, а, с другой стороны,—что его попытки решения вносят новые элементы недовольства в самые различные слои населения.

О том, как обожгло себе пальцы российское императорское правительство, попытавшись принять участие в судьбах балканского вопроса, рассказывал 12 декабря 1908 г. в Думе Извольский.

Предчувствием того, что такая же судьба очень легко может постичь попытки правительства в области самого жгучего для него внутреннего вопроса—вопроса аграрного—проникнута речь Столыпина, произнесенная им 10 января 1909 г. на собрании непременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий, т.-е. на собрании чиновников, специально приставленных к задаче насильственного разрушения общины и насаждения частной собственности в деревне.

[1]) „Социал-Демократ", № 2 от 28 января 1909 г.

Речь Извольского явственно показала, что, несмотря на искреннее желание, несмотря даже на полное сознание неразрывной связи дела укрепления абсолютизма с ведением достойной «Великой России» внешней политики, — что эта задача не по силам контр-революционному правительству. Вполне естественно поэтому, что имперский либерализм г.г. Милюкова, Струве, «Слова», либерализм, который все свои «творческие» силы употребил на то, чтоб создать атмосферу национальных задач, национального подъема, в которой легче всего Бисмарки ликвидируют революции,—что этот либерализм остался очень недоволен и ролью и тоном российских дипломатов. Министру внешних дел в кабинете г. Столыпина пришлось «представителям нации» сказать, что тот внутренний кризис, который не был ликвидирован революцией, не сможет найти себе исхода на международной арене, что всякая попытка решить его на международной арене скорее вызовет к жизни Россию революционную, чем «Великую Россию» Струве и Гучкова. Это было открытое заявление правительства о своей неспособности компенсировать убытки буржуазии и буржуазного либерализма в внутренней войне успехами в международной погоне за рынками. И хотя г. Милюков сделал все, что от него зависело, чтоб позолотить пилюлю г. Извольского, хотя он и помог своим голосованием удалению с трибуны Думы тов. Покровского, хотя он и присоединился к одобрительной формуле октябристов, хотя и написал в том же тоне передовицу «Речи» о речи министра,—он вскоре должен был уступить «общественному мнению» и вернуться на позицию контр-революционного национал-либерала, подталкивающего царского министра о погоне за иностранными рынками. Вполне одобрив в первой же статье речь Извольского и упрекнув его даже в излишнем стремлении защищать себя, «Речь» через несколько дней уже пела в унисон со всей буржуазной печатью от октябристского «Голоса Правды» до желающего казаться левее кадетов «Слова». Орган московских купцов и фабрикантов писал об «удивительной робости тона» и о том, что Извольский говорил так, «словно нет у нашей дипломатии прочной почвы под ногами». «Слово», не связанное ни высоким положением главы «оппозиции Его Величества», ни положением органа правительственной партии,—и тем точнее отражающее настроения господствующих и близких к господствованию групп,—весьма «радикально» кричало о достоинстве России и о том, что «речь г. Извольского произнесена и *тем лучше* для Австрии». Корректная в разго-

ворах с министрами «Речь» журила русскую дипломатию за «кунктаторство», и даже Суворин, вспоминая денежки, которые он заработал на «национальном одушевлении» и «славянских» симпатиях в войну 1877—1878 г.г., позволил себе проявить «холодность» по отношению к речи министра.

Чем же вызвана эта «холодность»? Ничем иным, как откровенным заявлением царского министра, что российский абсолютизм не может взять на себя руководства внешней политикой русского капитализма и не чувствует себя достаточно сильным, чтобы гарантировать ему победы на иностранных рынках.

Неприспособленность самодержавия к тем задачам, которые ставит перед ним буржуазное развитие России, прежде всего, должна была проявиться на арене международной борьбы за рынки, и речь Извольского,—равно как и вся роль русского правительства в балканском вопросе,—знаменует только то, что почва российской революции совсем неблагоприятна для либеральных мечтателей о революции, ликвидированной по-Бисмарковски.

На этой-то почве, при все более выясняющейся неспособности самодержавия разрешить задачи капиталистического развития России,—создается в рядах буржуазной оппозиции формула ее отношения к скандалящимся на каждом шагу созидателям «Великой России».

Русская буржуазия по необходимости учитывает весь тот вред, который приносят ей эти один за другим выдвигающиеся «скандалы». Поскольку попытки самодержавия приспособиться к задачам буржуазного развития оканчиваются фиаско,—они неизбежно содействуют накоплению элементов нового революционного кризиса. И перед этой угрозой, угрозой революции, буржуазия неизбежно влечется на путь предъявления к наличному правительству требований более активной, более обдуманной, более устойчивой контр-революционной политики. «Правительство делает хорошее дело, но делает его неумело и с риском вызвать на сцену новую революцию»,—так можно сформулировать общее настроение после речей Извольского и вышеупомянутой речи Столыпина. Таков общий тон и итоговых статей всех почти легальных газет за 1908 год.

«Хорошее дело»,—это ликвидация революции и решение выдвинутых ею задач сверху «парламентскими» договорами и «парламентской борьбой», между людьми, отгородившимися от народа стенами Таврического Дворца и министерских кабинетов. «Хорошее дело» это, с одной стороны, успех idêe-maîtresse (главной идеи) г. Столыпина, столь неоднократно воспетой к.-д.

и в речах и в печати,—с другой стороны,—т. н. усиление влияния на Ближнем Востоке, над чем больше всего опять-таки потрудились к.-д., озабоченные введением бассейна Черного моря в сферу влияния московских и донецких капиталистов, и заводчиков.

«Неумелость» же правительства вести и довести до благополучного конца это хорошее контр-революционное дело, это—отражение в либеральных головах объективной невозможности для русской контр-революции выполнить буржуазные задачи.

Стоит перебрать те упреки, которые буржуазная контр-революция посылала контр-революции бюрократической за последнее время, чтобы убедиться, что единственная идея, которой жила оппозиция, это—идея о том, что те методы осуществления общих задач, которые практикует Столыпин, способны вновь вызвать «безумные дни 1905 года».

Оппозиция Милюкова, это—те же домашние сцены, как и праздничные увеселения Гучкова, переодевающегося в оппозиционера на время закрытия Думы.

Мы уже видели, как в форме «неумелости» и «робости тона» данного министра явилась перед глазами контр-революционной буржуазии неспособность правительства представить интересы русского капитала на Ближнем Востоке. Точно так же громадной важности социальный факт—неспособность и даже больше: неуверенность в возможности разрешить по-Столыпински аграрный вопрос рисуется либеральным друзьям Столыпина в виде неудачной редакции тех или других статей закона.

В своей последней речи по аграрному вопросу, произнесенной перед практиками сего дела 10 января 1909 г., Столыпин, заручившись уже думским одобрением своей линии в этом вопросе, должен был коснуться самого острого вопроса: практического осуществления закона, и тут сразу наткнулся на кардинальнейший пункт всей своей политики. К чему приведет на деле закон 9 ноября? К увеличению ли средневековой запутанности земельных отношений в деревне (чересполосица и т. д.) и на этой почве к неизбежному повторению и усилению революционно-демократического крестьянского движения типа 1905—1906 годов, или же, несмотря на все, к созданию чисто-буржуазного кулацкого землевладения и «слоя государственно-сознательных земледельцев»? Г. Столыпин должен был признать, что то, что до сих пор сделал указ 9 ноября [1]),—только «видимый успех», и

[1]) Указ 9 ноября 1907 г. заключал в себе основные положения аграрного законодательства контр-революции. Они сводились к укреплению положения кулацких слоев деревни за счет деревенской бедноты.

особенно подчеркнуть, что действительный успех закона в Столыпинских целях будет зависеть именно от того, как решится на месте борьба между полукрепостнической чересполосицей и чисто-буржуазным отрубом. Здесь именно должна произойти последняя битва Столыпина и его земского начальника против крестьянской бедноты.

Какова же позиция наших либералов в этой битве? Они там, где Столыпин, и они предлагают ему свой опыт и своих юристов для того, чтобы победа в этой битве осталась именно на его стороне. Допускаемая здесь критика ограничивается спором, как удобнее и скорее может Столыпин добиться своей победы.

Оппозиция считает, что ее задача заботиться о правильном оформлении верной идеи в удачный и жизненный закон. От идеи до реальных форм закона и его удачного применения,—развивают они мысль г. Столыпина,—дистанция огромного размера. И сюда-то, в эту сторону, т.-е. в сторону критики тех статей указа и думского законопроекта, которыми укрепляемая собственность отводится к одному месту, и должны быть направлены теперь все удары оппозиции в Гос. Думе, если только оппозиция решит стать на реальную почву, а не останется в области политики и теоретизирования («Слово», № 121). Политика, ее направление,—дело Столыпина, оппозиция должна лишь заботиться о ее «удачном применении», о редакции статей, дабы обезопасить себя от неудачного и опасного применения «хорошей идеи» «неумелыми» чиновниками.

При этом разделении труда, установившемся в русской политической жизни, когда Столыпин пытается разрешать задачи капиталистического развития России, а либерализм охраняет его от опытов неудачных и могущих привести к последствиям прямо противоположным—к обострению революционных возможностей,—политическая работа оппозиции сводится ни к чему иному, как к укатыванию дорожек для приспособляющейся монархии.

Вся ограниченность буржуазии, ставшей контр-революционной, выражается в этой попытке найти для столыпинских целей не столыпинские методы их осуществления. Что столыпинские методы опасны, содействуя нарастанию элементов политического кризиса,—это ясно по временам даже для октябристов. Что рейнботовщина и пр. связаны с методами управления Столыпина, ясно даже для «Московского Еженедельника». Но что сто-

лыпинские цели недостижимы вне столыпинской практики,—это мешает понять «оппозиции» ее классовое положение. Она гонится в объятия Столыпина стремлением разрешить задачи, поставленные революцией, вне методов массовой и решительной борьбы; и тащиться в хвосте Столыпина ее судьба независимо от того, что идет она за ним упираясь и пытаясь придержать его за фалды.

Именно в один из таких моментов у консервативного публициста вырвалась фраза, правильно характеризующая современное положение: «В России установилась временная диктатура чиновника, заслоняемого Думой от протестующего народа». Эта диктатура—неизбежный результат удачи установить диктатуру революции, и вне этой дилеммы нет выхода, сколько бы ни искала ее буржуазная ограниченность, разочарованная Извольским и напуганная смелыми экспериментами Столыпина.

От этой дилеммы либеральный публицист готов бежать куда угодно, и две попытки спрятаться от колючих противоречий послереволюционного периода, принесенные последним месяцем, заслуживают быть отмеченными здесь. Одна попытка принадлежит барской фантазии мирнообновленца, другая постоянному сотруднику газет «левее кадет», бывшему марксисту, ныне сотруднику г-жи Кусковой и «Слова».

Напуганный практикой Столыпинской контр-революции, трясущейся при мысли о том, что «реакция неизбежно воскрешает революцию»,—контр-революционный мирнообновленец зовет всех, «кто не хочет возвращения пережитой нами смуты», объединиться на почве «народно-русского самосознания», «во имя охранительных задач», во имя того, между прочим, чтоб создать и охранять «сильную, крепкую и единую власть» против Столыпина, который де «может так разрушить правительственную машину, что потом ее не соберешь».

Эта барская фантазия контр-революционера, желающего ограничить себя от практиков контр-революции—от Думбадзе, Гершельмана и прочих, естественно встречает сочувственный отклик в среде обывателя, и контр-революционный обыватель в ответ на сомнения кн. Трубецкого несет свой рецепт. Не желая непосредственно мараться в грязной контр-революционной практике, он предоставляет ее специалистам, сам уходя вон из политики в литературщину, в «религиозно-философскую» болтовню, в интеллигентскую болтовню о богоискательстве и помогая «специалистам» лишь своим высоко-моральным поплевыванием на революционные методы действия. Делая вид, что

он желает бороться с контр-революцией, обыватель на самом деле желает, как можно скорее, покончить с революцией, хотя бы, прежде всего, в области нравственных начал. «Едва ли можно отрицать, что многое из того, что совершалось за эти годы под влиянием даже благородных мотивов, оказалось скомпрометированным именно потому, что в средствах борьбы отброшены были нравственные начала» (В. Голубев в «Слове» 7-го января).

И естественно, что обыватель подменяет всякую действительную борьбу проповедью новой, контр-революционной толстовщины: «необходимо прежде всего признание за нравственными началами первенствующего значения, о с н о в ы всех средств и способов борьбы».

Идея о генерал-губернаторе высокой нравственности,—вот единственная живая идея нашей «оппозиции», вот единственный пункт, по которому она поддерживает спор со Столыпиным.

Идея о том, что контр-революционное дело могло бы делаться более нравственными генерал-губернаторами, заползает иногда со страниц «Моск. Еженедельника», «Речи» и «Слова» и в головы октябристов,— в отличие от прочих только по праздничным дням,—и тогда в ответ на все эти воздыхания о лучших путях контр-революции со стороны кадет, мирнообновленцев и пр. раздается спокойная и поучительная речь практика контр-революции. Такой ответ дал Столыпин со страниц «Нового Времени», когда песню о хороших генерал-губернаторах запел и г. Гучков. «Вы недостаточно уясняете себе общее положение в стране»,—писал Столыпин октябристам («Новое Время», 7-го января), и только поэтому «шокируетесь тем, что правительство больше занято репрессивной деятельностью, чем осуществлением свобод». «Вы допустили в наказе Думы такие правила, которые дают оппозиции силу тормозить каждое дело, вы не сумели широко использовать свое положение хозяина в Думе». Иначе говоря,—в деле контр-революции, поучал Столыпин, не допустимы никакие сантименты, никакие барские фантазии насчет «чистеньких» губернаторов, никакие ламентации насчет «нравственных способов борьбы».

Поймут ли это господа, желающие делать контр-революцию в лайковых перчатках? Поймут ли они, что нельзя осуществлять контр-революционных задач без союза с черносотенными подонками общества, без порабощения монархии дикой шайке диких помещиков? Мы не возлагаем надежд на понятливость господ кадетов, господ Голубевых и пр., и т. п. Но мы видим,

что объективные противоречия контр-революционного периода с ясностью, не допускающей колебаний, выдвигают перед широкими массами народа дилемму: диктатура неумытых генерал-губернаторов, диктатура черной сотни, оберегающая интересы помещиков и неспособная выполнить исторические задачи буржуазного развития, или диктатура революционных классов, пролетариата и революционных слоев крестьянства.

ВОКРУГ АЗЕФЩИНЫ *).

Дело провокатора из Боевой Организации П. С.-Р., благодаря исторической минуте, в которую оно вскрылось, явилось зеркалом, отразившим с максимумом желательной наглядности нашу контр-революционную эпоху. До сих пор кажется, что общественное настроение гнусной эпохи ждало лишь гнусной фигуры предателя, чтобы сконцентрироваться вокруг него и около этого дела обнаружить все свои наиболее гнусные стороны. В самом неприглядном виде встает еще раз,—в который уже!—гнусность внутренней, домашней жизни абсолютизма, льются изо дня в день гнусные статьи со страниц либеральных газет,—и за этим густым потоком прячутся политические очертания «дела». А они заслуживают внимания, поскольку дорисовывают черты контр-революционной эпохи.

На первом месте стоит, конечно, наш услужающий правительству либерализм. Он так присосался к делу Азефа, так много извел чернил в доказательствах недопустимости «для уважающего свое достоинство правительства» провокационной политики, что становится ясно, что единственная сторона, которая влечет его к этому делу, заключается в стремлении еще раз засвидетельствовать способность «оппозиции» к «истинно-государственному» пониманию, а при благоприятных условиях и ведению работы министерства внутренних дел.

Нечего и говорить, что имя Азефа явилось, прежде всего, той долгожданной формулой, которой русский либерал торжественно поклялся Столыпину, Пуришкевичу и Гучкову в своем «отвращении» к террору. Давно бурлившие в груди его чувства, давнишнее стремление сгладить, наконец, и заставить забыть другие грехи молодости, когда он был по меньшей мере пассивным и исподтишка сочувствующим зрителем бомбы Сазонова,—получили, наконец, возможность излиться во всю.

---

*) „Пролетарий", № 42 от 12 февраля 1909 г.

Ибо та травля терроризма, в которой усердствуют теперь наперебой наши «оппозиционные» газеты, какими бы «моральными» и политическими соображениями ни прикрывали они этой травли,—явственно показывает, что здесь стараются по удобному поводу поскорее и поторжественнее отмежеваться от компрометирующих воспоминаний и соседства.

На той лестничке, по которой русский либерализм идет к положению услужающего г. Столыпина, этот эпизод не случайность, и, если бы Азефа не было, либерализму надо было бы выдумать его, чтобы достигнуть той «чистоты», которая открывает запертые двери министерских совещаний и Гучковских комиссий.

Но,—увы!—по нынешним временам этого уже мало. Мало даже того, что—забегая вперед и, так сказать, расширяя заданную задачу,—г.г. Струве и Кузьмины - Караваевы, «Слово» и «Речь» по поводу Азефа еще раз засвидетельствовали свое контрреволюционное усердие, обрушившись по существу не столько против террористических закоулков революции, сколько против всей революции в целом.

Напрасно г. Кузьмин-Караваев специально подчеркивал, что ни минуты не сомневается в необходимости тайной полиции, осмеливаясь лишь сомневаться в целесообразности ее действий в данном случае, напрасно «Слово»,—все по этому же поводу—свидетельствовало: «Мы, именно мы, боимся,—как бы не наступил революционный хаос, ибо он будет еще ужаснее и пагубнее недавно отхлынувшей революционной волны» (передовица 25/I).

Напрасно, ибо те, чью тайную полицию «охотно» признает г. Кузьмин-Караваев и за чью безопасность дрожит «Слово», пророчествующее о «пагубности» повторной революционной волны,—они уже не удовлетворяются общим признанием их тайной полиции, общими заботами об их безопасности.

«Полюби нас черненькими»,—вот чем отвечает Столыпин «беленькому» либералу в ответ на его предложение почиститься.

«Председатель совета министров,—информируют нас те же газеты,—заявит в Думе в ответ на запрос об Азефе, что правительство считает своим долгом иметь своих агентов во всех революционных организациях и особенно в их центрах», т.-е. на функциях Азефа. И смысл этого ответа поясняет с весьма не дипломатичным, но весьма характерным, и по существу дела совершенно соответствующим реальным условиям, цинизмом «Русское Знамя»: «Господа почтенные, принимаете вы известный государственный строй, так принимайте его целиком, и с

приятными, и с неприятными для вас аксессуарами: с военными судами,—а, следовательно, и с палачами; с радикальной борьбой с заговорщиками,—а, следовательно, и с Азефами. А то за военные суды спасибо, а за палачей—брань; за предупреждение и пресечение преступлений спасибо, а за шпионов—презрение. Честно ли это поползновение и капитал приобрести, и невинность соблюсти?».

«Невинность» наши «либералы» потеряли, положим, уже давно, но капитал приобрести становится все затруднительнее. Особенно, когда на все бесчисленные заявления покорности следует ответ, который учитывается либеральным сознанием в меланхолической формуле: «и торговаться не хотят!» Либерализм из Азефщины пытался построить себе новые мостки к некоторой роли в блоке Столыпин-Гучков и снова вернулся вспять с ясной резолюцией «Русского Знамени» в кармане и, конечно, с надеждой на то, что новый скандал, новые «нецелесообразности» Столыпинской практики позволят ему повторять свои подходы. Эти надежды живят недомыслие контр-революционное, другие надежды поддерживают жизнь недомыслия революционного.

Полная растерянность, полная неспособность понять хоть что-нибудь из того, что происходит у всех на глазах, крушение всех надежд, всей идеологии и методов борьбы, иначе говоря, капитуляция перед лицом контр-революции,—вот картина нашего революционного народничества во всех его оттенках. Это разложение—совершенно независимо от дела Азефа,—давно уже, с первых шагов контр-революции, стало явственно проявляться по всей линии. Этот процесс,—крах не только авантюристической тактики заговорщицкой организации, но и отмирание социального содержания целой политической партии—делом Азефа должен был быть двинут вперед с гигантской быстротой.

С этой точки зрения, любопытно взглянуть, какие уроки из того кризиса и извлекают для себя так называемые «левые» социалисты-революционеры, судя по опубликованным ими материалам, не мало труда потратившие для разоблачения Азефа.

На первой же странице только что вышедшего № 4 «Революционной Мысли» заявляется: «Партия С.-Р., как организация, не существует»... «Партия С.-Р., как организация разложилась». Но это мужественное признание сделано, конечно, только для того, чтобы немедленно предложить готовый рецепт исправления: ведь, для революционного недомыслия рас-

ложение партии не может быть ни чем иным, как результатом некоторых «недостатков механизма». «Из этого печального урока мы должны сделать только тот вывод, что нужны другие формы организации». А дальше идет перечень «улучшений»: децентрализация боевых дружин, «принцип» личного знакомства при сношениях, отмена центральных паролей и пр. в том же роде. Но, чувствуя, вероятно, всю непреоборимую ограниченность своих рецептов спасения партии, наши «революционеры» сейчас же переносят вопрос на более широкую арену, чтобы там окончательно капитулировать перед торжествующей контр-революцией.

«Мы отказываемся,—заявляют они,—от той колоссальной задачи, которую ставят себе социал-демократы—организовать пролетариат—и тем более отказываемся от еще более неисполнимой мечты—организовать крестьянство». За отказом от этой массовой работы, что же остается у наших «революционеров»? Конечно,—единоборство интеллигентских «автономных, децентрализованных боевых дружин» с самодержавием. Так, разрыв с массой и бессилие, являющееся неизбежным результатом этого разрыва, немедленно вызывают к жизни свое необходимое дополнение—проповедь голого террора.

А общественное содержание этой проповеди прекрасно вскрывается в следующем построении. «Самодержавие,—организм самодовлеющий, внеклассовый... мы никогда не стояли на узкоклассовой точке зрения и потому мы боролись с романовским самодержавием, как с самодовлеющей организацией», «и вот организации социал-революционеров, нисколько не преувеличивая своих сил, могут взять на себя эту борьбу с институтом самодержавия».

Самодержавие—организация самодовлеющая, вопреки узкоклассовой точки зрения, рассуждают г.г. Струве и Милюков, и потому наша задача повлиять на нее, конкурируя в этой борьбе за влияние на «внеклассовый институт» с Бобринскими и Гучковыми.

Самодержавие — организация самодовлеющая—потому наша задача—борьба за влияние на нее путем изъятия отдельных членов этой организации,—рассуждают г.г. из «Революционной Мысли».

Совпадение исходных точек, методов мышления тех и других, как и совпадение объективных результатов того и другого метода «борьбы»—реформирование самодержавия при отказе от организации масс,—как нельзя более естественно; это

дополняющие друг друга методы действия одной и той же социальной среды, где «отцы» —умереннее, а «дети» —радикальнее. И перед лицом революционных задач массового движения либерал с подпиской о благонадежности и либерал с бомбой в руке стоят один другого. И тому и другому недомыслию, недомыслию либерализма, ставшего контр-революционным, и недомыслию революционизма, ставшего антинародным, антимассовым, социал-демократия противопоставит и в дальнейшем, как противопоставляла всегда, революционную мысль масс, их организацию.

Только эта организация есть опорный пункт для борьбы с контр-революцией, только ее наличность превратит всякий урон самодержавия в действительное завоевание масс, в действительное поле борьбы за его окончательное свержение.

И только массовая борьба есть действительная гарантия против всякой азефщины, действительный и единственный оплот так же против революционной деморализации, как и против революционного недомыслия.

Необходимость работы массовой организации и массового революционного просвещения, вот что лишний раз подчеркивается всем тем, что развернулось в связи с азефщиной, и вот почему мы должны самым критическим образом отнестись к словам т. Покровского в Думе, когда он, вместо того, чтобы указывать на этот выход, счел нужным толковать о революции, инсценированной правительством, и о необходимости для России «правового строя» [1]).

Что за язык!

То, что мы пережили,—и какова бы в этом ни была роль Азефа и азефщины,—было движение революционных масс, и поскольку оно было именно массовым и именно революционным, оно свело на нет всякое значение каких бы то ни было «инсценировок», провокационных, прежде всего. И то, что необходимо той России, от имени которой говорит сейчас в Думе т. Покровский, это, прежде всего, революция, та «пагубная» для самодержавия волна массового движения, о которой в ужасе говорит

---

[1]) Покровский—один из немногочисленных с.-д. депутатов в III Гос. Думе. Не отличался выдержанностью с.-д. точки зрения, колебался между большевиками и меньшевиками и часто делал ошибки в своих выступлениях в Думе, подвергаясь за это неоднократным критическим замечаниям со страниц наших газет. **Прим. к наст. изд.**

«Слово». Работать для того, чтобы эта волна была «пагубнее», т.-е. сознательнее, упорнее, выдержаннее, чтобы пролетариат в этой «волне» играл ту роль, которая диктуется его классовыми задачами,—вот задача тех, кто дал, между прочим, и тов. Покровскому право говорить от имени социал-демократии.

А о «правовом строе» предоставьте говорить г.г. Маклаковым!..

ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ *).

Если бы тактика революционного крыла российской с.-д. нуждалась для подтверждения своей правильности в откровенных рассказах либеральных политиков о их делах и делишках, о их надеждах и вожделениях, то речь г. Милюкова, произнесенная по поводу Азефа, заслуживала бы быть здесь перепечатанной почти целиком. Но основанная на анализе классовых сил, действующих в русской революции, и непосредственно связанная с классовым движением пролетариата, эта тактика не нуждалась в запоздалых заявлениях г. Милюкова, чтобы—по точному его удостоверению—считать Милюковский либерализм «злейшим врагом революции», еще тогда, когда он находил для себя удобным казаться ее союзником. Точно так же для нас не было нужды из уст вождя кадетской партии услышать заявление о контр-революционных надеждах, возлагавшихся и «высшими сановниками при дворе» и их контр-агентами—кадетами на кадетское министерство, чтобы отказаться от какой бы то ни было поддержки этого лозунга.

Мы понимаем, конечно, как приятно теперь г. Милюкову иметь возможность выступить перед контр-революцией с доказательствами (неоспоримыми, надо признать) того, что вся тактика либерализма была рассчитана на удушение революции.

Еще приятнее для него иметь возможность доказывать Столыпину, что эта задача не была либерализмом выполнена только потому, что он не встретил достаточной «поддержки справа», что ответственность за революцию ложится именно на правительство, не пожелавшее во-время вступить в сделку с контр-революционным либерализмом.

И эта приятная для г. Милюкова возможность защищать теперь перед контр-революционным собранием контр-револю-

*) „Пролетарий", № 43 от 21 февраля 1909 г.

ционный смысл либеральной политики в русской революции указывает лишь лишний раз, что единственной объективно-революционной тактикой была та, которая отмежевывалась от либерализма на всем протяжении и на каждом этапе революции.

Наличность среди сил русской революции класса, который самым своим положением приведен был к этой тактике и который—единственный—ибо все, что не стояло на точке зрения пролетарской борьбы, колебалось между либерализмом и революцией—проводил эту тактику недоверия на всем протяжении русской революции (за что и удостоивается ныне от Мартовых, Масловых, Потресовых и Череваниных упреков в разнузданности классовых инстинктов), т.-е. революционная борьба пролетариата и разрушила все надежды и все построения либерализма. Эта борьба поставила все вопросы на почву гражданской войны и тем самым выкинула либерализм из мутной водицы маклерства и торгашества, где он собирался плавать, на каменистую почву революции, в атмосферу, где его участью было политическое ничтожество.

Когда, наперекор всем стремлениям либерализма и вопреки и, несмотря на все колебания непролетарских, мелко-буржуазных групп, собранных под крылышко либерализма на Парижском конгрессе 1904 г., гражданская война, втянувшая и широкие крестьянские массы, разразилась, либерализм—по великолепному выражению г. Милюкова—почувствовал, «что в тот момент наше время не пришло». «Левые партии продолжали свою революционную борьбу, а мы не получили почвы для борьбы (сделки?) строго конституционной».

С этого момента все попытки либерализма стать направляющей политической силой неизбежно оканчивались поражением и его объективной задачей стало—в борьбе с революцией—лишь расчищать дорогу Столыпинско-Гучковской контр-революции.

С самого начала нелепой и утопичной была попытка задержать его на этом пути, попытка поставить либерализм на службу революции.

Нам не зачем возвращаться здесь к лозунгу «не пугайте буржуазию», в котором некогда сконцентрировалась вся оппортунистическая мудрость меньшевиков, ни к их развращающим попыткам поддержать иллюзию общенациональной борьбы, в которых они прямо играли на руку торгашам народной свободы. Но им полезно будет узнать, хотя бы из речи г. Милюкова, тот смысл, который условия вкладывали в их лозунг «поддержка требования к.-д. министерства», раз немарксистское представле-

ние о характере русской революции помешало им уразуметь этот объективный смысл из анализа самого хода дела. Этот лозунг был, кстати, одним из самых ярких моментов в романе меньшевиков с кадетами. Теперь должно быть совершенно ясно, что правительство Трепова и Игнатьева бросилось к кадетам, когда ему казалось, что ему не справиться с революцией и когда кадеты обещали им это сделать. Спор между Милюковым и Треповым шел только о том, какая комбинация правительственных и кадетских чиновников способна быстрее и радикальнее ликвидировать революцию. При этих условиях поддержка той или другой комбинации была поддержкой того или другого метода ликвидировать революцию.

И напрасно будут делаться попытки оправдать меньшевистский лозунг отделением субъективных задач кадетов от объективной роли к.-д. министерства. Речь, ведь, шла, как это прекрасно видно теперь из речи г. Милюкова, именно о самой возможности подобного министерства. И вот именно для того, чтобы показать, что кадетское министерство действительно способно ликвидировать революцию, «злейшие враги революции», — как рекомендует себя г. Милюков теперь, — опираясь на авторитет Плеханова, требовали себе от пролетариата поддержки. Милюков должен был показать поддерживающий его вотум пролетариата, чтобы получить согласие Столыпина быть употребленным на борьбу с революцией. При этих условиях, вотируя поддержку требований Милюкова, меньшевизм вотировал доверие Треповскому либерализму.

Но если бы даже этот вотум осуществился, если бы он и показался убедительным Трепову, то и тогда г. Милюкова бы прогнали в тот самый день, когда оказалось, что в своих ликвидаторских задачах он не может опереться на «красную силу», т.-е. на следующий день его вступления в министерский кабинет. И тогда тот вотум, которого добивались меньшевики, оказался бы еще нагляднее, чем теперь, игрушкой в руках придворной камарильи, и в историю революционной борьбы пролетариата оказался бы вписанным момент, когда он был шашкой в игре либералов с правительством.

Ибо, действительно, либеральное, хотя бы и кадетское, министерство возможно было бы только тогда, когда самодержавное правительство было бы разбито настолько, что не имело бы возможности торговаться с либерализмом, и, уступая свою действительную власть буржуазному либерализму, не держало бы его самого в плену своих целей. Только тогда к.-д. мини-

стерство, будучи результатом дальнейшего напора масс на монархию, явилось бы само исходной точкой дальнейшего развития революционной борьбы. Даже либеральное министерство лежало на пути дальнейшей борьбы и с черносотенной шайкой и с либерализмом, а не на пути поддержки либерализма.

А теперь чуть-чуть не министр, не достигший портфеля только потому, что ему не удалось доказать, что он пользуется доверием «красной силы», г. Милюков всю свою «оппозицию» Столыпину построил на том, что он лучше Столыпина умеет прекращать революции.

«Я обвиняю правительство в том, что оно не арестовало организацию с.-р., имея все нужные для этого сведения»,—говорил в благородном негодовании «левый кадет» Пергамент. «Правительственные меры не гарантируют нам прекращение революции... правительство бессильно... нельзя прекратить революцию теми путями, той системой, которую выбирает правительство»... наоборот, «этим путем можно только увековечить революцию»,—развивает до конца его мысли г. Милюков.

Либерализм, построивший всю свою позицию на вопросе: почему вы не прекратите революцию?..—вот тот живой мертвец, который претендовал на поддержку своих требований пролетариатом, который в своих мертвящих объятиях держал оппортунистов с.-д.-тии, и который оправдывается в своих заигрываниях с революцией тем, что «умнейшие революционеры всегда считали нас злейшими врагами революции».

P. S. В прениях приняли участие и с.-д. Позиция главных ораторов фракции не выдерживает и самой снисходительной критики. Открытую политическую кампанию против явных черносотенцев и либеральных душителей революции фракция подменила мелкой, юридической критикой, обличением Столыпина в «незаконных» действиях и т. п. Подсиживать Столыпина и ловить его на нарушениях законов «мира»,—задача либерализма, наша задача,—готовить войну, и этому делу обязана помогать наша думская фракция. Попытка же тов. Полетаева [1]) дать резкую критику к.-д., которую мы охотно отмечаем, могла лишь отчасти поправить в корне неправильную позицию.

---

[1]) Н. Г. Полетаев—член с.-д. фракции III Гос. Думы, петербургский рабочий большевик. Один из основателей „Звезды“ и „Правды“. Тов. Полетаев был нашим ближайшим единомышленником в составе бесцветной, колеблющейся с.-д. фракции III Думы. Он несколько раз приезжал к нам за границу. Прим. к наст. изд.

В ТИСКАХ ПРОТИВОРЕЧИЙ*).

Русская пресса наполнена разговорами о «полевении» буржуазии, о недовольстве промышленности, о капитале, пошедшем на выучку к либеральной науке. Характерное всего в этих толках то, что при наличности громадной, сравнительно, литературы, созданной в несколько недель вопросом о «левении» буржуазии, приходится констатировать почти полное отсутствие каких бы то ни было фактов в области политического движения нашей буржуазии. И это противоречие невольно вызывает мысль о том, что вся эта газетная и журнальная литература и политика скорее выражает желание узреть, наконец, левеющую буржуазию, чем отражает какие-либо объективные изменения в ее политической линии.

Максимум, что можно сейчас констатировать, это тот факт, что, видимо, наступает похмелье, которым нашему капиталу придется расплачиваться за недавние розовые иллюзии быстрого «возрождения» России на костях задавленной революции. Еще очень недавно это «возрождение» казалось почти равным подавлению революции. Двухгодичной практики оказалось достаточно, чтобы убедиться, что у «возрождения» имеется другая сторона, и перед этой-то стороной—перед объективными задачами исторического развития России—русская буржуазия третьедумского периода оказалась в траги-комической позе того мудреца и смельчака, что умер с голоду между двумя стогами сена. Этому Буриданову ослу уподобляется наша буржуазия и тем, что ее позиция заставляет ее мечтать о тех заманчивых и обольстительных перспективах, которые открылись бы и ей при решимости на тот или другой шаг.

---

*) „Социал-Демократ“, № 5 от 23 апреля 1909 г. Статья эта, как заметит внимательный читатель, за пять лет до возникновения мировой войны указывала на ее подготовку русской буржуазии и намечала те противоречия, которые должны были вскрыться и действительно вскрылись в ее ходе между царизмом, буржуазией и трудящимися массами. Прим. к наст. изд.

Ибо, именно с этого момента, когда—за исчерпанием задач подавления,—открылись задачи «возрождения», датируют усиленные разговоры о поднятии производительных сил, о внешней политике, о Великой России, о национальном могуществе... Мечты, которые расцветают тем ярче, чем слабее способность к их реализации.

Широкий расцвет буржуазной, империалистической и националистической мечты у идеологов русского капитала—вот то второе, что можно и должно констатировать в области пресловутого «полевения». Трусливое топтание на месте в области практики и широкая мечта о внешнем рынке, мечта, переливающаяся всеми огнями буржуазной мощи и державности, у идеологов—вот сегодняшняя стадия «полевения». Тут несомненное противоречие, но то ли это противоречие, которое способно в своем развитии двинуть вперед нашу промышленную буржуазию, оторвать ее от контр-революции, от союза со Столыпиным и передвинуть на новые рельсы, к роли движущей силы общественного преобразования? Не только бывший министр г. Федоров, бывший демократ г. Струве, бывший трудовик г. Жилкин строят именно на этом свои надежды на умеренный прогресс для капиталистической России. Даже часть нашей партии держится этого ошибочного мнения, которое выразил недавно с особенной рельефностью один товарищ, сказавший, что буржуазный переворот не может завершиться, пока буржуазия не сделается его «движущей силой».

Чтобы не выходить за пределы событий последних дней, мы для решения поставленного выше вопроса о характере противоречия между буржуазной мечтой и политической практикой буржуазии возьмем только последний материал.

В эти дни проблемы внешней политики, а в связи с ними вопросы «национальной мощи» созидаемого Столыпиным здания «обновленной» России и великорусского национализма,—явились той скалой, на которой отмеривалась высота политического разумения различных командующих групп.

Вопросы внешней политики таковы, что в известные моменты для буржуазии они являются поистине вопросами жизни и смерти. Русская крупная промышленность, при усиленном сотрудничестве царского фиска, уже успела разрушить свой внутренний рынок. Эпоха контр-революции чисто внешними методами успела довести этот естественный в стране только развивающегося капитализма процесс разрушения рынка до крайнего предела. Целый ряд данных говорит за то, что этот предел гра-

23*

ничит уже с тем «безвыходным положением», о котором Энгельс писал, что оно «находит себе, однако, исход у стран более или менее способных к соперничеству с другими на открытом мировом рынке в героических средствах торговой политики, т. е. в насильственном открытии себе новых рынков». Большинство внешних рынков, однако, уже разобрано и закреплено, а еще незакрепленные представляют собою объекты и арену самой ожесточенной свалки интересов крупнейших капиталистических государств. В эту свалку втягивается Россия и втягивается тем неизбежнее и тем острее, чем смелее становится власть контр-революции и чем дальше оттягивается в ней коренная революция земельных и политических отношений. То, что у торжествующей контр-революции в России с первых же ее шагов оказались полные руки международных осложнений, поэтому, как нельзя более естественно. Так же естественно, что состояние и боевая готовность армии является, по существу, центром внимания и наиболее больным местом руководящих буржуазных кругов—от Струве, закончившего свой манифест о «Великой России» призывами к «абсолютно-сильной» армии, и до Гучкова, в своем качестве представителя интересов «хлопчатобумажного патриотизма» нашедшего силу для критики современного состояния императорского воинства.

Все то, что развернулось в международных отношениях за период, отделяющий эти два выступления, способно было только обострить вопрос и поставить его на конкретную почву. Наступательная политика Германии и Австро-Венгрии в области ближне-восточных рынков выяснила, кто является реальным соперником, и газетная война с Германией, которой еще шестнадцать месяцев тому назад не осмелился назвать г. Струве, стала формой самопознания русской буржуазии. Из этого противопоставления себя Германии вытекло не только новейшее славянофильство, апология национализма и «державности», и «гуманный» шовинизм русского либерализма, но рядом с неожиданной смелостью критиковать дефекты армии, в нем же нашла себе почву широко ведущаяся пропаганда «забвения прошлых недоразумений между народом и властью», пропаганда единения «нации» и правительства. Во всей легальной прессе эти лозунги кочуют со страниц «Нового Времени» на страницы «Речи», и из «Московского Еженедельника» переходят в «Нашу Газету», подготовляя для царского правительства в широких кругах общества опорные пункты в случае какой-либо международной авантюры. В феврале «Русская Мысль», в статье своего редактора,

заявляла уже откровенно, что России не удастся сохранить нейтральную и независимую позицию перед лицом осложнений, грозящих международному положению в результате соперничества на мировом рынке Англии и Германии. «При современном напряженном политическом положении,—писала «Русская Мысль»,—Россия должна выбирать». «В сущности выбор уже сделан. Ввести России в фарватер германской политики уже невозможно и это противоречило бы жизненным интересам России»,—таков был вывод статьи буржуазного журнала, призванной осветить с широкой точки зрения «жизненных интересов» России международное ее положение.

Но уже в марте тот же автор делал практические выводы из своих общих положений, говоря на страницах «Московского Еженедельника»: «в настоящее время положение таково: наших антагонистов, Австрию и Германию, никакой уступчивостью не своротишь с пути (N. B. пути запирания рынков для русского капитала на Ближнем Востоке). Единственное, что может положить предел их домогательствам, это, наоборот, твердость и уверенность в своей правоте».

А так как в международных отношениях и «твердость» и «правота» требуют доказательств, то передовая статья этого же № (12-го от 21 марта) поясняет мысль нашего автора в совершенно определенном предложении: «Не пора ли бросить малодушные, преувеличенные и опасные для нас толки о нашей слабости? Во всяком случае для целей войны мы можем располагать по меньшей мере трехмиллионной армией... Развернулись ли мы в русской доблести? Но думать, что при столкновении с немцами в нас не проснется стихийный, могучий патриотизм, может только тот, кто считает Россию мертвой... Если же правительство боится беспорядков внутренних в случае мобилизации, то против этого есть верные средства (!!)»...

У «Московского Еженедельника» хватило смелости договорить до конца то, что у других мечтателей о рынках трусливо прячется за нытьем об «унижении», о «державности», о «кольце германизма»...

«Верные средства» для внутренних врагов, трехмиллионная армия и «патриотическое и национальное правительство», поднятое на щит «стихийным, могучим патриотизмом», пробужденным в массах «немцев», и в результате—национальное и экономическое могущество во вне и могущество преданного монархии капитала, осуществившего эту грандиозную программу внутри.

Это ли не бисмарковская программа возрождения России?

Но... и тут начинаются те «но», которые превращают эту программу в утопию зарвавшегося идеолога, перескочившего в своей фантазии те реальные рамки, в которых движется политика его класса.

Войну с Германией за рынки мог предложить русским командующим классам только подобный идеолог, ибо подобная война подразумевает, включает в себя: во-первых, преодоление внутри России традиционной и естественной германофильской политики династии и крепостников, и, во-вторых, поддержку революций на всем Востоке.

Победа крайних демократических элементов во всех государствах Балканского полуострова, распадение националистически-турецкого господства в Оттоманской империи или непрекращающаяся там гражданская война, как средство обеспечить тыл, наконец, отвлечение Англии, которая, конечно, не могла бы спокойно смотреть на победы России, восстанием в Индии,—вот те предварительные условия, которые должна осуществить русская... контр-революция, чтобы иметь возможность с надеждой на какой бы то ни было счастливый исход допустить столкновение с Германией.

Но если русская революция разбудила Восток, то только она и может содействовать на Востоке победе революции. Только русская революция сможет помочь Востоку по-революционному порвать со своим прошлым, а тем самым и с варварскими методами его эсплоатации, капитализмом Запада.

С своей стороны и революционный Восток может явиться союзником лишь русской революции.

И вот эту-то программу буржуазный шовинизм хочет подсунуть «Белому Царю», чтобы, в конце концов, получить... революционные перспективы войны с Германией, ибо при подобной обстановке всякая война с Германией должна будет вызвать на поверхность все революционные силы России.

Нет, поэтому, ничего более естественного, как нежелание тех, в чьих руках в России, действительно, находится армия— дворянства и династии—ни на шаг отступить от столь еще недавно скрепленной русской революцией дружбы и ближайшего сотрудничества с Германией императора Вильгельма.

Ибо этот союз продиктован не только династическими интересами, а прекрасно усвоенным соображением, что только союз этих двух реакционнейших сил Европы способен поставить оплот революционной силе Востока и Юго-Востока Европы.

Германофильская политика Петергофа, которая уже чуть не привела к отставке «англофила» Извольского и к замене его министром с одобрения Вильгельма, «священная дружба» с Германией, о которой кричит ежедневно вся черносотенная печать и для заявления которой «правые» на последних заседаниях Думы пренебрегли всякими покровами «славянофильства», которую, наконец, на «съезде славянских обществ России» провозгласил руководитель «Совета Объединенного Дворянства» г. Гурко,—эта дружба к Германии—выражение реальной необходимости для русской черносотенной реакции. И эта необходимость в германской дружбе не может для нее прекратиться, покуда ее реальным врагом останется русская революция, т.-е. до смерти.

Вот этот-то реакционный союз пришлось бы русской буржуазии преодолеть прежде всего, если бы она действительно осмелилась взять на себя исторические задачи русской революции.

Но для нее это—бремена неудобоносимые!..

Ей столь же необходима дружба ближайшего соседа и ей столь же ненавистна победа революции на Востоке, чтобы она могла всерьез взять ту программу, которая, суля ей рынки, ведет к ним через революцию и дает покуда только революцию.

В самом деле. Никакие «верные средства» не могут гарантировать от того, что война с Германией,—если уже допустить историческую возможность вести ее для «Белого Царя»,—что эта война необходимо превратится во всероссийский и даже шире—в европейский пожар. Локализировать, а также удержать подобную войну на ступени столкновения двух императорских армий—об этом теперь не позволяют мечтать социальные отношения внутри всех европейских государств, та классовая война, которая составляет сущность каждого из них, и которая при всякой европейской войне вспыхнет невиданным пожаром целого ряда европейских революций.

С другой стороны, напряженность соперничества мировых капиталистических держав дошла до того предела, когда одной доброй воли к миру, одного страха перед раскрывающимися перспективами уже недостаточно, чтобы удержать их от вооруженного столкновения. При подобных условиях не исключена возможность и того, что история заставит крепостническую реакцию в России,—вопреки ее непосредственным интересам и прямому нежеланию,—своим столкновением с Германией открыть серию революционных потрясений.

Как мы указывали выше, подобная война быстро переросла бы свою первоначальную ограниченную форму, и в современном положении нельзя найти никаких гарантий от того, что это столкновение не послужит исходным пунктом той войны, которую революционный Восток принужден будет вести против сил международной реакции, для которой порабощение—экономическое и политическое—Востока давно уже стало условием существования.

Что касается России, то в таком своем качестве эта война, зачатая под знаком приобретения рынков для русской буржуазии, должна будет с небывалой остротой видвинуть вопрос о переходе власти в руки революции.

К этому ведет, как логика самого развития подобной войны, так и все международное положение и внутреннее состояние России. И сущность подобного положения вещей ведет к тому, что сама эта буржуазией подталкиваемая, развязка современного положения раз навсегда закрыла бы перед русской буржуазией роль «движущей силы» буржуазной революции. Тем сильнее бьет она схему г. Струве, по которой буржуазия является тоже «движущей силой», но уже не буржуазной революции, а буржуазного реформирования Российской Империи.

Когда в 1859 году Марксу и Энгельсу представлялась возможность войны Германии с Бонапартом и Россией, Энгельс писал Лассалю: «Vive la guerre![1]). Если французы и русские нападут на нас одновременно, если мы будем почти что тонуть, тогда, в таком самом отчаянном положении, все партии, от господствующей теперь до Цица и Блюма, должны будут оказаться негодными и нация должна будет ради своего спасения обратиться, наконец, к самой энергичной партии», т.-е. к партии Маркса и Энгельса. Нет необходимости обсуждать сейчас правильность тогдашнего лозунга Энгельса («Да здравствует война!»), чтобы признать совершенную правильность его взгляда на роль «самой энергичной» партии.

Вот это-то противоречивое положение,—когда неизбежная погоня за внешним рынком, необходимо ведя к революционной ситуации, обещает передать роль «движущей силы» в руки революционной демократии,—и обессиливает в конец движение русской буржуазии в рассматриваемой нами области.

Она, конечно, не может перестать мечтать о внешних рынках и о борьбе с «кольцом германизма», но у нее заранее отнята вся-

[1]) „Да здравствует война“!

кая способность стать на путь практического осуществления ее мечты. В современной обстановке всякие «героические средства», даже энгельсовские «героические средства торговой политики» для нее опасны и недопустимы.

Этим дан ответ на вопрос о характере противоречия между желаниями русской буржуазии, столь ярко заявленными в ее прессе,—и ее практической, политической позицией. Это не то противоречие, которое двигает вперед, и заставляет изменить практику. Скорее, наоборот, при неспособности —объективной — к изменению своей контр-революционной позиции, этот отрыв мечты от практики лишь сильнее подчеркивает неспособность русской буржуазии решить стоящие перед капиталистическим развитием России задачи. И в той области, которую мы взяли для иллюстрации положения нашей буржуазии, ясно, что она не сможет сделать ни единого шага к осуществлению схем своих идеологов, и, оставляя за собой право ворчать на русскую дипломатию, на дефекты армии, на Германию, она в то же время не посмеет оторваться от ее руководства и не скинет с себя руководительства германофилов из Петергофа. Ибо этот шаг, повторяем, немедленно вырвал бы из ее рук роль дальнейших событий, отдав их во власть тех «народных страстей и ненавистей», о которой уже писала «Русская Мысль» в цитированной выше статье-прокламации. Та же обработка общественного мнения под цвет заостренного в сторону «германизма» национал-либерализма, которой с таким упорством предается буржуазная печать и буржуазные политики, может послужить только в пользу царизма, если ему придется все же обнажить оружие. Эта пропаганда, которой столь усиленно пытаются придать национально-оппозиционный характер, прежде всего спекулирует на тот ужас, который охватывает крепостническую реакцию перед лицом международных осложнений с их революционными перспективами, пытаясь на этой почве улучшить для себя условия союза помещичьей и крупно-капиталистической контр-революции.

Это не исключает, конечно, того, что буржуазия русская всегда будет, так или иначе, порываться к тому или другому решению стоящих на очереди вопросов. Это значит только, что развитие общественных отношений отведет русской буржуазии не роль «движущей силы», завершающей переворот, а все ту же роль Буриданова осла.

И если ей суждено стоять как раз по середине между двумя стогами сена, то можно лишь предположить, что с течением времени она будет настолько же дальше от сегодняшней, столы-

пинской формулы контр-революции, насколько далеко отойдет от своего сегодняшнего состояния народное движение.

Во всяком случае, даже то оживление, которое можно было констатировать по поводу вопросов внешней политики, не столько свидетельствует о каком-либо «полевении буржуазии», сколько — как всякое оживление в России при современных условиях — подчеркивает коренное противоречие между задачами революционной демократии и практикой русской буржуазии всех оттенков.

Внешней политике царизма и буржуазии партия пролетариата должна противопоставить широкую пропаганду революции, как единственного действительного исхода из современного положения.

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ И БУРЖУАЗИЯ *).

На арене третьей Думы, на городских выборах (недавнее обновление состава городских дум) и особенно на страницах октябристской и правой печати, начинает как будто принимать конкретные очертания столкновение правящих сейчас групп. Для русских марксистов в этом столкновении нет ничего нового, ни, тем паче, неожиданного. Наличность двух струй в русской контр-революции не могла остаться тайной для тех, кто не склонен был относить поражение первой революции за счет исключительно правительственных репрессий и кому мешал усвоить эту упрощенную точку зрения либералов и террористов марксистский метод анализа общественных отношений. Для политиков-марксистов контр-революция давала лишь дополнительную характеристику различных общественных групп, как они сложились в революции.

Ни блок крепостников-помещиков и промышленной буржуазии не мог ни в малой степени поколебать нашего взгляда на несомненно буржуазный характер российской революции, ни те трения между контрагентами, которые выражаются в том, что промышленная буржуазия как будто пытается оказать сопротивление наступлению «правых», не может изменить нашего представления о контр-революционной роли этой буржуазии в русской буржуазной революции.

Но вместе с тем, в известных слоях социал-демократии, наиболее поддавшейся расслабляющей атмосфере контр-революции и общественного упадка, конкретный анализ общественных отношений уступает место голой схематизации. На этой почве в нашей среде начинает опять обнаруживать жизнь тот «иллюзионизм», о котором писал К. Каутский в № 3 «Социал-Демократа». Схема: буржуазная революция под буржуазным флагом — приведена опять в действие и во имя этой схемы трения правых и октябристов под пером социал-демократических иллюзиони-

*) „Социал-Демократ“ № 6 от 4 июня 1909 г.

стов грозят покрыть для них всю сложность современных отношений [1]).

Что в основе русской революции лежит противоречие буржуазного общества и крепостничества, что предварительное признание этой истины—есть единственный ключ к построению действительно революционной тактики,—этой истине ровно столько же лет, сколько русской социал-демократии. И открыть ее в 1909 году специально по поводу некоторого подобия перегруппировок в некотором подобии парламента,—отнюдь не значит еще проявить образец политической проницательности и политического реализма.

И, действительно, русские социал-демократы могут свободно предоставить «Слову» быть в 1909 году пророком этой истины. Истина о несовместимости крепостничества и буржуазного хозяйства, аляповато перелицованная в доктрину о призвании русских промышленников к делу строительства новой России, может быть для идеологов национальной промышленности крупным теоретическим завоеванием и может казаться «Слову» совершенно достаточным идейным знаменем, с которым можно пуститься в русское политическое море.

Перевертывание на все лады той же истины в более демократической ее формулировке на страницах левых газет и в политических обзорах ежемесячников, типа «Современного Мира»,—с другой стороны,—играет для последних роль той тихой, идейной гавани, куда причалила потрепанная революционными бурями мысль демократической и рабочелюбивой интеллигенции. В эпоху пониженной политической активности в этой мысли об автоматическом столкновении буржуазных и крепостнических элементов она нашла желанную сень, под которой спряталось и сознание собственного бессилия и робкая надежда на лучшие времена.

Так в современной обстановке всяческое эксплоатирование истины о неизбежном столкновении октябризма и феодалов стало для одних признаком прогрессирующего политического самосознания, для других средством затенить собственную разочаро-

[1]) Здесь имеется в виду взгляд меньшевиков на дальнейший ход политической борьбы в России. Этот взгляд лег в основу всей „ликвидаторской" политики меньшевиков в 1908—1914 г.г. В данной статье критика этого взгляда ведется в сравнительно мягкой форме, ибо она писалась в эпоху временного сотрудничества с меньшевиками, которые вместе с нами входили тогда в редакцию „Социал-Демократа", где была напечатана данная статья. Подробнее см. ниже в отделе „Ликвидаторы". Прим. к наст. изд.

ванность и бессилие собственной мысли возвести в ранг «объективного разума истории» (см. «Голос Соц.-Дем.», № 13, стр. 7).

Революционная социал-демократия не может ограничиться констатированием этого основного противоречия всей русской жизни за последние полвека. Именно потому, что признание этого противоречия является ключом к пониманию всей жизни России, начиная с 60-х годов, что это противоречие лежит в основе предреволюционной и революционной эпохи в такой же мере, как и эпохи контр-революции,—признание его легко превращается в шаблон. Этот шаблон, примененный более или менее искусно к любой эпохе, всегда оправдывает себя. То же случилось и с «полевением». Первые же признаки его легко были отнесены к указанному противоречию: противоречие, никем не отрицаемое, не только в среде марксистов, но и в среде либералов, было этим «полевением» еще раз легко подтверждено, шаблон сам себя подтвердил... и осталось сделать лишь давно уже заготовленные шаблонные выводы: левеющая буржуазия—признак буржуазной революции, буржуазная революция немыслима без полевевшей и ставшей во главе ее буржуазии. Все благополучно...

Однако, есть же что-либо новое в русской контр-революции и во взаимоотношении ее сил, кроме этого шаблона, вдруг объявленного ради важности «разумом истории». Несомненно.

Нова, прежде всего, та арена, на которой происходит столкновение «барчуков» Марковых и «купцов» Гучковых. Резко выделены, затем, и те границы, в пределах которых развертывается столкновение. Своеобразны поэтому и те объективные результаты, которые могут вытечь из этого столкновения.

Послереволюционная атмосфера, отличительными признаками которой даже на поверхностный взгляд является неизбежное физическое истребление революционного человеческого материала [1]), по существу изменила процесс приспособления крепостнического и полицейского государства к современной форме хозяйственного развития общества. Быстрое приспособление—после революции стало задачей дня, оформилось в резко-очерченную и сознательно поставленную задачу, бросило старую власть на поиски за той общественной силой, которая именно, как таковая, как класс или группа, помогла бы самодержавию

[1]) Напомним для характеристики этой атмосферы, что успех контр-революционной „реформы“ уже измеряется 5.000 виселиц и увеличением среднего числа еженедельного населения тюрем с 85.000 в 1905 г. до 200.000 слишком в 1909 г. Население ссылки растет еще быстрее.

справиться с этой задачей. Самодержавие нашло себе подобную опору во встречном течении из определенных слоев эксплоататорских классов. Переменились в непосредственной связи с пережитой революцией механизм приспособления, его методы и его размеры. Каждый шаг на пути к буржуазной монархии стал шагом контр-революционным, рассчитанным на преодоление революции в ее корнях, и результатом и условием каждого такого шага становится, как отмечено, непосредственное физическое истребление населения.

При таком положении нельзя ограничиться повторением, что крепостническое государство роет себе могилу, само насаждая своих могильщиков—буржуазные отношения. До сих пор оно ничего не насадило, кроме злобы и ненависти. Этот результат попыток по-казацки лихо проделать процесс уравновешения «политики» и «экономики» констатируют все не чисто-казацкие, все «деловые», «хозяйственные» участники похода. И максимум политического разумения этих элементов, максимум опыта, вынесенного ими из совместного похода, выражается в допускаемом ими утверждении, что казацкие методы, пожалуй, неспособны привести к желательному решению вопросов. Было бы слишком смело сказать, что среди октябристских элементов политический опыт дошел уже до подобной высоты. Но нет никакого сомнения, что в основе того процесса, который переживает теперь октябризм, лежит его выросшее недоверие в благополучный исход «реформаторских» потуг нынешней власти. В октябристской и мирнообновленческой печати, в органах наших промышленных организаций изо дня в день повторяются жалобы на то, что реформа не выходит.

И, действительно, самодержавие сделало с своей стороны все возможное, чтобы ясно продемонстрировать своему «хозяйственному» союзнику свою полную неспособность к созданию «нормальных» для буржуа условий эксплоатирования рабочих масс.

И вот октябристский орган выступает с жалобами на то, что закон 9 ноября способен лишь еще более сузить внутренний рынок. Гучков торжественно складывает всю вину за внешний «позор» на правительство, а октябристская фракция в целом объявляет борьбу не на жизнь, а на смерть «правым».

Так в рамках контр-революционной системы развертывается соревнование двух политических групп за главенство.

Та острота, которую сейчас приобретает соревнование правых и «левых», и которая в целом ряде думских инцидентов, а особенно на страницах газет дошла до видимости прямого

разрыва, та напряженность этой борьбы, которая громче всего заявляет о себе в октябристско-кадетских пророчествах об «урагане» в случае победы правых, показывает, до какой степени вырос в глазах этих групп вопрос о методах контр-революции. И эта острота, и эта напряженность, и эти ссылки на возможный «ураган» народной бури ясно указуют, что с этим вопросом об успешности реформы сверху уже связался и объективно и в сознании действующих групп вопрос об их жизни и смерти. А это лишь знаменует, что сам успех поставлен жизнью под большой знак вопроса. И в этом-то факте—подкладка взаимного ожесточения и метания. В такой момент, когда первые результаты контр-революционной «реформы» вызывают разочарование и недовольство в капиталистической среде, думские столкновения правых и «левых» легко могут явиться косвенным отражением общего неустойчивого положения контр-революции. И легко можно видеть, что темп внутренней борьбы в контр-революции отражает степень этой неустойчивости.

И этим именно состоянием шансов контр-революции объясняется, почему пресловутое «полевение» руководящих кругов буржуазии почти целиком укладывается в борьбу за Столыпина, т.-е. именно за одну из форм контр-революционного настроения обновленной России. Необходима была вся та сила страха и ненависти к революции, которая внушена буржуазии 1905—1906 годами, чтобы всю свою борьбу за главенство связать со Столыпиным. Формула «Слово», которое заявило, что отставка Столыпина знаменовала бы полное крушение пути реформы сверху и этим выдвинула бы «народный ураган», как единственный оставшийся способ разрешения всех вопросов,—эта формула говорит именно о том, что буржуазия, стоящая перед народным ураганом, охотно отдается в плен правым, требует только, чтобы этот плен был прикрыт некоторым флером Столыпинского «конституционализма».

Противоречивость положения, когда смутное недовольство результатами Столыпинских реформ не может избавить октябристов от отстаивания той же линии Столыпина, отражает лишь тот объективный факт, что контр-революционная буржуазия неизбежно становится рабом крепостнической и полицейско-самодержавной контр-революции. И эта формула «либо Столыпин, либо революция»—формула, которая охватывает все содержание политической жизни последних недель,—для буржуазии обозначает отнюдь не левение, а сознательную попытку примирения со своим порабощенным крепостникам положением, ибо и

для октябризма ясно, что Столыпин неизбежно, а не случайно связан правыми и раб «правых». Это последнее настолько не тайна для октябристов, что сохранение Столыпина для них есть продолжение и закрепление того постоянного торга и соглашательства с правыми, которое составляет основу контр-революционного блока. Несмотря на всю внешность разрыва, на всю фразеологию, сохранение этого блока есть очередная задача октябризма, и все «полевение» выражает лишь ту оборонительную позицию, которую заняли октябристы, как только правые попытались перейти в наступление против основ этого блока. Нет ничего более естественного, как то, что на удочку либеральной фразеологии октябризма моментально попался милюковский либерализм, уже успевший подсчитать количество голосов октябристско-кадетского центра; всего естественнее, что «Слово» сугубо подчеркивало возможность примирения «враждующих братьев» кадетизма и октябризма, но нет ничего более обязательного для социал-демократии, как реалистический учет того обстоятельства, что защита основ контр-революционного блока есть действительная позиция «левеющей» буржуазии.

История контр-революции так же, как история революции ясно показала, что для русской буржуазии не мыслим другой путь к ее обетованному царству буржуазной монархии, кроме пути постепенного реформирования, более или менее медленного перерождения старых форм, перерождения, осуществляемого сверху и изнутри. А подобный путь есть путь порабощения буржуазного развития интересам Марковых и Пуришкевичей, порабощение октябристов «правым». Став на этот путь, надо необходимо дойти до Столыпина, ибо Столыпин,—это только воплощение единственной реально-возможной в России реформы сверху. Остальное, кроме революции,—утопия.

В этих пределах легко умещаются споры и соревнование правых и «левых», но за эти пределы не может выйти не только октябристская, но и кадетская мысль. И это объективные границы «левения». Но в сейчас указанных границах—границах контр-революционной реформы сверху—борьба, соревнование и конкуренция правых—крепостнических и «левых»—буржуазных элементов не только мыслима и допустима. Она неизбежна и составляет характернейший признак, объективное условие всякой реформы сверху. Не только исторические примеры, но мало-мальски внимательный анализ условий всякого постепенного приспособления старой власти к новым условиям существования общества показывает, что подобная борьба и ря-

дом, с этим лавирование старой власти между соперничающими элементами составляют «душу живу» подобного процесса. Построить поэтому непосредственную связь между внутренней борьбой различных элементов контр-революции и нарастанием революционного кризиса, в первой увидеть необходимое условие второго—позволительно только тем, кто, вопреки всему, отрицает всякое приспособление патриархальной монархии к новым хозяйственным отношениям, кто характеристике и анализу этого процесса противопоставляет характеристику теперешнего самодержавия, как более крепостнического, чем оно было до революции.

И внимательное отношение к типу и характеру специально третьедумских столкновений легко подтверждает их характеристику, как столкновений, присущих процессу развертывания системы реформ сверху и очень далеко отстоящих от той плоскости, где идет процесс нарождения кризиса революционного. Действительно, кроме отмеченной уже выше роковой черты этих трений, заключающейся в том, что ареной служит стремление «левых» к сохранению сегодняшней, Столыпинской формы контр-революции, другим признаком этой борьбы является полное нежелание и полная объективная неспособность этих «левых» парализовать попытки правых какими-либо реальными мерами. «Высшая» политика, политика «сфер», закулисные интриги, в конце концов, на деле приспособление к правым (см. прения и голосования по бюджету народного просвещения, см. статьи в «Голосе Москвы», органе Гучкова и «левых» октябристов, с расписыванием своей роли в подавлении революции, голосования и расписывания, имевшие место в самый разгар борьбы с правыми),—вот единственные методы, находящиеся в руках «левеющих» союзников правых. Единственное реальное средство парализования правых,—доступное отчасти сознанию, но совершенно выведенное из пределов политической игры «левых»—разрушение того фундамента, экономического и политического, на котором вырастает роль «правых» помещиков, находится вне допустимых средств борьбы. И не только потому, что подобное разрушение обозначает революцию,—если бы действовал только этот мотив, можно было бы, при желании, «недопустимость» сейчас отмеченную объяснить недостаточным еще развитием противоречий и видеть в этой «недопустимости» временную ограниченность, которая будет превзойдена развитием данной группы[1]).

[1]) На этой точке зрения стоит „Голос С.-Д-та“, утверждающий в статье Дана, что „только столкновение ее (октябрьской буржуазии) с крепостниками сдвинет с места застоявшуюся политическую жизнь России“ (№ 13, стр. 8).

Нет, недопустимость действительной борьбы с аграрием диктуется «левеющему» октябризму объективными условиями другого порядка. Посягнуть на экономический и политический фундамент силы крепостников для октябризма обозначало бы подрубить собственные основы. Экономическое господство помещиков в деревне есть тот тормоз для развития чисто-буржуазных отношений, который придает всему этому развитию наиболее выгодный для данного слоя буржуазии характер. Уничтожение этого тормоза обозначало бы не только уничтожение крепостнической кабалы, но и смену господства данной группы буржуазии другой, более развитой, более демократической. Так и в политической области радикальное уничтожение искусственно-созданной силы и влияния Марковых и Пуришкевичей, «барчуков», повело бы за собой гибель тех политических форм, в которых возможно господство «купцов» Гучковых.

Вот эта-то связанность и переплетенность интересов перед лицом радикальной чистки, вызывая соревнования и трения, диктуют и те методы этой «борьбы», которые обозначают невозможность и неспособность к решительной борьбе. Здесь мы опять-таки у границ «левения».

Однако, эта форма «борьбы», которая не позволяет видеть в ней исходной точки действительного столкновения сил старого и нового общества—не должна заслонять от нас той важной истины, что в этих пределах и на этой арене буржуазным группам суждена,—что дальше, то больше,—быть может, с перерывами и колебаниями, но в целом несомненная роль движущей силы всего процесса. В процессе контр-революционной реформы сверху буржуазия, как класс, призвана сыграть доминирующую роль, в том, конечно, предположении, что этот процесс не будет прерван вмешательством крестьянско-пролетарской революции.

Важно подчеркнуть, что в **этом** отношении роль движущей силы ей действительно по плечу. Но и только. В постоянных трениях, столкновениях и **компромиссах** с крепостниками октябристско-кадетская буржуазия будет отвоевывать, опираясь на экономический процесс у последних, определяющий значение в реформе сверху, но она не сможет выйти за пределы подобной реформы, неизбежно при таких условиях направленной против наиболее выгодного для масс типа развития буржуазных отношений. Если за эти пределы выйдет развитие общественной жизни, ей будет отрезана эта роль движущей силы; она должна будет перейти к другим классам. Не трудно установить теперь

объективное значение той формулы, которая утверждает роль буржуазии, как движущей силы предстоящего буржуазного преобразования. В силу выше развитых соображений, утверждая подобную роль буржуазии, эта формула утверждает вместе с тем нереволюционный характер этого «преобразования», т.-е. именно такой тип развития буржуазных отношений в России, когда это развитие будет порабощено интересам крепостников-помещиков. Роль движущей силы суждена русской буржуазии лишь в процессе медленного, мучительного для народных масс процесса приспособления старой власти к новым общественным отношениям. С другой стороны, в процессе подобного превращения патриархальной полицейщины в буржуазную монархию именно октябристско-кадетской буржуазии предстоит сыграть определяющую роль. И, если бы России действительно предстоял этот именно путь, если бы он был возможен, мы имели бы реализацию указанной формулы. Возможность же этого пути в России минимальна. Мы видим, таким образом, что было бы величайшей ошибкой принимать столкновение «правых» и «левых» в контр-революционном блоке за ту форму, из которой могут развиться столкновения революционные. Связанный с помещиком, поставленный под угрозу пролетарско-демократического движения, буржуа-октябрист неспособен выбиться из-под своего порабощения черносотенцу-помещику.

И, чтоб буржуазное развитие пошло без порабощения его «курским зубрам» Марковым, нужно выступление другого буржуа, более сильного, более опирающегося на массы, выражающего чисто-буржуазный путь развития, т.-е. выступление крестьянства, русской мелкой буржуазии, объективно поставленной в революционные условия борьбы с политической и экономической властью крепостничества. Социал-демократия должна при этих условиях строго различать движущую силу склоки Пуришкевича и Гучкова, неспособного на деле порвать с первым и лишь бессильно барахтающегося в объятиях Пуришкевича, и движущую силу революционного кризиса, действительной борьбы с крепостничеством.

Смешать эти две различные «движущие силы», объявить движущей силой—буржуазию, это обозначало бы бессознательное подлаживание к октябризму. Из того, что есть объективные условия для буржуазного недовольства «засильем» правых, выводить для пролетариата тактическую директиву: «поддерживай буржуазию»—значило бы воспринять лозунг зависимости пролетариата от либералов. Нарастание трений между элементами

контр-революции, обострение недовольства в буржуазной среде—обозначает наличность объективных условий неудачи и краха Столыпинского и всяческого контр-революционного реформаторства,—обозначает, что массам надо разъяснить бессилие буржуазии и неспособность ее самой сделать свое историческое дело. Наша задача—превратить стихийное недовольство масс, крах реформаторства в исходную точку сознательной борьбы масс за революционный путь развития.

Перед задачей самовоспитания пролетариата к самостоятельной роли в предстоящей борьбе, повторение голых фраз о противоречивости интересов крепостников и промышленников является, поистине, только благонамеренной либеральной жвачкой.

КРАХ БЕССМЫСЛЕННЫХ МЕЧТАНИЙ *).

Жизненным нервом русской либеральной политики была добродетельная и, поистине, мещанская надежда на то, что между диктатурой революции и диктатурой контр-революции можно найти средний путь.

Его исторической задачей в революционную эпоху было, поэтому, расчищение—под знаменем «ни революции, ни реакции»—пути для контр-революции. Его тайной надеждой было то, что успешное подавление восстания пролетариата и крестьянства лишь расчистит место для нормально действующего буржуазного порядка.

Чем более, однако, выясняется социальная природа контр-революции, тем явственнее отмирает эта надежда, тем безотраднее становится положение русского буржуазного либерализма.

Умирают у всех на глазах «бессмысленные мечтания» русской буржуазии установить свое политическое господство, пользуясь равномерной слабостью революции и реакции, слабостью народа и слабостью старой власти.

Этот момент крушения основных предпосылок буржуазного конституционализма живее всего отражается в сознании тех его элементов, которые, помещаясь между двумя крупнейшими буржуазными партиями, кадетами и октябристами, являются более чувствительными барометрами политической погоды.

Контр-революция обманула надежды буржуазии—вот что сквозит ныне из-за каждого шага практического ли политика, «вольного» или публициста буржуазии.

Контр-революция обещала ему спокойствие—и способна лишь породить смуту, обещала развитие производительных сил—и усугубила затяжной кризис, обещала «национальное» могущество и иностранные рынки—принесла заявление о военном бессилии и дипломатическую Цусиму Боснии и Герцеговины.

*) „Пролетарий“, № 50 от 28 октября 1909 г.

Нет, буржуа окончательно недоволен российской контр-революцией.

«Правительство могло многое сделать после неудачи революции; но сделать это во-время оно не сумело», в этих словах видного кадетского парламентария разгадка причины недовольства.

Контр-революция не сумела воспользоваться неудачами революции. Что значит это признание г-на Маклакова? На это отвечает политический соратник г. Маклакова кн. Е. Трубецкой: «Ужас нашего положения заключается именно в том, что весь наш внутренний порядок держится исключительно страхом». Именно так. Ужас современного положения России для буржуа заключается в неустойчивости контр-революции.

Буржуа в борьбе с революцией призывал и поддержал контрреволюцию и теперь, очутившись с нею глаз на глаз, с ужасом убеждается, что вызванный им призрак несет с собой не успокоение, не гарантию от революции, а обострение положения. Послушаем, однако, в чем обвиняет буржуа русскую контрреволюцию. Он задает ей ядовитейшие вопросы: «что предпринимается правительством Столыпина, чтоб заинтересовать многочисленнейший класс общества (пролетариат) в спокойном и мирном развитии государства (читай: подчинении эксплоатации)? Что предпринято для того, чтобы сделать инородцев сторонниками русского государственного единства (читай: насилия)?»...

После трехлетнего почти господства голого штыка буржуа вдруг узрел, что на одном штыке нельзя построить нормального буржуазного общества. После трех лет лихой штыковой работы буржуа усумнился в том, чтобы эта работа гарантировала бы внутреннее спокойствие и неприкосновенность его рынков. Он так же трепещет перед врагами внутренними, как и перед врагами внешними. «Что будут делать, в случае иностранного нашествия, широкие демократические слои великорусского племени. Сплотятся ли они вокруг правительства или будут основывать читинские, новороссийские и иные республики... На что может в такую минуту рассчитывать правительство? Помимо инородцев, будет ли оно иметь за себя русских крестьян, рабочих и большинство горожан. Что будут делать товарищи?»

И трясущийся от страха перед крестьянами и рабочими буржуа начинает пророчествовать: «Что достигается в области внутренней политики? Ничего, кроме постепенного подготовле-

ния грядущей анархии, той смуты недалекого будущего, по сравнению с которой бледнеет даже смутное время. Наш государственный механизм—хрупкий сосуд. Никогда мы не были ближе к гибели, чем теперь». У защитников порядка и собственности хорошее чутье [1]). Что же, однако, в русской контрреволюции так напугало русского буржуа, что он стал пугать контр-революцию крестьянами и рабочими и смутным временем.

Это—старая, как политическая история европейской буржуазии, и вечно новая история. Буржуа, «пассивно сопротивлявшийся» или, точнее, содействовавший подавлению революции, в надеждах воздвигнуть на развалинах демократии свою власть, неожиданно убедился, что это подготовлявшееся им для себя местечко занял черносотенный помещик. Он ждал контр-революции буржуазной, получил контр-революцию феодальную, готовил диктатуру буржуазии и чистогана, получил диктатуру помещика и петли.

И считает теперь себя вправе на весь мир кричать о своих обманутых надеждах.

Беда буржуазной реакции, оказавшейся неожиданно в удавных объятиях помещичьей контр-революции, способствовала ее прозрению, и ныне буржуазно-реакционные публицисты недурно рисуют современное положение и правильно размышляют о корнях контр-революции.

Послушаем того же кн. Е. Трубецкого.

«Нынешний абсолютизм носит резко выраженный классовый и притом анти-демократический характер. Нынешнее правительство пустило корни в земле, точнее говоря— в землевладении; оно объединилось на общественной реакции и стало ее орудием. Нужно ли доказывать, что в нынешнем реакционном направлении нашей политики сказывается по преимуществу царство испуганного и озлобленного помещика. Ошибка П. А. Столыпина заключается в явном преувеличении значения помещика. Он не замечает, что его политическая программа ограничивается пределами... скромного помещичьего горизонта... Не ясно ли, что нынешняя система — продукт общественной жизни, отражение современной классовой борьбы».

---

[1]) Строки эти написаны 13 лет тому назад, в самый разгар победоносной контр-революции. Перечитывая их теперь, как раз накануне 5-летия октябрьской революции, поневоле думаешь: да, русские крестьяне и рабочие не обманули ни наших надежд, ни опасений буржуазии. Прим. к наст. изд.

Удивительные успехи делает в сознании реакционных буржуа, поставленных перед лицом «озлобленного» помещика, «классовая» точка зрения. И надо сказать, что они много яснее понимают положение, что те доктринеры либерализма, для которых реакция есть злая воля и неспособность к усвоению «основных начал конституционной науки».

Насколько правильнее и жизненнее этих доктринеров описывает действительность тот же публицист. «Правительство во всех отношениях достойное детище русской революции: от нее оно унаследовало дух классовой исключительности и ненависти; оно мерит русскую демократию той же мерой, которой демократия мерила землевладельцев. Прежде били помещиков; теперь, наоборот, берут реванш помещики. В свое время левые бросали бомбы, чтоб их не вешали, теперь правое правительство задалось целью повесить всех тех, кто может бросать бомбы. Противники стоят на общей почве»... В том-то и дело, господа либеральные примирители народа с властью [1]).

Реакционный буржуа, которому феодальная реакция не кажется достаточной гарантией от врагов внутренних и внешних, сказал почти все: он побоялся назвать лишь то, на что сам указал пальцем. Гражданская война помещичьей контр-революции, диктатура военщины — вот что увидел, наконец, буржуа за парадным подъездом 3-го июня.

В чем же спасение?.. Пять быстрых лет показали, что нельзя в современной России найти среднего пути между диктатурой революции и диктатурой контр-революции. Бессмысленными мечтаниями оказались надежды на то, что разбитая демократия может оказаться подножием немедленного буржуазного господства.

Но было бы страшнейшей ошибкой думать, что разбитые надежды на контр-революцию толкнут буржуазию к демокра-

---

[1]) Автор цитированных строк, кн. Евг. Трубецкой—типичный представитель русской интеллигенции. Популярный профессор Московского Университета, философ-идеалист, автор книг об идеалах Платона и Аристотеля, о Ницше и Вл. Соловьеве, автор ряда резких политических статей в 1904—1905 г.г., член „Союза Освобождения", он после октября 1905 г. уходит от кадетов направо к мирнообновленцам, редактирует официальный орган этой партии крупнейших помещиков и столбовых дворян, проповедует одновременно высокую „миссию" русского народа и его „святую правду". В 1918 г. Трубецкой бежит из Москвы на Юг к Деникину, не находит для характеристики русского народа других слов, кроме „сволочи" и требует для этой „сволочи" не аграрной реформы, а плетей и пулеметов. В обозе Деникина он и умер в 1920 г. от сыпняка. Такова карьера русского либерала-идеалиста. Прим. к наст. изд.

тии, что она опять попытается опереться на народ. Она больше боится низов, чем верхов, и во всяком случае предпочитает получить свой «честный» кусок хлеба из рук контр-революции, чем из рук революции.

Из краха своих мечтаний и надежд буржуазный либерализм вынес урок не в смысле усиления своего демократизма, а в смысле окончательной ликвидации всякого демократизма. «Наша задача примирить с государственностью (читай: с властью самодержавных помещиков и полицейских) тех, кто поневоле видел в ней одно зло; если в революционную пору эта линия не всегда соблюдалась, если мы знаем за собой не мало ошибок, то неестественно было бы их повторять»,—пишет г. Маклаков. Кадетская партия сама виновата в том, «что помещики и чиновники поняли, что на кадетов им надеяться нечего», она недостаточно защищала помещиков и чиновников против «массового деспотизма»—заявляет Е. Трубецкой. «Кадеты доказали, что если есть у нас сила, которая могла бы... вести борьбу с революционными настроениями в демократической среде, так это только кадеты. Им следовало бы объединить все, действительно конституционные элементы, отрицающие в данное время революционные пути. Октябристы и кадеты должны заключить честный и лойяльный союз на определенной программе-минимум, отбросивши спорные вопросы», т.-е. отбросив то, что еще в идее отличает конституционно-демократическую партию от партии явной реакции, требует в «Русской Мысли», издающейся под редакцией членов Ц. К. кадетов, их постоянный сотрудник г. Изгоев.

Параллельно разгулу помещичьей диктатуры и росту трепета буржуа перед «смутой недалекого будущего» идет не мобилизация буржуазии, не усиление ее позиции, а ликвидация всего того в буржуазных партиях, что делает их еще неприемлемыми для г. Столыпина.

На взгляд буржуа наша контр-революция слишком помещичья, недостаточно буржуазна, но он не знает другого пути своего спасения, кроме службы той же помещичьей контр-революции.

Недовольный «системой управления» озлобленного» помещика, трепещущий «разжигаемой» этой системой «классовой ненависти», буржуа старается успокоить себя социальным содержанием реакции.

«В качестве акушера мелкой личной собственности П. А. Столыпин именно своей аграрной программой является могиль-

щиком старо-помещичьей России»,—успокаивает мудрец к.-д. партии г. Струве, побеспокоенных феодальной реакцией буржуа.

«Как же нам не радоваться, когда лет через двадцать миллионы хуторян-землевладельцев загудят в унисон с П. А. Столыпиным: «я сам помещик». Это будет достойный ответ врагам внутренним—социалистам»,—поддерживает его кн. Трубецкой. И чтоб окончательно привязать буржуазию к победоносной колеснице торжествующего помещика, г. Струве спешит отвлечь его от мрачных картин сегодняшней гражданской войны к блестящим перспективам третьего десятилетия, к тому времени, когда «миллионы хуторян» будут фактом, а не мечтой только.

«Думать,—пишет он,—что столыпинская аграрная политика может объективно служить основой для поддержания ублюдочной политической формы конституционного самодержавия, значит не понимать условий исторического развития народов». Иначе говоря, вся политическая мудрость буржуазии сводится к тому, что сами же результаты контр-революции автоматически изменят ее политическую форму, что мало-по-малу Столыпин научится быть Бисмарком, и что только на службе помещичьей контр-революции буржуазия может завоевать право на частичку власти.

Рецепт естественный и неизбежный для контр-революционной буржуазии,—она не может и не хочет порвать с помещиком,—и только один пункт вызывает ее сомнения, одно беспокоит ее, одно заставляет ее ворчать на своих руководителей.

«Не накопилось ли снова столько озлобления, столько горечи, столько разочарования, что единственным делом, способным увлекать, находить отклик в умах, станет исключительно противодействие всем начинаниям власти. Не станет ли скоро мысль о мирном исходе неуважением к здравому смыслу и урокам истории»,—с тоской спрашивает г. Маклаков.

«Что будут делать «товарищи», покуда мы на действительной службе у контр-революции будем пододвигаться к власти», беспокоится кн. Трубецкой.

Шеф жандармов, ген. Курлов отослал интересующихся вопросом о том, что будут делать жандармы при второй революции, к с.-д. депутату, тов. Гегечкори; мы можем отослать интересующихся вопросом, что будут делать «товарищи», к ген. Курлову и его шефу Столыпину.

Или диктатура революционной демократии, или диктатура контр-революционного помещика, у которого десятилетиями выторговывается буржуазией уступочка за уступочкой,—вот что

должна была признать русская буржуазия. Это свидетельство о бедности, выданное ее политическому прошлому и настоящему ею же самой.

Одно мы можем посоветовать русской контр-революционной буржуазии: во-первых, торопиться, во-вторых,—не хныкать.

Ибо, предрекая «смуту недалекого будущего, по сравнению с которой бледнеет даже Смутное Время», смешно и бесплодно ворчать на г. Столыпина за его откровенное признание, что он «не знает никаких конституционных способов покончить с революцией».

Точно так же не знает и пролетариат никаких «конституционных» способов покончить с помещичьей контр-революцией.

КРЕПОСТНИКИ И БУРЖУА *).

Беспощадная история как-будто ждала перевала Государственной Думы во вторую половину срока ее существования, чтобы сразу сорвать все покровы «обновленного строя» и показать тот действительный реальный путь, которым идет контр-революция. За одну сессию Дума должна была проглотить два государственных переворота, два «клятвопреступления», в дополнение к тому государственному перевороту 3-го июня, которым живет вся система.

Однако, и нарушение Основных Законов и разгром финляндской конституции были лишь наиболее яркими показателями неизбежного пути контр-революции, и когда Столыпин и октябрист Шубинский очень логично, но не очень дипломатично свели вопрос о законе к вопросу о «хозяине» армии, когда тот же Столыпин вопрос о земстве в западных губерниях предлагал рассматривать с точки зрения поведения населения этих губерний в 1905—1906 г.г., когда фон-Анреп рекомендовал в финляндском вопросе «не стесняться» «правом» и не искать «юридических норм», все это лишь вскрывало, что атмосфера постоянного и непрерывного нарушения ею же созданных и формулированных «норм» есть необходимая атмосфера дальнейшего существования русской монархии. Профессор Вязигин, «знаток конституционного права» по рекомендации доктора Дубровина, сказал не больше того, что говорят Столыпин, фон-Анреп, Львов, когда провозгласил Основным Законом Российской Империи «имманентное право Верховной власти на государственный переворот». «Сова Минервы вылетает по ночам», и катастрофическая теория монархизма отнюдь не является игрой ума правого профессора, но лишь систематизирует практику монархии эпохи, сменившей решительный революционный натиск, практику, развивающуюся столь лихорадочным темпом, что за ней

*) „Социал-Демократ“, № 15—16 от 30 августа 1910 г.

не успевают угоняться даже князья Мещерские и Шараповы, эти самодержавщики «старой манеры».

Столкновение «катастрофической теории» Меньшикова и Вязигина с патриархально-холопской теорией кн. Мещерского, столкновение Шарапова с. гр. Бобринским, столкновение реакционеров «старой» и «новой» манеры, особенно рельефно сказавшееся в Государственном Совете при обсуждении земельных законов, служат лишь показателями того факта, что катастрофическая практика отнюдь не является для пореволюционной монархии путем к реставрации политического и экономического уклада России конца XIX столетия. Наоборот. Тот строй отношений, которым питалась монархия дореволюционной эпохи, утерян бесповоротно и смысл новых государственных «катастроф» заключается не в попытке реставрировать эти отношения, а в попытках монархии приспособить к своим интересам неизбежное развитие новых социальных отношений. Эту основную черту системы 3-го июня:— обращение развивающихся и развиваемых буржуазных отношений пореволюционной России пользу аграриев,—Гос. Дума иллюстрировала каждым своим законопроектом, найдя, наконец, для этой задачи окончательную форму в национализме. Именно политика национализма должна была стать новейшей формой контр-революции, поскольку национализм Меньшиковых и Крупенских есть воплощение эксплоатации капиталистического развития в интересах дворян-крепостников.

Уже при обсуждении законопроекта «о неприкосновенности» октябризм оказался перед лицом самого недвусмысленного отказа крепостников от умаления своих прав в той гражданской войне, с точки зрения которой последние доказывали недопустимость для России какого бы то ни было habeas corpus act'a [1]). Даже не попытавшись противопоставить этой точке зрения свою, отктябризм выступил с оправдывающимися перед Марковым речами и... похоронил неприятный вопрос. Еще в худшее положение попал октябризм со своим любимым детищем: местным судом. Крепостничество в низшем суде с его обычными чертами,— сословным характером, судебной чересполосицей, неопределенностью подсудности, отсутствием норм и господством «обычая»,— давно превращенного дифференцией деревни в орудие кулацкого капитала,—наконец, полной зависимостью от полицейской власти—сумело мобилизовать в свою защиту все силы рус-

---

[1]) Акта о неприкосновенности личности.

ского дворянства. И правые помещики могли разыграть свои симфонии в защиту сословного обособления и полицейской власти помещика-судьи на фоне протеста «деревни» против нарушения городом ее устоев. Этот именно характер протеста недурно выразил г. Павлович, высказавшийся против «загоняния крестьян и помещиков в рай дубиной». И октябризм в ответ на этот протест крепостничества против буржуазного «рая» октябристской реформы, сделал все, чтобы буржуазный рай, в который не хочет итти Совет Объединенного Дворянства, постановивший сохранение волостных судов,—обратить в оранжерею для процветания дворянской власти. Поэтому, уничтожая волостные суды и вводя для деревни общие нормы права, октябристский законопроект предоставлял назначение судей для крестьян сплошь—помещичьим земствам и требовал от судьи имущественного ценза, равного земскому. Надо еще заметить в оправдание октябристов, уничтоживших все же волостные суды, что те нормы, которые идут по их закону на смену «обычаю» сословно-крестьянского суда, есть ничто иное, как X том Свода Законов, построенный целиком на помещичьи-классовых интересах.

Реформа местного суда—типичный образчик октябристского строительства новой России, сводящегося к насильственной ломке быта деревни дворянско-чиновничьими средствами и передающего все плоды «реформы» в руки аграриев.

Но выполняя эту работу, октябристы сами подготовляли передачу ее в руки Балашовых и Крупенских; «Всероссийский Национальный Союз» только учел объективный характер политической позиции, занятой буржуазной контр-революцией, указав ей ее настоящее место—на запятках контр-революции крепостнической [1]).

Это—естественный момент в процессе распределения сил в системе 3-го июня.

Для русской буржуазии в ее обоих оттенках—октябристском и кадетском—и м п е р и а л и з м был той системой политики, которая должна была обеспечить за ней безболезненно достигаемое господство над крепостническим дворянством и всесильной бюрократией. Опираясь на Думу и биржу, буржуазия мечтала в процессе империалистической политики незаметно и без поли-

[1]) „Всероссийский Национальный Союз"—образовавшаяся в 1910 г. политическая группировка, включившая в свой состав крупнейших помещиков-дворян, главным образом, окраинных губерний, где были расположены помещичьи латифундии. Во главе стояли Балашов и Крупенский. На них опирался Столыпин, когда он разошелся с Гучковым, руководителем октябристов.

тических «оказательств» обновить политический строй и подчинить себе своих союзников. Империалистическая политика, удовлетворяя аппетиты сильной монархической власти и оскудевшего, но патриотического дворянства, призвана была в то же время свести их роль до роли подсобного орудия незаметно идущей к власти буржуазии. В панславизме эта политика нашла форму, достаточно широкую, чтобы утилизировать всю идейную реакцию либерализма и некоторых мелко-буржуазных элементов против господства революционных идей в русском обществе 1905—1906 г.г., и достаточно определенную, чтобы обратить эту реакцию на укрепление романовской монархии.

Но октябристско-кадетский империализм рассчитывал без хозяина. Он хотел сделать исходным пунктом Великой России поражение революции и очень скоро—на Балканах и на Дальнем Востоке—познал всю глубину бессилия, в которое повергло это поражение Российское государство. А продолжающаяся экономическая депрессия показала ему, как мало победа над рабочими и достигнутое с напряжением всех сил сохранение за помещиками их земель может служить основой для развития производительных сил страны.

В подвалах Государственного Банка,—когда Коковцев демонстрировал французской бирже бессилие своего «бездефицитного» бюджета,—в тайниках дипломатических канцелярий,—когда Извольский оформливал, заключая руско-японское соглашение, отступление России на Дальнем Востоке,—на торжественных заседаниях славянского съезда в Софии,—когда Гучковым и Бобринским пришлось демонстрировать бессилие панславистской авантюры на Ближнем Востоке,—октябристско-кадетскому империализму был подписан смертный приговор.

Империализм лопнул—и как форма, в которой должно было произойти приспособление старой политической надстройки к новым социальным отношениям, и как способ найти внешние рынки для русской промышленности, и, наконец, как формула идейной реакции. Империализм, выросший на почве политического бессилия буржуазии внутри государства, самым крушением своим показал ее полную неспособность преодолеть тот тупик, в который загнана Россия победой контр-революции.

Тем самым дело «спасения отечества» передавалось из рук октябристов в другие руки. Если не спас буржуазный империализм, то не спасет ли национализм?

Империализм, работающий на капитал, выдвигающий последний на первые роли, заставляющий силы старого режима подчи-

няться его указке, и национализм, эксплоатирующий силы государства для поддержания экономически-бесплодных групп населения, отдающий этим последним на кормление те группы, которые являются воплощением хозяйственного развития—оба являются в современной России попытками контр-революционных классов устроить свое благополучие на основе поражения демократии. Но в то время, когда первый воплощает тенденции групп буржуазных, второй выражает и аппетиты и паразитизм групп крепостнических. Отношение ко всему государству в целом и в каждой продвинувшейся вперед в хозяйственном отношении области, в частности, с точки зрения вотчины, предоставленной в кормление верным царским холопам,—таков неизбежный конец русской контр-революции, обрекающий торгово-промышленную буржуазию на подчиненную роль в контр-революционном блоке. Способна ли наша буржуазия противопоставить этой логике контр-революции хотя бы минимум политико-экономических требований буржуазного развития?

Жажда обрести в торгово-промышленной буржуазии застрельщика демократического движения настолько сильна среди оппортунистов-социал-демократов, что некоторые из последних поспешили к ней на помощь с своими формулировками ее программы действий. «Наша Заря» (кн. IV, ст. Ф. Дана: «Обманутые обманщики») и взяла на себя труд предложить вниманию этой буржуазии кадетскую программу и обратиться к «демократии» с указаниями на те опасности «самостоятельного выступления», которые кроются в склонности последней к «бестактности» относительно буржуазии.

К сожалению, вряд ли попытка «Нашей Зари» выступить перед лицом торгово-промышленной буржуазии с программой, конкурирующей с Гучковской, может быть принята всерьез. Между программой «Нашей Зари» (широкая аграрная реформа, рабочее законодательство, борьба за власть с крепостниками) и программой Гучкова (уступка руководящей роли в контр-революционном блоке аграриям из «Национального Союза», завоевание Финляндии, отступление перед натиском бюрократии) выбор сделан в совершенно недвусмысленной форме.

Поведение октябристов во время обсуждения бюджета, закончившаяся крахом попытка октябристов удержать за собой руководящую роль в Думе, отправив на председательское место, иначе говоря, в царские передние, своего лидера, санкционирование нарушения Основных Законов, роль, сыгранная октябристами при проведении «польского» и «финляндского» законо-

проектов, свирепо-алчное отношение к рабочему законодательству—все это свидетельствует лишь об одном: что для организованной торгово-промышленной буржуазии не существует даже выбора между политикой поддержки Столыпинского правительства и политикой борьбы с крепостничеством. Торгово-промышленная буржуазия ради того, чтобы охранить здание 3-го июня от демократии, готова принять в нем роль лакеев Столыпина и «Национального Союза»,—вот этот ответ, который она дала на увещания Ф. Дана. «Новое Время», которому во время этой бурной сессии неоднократно пришлось выступать с ультиматумами по отношению к октябристам, могло смело сказать, подводя итоги сессии, что «октябристы экзамен выдержали». И—с другой стороны—кадеты, открыто выступившие в третью сессию с лозунгом «систематической поддержки» октябризма, должны были закончить сессию меланхолическим признанием, что кадетская «невинность» была соблюдена—поскольку, конечно, она еще соблюдена—лишь потому, что ей не удалось соблазнить октябризма, охваченного горячей страстью к правым» (см. «Отчет думской фракции к.-д. за третью сессию»).

Конечно, переход октябризма от роли руководящей партии к положению партии, ежедневно держащей экзамен на «государственность», крах империалистических замыслов, черная действительность лакейской роли при аграриях, крушение сладкой мечты Маклаковых, Струве и Изгоевых о том, что октябризм-то и поставит контр-революцию на буржуазные рельсы,—все это не могло не сказаться и кризисом в рядах самой октябристской партии и взрывом отчаяния в рядах кадетов и прогрессистов. Однако, характернее того, что от октябристов по ряду вопросов отделилось несколько человек, не пожелавших пачкаться ролью лакеев разбойничьих и воровских шаек, устремившихся на Финляндию или опасающихся, что придет и их час испытать на себе «пробуждение русского национального чувства», характернее этого то, что при первом же выступлении группа отколовшихся Хомякова и Годнева оказалась совершенно бессильной противопоставить октябризму сегодняшнего дня что-либо иное, чем октябризм вчерашнего и позавчерашнего дня.

С другой стороны, для кадетизма, столь деятельно во всех областях поддерживавшего октябризм, крушение его надежд на октябристские пути, обозначает не усиление его демократических элементов, не победу «непримиримой» тактики, не повышение оппозиционной энергии, а, скорее, полную беспомощность, полное отсутствие почвы, маразм отчаяния и бездорожья.

Контр-революционный либерализм, поставивший своим заветом не выходить за пределы закона 3-го июня, не искать вне Столыпинской легальности орудий борьбы, отрезал себя от демократии настолько решительно, что ему остается лишь качаться между «примирением с государственностью» и «отзовизмом» отчаяния [1]). И его реакция на новые шаги контр-революции, его метания перед лицом жестокой действительности, метания от буффонад г. Струве к «отзовизму» г. Изгоева, от призывающей «правое министерство» «Речи» к широким перспективам империалистической политики г. Милюкова, все это свидетельствует лишь об одном,—о том, что для буржуазного либерализма и кадетского типа приемлемы все пути, кроме пути апелляции к народу, всякая тактика, кроме тактики систематического отстаивания интересов демократии, всякие «расчеты», кроме расчета на организацию народных сил. Ведь, «чудеса», массового движения, по компетентному разъяснению кадетской конференции, «не в нашей власти и не могут входить в расчеты большой, открыто действующей политической партии, рассчитывающей на легальную организованную деятельность»... в границах, устанавливаемых следующими друг за другом государственными переворотами г. Столыпина...

Не может быть сомнения в том, что переход руководящей роли в системе 3-го июня в руки аграриев-националистов, крах октябризма, крушение кадетских мечтаний о Столыпине, мирно вводящим Россию в рай буржуазного и конституционного процветания, отражают лишь общую неустойчивость положения и в свою очередь ослабляют всю систему и весь контр-революционный блок в целом. Националистической контр-революции суждено окончательно оголить то, что хотела бы прикрыть контрреволюция империалистическая, вскрыть противоречие между политической системой и потребностями страны в гораздо более резкой форме, концентрировать вокруг себя недовольство в размерах гораздо более широких, чем это могла бы сделать какая-либо другая форма контр-революции. Эта фаза контр-революции передает, наконец, ее судьбы в руки тех ее элементов, для которых нет других методов разрешения общественных вопросов, кроме их обострения. Теория и практика государственных переворотов сверху не может не найти себе предела в попытках низов использовать в своих интересах «катастрофическую» теорию

---

[1]) Переход руководящей роли от октябристской буржуазии к националистам-черносотенцам так сильно ударил по кадетам, что в их среде даже раздались голоса в пользу ухода от работы в Гос. Думе.

общественного развития. Противоречия обостряются, положение становится революционнее...

Внутренняя борьба контр-революционных сил, победа—под националистическим флагом—аграрно-бюрократических элементов над промышленно-буржуазными, расстройство рядов последних, обострение противоречий, рост недовольства,—вот та обстановка, в которой приходится работать нашей думской фракции. Политическое положение навязывало ей роль единственного выразителя демократических стремлений той народной массы, что 3-м июнем оставлена за пределами российской государственности. Уметь сочетать эту важную задачу с требованиями классовой политики пролетариата, показать всей стране, что пролетарская борьба есть и остается единственной формой наиболее решительной борьбы против контр-революции, душащей всю страну, отстаивая каждое завоевание пролетариата, как опору его дальнейшего развития, показать, что в этой форме отстаиваются и интересы всей демократии, поднять последнюю до понимания классовых основ гражданской войны контр-революции, на каждом шагу и каждому акту контр-революции учить противопоставлять не «борьбу за легальность», а поднимать борьбу до уровня революционной борьбы—таковы были задачи, которые должна была разрешить думская фракция.

Сочетать верность социалистическим целям пролетарской борьбы и классовой тактике с отстаиванием интересов демократии—задача сложная, но тем более благодарная и настоятельная, что только на этом пути социал-демократия может удержать за собой ту гегемонию, которая одинаково важна и необходима и для пролетариата и для победоносности демократического движения.

В дальнейшем, по мере обострения положений, ей придется все более и более выполнять эту роль представителя широких демократических масс, достигая этого не принижением своих лозунгов, не затушевыванием своей классовой политики, не бесплодными попытками «согласования» своих действий с действиями оппозиции, не «поддержкой» последней, а, наоборот, резким заявлением непримиримости позиции пролетариата, беспощадным разоблачением классовых основ крепостнических и буржуазных партий, непреклонной верностью заветам 1905 года. Только при этих условиях все противоречия современного положения, все трения в контр-революционном блоке, вся беспомощность либерализма будут учтены в пользу революционного воспитания масс, будут использованы, как исходные пункты для непрерывного расшире-

ния потока растущего недовольства. И именно этот метод действий, этот характер выступлений, гибко сочетающий нападение на контр-революцию за нарушение Основных Законов [1]) с заявлением своих республиканских стремлений и отстаиванием и пропагандой права народных масс на государственный переворот, а в интернациональной солидарности рабочих масс почерпающий силу для самой определенной защиты национальных прав угнетенных национальностей, и атеизм, обращающийся на горячую защиту прав всех религиозно-угнетенных,—этот характер выступлений социал-демократии уже делает из нашей социал-демократической парламентской фракции ту думскую фракцию, в которой приучаются видеть свою естественную представительницу все угнетенные контр-революцией группы, которым ненависть к социал-демократии не диктуется их классовыми интересами.

Но обострение положения не только к думской фракции предъявляет повышенные требования и не для нее только расширяет сферу и возможность работы. Это относится ко всей партии в целом. Да и работа думской фракции плодотворна только тогда, когда она целиком утилизируется партией. Только упрочив свою нелегальную организацию в первую голову, только комбинируя легальные и нелегальные выступления, думскую и внедумскую деятельность, может нелегальная Р. С.-Д. Р. П. использовать современное политическое положение для максимального, при данных условиях, увеличения пролетарской мощи и удельного веса пролетарской партии.

Усиленное строительство партии, повышение ее политической активности,—вот что в первую голову диктуется положением.

Только выполняя эту задачу, пролетариат сыграет решительную роль в разрушении системы 3-го июня, а, следовательно, извлечет из этого разрушения всю ту сумму пользы в своих классовых интересах, которую распад этой системы способен дать.

---

[1]) Струве должен был сознаться, что в прениях по этому вопросу остальные оппозиционные группы следовали за соц.-демокр. (см. „Русскую Мысль“, кн. VI стр. 170).

НАДЕЖДЫ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА [1]).

Бесспорным фактом общественной жизни является то, что любая и каждая из партий опирается на определенный социальный класс, с ним живет и развивается, если ему суждено развитие, с ним разглагается и умирает, если ему суждены разложение и смерть.

Вполне законна, поэтому, попытка исследовать социальный базис русских политических партий, которую в «Русской Мысли» (февральская книжка за текущий год) предпринял кн. Трубецкой. Она тем более характерна, что вполне совпадает—будучи в то же время менее дипломатичной и более откровенной — с основными положениями известного доклада г. Милюкова, одобренного последним «совещанием» деятелей партии кадетов.

И г. Милюков, и кн. Трубецкой, и к.-д. «совещание», и журнал «Русская Мысль» сходятся на признании «реальной силы» за «крайними течениями». «Реальной силой в данный момент вообще могут обладать у нас,—пишет кн. Трубецкой,—только крайние течения, т.-е. крайняя демократия и столь же крайняя олигархическая реакция дворянско-чиновничья».

В последних словах только названо одно из крайних течений. Г. Милюков в своем докладе пытается вскрыть его социальный корень указанием на сохранение «старых социальных основ быта».

На самом же деле «реальная сила» этого «течения» коренится в крепостническом характере русского землевладения, в тех громадных латифундиях, которые лишь резче оттеняют крестьянское малоземелье. Это, действительно, реальная сила, борющаяся за свое существование, пытаясь, с одной стороны, отстоять неприкосновенность своих прав, с другой стороны, приспособляясь к экономической эволюции страны. Охранительные

[1]) „Звезда", № 13 от 12 марта 1914 г.

мотивы, продиктовавшие политику поддержки «сильных» крестьян за счет «слабых», не составляют секрета ни для кого.

Что касается «реальной силы» другого, противоположного «течения», то ни кн. Трубецкой, ни г. Милюков не колеблются признать ее основой непосредственные интересы широких слоев трудящихся. Оба профессора,—повторяя, впрочем, здесь лишь третьего, г. Кауфмана, еще в 1906 г. успевшего высказать те же соображения в статье, посвященной либеральному «самопознанию»,—согласно указывают на то, что «в массах, по несчастью, оказалось возможной лишь более смелая демагогия, которая льстила традиционным взглядам и привычным ожиданиям массы». Оставляя в стороне вопрос о том, в какой степени «традиционны» были соответствующие взгляды и в какой мере «привычны» соответствующие ожидания, нельзя не признать ценным научным обобщением тот вывод, к которому согласно пришли профессор истории, профессор философии и профессор политической экономии.

Но если так, если сама «наука» свидетельствует о том, что столкновение двух «крайних течений» было столкновением «старых социальных основ быта» с «взглядами и ожиданиями массы», то где же лежит «реальная сила» «средних» «примиряющих» элементов...

В настоящее время нигде не «лежит», ибо ее, этой «реальной силы» центра, либерализма — нет, отвечает кн. Трубецкой. «Центр роковым образом обречен висеть в воздухе», «отсутствие действительной силы вынуждает наш либерализм искать опоры извне», «у нас еще не вырос тот общественный слой, который был бы в состоянии держать на себе и питать своими соками прогрессивную общественность», пишет князь, обнимая в своем приговоре равно кадетов, октябристов и мирнообновленцев-прогрессистов.

Г-ну Милюкову, в его качестве вождя партии к.-д., менее всего удобно было подписать этот приговор постольку, поскольку он касался либерализма кадетского. Но он охотно признал его справедливость относительно октябризма. «Октябрист,— говорит его доклад,—стремится ассимилировать себе хотя бы верхний слой крестьянской массы... Но этого рода социальный базис—пока еще весь в будущем»...

Но если социальный базис «буржуазных конституционалистов»,—как величает г.г. октябристов г. Милюков,—«весь в будущем», если этот приговор кн. Трубецкой распространяет и на

партию г. Милюкова, то от самого г. Милюкова было бы странно требовать откровенности на счет своей партии.

Ее характер, однако, без труда вскрывается при самом беглом анализе той роли, которую она берет на себя.

Выбирая себе путь между борющимися партиями, кадетское «совещание» признало определяющим началом своей тактики «систематическую поддержку октябризма в конституционных вопросах».

Характерное признание в систематичности поддержки является лишь обратной стороной систематического же стремления остаться в рамках третье-июньской системы, систематического решения отказаться раз навсегда от того, что либеральная философия истории именует «чудесами» [1]).

Но, определив таким образом свои методы защиты конституционализма, кадетский либерализм должен был столкнуться с такими затруднениями, преодолеть которые на этом пути вообще нет никакой возможности. Защищать конституционализм в пределах дозволенного 3-им июня—значит защищать его, поддерживая октябристов. А поддержка октябризма означает поддержку того самого анти-демократизма, от которого хотела бы отделить себя партия, называющаяся конституционно-демократической. «Социальные интересы демократизма могут, конечно, сделаться фатальной жертвой... тактики систематической поддержки октябризма в вопросах конституционных»,—должно было признаться кадетское «совещание».

Положение, поистине, траги-комическое... для тех, кто, как г. Милюков и его товарищи по партии, берет его всерьез. И кадетское совещание утешилось и нашло выход в том, чтобы взять на себя «защиту тех форм охраны интересов крестьянства, которые содержатся в обломках социального строя». От зол, предуготованных для демократии октябристским «конституционализмом», искать спасения «в обломках старого социального строя»,—вряд ли можно найти более яркий образчик политической беспомощности и бессилия, обреченного систематически продавать интересы «социальные» ради «конституционализма» и «конституционализм» ради «социальных интересов».

Таким образом, не умея сказать, в чем «реальная сила» кадетизма, г. Милюков обрисовал его «реальное» значение в таких чертах, которые явно характеризуют его, как систематического сотрудника анти-демократических элементов и «течений».

[1]) Т.-е. от революции. Статья писалась для легальной газеты. Прим. к наст. изд.

Это тоже фатальный и характерный вывод. Фатальный и характерный постольку, поскольку он свидетельствует, что для «примиряющего», «среднего» между «крайними» элементами не нашлось действительной почвы, поскольку этот «средний элемент» не может дать своего решения вопроса и неизбежно оказывается игрушкой в руках реакции. «Спор так обострен, что мы не можем решить его», говорит либерализм, на деле служа тем «обломкам социального строя», которые ныне решают его по-своему.

И этот вывод торопится оформить кн. Трубецкой, когда пишет: «Кто хочет благополучно пройти между Сциллой и Харибдой анархии и пугачевщины, быть независимым от обеих, тот должен временно быть обречен на политическое бездействие».

Однако ни кн. Трубецкой, ни г. Милюков, ни г. Маклаков не «бездействуют». Наоборот, они действуют, и действуют потому, что твердо уверены, что создадутся условия, когда они приобретут реальную силу. Кн. Трубецкой, от которого простая логика требовала объяснения самого факта написания им статьи, поясняет достаточно рельефно те условия, когда либерализм обретет «реальную силу». Эти условия будут созданы, современный спор будет кончен. Как кончен?..—Кончен победой современной правительственной программы. Когда будет создан «новый тип экономически-независимого крестьянина-собственника,—пишет кн. Трубецкой,—создастся и недостающий теперь социальный базис для русского либерализма и не посильная настоящему задача будет решена». Аграрная программа правительства, выдвинутая против «взглядов» и «ожиданий» демократии, должна предварительно осуществиться для того, чтобы либерализм получил в России самостоятельное значение.

Этот вывод из анализа современного положения тоже чрезвычайно ценен. Он вскрывает действительные условия приобретения либерализмом силы и влияния. Он, во-вторых, указывает действительный путь либерализма к приобретению этого влияния. Перестройка России должна быть закончена руками одного из «крайних течений»,—тогда либерализм придет в действие. До тех пор его задача—в помощи тому делу, которое несет ему жизнь и обещает блестящую будущность, т.-е. в помощи осуществлению правительственной программы.

Не станем исследовать, действительно ли победа земельного закона Столыпина сулит такие блестящие перспективы русскому либерализму. Запомним одно—ему по дороге с авторами этого закона, и его надежды—в победе их над народными стихиями.

КАДЕТЫ И НАЧАЛО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ [1]).

Гос. Думе как раз перед концом дней своих пришлось расхлебывать кашу, заваренную политикой «замирения» в области нашей университетской жизни.

Не зачем говорить о том, что возобновление студенческого движения на исходе первого пятилетия господства реакции,— не случайно, не оторвано от общего состояния страны и по своему симптоматическому значению стоит в ряду целого ряда других явлений, из которых важнейшее—оживление рабочего движения.

Либеральная печать затратила очень много места и времени на изыскания по поводу того, академический или же политический характер носит движение. Но все, что по этому поводу преподносили своим читателям и слушателям либеральные публицисты и ораторы,—лицемерная увертка от обсуждения общественного значения данного движения. Очень хорошо известно, что по представлению участников студенческого движения— вплоть до 1902 г.,—оно носило исключительно академический характер, но не менее ясно, и то, что—академическое, по заявлениям и пониманиям участников его—движение имело большое политическое значение. Подобное же значение имело и недавнее движение. Это г. Кассо понял гораздо лучше наших либералов. А раз так, то тем большее значение представляет ознакомление с отношением к этому движению различных политических групп: на основании их отношения к первому широкому проявлению демократического движения можно судить и об общеполитической позиции этих групп.

Либерализму очень хотелось свести обсуждение вопроса к чисто - формальным моментам: это позволило бы ему еще раз замаскировать свое отношение к существу движения, в то же

[1]) „Просвещение“, 1912 г., № 5—7.

время сохраняя за ним ореол защитника попранных прав демократической молодежи. Между тем—замаскировать свое действительное отношение к студенческому движению для либерализма было на этот раз очень важно: резко отрицательное отношение к движению, которое на деле характеризует нынешний третьедумский либерализм, ставит его в слишком натянутые отношения с широкими кругами буржуазного общества, конечно, гораздо больше сочувствующего «детям», чем «избавителям младенцев» в роде нынешних хозяев университета. Покуда вопрос шел о «перевоспитании молодежи», об отвлечении ее от «пагубных учений» социализма, до тех пор Изгоевы могли совершенно открыто писать свои памфлеты против молодежи: общество, «отцы» учитывали эту пропаганду, как поддержку своей постоянной, шкурными интересами подсказанной, проповеди благонравия. Но теперь вопрос шел уже не о «перевоспитании», а о тысячах пострадавших, и перенести заявления Изгоевых на трибуну в такой момент, значит, пожалуй, вызвать негодование не только «детей», но и «отцов». А, ведь, избирательная кампания на носу. Этим объясняется, что даже октябристы выпустили на трибуну Капустина, который в качестве «доброго папаши» ограничился тем, что, вполне по-обывательски, промямлил несколько слов о «сердечном отношении к молодежи», о ее хороших задатках и о том, что он просит для нее у полицейских приставов, занимающих университет, «милости и правды». Однако удержать прения на этом желанном для либерализма уровне помешал сам г. Кассо и его единомышленники—Пуришкевич, октябрист барон Черкасов и пр.

Г. Кассо прямо поставил вопрос о целесообразности, а не о законности своих мер, т. е. именно по существу отношения различных политических групп к начавшемуся движению.

Наблюдение за порядком в высших учебных заведениях, говорил министр, предоставлено автономным профессорским коллегиям. Но в университетах готовилась «революция», мы не могли доверить борьбу с ней профессорам и взяли эту борьбу на себя. Если при этом пострадал принцип автономии, то только потому, что автономия не оправдала наших надежд, как на активную силу в борьбе с университетской «революцией». Такова была защита г. Кассо целесообразности принятых им мер.

Эта постановка вопроса, естественно, встретила одобрение на правом крыле Думы.

Пуришкевич нашел, что меры министра—целесообразны, ибо «министр не может бездействовать в тот час, когда университет

охвачен революционной смутой». Октябрист барон Черкасов нашел эти меры и закономерными, ибо «министрам предоставляется право в обстоятельствах чрезвычайных действовать всеми вверенными ему способами».

Этот же октябрист выразил общую мысль охранителей достаточно рельефно, заявив: «До тех пор, пока не переведутся злонамеренные поджигатели, звание бранд-майора народного просвещения остается званием почетным и заслуживающим глубокого уважения». Это заявление должно быть поставлено на одну доску с решением дворянского съезда о том, что «ни одно новое высшее учебное заведение не должно быть создано, так как такое создание приближает страну к революции», и с соображениями г. Дурново, развитыми им в Гос. Совете, о вреде всеобщего народного образования.

При подобной постановке вопроса, конечно, лишь плохой шуткой могла звучать та обычная либеральная уловка, к которой прибег кадет Тесленко, сославшись в защиту университетской автономии и высылаемых студентов против г. Кассо на... Трепова и фон-Плеве. По справке кадетского оратора Трепов, товарищ министра, заведующий полицией, был за автономию, а директор департамента полиции В. К. фон-Плеве против высылок студентов. Почему же? Из той же справки вытекает, что Трепов защищал автономию «под влиянием событий последнего времени» (дело было в августе 1905 г.), и поскольку видел в ней оплот против дальнейшего развития этих «событий», а В. К. Плеве стоял против высылки студентов, ибо «уволенные студенты являют собой главный контингент, из которого крамола вербует своих деятелей». Кадетский оратор рекомендует эти мнения г.г. заведующего полицией и директора департамента полиции г-ну Кассо, как «результат и выводы из продолжительного опыта, теперь забытого».

Однако чему же учиться г-ну Кассо у Трепова? Тому ли, что при «известных обстоятельствах» даже г.г. заведующим полицией приходится становиться сторонниками автономий и не только ее, но и, хотя бы, принудительного отчуждения земли, за которое стоял тот же Трепов во время первой Думы?

Но г. Кассо знает это не хуже г. Тесленко, и не лучше ли было бы г. Тесленко, этому защитнику автономии, самому задуматься над словами Трепова и сообразить, почему это генерал Трепов в 1905 году создавал автономию, а профессор Кассо в 1912 г. уничтожает ее. Право, это не так уже трудно сообразить! Если бы г. Тесленко сообразил эту нехитрую механику, он,

пожалуй, перестал бы поучать г. Кассо полицейской мудрости, заимствованной им у Плеве и Трепова, и, может быть, нашел бы, что защищать университетскую автономию от Кассо ссылкой на Трепова не только недостаточно мало-мальски честного либерала, но просто... уж очень неумно.

Всякий беспристрастный историк без различия направлений скажет вам, что в истории революционного движения в России университетская молодежь играла значительную роль, а университетские забастовки были крупным фактором того движения, которое, между прочим, позволило г.г. Милюковым, Маклаковым и Тесленкам вознестись до ранга законодателей. Как же теперь оценивают г.г. либералы движение молодежи по существу? Чтобы не брать лакея либеральной мысли, Изгоева, а ее типичного и полноправного представителя, и чтобы, вместе с тем, сразу войти в атмосферу отношений либерализма к студенческому движению, возьмем статью, посвященную этому вопросу в «Ежегоднике» газеты «Речь»: она является как бы официальным исповеданьем кадетской веры по отношению к первому проблеску возрождающегося демократического движения. На странице 332 указанного издания «Речи» можно прочесть следующее: «Волнения вылились в бессмысленные и безумные формы забастовки. Движение 1911 г. не было серьезным движением, не имело корней в студенческой среде и потому оно сразу приняло самую губительную форму, — форму забастовки»... «Забастовка—самая дикая и самая ужасная форма студенческих беспорядков. Трудно даже исчислить тот вред, который приносила и приносит высшей школе эта форма борьбы. В ее истории она стоит наравне с университетским уставом 1884 г. (Из сего вытекает, что устав 1884 г. и борьба против него равноценны. О, глубина либеральной мудрости! Л. К.). Забастовка пагубно отражается на молодежи, приучая ее к безделью и внося в нее разврат... Моральная дезорганизация студенчества, как последствие забастовки... Впечатление на общество ничтожно, об общественном значении ее едва ли можно говорить»...

В сейчас цитированных словах очерчен весь круг мотивов, развитых затем с думской кафедры кадетскими ораторами. Никакого принципиального расхождения ни по поводу оценки самого «губительного» движения, ни по поводу необходимости мер против него между хозяевами положения и «лойяльной оппозицией» на лицо не оказалось. Первая же попытка более или менее широкого отпора политике «замирения» встретила в лице послед-

ней не союзника, а врага. Надо добавить, врага сознательного, рассчетливого, действующего лишь после того, как он взвесил все pro и contra. Либеральная организованная среда, с которой теперь пришлось встретиться студенческому движению, далеко не то разрыхленное либеральное «общество», которое в глубине души сочувствовало подобным движениям в предшествовавшую эпоху. Либерализм учел уроки 1905 г., организовался, выработал, наконец, свою систему взглядов и столь же решителен в своем отпоре демократии, как и реакция. Как бы для того, чтобы наглядно демонстрировать, до чего докатился либерализм, акклиматизировавшийся в 3-июньском парнике, выступил в рассматриваемых прениях г. Маклаков.

Его горячо сказанная речь заслуживает особого внимания. Он прежде всего упрекает власть за то, что она в 1905 году «умыла руки», предоставив профессорам бороться с «толпой, захватившей университет», а «профессора не могли сражаться с улицей». (Между прочим, значит ли это, что г. Маклаков упрекает «власть» в недостаточной боеспособности, проявленной ею в 1905 году?) Далее г. Маклаков переходит к критике... Кассо?—нет: самих профессоров. «Я думаю, что в деятельности автономных советов был один только коренной дефект. Они были слишком мягки. Возможно, что эта правда, что нужно было применить больше энергии, строгости, и, я бы сказал, жестокости... Профессора в некоторой наивности думали, что можно ограничиться моральным воздействием на студентов, что студенты успокоятся. Это была ошибка, министерству надо было приглашать советы больше пользоваться строгостью своей власти».

Далее г. Маклаков обращается с добрым словом... к пострадавшим жертвам политики г. Кассо? — нет: к п р а в о м у студенчеству. «Я ему очень сочувствую, я помню, как великий либерал Гладстон в молодости был одним из самых правых студентов. (Это все равно, что сказать: я очень не сочувствую левому студенчеству, ибо... из его рядов вышел г. Маклаков, или я очень не сочувствую марксистам, ибо... из их рядов вышел Изгоев.) Это может быть дорогое явление, если консерватизм убеждений был у молодежи с самого начала». Все это очень выразительно в устах либерала, как ответ на начало брожения в демократическом студенчестве, но это еще цветочки. Ягодки следуют. «С точки зрения государства можно было бы радоваться этой нелепой затее (повторение грандиозной забастовки), потому что эта попытка потерпела бы несомненное крушение. Для государства отрадно, если замышлявшийся бунт оказывается

комическим пуффом. Надо было... не закрывать студенческих собраний, а дать свободу противникам забастовки».

По поводу сих соображений мы позволим себе только два замечания. Во-первых, конечно, для государства отрадно, если «бунт» оказывается «пуффом». Ну, а если нет? И кто решит заранее этот вопрос? Кто решит, кто правильнее представляет себе будущее, г. Кассо или г. Маклаков? Во-вторых, тот метод действий, который рекомендует г. Маклаков, должен был напомнить г. Милюкову одну из его статей, писанных в 1906 г. Статья была посвящена признанию генерала Дубасова корреспонденту Times'а в том, что по отношению к московскому восстанию он практиковал принцип: laissez faire, laissez passer [1]). Подобная тактика характеризовалась тогда даже Милюковым, как тактика провокаторская, и откровенности генерала Мина отдавалось предпочтение перед тактикой адмирала Дубасова. Мы тоже отдаем предпочтение г. Кассо перед г. Маклаковым.

Таков ответ либерализма на тот вопрос, который поставили перед ним первые признаки возобновления демократического движения.

Этот ответ, между прочим, бьет прямо в лицо той схеме, по которой наша либеральная буржуазия должна явиться движущей силой процесса освобождения России от современной реакции. Послушайте, например, к каким выводам пришла в статье по поводу студенческого движения меньшевистская «Наша Заря». Взявши за исходный пункт заявление 65 представителей московской промышленности, заявление, дух которого очень точно отразился в сейчас приведенной речи г-на Маклакова, «Наша Заря» пишет: «русская буржуазия, после долгих лет затишья, все же сдвинулась, наконец, с места и... условия общественной жизни,—если не сегодня, то завтра,—должны потерпеть радикальное изменение» [2]).

Характерен уж этот знак равенства, поставленный между заявлениями в духе Маклакова и «радикальным изменением» условий общественной жизни не на сегодня, так на завтра. Дальше—лучше. «Упершаяся в тупик бюрократия, слепо вынужденная те-

[1]) Т.-е. тактику попустительства. Московский генерал-губернатор, адмирал Дубасов, пытаясь оправдываться в том, что прозевал подготовку декабрьского восстания в Москве, сказал иностранному корреспонденту, что он сознательно не принимал мер к предотвращению восстания, рассчитывая дать ему созреть и затем уже беспощадно подавить. Генерал Мин, упоминаемый ниже, стоял во главе карательного отряда, подавившего восстание и беспощадно расстрелявшего восставших рабочих. *Прим. к наст. изд.*

[2]) „Наша Заря“, № 2, 1911 г., стр. 97.

перь следовать директивам объединенного дворянства, сможет найти и противопоставить его безудержным претензиям, иную силу, способную положить им хоть некоторую преграду».

Вот картина, достойная российского ревизионизма (ликвидаторства—то ж). Либерализм изо всех сил доказывает «бюрократии»: мы вам не враги, а лишь предусмотрительные союзники. Выступает ревизионист и кричит: буржуазия сдвинулась с места, наступает радикальное изменение общественной жизни, бюрократия сможет противопоставить дворянству буржуазию, и... «русское общество стоит на пороге преодоления общественно-политической реакции» (там же). Не туда вы, господа, смотрите, не в том дело, что «бюрократия сможет противопоставить дворянству буржуазию», а в том, чтобы противопоставить и «бюрократии», и дворянству, и буржуазному либерализму силу народа. Дело в том, чтобы показать массам истинный характер «либерализма», который так близок к «бюрократии», что может быть взят ею в союзники. Вспомните-ка, что в истории бывала такая «буржуазия», которая противопоставлялась дворянству не в союзе с бюрократией, а в союзе с демократией. А в том, что либерализм наш принял такой характер, когда он не ждет ничего другого, как только быть принятым в союзники бюрократией—никакого «радикального изменения» еще не заключается. Чтобы видеть в этом «порог преодоления реакции», надо стать вполне на точку зрения либеральной политики.

Думские прения по университетскому вопросу дали нам всю гамму прогрессизма от октябристского центра (Капустин) до центра кадетского (Милюков) через октябристо-кадета или кадето-октябриста и во всяком случае умереннейшего Маклакова. И весь этот цвет прогрессизма единогласно свидетельствует, что «надежды»—позади, что «момент» прошел, что «ростки» мирного развития каким-то образом вырваны, хотя все они и «убеждали» и «умоляли» этих «ростков» и их «надежд» не трогать. Все они очень хорошо знают, чего не надо делать—не надо, конечно, ни реакции, ни революции,—но никто не может указать выхода, ибо продолжать «умолять»—не выход, и разрисовывать провокационную тактику Маклакова,—тоже не выход.

Не трудно распознать те три сосны, среди которых запуталось либеральное Пошехонье. «Общество настроено спокойно», «власть сильна», но (вот оно Маклаковско - Милюковско - Капустинское но), но вместо реформ—получается то, что «обещания манифеста взяты назад», «что политика вернулась в школу», что «мы вернулись к 1899 г.», что вместо обещанного эконо-

мического расцвета господствует экономический застой, что рабочие волнуются, и т. д., и т. д., кратко говоря, что во всех областях общественной жизни растет обострение вместо ожидавшегося замирения и притупления. И совершенно естественным последствием этого является то, что реакция начинает считать положение чрезвычайным и потому сама переходит и к мерам чрезвычайным, к соображениям не о «законности», а о «целесообразности», к тому «нажиму на закон», который легализировал ее покойный вождь, Столыпин, к той теории самосохранения путем государственных переворотов, которую выдвинули откровенные апологеты охранения устоев реакции во что бы то ни стало. А это, в свою очередь, плодит неудовольствие в той «прогрессистской» среде, где за «закон» хватаются тем охотнее, чем больше реальная жизнь с ее противоречиями рвет его. Когда жизнь на одном конце создает «таинственными руками» «беспорядки», а на другом «бранд-майоров», тушителей начинающегося революционного пожара, тогда «умолять» о «законности»,—значит расписываться в полном бессилии. Думский оратор-кадет, ведь, был недалек от истины, когда вложил в уста министру следующую защитительную речь: «были беспорядки; на войне, как на войне; некогда было с законами разбираться и разбирать, кто прав и кто виноват...» А если при этом получается упразднение университетов, то это так же логично, как то, что вместо народного представительства мы имеем III Думу, а вместо решения аграрного вопроса—закон 9 ноября.

Совершенно ясно, что вопрос идет о том, чтобы поставить реакцию перед невозможностью «разъяснить, как ей угодно» встречаемые ею препятствия. Ясно также — даже из слов кадетского оратора,—что если в такое именно положение реакция была поставлена в 1905—1906 г.г., то в 1907—1912 г.г. никакого действительного сопротивления реакционным «разъяснениям» кадетская оппозиция оказать не могла. Остается сообразить, в чем заключается разница между этими двумя эпохами, между 1905—1906 г.г. и 1907—1912 г.г., и понять, что пути «умеренного прогрессизма» уже изъезжены и всякий, пытающийся брести по ним, рискует встретиться тут с печальными тенями надежд Маклаковых и Капустиных на «мирное развитие»...

ИМПЕРИАЛИЗМ—ЗНАМЯ ЛИБЕРАЛОВ *).

Наконец-то дождались мы и по поводу избирательной кампании откровенного, правдивого слова либерала. Официальные руководители кадетской партии и их газета «Речь» всю свою предвыборную тактику построили на том, чтобы сгладить углы и грани, отделяющие демократию и либеральную оппозицию. Их лозунгом было два лагеря, борьба реакции и прогресса. Страхуя себя направо тесным союзом с «прогрессистами»—вплоть до «левых» октябристов,—кадеты пытались уверить левого избирателя, что в кадетской партии находится естественный центр притяжения всех «левых». Эта формула «двух лагерей» оказала известное влияние и на последних. Трудовики, отказавшиеся на своей конференции и отказавшиеся теперь в статьях г. Водовозова, выдвигать вперед—несомненную, будто бы, и для них—контр-революционность кадет, несомненно, действуют под гипнозом мысли о «двух лагерях». Тот же тон слышится и в избирательной тактике меньшевиков, которым «Звезда» неоднократно уже ставила вопрос «2 или 3»?.. Простым повторением кадетских предвыборных лозунгов прозвучала и формула беспартийных «Запросов Жизни»: объединение оппозиции в таком виде, чтобы центр занимали кадеты, а вокруг них—справа и слева—сплотились вспомогательные отряды из «прогрессистов» и «левых» (расчет мог быть, конечно, только на трудовиков и меньшевиков) [1].

Кадеты могли только радоваться тому, какие успехи делает их формула «двух лагерей» в среде «левых» и с удовольствием наблюдать нападение и «Запросов Жизни», и «Живого Дела»,

*) „Невская Звезда", 1912 г., № 12 от 10 июня.

[1]) „Трудовики"—партия Керенского. В. В. Водовозов—один из лидеров этой партии. Журнал „Запросы Жизни" был органом интеллигенции „левее кадетов", типа Кусковой и т. п. Меньшевики имели своими органами „Живое Дело" и „Наша Заря", выходившие под руководством Мартова, Дана и т. д.

и «Нашей Зари» на «Звезду», заявившую с самого начала, что борьба будет вестись не между двумя, а между т р е м я лагерями: реакцией, либерализмом и демократией и что, поэтому, борьба с либерализмом должна быть одним из основных элементов избирательной кампании рабочего класса.

«Русская Мысль» в специальной статье, посвященной оценке партий на будущих выборах, принесла полное подтверждение правильности позиции, занятой «Звездой» и быть может наибольшее разоблачение официальной кадетской лжи, соблазнившей нетвердые в демократической политике элементы левых групп и партий.

Вот что говорится в указанной статье:

«Практический интерес выборов в IV Г. Думу сведется к борьбе за преобладание между право-националистско-октябристским блоком и кадетско-прогрессистской коалицией. Идейно же борьба будет вестись, во-первых, между дворянским черносотенным национализмом и конституционно-демократическим империализмом, и, во-вторых, между этим последним и революционными настроениями».

Мы обращаем усиленное внимание всех демократов на сейчас цитированные слова (кстати сказать, находящие полное подтверждение в выступлениях г. Милюкова на страницах петербургских кадетских органов). Они важны во многих отношениях.

Во-первых, здесь с откровенностью, достойной всяких похвал, право-октябристскому блоку противопоставляется уже не просто конституционно-демократическая партия, а «конституционно-демократический и м п е р и а л и з м». Этот термин «империализм», поставленный рядом с официальным именем либеральной партии, подводит итог и вскрывает смысл всей «прогрессистско-кадетской коалиции». Он знаменует, что эта коалиция, приветствованная и на страницах «Запросов Жизни» и на страницах «Живого Дела», заключена на основе полного отказа от всяких остатков и следов демократизма, во имя империализма. Теперь уже не может быть сомнения, что кадетско-прогрессистская «коалиция», выступающая против право-октябристского блока, есть торжество собственническо-империалистских тенденций левого октябризма и мирнообновленчества над былыми элементами демократизма кадетской программы. В прогрессивном блоке мы имеем дело с анти-демократическим союзом буржуазных империалистов. Демократизм, даже «демократизм» ка-

детский, уходит на задний план, совсем исчезает, а на первый план выдвигаются контр-революционные черты умереннейшего конституционализма.

Борьба налево—должна стать при подобных условиях неотъемлемой чертой прогрессивно-кадетского блока. И, поэтому, совершенно естественно, что откровенные защитники новой комбинации не скрывают, что активная борьба с «революционными настроениями явится важнейшей чертой приближающихся выборов».

«Империализм», выдвинутый как знамя кадетского блока, реально ничего другого при данных условиях и не знаменует, как только откровенное признание подчинения либерализма интересам крупной буржуазии и его стремления к активной борьбе с демократией.

«Империализм» знаменует переход на почву гучковщины, содержит обещание согласованной работы с Гучковым в комиссии «государственной обороны», ставит либерализм на услужение Крестовниковым и Рябушинским. Все выступления Милюковых по вопросам внешней политики были только подготовкой «либерального» империализма, которому поверили бы и сановные петербургские верхи и московские миллионы. «Вырывать Думу из рук реакции» в пользу либералов значило бы сейчас передавать ее в руки империализма, клейменного московскими биржевиками и петербургскими «шептунами».

«Империализм», в данном случае, есть только иностранным словечком выраженное признание либерализма в своих контрреволюционных задачах.

Общественный смысл союза кадетизма с прогрессизмом выражен этим словом великолепно: оно указывает на то, что союз направо должен был неизбежно сопровождаться провозглашением лозунга борьбы налево.

Демократия должна сделать свои выводы. Недопустимой политической изменой звучат теперь слова трудовика г. Водовозова о том, что «трудовики» считают крайне нетактичным слишком много говорить о контр-революционности «кадетв».

Демократия должна принять к сведению и руководству откровенное признание либерализма: «Идейно борьба будет вестись, во-первых, между черносотенством и контр-революционным либерализмом, и, во-вторых, между последним и революцией».

Для демократии «идейная» борьба на данных выборах будет играть доминирующую роль. Если из этой борьбы демократия хочет выйти с честью, она должна немедленно покончить с

точкой зрения Водовозовых, немедленно отрешиться от гипноза обманной кадетской формулы «о двух лагерях» и о кадетском центре, поддерживаемом «гибким левым флангом»—по формуле «Запросов Жизни»,—и стать в решительную боевую позицию по отношению к «кадетско-прогрессивному империализму». Для демократии это единственный путь выполнения ее задач. Должен быть сделан решительный поворот. Мечты о кадетском «центре» должны быть заменены в сознании всех демократов работой над сплочением вокруг единственного решительного противника империалистического прогрессизма, вокруг последовательной рабочей партии.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ Г. МИЛЮКОВА *).

Деп. Чхенкели был совершенно прав, назвав речь г. Милюкова по внешней политике—речью «заместителя министра иностранных дел». Но, осветив в этом своем «качестве» внешнюю политику царского режима, г. Милюков, кроме того, показал еще и то, чего можно ожидать от него тогда, когда он будет выступать уже не в качестве заместителя, а в роли доподлинного представителя внешней политики грядущего либерального министерства русской буржуазии. Г. Милюков не только защищал внешнюю политику режима дворянской реакции, он раскрыл и планы режима буржуазного империализма. Его речь, поэтому, вдвойне интересна и заслуживает особого внимания русской и, пожалуй, не только русской, пролетарской демократии.

Г. Милюков защищает территориальные планы Болгарии от Сербии. Мы неоднократно говорили уже в «Правде», что задача подлинной демократии России не в том, чтобы поддерживать аппетиты болгарских династий и буржуазии против аппетитов сербских, или сербские против болгарских, а в том, чтобы помочь балканской демократии разрушить и те и другие своей борьбой за федеративную балканскую республику [1]).

Теперь останавливаться, поэтому, на этой части речи г. Милюкова мы не будем.

Важна другая сторона дела. Как защищает г. Милюков болгарские планы?

---

*) „Правда“, 1913 г., № 139 от 20 июня.

¹) Начиная с 1912 г. в „Правде“ печатался ряд моих статей, посвященных указанной теме (например, „Балканский пожар“, „Балканские повстанцы“, „Война“, „Борьба за Адрианополь“, „Скутари“, „Балканы, война и Европа“ в №№ 96, 97, 125, 203 за 1912 г. и №№ 89, 135 за 1913 г. и т. д.). Статей этих в данном сборнике я не перепечатываю, ограничиваясь выше напечатанной статьей „В тисках противоречий“ и помещенной в конце сборника статьей „Славянство и пролетариат“, посвященными той же теме.

Равновесие,—говорит он,—на Балканах все равно уже теперь нарушено, ибо Болгария сильнее всех других балканских государств. И тут он переходит к действительному центру своей речи.

«Сила Болгарии, несомненно, выгодна для России, но она выгодна и для Сербии, если Сербия с Болгарией захочет совместно осуществлять свои дальнейшие национальные задачи».

В чем дело? Вот в чем. Национальные задачи Сербии—полагает Милюков—еще далеко не разрешены. Для их осуществления Сербии потребуется сильный военный союзник, а таковым может быть только Болгария. Поэтому Сербия не должна отталкивать Болгарии своими претензиями в Македонии.

Нельзя сказать, чтобы все это рассуждение было для сербов очень убедительно. Однако, смысл его ясен. Г. Милюков предлагает Сербии отдать Болгарии Македонию для того, чтобы обеспечить себе в лице Болгарии союзника при осуществлении нерешенных еще сербских «национальных задач», т.-е. при войне с Австрией [1]).

Война с Австрией, а, следовательно, и с Германией—вот к чему направлена вся мысль г. министра иностранных дел русской буржуазии. Во имя войны с Австрией, он требует уступок от Сербии и поддержки от России для «сильной Болгарии».

Вот почему «сила Болгарии выгодна для России».

Год тому назад русский либерализм на все лады воспевал «славянство», мобилизующееся против Турции. Теперь все яснее становится, что для либерализма дело было не столько в «освобождении славянских братьев» от турецкого ига, сколько в подготовке из этих «братьев» орудия борьбы русского империализма против Австрии. Теперь идет явное науськивание балканских славян против «немца», как раньше шло науськивание против «турка». Война с Австрией и Германией становится для русского либерализма тем «патриотическим» делом, которое должно вызвать его из теперешнего политического небытия.

---

[1]) Как известно, разразившаяся ровно через год после написания этой статьи мировая война началась столкновением именно между Сербией и Австрией. Провокационная роль, сыгранная русскими буржуазными партиями в этом столкновении, теперь уже ни в ком не вызывает сомнения. Для нашей партии эта роль русской империалистской буржуазии и, в частности, роль г. Милюкова была, однако, ясна задолго до начала военных столкновений.

Таким образом, свой собственный план военной авантюры—как известно неизбежный признак «государственности»—у русских либералов уже есть. А вот дана ли им будет власть этот план осуществить? Русский рабочий класс должен позаботиться, чтобы рассыпались прахом не только авантюристские планы реакции, но и планы военных авантюр, питаемые русской либеральной буржуазией и ее будущими министрами, в роде г. Милюкова.

РАЗОРВАННЫЙ ДОГОВОР *).

Речь лидера «Союза 17-го октября» не явилась неожиданностью. И сила, и значение ее не в том, чтобы она загремела, как гром из ясного неба. На русском небе гремят сейчас громы погромче гучковских речей... И не в том ее значение, что она, будто бы, приоткрывает дорогу для новых думских комбинаций, о чем с таким вожделением и уже издавна мечтают кадеты. Значение ее в том, что она определяет политическое самочувствие крупной русской буржуазии на исходе эпохи контр-революции и при первых шагах нового подъема.

В речи Гучкова дана политическая автобиография той группы русской буржуазии, которая, прежде всего, повернула к неприкрытой реакции и дольше всего держалась за этот союз. Буржуазные партии редко любят вспоминать свою собственную историю: эта история неизбежно полна прыжками, предательствами, позорными сделками и поражениями. Ничего другого не представляет и история партии октябристов. И если Гучков счел нужным обратиться к собственной истории, то для этого были достаточные причины. Основная из них—как бы это ни показалось парадоксально—рост рабочего движения. Уста октябристского лидера разверзлись под влиянием массовых политических стачек, вот уже полтора года потрясающих Россию и накладывающих свой отпечаток на всю ее политическую и общественную жизнь.

Почему же стачки русских рабочих могли сыграть такую роль в сознании русской буржуазии?.. По той причине, что они нарушили ту схему развития русской политической жизни, которая определила политику русских буржуазных партий.

Центральное место речи Гучкова заключается в следующих словах: «Оглядываясь на пройденный политический путь, мы

*) „Просвещение“, 1913 г., № 11, ноябрь.

должны признать, что попытка, сделанная русским обществом в нашем лице, попытка сближения с властью, попытка мирного, безболезненного перехода от старого к новому строю, потерпела неудачу».

Гучков говорит это не первый в рядах русской буржуазии. Уже несколько месяцев тому назад тема об «обнаружившемся бессилии русского конституционализма» и о «крушении надежд на мирное развитие» стала обсуждаться на страницах кадетских органов, как самая злободневная.

Заявление Гучкова имеет, следовательно, значение не новизны, а приобретает его потому, что устами Гучкова говорила в данном случае самая умеренная, самая реакционная, самая близкая к Пуришкевичам группа из тех «имущих буржуазных классов, которые всеми своими жизненными интересами связаны с мирной эволюцией государства».

Таким образом, к разочарованию в плодотворности политики, победившей 3-го июня 1907 г., в лице Гучкова присоединяется последняя из не-аграрных и не-бюрократических групп русского общества.

Но что такое была та политика, которая победила 3-го июня 1907 года?..

Это была политика теснейшего союза контр-революционного дворянства с контр-революционной буржуазией.

Гучков признал этот характер той политики, в которой он теперь разочаровался. Он сказал:

«В борьбе со смутой октябристы решительно стали на сторону власти... Октябризм явился молчаливым, но торжественным договором между исторической властью и русским обществом».

Этот договор дворянства и буржуазии не остался, однако, изолированной сделкой между двумя определенными группами: все русское либеральное, буржуазное общество—от кадетов до «беззаглавной» интеллигенции—в большей или меньшей мере (и скорее в большей, чем меньшей) приложило свою руку к этому договору. Вся политика либерализма в Гос. Думе была ничем иным, как выражением скрытой надежды на то, что этот блок так или иначе «вывезет». Россию. Октябризм был только наиболее последовательным выражением настроений и тенденций всего русского буржуазного общества, бросившегося после 1905 года в объятия реакции.

Третье-июньская система, оставившая власть в руках дворянства, но допустившая к ней и октябристскую буржуазию (в бо́льшем размере) и кадетскую (в меньшем) и ограбившая права

крестьянства и рабочих масс, явилась точным отражением этого «торжественного» договора. Но этот договор, как и следовало ожидать, если оправдал себя, то только в глазах дворянства. Он позволил ему оправиться от поражений 1905 года, залечить свои раны и вновь укрепить свои позиции. Он дал историческую отсрочку классу, приговоренному к смерти всем ходом общественного развития. Но буржуазии он ничего не дал: ни внутреннего спокойствия, ни внешней безопасности, ни расширения внутреннего рынка, ни завоеваний рынков внешних (не даром Гучков, представитель московского капитала, говорил не только о «внутренней катастрофе», но и о «постыдных поражениях, которые Россия понесла в течение балканского кризиса»).

При этих условиях вполне естественно, что буржуазия—пласт за пластом—начинает отваливаться от стержня всей системы, от дворянской реакции,—и заявляет при этом, что «договор разорван». Г.г. либеральные купцы забывают только, что иной договор гораздо легче заключить, чем разорвать. Договор, по которому наша русская буржуазия запродала себя в холопство дворянской реакции, принадлежит именно к этому типу. Результатом этого договора является известная система выборов в Думу, известный круг прав этой Думы, власть Государственного Совета, власть чиновничества. Буржуазия может сколько угодно провозглашать, что «договор разорван», но от этого ни на каплю еще не изменяется сила всех этих учреждений, обеспечивающих власть дворянства. История мстит за себя. Бросившись в объятия реакции, заключив с ней оборонительный и наступательный союз против народа, буржуазия своими собственными руками построила здание, которое давит и ее. Здание это, здание режима 3-го июня с его Думой, Советом и пр., ни на каплю не становится чище и просторнее от того, что г.г. строители переругались ныне между собой. Прав был, поэтому, нововременский публицист, написавший, что г. Коковцев может читать речь Гучкова безо всякой тревоги за свое пищеварение.

Для того, чтобы красивые слова о разорванном договоре не остались только красивыми и безвредными словами, буржуазные партии должны были бы начать срывать то самое здание, которое при их же помощи построено. Это значит, что история ставит перед ними задачу: от оппозиции тому или другому министру, тому или другому «правительственному курсу» перейти к борьбе с основами современного режима: с данным избирательным законом, с ограничением прав Думы, с правами Государ-

ственного Совета и т. д. Такова должна была бы быть минимальная программа той буржуазии, которая, действительно, стояла бы на почве разрыва с дворянской реакцией. Но г. Гучков говорит свою речь совсем не для того, чтобы провозгласить разрыв буржуазии с дворянством. Все высокие слова в этом духе были лишь купецким «запросом». Суть же сводилась к тому, чтобы еще раз попытаться «образумить власть»—«в этом,—объяснил Гучков,—наш последний шанс для мирного исхода из кризиса». Итак,—не борьба с Пуришкевичем и условиями его «засилия» в Государственном Совете, в Думе и в стране, а попытка «образумить» Пуришкевича; не расчет на собственную борьбу, а расчет на то, что Пуришкевич поумнеет. Буржуазная партия, которая видит «последний шанс» для себя в политическом уме Пуришкевича и его друзей, сама расписывается в своей собственной негодности.

Если первая часть речи Гучкова показывала, в какую тревогу повергнуты самые умеренные буржуазные слои крушением своих надежд на реакцию, то его выводы показали, что и сейчас эти слои остаются представителями самой трусливой, самой близорукой и самой предательской по отношению к народу политики.

Речь Гучкова показывает нам нашу буржуазию в момент нарастания нового кризиса и показывает ее политику сразу с обеих сторон. Она видит, что дворянская реакция неспособна предотвратить народного движения, и она боится этого движения пуще огня. Она, поэтому, становится реформистской. Она требует и ждет реформ от Пуришкевичей. Настоятельность ее требований и ее ожиданий прямо-пропорциональна темпу нарастания движения.

Это тревожное настроение среди буржуазии, равно как и ее реформистские потуги облегчают в большой степени работу просвещения широких масс. В этом смысле социал-демократией должны быть использованы в самых широких размерах все трения, все разногласия, все столкновения между контр-революционным дворянством и контр-революционной буржуазией... Чем шире при этом будет выяснен широким массам половинчатый характер буржуазного реформизма и его тактическое бессилие, тем скорее будет достигнута цель. А цель эта должна заключаться в том, чтобы масса трудящихся, вмешиваясь во всю общественную жизнь, освобождалась от какого бы то ни было влияния реформистских иллюзий буржуазии. Только при этом условии реформистские колебания буржуазии станут прелюдией нереформистских действий широких масс.

ЛИКВИДАТОРЫ.

ЧТО ТАКОЕ ЛИКВИДАТОРЫ? [1]).

(Ответ на вопрос).

I.

В № 11—12 «Нашей Зари» за 1910 г. помещена статья г. Евг. Маевского. Она озаглавлена: «Что такое ликвидаторство?». Тех, кто «надумал, выдвинул и поддержал это «новое слово» (ликвидаторство), автор упрекает в том, что они ни разу не дали точного и ясного определения того, какое содержание они в него вкладывают.

Это, конечно, неправда. В соответствующей литературе установлено совершенно точное и охватывающее вопрос во всей его широте,—т.-е. одинаково и с организационной и, что еще важнее, с идейно-политической стороны,—понятие, вкладываемое в слово «ликвидатор».

Ликвидаторами названы и называются сторонники новой партии. Стремясь к уничтожению старой партии рабочего класса, признавая ненужность и даже вредоносность ее, сторонники нового коллектива вполне естественно получили кличку ликвидаторов. Ибо нет ведь ничего более законного, как ревизиониста называть—ревизионистом, а ликвидирующего—ликвидатором.

Конечно, можно было бы найти кличку для сторонников нового общественного образования из другой сферы, хотя бы из сферы его тактики. И, действительно, их иногда—и по праву—

---

1) Журнал „Мысль“, № 3, февраль 1911 г. Разбираемая статья Евг. Маевского была напечатана в легальном меньшевистском органе „Наша Заря“. Евг. Маевский—видный меньшевик-ликвидатор, сотрудник всех меньшевистских изданий, во время войны—оборонец, после революции—сторонник коалиции с буржуазией, после октябрьского переворота—активный враг Советской власти, сторонник и участник вооруженной борьбы с ней на Восточном фронте. Надо иметь в виду, что „Мысль“ была нашим легальным органом и при писании статей надо было считаться с царской цензурой. „Мысль“, несмотря на всю нашу осторожность, была закрыта на пятой книжке. Прим. к наст. изд.

называют «легалистами». Но нет никакого сомнения, что чаще все же применяется и крепче укоренилось в общественном сознании имя ликвидаторов.

Думается, на это было и есть достаточно оснований.

Дело в том, что сторонники нового коллектива достаточно решительны, чтобы мечтать о новой партии и работать для ее созидания. Но вся история рабочего движения делает для них явно невыгодным прямой и откровенный разрыв со старой партией. Создавая новое, они предпочли бы, чтобы аудитории казалось, что они являются истинным хранителем старого, знакомого рабочим. Расчет этот — расчет не очень храбрых людей, конечно. Но этот именно расчет продиктовал «новаторам» ряд определенных практических шагов, а в области идейной совсем недавно толкнул их к столь неудачно закончившейся попытке присвоить себе «наследство» русских марксистов 80—90 г.г.

Как бы то ни было, отношение к «старому» марксизму и к традиционной «форме» его бытия—самое больное место строителей «нового», и совершенно естественно, что именно в это место должны были ударить те, кто в выяснении вопроса, в предупреждении рабочих видел лучший способ борьбы с новым врагом, точнее, новой формой старых заблуждений. И, конечно, только идейная трусость заставляет г.г. новаторов притворяться непонимающими того, какое содержание вкладывается в кличку «ликвидатор».

«Если для девяти десятых из тех, кто интересовался разговорами о «ликвидаторстве», быть может, и понятно, о к о м идет здесь речь, то понять, о ч е м идет речь, до сих пор оказывалось совершенно невозможно»,—пишет г. Евг. Маевский[1]).

Г. Маевскому до сих пор непонятно, о чем идет речь, хотя он хочет показать, что ему понятно, что здесь идет речь не столько о чем-нибудь, сколько о ком-нибудь. Мы должны сказать, что нам глубоко безразлично, о ком идет речь, о Карпе, Петре или Сидоре. Мы даже думаем, что вопрос о Карпах и Сидорах вообще никакого значения в этом деле не имеет и не имеет ровно постольку, поскольку за Карпами и Сидорами скрывается определенное общественное движение, созданное не той или другой личностью, а неизбежно возникшее в обстановке современной России. Вот об этом-то общественном исторически-обусловленном движении, пытающемся вылиться в определенную партию, и «идет здесь речь».

---

[1]) „Наша Заря“, 1910 г., № 11—12, стр. 47.

Но г. Маевский смотрит «глубже». Он высказывает подозрение, что «в основе спора не имеется никакой определенной идеи». Этого права—не видеть «идей»—мы у г. Маевского отнять не можем. Вопрос только в том, что заставило г. Маевского высказать свое соображение об отсутствии «идей» со стороны противников «новаторов»: действительно их отсутствие или умственная слепота г. Маевского. Ведь бывает так, что люди глохнут и слепнут по отношению к известным идеям. Можем заверить г. Маевского, что от этого прискорбного обстоятельства сами-то «идеи» не перестают существовать.

Так и в данном случае.

Г. Маевский поместил свою статью в «Нашей Заре». В том же № помещены ст. Маслова, Дана, Череванина, Мартова. Вместе с г. Маевским и г. Потресовым все эти писатели принимают участие в сборнике: «Общественное Движение в России в начале XX века». В среде марксистов этот сборник встретил к себе критическое отношение. Почему?..

«В этой книге,—писал один марксист, — прикрывшись еще марксистским знаменем, совершается работа выхолащиванья основных идейных положений русского марксизма—необходимая предварительная работа новой идеологии». «Освобожденная от своих противоречий политическая мысль авторов «Общ. Движ.»,—продолжал автор цитируемой статьи,—легко станет центром мобилизации европеизирующейся городской демократии... В русской общественности буржуазный демократ общеевропейского склада — новый тип. Процессу европеизации нашей «науки» и нашей крупной буржуазии соответствует процесс нарождения идеологии мелкой городской демократии. Интеллигент валит сюда отовсюду, но главный штаб этой интеллигентской группы неизбежно составится из людей, получивших европейскую выучку в школе марксизма,—конечно, «марксизма» оппортунистического... Понятие ликвидаторства шире, чем проповедь ненужности старой организации. Ликвидаторство—известная система политической мысли, а не только упадочное и бездейственное настроение, и это ликвидаторство является как раз той формой, в которой совершается теперешний исход побывавшей в с.-тии интеллигенции к новому формирующемуся идейному центру мелкой буржуазии, к новой прослойке либерализма» [1]). Первый том «Общ. Движ.», по поводу которого написаны сейчас приведенные строки, вышел около 2-х лет тому назад.

---

[1]) См. в этом сборнике, в части первой, статью: „Ликвидация идеи гегемонии", откуда и взята эта цитата.

Его разбор появился через несколько месяцев после выхода книги. Теперь сообразите, г. Маевский, имеете ли вы хоть какое-нибудь право вводить в обман своих читателей, заявляя, что до сих пор неизвестно, «о чем идет речь», когда говорят о ликвидаторстве. Нам кажется, наоборот, что в вышеприведенных словах более 1½ года тому назад дана характеристика ликвидаторства, как идейно-политического общественного течения, совершенно независимо от того или другого Карпа или Сидора.

Быть может, г. Маевский припомнит, кроме того, что по поводу основной статьи того же первого тома сборника счел нужным выступить Г. В. Плеханов, столь же определенно квалифицировавший точку зрения одного из редакторов сборника, как ничего общего с марксизмом не имеющую. Автор выше цитированных строк и Г. В. Плеханов принадлежали и принадлежат к различным течениям в русском марксизме. Они часто расходились по поводу тех тем, которым посвящено издание, редактором которого состоит г. Потресов и в котором сотрудничает г. Маевский. Однако это не помешало им дружно признать указанное издание органом распространения не-марксистских идей.

Пойдем, однако, дальше в скучной работе выяснения г. Маевскому, «о чем идет здесь речь».

Во 2-м томе того же сборника «Общ. Движение» напечатана статья Маевского, а рядом с ней статья Д. Кольцова «Рабочие в 1905—7 г.г.». Если бы г. Маевский поинтересовался, как отнеслись марксисты к этой, посвященной столь интересному вопросу, статье, он узнал бы, что они не замедлили указать на то обстоятельство, что ее автор подошел к оценке и описанию соответствующих явлений не с точки зрения марксиста, а с точки зрения, заимствованной им у российского либерализма[1]).

Мы думаем, что этих примеров покуда достаточно. Всякому ясно, что в основе того спора, который вели, ведут и будут вести с ликвидаторами их противники, лежит определенная идея.

«Идея» эта заключается в том, что г.г. ликвидаторы являются пропагандистами не-марксистских идей, что они являются знаменосцами тех групп, которые уходят от марксизма к либерализму. То, что в подобной оценке сошлись марксисты разных течений, подтверждает объективность этой характеристики. Но

---

[1]) Намек на помещенную выше статью: „Меньшевистский критик пролетарского движения“, которую нельзя было назвать в „Мысли“, чтобы не обнаружить связь этого легального журнала с нашим нелегальным „Социал-Демократом“ Прим. к наст. изд.

этого мало. Нет никакого сомнения в том, что ликвидаторство в этом именно смысле учтено уже широким общественным мнением. Можно как угодно относиться к «Речи» и «Русской Мысли», но надо, во всяком случае, признать в них органы определенных общественных групп, для того, между прочим, и существующие, чтобы учитывать в свою пользу процессы, протекающие в обществе. И, конечно, со стороны этих органов было, быть может, не совсем тактично пугать г. Потресова и г. Левицкого своими поцелуями, но нет никакого сомнения, что их приветствия работе этих писателей лишь выражали правильный учет общественного смысла работы последних.

Есть ли в России 1910 года общественное, более или менее широкое, течение, ликвидирующее марксизм, отрекающееся от старой партии, принципиально отстаивающее замену ее чем-то новым? Сам г. Маевский не может скрыть этого. Он пишет: «В период 1906—1909 года такой уход, или вернее, отход безостановочно совершается».

Был ли, однако, в этом «уходе» какой-нибудь общественный смысл, или же это просто разбредались по домам уставшие люди?.. Г. Маевский склоняется как бы к последнему пониманию.

«В этом процессе массового отхода, однако, до сих пор, при всем желании, нельзя было заметить ни малейшего присутствия идей, вокруг и около которых совершался бы этот отход»,—пишет г. Маевский.

Но мы уже знаем, что, когда г. Маевский не замечает «идей», это не значит еще, что их не существует. Он не заметил идей противников ликвидаторства; теперь он заявляет, что не заметил идей у людей, уходящих от марксизма. Странный публицист!..

По его, видите ли, мнению, для «уходящих» «не на чем закрепить свои настроения, нет новой притягательной для них идеологии».

Вот,—продолжает он,—«если бы русская буржуазия, пользуясь хорошим для нее временем, оказалась способной проявить себя, как влиятельная и организованная политическая сила, тогда этот отход непременно отыскал бы себе подходящую и боевую идеологию... Но так как до сей поры русская буржуазия, несмотря на все старания веховцев, не проявила еще такой силы... то этот массовый отход так и остался отходом, не превратившись в действительное дезертирство. Просто дезертировать оказалось некуда»[1]).

---

[1]) „Наша Заря“, № 11—12, стр. 49.

Утешительное рассуждение! Отход от марксизма есть. Общественные условия для дезертирства есть, но—вот беда—дезертировать некуда, нет притягательной идеологии... Положение! Однако, знаете ли вы, г. Маевский, что происходит обычно в таких условиях, и что произошло у нас в России в 1908—1910 г.г.? Происходит то, что, если нет соответствующей идеологии, то она создается, если нет готового убежища для «дезертиров», то они его воздвигают, если бессильны оказываются «вехисты» просто, то вырастают «вехисты среди марксистов».

Начинаете ли вы соображать, г. Маевский, что вы великолепно описали сами ту почву, которая породила ликвидатора, как общественное явление?..

Для буржуазии, соглашаетесь вы, наступили «хорошие времена». Но эти времена были бы слишком «хороши» для нее, если бы она могла их учесть в смысле прямого и непосредственного захвата в область своего влияния былой враждебной ей аудитории. Так не бывает, г. Маевский. Исторический процесс идет более сложными путями, чем те, которые рисуются вам. Русская буржуазия оказалась (и уж навсегда!) неспособной к прямому подчинению веховской идеологии чуждых ей общественных формаций и, прежде всего, рабочего класса. Но—это начало премудрости, г. Маевский!..—она оказалась (и еще неоднократно окажется) способной к косвенному воздействию на идеологов этих чуждых ей групп. Было бы исторической нелепостью, если бы «веховство» могло стать знаменем этих идеологов и этих групп. Но исторически-закономерно, что «веховство», апеллируя к среде с совершенно другими традициями, идейными навыками и пр., одевает соответствующую маску и в такой форме в известный момент получает возможность свободно разгуливать там, где нет места для «веховства» неприкрытого. Конечно, работа публициста была бы очень облегчена, если бы дело происходило так, как хочется г. Маевскому. Но, что делать?.. В нашем обществе срывание масок чуждых идеологий, пытающихся воздействовать на нашу аудиторию, остается одной из важнейших задач марксиста.

Проявлением влияния чуждой буржуазной идеологии на рабочий класс и является «ликвидаторство».

И кто понял, что влияние буржуазной идеологии вещь гораздо более сложная, чем простое перекочевание в кадетскую, скажем, партию, тот поймет, почему «Русская Мысль» имела полное основание сказать г.г. ликвидаторам: «в разной

среде, обращаясь к группам разных традиций,—мы делаем с вами принципиально одно и то же дело».

Посмотрите на г. Потресова, г. Маевский, и вы увидите, что не так уже неспособно «веховство» к идейным завоеваниям, хотя, конечно, г. Потресов—не «вехист». Он—вехист среди марксистов.

Есть люди, просто разошедшиеся по домам. Не о них речь. Но есть люди, уходящие от марксизма и ищущие новой идеологии, уходящие от рабочей партии и ищущие новой, объявляющие историческим «недоразумением» и «исконные концепции» «и «формы бытия» русского марксизма,—они есть база «ликвидаторства». Это общественное явление. Оно было констатировано давно, и с этой новой группой, пытающейся ныне оформить свою новую партию, и идет «спор».

И в самом же начале «спора» было указано, что с чем (а не кто с кем, г. Маевский!.. Это мизерно!..) столкнулось. «Ликвидаторство является формой, в которой совершается исход побывавшей в марксизме интеллигенции к новому формирующемуся идейному центру мелкой буржуазии, к новой прослойке либерализма». И, конечно, это движение не может не итти через ликвидирование марксистской идеологии и старой партии.

II.

Ликвидаторами мы называем тех, кто стремится к созданию новой партии, построенной на иных, на новых идейных и организационных основаниях. Идейный облик ее характеризуется тем, что в исконной идеологии русского марксизма она ликвидирует целый ряд основных положений (см. ст. Потресова в «Общественном Движении»), что в оценке событий недавней революции она незаметно сходит на точку зрения либерального шаблона (см. там же ст. Кольцова), что она воскрешает ряд положений «экономизма» и «Кредо» и вводит в свой идейный обиход целый ряд либеральных положений. Нам неоднократно приходилось указывать на эти черты ликвидаторства и придется не раз и подробно еще их иллюстрировать. Отметим, мимоходом, одно место, характерное для нашего публициста, умеющего так хорошо не замечать идей. Он полагает, что вопрос о гегемонии припутан к спору «ни к селу, ни к городу»... Буквально!..

Г. Маевскому небезызвестно, что, напр., статья Потресова в «Общ. Движении» или там же ст. Кольцова, или, скажем, по-

пытка другого сотрудника того же сборника, Мартынова, исследовать вопрос о судьбе идей первых русских марксистов, ни в какой степени не касались вопроса о ликвидации каких бы то ни было организаций, уцелевших в 1908 и последующие годы. А статья Потресова вообще-то не идет дальше 1904 года. Однако наличность «ликвидаторства» во всех этих статьях несомненна для всех тех, кто вообще признает, что «ликвидаторство» существует, как общественное явление.

Делаю последнюю оговорку, чтобы сказать, что, например, от г. Маевского трудно было бы ожидать подтверждения этого: но ведь вообще он не видит ликвидаторства.

О чем же шла речь во всех этих статьях?.. О гегемонии, г. Маевский, или точнее, о том, чтоб отбояриться от идей гегемонии. И, представьте себе, то, что в этих статьях не было ни слова о партийной организации в узком смысле слова, не мешало противникам «нового слова» видеть в их авторах типичных и законченных ликвидаторов. Почему?.. Потому, что ликвидация форм и ликвидация содержания взаимно связаны цельностью и единством того общественного течения, которому служит «ликвидаторство», потому, что ликвидация в области идей, как и в области «форм бытия», одинаково ведет к замене марксистской политики, марксистских оценок—буржуазной политикой, буржуазными оценками. В том, что этой связи не видит г. Маевский, нет ничего удивительного: он многого не видит. Интереснее то, что этой связи предпочитает не видеть и Л. Мартов.

Л. Мартов не может не знать, что во всем споре новаторов и их противников вопрос о «гегемонии» был самым тесным образом связан с вопросом о «формах партийного бытия». Не может он этого не знать хотя бы уже потому, что сам-то он старательно и систематически обходил в своих рассуждениях неоспоримый, бьющий в глаза, неоднократно подчеркивающийся факт совпадения линии ликвидации «гегемонии» и ликвидации «форм бытия». Обходил же он его потому, что—не в пример своим «неосторожным» коллегам,—чувствовал, что в неизбежной связи этих линий и скрыт залог неизбежного поражения и той и другой. Но именно, обходя это «скользкое место», Мартов свидетельствовал, что оно хорошо ему знакомо.

Дипломатические комбинации потому так часто и оказываются пустышками, что правда жизненных отношений немилосердно рвет тонкую паутину их лжи. Мартовские дипломатические «обходы» потому и оказываются недостойной словесной

игрой, что те реальные силы, на которые он опирается, безжалостно валят «прямиками», бессильные скрыть свою истинную природу.

Истинная же природа современного отхода от марксизма,—«веховства» среди марксистов,—и заключается в синтезе идейного и организационного ликвидаторства. Оно—едино и целостно по своей природе, хотя гарантия этого единства и этой целостности не в личной логике того или другого ликвидатора, а лишь в исторической обусловленности самого явления.

Проповедь «умеренности», характерная для ликвидаторства, не может касаться только «форм партийного бытия», не касаясь «содержания», «идей», между прочим, основной, определяющей идеи—гегемонии, и наоборот. Поэтому-то организационный спор и есть лишь одна из сторон «спора», изолировать которую от других его сторон, от всего вопроса в целом, может быть «выгодно» для «дипломатов», но отнюдь не рационально для интересов дела.

И, действительно, ликвидаторство в своих типичных представителях уже дало нам «сознательных выразителей» своей бессознательной логики. Г. Потресов, для которого ликвидация идеи гегемонии сливается с ликвидированием «подполья» в целостную систему новой идеологии; А. Мартынов, попытавшийся вымести идею гегемонии из самой истории русского марксизма; г. В. Левицкий,—с его практическими планами нам придется еще встретиться ниже,—заявивший «*не* гегемония, *а* классовая партия» [1]); Ан., [2]) автор статей в грузинской ликвидаторской газете, признавший причиной поражения общественного движения то (прискорбное...) обстоятельство, что «во главе его стоял пролетариат»; Л. Герасимов, утверждающий [3]), что «ликвидаторы отказываются от «гегемонии» в общенациональной борьбе», от «роли вождя в ней»...

Как быть Л. Мартову со всеми этими своими ближайшими единомышленниками и сотрудниками по «Общ. Движению», «Нашей Заре» и пр.? Признать их всех людьми непоследовательной мысли, случайно споткнувшейся на одном и том же месте? А воплощаемое ими единство ликвидации «формы» и «содержания» персональным достоянием каждого из них в отдельности?

---

1) „Наша Заря“, 1910 г., № 7, стр. 103.

2) Ан.—псевдоним Ноя Жордания, меньшевика, впоследствии главы меньшевистского правительства буржуазной республики Грузии и ярого врага Советской власти, входившего в соглашение с Деникиным для совместной борьбы с большевиками. П р и м. к н а с т. и з д.

3) „Киевские Вести“, 1910 г., № 317.

С точки зрения дипломата, призванного охранять персоны своих сотрудников, конечно, так, именно так. И посему Л. Мартов пишет [1]:

«Когда Е. Маевский заявил, что «гегемония» к организационным вопросам припутана «ни к селу, ни к городу», «Звезда» обиделась и сослалась на Л. Герасимова, который в «Киевских Вестях» написал, что «гегемония» сыграла свою роль. Но речь идет вовсе не о том, как тот или другой писатель смотрит на гегемонию в прошлом и будущем, а о том, какая связь между той или иной оценкой «гегемонии» и взглядом на желательные формы политической организации». Этой связи противники ликвидаторов «не установили и установить не могут», по мнению Л. Мартова.

Вот лучший образчик того, насколько заглавие статьи Л. Мартова — «Литературщина против политики» — действительно соответствует ее содержанию. Что это, как не попытка отделаться от вопроса при помощи отказа рассмотреть политический смысл заявлений того или другого писателя или целой группы их? Евг. Маевский, Л. Герасимов пописывают о «гегемонии» и ликвидаторстве; читатель должен почитывать,—так рассуждает Л. Мартов. Всякая же попытка рассмотреть эти писания с политической точки зрения—будет уже покушением на «литераторские» права писателей, покушением, которое может быть продиктовано лишь «обидой».

«Речь идет вовсе не о том, как смотрит тот или другой писатель на гегемонию в прошлом или будущем»... Нет, именно об этом, почтенный дипломат, именно о том, как смотрят г.г. Потресовы, Левицкие, Маевские, Мартыновы и все прочие сотрудники «Нашей Зари» на «гегемонию» в прошлом и будущем, именно о том, как эти свои взгляды эти писатели связывают со своими взглядами на «желательные формы» организации. «Связь не установлена», «вопрос о гегемонии припутан ни к селу, ни к городу»,—пишут Мартовы и Маевские... Неправда!..

Уже вышеприведенные цитаты свидетельствуют, что, если говорить о «припутывании», то вопрос о гегемонии «припутан», самими «новаторами»; но дело в том, что вопрос не «припутан», а поставлен жизнью. С точки зрения определенного взгляда на гегемонию только и возможно подведение итогов, учета опыта, вообще уразумение недавнего прошлого. На известный взгляд на гегемонию опираются все тома «Общ. Движения». Уже поэтому тот или другой взгляд на гегемонию должен входить решающим моментом в определение тактики сегодняшнего и завтрашнего

---

[1] „Наша Заря", 1911 г., № 1, стр. 50.

дня. Мало того. Вопрос о гегемонии и независимо от этог есть определяющий вопрос в каждодневной, сегодняшней так же. Когда В. Левицкий в той же «Нашей Заре приходит к формуле «не гегемония, а классовая партия», как думает Л. Мартов, припутывает ли он «ни к селу, ни к городу» вопрос о гегемонии или только дает общее выражение своей тактической линии, которая должна будет сказаться в каждом шаге практического поведения на любом месте общественной арены?..

Словечко о «припутывании» дает только возможность Л. Мартову отмахнуться от действительного обсуждения конкретных вопросов жизни, дает желательный предлог от столкновений различных течений в практике движения уйти в область догадок о злокозненных лицах, своей «борьбой с ликвидаторством» нарушающих «общественное спокойствие и порядок».

Ибо вся «философия истории» и сводится для Л. Мартова к противопоставлению данного будто бы единства практики и злокозненности тех или других лиц, отстаивающих в форме «борьбы с ликвидаторством свои узко-кружковые и попросту личные интересы» [1]).

Слишком много чести приписывать нам способность ради тех или иных «интересов» и вопреки «единству» практики завертеть более, чем на два года жизнь русских марксистов вокруг нарочито выдуманных вопросов,—могли бы ответить эти лица Л. Мартову и П. Аксельроду, в писаниях которого (см. тот же № «Нашей Зари»). это своеобразное приложение «теории героев» к истории движения нашло свое полное завершение.

«Это (борьба с ликвидаторством),—пишет Л. Мартов,—борьба изжитого вчера против неизбежного завтра. Борьба кружковой формулы против исторической необходимости классового движения», борьба кружковым путем выработанной формулы против жизненного процесса [2]).

Увы, все это было бы очень хорошо, если бы под этими фразами не скрывалась пошлейшая апелляция к элементарности движения от вопросов, уже выдвинутых сложностью той обстановки, в которой оно развивается. Все это было бы хорошо, если бы эти пустейшие фразы имели какой-либо другой смысл, чем тот, который вложен в них их постоянным употреблением ревизионистами против ортодоксов. Оппортунизм

---

1) „Наша Заря“, 1911 г., № 1, стр. 53.

2) „Кружковой формулой“ ликвидаторы называли всю совокупность взглядов на задачи революционной пролетарской партии, которые отстаивали в борьбе с меньшевиками большевики в 1908—1914 г.г. Прим. к наст. изд.

всегда, везде и постоянно объявлял «формулу» кружковым измышлением, противопоставленным «жизненным» потребностям движения, всегда видел в себе представителя «высших форм» движения, преодолевающих закрепленное в «формуле» «изжитое вчера», и всегда разводил руками, всегда утешался ссылкой на «неразвитость» плебса, когда действия последнего оказывались на одной линии с давно похороненной «формулой».

Речи эти мы слышим уже с 1903 года. П. Б. Аксельрод совершенно прав, когда напоминает про этот момент в своем рассказе о борьбе с «кружковым марксизмом», «противопоставленным» жизненным интересам классового движения.

И, однако... Читатель разрешит мне напомнить, как оценивается судьба этого «кружкового марксизма» на страницах той же «Нашей Зари». В 1910 г. в № 7, на странице 93, «Наша Заря» писала: «До 1905 года, да, за немногими исключениями, и после, большевики имели большое влияние на массы... Можно сказать, что, поскольку рабочее движение в России шло скорее под знаменем стихийного революционизма рабочих масс, чем в качестве политически сознательного классового движения, постольку большевики были более точными выразителями этого движения». Мы не входим в какие-либо суждения по поводу сделанной выписки, указывая лишь на поистине странную судьбу «кружковых формулах», констатируемую этими словами. А они не случайны, от этого вывода не может отделаться и многотомная история «Общественного Движения».

Мы не знаем, конечно, кто или что в будущем будет объявлен причиной столь странных судеб «кружкового марксизма»: стихийность ли и неразвитость масс или что-либо другое, но имеем полное право спокойно смотреть на потуги Мартовых и Аксельродов констатировать противоречие между запросами и ростом движения и «кружковой формулой». Литераторские увертки и беспринципность не смогут предотвратить того факта, что какому-нибудь Левицкому придется вновь и еще раз констатировать совпадение основных линий движения и «кружковых формул» [1]). Нет, поэтому, ничего более фальшивого, как маска защитников «политического содержания» движения, старательно натягиваемая на «ликвидаторство» Мартовым.

---

[1]) Это предсказание оправдалось очень быстро. Как только спор между ликвидаторами и антиликвидаторами был вынесен на суд самих рабочих, ликвидаторы сами же должны были констатировать, что антиликвидаторство оказалось не „кружковой формулой", а истинным выражением подлинного массового движения. Интеллигентской же выдумкой оказались схемы ликвидаторов. Прим. к наст. изд.

III.

Столкновение различных «содержаний» отражается, как мы видели, и в спорах о «формах партийного бытия». К откровениям г. Маевского на этот счет мы переходим.

Предупреждаем читателя, что в этой области мы считаем совершенно достаточным простое констатирование фактов. Поэтому, в дальнейшем мы ограничимся простым цитированием того, что уже напечатано в «Нашей Заре», в 11—12 книжке за прошлый год, воздерживаясь от каких-либо обсуждений по существу вопроса [1]).

Г. Маевский пишет («Наша Заря», № 1—12, стр. 55): «Вначале меньшевистское течение пыталось помочь беде, реформируя организацию изнутри». «Косность существующих организаций в конец затрудняла реформаторство. Тогда от реформирования изнутри, т.-е. от изменения форм организации, перешли к реформированию методов самой работы». Это достаточно ясно. Но послушаем дальше. Оказывается, что тогда еще,—когда только начинали отказываться от реформирования «изнутри»,—мысль многих наталкивалась на то, «что никакое живое партийное дело несовместимо с существующей организацией». Ну, а у кого мысль на это «наталкивалась», тот, естественно, должен был сделать вывод, который и делает г. Маевский, вместе со всеми ликвидаторами: «тот необходимо должен был уйти и поискать другого, более соответствующего, места... тот должен был убежать оттуда, где скована была всякая инициатива, всякое творчество и всякие искания (там же, стр. 58).

Последние слова—глубоко прочувствованы и, несомненно, глубоко искренне выражают мучения «беглецов». Но эти вот «беглецы», любезный г. Маевский, и есть «ликвидаторы». Не нравится латинское слово,—возьмем русское и будем говорить о беглецах. Как ни называйте, суть одна, и она не нова.

Авторы «Кредо», г. Струве, г. Акимов и многие другие, в свое время бежавшие на «свежий» воздух, могли бы, пожалуй,

---

[1]) „Воздержание“, конечно, было продиктовано условиями цензуры. Ликвидаторы проповедывали создание новой, открытой, легальной партии и ради этого разрыв с старой партийной подпольной организацией. Мы же проповедывали сохранение подпольной организации партии, необходимой ради революционных целей, стоявших перед пролетариатом. Ликвидаторы, естественно, могли вести свою проповедь в легальных, цензурных изданиях. Мы же свою защиту „революционного подполья“, старой революционной организации и революционной программы партии могли вести только в нелегальных изданиях, ограничиваясь в легальной печати только намеками и цитатами... Прим. к наст. изд.

в выражениях менее поэтических, но более политических, определить причины своего бегства. Положим, они—эти причины—хорошо известны из дальнейшей истории этих... беглецов. Скована была всякая инициатива... в деле проповеди буржуазно-либеральных истин, всякое творчество... либеральных программ. всякие искания... в духе оскопления движения.

Как бы то ни было, г. Маевский бежал и теперь пишет свою статью, и отказывается понимать, «что такое ликвидаторство», и упрекает оставшихся в отсутствии идей и пр. не для того, чтоб кого-либо приглашать туда, откуда он сам ушел... по проторенной дорожке. Не для этого, конечно, а для того, чтобы звать к новой партии. Не менее ясно выражается товарищ г. Маевского по журналу, г. Левицкий.

В № 7 «Нашей Зари» он ставит вопрос: «Откуда же возьмется эта новая рабочая партия, если историческое развитие ликвидировало старую организацию?» Ответ, конечно, явствует из вопроса. Новая партия «возьмется» (если «возьмется») от прививки к некоторым слоям рабочих ликвидаторских идей, и хотя г. Левицкий не пытается оспаривать того, что было бы «экономнее» и «целесообразнее», чтоб переход к новой партии был «безболезненнее», происходил «посредством постепенного внутреннего преобразования партии»,—но на этот путь он не надеется. Тем паче, что, ведь, преобразовываться-то нечему: наша партия, оказывается, ликвидирована историей!..

Итак: бегство и разрыв—вот позиция людей, никак не могущих взять в толк: «что такое ликвидаторство»?

Как же будет выглядеть новая партия?.. И для ответа на этот вопрос есть достаточный материал в «Нашей Заре».

Тот же г. Левицкий обстоятельно сообщает нам в том же № «Нашей Зари», где помещена статья г. Маевского, что «в будущем рабочая партия может существовать и развиваться лишь на почве открытой политической деятельности, сообразно с изменившимися после 1905 года условиями» [1]).

Для г. Левицкого это, конечно, не положение из прописей в роде того, что человек не может существовать и развиваться без воздуха,—это руководящее указание для сегодняшнего дня. Открытая политическая деятельность на почве существующих условий—это план, достойный героя бесстрашной ликвидаторской мысли.

И, действительно, наш герой готов безбоязненно принять удары. По крайней мере, он заранее к ним готовится и прямо за-

[1]) „Н. З.“, 1910 г., № 11—12, стр. 60—61.

являет: «Нам скажут, что, рекомендуя ограничиться тем, что разрешает закон, мы...» (там же, стр. 66). Нам, положим, не важно знать предположения г. Левицкого о том, что ему скажут. Достаточно знать, что он рекомендует. Он, однако, не только рекомендует, но и грозит: «если русские рабочие не сумеют пойти по европейскому пути,—образования открытой рабочей партии и борьбы за нее,—то в будущем их ждут разочарования и поражения»...

«Образование открытой рабочей партии в пределах того, что разрешает закон»,—таковы слова г. Левицкого. По-моему этот откровенный проект хорош уж тем, что освобождает г.г. Левицких, Маевских, Потресовых и прочих от труда составлять для этой партии программу, выработать тактику и пр.—все это сделает за них «закон».

Читатель, быть может, подумает, что это автор этих строк выдумал и г. Левицкого и г. Маевского, одного, «идей» не замечающего, другого, вместо «идей» поставившего «закон», и с одинаковой ревностью допрашивающих: «где факты дел ликвидаторов или проповедь в этом направлении» (стр. 51 «Н. З.» № 11—12).

Но послушаем г. Левицкого дальше.

«Участие в выборах,—пишет он,—может стать исходным пунктом для возрождения, или вернее р о ж д е н и я рабочей партии в России... Все, достигаемые в процессе различных частичных выступлений, результаты и накопляемые элементы найдут себе применение, завершение и организационное закрепление в моменте выборов...» («Н. З.», № 11—12, стр. 67—68).

Мы не станем комментировать этих цитат. Читатель сам ответит на вопрос: существует ли ликвидаторство; имеет ли оно что-либо общее с марксизмом и его формами бытия; чего заслуживают те «дипломаты», которые замалчивают это явление и, прикрывая его, лицемерно кричат о «единстве» движения и о злокозненности и отсутствии содержания в борьбе с этим явлением?..

Мы же ограничимся только парой слов.

Для того, чтобы не оказаться безоружным перед этой попыткой мобилизовать известные элементы рабочих вокруг либеральных знамен, марксизм должен пристально следить за каждым шагом новой идеологии и, прежде всего, дать себе точный отчет в том «выхолащивании» марксизма, в том приспособлении марксизма к либерализму, в той ликвидации основных положений марксизма, которые представляют идейную базу «ликвидаторства».

МЕНЬШЕВИКИ РАЗРЫВАЮТ С РЕВОЛЮЦИЕЙ [1])

1. Принципиальные противоположности". Может ли г. Столыпин их примирить?

После поражения революции, особенно с 1908 г., начинается бегство из-под знамен Р.С.-Д.Р.П. Как и все ренегаты, люди, покидавшие старое знамя, наделали кучу нечистоплотных поступков и не обошлись без попытки забросать старое знамя таким количеством грязи, которое только способна была доставить им эпоха духовного обнищания и «веховства». Таков итог того, что мы видели на предшествующих страницах.

Но под какое знамя ушли они? Ибо мы говорим не о тех, кто совсем ушел с общественной арены. Те часто даже не трудились, уходя, оглянуться в сторону своего прошлого, и они нам совершенно не интересны.

---

[1]) В январе 1910 года пленум Ц.К. Р.С.Д.Р.П. сделал последнюю попытку удержать в рядах партии меньшевиков. Попытка не удалась. Меньшевики-ликвидаторы нарушили условия объединения и продолжали свои нападки на партию. К началу 1911 г. необходимость решительного разрыва с меньшевиками выяснилась для нашей группы окончательно. Тогда, по поручению нашей группы, была мною написана книжка „Две партии" (вышла в августе 1911 г. в издании „Рабочей Газеты" в Париже с предисловием т. Н. Ленина), задачей которой было подвести итог всей идейной и организационной борьбы между большевиками и меньшевиками за период 1907—1911 г.г. В то же время наша „Организационная Комиссия" в России работала над подготовкой партийной конференции, которая должна была организационно закрепить откол меньшевиков от нашей партии и восстановить организацию последней на новых основах. От этой конференции, состоявшейся в январе 1912 г. в Праге, и ведет начало новая эпоха возрождения нашей партии, очистившейся от меньшевиков.

Из вышеназванной книжки „Две партии" я здесь перепечатываю несколько глав, посвященных коренным разногласиям между нашей партией и партией меньшевиков, как они определились к тому времени. Внимательный читатель заметит, что взгляды меньшевиков на роль пролетариата в революции, на крестьянство и буржуазию, на значение революционной борьбы вообще, на перспективы хозяйственного развития России, высказанные ими в 1908—1910 г.г. и подвергнутые здесь разбору, предопределили всю их тактику в 1917—1922 г.г.

Дело идет об общественном, исторически-обусловленном течении, закономерность возникновения которого связана с основными процессами в России эпохи контр-революции. Это течение среди социал-демократии вполне соответствует тому течению среди русского либерализма, которое нашло свое выражение в «Вехах» и в «Русской Мысли» редакции г-на Струве.

Борьба бывших марксистов с партией революционного социализма в России в эпоху контр-революции имеет такое же общественное значение и имеет под собой такое же достаточное основание, как борьба социал-демократии с идеалистическим либерализмом бывших марксистов в 1898—1904 г.г., в эпоху подготовки революции, и борьба двух течений в самой социал-демократии в 1904—1907 г.г., в эпоху революционного кризиса.

Теперь не найдется ни одного грамотного человека из числа не совсем беззаботных насчет политических судеб России, который не сумел бы разглядеть за борьбой марксизма и quasi-марксизма в до-революционной, за борьбой большевизма и меньшевизма в революционной России—борьбы двух различных, враждебно-сталкивавшихся тенденций общественного развития.

Никто ныне не посмеет,—если не пожелает жертвовать своим званием элементарно-грамотного человека,—отмахиваться от вопросов, поставленных этой борьбой, под предлогом того, что эта борьба в свое время засорялась личными, случайными, формальными элементами.

Что же касается переживаемой эпохи, то провозглашение своего непонимания совершающегося разделения в среде социал-демократии—скоро, кажется, будет объявлено основной политической добродетелью всякого работника пролетарского дела.

Но если люди, дрожащие за свою добродетель, предпочитают закрывать глаза на протекающий перед ними процесс, то другие находят весьма выгодным для своих целей указывать, как на причину этого процесса,—на злонамеренность или злоказненность тех или других личностей. Если для «внефракционных» процесс отделения революционного марксизма от оппортунистического рабочелюбия в Столыпинской России есть только продукт разложения изживших себя фракций, то для г.г. Мартова и Аксельрода весь этот процесс есть лишь результат преступной политики... членов Большевистского Центра.

Гнетущая атмосфера контр-революции и придавленности массового движения создают среду, в которой идейная борьба, ясность и выдержанность принципов, определенность политической линии охотно обмениваются на леденцы сладкогласного

примиренчества, на слащавую «практичность», трепещущую столкновения идей.

Социал-демократическая мысль и социал-демократическая работа, разбитая в России на две струи всеми условиями буржуазной революции, не могла быть объединена репрессиями торжествующей контр-революции.

Вопросы, поставленные революцией,—глубоки и серьезны; вопросы, поставленные контр-революцией,—не менее глубоки и не менее серьезны, хотя и не допускают столь стремительного, как в революционную эпоху, перехода от теоретического к практическому ответу.

Контр-революция ставит серьезнейшие вопросы, но не дает условий для их быстрого решения на практике. Вот этой-то оттяжкой, которую внешняя сила контр-революции кладет между выработкой пролетариатом ответа и приведением его в исполнение, и живет «практицизм».

Так как не может иметь непосредственного значения решение вопроса о характере «текущего момента»,—то «практицизм» предлагает на этот вопрос совсем не отвечать.

Так как не может иметь непосредственного значения решение вопроса о гегемонии, то «практицизм» предлагает считать этот вопрос «пустяковеннейшим пустяком».

Так как пролетариат не может сделать непосредственного употребления из ответа на вопрос о тенденциях современного развития, то «практицизм» предлагает сей вопрос считать не относящимся до партийной работы социал-демократии...

И т. д., и т. д.

Бессловесные лишены неприятностей спора. Примиренчество, лишь превращая социал-демократов в бессловесных, действительно добивается своих целей. Но, в конце концов, не имея сил превратить в бессловесных мыслящих социалистов, примиренцы на самих себе показывают пример бессловесности (о, конечно, только по некоторым—важнейшим—вопросам: добейтесь-ка, например, от них ответа на вопросы, перечисленные выше!) [1]).

Вопросы, поставленные контр-революцией, сказали мы, глубоки и серьезны. Ответы, данные на эти вопросы различными группами, различными классами,—различны. Ответы, данные на них Р.С.-Д.Р.П. и ее врагами из бывших социалистов,—диаметрально противоположны. И в этом—и только в этом—причина

---

[1]) Это не мешает, конечно, им весьма высокопарным слогом излагать то, что уже стало бесспорным,—не без предварительных споров, конечно, от которых тоже воздерживался какой-нибудь их идейный предок.

того, почему рядом с Р.С.-Д.Р.П. возникла у ее врагов попытка и стремление к созданию новой враждебной ей партии.

Вчерашние члены партии вышли из Р.С.-Д.Р.П. и мечтают о создании другой партии (что вполне естественно, раз они хотят быть последовательными) потому, что данное партией решение вопросов, поставленных контр-революцией, их не удовлетворяет. Партия решает их с точки зрения революционного социализма. Они решают их в духе либерализма. Их ни перед чем не останавливающаяся борьба с Р.С.-Д.Р.П. ведется во имя либерального ответа на поставленные перед российским пролетариатом контр-революцией вопросы.

Заключительный, практический, конкретный вывод в борьбе бывших социал-демократов с Р.С.-Д.Р.П.—создание открытой рабочей (?) партии—есть лишь практический вывод из своеобразного, либерального решения вопроса о революции, о гегемонии, о соотношении классов в контр-революционную эпоху.

И именно потому, что этот вывод опирается на известное решение всех этих вопросов,—теория открытой рабочей (?) партии ликвидаторов не есть досужая фантазия того или другого политического авантюриста, которой можно было бы пренебречь, а крупное общественное явление, детали и частности которого крепко и неразрывно связаны с решением крупнейших вопросов жизни пореволюционной России.

Самый осторожный, самый туманный, самый ловкий и самый богатый на увертливые формулировки сторонник открытой рабочей (?) партии в России, г. Мартов, проговорился в № 13 «Голоса Социал-Демократа» следующим заявлением:

Нелегальная организация социал-демократических элементов, борющаяся за открытое (курсив г. М.) рабочее движение, т.-е. в том числе и за завоевание собственного открытого существования, есть, конечно, нечто принципиально (курсив наш) противоположное нашей старой партийной организации, как она сложилась к 1905 году».

К этой тираде стоит присмотреться внимательно. Нелегальная социал-демократическая организация 1910 года принципиально противоположна нелегальной социал-демократической организации до 1905 года. Сейчас приведенная цитата дает только один ответ на вопрос о корне этой принципиальной противоположности. Этот ответ состоит в том, что нелегальная социал-демократическая организация 1910 г. борется

за открытое рабочее движение и за завоевание открытого существования для себя. Очень хорошо. Но за что боролась принципиально противоположная организация, «как она сложилась к 1905 г.»?..

Беру программу этой организации и не без удовольствия убеждаюсь, что эта программа развивает следующие положения: Р.С.-Д.Р.П. ставит своей конечной целью социалистическую революцию. Она полагает, что эта революция недостижима никаким другим путем, как только путем развития широкого, открытого, массового движения рабочего класса и организации его в открытую самостоятельную политическую партию. Для всестороннего, широкого, открытого развития классовой борьбы пролетариата Р.С.-Д.Р.П. видит препятствие в современной социально-политической обстановке России, и, потому, стремится путем низвержения самодержавия изменить эту обстановку в направлении возможно большего расширения арены массовой и открытой борьбы пролетариата за социализм.

Беру далее—пропагандистские брошюры, газеты, листки и всюду вижу то же: Р.С.-Д.Р.П. борется за условия, при которых станет возможной открытая массовая борьба пролетариата за социализм. На каждой странице, в каждой брошюре то же: мы боремся с самодержавием во имя завоевания наивозможно более широких условий для открытой партии социализма, и полагаем, что эти условия будут тем шире, чем более активно вмешается пролетариат, как самостоятельная сила, в процесс окончательной ликвидации старого порядка в России.

Убедившись в этом направлении борьбы Р.С.-Д.Р.П. до 1905 г., в 1905 году и далее, я говорю себе: нет, принципиальная противоположность, которую г. Мартов устанавливает между Р.С.-Д.Р.П. и своей новой организацией не в том, что первая не боролась за «открытое рабочее движение и за открытое существование для себя», а вторая хочет за это бороться. Принципиальная противоположность—не в этом. Так в чем же?..

В том, что Р.С.-Д.Р.П. находила и находит открытое рабочее движение несовместимым ни с самодержавием до 1905 г., ни со столыпинщиной 1910 г., а новая организация г. Мартова исходит из предположения об их совместимости в 1910 г.

Это, действительно,—принципиальная противоположность!

В самом деле, если борьба за открытое существование есть, как полагала и полагает Р.С.-Д.Р.П., борьба за коренной переворот в «социально-политической обстановке» (чтобы употре-

бить выражение программы Р.С.-Д.Р.П.), то никакой принципиальной противоположности между Р.С.-Д.Р.П. и новой организацией г-на Мартова не получается. Эта противоположность, действительно, встает во весь свой рост, если допустить, что борьба за открытое существование, за открытое рабочее движение есть нечто принципиально отличное от этой борьбы за коренной переворот, если предположить, что «борьба за открытое рабочее движение»,—это одно, а политическая революция,—это другое. Так думает г. Мартов.

Правда, идея о совместимости открытого рабочего движения с режимом предшественников и наследников покойного В. К. фон-Плеве не нова. Этой мысли придерживались экономисты. Они полагали, что «невозможно ставить движению первой политической задачей—низвержение абсолютизма. Его первой политической задачей может быть только борьба за ближайшие политические требования, каковы: свобода союзов, стачек, собраний»... (Ответ редакции «Рабочего Дела», 1899 г., стр. 25).

Автор «Красного Знамени в России»—увы!.. г. Мартов,—следующим образом описывал результаты подобной постановки вопроса.

«Экономистам казалось, что окрепнувши и организовавшись в стачечной борьбе (мы теперь бы сказали, чтобы сделать все дальнейшее прямым нападением на г-на Мартова: в борьбе за частичные политические требования), рабочие смогут приобрести влияние на государственную политику, заставить правительство считаться с мнением рабочих так, как оно подчас... считается с мнением фабрикантов. А затем задачей пролетариата будет добиваться, чтобы это действительное влияние было закреплено в виде политических прав. (Слушайте, г. Дан). Стачки, например, станут сначала безнаказанными, а потом государство издаст закон, признающий стачки. То же с союзами и собраниями (слушайте, слушайте, редактора «Голоса Социал-Демократа» и «Нашей Зари»!..). Таким образом, задача борьбы за коренное изменение государственного строя отодвигалась вдаль, а в ближайшую очередь ставилось завоевание отдельных политических прав (ныне: право открытого существования) при сохранении власти в руках нынешнего правительства. Надежда на такой путь развития была неосновательна (именно! Л. К.), потому что пролетариат может приобрести хотя бы малое влияние на ход дел в государстве только опираясь на очень широкую политическую свободу, которой пользуется все население.

Эта надежда побуждала социал-демократов в своей агитации на место вопроса о политической революции, перемещающей государственную власть из одних рук в другие, говорить только о политических реформах, завоевываемых народом при сохранении старой власти. А это уже вредно влияло на развитие революционного духа в рабочих массах» [1]).

Г. Мартов прав в обоих случаях. Он был прав в 1903 г., когда указывал на вредоносность подготовки на место вопроса о политической революции политических реформ, при сохранении старой власти. Он прав, в 1910 г., когда указывает на принципиальную противоположность между Р.С.-Д.Р.П., и новой организацией, этот подмен совершающей. Разница лишь в том, что в 1903 г. он был на стороне Р.С.-Д.Р.П., а в 1910 г. на стороне пропагандистов «политической реформы». Но этакие «повороты»... бывают, и для г. Мартова они не новость [2]).

«Принципиальная противоположность» между задачами социал-демократической организации, «как она сложилась до 1905 г.», и современной организацией с легкой руки г-на Мартова стала общим местом, отправным пунктом рассуждений всех и всяческих оппортунистов русского марксизма. В теориях и писаниях «легальных марксистов», «Нашей Зари», «Возрождения» и «Дела Жизни», она получила дальнейшее выражение и полное развитие.

В том, что оппортунизм облюбовал эту демонстрированную г. Мартовым «принципиальную противоположность» нет ничего удивительного. Наоборот, это совершенно естественно. Надо только помнить, что эта «противоположность» есть не «противоположность» между задачами Р.С.-Д.Р.П. в 1905 и 1910 г.г, а неизбежная «противоположность» между Р.С.-Д.Р.П. и ее «экономическими» (1898—1903), оппортунистическими (1904—1907) и, особенно, ликвидаторскими (1908—...) противниками.

Есть ли сила, способная эту противоположность уничтожить?..

Нет, ее не могут уничтожить Столыпины с Курловыми, ибо именно различной оценкой, различным отношением к столыпинщине, к вопросам, выдвигаемым всем ходом контр-революции,—

---

[1]) Этих слов надо искать во 2-м издании указанной брошюры. Как известно 2-ые издания брошюр г-на Мартова отличаются от 1-х изданий тех же брошюр тем, что в них г. Мартов старательно вытравлял то, что их делало в первых изданиях характернейшими, „талантливейшими произведениями литературы экономистов“. Теперь г. Мартов, с помощью контр-революции, возвращается к их первоначальному тексту.

[2]) См. предыдущее примечание.

эта «противоположность» партии и ликвидаторства выдвигается и питается. Ее не может уничтожить и примиренчество, ибо никогда еще «принципиальные противоположности» в рабочем движении не уничтожались фразой, хотя бы и фразой о «единстве рабочего движения».

Каутский в своей последней работе: «О тактических направлениях в германской социал-демократии» недвусмысленно указывает на то, что «противоположность», между лассальянством и эйзенахством была вызвана ничем иным, как противоположностью их отношения к бисмарковщине, к бисмарковской «революции сверху», выдвинутой поражением «революции снизу» 1848 г. И там же читатель найдет указание на то, что сглаживание этой противоположности могло подвигаться вперед только по мере того, как дальнейшее развитие Германии под ферулой Бисмарка объективно уничтожало большинство тех вопросов, которые были поставлены «революцией и контр-революцией в Германии». Да и то говорить о полном уничтожении противоположностей не приходится: «противоположность», сказавшаяся в отношении к контр-революционным методам строительства Германской Империи (Великой Германии), лишь приняла другую форму (форму борьбы марксизма с ревизионизмом), когда бисмарковская постройка была в общем закончена и социал-демократии пришлось устраиваться в новом здании.

Постройка «Великой России» далеко не закончена, объективный ход развития далеко не решил еще вопроса о том, кто ее построит,—и потому в основе всех «противоположностей» в деятельности русских социалистов лежит еще принципиальное расхождение в отношении к нашей «революции сверху».

Противоположность между деятельностью марксистов и ликвидаторов-легалистов, между нелегальной Р.С.-Д.Р.П. и открытой рабочей (?) партией, между сторонниками и противниками идеи «гегемонии»—есть противоположность между революционно-пролетарским и оппортунистически-либеральным отношением к столыпинско-октябристской революции сверху. Чтобы убедиться в этом, достаточно откинуть в сторону мартовско-примиренческо-впередовскую «ложь во спасение» о том, что ликвидаторства вообще не существует, и заняться внимательным изучением этого важного и серьезного общественного явления контр-революционной эпохи. Надо отказаться от мысли рассматривать это явление, как ряд личных уклонений, индивидуальных ошибок, персональных измен. Дело и интереснее, и глубже, и значительнее.

2. Обновленный строй, буржуазия и пролетариат.

Г. Столыпин далеко еще не получил своей Садовой, а среди русских социалистов уже нашлись люди, готовые повторить слова Швейцера, по поводу этого события, которое определило дальнейшее торжество Бисмарка: «Решительные события совершились... Это не есть то решение, которого мы хотели, но это есть решение, а именно оно фактически существует».

Если в после-мартовской Германии вопросы ее дальнейшего развития заострялись на вопросе о национальном объединении, то для России эти вопросы заострены на вопросе аграрном. Если Бисмарк перебил революцию войной, то Столыпин может ее перебить лишь землей.

Нет, поэтому, ничего более логичного, как то, что перемена программы и тактики, рекомендуемая партии пролетарского социализма в России ликвидаторами, должна исходить из анализа изменений в области российской аграрной проблемы.

Честную попытку начать—как и следует—сначала мы имеем в работах Ларина, Череванина и некоторых других. Оценка современного положения в аграрной области явилась важнейшим моментом и тех—декабрьских 1908 г.—резолюций, в которых партия дала свой ответ на вопрос о «текущем моменте».

Но аграрная проблема есть только центр вопроса, но не весь вопрос в целом. Отказ от идеи аграрной революции или защита этой идеи накладывает и должен накладывать определяющий отпечаток на всю постановку социально-политической проблемы в России. Постановка же этого общего вопроса нас только и может здесь занимать.

В статье г. Мартова: «Ликвидаторство» и «перспективы» заключается следующее со всех точек зрения любопытное признание. Изложив мысль статей Ю. Ларина, заключающуюся в отрицании возможности революционной постановки вопроса о создании новой России, г. Мартов продолжает:

„В статьях некоторых меньшевиков (напр., Когана в „Образовании“ за 1907 г.) проводилась та же схема... Более или менее ясно, у этих меньшевиков мелькала мысль о постепенном, так сказать, органическом „вростании“ рабочего класса в ту „законную“ страну, которая получила начатки конституционного режима, о постепенном распространении третье-июньских привилегий буржуазии демократии“. (Жизнь“, № 1).

Чтобы смягчить горесть этого сообщения, г. Мартов торопится указать, что тот же отказ от перспектив демократической революции лежал в основе тех «более или менее синдикалистских» выводов, к которым приходили «наиболее отзовистские

из большевиков». Г. Мартов вынужден был здесь только повторить то, что с самого появления на политической арене отзовизма и ликвидаторства не перестает твердить большевизм и по поводу чего г. Мартов неоднократно делал большие глаза. Именно большевики утверждали, что отзовизм есть только ликвидаторство наоборот, ликвидаторство «слева».

Разница между г. Мартовым и большевиками заключалась в том, что, констатировав отзовизм в своих рядах, большевики немедленно порвали с ним, употребив все усилия на то, чтобы разъяснить рабочим не-социал-демократичность отзовизма, а г. Мартов лишь через четыре года после отмечаемых им самим статей нашел в себе благородную смелость упомянуть о существовании подобных тенденций в меньшевистской среде, и то упомянуть не для какой-либо принципиальной размежевки,—упаси, господи!—а лишь для того, чтобы заявить, что представителей этих тенденций ни в каком реформизме он, «разумеется», не подозревает.

Как бы то ни было, г. Мартов решил выдать головой своего сотрудника г. Когана, дабы отвлечь внимание от себя. Не будем, однако, торопиться с осуждением этого несчастного. Для того, чтобы не поддаться на удочку г. Мартова, достаточно задать себе вопрос: чем отличается Когановское «постепенное распространение третье-июньских привилегий буржуазии на широкие круги демократии» от «борьбы за легальность», которая, по Мартову,—по Мартову, а не по Когану,—есть «попытка низов» реализовать для себя те формальные и фактические уступки (привилегии), которые имущая «белая» кость (дворянство!) вынуждена будет делать имущей же «черной» (буржуазия!). («Возрождение» 1910, № 6, ст. г. Мартова, стр. 16).

На наш взгляд между этими формулами нет ни грана разницы. И если г. Мартов в 1910 г. повторил буквально формулу «вползающего в обновленную толмачевщину» Когана 1907 года,—то это совершенно недостаточная причина, чтобы отделять г-на Мартова от г. Когана.

В своей «Истории Германской С.-Д.» Меринг в главе, посвященной «раздорам между фракциями» говорит о том, что действительные различия» между лассальянцами, как Швейцер, и марксистами, как Либкнехт, заключались в том, «что Социал-Демократ» (орган Швейцера) вел свою оппозицию, исходя из признания Северо-Германского Союза, тогда как «Демократический Еженедельник» (орган Либкнехта) хотел разбить этот Союз вдребезги».

Как бы ни относиться к сравнительной оценке конкретной тактики Швейцера и Либкнехта, проникающей труд Меринга, достаточное подтверждение правильности вышеприведенных слов его находится в том заявлении Швейцера, которое он счел нужным сделать по поводу оценки Либкнехтом «революции сверху» в Северо-Германском Рейхстаге. Швейцер заявил, что «он сходится с Либкнехтом в оппозиции против внутренних порядков Северо-Германского Союза, но не в стремлении разбить самый этот союз».

В усиленно и нарочито засоряемых г-дами Мартовыми спорах партийцев и ликвидаторов бывали, однако, моменты, когда эти споры подходили также рельефно к коренным вопросам дальнейшего развития России, как подошли Либкнехт и Швейцер в выше цитированных словах к коренным вопросам бисмарковской «революции сверху»: «Союз», который «стремился работать» Либкнехт (вместе с Марксом и Энгельсом), и дальше оппозиции «внутренним порядкам», которого не шел Швейцер (вместе с либералами),—был прямым детищем Бисмарка.

В первом же номере «Пролетария», вышедшем за границей, автор «Политических Заметок», т. Ленин, обсуждая выдвинутый тогда лозунг «объединения оппозиции», поддержанный и бернштейнианцами «Товарища» и народниками «Русского Богатства», писал:

„Мы всецело за „объединение", за объединение для беспощадной борьбы с ренегатами революции (г. Коган тогда уже написал свои статьи, о которых заговорил в 1910 году г. Мартов). Не нравится?.. (Г. Мартов тогда еще считал нужным молчать о статьях г. Когана).—Наши дороги разошлись.—Старый доктябрьский лозунг хорош, и мы (не во гнев будь сказано Медему из „Нашей Трибуны"...) не выкидываем его прочь. Наша „программа-минимум", „программа нашего объединения" проста и ясна: 1) конфискация всей помещичьей земли; 2) республика". („Пролетарий", № 21, февраль 1908 г.).

Ответ на этот вопрос со стороны «Г. С.-Д.» заставил себя ждать. Промолчав целый год, в апреле 1909 года г. Мартов решился подойти к вопросу вплотную и дал ответ, который ценен не своим положительным содержанием (он бил в лицо всему практическому поведению и характеру решения всех конкретных вопросов со стороны ликвидаторов). Этот ответ ценен тем и только тем, что он признавал правильность той постановки вопроса, которая была дана в «Пролетарии» и от которой не в силах оказались увернуться ни г. Мартов в 1909 г., ни г. Ларин в 1910 г.

В апрельском № «Голоса Социал-Демократа» Мартов писал:

„Пока история не решила этого вопроса о будущем так, как его решила для Германии в 1871 г., до тех пор социал-демократия не должна отказываться от задачи итти к неизбежному политическому кризису со своим революционным решением политической, аграрной и национальной проблемы (демократическая республика, конфискация поместного землевладения и полная свобода самоопределения)". (№ 13).

«Пролетарий» немедленно же по получении этого «ответа» писал:

„Верно. Прекрасные слова, пересказывающие как раз резолюции партийной конференции декабря 1908 г. Г. Мартов ими вплотную подвинулся к позиции нашей партии [1]).

Во всяком случае эти слова г. Мартова важны для нас, как показатель того, что он вынужден был формально признать правильность такой постановки вопроса, которая была сделана «Пролетарием» и которая, как мы могли убедиться на примере споров Либкнехта и Швейцера, неизбежно оказывается в основе тактических делений в моменты, когда «история еще не решила» вопроса об окончательном торжестве революции сверху, как было в Германии до 1871 года и в России в 1908—1911 годах.

Работа в роли крайней оппозиции на почве, созданной контрреволюцией, при отказе от стремления разбить самоё эту «почву»,—как Меринг характеризует позицию Швейцера,—или революционное разрушение самой этой почвы, отнюдь, конечно, не исключающее использования всяческих «возможностей», но ставящее это использование под контроль революционной тактики,—тактика, которую вместе с Либкнехтом разделял Энгельс (см. его анонимную полемику со Швейцером в последнем отделе брошюры «О прусском военном вопросе и германской рабочей партии») и Маркс [1]). Так стоит вопрос.

---

[1]) Кстати будет сказать, что только этого рода ответ, данный после годового размышления, и сделал психологически возможными те кратковременные разговоры об „объединении", которые довольно широко велись за границей в 1909 г. Кратковременность же объясняется тем, что очень быстро обнаружился чисто-словесный лицемерный характер этого ответа.

[1]) Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить факт отказа Маркса и Энгельса от сотрудничества в Швейцеровском „Социал-Демократе", последовавший именно в связи с отношением последнего к бисмарковщине. Ср. критику тактики лассальянства в Марксовском письме к Швейцеру от 13 окт. 1868 г., где Маркс говорит о „мнимой практичности" лассалевской тактики, неизбежно выдвигающей „прусское государство" и приводящей к „уступкам прусской королевской власти, прусской реакции"... Смысл этих упреков великолепно выяснен Марксом же в его „Критике готской программы", зло издевающейся над „увертками", подменяющими борьбу за демократическую республику „требованием вещей, возможных только в демократической республике, от государства, которое есть не что иное,

Мы уже видели, что г. Коган непосредственно после переворота 3 июня, в 1907 году, примкнул к первой тактике, поторопившись уже заодно роль крайней оппозиции заменить ролью «вползающих».

Он уже в 1907 г. был не один. В том же году, упомянутый уже в цитате из «Пролетария» Медем в «Нашей Трибуне» от имени группы бундистов писал, что «теперь, вместо спора о том, **как** добывать народу то, что ему нужно,—пойдет спор о том, **что** нужно народу», и находил, что «такой спор ближе к широким массам», чем вопросы о том, **как** добыть.

Это было уже недвусмысленным призывом считать поконченным вопрос о **добывании**, принявшись за выторговывание от созданного контр-революцией порядка того, **что** нужно и что, конечно, на этой почве **может быть дано**, добавим мы.

А дальнейшее развитие той же мысли принесло нам—в статьях г. Дана—и открытую полемику против «голо-отрицательного положения» по отношению к попыткам контр-революции взять в свои руки процесс социального преобразования (закон 9 ноября), причем в лице своих противников г. Дан имел отнюдь не анархическое отрицание «отзовистов». Ведь и Либкнехт не был анархистом, ни даже отзовистом... вопреки историческим изысканиям впередовцев.

Эти робкие вначале намеки «на теорию вползания» получают, затем, в статьях г.г. Мартова, Дана, Мартынова, а, с другой стороны, Ларина с его «очень ясным языком» полное развитие. Эта теория исходит из мысли, что абсолютистские формы, дворянская диктатура и прочие остатки докапиталистической эпохи, далеко еще не сваленные первой волной российской революции и под ее напором лишь внешне «обновленные», далеко не соответствуют интересам развивающейся, обуржуазивающейся России. Мысль, правильности которой не может, конечно, подорвать ни то, что в 1908 году она могла праздновать 25-летие своего рождения в русской революционной среде, ни то, что в качестве иллюстраций к ней могут быть приведены... прус-

---

как подбитый парламентскими формами с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически-канцелярский, полицейски-охраняемый военный деспотизм". А тут же находящиеся слова Маркса о „демократизме в границах полицейски-дозволенного и логически недозволительного", так и кажутся направленными против наших сторонников открытой партии.

Во всех этих выступлениях Маркса и Энгельса против Швейцера и „наследников Лассаля" речь идет именно о различном отношении к „почве", создаваемой контр-революцией.

ская борьба за всеобщее избирательное право, английская борьба с палатой лордов, испанская борьба с клерикальной монархией и т. д. и т. д., т.-е. целый ряд фактов, характерных для начала XX века в Западной Европе.

Ее не делает менее верной и то, конечно, что в контр-революционной России ее усиленно разрабатывает и кн. Е. Трубецкой, побужденный к этому заявлением г. Столыпина: «я—сам помещик», и г. Струве, «Великая Россия» которого наткнулась на бездарность бюрократии, и его степенство, г. Гучков, наткнувшийся на барчука Пуришкевича и «Голос Москвы», наткнувшийся на «национальный союз» аграриев.

Бесчисленное количество раз повторяя, пережевывая, «углубляя», размазывая, разрисовывая эту святую истину о противоречии между абсолютистскими формами и неостанавливающимся капиталистическим развитием, как о достаточном базисе социал-демократической тактики, г. Мартов забыл, из чьих рук получил ее, и потому был более чем приятно поражен, когда нашел ее у г. Струве. В 1910 году г. Струве в органе князя Трубецкого писал:

„Я твердо убежден, что для народного самовоспитания и именно для государственного и культурного дисциплинирования народа ничего не нужно в такой мере, как полная ликвидация старого порядка. В жизни народа есть свои исторические необходимости, и только тот, кто их сознает и будет осуществлять, уйдет от власти стихий“...

Процитировав эти слова, г. Мартов торжественно провозгласил:

„Г. Струве, кажется, возвращается „в первобытное состояние“—к языку марксиста [1])“.

И тут, действительно, одно из двух: либо Струве заговорил языком марксиста, либо г. Мартов разучился различать язык марксиста от языка либерала.

Остается либералом и говорит либеральным языком тот, кто по поводу российского «текущего момента» ограничивается «только» констатированием факта противоречия политических форм и развивающейся социальной среды, тот, кто, как г.г. Струве и Мартов, полагает это констатирование достаточной базой для определения своей тактики.

«Ликвидация старого режима» была исторической необходимостью во Франции *и* в 1789, *и* в 1830, *и* в 1848 г.г., в Германии и в Австрии *и* в 1848, *и* в 1860-х г.г. Вопрос в России состоит

---

[1]) „Возрождение“, 1910 г., № 6.

не в том, что «ликвидация старого режима» есть историческая необходимость, объективная задача и неизбежный этап ее социального развития. Вопрос даже и не в том, в какой форме[1]) будет исторически совершаться эта неизбежная ликвидация. Г-ну Струве не надо было языка марксиста (достаточно было языка идеолога капиталистической буржуазии), чтобы в той же статье, цитируемой г. Мартовым, сказать: «И эта ликвидация будет благом, *во всяком случае, каким бы путем она ни произошла*». Это значит, что г. Струве не делает принципиального различия между путем, скажем, Франции 30 г. и Германии 60 г.г.

Действительный вопрос—и тут только начинает сказываться пропасть между либеральным и марксистским языком—заключается *в социальном содержании этой ликвидации*, в том, *будет ли эта ликвидация старого режима моментом пролетарски-крестьянской революции, или моментом взаимоприспособления романовской монархии и капиталистической буржуазии.*

Когда либерал, вроде г. Струве, готов благословить ликвидацию, «каким бы путем она ни произошла», он—явное дело—допускает возможность, что в процессе взаимоприспособления монархии и буржуазии могут случиться моменты крайнего обострения.

Но когда, якобы, марксист Мартов считает, что, говоря это, г. Струве говорит по-марксистски,—он столь же явно отрекается от пути пролетарски-крестьянской революции, явно ограничивает свой горизонт *только* теми возможностями, которые разрешает истории либеральная ограниченность какого-нибудь Струве и даже Гучкова, и «Голоса Москвы».

Возможна,—говорит либерал,—ликвидация по германскому типу путем приспособления юнкерской монархии к буржуазии, возможна ликвидация и по типу буржуазного переворота 1830 года во Франции. По крайности я приемлю и этот второй путь ликвидации. Ведь и для г. Мартова характерность революции 1830 года в том, что она была «подлинной» буржуазной революцией, «революцией на редкость» закругленной «в своей буржуазной ограниченности»[2]). Но что я решительно отвергаю, это—путь 1789 года во Франции и путь 1905 г. в России.

Так говорит либерал, под «марксистские» аплодисменты г. Мартова и всех меньшевиков.

---

[1]) В узком смысле слова.

[2]) Л. Мартов в „Возрождении" за 1909 г., № 1—2, стр. 29.

«Голос Социал-Демократа», как и «Наша Заря» и «Возрождение», как и весь либерализм стоят на точке зрения признания относительной прогрессивности прусского типа 60-х г.г. или французского типа «закругленной, подлинной» буржуазной ликвидации 1830 года перед «безумно-стихийным», «утопичным» путем 1905—1906 г.г.

Сейчас написанные слова надо понимать буквально, т.-е. не в том смысле, что ликвидаторы пришли к убеждению, что всякий другой путь, кроме прусского пути или пути 1830 года, нам уже заказан историей, а в том именно, что всякий другой путь будет менее соответствовать интересам дальнейшего развития России. Таким-то образом, позиция «Голоса» определилась не как противопоставление либеральному пути другого, пролетарски-крестьянского пути, не как отстаивание этого второго пути, а как поддержка либералов на ими, либералами, выбранном пути.

Об этой позиции «Голоса» свидетельствует не только характер той критики, которую он и его единомышленники обрушили на первые же шаги народных масс по крестьянско-пролетарскому пути ликвидации старого режима, не только их идейка о противоречии этого пути «хозяйственному развитию России» (см. «Общ. Движение» книгу Череванина), не только их словечки об архаическо-утопическом характере крестьянского восстания (см. статью Мартынова), не только их приписывание того обстоятельства, что на этот путь встал пролетариат,—«стихийно-революционному, а не политически-сознательному классовому характеру» его движения (см. «Нашу Зарю», 10, 7). Либеральным характером этой критики нашей революции мы здесь не можем заняться.

«Не надо переть туда, где были раз разбиты»,—воскликнул г. Дан на общепартийной конференции, протестуя против тех задач, которые последняя намечала для партии.

«Нет большей нелепости, как мысль, будто новый подъем будет ничем иным, как расширенным и дополненным изданием 1905 года»,—писал он в «Голосе Социал-Демократа» (№ 13).

«Необходимо, прежде всего, отрешиться от мысли, что... Россия обязалась решить свою политическую проблему непременно в той обстановке, в какой она пыталась ее решить в 1905 и 1906 г.г.»,—пояснял г. Дана г. Мартынов в «Возрождении» (1909, № 5—6).

Что обстановка нового подъема будет иная,—это тоже святая истина, на которую такие мастера г.г. Мартов с Мартыновым.

Но вопрос идет не об «обстановке», а о тенденциях и задачах движения, спор не о том, изменилась или не изменилась «обстановка», а в том, должны ли мы и в изменившейся обстановке отстаивать «непременно» «старые» методы «решения политической проблемы».

Мы нарочито говорим не только о старых целях, но и о старых методах, ибо, очень много толкуя о новой обстановке, г.г. ликвидаторы умудрились ни разу не сказать конкретно, какие же из старых методов и почему отвергает новая обстановка. Метод ли всеобщих стачек? Метод ли связывания экономической и политической борьбы пролетариата? Или «метод» вооруженных восстаний, солдатских «бунтов», Советов Депутатов, борьбы с либерализмом, и т. д. и т. д.?.. Г.г. ликвидаторы довольствуются пропагандой одного: новая обстановка отвергает гегемонию пролетариата, передавая ее в руки буржуазии.

В этом именно—смысл всех вышеприведенных сентенций об «изменившейся обстановке». Это тот единственный и дорогой г.г. ликвидаторам вывод, который они делают из «изменения обстановки».

Под прикрытием слов (правильных слов), об изменении «обстановки» в лагере ликвидаторов как раз и происходит отрицание старых задач революции, отрицание, отказ от путей 1905 года во имя «чистоты» буржуазного переворота, во имя «подлинной», «закругленной» буржуазной революции в ее противопоставлении «не-подлинной» не «закругленной в своей буржуазной ограниченности» революции 1905 года, революции, специфическую черту которой К. Каутский видел в том, что она уже стоит, благодаря роли в ней пролетариата, на границе буржуазных и социалистических революций.

Защищать октябристскую аграрную программу в III Думе, г. Львов обрушился на крестьянское движение 1905—1906 г.г. Он сказал:

„Земля каждому нуждающемуся—вот был доминирующий голос, прямо выхваченный из суеверий и предрассудков, которые гнездятся в крестьянской массе... К чему привели бы эти представления?.. Они привели бы не к созданию социализма; это была только личина социализма, это была только личина национализации земли, они бы сдвинули все наше государство на край того первобытного общинного быта, того полукочевого состояния, когда еще не создались и не окрепли правовые понятия в народной массе... На таком фундаменте построить капиталистическое государство невозможно“.

Г-ну Мартынову должно было, конечно, понравиться подтверждение его собственных взглядов на крестьянское движение из

уст помещика-октябриста. Он дважды цитировал эти слова: «Г. Львов—прав,—писал он в «Возрождении»,—«г. Львов—весьма проницателен», «г. Львов очень удачно» характеризовал крестьянское движение,—писал он в «Голосе». Однако, что же утверждал г. Львов?.. Он утверждал одно,—что на основе крестьянского восстания и конфискации земель нельзя построить капиталистическую Россию. Чему же так обрадовался в этом заявлении г. Мартынов?.. Обрадовался он потому, что и сам считает крестьянское движение 1905—1906 г.г. «архаическим», «изжитой формой крестьянского движения», потому, что сам он полон октябристских опасений насчет «полукочевого быта».

Но отказ строить капиталистическую Россию на почве крестьянского восстания, столь естественный в устах г. Львова,—и есть отказ от задач и тенденций 1905 г., во имя прусского пути или пути 1830 года.

«На смену старых, изжитых (больно быстро вы изживаете. г. Мартынов!) форм крестьянского движения появятся новые, более согласованные с нашим экономическим развитием... чисто батраческое параллельно с движением мелких собственников и арендаторов». Что же такое эти «новые формы»?.. В разъяснение и г. Мартов («Голос Социал-Демократа», № 13), и г. Мартынов («Возрождение», 1909 г., № 5—6) «тамбовско - саратовской» форме крестьянского движения противопоставляют характер крестьянского движения в Прибалтийском крае. В чем же видят они преимущество последнего?.. Это объясняет откровенный Ларин и живописует тоже откровенный Череванин. «В Прибалтийском крае с его массами сельско-хозяйственных рабочих, требование раздела помещичьих земель не выставлялось даже в 1905 г.»,—пишет Ларин («Возрождение», 1910 г., № 9—10, стр. 21). Не менее определенны и причины предпочтения «новых форм»,—«архаическим» г-на Череванина. «В своих перспективах насчет радикальной ломки аграрных и политических отношений революционные и оппозиционные (даже оппозиционные!? Л. К.) партии зашли слишком далеко». Уверенный в том, что у нас есть уже достаточная почва для того, чтобы «крестьянское движение утратило разрушительный и приобрело более мирный, забастовочный характер», г. Череванин дает ясное представление о своих симпатиях, когда журит правительство, что и эту мирную борьбу оно стесняет. Ведь, «если крестьянство не будет иметь возможности вести борьбу путем союзов и стачек..., то крестьянское движение будет периодически принимать стихийно-разрушительный характер, проявляясь

в массовых разгромах, грабежах и поджогах». О, либеральные угрозы, о, кадетствующие ренегаты[1]).

Смысл замены «архаического» движения 1905 г., «новыми формами, более согласованными с нашим экономическим развитием», теперь должен быть нам совершенно ясен. Это есть замена революционного движения крестьянства под флагом экспроприации помещичьих земель «мирным» движением на почве признания ненарушимости помещичьего землевладения.

Для этого «нового» движения, предварительным условием которого должен явиться отказ от революционной борьбы за землю, встанет и «новая цель», которую—вполне естественно,—и пропагандируют г.г. Мартынов с Череваниным: «завоевание совокупности экономических и политических условий, необходимых для ведения капиталистического хозяйства на началах мелкой собственности или денежной аренды» (см. «Возрождение», 1909 г., № 5—6, стр. 46 и «Голос Социал-Демократа», где эта программа повторена буквально, № 10—11, стр. 13).

Так осторожненько—и вполне по-октябристски, ибо это действительно октябристская формулировка программы крестьянского движения,—формулирует г. Мартынов «новые цели» крестьянского движения. Не трудно, однако, заметить, что эти «новые цели», эти «новые формы» могут развиться лишь на почве новой России, для которой «архаические» вопросы современной России будут уже решены.

Покуда же признание этих «новых целей» и «новых форм» крестьянского движения «более согласованными с нашим экономическим развитием»—есть отказ от борьбы за полное уничтожение помещичьего землевладения во имя прусского типа капиталистического развития, есть совершенное и полное подчинение основной, все-определяющей октябристской мысли о том, что крестьянское восстание по типу 1905 г. несогласовано с нашим экономическим развитием, есть отказ от марксистской мысли, что единственно согласованным с нашим «архаическим» аграрным вопросом является «архаическое» крестьянское движение, «разрушительное» крестьянское восстание.

---

[1]) „Современное положение и возможное будущее“, стр. 138. Между прочим книгу эту, проникнутую сплошь тем же ренегатским духом, постигла интересная судьба. В руках „Г. С.-Д.“ именно она призвана была свидетельствовать за революционный марксизм г. Череванина.—Характерно.

Быть может, прусский путь у нас возобладает, тогда мы будем иметь и «новые цели» и «новые формы» крестьянского движения, но «пока,—по признанию г. Мартова,—история этого вопроса не решила», отстаивать эти «новые формы» и эти «новые цели» перед «архаическими» «целями» и «формами» крестьянских восстаний 1905—1906 г.г.,— значит работать на помещика, на либерала, помогать в том направлении, чтобы история пошла по-прусски, но, отнюдь, не во имя революции.

Г. Мартынов считает «более согласованным с нашим экономическим развитием» прусский путь или путь 1830 года (их объединяет, несмотря на различие форм «ликвидации старого режима», то, что ни тут, ни там, ни крестьянское восстание, ни борьба за республику не определяли хода «ликвидации»).

В области политических вопросов тот же путь считают «более согласованным с нашим экономическим развитием» г.г. Мартов и Дан.

Не понявши, что отличие пролетарской политики от либеральной политики заключается не в повторении того, что существует противоречие между абсолютистскими формами и общими требованиями капиталистического развития, а в другом понимании самих этих требований, в отстаивании, в этом смысле, другого пути самого капиталистического развития г. Мартов должен был неизбежно притти к чисто либеральному же представлению о том, что это противоречие должно уничтожаться в процессе конституционного кризиса.

„Кризис,—писал г. Мартов,—к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет кризисом конституционным в том смысле, что в нем на очередь будет поставлен вопрос о заполнении конституционным содержанием полуабсолютистских норм и учреждений современного режима“. (Г. С.-Д., № 13).

Но сказать так, значит, сказать, правда, немного более того, что говорят «Вехи», но уже не более, а как раз то, что говорит г. Милюков и «Речь».

«Заполнение конституционным содержанием полуабсолютистских форм» или—по другому выражению г. Мартова,—«разрешение нынешнего двусмысленного лжеконституционализма в конституционализм более или менее европейского характера»,—да это и есть то своекорыстное представление о характере грядущего «кризиса», которым русский либерализм обманывает и себя, и народ, и в разрушении, а не в повторении и распространении которого задача социал-демократии.

Это понимал еще Лассаль, который в разгар «прусского конституционного конфликта» открыл свою блестящую кампа-

нию как раз против «веры» прусского прогрессизма в то, что «лжеконституционализм» может «разрешиться в конституционализм». Вся тактика «прогрессизма» была основана на этой вере. Вся тактика Лассаля была основана на убеждении в том, что **единственное действительное средство борьбы против лжеконституционализма заключается в разоблачении того, что без ножа государственного переворота никакого конституционализма лжеконституционализм родить не может.** Мы полагаем, что эта справка будет очень поучительна для поклонников г-на Мартова: она покажет им, что их тактический вождь стоит не на точке зрения Лассаля а занимает буквально позицию его злейших противников, прусских либералов. Он твердит по-либеральному о «заполнении конституционным содержанием полуабсолютистских форм» как раз в тот момент, для которого Лассаль рекомендовал разоблачение народным массам заключающегося в этом представлении обмана. Лассаль прекрасно видел, что подобное представление есть только яркий симптом окончательного политического банкротства либерализма и ничего более.

«Кризис» или будет жалкой игрой, пустышкой, эпизодом в истории обуржуазивающейся монархии, или он будет заполнен **революционным** содержанием и тогда он не будет «конституционным».

Сказать, что Россия идет к «конституционному кризису», в котором «на очередь будет поставлен вопрос о заполнении и т. д.»,—это значит,—совсем на манер либералов всех стран и времен,—не понимать, что никакой «конституционный кризис» не может в России привести к этому «заполнению», что это «заполнение» может быть результатом революционного кризиса, но что тогда оно не будет «заполнением» ранее данных, чуждых «форм».

Умудриться в определении общей линии развития подменить революционный кризис — «конституционным», а низвержение полуабсолютистских форм—их «заполнением», содержанием октябристского либерализма—это уже много.

Нигде еще «конституционный» кризис не приводил при господстве контр-революции к «заполнению полуабсолютистских форм конституционным содержанием»: для познания этого г-ну Мартову, не надо было ждать русского «кризиса» 1911 года, достаточно было знать прусский кризис 1862—1863 г.г. и его оценку германской социал-демократией. И там буржуазное «содержа-

ние» возобладало не благодаря «кризису» 1863 года, а благодаря «революции», хотя бы и «революции сверху» 1866—1871 г.г.

Достаточно перелистать знаменитую речь Лассаля: «Что же теперь?», произнесенную им в самый разгар прусского конституционного конфликта в ноябре 1862 г., в которой он по существу рекомендовал палатам и избирателям, не что иное, как государственный переворот, как выход из конституционного конфликта, чтобы убедиться в этом. Если «конституционный конфликт» стал на деле лишь ареной «политического банкротства буржуазии», то именно потому, что вопреки агитации Лассаля,—прусская буржуазия решительно отказалась искать выхода по намеченному им пути. Она осталась на почве конституции; но этим она не предупредила государственного переворота, а лишь отдала его в руки Бисмарка.

Как в 1862 году в Германии, так и в 1911 году в России из революционного положения нет конституционного выхода, чтобы ни говорила по этому поводу либеральная ограниченность г-на Мартова. При таком положении государственный переворот—сверху ли, снизу ли—единственный выход. «Имманентное право верховной власти на государственный переворот», провозглашенное у нас в соответствующий момент Меньшиковым, как и подобное же «право» народа—при этом положении гораздо более реальны,—как бы ни старалась закрыть на это глаза либеральная трусость,—чем «разрешение лжеконституционализма в конституционализм» в духе либеральной веры г.г. Милюкова и Мартова и... «прогрессивных» противников Лассаля в 1862 году.

Поддерживать, как это делают г.г. ликвидаторы в бесчисленных статьях о «буржуазии и современном режиме», об «исторической необходимости», о «левении буржуазии», чисто либеральное представление о том, что «разрешение двусмысленного лжеконституционализма в европейский конституционализм» (хотя бы «более или менее» европейский),—значит, покрывать перед лицом рабочих либеральную ложь и самим становиться ее проводниками.

Либеральное представление о «конституционном кризисе», как о способе «разрешения современной двусмысленности», обязывает, конечно, к известному представлению и о его движущих силах, и о его арене.

Г. Мартов не скрывает, например, от себя, что:

„все это (точнее было бы сказать: не все это, а точка зрения либеральной ограниченности г. Мартова) ведет к тому, чтобы вдвинуть процесс наростания

элементов будущего политического кризиса в значительной мере в рамки норм и учреждений, оставленных России незаконченной революцией".

Вот уж, поистине, «заставь... либерала богу молиться, он лоб разобьет», заставь г-на Мартова доказывать важную роль Думы и всяческих легальных возможностей, он непременно и «процесс нарастания элементов кризиса» «вдвинет» в «рамки норм»... 3-го июня и «учреждения»... Государственной Думы. И, конечно, это так с точки зрения «конституционного кризиса», но не с точки развития кризиса революционного. Кризис конституционный есть кризис на почве данной конституции. Этим определяется, что главным действующим лицом такого кризиса может явиться в России буржуазия, а не кто-либо другой.

Перспектива конституционного кризиса или ряда конституционных кризисов есть перспектива гегемонии буржуазии над всеми остальными слоями в деле постройки новой России, так же, как перспектива кризиса революционного предполагает гегемонию пролетариата.

Роль буржуазии, как движущей силы всего процесса, как застрельщика и гегемона борьбы, настолько связана с перспективами г.г. Мартова, Дана, Мартынова и их единомышленников, что обоснование этой роли составляет, поистине, основное содержание всей работы этих публицистов.

Это, между прочим, интереснейшая сторона их деятельности. Поскольку «Голос Социал-Демократа» не отвлекался в сторону «критическими» выпадами против Р.С.-Д.Р.П., против «архаизма» 1905 года, вся остальная, «положительная» часть его работы может быть охарактеризована в четырех словах: «апология грядущей роли буржуазии».

«Буржуазия должна полеветь»,—«буржуазия полевеет», «буржуазия левеет», «буржуазия полевела»,—судорожные поиски за буржуазией, вот что определяло политическую физиономию «марксистов» из «Голоса», «Нашей Зари», «Возрождения» и вот та печка, от которой только и умеют танцовать эти претенденты на руководительство рабочим движением [1]).

---

[1]) В связи с этим не лишне отметить „роман" голосовцев с „Вехами". Конечно, они поняли свою задачу по отношению к „веховству" так, что они должны очистить русский либерализм от той скверной тени, которую набросили на него „Вехи". Русский либерализм лучше „Вех", вот тема, на которой опять сошлись г. Мартов с Милюковым и г. Дан с г. Гредескулом. Вместо того, чтобы познакомить русских рабочих с тем образчиком самопознания, с тем самооголением либерализма, которое дано в „Вехах", вместо того, чтобы на этом компрометирующем материале показать русским рабочим истинную природу либерализма,

Это совершенно естественно и, как мы сказали, совершенно неизбежно связано с основной позицией ликвидаторов. Скинувши со счетов пролетарско-крестьянское движение, ликвидаторская мысль должна была потянуться к буржуазии, к «левеющей» торгово-промышленной буржуазии, как к естественному центру грядущего кризиса, как к его определяющей силе. Судорожные поиски «левеющей» буржуазии были признаком и последствием отказа от перспектив революционного развития «кризиса». Пролетарски-крестьянский путь построения новой России—«утопичен», «архаичен», «не соответствует условиям нашего хозяйственного развития», Россия идет к «конституционному кризису», «на очереди стоит вопрос о заполнении полуабсолютистских форм конституционным содержанием»,—из этого мог быть только один логический вывод: буржуазия будет движущей силой всего дальнейшего процесса.

„Общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие буржуазии не сделает ее „движущей силой", заявил г. Мартов в январе 1909 г. („Возрождение", № 1).

Это значило: пролетариат и крестьянство должны погодить «дальнейшего развития буржуазии» и ей предоставить роль «движущей силы». Это значило еще: «завершать» общественный переворот будет буржуазия и никто иной.

Ошибочно ли, утопично ли «новое тяготение мелко-буржуазных элементов общества сплотиться вокруг буржуазии как носительницы освободительных тенденций капиталистического развития»[1],—спрашивал, развивая свою тему, г. Мартов.

г.г. Мартовы и Даны—в целях высшей политики!—попытались отмыть от русского либерализма проступившие на его теле „веховские" пятна. „Вехи размахнулись слишком широко", „Вехи сказали слишком много, слишком спешили додумать до конца выводы из классового антагонизма буржуазии с пролетариатом... Откровенно-реакционная идеология может лишь стеснить русскую буржуазию"... писал г. Мартов. Когда г. Милюков объяснял г. Струве, что он размахивается „слишком широко", что он „слишком" откровенен—это было понятно. Но и тогда, когда это втолковывает вехистам г. Мартов, объективная тенденция его трудов не может не быть ясной. Приписывая буржуазии роль руководителя, он не может желать, чтобы оная буржуазия выступила перед пролетариатом окончательно скомпрометированной. Приходится ее подчищать... И это не раз и не два...

[1]) Курсив наш, слова г. Мартова. Перенося титул „носителя освободительных тенденций" с пролетариата на буржуазию в „Современной России", г. Мартов—явное дело—отказывается выделять себя из тех „мелко-буржуазных элементов", „новое тяготение" которых правильно констатируется в цитате: самосознание—прекрасная вещь!.. И я, признаться, с трудом понимаю, в чем разница между

Нет, не ошибочно, не утопично,—отвечал он. Представление о буржуазии, как о носительнице освободительных тенденций,—законное представление. Почему?

Потому что:

„пролетариат и крестьянство не оказались той комбинацией, которая в данных условиях могла разрешить поставленную историей задачу... Действительность нам показала, что пока большая часть буржуазии роли „движущей силы" не играет, пока социальное развитие не привело ее к необходимости играть такую роль, могло быть движение к перевороту, но не мог успешно осуществиться самый переворот".

Вот она либеральная философия истории русской революции! Почему поставленная историей задача не могла быть разрешена в 1905 г.?—потому,—отвечает г. Мартов,—что роль движущей силы играли пролетариат и крестьянство, а не буржуазия. Тот, кто хочет учиться у «действительности», должен понять, что только переход роли «движущей силы» от пролетариата и крестьянства к буржуазии обеспечит осуществление переворота, буржуазия, а не пролетариат является в современной России «носительницей освободительных тенденций».

Не менее ясно формулирует это г. Левицкий в «Нашей Заре»:

„Неудача движения 1905—1906 г.г. была обусловлена не „крайностями" левых (спасибо!.. Л. К.)... не „предательством" буржуазии, которая повсюду на Западе „предавала" (язвительные ковычки, видимо, по адресу „левых"—г. Левицкого Л. К.), а отсутствием оформленной буржуазной партии, которая могла бы стать на место бюрократии... Отсутствие такой партии привело к тому, что победа, достигнутая натиском пролетариата... не могла быть закреплена и реализована в виде определенного политического строительства"... (1911 г., № 3, стр. 62)[1].

этим открытием г. Мартова и тем предложением о передаче либералам „политических функций" рабочего движения, которым раз навсегда заклеймили себя авторы „Кредо"!..

[1]) Рекомендую читателю г. Левицкого подумать над следующим рядом положений. Неудача движения 1905—1906 годов была обусловлена отсутствием буржуазной партии, готовой стать у власти и тем „закрепить" победы пролетариата. Но не всякая буржуазная партия способна это проделать. По разъяснению г. Левицкого она должна для этого „иметь за собою поддержку народа" (там же). Но раз удача движения зависит от поддержки „народом" „буржуазной партии", то не должны ли люди, сочувствующие удаче движения, к каковым несомненно принадлежит и г. Левицкий, свои первые же усилия направить на то, чтобы этой именно партии обеспечить необходимую народную поддержку. Кажется, это было бы единственно логичным. Но, как же, скажет читатель, ведь г. Левицкий является ярым сторонником самостоятельной рабочей, хотя бы и открытой, партии. Как же он примиряет непримиримое? Ответ прост: его „самостоятельная" открытая рабочая партия не предполагает самостоятельности от вышеупомянутой буржуазной партии.

Хорош?..

Вот чему научила г-на Мартова революция. Ну что же? Объяснять ли г. Мартову, что эти его слова есть полный переход на позицию либерала; говорить ли ему о том, что пути капиталистического развития бывают разные; что всякий путь этого развития в бóльшей или меньшей мере несет освобождение от докапиталистических форм; что переход роли «движущей силы» в руки буржуазии из рук пролетариата и крестьянства есть путь наименьшего освобождения; что переносить с пролетариата на буржуазию роль «носительницы освободительных тенденций»,—значит перестать быть революционным социалистом и стать вульгарнейшим из меднолобейших либералов?

Пояснять ли читателю, что перед нами законченный ренегат революции? Полагаю, что он сам это видит.

Буржуазия должна заместить пролетариат и крестьянство в роли авангарда, гегемона, «движущей силы»,—и тогда «переворот успешно осуществится», а «победы пролетариата будут закреплены и реализованы». Тогда-то и осуществится старинная мечта о «настоящей», «подлинной», «закругленной» (слова г. Мартова) буржуазной революции, прекрасно разрисованная меньшевиками, планы которой так некстати испортил в 1905 г. пролетариат своими «безумными выступлениями» и крестьянство своими «архаическими восстаниями». Все станет на свое место, успех движения будет гарантирован тем, что гегемония перейдет от пролетариата к буржуазии и все пойдет — наконец-то! — по тому расписанию, которое меньшевики тщетно предлагали в 1905 г. вниманию и пролетариата и либерализма.

Теперь, когда я знаю позицию г. Мартова, я начинаю понимать страстные поиски ликвидаторов за «левеющей буржуазией». Теперь я знаю, что «левеющая» буржуазия для него не только неизбежный факт столыпинского режима, не только одно из условий, облегчающих борьбу пролетариата. В политическом миросозерцании ликвидатора «левение» буржуазии далеко не только это. Когда он пишет: «буржуазия должна полеветь», это значит—«буржуазия должна заместить пролетариат в роли движущей силы». Когда он продолжает: «буржуазия полевеет», это значит: «буржуазия заместит»; «левеет»—возвещает г. Дан, и не трудно догадаться, что ему кажется, что надежда на «замещение» начинает исполняться, и—наконец—«полевела»—значит—«заместила».

Но нисколько не желая оспаривать того, что, «заяц, ежели его бить, спички зажигает», и что буржуазия, ежели ее теснить,—левеет, я все же решительно протестую против того, чтобы заяц, хотя бы и битый, мог заместить «царя природы», а буржуазия, хотя бы и «левеющая», могла заменить пролетариат в качестве «носительницы освободительных тенденций» и естественного «центра тяготения» освобождающегося народа.

Роль, которую г.г. либералы из бывших марксистов приписывают новообъявленному «центру тяготения», особенно рельефно вскрывается в том как они рисуют себе желательные отношения между пролетариатом, буржуазией и крестьянством». Если, как мы знаем, «комбинация» «пролетариат и крестьянство»—«архаична», «не соответствует ходу нашего хозяйственного развития» и «неспособна осуществить и завершить переворот»,—то всяческих благ надо ждать от «комбинации», в которой крестьянство будет итти за торгово-промышленной буржуазией. С одной стороны, «историческая необходимость» ведет к «возрождению» (а не к дальнейшему банкротству? Л. К.) русского либерализма на новой, более откровенно-буржуазной основе (Л. Мартов. «Возрождение», 1910, № 6), с другой стороны, «будет уничтожен тот барьер, который до сих пор отделял бессильный буржуазный либерализм от первобытного утопического крестьянского революционизма» (Мартынов, «Голос Соц.-Дем.», № 10—12), или, иначе и откровеннее, «городская буржуазная демократия должна стать политическим центром притяжения для демократического крестьянства». («Наша Заря», 1911 г., № 3, стр. 62).

Это значит и не может значить ничего другого, как: долой пролетарски-крестьянскую программу аграрного переворота, и да здравствует аграрная программа торгово-промышленного либерализма! Долой «наивный утопизм» крестьянской революции и да здравствует «трезвый реализм» помещичье-кадетского либерализма!

Таково, действительно, реально-политическое значение замещения в роли «носителя освободительных тенденций» пролетариата—торгово-промышленной буржуазией. Однако, это замещение есть лишь логический вывод из замещения кризиса революционного кризисом «конституционным», которое, в свою очередь есть, лишь другими словами выраженное, мнение о несоответствии победы крестьянски-пролетарского восстания интересам хозяйственного развития России, что, в свою очередь, неизбежно связано с отказом от «архаической» революции 1905—1906 г.г. Цепь тут неразрывная: ликвидаторская, как и либеральная, кри-

тика Великой Революции ведется и может вестись только во имя интересов буржуазии. Либералы показывают дорогу нашим ликвидаторам, ликвидаторы расчищают дорогу либералам. Как мы видели, они делают это отнюдь не бессознательно, а по твердому убеждению, что ключ от положения не у пролетариата, а у либералов.

Поэтому, когда явился человек, который захотел дать политический итог всей цепи рассуждений, в течение трех лет развивавшихся г.г. Мартовыми, Данами, Мартыновыми на страницах «Голоса», «Возрождения», «Новой Зари» и т. д.,— задача его была как нельзя более проста: ему оставалось зарегистрировать то, что уже было дано ликвидаторской мыслью.

„Октябрь 1905 г. не стоит на очереди"—писал Ларин в качестве этого регистратора. Очищение пути капиталистического развития от абсолютистских остатков произойдет безо всякой революции,—*просто в силу интересов* перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство и влиятельнейшей *части господствующих классов*. „Предстоит *конституционное* обновление". „Буржуазия предъявит свои притязания на новую организацию государственной власти", „феодализм принужден будет уступить, *самоисчерпав*[1]) *себя*". Затем „борьба разных слоев господствующих классов между собой после того, как укоренится общественный строй буржуазных отношений, принудит их и у нас, как везде, раздвигать рамки избирательного закона", Конечно, это не будет автоматическое „врастание". „Ничего у нас не „врастет" само собой в будущем, а все явится в результате серьезной и упорной общественной борьбы". Но „*очередной задачей является... проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем периоде рабочий класс должен организоваться не для революции*", не „в ожидании революции", а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов"...[2]).

Как видите, здесь нет, поскольку дело касается политической проблемы, ни одного нового слова сравнительно с тем, что пропагандировали г.г. Мартов, Дан, Мартынов, и т. д. Правда, г.г. Мартов, Дан, Миров (из «Возрождения») склонны—по временам—допустить, что буржуазия—в процессе «конституционного обновления» России—будет не только ползти, извиваясь,

---

[1]) „Самоисчерпание реакции"—это лишь другое выражение той же мысли о „разрешении лжеконституционализма в конституционализм". И то и другое в равной степени утешительно и в равной степени служит переходом к утешительному выводу о том, что обойдется-де и без революции.

[2]) Ю. Ларин. „Возрождение", 1910, №№ 9—10, 11; „Наше дело", 1911, № 2. Заметьте: не только рабочие, но и широкие круги должны усвоить ту „руководящую идею", что рабочий класс организуется не для революции. При чем тут „широкие круги"? Вероятно затем, чтобы, проникнувшись соответствующей идеей, эти круги сменили гнев на милость по отношению к рабочим. Предусмотрительно, Ларин!

(к чему больше склоняется г. Ларин), но иногда извиваться. прыгая,—но это не меняет общности их тенденций. Что же могли возразить г г. Мартовы, Даны—Ларину? Естественно—ничего. Мартов лишь попросил Ларина—«не топить вопросов тактики в вопросе о текущем моменте». А этот ответ означал, что, не имея ничего возразить против Ларина и обязанный—рука руку моет!—и ворон ворону глаз не выклюет!..—подчеркивать отсутствие у последнего «реформистских тенденций» [1]), г. Мартов считает лишь более «политичным», иногда помолчать там, где Ларину грозит бедой его «ясный язык».

Для того, чтобы предпочитать свою собственную увертливость Ларинской ясности, у г.г. Мартова с Даном есть достаточные основания. Главное из них: под прикрытием этих увертливых формулировок легче вести борьбу с партией революционного пролетариата, оставаясь внутри ее, легче пользоваться старым флагом для своей либеральной контрабанды.

Ибо ясная формулировка рассмотренных нами тенденций Мартова, Дана, Ларина, Мартынова, Левицкого и т. д. неизбежно приводит к вопросу: что общего у этих людей с пролетарской партией? Ибо ясная формулировка этих тенденций вопиет, можно сказать, к небу: господа, в нашей партии удобно расположились типичные либералы! Люди принимают в программе республику а на практике пропагандируют отрицание нелегальной партии при столыпинщине; люди принимают в программе конфискацию. а на практике видят прогресс в присоединении крестьянства к аграрной программе торгово-промышленной буржуазии. Что это, политическое тупоумие или крайняя степень комедиантства?.. Конечно, тупоумие, поскольку они не предлагают изменения программы, конечно, рассчитанное комедиантство, поскольку формальное признание программы для них метод борьбы с революционной работой партии изнутри ее.

Их практическая же программа ясна: Россия конституционно обновляется, буржуазия вползает в эту новую Россию, а за нею ползет пролетариат, отнюдь не запугивая свою руководительницу буржуазию... «носительницу освободительных тенденций».

И это пропагандируется под флагом нашей партии.

Как тут не сказать: либералы и предатели революции расположились в пролетарской партии слишком удобно?

---

1) „Жизнь", № 1, стр. 7. „Ларина я в реформистских тенденциях, разумеется, не подозреваю".

3. Не гегемония, а классовая партия.

«Чтобы общественный переворот мог завершиться, буржуазия должна стать его «движущей силой», «центром тяготения». «гегемоном»,—таков урок, вынесенный ликвидаторством из опыта революции.

Но ликвидаторы знают и другое: они знают, что «политическим выразителем решительной демократической революции в России—являлся левый блок» [1]).

Так было,—говорит ликвидатор, гегемоном в революции явился пролетариат; и оттого революция не победила,—вставляют г.г. Череванины, Мартовы, Даны и Ан'ы; в дальнейшем так не должно быть, пролетариат должен очистить место во главе освобождающегося народа—для буржуазии,—продолжают они.

Критика теории гегемонии, как она сложилась в истории российской социал-демократии и критика практики гегемонии. как она сложилась в эпоху революционного кризиса,—становилась при этих условиях неизбежным моментом в пропаганде ликвидаторов, одной из главнейших исходных точек всего их политического построения.

Можно, поэтому, судить, много ли политического понимания проявили те люди, которые, как например, В. Базаров, по виду выступая против ликвидаторства, объявили «пустяками» спор о гегемонии.

Ликвидаторы поняли очень хорошо, что то или другое отношение к гегемонии есть *решающий* момент в политической тактике и даже в построении программы русских марксистов.

---

[1]) Череванин. „Современное положение и возможное будущее", стр. 242. К этому месту г. Череванин делает следующее примечание: „говоря о левом блоке, я имею в виду не сплоченную организацию с внутренней дисциплиной, к которой стремились, повидимому, большевики, а *фактический* союз революционных элементов пролетариата, крестьянства и городской демократии".

Я понимаю, что г. Череванину трудно признать то, что всегда говорили большевики, а именно, что решительная демократическая революция = „левый блок", и что победа решительной демократической революции = диктатура пролетариата и крестьянства. Но трудность этого признания не обязывала, казалось, г. Череванина говорить заведомую глупость о какой-то „сплоченной организации с внутренней дисциплиной". Внутренняя дисциплина сплоченной организации двух разных классов!.. Это представление, „повидимому", способно возникнуть в голове лишь безнадежных тупиц.

Кстати, упоминая в связи с решительной демократической революцией о „городской демократии", г. Череванин, надо полагать, толкует не о кадетской „демократии", а о той,—другой,—которая оказалась способной стать в Москве на баррикады рядом с рабочими.

Поэтому-то они ополчились против этой идеи всеми теми силами, которые находились у них в распоряжении.

Череванин, Потресов, Мартынов, Кольцов, Мартов, Дан, Левицкий, Ан,—все, кому пришлось сталкиваться с темой: пролетариат в революции,—единогласно в форме ли осуждения его «революционных иллюзий», в форме ли осуждения «переоценки сил», в форме ли осуждения его «утопизма», осудили поведение пролетариата.

Ликвидаторам не понравилась та роль, которую играл в русской революции пролетариат; она и не могла им понравиться, как не могла она понравиться, скажем, кадетам или радикалам или «товарищенцам». Мы говорим именно о роли, об общей позиции, которую занял пролетариат среди борющихся со старым порядком сил общества и народа, а не о том или другом его тактическом шаге.

Но нет никакого сомнения, что эта роль была ролью гегемона.

Таким образом, выступая против той роли, которую сыграл в русской революции пролетариат, ликвидаторы должны были тем самым выступить против идеи гегемонии,—и, наоборот, их выступление против идеи гегемонии подсказано ничем иным, как их отрицательным отношением к роли пролетариата в 1904—1907 г.г.

Таково единственное,—и достаточное,—основание для той борьбы против гегемонии, которую начали, вели—и должны будут вести—ликвидаторы.

Известно, что на этом пути критического и отрицательного отношения к идее гегемонии г г. ликвидаторы имели предшественников. «Экономисты», авторы «Кредо», затем либералы-«освобожденцы» относились тоже отрицательно к этой идее; в ходе революции кадеты, бернштейнианцы, «беззаглавцы»,—либералы, прогрессисты и оппортунисты всех видов и всех толков,—совершенно так же объявили виной поражения русской революции все ту же позицию, занятую пролетариатом в революции.

Почему? Чем объясняется это отношение разумных врагов и неумных «друзей» рабочего класса к его «гегемонии»?

Оно объясняется тем, что либералы до революции предвидели, а в революции увидели, что гегемония пролетариата в революции не отвечает интересам буржуазии.

Именно поэтому, все партии, кроме с.-д., приложили уже до революции все свои силы для того, чтобы оспорить, обессилить идею гегемонии в революции—для того, чтобы побороть или

по крайней мере, охаять эту гегемонию, а после революции — для того, чтобы на нее свалить ответственность за поражение движения.

Таким образом, идея гегемонии неизбежно стала уже в предреволюционную эпоху тем оселком, о который испытывались действительная преданность социализму и действительное понимание пролетарского дела в России. Этого испытания не выдержали и многие из тех, кто считал себя призванным представлять интересы рабочих. Именно на этом пункте уже в предреволюционную эпоху разорвали с социал-демократией те, кто марксистской фразеологией облекал свою либеральную сущность.

И это было естественно, ибо вопрос о гегемонии был отнюдь не теоретическим, а самым практическим из практических вопросов русского революционного движения; ход и исход русской революции зависел от того, кому будет принадлежать гегемония.

Это не значит, чтобы гегемония пролетариата в борьбе со старым режимом непременно означала победу революции. Нет. Даже при гегемонии пролетариата сил для победы могло оказаться недостаточно. Но это положение ничего не изменяет в том, что ход и исход революции определялся тем, кто станет во главе ее, какой класс ее поведет, какой класс окажет большее влияние на промежуточные слои, — в первую очередь, — на крестьянство: революционный пролетариат или либеральная буржуазия?

Не трудно теперь заметить: 1) что ликвидаторы не случайно уперлись в вопрос о гегемонии; 2) что их отрицательное отношение к гегемонии пролетариата в революции есть уже само по себе достаточное свидетельство их перехода с пролетарской на либеральную позицию; 3) что в этом отношении к гегемонии пролетариата они лишь продолжают традицию всех уходивших от марксизма к либерализму групп.

Спор о гегемонии отнюдь не есть только спор о том, кто сохранил или ликвидировал идейное «наследство» русской соц.-демократии 80-х и 90-х г г.? Наоборот. Спор о том, кто сохранил и кто ликвидировал это идейное «наследство», есть лишь отражение спора о том, кто приемлет и кто отрицается наследства Великой Революции.

В этом смысле ликвидация идеи гегемонии (а заодно и тем самым «исконной идеи русского революционного марксизма» по сознанию г. Потресова), предпринятая г.г. Потресовым и Мар-

товым под покровительством редакторов «Обществ. Движения» и «Гол. Соц.-Дем.», г.г. Мартова, Маслова, П. Б. Аксельрода и Мартынова—удовлетворяла прямой **практической** потребности. Отречение от революции требует и отречения от революционных идей [1]). Г. Потресов поступил логично, предприняв свою работу...

Но история лукава, как писал некогда П. Аксельрод, предрекая большевикам роль буржуазных демократов в революции. Действительно... лукава; только не всегда исполняет прорицания Аксельрода...

Людям, отказывающимся от революционных традиций социалдемократии, она подсовывает в качестве их действительного наследства то наследство «экономизма», как г. Мартову, то наследство либерализма, как г. Потресову, то наследство г. Тихомирова, как г. Мартынову. Это—фатум, господа!.. Отказался от идеи гегемонии, отрекся от «пролетариата в революции» и попадешь прямехонько в объятия то г. Изгоева, то г. Тихомирова, то г-жи Кусковой!..

Между всеми вышеуказанными наследствами то общее, что люди эти отчасти не хотели, отчасти не могли стать на такую точку зрения, которая заставляет рассматривать все политические и экономические проблемы революции под углом интересов рабочего класса, а рассматривают пролетариат—всего только,—как один из необходимых элементов революции, как илота революции.

Это—две диаметрально-противоположные точки зрения: одна призывает пролетариат использовать процесс буржуазной революции в своих интересах; другая точка зрения есть точка зрения эксплоатированья пролетариата в интересах буржуазного переворота. В конечном счете эта точка зрения рассматривает пролетариат как необходимое орудие буржуазного переворота, но орудие тем более целесообразное, чем более подчинено оно руководительству буржуазного либерализма, чем менее самостоятелен пролетариат в своей политической борьбе.

Отрицание гегемонии лежало в основе всей той оппортунистической тактики в революции, которая на деле вела к превращению рабочей партии и раба кадетизма. Именно оно, т.-е. именно отрицание гегемонии—молчаливое или нет—на деле, в

---

[1]) Г. В. Плеханов был совершенно прав, конечно, когда писал г. Дану, что „статья Потресова—есть laesae Revolution“, т.-е. оскорбление революции (см. „Мой секрет“, стр. 22). Он только сильно ошибался, если предполагал, что этот аргумент может иметь значение для г-на Дана. „Ворон ворону глаз не выклюет“.

революции, определяло все лозунги и всю политику оппортунизма, именно, оно на деле, в революции, приводило к тому отрицанию самостоятельной политики рабочего класса, которое было провозглашено «либералами в марксизме» еще задолго до революции.

Но если связь между известным отношением к гегемонии и тактикой оппортунизма в революции не подлежит сомнению, то не менее ясна и связь между отрицанием гегемонии и тактическими и организационными построениями ликвидаторов в эпоху контр-революции.

Мы видели, что отрицание гегемонии—логически неизбежный вывод из всей политической позиции наших ликвидаторов. Мы видели, что этот вывод неизбежно навязывается ликвидаторам (хотя бы в виде подмены революционного социал-демократического «наследства» «наследством» буржуазных либералов и радикалов) даже тогда, когда они от этого вывода стараются увильнуть. Посмотрим на тех, кто имеет смелость честно сделать этот вывод.

В том же 1908 г., когда г. Потресов налаживал пушку своего «исторического» исследования для «исторического» истребления идеи гегемонии, г. Ан,—виднейший меньшевик,—договаривал за г. Потресова, возвещая, что «идея гегемонии отжила свой век».

„Если она была верна для прошлого, то это не значит, что она верна для всех времен, в настоящем и будущем".

В завязавшейся по этому поводу полемике с большевиком т. К. Ст., совершенно правильно вскрывшим программные и тактические последствия этой ликвидации, г. Ан писал:

„Изо всех обвинений в ликвидации, выдвинутых К. Ст. против автора статей (статей г. Ан), только одно верно—это ликвидация идеи гегемонии пролетариата в освободительном движении настоящего и будущего. (Бедняга не понимал, что этим признанием в ликвидации идеи гегемонии в движении настоящего и будущего (!!) предрешалась и правильность всех других обвинений т. К. Ст.!.. Л. К.). Главный аргумент... изменение соотношения общественных сил, которое последовало за последние три года в связи с усилением экономической и вообще классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией и дифференциации классов. Автор (т. е. Ан) говорит, что во главе революции действительно стоял пролетариат, и если она не победила, это потому, что пролетариат не может стоять во главе буржуазной победоносной революции... пролетариат не может быть вождем победоносной буржуазной революции [1])".

Конечно, г. Ан. не хотел сказать, что пролетариат, не будучи в состоянии быть вождем «победоносной буржуазной ре-

[1]) Статьи К. Ст. (т. Сталина) и Ан (Н. Жордания) были напечатаны в „Дискуссионном листке", № 2. Париж 1910 г.

волюции», с успехом может выполнить роль вождя непобедоносной буржуазной революции. Он только отстаивает ту новую (для марксистов; старую, очень старую для либералов) мысли, что для того, чтобы буржуазная революция была победоносной, место ее вождя должно быть уступлено (в его собственных же интересах, уверяет г. Ан) пролетариатом буржуазии.

Г. Ан сказал честно. Но не оскудели еще ликвидаторы «честными» врагами революционного пролетариата.

«Честным» оказался и г. Герасимов, меньшевик, специально тренированный во время оно г.г. Мартовым и Даном на изобличения «якобинизма» и несоциал-демократизма большевиков [1])». Теперь, продолжая то, чему его учили, и по отсутствию «гибкости ума», рассказывая то, что учат скрывать «Г.С.-Д.» и г. Мартов, он пишет:

Да, если „ликвидаторство" в рядах марксистов может в настоящее время иметь какое-либо значение, то именно то, что оно не столько проповедует, сколько не боится констатировать, что в ближайшую эпоху развития русского освободительного движения гегемония отнюдь не останется за пролетариатом. Самый факт нарождения и каждодневной консолидации буржуазно-демократических слоев и партий говорит о том, что „классическое положение русского марксизма" о гегемонии, выраженное в знаменитой формуле Плеханова, оставалось верным лишь до известного периода, лишь до того момента, покуда на арене общественной борьбы не было других сил [2]).

Видите, г. Герасимов согласен был терпеть гегемонию пролетариата до тех пор, покуда «не было других сил», но раз эти «силы» появились, то «положение о гегемонии» перестало быть «верным». Пожалуй, иной вольнодумец скажет г. Герасимову и г. Ану, что «положение о гегемонии» в том и заключается, что призывает рабочий класс *бороться с другими силами* за влияние на ход и исход общественного движения, т.-е. за влияние на промежуточные слои, что, поэтому, «положение о гегемонии» становится тем более верным, тем более важным, раз эти «другие силы» оказываются налицо, раз они «консолидируются», раз они пытаются взять в свои руки руль событий. Но на г. Герасимова это не подействует; он скажет, как сказали и г. Ан, и г. Мартов, и г. Дан, и г. Потресов: то-то и хорошо, что этот руль переходит из рук пролетариата в руки других сил; «чтоб общественный переворот завершился, его движущей силой должна стать буржуазия»,—скажет г. Мар-

---

1) См. его статьи в меньшевистских „Откликах" за 1907 г.

2) Ст. Герасимова, „Киевские Вести", № 327.

тов; «пролетариат не может быть вождем победоносной буржуазной революции», повторит то же другими словами г. Ан.

А пролетариат? Ну, он, конечно, должен устраниться от какой бы то ни было борьбы за этот руль. «Его конкуренция с буржуазией за руль может лишь ослабить силу натиска, лишь испугать буржуазию, вообще повредить делу, как уже повредила в 1905—1907 годах», скажут вам все эти господа в один голос. «Пролетариат должен заняться «с в о и м» делом, предоставив буржуазии роль «центра тяготения освобождающейся нации»,—продолжат они в один голос с г. Герасимовым:

„Если ликвидаторы отказываются от „гегемонии в общенациональной борьбе", от „роли вождя в ней", то ясно, что делают они это во имя укрепления своих действительных сил, имеющих свои собственные задачи и соответственно с этим свою „политическую линию" каждодневной и некаждодневной борьбы... Отказ от гегемонии во всяком случае обозначает собою отказ от ряда теоретических и организационных примесей и элементов, всецело чуждых практике марксизма, как таковой, и внесенных в нее именно во имя „общенациональной" борьбы".

Или, как говорит г. Левицкий в «Нашей Заре»:

„Если прежняя с.-д—ия была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет классовой партией вступивших в свое историческое движение масс". (1910, № 7, стр. 103).

Вот он «весь», как нарисован, «верный раб» либерализма, ученик Потресова и Мартынова, «наследник» экономистов.

НЕ «гегемония в общенациональной борьбе», А «свои собственные задачи»; НЕ «роль вождя», А «свои собственные позиции»; «очищение» марксизма от того, что делает его орудием пролетариата-гегемона и превращение марксизма в «брентанизм», в идеологию узко-понятой профессиональной борьбы рабочих; НЕ революция, А чисто рабочее движение, хочется нам продолжить, вспоминая «Рабочую Мысль».

Авторы цитированного уже нами «Кредо», уходя к либералам, писали, думая, что они говорят на единственно правильном «марксистском» языке:

„Ортодоксальные русские марксисты забывают, что ц е л ы й р я д и с т о р и ч е с к и х у с л о в и й м е ш а е т н а м б ы т ь м а р к с и с т а м и З а п а д а, и т р е б у е т о т н а с и н о г о м а р к с и з м а, у м е с т н о г о и н у ж н о г о в р у с с к и х у с л о в и я х[1])".

В точном переводе это значило: в царской России, до ее буржуазной революции пролетариат должен отказаться от мысли о том, чтобы взять в свои руки руководство «общенациональной» борьбой, он должен ограничиться ведением экономи-

[1]) „Рабочее Дело", 1899, № 4—5, стр. 17.

ческой борьбы, отстаиванием «собственных», узко-корпоративных интересов. Такой «марксизм», который оправдывал бы это самооскопление пролетариата, и казался либералам (не только авторам «Кредо», но и всем либералам и всегда) единственно «уместным и нужным в русских условиях». Такой, «иной» «марксизм», передающий руководящую роль в политическом движении буржуазии и замыкающий пролетариат в узкую область цеховой борьбы,—они готовы были благословить и пропагандировать.

Но такой «марксизм», «нужный» либералам, ничего общего не имел ни с ходом русского рабочего движения, ни с учением величайшего революционера всех веков, Карла Маркса. Это был только либерализм, советовавший пролетариату отказаться от самостоятельной роли на политической арене, уйдя в свою область «чисто рабочего» движения и предоставив эту арену в полное распоряжение либерализма.

Этот-то «иной», «уместный—на взгляд либералов—и нужный марксизм» и получает свое полное выражение в наших ликвидаторах. Читаешь г.г. Потресова, Череванина, Ан'а, Герасимова и думаешь: вот он «уместный и нужный» марксизм авторов «Кредо»; пролетариату—экономическая, цеховая борьба и борьба за «свои» «рабочие» требования, а гегемония в политической борьбе—либералам.

В чем дело, в этом столкновении революционного марксизма, зовущего пролетариат к гегемонии, и «иного», «уместного марксизма» либералов, Потресовых, «Кредо», отрицающего гегемонию? А вот в чем.

Уже до революции 1905—1906 г.г. было ясно, что ход и исход ее определится в зависимости от того, за кем пойдут широкие народные, главным образом, крестьянские массы, за революционным пролетариатом или за либеральной буржуазией.

Пролетариату было выгодно,—а его «выгоды» и здесь, как и всегда совпадали с интересами всего народа,—чтобы крестьянство стало на его сторону, пошло за ним, приняло его советы, им рекомендовавшуюся тактику. Буржуазии было выгодно,—и ее выгоды совпадали с интересами помещиков и Романова,—чтобы крестьянство шло за нею, прислушивалось к советам либерализма.

За влияние на крестьянство между революционным организованным пролетариатом и организованной либеральной буржуазией происходила борьба; это была борьба за гегемонию. Стоит

развернуть отчеты первой и второй Думы [1]), чтобы убедиться, что вся внутренняя борьба в них определялась не чем иным, как борьбой с.-д. и к.-д. за то, за кем из них пойдут представители крестьян. Крестьяне колебались между теми и другими, и эти именно колебания определяли исход каждого этапа революции.

В этой борьбе за гегемонию, окрасившей всю русскую революцию, вскрылось яснее ясного то, почему либерализм уже заблаговременно рекомендовал пролетариату отказаться от идеи гегемонии и замкнуться в своих «собственных», «чисто-рабочих» интересах. Кажется, это не требует пояснения. «Уместным и нужным» казался либералам тот «марксизм», который устранил бы с поля борьбы за влияние на крестьянство его соперника, опасного соперника,—революционный пролетариат.

Теперь не трудно сообразить, что кроется за спорами о гегемонии, не трудно сообразить, кому служит—пролетариату или буржуазии, революции или Столыпину—человек, который пишет: борьба за гегемонию со стороны пролетариата была ошибкой, пролетариату надо отказаться от этой борьбы, надо бороться лишь за «собственные интересы», кто, наконец, приходит к выводу:

„Политическим центром притяжения для демократического крестьянства должна была бы стать городская буржуазная демократия [2])".

Вот они, выводы «нужного и уместного марксизма»!

Это пишет «Наша Заря» (1911 г., № 3, стр. 62) и тем окончательно вскрывает свою либеральную, анти-пролетарскую и анти-революционную позицию.

Но тут встает перед нами охранитель выгребной ямы ликвидаторства и заявляет:

„Не может теперь никакая группа социал-демократов выкинуть знамя чисто-рабочего движения... Нам не укажут таких „ликвидаторов", которые отвлекали бы интерес рабочих от Гос. Думы, или требовали, чтобы в Думе наши депутаты

---

[1]) Мы берем Думы только как пример: та же борьба шла, конечно, и вне Думы, и по вопросу об отношении к самим Думам, и на выборах, сказывалась на ходе всего движения в деревне и т. д. (Дополнение к наст. изд.). Ход русской революции в 1917 г. и в 1918—1920 г.г. целиком подтвердил этот взгляд на роль крестьянства).

[2]) Вся тактика меньшевиков во второй революции (1917 г.) целиком предсказана в этом положении. Прим. к наст. изд.

не старались занять самостоятельную с.-д. позицию во всех вопросах политики, чтоб рабочая пресса не касалась нерабочих интересов[1]".

Милостивый государь, вы опять передергиваете карты, тобишь... в интересах ликвидаторства жонглируете словами и понятиями.

Скажите: то, что английские трэд-юнионы очень интересовались парламентом, производили — с своей точки зрения — оценку выставляемых кандидатов, требовали от тех из них, за кого подавали свои голоса, отстаивания в парламенте нужд рабочих, — избавляло ли все это их от упреков в том, что их знамением является знамя «чисто рабочего» движения? Маркс и Энгельс очень зло разоблачали ту скверную политику вождей английских трэд-юнионов, которая делается под знаменем «чисто рабочего движения». Следуя их примеру, и русские революционные социал-демократы всегда указывали на то, что «чисто рабочее» движение отнюдь не есть отрицание политики, но только отрицание социал-демократической политики во имя либеральной политики рабочего класса.

Указывая на людей, выступающих с лозунгом «не гегемония, а свои собственные задачи», мы говорим: эти люди со своим знаменем «чисто рабочего движения» отрицают социал-демократическую политику рабочего класса во имя политики же, но либеральной. А. г. Мартов кричит по этому поводу, надеясь, видимо, обезоружить противника: ликвидаторы не отрицают политики, они не отвлекают интересов рабочих от политики! Еще бы! Но, — да будет это вам известно, г. Мартов, — этого смешного обвинения в отвлечении рабочих от политики, которое вы хотели бы вложить нам в уста, мы не предъявляем даже и либералам. И это по той простой причине, что лозунг «чисто рабочего движения», которое одинаково пропагандируют в его противоположении «идее гегемонии» и либералы, и ликвидаторы, даже у либералов не подразумевает «отвлечения рабочих» от политики.

Знамя «чисто рабочего» движения, которое г.г. либералы и ликвидаторы предлагают вниманию рабочего класса, есть только знамя либеральной политики рабочих, а она не исключает ни внимания к Г. Думе, ни статей по нерабочим вопросам в рабочей прессе, ни даже «самостоятельности» рабочих депутатов (на манер «самостоятельности» рабочих депутатов трэд-юнионов в английском парламенте).

---

[1]) Г. Мартов. „Гол. С.-Д.", № 23.

Поучитесь-ка, г. Мартов, у г. Изгоева: он очень хорошо понимает, о чем идет дело в ликвидаторском лозунге: «не гегемония, а чисто рабочая политика», и он имеет то преимущество перед вами, что ему не зачем скрывать свои мысли. Поясняя своим читателям, почему ликвидаторство есть важное общественное явление, г. Изгоев пишет:

„Успех русского рабочего движения для нас важен, как для конституционалистов. Именно в силу нашей „буржуазной", конституционно-демократической сущности мы не можем относиться враждебно к организации пролетариата, самого сильного демократического элемента больших городов. Я допускал и допускаю, что это (организовать русский пролетариат) может сделать социал-демократия, если поймет необходимость внутренней реформы и найдет для этого силы [1])".

Что же, г. Мартов, скажете ли вы, что г. Изгоев отрицает «политику» для рабочего класса, отвлекает их от интереса к Г. Думе и пр.? Конечно, нет!.. Наоборот. Он допускает и «марксизм», тот «иной», «уместный» марксизм, который отрицает гегемонию. Вы видите, он допускает даже, что для выполнения задачи организации рабочего класса нужна особая, специальная партия. Какая же?

„Что в стране с развитой капиталистической промышленностью—продолжает г. Изгоев—рабочий класс рано или поздно найдет формы своей организации,—это, конечно, бесспорно. Но будет ли иметь эта форма „вид германской или австрийской партии, английских трэд-юнионов или французских синдикатов",—„непримиримого интернационала" или „бернштейновского ревизионизма, легиновской политики, хождения „ко двору", вотирования бюджета, бельгийских кооперативов",—вот в чем вопрос для г-на Изгоева.

Вы видите, г. Изгоев совсем не отвлекает рабочий класс от политики—так же, как и ликвидаторы, г. Мартов,—он считает рабочий класс очень важным «для конституции»,—в роде того, как вы его считаете очень важным «для революции», г. Мартынов,—он только за то, чтобы этот класс усвоил себе тактику «не гегемона, а защиты собственных интересов», чтобы он сменил роль вождя революционной борьбы на политику «английских трэд-юнионов», на политику Ленина и т. д. и т. п., он только за то, чтобы революционный марксизм был сменен «иным», «уместным и нужным марксизмом» г.г. Потресова, Левицкого и Мартова, как это и проповедуют г.г. Ан'ы, Герасимовы, Маевские, «Гол. Соц.-Дем.», «Наша Заря» и т. д. и т. д. То-то была бы радость для либералов!..

---

[1]) „Русская Мысль", 1910 г., август, статья „Вехист среди марксистов".

Очень рельефно вскрывается общее понимание либералами и ликвидаторами «лозунга»: «не гегемония, а классовая партия» в том совете, который г. Изгоев считает нужным дать нашей партии:

„Самая настоятельная задача социал-демократов—выход из подполья“ (стр. 72, „Русская Мысль“, 1910, август).

«Не гегемония, а классовая партия, а отстаивание собственных интересов»,—говорят ликвидаторы.

Браво!—отвечает им г. Изгоев,—это значит политика ревизионизма, политика трэд-юнионов, отказ от 1905 г., открытая рабочая партия; такой—«иной, уместный»—«марксизм», — таких социал-демократов, мы,—либералы,—приветствуем, готовы им поручить и доверить организацию русского пролетариата; их борьбу против существующей партии всячески поддержим.

Почему же г.г. либералы так обрадовались лозунгу: «не гегемония, а классовая партия»?

Потому, что это есть лозунг либеральной рабочей политики; потому, что этот лозунг есть лозунг либеральной рабочей политики вообще и всегда, а в России—эпохи неизжитой демократической революции—в частности и в особенности.

«Не гегемония», это—вообще, т.-е. и в странах, переживших буржуазную революцию,—значит отказ от борьбы с либерализмом во имя влияния на промежуточные слои. Это в России значит отказ от борьбы с либерализмом за привлечение крестьянства к революционной борьбе.

«Не гегемония» это—вообще—значит отказ пролетариата от роли передового бойца в борьбе со старым режимом. «Не гегемония» это значит—в России—подчинение рабочего класса политическому руководству либералов».

При этих условиях «классовая борьба»—вообще — превращается из борьбы за социалистический переворот в борьбу за частичное улучшение положения рабочего класса. Социалистическая революция подменяется лозунгом: социальная реформа.

При этих условиях п р о т и в о п о л а г а е м а я гегемонии «классовая борьба» превращается в России из борьбы за полный демократический переворот в борьбу за постепенное расширение прав рабочего класса под игом режима 3-го июня. При этих условиях «классовая борьба»—вообще—превращается из революционной борьбы пролетариата с буржуазией в постепенное выторговывание у буржуазии частичных реформ.

Но в Европе вы теперь не найдете ни одного кретина из самых закоренелых идиотов, заседающих в буржуазных парла-

ментах и на профессорских кафедрах, который бы отрицал *такую* «классовую борьбу». А в России вы не найдете ни одного эксплоататора из октябристов, который всеми силами не распинался бы за *такую* «классовую борьбу».

Ибо, люди проповедующие «не гегемонию, а классовую борьбу» пролетариату, на самом деле проповедуют ему не классовую и не борьбу, а лишь мирный торг с хозяевами жизни за узко-профессиональные или мещански-обывательские интересы.

К этому пришли ликвидаторы,—эти сторонники новой партии приветствуемые всеми врагами революционного пролетариата. А придя к этому пониманию роли и задач пролетариата в современной России, они должны были внять совету г. Изгоева насчет *открытой* партии.

Политика гегемонии пролетариата есть политика революций. Отказываясь от гегемонии, пролетариат в политической области становится на точку зрения либерализма, ограничивая свою самостоятельность областью допустимого для либералов. Встав на точку зрения либерализма, ликвидаторство должно было,—как и либерализм,—устремиться на легальную арену, к образованию открытой партии. Ничего не могло быть логичнее этого. Для либерализма режим 3-го июня дает легальную арену, почему бы он не мог дать ее и ликвидаторам, как две капли воды похожим на либералов. Ликвидаторы, правда, обожглись и никакой открытой партии еще не получили. Столыпин не имеет основания доверять рабочим даже тогда, когда за них ручаются ликвидаторы. Но сами-то ликвидаторы должны были логически упереться в идею открытой рабочей партии при столыпинщине: ликвидатор потому и либерал, что он набит либеральными иллюзиями.

4. Легализм и борьба за легальность.

Политическая группа, которая пытается построить свою практическую политику на выше разобранных представлениях о характере переживаемого Россией кризиса, о гегемонии и т. д., должна была притти к попытке построить новую, иную, чем наша, партию. Такая попытка—налицо перед нами. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что в контр-революционной атмосфере уже вполне сложилась, оформилась, теоретически окопалась и исподволь ведет свою работу новая группа, организационно и идейно разорвавшая с Р. С.-Д. Р. П. и пытающаяся

организовать рабочих на «чужой» (чужой по отношению к Р. С.-Д. Р. П. и по отношению к социализму) платформе, чуждыми ей методами. Эта группа—есть группа сторонников образования открытой, легальной, законной партии среди рабочих.

Но раньше, чем перейти к ее окончательной характеристике, нам надо остановиться на одном очень важном пункте.

Социал-демократия никогда не отрицала и не отрицает использования легальных возможностей. Революционный пролетариат проявил бы слишком мало понимания своих интересов, если бы, вслед за анархистами, отвернулся от использования в своих классовых, т.-е. в своих революционных, целях той «легальности», тех «прав», которые не может не предоставлять в его распоряжение современное общество.

Русская контр-революция, основанная на организации в национальном масштабе всех контр-революционных сил, не могла избежать общей участи, не могла не предоставить русскому пролетариату ряда, хотя бы очень мизерных, «возможностей». Русский пролетариат должен их использовать в своих революционных целях. Он должен их использовать планомерно, всесторонне, терпеливо и упорно, постоянно работая над усовершенствованием методов этого использования и ни пяди не уступая из того, что уже взято им с бою. Всякая политическая группа, которая бы попыталась удержаться в стороне от этого движения, в стороне от использования легальных возможностей, была бы очень быстро превращена ходом действительного движения в кучку сектантов и им же сметена с пути рабочего движения. Эта участь уже постигла группу «Вперед».

Но,—и в этом как раз суть дела,—иное дело использования столыпинских «легальных возможностей» нелегальной революционной партией рабочих масс, иное дело признание этих «возможностей», этой столыпинской легальности единственной ареной действительного движения.

Иное дело: нелегальная партия революционного социализма, использующая бессилие контр-революции (ибо всякая легальная возможность для рабочих есть лишь обратная сторона невозможности для контр-революции ее прикрыть); иное дело: открытая партия, использующая для своих целей некоторые технические методы подполья. Пример последнего — кадетская партия.

Это партия, несомненно, «открытая»: она действует лишь в пределах предоставленных ей возможностей, борясь (?) за их расширение всеми законными и только законными методами.

Однако, это совсем не исключает того, что она пользуется подпольными методами в своей работе: она собирает свои конференции, собирает членские взносы, несомненно, путем «подпольным». Будучи, следовательно, открытой партией, работающей в пределах отведенных ей законом «возможностей», она не отрицает и не может отрицать «подполья», как своего технического орудия.

Что следует из этого факта-примера?—То, что вопрос о характере партии и направлении ее деятельности решается не тем, признает ли она или не признает возможным и нужным обращаться к помощи подпольных методов, а лишь тем, какое з н а ч е н и е придается этой партией подполью, где у нее, у этой партии, ц е н т р т я ж е с т и всей ее деятельности. Кто может сказать все с у щ е с т в е н н о е в пределах столыпинских «свобод», тому нечего делать в подполье: он должен весь центр тяжести своей работы перенести в пределы законности. С другой стороны, раз здесь видит он центр тяжести,—это значит, что ему нечего сказать в подполье.

Либеральная партия может остаться либеральной партией и тогда, когда она прибегает к конспиративному методу переписки. Социал-демократическая партия в столыпинской России не может остаться социал-демократической, раз для нее в центре работы оказывается работа в пределах столыпинской легальности.

Еще раз: иное дело—и с п о л ь з о в а н и е пролетарской партией столыпинских возможностей, другое дело—о г р а н и ч е н и е партийной работы этими возможностями.

Пропаганда подобного ограничения до того чудовищна на взгляд всякого пролетария, что может возникнуть сомнение: существуют ли в действительности подобные «социал-демократы»? Однако, это именно так.

Начинать следует сначала, следовательно, с г. Мартова. Еще в № 13 «Гол. Соц.-Дем.», в статье, чрезвычайно ловко прикрывшей кучей революционных словечек легалистский характер его рассуждений, г. Мартов дал принципиальное обоснование легализма и первый выставил лозунг «борьбы за легальность», как руководящую идею для социал-демократов.

„В свое время, лет 10 тому назад,—писал г. Мартов,—смешна была мысль о том, что, по мере роста массового рабочего движения, пролетариату удастся закрепить свои частичные победы над своими врагами в форме завоевания отдельных политических прав... Революционная социал-демократия обязана была бороться с этой утопией, которая при превращении в практику могла вести только в

подмену революционных задач пролетариата частными реформистскими лозунгами... Направление всей работы революционной социал-демократии в целом определялось предстоящей перспективой постановки в определенный момент политического вопроса всего в целиком определенной форме: самодержавие или политическая свобода?"

Очень хорошо.—10 лет тому назад революционная социал-демократия была права, когда боролась с «подменом революционных задач частными реформистскими лозунгами» (завоевание отдельных политических прав), и сознательно вела всю свою работу в направлении постановки «всего политического вопроса в целом».

Но это было десять лет тому назад. Теперь, на взгляд г. Мартова, совсем наоборот! Теперь совсем не то!..

„Кризис, к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет... кризисом конституционным... Двигаясь навстречу этому кризису, рабочий класс имеет полную возможность... вырывать от поднимающейся к власти буржуазии частичные уступки, способные расширить рамки его борьбы и организации".

Еще яснее эту мысль г. Мартов выразил ровно через год в «Возрождении».

„Классовый антагонизм „белой" и „черной" кости (дворянства и буржуазии К. Л.) использован может быть прежде всего в том направлении, что бесправные „низы" постараются реализовать для себя те формальные и фактические уступки, которые имущая „белая" кость вынуждена будет делать имущей же „черной". Таков смысл формулы „борьба за легальность", которой пытались обобщить объективную тенденцию современного движения"... Эта идея должна стать „р е г у л и р у ю щ е й и д е е й, проникающей собой все частные и частичные усилия... [1]".

Это как нельзя более ясно. Позвольте же спросить вас, читатель: что есть «борьба за легальность» в понимании г. Мартова?

Точно повторяя его слова, вы должны будете сказать: «борьба за легальность», по Мартову, есть вырывание от поднимающейся к власти буржуазии частичных уступок для пролетариата, есть борьба за распространение на пролетариат 3-е-июньских привилегий буржуазии.

Это аутентичное разъяснение смысла формулы «борьбы за легальность» мы запомним, а покуда зададим себе вопрос: нужна ли такая борьба? Нужны ли пролетариату частичные уступки, вырываемые у буржуазии? Конечно, нужны? Нужна ли пролетариату стачечная борьба? Конечно, нужна, очень нужна, очень важна.

---

[1]) „Возрождение", 1910, апрель, № 6.

Но имели ли бы люди, объявившие «стачечную борьбу» «регулирующей» идеей своей партии, что-либо общее с социал-демократией? Нет, ничего бы общего не имели.

Имеют ли люди, объявившие «борьбу за легальность» в современной России «регулирующей идеей», которой должны проникнуться «все частные и частичные усилия по отстаиванию «низами» своего права на организационное существование»—что-либо общее с революционной социал-демократией, их задачи с задачами последней?—Нет, ничего общего не имеют.

«Вырывание частичных уступок у буржуазии», борьба за распространение 3-е-июньских привилегий буржуазии на пролетариат, ставши регулирующей идеей пролетарской политики, означало бы ее разрыв с революционными задачами пролетариата, означало бы превращение революционной социал-демократии в легалистскую партию социальных реформ. Образование подобной партии среди рабочих столыпинской России означало бы колоссальную победу духа контр-революции над революционным духом.

А между тем нет никакого сомнения в том, что идея «борьбы за легальность», идея легальной борьбы за частичные уступки—пропагандируется г.г. ликвидаторами именно как новый принцип, как руководящий и определяющий мотив их новой политики.

Мы видели заявления г. Мартова на этот счет в легальной печати, но не иначе, рассуждает и «Голос Соц.-Дем.», этот нелегальный орган русского легализма.

В руководящей статье г. Дана этот орган прямо рекомендует социал-демократическим деятелям «написать на своем знамени» «борьбу за легальность». Г. Дан продолжает:

„Борьба за легальность, или, иначе, борьба за полноправие рабочего класса во всех сферах организации и борьбы, экономической, культурной и политической, выдвигается всей исторической обстановкой, как одна из основных революционных задач борьбы рабочего класса в современной России".

И несколькими строками выше:

„Именно такая постановка (широкая постановка вопроса о борьбе за легальность) должна определять собою все частные шаги рабочего авангарда... [1])".

И еще в последнем № «Голоса» в связи со «столыпинским» кризисом, этим провозвестником краха всей системы,—перед лицом обострения всего положения, перед лицом нового государ-

---

[1]) „Голос С.-Д.", № 19—20.

ственного переворота, в момент, когда революционный характер задач движения вновь вырисовывается в достаточно выпуклых формах, и когда пропаганда этих задач, казалось бы, становится обязательной даже для всякого вульгарного демократа, редакция этого органа провозглашает «борьбу за легальность» исходной точкой борьбы пролетариата, «каковы бы ни были дальнейшие ее перспективы» (№ 25, стр. 4, статья г. Мартынова).

Г. Столыпин совершает государственный переворот: «Голос Соц.-Дем.» в ответ заявляет: «а мы будем исходить из легальности».

Может ли быть для г. Столыпина что-либо более приятное, а для нашей партии—что-либо более позорное, когда в ответ на его новые попытки государственного переворота из рядов социалистов раздается—всего только лозунг: борьба за легальность.

Поистине только «столыпинские социал-демократы» могут отвечать на столыпинское издевательство над законом, над всякой легальностью, провозглашением борьбы за легальность «исходной точкой движения».

«Борьбу за легальность» может, по рекомендации г. Дана, «написать на своем знамени» легальная партия реформ, но ее не может написать на своем знамени партия революционного пролетариата в России.

Читатель видит теперь, как правы мы были, когда указывали, что из ликвидаторской оценки текущего момента вытекает лишь такая схема развития: буржуазия ползет, поднимается к власти, за ней по ее стопам ползет отказавшийся от гегемонии, расставшийся с идеей революции пролетариат, отторговывающий у своего гегемона, буржуазии, частичные уступки в виде откупного за свой отказ от революции, за свое самоограничение «истинно-рабочей» политикой. Формулой апологии этого развития и является формула: «борьба за легальность».

Как раз тогда, когда либерализм открыто объявил себя лишь «оппозицией Его Величества», ликвидаторство стало проповедывать, что рабочий класс должен занять по отношению к буржуазному либерализму такое же положение, которое либерализм занял по отношению к романовской монархии. Либерализм не хочет быть чем-нибудь большим, чем «оппозицией Его Величества», самодержца всероссийского, открытая партия ликвидаторов не хочет быть чем-либо иным, как «оппозицией Ее Величества», буржуазии всероссийской.

И г. Мартов был совершенно последователен, когда, продолжая в «Жизни» свои «Заметки публициста», начатые в «Возрождении», указывал на то, что «формула борьбы за легальность» есть основа.

„тактики, ставящей в центре открытое рабочее движение, стремящейся к его расширению во всех возможных направлениях и ищущей внутри этого открытого рабочего движения—и только там—элементов для возрождения партийного бытия [1]“.

Только там!.. т.-е. только в том, что разрешено столыпинской легальностью.

Не вправе ли мы были сказать, что непроходимая пропасть лежит между использованием столыпинской легальности в духе революционной социал-демократии и ограничением своих задач только тем, что эта легальность разрешает... в духе штемпелеванного либерализма.

И дело, тут, конечно, не в различной степени нелюбви к столыпинщине (можно надеяться, что степень этой нелюбви у г. Мартова приблизительно одинакова с нашей); дело в тех политических перспективах, которые связываются с образованием открытой рабочей (?) партии при столыпинщине; дело в том анти-революционном духе, который должен проникать и проникает все тактические и организационные взгляды людей, пришедших к идее открытой партии.

Для того, чтобы показать это, нет даже необходимости в подробном разборе идей сторонников открытой партии. Нет необходимости в логической критике и пристальном изучении, чтобы понять их тенденцию. Заранее можно сказать, что открытая партия, родившаяся в результате отказа от идей революции и идеи гегемонии, в корнях своих связанная с идеей частичных уступок, бросаемых пролетариату буржуазией, ползущей к власти,—что подобная партия явилась бы живым воплощением сокровеннейших мечтаний контр-революционного либерализма о желательном ему ходе рабочего движения. Подобная партия была бы точной или, точнее, ухудшенной копией с той партии, о которой не переставая мечтают г.г. Прокоповичи. Больше того. Этой партии, поелику она замещала бы в рабочих кругах нашу партию, не мог бы не сочувствовать Столыпин.

Партия, еще до своего формального конституирования понесшая в рабочую среду такую кучу ругательств против революционного подполья, которой, конечно, не мог туда донести

[1] „Жизнь“, № 1.

ни один прямой агент Столыпина, партия, действующая в пределах законности и написавшая на своем знамени: «борьба за легальность», партия, руководящей идеей которой является урывание частичных уступок у буржуазии, поднимающейся к власти,— это лучшее, чего бы мог ждать от рабочего класса г. Столыпин, если бы он верил в то, что рабочий класс будет действительно следовать планам г.г. из «Возрождения», «Нашей Зари» и «Гол. Соц.-Дем.». Но, питая доверие к ликвидаторам, Столыпин не может доверять рабочим, точно так же, как, доверяя г. Дану, г. Милюков (во время второй избирательной кампании) был полон недоверия к петербургским рабочим.

От эксперимента с открытой рабочей (?) партией г. Столыпина предохраняют воспоминания о 1905 г. Но отнюдь не исключена раз навсегда возможность того, что кто-либо из октябристов,— столпов современной контр-революции,—почувствует родственную себе душу в современных «социал-демократических октябристах», как почувствовал г. Изгоев родственную душу в г. Потресове.

Приручение рабочего класса, поскольку такая задача вообще станет перед «обновленным строем», не может итти иначе, как через открытую партию стиля г.г. Левицких и Данов. В этом заключается реальное значение тех идей, которые эти господа несут в рабочую среду.

Русский рабочий класс уже показал себя таким, что к нему нельзя,—хотя бы с мало-мальской надеждой на успех,—подойти иначе, чем набросив на себя плащ марксизма. Российская социал-демократия должна приложить все усилия для того, чтобы показать ему, что под плащом марксизма в контр-революционную эпоху могут оказываться не только «веховцы», но и прямые пропагандисты октябристской политики.

Взгляните, напр., чему учат рабочих два главных органа открытой рабочей (?) партии в России,—«Наша Заря» и «Возрождение».

„Нет—пишет „Возрождение“—никаких оснований утверждать, что легальная почва в наши дни слишком узка для того, чтобы рабочий класс избрал ее базой для своего организационного строительства и движения“.

Этот чреватый многими последствиями вывод о достаточности столыпинской легальности для организационного строительства рабочего класса «Возрождение» пытается внушить русским рабочим и другим путем.

„Иной читатель—предполагает „Возрождение“—скажет: итак, вас не напрасно называют „ликвидаторами“: вы „несомненно ставите крест над партией“, ибо

восстановление ее в старом виде считаете неосуществимым, а предлагаемое вами строительство—создание открытой рабочей партии—немыслимо при современных условиях. Вывод этот был бы правильным,—возражает „Возрождение",—если б можно было безоговорочно согласиться с последним положением".

Нельзя выразиться яснее. Именно по поводу подобной пропаганды, обманывающей рабочих уверениями в возможности для столыпинщины потерпеть ту меру демократизма, которая потребна для создания открытой рабочей (?) партии, должно повторить слова Маркса о том, что «даже вульгарная демократия... стоит горою выше такого рода демократизма в границах полицейски-дозволенного и логически недозволительного»[1].

«Возрождение» рекомендует русским рабочим создать открытую рабочую (?) партию на базе современной легальности и в пределах современной законности. Для этого оно должно убедить рабочих в том, что современная законность и легальность не «слишком узка», что создание подобной партии возможно при столыпинщине. Но мало этого. Оно должно убедить рабочих еще и в том, что сильно **заблуждаются** те «подпольщики», те революционеры, которые думают,

«—И это, по мнению «Возрождения», характерно для «подпольной психики»,—что с данным режимом можно бороться, только всемерно и всецело отрицая его».

Вот, наконец, откровенное слово, которое вскрывает то, что действительно лежит в основе идеи открытой партии при столыпинщине!..

Социал-демократы всего мира полагают, что с современным режимом можно и должно бороться, только «всемерно и всецело

---

[1]) А ведь Маркс писал это по поводу—всего только—готской программы, в которой, быть может, лишь неточные формулировки могли дать пищу для подозрений в недостаточной демократичности. В цитированных словах Маркс бичевал лишь те „уступки прусской реакции", которые он видел в некоторых сторонах лассальянства. Но даже и те ошибки „лассальянства", которые вызывали особенно резкую критику Маркса, никогда даже в самой отдаленной степени отнюдь, конечно, не давали почвы для тех обвинений, которые мы предъявляем нашим проповедникам открытой рабочей (?) партии, обманывающим рабочих насчет существа столыпинщины. В этом смысле нужно сказать, что, поскольку вообще допустима здесь аналогия (а она возможна только в узкой сфере отношения к „революции сверху"), наши легалисты взяли в лассальянстве как раз те его черты, которые вызвали ожесточенную и победоносную борьбу с ним со стороны марксистов. Беспощадно строгий к лассальянским „уступкам", что бы сказал Маркс по поводу тех действительных уступок столыпинщине, которые проникают, окрашивают, не могут не окрашивать всей пропаганды наших легалистов?

отрицая его», что борьба с ним, которая основана не на всемерном и всецелом его отрицании, есть не революционная борьба, а «реформистское» «штопанье дыр».

Мешает ли это всемерное и всецелое отрицание существующего режима социал-демократам-революционерам превращать в орудие своей борьбы все те права и возможности, которые этот строй вынужден предоставить рабочему классу? Конечно, нет.

Русские социал-демократы Р. С.-Д. Р. П. полагают, что борьба со столыпинщиной должна базироваться на всемерном и всецелом отрицании современного режима. Значит ли это, что они должны отказаться от использования в своих целях всех «возможностей» этого режима?—Конечно, нет! Но это значит, что все эти «возможности» она рассматривает лишь как орудия борьбы, отрицающей современный режим именно всемерно и всецело.

Возможна ли рядом с этой борьбой, проникнутой всецелым и всемерным отрицанием современного режима, другая тоже борьба, не всемерно и не всецело отрицающая его? Конечно, возможна, и не только возможна, но и реально существует и ведется: это—борьба либерализма, борьба кадетская. Либерализм борется с современным режимом; он только не кладет в основу своей борьбы всемерного и всецелого отрицания столыпинщины. И либерализм,—так же, как и «Возрождение»,—полагает, что подобное отрицание и борьба, на подобном отрицании зиждущаяся, могут быть лишь «характерным» продуктом «подполья». Мы же оставляем за собой право думать, что подобное отрицание, определяющее и общий характер борьбы, есть лишь характерный признак—не «подполья», а революционного отношения к действительности.

Что же выходит? В целях пропаганды открытой рабочей (?) партии г.г. легалисты должны внушить рабочим, что существующая легальная база «не слишком узка», что возможность создания подобной партии при современных условиях отнюдь не исключена, и, наконец, высказать свою тайную мысль, что существующая легальность не узка и возможность открытого партийного строительства не исключена лишь для такой партии, которая откажется от «всемерного и всецелого» отрицания столыпинщины.

Что верно, то верно. А последнее несомненно верно. Но этого мало. Открытая рабочая (?) партия не есть только отрицание «всемерного и всецелого отрицания» столыпинщины. Она

есть вместе с тем, «всемерное и всецелое» отрицание **революции**, она есть—реально—пропаганда отказа от революционных традиций и лозунгов, она есть апология мирной «классовой» (в струвистском смысле) «борьбы» наших дней в противовес революционной пролетарской борьбе вчерашнего дня. Пропагандисты легализма и законности шага ступить не могут, чтобы не обрушиться на революционное прошлое русского пролетариата. Открытая партия ликвидаторов есть—реально, на деле—концентрированное выражение всей гнусности политического молчалинства, всей пошлости плоского либерального крохоборства, всей дряблости бывших революционеров, у которых контр-революция выела душу живу. Отвергнутая рабочим классом, идея открытой партии при Столыпине останется постоянным памятником гниения интеллигенции в эпоху контр-революции, ее бессилия противостоять разлагающим влияниям последней.

Как мы видим, открытая рабочая (?) партия исторически и логически связана в своих корнях с отрицанием революции, с отказом от идеи гегемонии, с трэд-юнионистским пониманием рабочей политики. Вне этих идей, она лишена всякого конкретного содержания. Мало того. Эта идея из каких бы источников она ни возникла, неизбежно должна стать в современной России своего рода концентрационным пунктом оппортунизма и «веховства среди марксистов». Идеи, как и книги, имеют свою судьбу, предопределяемую не только их происхождением, но и той обстановкой, в которую они попадают. Непонимание этого обстоятельства может сделать смешными самых серьезных людей. Человек, который увлекся бы в данный момент идеей открытой рабочей (?) партии и пытался бы в то же время остаться на точке зрения революционного социал-демократа, показал бы лишь пример жесточайшей, грубейшей непоследовательности. Пытаясь примирить легализм с рев. социал-демократией, он свидетельствовал бы лишь, что он лучше своих идей. Но идеи имеют свою логику, и логика открытой партии, как мы могли видеть, прямым путем ведет к полному разрыву с задачами революционного пролетариата России.

Молчалин Грибоедовской комедии особенно отвратителен не тогда, когда он, молча, сгибает спину, а тогда, когда он философствует, создавая теорию молчалинства.

Современный Молчалин в марксистской среде особенно отвратителен не тогда, когда он сгибает колена под ударами контр-

революции, а тогда, когда он свое коленопреклоненное положение старается поставить превыше всякого другого.

Послушайте современных Молчалиных «Нашей Зари».

„Все это, вместе взятое, обусловило элементарность массового рабочего движения..., проявлявшегося преимущественно в стихийных формах, исключительно в непосредственном напоре на противника. Более сложная и гибкая классовая тактика... была неизвестна... Собственно говоря, только с 1905 г. в России стала возможна действительная политическая борьба рабочего класса, в западно-европейском, марксистском, а не бланкистском смысле слова, как классовая самодеятельность сознательного передового слоя пролетариата... Рабочий класс был тараном, управляемым интеллигенцией, который прорывал бреши в крепости старого порядка. Теперь, когда эти бреши... сделаны, рабочему классу „в пору"... эмансипироваться от своего „героического прошлого", ликвидировать „подполье" и „перейти к очередному историческому делу", к „созданию открытой рабочей партии", хотя бы даже такой, какая возможна в столыпинской России [1])".

Разверните «Вехи», читатель. Читайте. Рабочее движение в России было «элементарным», «стихийным», вместо «гибкой» тактики вело «непосредственное» нападение на противника. Да— это «Вехи». Рабочее движение изменяло «чисто классовым» интересам. Оно стало на путь бланкизма. Было тараном в руках интеллигенции. Да, «Вехи», «Вехи»! Теперь оно должно эмансипироваться от своего прошлого, познать свои «чисто-рабочие интересы», свергнуть «гегемонию» революционизма, организоваться открыто для легального отстаивания своих профессиональных интересов...

От слова до слова—«Вехи», с веховским противопоставлением «чисто-классовых» интересов («которых мы не отрицаем»!) интересам гегемонии в революции, с веховским противоположением «стихийной», «непосредственной», революционной борьбы—«гибкой» тактике; «действительной политической борьбы в западноевропейском смысле»—революционному движению 1905 года, западно-европейского «марксизма»—«русскому бланкизму» (сколько слез пролили г.г. Струве и Изгоевы по тому поводу, что русские социал-демократы забыли «марксизм», бросившись в революцию!), с веховским противопоставлением «интеллигентского подполья»—«самодеятельности», злых стихий революции—доброй стихии легализованного профессионального движения...

Хороший переписчик веховских идей выработался из бывшего социал-демократа, нынешнего столпа «Нашей Зари» и «Возрождения», г. Левицкого, глашатая открытой партии.

Борьба за легальность и открытая рабочая (?) партия, два неразрывно связанных друг с другом лозунга,—есть попытка

[1]) „Наша Заря", 1910 г., № 7, стр. 94, 99, 100.

контр-революционных, «веховских» сил организовать при помощи ренегатов социал-демократии рабочее движение по образу и подобию своему.

Как видит читатель, наше отношение к существующим легальным возможностям не имеет ничего общего с нашим отношением к пребывающему в головах легалистов плану создания открытой рабочей (?) партии. Призывая использовать легальные возможности, призывая к работе по превращению этих «возможностей» в опорные пункты социал-демократической работы, мы настаиваем на том, чтобы их использовала революционная социал-демократия, а не организация легалистов.

Действительная «легализация» рабочего движения по западно-европейскому типу невозможна в России вне коренной ломки всего существующего строя. Этого могут не видеть разве только люди с либеральными шорами на глазах или своекорыстные защитники столыпинского режима. Только либеральная ограниченность в понимании характера современного рабочего движения или сознательное стремление к обману рабочего класса может подсказать пропаганду открытой рабочей (?) партии для данного момента.

Возможна ли открытая рабочая партия при Столыпине? И да и нет. В контр-революционную эпоху возможно все контр-революционное; возможна и партия, реальный смысл которой— в противопоставлении себя старой партии, ее традициям, ее духу, которую будут терпеть постольку, поскольку она будет орудием борьбы с Р. С.-Д. Р. П. и ее духом. Но она невозможна, как массовая рабочая организация, ибо подобная организация непримирима с «обновленным строем» даже тогда, когда она создана на почве контр-революционных идей и настроений, даже тогда, когда она добровольно ограничивает себя границами «закона». Судьба профессиональных союзов наглядно это последнее иллюстрирует.

Мы убеждены, что «подполье», умевшее в свое время охватить десятки тысяч рабочих и поставившее под свое знамя миллионы их, есть для настоящего времени гораздо более широкая возможность, что оно открывает перспективы гораздо более массовой организации, чем столыпинские «возможности». Конечно, речь идет не о «заговорщическом» подполье, по типу хотя бы организации Р. Р. S., осенью 1909 г. принявшей резолюцию по организационному вопросу, начинающуюся следующим пунктом:

„1. Вся организационная работа партии должна состоять в образовании кружков, составленных из отборных лиц“. (Этот же тип организации несомненно лежал в основе организационных взглядов группы „Вперед“.)

Повторяю, речь идет не о таком «подполье», а о подполье социал-демократическом, том самом «подполье», которое умело еще задолго до октябрьских дней на своих «биржах» (в Западном и Юго-Западном крае) и «массовках» собирать действительно массы.

Современные средства воздействия, в значительной степени расширенные использованием легальных возможностей в области прессы, в области организации и—особенно—живого социал-демократического слова с думской трибуны,—дают достаточное основание предполагать, что перевооружившееся подполье при малейшем подъеме рабочего движения призвано будет стать действительным центром и руководителем движения.

Действительно массовое рабочее движение в современной России может пойти лишь по пути революционному, по пути ломки столыпинской «легальности». Другого пути для него еще нет. По другому пути могут пойти лишь группки легалистов-независимцев, которые могут сколько угодно кричать об открытой рабочей партии, которые очень легко могут быть использованы г.г. Столыпиными, но которые неизбежно должны будут, в конце концов, на деле явить такой же пример оторванности от масс, который, подводя итоги прошлому, констатирует г. Левицкий.

„Меньшевизм, в силу своей оторванности от масс, практически еще меньше мог руководить массовым движением,—пишет ныне г. Левицкий,—чем большевизм. Его безукоризненные в политическом и тактическом отношении лозунги большей частью оставались ввиду своей сложности чуждыми и непонятными политически мало развитым русским рабочим массам... Вот почему в дореволюционный период, да, за немногими исключениями, и после большевики имели большое влияние на массы... большевики были более точными выразителями этого движения. Организационные же построения меньшевиков в особенности отличались надуманностью и даже доктринерством [1]).“

---

1) „Наша Заря“, 1910 г., № 7, стр. 93. Г-н Мартов любит посравнить большевиков с „де-леонитами“, поговорить о сектантстве, оторванности большевиков от масс и т. д. и т. п. Памятуя выше цитированное признание врага, мы можем спокойно смеяться над усилиями г.г. Мартовых. Понимают ли они, что сказал г. Левицкий и что представляет неизгладимый уже факт истории большевизма? Он сказал, что в самую славную, самую боевую, самую великую эпоху русского рабочего движения,—в эпоху, когда его движение приобрело всемирно-историческое значение, его выразителями и руководителями явились большевики. С нас этого довольно... и пусть г. Мартов толкует в собственное утешение о де-леонитах, сектантах и „социалистах против рабочих“.

Как мы видим, с меньшевиками, парадировавшими в дореволюционную и революционную эпохи, в качестве неизменных защитников «демократизма», «широких организаций», широкого рабочего движения, «самодеятельности» и прочих хороших, великолепных вещей,—произошла печальная история. Они остались без масс. У них была очень хорошая программа действий, только... не для русского пролетариата. Вот они, именно они—де-леониты худшего вида, ибо де-леониты—отъединились от массового рабочего движения на платформе узко, по-сектантски понятого марксизма, а наши де-леониты отъединились от революционного движения пролетариата на платформе... «незапугивания буржуазии» и «блоков с либерализмом».

Но это—между прочим. Мы привели этот пример самопознания меньшевизма для того, чтобы иметь право сделать предсказание, что придет время, и всем станет ясным «надуманный», «доктринерский», интеллигентский, никакого отношения к массовому рабочему движению не имеющий, характер «открытой рабочей (?) партии» г.г. легалистов. Тогда эта партия войдет в историю размагниченной, по-революционной, мелко-буржуазной интеллигенции, пытавшейся успокоиться на контр-революции и нашедшей прибежище в рабочелюбии, а не в историю рабочего движения.

Конечно, нельзя отрицать наличности в русском рабочем классе трэд - юнионистских тенденций, нельзя отрицать и того, что промышленный подъем может эти тенденции на момент усилить. Нельзя отрицать также того, что давление политического крепостничества способно на время стушевать в сознании тех или других групп пропасть между либеральной и социал-демократической политикой и создать иллюзию единства цели там, где его нет и в помине. Но это только подчеркивает ту позицию, которую Р. С.-Д. Р. П. должна занять перед лицом пропагандистов и организаторов открытой партии.

Это позиция непримиримого разоблачения либеральной подкладки подобной пропаганды, непримиримой борьбы со «столыпинскими социал-демократами», неустанной организации рабочих в борьбе с буржуазными влияниями.

В современном обществе пролетариат страхуется от проникновения в его среду мелко-буржуазных влияний лишь растущим обострением противоречий современного общества. В столыпинской России гарантией против успеха легалистов-независимцев служит то, что для движения рабочих масс не может стать знаменем ни существующая легальность, ни «борьба

за легальность». Теперь, как и десять лет тому назад, мы можем сказать: перед рабочим классом России стоят революционные задачи, и, в то же время, революционные задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены лишь под руководством революционного пролетариата.

Опираясь на это положение, на объективные тенденции, толкающие русский рабочий класс на путь непримиримой борьбы с контр-революцией, наша партия должна сознать, что то дело, которое она призвана делать в рабочей среде,— диаметрально противоположно делу сторонников «открытой рабочей (?) партии». Первую с последней объединяет лишь то, что обе они хотят работать в одной и той же рабочей среде. Но не трудно заметить, что именно это, как бы объединяющее их, обстоятельство должно только во много раз усилить их разделение.

Задача текущего момента для нашей партии в том, чтобы не допустить возникновения в рабочей среде рядом с собой партии, порвавших с революцией легалистов.

Выполняя эту задачу, она, идейно и организационно размежевавшись с последними, вновь соберет под свои боевые знамена массы, которых никакая контр-революция не сумеет отучить от верности этим славным знаменам.

5. Ликвидаторство и ревизионизм.

Условия русского рабочего движения таковы, что хотя бы словесная преданность ортодоксальному марксизму до сих пор остается необходимым элементом всякой группы, апеллирующей к рабочим. Сознание этого обстоятельства накладывает специальный отпечаток и на физиономию нашей новой партии. Впрочем, в пользу этого действуют еще два обстоятельства: во-первых, происхождение лидеров этой партии из рядов интеллигенции, в свое время отброшенной к революционному марксизму революционным характером момента и сногсшибательной быстротой, происшедшей у всех на глазах эволюции русских ревизионистов в либералов; во-вторых, пример полной изолированности от масс откровенных бернштейнианцев в России. Пример, который хоть у кого отобьет охоту щеголять в неприкрыто-ревизионистском виде.

Не даром, ведь, г. Потресов, до сих пор козыряет «непримиримым Интернационалом», никого уже, впрочем, не будучи в

состоянии ввести в обман, на который рассчитана эта фальшивая карта[1]).

Но, в конце концов, логика положения всегда сильнее субъективных настроений и «уроков» истории. Долгое время лидеры нашего ликвидаторства представляли образчик типичного оппортунизма на русской почве, прикрытого внешним ортодоксализмом. Неизбежная при этом двойная бухгалтерия яснее всего сказывалась в том, что, будучи оппортунистами в русских делах, эти господа всеми силами стремились «родными счесться» с вождями революционного марксизма на Западе.

Но долго это положение продержаться не могло. Система прикрывания ортодоксальными словами и словечками своей оппортунистической сущности должна была прорваться, и сразу прорвалась по нескольким пунктам. Все явственнее и явственнее ликвидаторство отдает свои симпатии и на Западе «практицизму» и «умеренности» оппортунизма перед «догматичностью», «прямолинейностью» и «узостью» революционного марксизма. На Западе, в практике западного движения новая партия, естественно, должна искать подтверждения и оправдания **своего** образа действий; естественно, что она находит их в деятельности и в теориях реформистов, естественно, что она неизбежно при этом враждебно сталкивается с революционными, ортодоксальными марксистами.

Ликвидаторство, теперь уже и в области теории, и в области своего отношения к рабочему движению на Западе, все яснее окрашивается в цвет беспримерного ревизионизма и реформизма. Двойная бухгалтерия, прикрывание российского оппортунизма ортодоксальными фразами и подчеркнутыми симпатиями к левому крылу Интернационала, оказалась, как и следовало ожидать, не под силу ликвидаторам. В области оценки различных тенденций западно-европейского рабочего движения—это особенно ясно. И так как мы не можем здесь входить в подробности, мы ограничимся покуда лишь несколькими примерами из этой области.

а) Г. Мартов и К. Каутский.

Корней современных идейных расхождений между русскими марксистами и их противниками, как мы уже неоднократно указывали, следует искать в русской революции, в различном

[1]) „И кого, г. Потресов, вы своею „непримиримостью“ провести хотите? Ни Ленина, ни Плеханова вы не провели. Отлично знаю и я цену вашей непримиримости“. Эта оценка принадлежит „Русской Мысли“.

отношении к последней со стороны различных групп и направлений. Так и здесь. Корней все более явственного разрыва с ортодоксальным западно-европейским марксизмом наших современных ликвидаторов надо искать в той позиции, которую по отношению к русской революции заняли такие виднейшие и авторитетнейшие в русских делах представители левого ортодоксального марксистского крыла Интернационала, как Карл Каутский и Роза Люксембург. Позиция этих деятелей резко разошлась с тактикой меньшевизма. Эта позиция всего больнее била, конечно, тех из представителей последнего, в которых давно уже лежали те «добрые задатки», которые привели их в скором времени в лоно ликвидаторства. Разрыв с ортодоксальным марксизмом, наметившийся уже в предшествовавшую эпоху, теперь—в эпоху ликвидаторства—вырисовался вполне определенно. И здесь роль первой скрипки пришлось сыграть г. Мартову. Еще в 1907 году, своей статьей, направленной против оценки русской революции, данной Каутским, он показал, что его понимание марксизма сильно расходится с пониманием Каутского. Уже тогда только «международная вежливость» могла помешать г. Мартову приложить к Каутскому всю ту сумму более или менее одиозных эпитетов, которые на его языке свидетельствуют об отступлении большевиков (и Каутского) от марксизма.

С тех пор Каутский не изменился, но г. Мартов значительно подвинулся вперед, и теперь он уже не стесняется характеризовать себя тем, что считает воззрения Каутского синдикалистскими.

Это заявление г. Мартова тем более характерно, что оно базируется на расхождении Мартова с Каутским по некоторым основным вопросам марксистской политики.

Споря с Каутским, г. Мартов пишет:

„Мы видим, что германская социал-демократия впервые после 40 лет получила известные основания рассчитывать на такое прогрессивное движение демократической буржуазии, которое позволяет ей пробить некоторые бреши в твердыне прусско-германского абсолютизма... Прямолинейное представление об „изоляции пролетариата“ (которое-де развивает Каутский в „Neue Zeit“. Л. К.) должно было бы вести к синдикалистским выводам о конечном пункте рабочего движения, а не к тем, которые принимает Каутский и, вообще, „ортодоксы“. Нетрудно было бы в творениях синдикалистских теоретиков найти этому подтверждение [1].“

Читатель видит, что г. Мартов предъявляет к Каутскому то же обвинение в политике «изолирования пролетариата» в гер-

---

[1] Сб. „Вершины“. Спб. 1909, стр. 306, курс. г. Мартова.

манских условиях, которое им неоднократно предъявлялось к русским революционным социал-демократам, применительно к условиям русским. Приятно быть посаженным на скамью подсудимых по тому же пункту, по которому обвиняется Каутский. Особенно это приятно тогда, когда, читая обвинительный акт, видишь, что он представляет собою не что иное, как рабское повторение общих мест оппортунизма.

Чем вызвано обвинение Каутского Мартовым в «прямолинейном представлении», которое «должно было бы вести к синдикалистским выводам»? Как видно из вышеприведенных слов г. Мартова,—тем, что Каутский, на его взгляд, недооценивает «прогрессивного движения демократической буржуазии». Какой знакомый мотив!.. И давно знакомый не только нам, большевикам, но и всей революционной социал-демократии. Ибо, ведь, «реформистское» движение зародилось, шло и идет именно под знаменем протеста против недостаточной оценки революционными социал-демократами значения «прогрессивного движения демократической буржуазии», протеста против так называемой «изоляции пролетариата». Реформизм многообразен и захватывает целый ряд областей, но его **п о л и т и ч е с к и м** выражением всегда являлись попытки наладить с «демократической буржуазией» другие отношения, чем те, которых держится революционная социал-демократия, социал-демократическая «Гора». Доказательства этому приносит каждый день, каждое выступление ревизионистов.

Г. Мартов выступает против Каутского как раз в том пункте, который является постоянным центром обстрела для всего международного оппортунизма, размежевывается с Каутским как раз по той линии, которая на деле, на практике является основной линией размежевания революционной и оппортунистической политики. Он поддерживает ревизионистов против «ортодоксов», как раз в том основном пункте (отношение к «демократической буржуазии»), по отношению к которому вся дальнейшая оппортунистическая **т а к т и к а** является лишь неизбежным логическим выводом.

Г. Мартов—осторожен. Поэтому, выступая вполне в стиле оппортунистов против «синдикализма» и «прямолинейности» Каутского, г. Мартов ссылается на... «Коммунистический Мафест». Поэтому же, он лишь очень осторожненько следует за ревизионизмом в его конечных практических выводах. Но эта предусмотрительная осторожность в защите тактических выступлений ревизионистов отнюдь не спасает его от того, чтобы

всякий удар марксистов по ревизионистам оставлял явственные следы на его боках...

Тому наглядный пример уже цитированная нами статья г. Мартова в «Вершинах». В своей большей части она посвящена обсуждению дебатов на Нюренбергском партейтаге по поводу голосования бюджета. Все рассуждения г. Мартова по существу этого вопроса направлены к тому, чтобы показать, что голосование бюджета—есть тактический прием, что голосование с.-д. за бюджет допустимо раз есть налицо «деловые основания». Осторожно, но достаточно ясно дает здесь понять г. Мартов, что всякая попытка отвергнуть голосование за бюджет по принципиальным основаниям не может выдержать критики. Он считает, что «ортодоксы» не опровергли и не могли опровергнуть «серьезной критики» Нюренбергской резолюции, которая, как известно, подчеркивает, что по принципиальным соображениям социал-демократы обязаны голосовать против бюджета, критики со стороны оппортуниста Кейля, настаивавшего на том, что систематическое голосование социал-демократии против «напоминало бы поведение быка, попавшего в посудную лавку». Смысл его намеренно-путающих вопрос рассуждений, однако, недвусмысленен: он считает Нюренбергскую резолюцию слишком суживающей возможность голосования социал-демократии за бюджет, а самое голосование за—приемом совершенно допустимым, раз для этого есть достаточные так называемые «деловые» соображения.

Этим г. Мартов предвосхитил всю аргументацию, которую через год развернули германские оппортунисты в защиту поведения баденцев. Революционные социал-демократы, во главе с Бебелем, оказались на другом полюсе; в повторных голосованиях за бюджет они увидели именно нарушение принципа и принципа настолько серьезного, что не остановились перед угрозой исключения из партии нарушителей его.

«Товарищи, голосовавшие за бюджет,—говорил в Магдебурге Бебель в своей классической речи—приводят в защиту своего поведения целый ряд соображений[1]). Но если даже привести в десять раз больше соображений, которые все были бы столь же основательны, сколь неосновательными я считаю приводимые ими, то и в этом случае поведение баденских товарищей все же было бы неправильно».

---

[1]) Дело идет как раз о тех, так называемых, „деловых“ соображениях, которыми г. Мартов готов оправдать голосование за бюджет.

Почему? Потому, что голосование бюджета есть вопрос принципа,—отвечал Бебель.

Вы видите, что Бебель придерживается в вопросе о «деловых» соображениях и принципах при голосовании бюджета взглядов, которые диаметрально противоположны взглядам «деловых» людей, вроде г. Мартова. Но своей речью Бебель не только разрушил до основания все рассуждения г. Мартова,—конечно, Бебель имел дело не с ним, а лишь с его нынешними учителями,—насчет «деловых» оснований для одобрения бюджета социал-демократам, насчет неопровержимости Фольмара и Кейля, насчет «быка в посудной лавке»; своей речью и своей резолюцией Бебель еще более сузил «узкую»—на взгляд Франка, Кольба и Мартова—Нюренбергскую резолюцию.

Что оставалось делать г. Мартову?—Промолчать. «Голос Соц.-Дем.» ни слова не проронил о Магдебургском партейтаге и о речи Бебеля, предоставив «Делу Жизни» по ближайшему же поводу реабилитировать Мартова заявлением о том, что Бебель—«стар», а ревизионизм—представляет «здоровое чувство» масс. К этому мы сейчас вернемся, а покуда перейдем из Германии во Францию, от «синдикалиста» Каутского и «неделового», «прямолинейного» Бебеля к «эрвеисту» и «анархисту» Гэду.

б) „Голос С.-Д." и Ж. Гэд.

Ни на минуту не затихающая борьба марксистов и оппортунистов во французской секции Интернационала за последнее время особенно широко развернулась в связи с вопросом об отношении к правительственному законопроекту о «рабочих пенсиях» (страхование от старости). В то время, как марксисты (вместе со Всеобщею Конференцией Труда) видели в этой «реформе» образчик буржуазного обмана рабочих и типичный продукт плутократического мошенничества за счет рабочих, Жорес прозрел в ней—«величайшую реформу века». Различная оценка вела к различной тактике социалистов: жоресисты настаивали на голосовании социалистов в парламенте за свою «величайшую реформу», гэдисты,—с которыми в данном случае сошлись представители профессиональных организаций,—настаивали на том, чтобы парламентская фракция решительно отказалась приложить свою руку к этому «мошенничеству». «Голос Соц.-Дем.» занялся вопросом для того, чтобы... поддержать жоресистов.

В специальной статье (№ 19—20) «Голос» русского оппортунизма напал на гэдистов; гэдисты-де «не нашли правильной линии поведения», «объективно голосование против законопроекта (что отстаивали гэдисты) направляется против социализма», «гэдисты склонились к ошибочной тактике», гэдисты «солидаризировались с анархистами», «пошли за эрвеизмом». «Приходится голосовать за законопроект», поучал гэдистов «Голос», на деле принимая тактику Жореса.

Г. Мартов, этот специалист по прикрыванию оппортунизма, набивший себе руку на маскировании оппортунизма на практике якобы — ортодоксальным глубоко...словием, немедленно же создал, конечно, специальную теорию, долженствовавшую прикрыть жоресистскую тактику расшаркиванием перед гэдизмом. Единым духом он дал формулу, оправдывающую весь «оппортунизм на практике».

Будучи безусловно правы в принципиальном освещении вопроса, гэдисты не могли столь же безупречно-марксистски обосновать защищавшуюся ими тактику". („Голос С.-Д.", № 21).

Иначе говоря: будучи безусловно правы в критике жоресизма, гэдисты на практике должны были бы принять тактику Жореса.

Мы знаем уже, что этот совет отнюдь не единичный случай, не случайная нелепая формула, не ошибка логики. Нет, это сама логика... Гэд, но на практике надо следовать тактике Жореса. Конечно, в критике бюджета принципиально правы революционные марксисты, но их тактика отвержения бюджета отнюдь «не безупречна», слишком «прямолинейна». Конечно, принципиально, прав Каутский, но тактика Бернштейна на практике предпочтительнее. Конечно, принципиально, г. Мартов—революционный марксист, но на практике он—оппортунист. Принципиально он старается быть с Каутским, Гэдом, Бебелем, практически он—с Бернштейном, Жоресом и Мауренбрехером.

в) „Дело Жизни" и А. Бебель.

Начиная избирательную кампанию в новый германский рейхстаг, Бебель произнес речь, в которой, как, конечно, и следовало ожидать, развил основные положения тактики революционной социал-демократии. В своей речи Бебель сказал: «4 миллиона голосов и 50 мандатов, по моему,—лучше чем 3 миллиона

голосов и 100 мандатов». Это значит: мобилизация масс под знаменами социал-демократии и тогда, когда она не приводит непосредственно к росту мандатов, важнее для социал-демократии, чем рост мандатов помощью соглашений с буржуазными партиями. «Дело Жизни» сочло нужным выступить против этой речи. Передав ее содержание, оно писало:

„Эта классическая точка зрения немецкой социал-демократии хорошо известна русским читателям. И никто, конечно, не станет спорить (с ней)... Но, с другой стороны, и увеличение числа мандатов не безразлично... Бывают моменты, когда именно эта сторона дела естественно становится центром жизни партии. Как бы ни утешал Бебель указанием на прочные успехи партии в росте числа голосов, сейчас одна эта сторона дела уже не удовлетворяет, сейчас дело идет именно о мандатах... бой идет именно за мандаты“.

Но, ведь, именно, эту точку зрения против Бебеля и развивают немецкие оппортунисты!

Ведь, автор сейчас цитированных строк только повторил то, что в «Sozialistische Monatshefte» по поводу той же речи Бебеля писал известный оппортунист Мауренбрехер. «Наша политическая мощь,—писал последний,—представляет ровно такую же величину, как наше влияние в парламенте. А наше влияние в парламенте основано не на количестве поданных за нас голосов, а единственно и исключительно на числе депутатских мест. Поэтому 3 миллиона голосов и 100 мандатов представляют собою бо́льшую активную силу, нежели 4 миллиона голосов с безнадежным меньшинством в 50 мандатов». Ведь, именно, по поводу людей, рассуждающих подобным образом и у которых «Дело Жизни» заимствует свою тактическую мудрость, еще на Магдебургском партейтаге тот же Бебель говорил: «мы имеем в своих рядах много таких национал-либералов, которые ведут чисто национал-либеральную политику, которые хотят вести партию в национал-либеральный лагерь, к братскому союзу с той самой партией, с которой мы несколько десятилетий боремся на жизнь и смерть... Мы должны их выгнать, они не должны оставаться в партии!».

Эти слова Бебеля очень мало понравились социал-демократическими национал-либералам («октябристам», по-русски), и они не преминули при первом же случае объявить Бебеля «устаревшим», а ревизионистов—представителями «здорового чувства самой массы». Принимая сторону Мауренбрехера в его походе против взглядов Бебеля, «Дело Жизни» не считало нужным скрыть, что оно сознательно становится на сторону ревизионистов.

«Как бы не относиться к ревизионизму вообще,—продолжает цитируемая статья,—нельзя не признать, что в основе этого устремления в сторону реализации (непосредственных, материальных успехов) лежит здоровое психологическое чувство самой массы избирателей».

Это ничего, конечно, что в порыве своей войны с Бебелем «Дело Жизни» уступило ревизионистам право представительства германских пролетарских масс.

Суть в том, что перед нами опять типичный образчик оппортунистического выступления, живая иллюстрация родства душ наших ликвидаторов с реформизмом. Конечно, Бебель принципиально прав и «спорить с классической точкой зрения немецкой социал-демократии никто не будет», но... с другой стороны, Бебель—«стар», у «партии в целом, у ее молодых деятелей—несколько иная психология», в ревизионизме есть «здоровое чувство».

Но раз так, то, конечно, тактика устаревшего Бебеля должна уступить место «здоровому чувству» «молодых» ревизионистов с их «деловыми» соображениями, с их практикой соглашения, с их «национал-либеральной» политикой...

Покуда этого достаточно. Вряд ли можно сомневаться в том, к каким элементам современного западно-европейского рабочего движения тянется наша новая партия. Туда ей, впрочем, и дорога. Пожелаем ей лишь побольше идейного мужества, столь выгодно, несмотря ни на что, отличающего автора статьи в «Деле Жизни» от претенциозного фальсификатора, г. Мартова.

ЛИКВИДАТОРЫ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ *).

Когда я, два года тому назад, в специальной брошюре, на основании ряда теоретических заявлений и практических шагов нынешних руководителей «Луча», указывал на то, что они идут прямым путем к идее открытой рабочей партии в современной России, мне пришлось выслушать не мало попреков в преувеличении грехов ликвидаторов. Мне говорили: ваши указания на то, что ликвидаторы являются сторонниками новой открытой партии,—явно пристрастны, заглавие вашей брошюры: «Две партии» не выражает действительного положения дела, а лишь отражает ваше полемическое увлечение. Теперь эти времена, когда свое стремление к открытой легализованной партии ликвидаторы пытались припрятать подальше от критического взора,—прошли. Лозунг открытой партии стал явным, громко высказываемым лозунгом целого течения, органом которого является «Луч».

Как возник этот лозунг?.. Под ним, ведь, должно крыться известное представление и о политическом моменте и о тенденциях современного рабочего движения. Каково же это представление? Оно исходит из того воззрения, что Россия изжила уже эпоху коренных демократических потрясений.

Очищение пути капиталистического развития от абсолютистских остатков произойдет безо всякой революции, просто в силу интересов... господствующих классов... Феодализм принужден будет уступить, самоисчерпав себя... Очередной задачей является... проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем периоде рабочий класс должен организоваться не „для революции“, не „в ожидании революции“, а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов.

Так в 1910 году писал в ликвидаторском журнале «Возрождение» Ю. Ларин.

---

*) „Просвещение“, № 5, 1913 г.

В этом откровенном и ясном изложении совершенно точно указано и общее направление развития России и специальные задачи рабочего класса. Очищение России от абсолютистских остатков—по мысли Ларина—произойдет безо всякого коренного потрясения существующих форм политической и экономической жизни и лишь в силу интересов самих господствующих классов. «Кризис, к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет кризисом конституционным»,—пояснял слова Ларина Мартов. Но раз так, то, конечно, превращаются в пустые абстракции, в «голую фразу» (выражение «Нашей Зари») лозунги 1905 года. Они теряют всякую «жизнеспособность», ибо общественные отношения современной России не представляют для них питательной почвы. Они должны отмирать, поскольку в социальной жизни им не соответствует никакой материальный конфликт. Ведь, отмер же в практике рабочего движения Германии и Англии известной эпохи ряд демократических требований[1]). Эти требования могли остаться в программе, могли быть предметом пропагандистских разъяснений, но они утеряли способность собирать вокруг себя активные массы и направлять их усилия.

Таково отношение к лозунгам 1905 года тех, кто в вопросе о судьбах России придерживается вышеизложенных взглядов Ларина—Мартова.

Но если требование коренной перестройки современного политического и экономического, главным образом, земельного, уклада России не может уже служить руководящим принципом рабочего класса и рабочей партии, то где же этот руководящий принцип?..

Ларин ответил на этот вопрос в вышеприведенной выписке совершенно ясно: «Рабочий класс должен организоваться для твердой и планомерной защиты своих о с о б ы х и н т е р е с о в».

Мы подчеркнули слово «особые интересы», ибо в нем сущность дела. Совершенно, ведь, ясно, что Ларин противопоставляет «особые интересы» общим интересам «очищения России от абсолютистских остатков». У рабочего класса в России есть же,—полагает Ларин,—«особые» интересы, которые могут быть защищаемы вне какой бы то ни было связи с борьбой против 3-ьеиюньского режима в целом. На них он и предлагает сосредоточить энергию рабочего класса, оставив в стороне всякое попечение об организации в целях общей демократиза-

---

1) Речь идет о требовании республики и т. д.

ции всего режима. Рассуждающий параллельно с Лариным Мартов высказал это в такой форме:

Рабочий класс имеет полную возможность... вырвать от поднимающейся к власти буржуазии частичные уступки... Таков смысл формулы „борьба за легальность“... Эта идея должна стать „регулирующей идеей“, проникающей собой все частные и частичные усилия.

Если, таким образом, до 1905 г., «регулирующей», направляющей, верховной идеей рабочего класса и рабочей партии была идея коренного изменения всей общественной обстановки, «политический вопрос в его полном виде и размере», то теперь, в 1910—1913 г.г. такой руководящей, верховной идеей рабочего движения должна стать идея «частичных уступок», частично-осуществляемой легализации рабочего движения.

Таков смысл формулы «борьба за легальность». Но как в 1905 г., так и в 1913 г. пролетариат остается в самом низу общественной пирамиды. Его влияние на государство, поэтому, и в 1905 и 1913 г.г. одинаково, прямо пропорционально общему объему политических прав всего населения. Чем больше политических прав у всего населения, тем сильнее политические позиции пролетариата. Поэтому объективным предварительным условием успешной борьбы рабочего класса за его классовые цели является полнота политических прав для всей страны. Поэтому же совершенно нелепо в современной бесправной России противопоставлять, по Ларину, «особые интересы» рабочего класса задачам «очищения России от абсолютистских остатков», борьбу за легализацию рабочего движения, по Мартову, борьбе за коренное изменение социальных и политических устоев режима 3-го июня.

Это противопоставление имеет, как мы видели, лишь один смысл: отказ рабочего класса от непосредственного участия в определении политических судеб всего населения и замыкание его в круг узко-профессиональных интересов.

Нечего говорить, что подобное замыкание нанесло бы прежде всего неизгладимый ущерб именно профессиональным интересам наемных рабочих. Всякий сознательный рабочий в 1913 г. сумеет сам по достоинству оценить такого проповедника, который стал бы убеждать рабочий класс: оставим вопрос об общем политическом и социальном положении в России, сосредоточимся на своих «особых» интересах.

Подобная проповедь лишь по внешности была бы отрицанием политики. На деле это было бы скверной политикой, политикой, более всего полезной либеральной буржуазии. Поэтому-то, в

полном согласии с теоретическими построениями ликвидаторов, «Речь» по поводу апрельско-майского движения прошлого года поспешила отметить: «В рабочем движении выступила вперед, на первый план, не его революционность, а его строго профессиональный характер».

Правда ли это, или нет, мы покуда разбирать не будем. Ясно и так, что «Речь» обрадовалась именно тому, что движение—будто бы—подтвердило схему Ларина—Мартова. Ясно ведь, что «Речь» была бы очень рада, если бы в действительности эта схема осуществилась, если бы в рабочем движении современной России выступила на первый план не его коренная противоположность основам режима 3-го июня, если бы эта взаимно-враждебность была замаскирована требованием «частных уступок» и «борьбой за легальность». На своем языке «Речь» и выразила это, воспев будто бы «строго-профессиональный» характер первой волны массовых стачек.

Логика обязывает. Поэтому-то, в оценке движения 1912—1913 г.г. за либеральной «Речью» должны были потащиться те, чьи воззрения она только формулировала в своих словах: «не революционность, а строго - профессиональный характер». Оценка «Речи» стала общим достоянием всего ликвидаторства. Идя за »Речью», и «Наша Заря» заявила, что основой могучего отклика в стране, который встретили ленские события, является борьба за свободу коалиций.

Почему именно «борьба за свободу коалиций», а не борьба со всем общественно-политическим укладом «обновленного строя»?.. Потому что эта формула предписана ликвидаторам их собственным воззрением на политические судьбы страны. Если же эти воззрения и эта формула приходят в прямое противоречие с действительным содержанием рабочего движения и с его действительной формулой, то,—по мнению ликвидаторов, тем хуже для наличного рабочего движения. Систематические выступления «Луча» против стачек,—когда стало трудно препарировать их характер в стиле «строгого профессионализма» «Речи»,—лишь логическое заключение столкновения действительного характера современного рабочего движения со схемой, предуготовленной для него ликвидаторами в вышеприведенных рассуждениях Ларина, Мартова, «Нашей Зари» и т. д.

Стоит сопоставить следующие формулы:

«Не революционность, а строго-профессиональный характер» («Речь»).

«Организация не «для революции», а для «защиты особых интересов» (Ларин).

«Не революционный кризис, а борьба за легальность» (Мартов).

Не «голый лозунг для немногих», а «борьба за свободу коалиций» («Наша Заря»).

«Борьба за открытую рабочую партию» есть только дальнейшее конкретное воплощение идей ликвидаторов, счастливо совпавших с построениями либералов.

Если руководящей идеей рабочего движения в современной России должна стать «борьба за легальность», а не идея о коренном изменении основ режима 3-го июня, то совершенно логично, что основной задачей партии должна стать—по изложению Л. Седова [1]), одобренному редакцией «Луча»—превращение ее в открытую легальную организацию. Открытая рабочая партия мыслится, таким образом, как одна из возможных «частичных уступок», как результат постепенного взаимоприспособления современного режима и рабочего движения. Полный смысл проповеди открытой рабочей партии вскроется только тогда, если мы скажем, поэтому, что эта партия может быть только легальной партией реформ, партией легальной борьбы за частичные уступки.

Еще сотрудники «Возрождения», нынешние сотрудники «Луча» писали, что представление о том, что «с данным режимом можно бороться, только всемерно и всецело отрицая его» характерно лишь для «подпольной психики». Это—откровенное признание. И оно показывает, что́ лежит в основе идеи открытой партии в современной России.

Существует борьба с режимом, опирающаяся на всемерное и всецелое отрицание его. Возможна ли рядом с этой борьбой, проникнутой, повторяю, всецелым и всемерным отрицанием режима, другая борьба, но не всемерно, не всецело отрицающая его?.. Конечно, возможна, и не только возможна, но и реально существует и ведется: это борьба либерализма, борьба кадетская.

Либерализм борется с современным режимом, он только не кладет в основу своей борьбы всемерного и всецелого его отрицания. И точно так же, как и либералы, легалисты—сторонники рабочей партии—должны внушать рабочим, что существующая легальная база, «не слишком узка», что возможность со-

---

[1]) Псевдоним Д. Кольцова.

здания подобной партии при современных условиях отнюдь не исключена. Ведь писали же еще на-днях в № 193 «Луча»: «можно смело сказать, что завоевание открытой рабочей партии может столь же мало быть иллюзией, сколь мало оказалась иллюзией и с.-д. фракция». Правда, писал это едва ли не Маевский, небезызвестный проповедник «бегства» из подполья. Но именно это-то и характерно, ибо подобный проповедник должен отдавать себе полный отчет в том, что существующая легальность не узка, и возможность открытого партийного строительства не исключена лишь для такой партии, которая откажется от «всемерного и всецелого» отрицания основ режима.

Мы видели, что идея открытой рабочей партии, как и вся «борьба за легальность», возникла из отрицания перспективы лозунгов коренного изменения 3-июньского режима; теперь мы видим, что она есть прямое отрицание «всемерного и всецелого отрицания» трудящимися массами современного положения дел, того отрицания, которое характеризует движение 1912—1913 г.г.

Лозунг открытой рабочей партии не только не отражает действительных тенденций современного рабочего движения, он находится в прямом противоречии с этими тенденциями. Открытая рабочая (?) партия возможна при современных условиях лишь как орудие приручения рабочего класса, поскольку эта задача приручения пролетариата вообще станет перед «обновленным строем»; она возможна, поскольку «обновленный строй» способен вместить в себя (или даже нуждаться в чем-либо подобном!) партию, реальный смысл которой в противопоставлении себя старой организации, ее традициям, ее духу, ее неурезанным лозунгам. Следовательно, даже сама партия легальной борьбы за частичные уступки возможна лишь в результате бурного обострения борьбы партии неурезанных лозунгов с «обновленным строем». Как побочным результатом октябрьского движения рабочих в 1905 году было рождение либеральной партии, так не исключена возможность появления легальной партии ликвидаторов. Но она невозможна, как массовая рабочая организация.

«Луч», говоря, что открытая рабочая партия столь же мало иллюзия, сколь социал-демократическая фракция в Думе, забыл — вполне последовательно — сказать своим читателям, что даже социал-демократическая фракция в Думе 3-го июня имеет своей предпосылкой октябрь—декабрь 1905 г. Массовая рабочая открытая партия неизбежно подразумевает события еще более серьезные. Те же, кто, выступая с лозунгом открытой партии,

заявляют вместе с тем, что «октябрь не стоит на очереди», строят и готовят не открытую рабочую партию, а партию оппортунистов, приспособившихся к «обновленному строю».

Но если проповедь легалистов отрицает самую сущность движения 1912—1913 г.г., подменяя ее «борьбой за легальность», то и современное рабочее движение отрицает проповедь легалистов.

Содержание рабочего движения дается не теми или другими проповедниками, а всей совокупностью общественно-политических отношений данной страны в данную эпоху.

Эти общественно-политические отношения в Англии во второй половине XIX века предопределили временное трэд-юнионистское направление рабочей политики. Эти-то общественно-политические отношения в третье-июньской России предопределяют в рабочем движении господство идей, прямо противоположных трэд-юнионизму, а равно и «легализму» и «реализму» наших ликвидаторов. Попытки «Речи» и ликвидаторов ввести рабочее движение в современной России в рамки «строгого профессионализма», «борьбы за легальность» и «открытой партии» уже осуждены историей, историей подлинного рабочего движения 1912—1913 г.г.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРИЗЫВ „К ЗАКОННОСТИ“*).

Ст. Иванович пишет: «Каменев всенародно объявляет меня либералом, сравнивает мою статью с разговором Милюкова с Треповым».

Это верно: я действительно считаю г. Ст. Ивановича выразителем либеральных взглядов в области рабочей политики, я действительно полагаю, что его метод рассуждений повторяет метод тех рассуждений, которыми г. Милюков убеждал генерала Трепова.

В своей статье в «Запросах Жизни» г. Ст. Иванович устанавливает, что преследование профессиональных союзов «не соответствует», как он выражается, «интересам законности». Это вполне либеральная фраза, как будто взятая напрокат из передовиц «Речи». Либеральный обман и либеральные иллюзии в том и коренятся, что либерал вместо того, чтобы анализировать условия борьбы классов, апеллирует к «интересам законности». О какой «законности» идет тут речь?.. О «законности», практикуемой победителями 3-го июня? Интересам какой законности «не соответствуют» преследования рабочих организаций?.. Интересам режима 3-го июня? Говорить, что бесчисленные преследования рабочих организаций «не соответствуют интересам законности»—это значит повторять либеральные пошлости. Апеллировать к «интересам законности» против врагов рабочего движения—это значит уподобиться октябристам, тоже, как известно, не отказавшимся по поводу запроса социал-демократии о пре-

*) „Невская Звезда“, № 5 от 10 мая 1912 г. Статья представляет заключительное звено в полемике между мной и г. Ивановичем, в связи с его статьей в либеральном журнале „Запросы Жизни“. Перепечатываю ее, чтобы показать, до каких контр-революционных гнусностей докатился этот социал-демократ-деникинец еще при Романовых в 1912 г.

следованиях проф. союзов поговорить о необходимости «законности» в деле применения правил 4 марта.

Но г. Ст. Иванович не ограничился этой кадетской пошлостью, он пошел дальше.

Он задался вопросом: быть может, не соответствуя интересам законности, «бесчисленные преследования рабочих организаций соответствуют интересам порядка»?

Вот ответ сотрудника «Живого Дела»:

„Политика искоренения профессиональной организации рабочих, политика задушения права коалиций есть, в сущности, величайшее провоцирование злого беспорядка не только в области внешнего благочиния, но и с точки зрения нормального развития экономической жизни... Тот, кто беспощадно выкорчевывает малейшие признаки организации, тот, вместе с тем, творит элемент... анархической свалки“.

К кому обращено это поучение? К рабочим организациям или к власть имущим, к тем самым, кто преследует и уничтожает рабочие организации? Именно к последним. Что же оно им говорит? Оно вполне по-либеральному пугает их «анархией», буде они не перестанут вести своей «безрассудной» репрессивной политики; оно рекомендует им политику уступок и послаблений во имя интересов «порядка», «благочиния», «нормального развития», обеспечения этого развития от «анархической свалки».

Теперь я попрошу читателя, которому приходилось брать в руки «Речь» или стенограммы кадетских ораторов в Думе, вспомнить: когда «Речи» или кадетским ораторам приходилось касаться вопросов рабочего движения, каковы были мотивы соответствующих статей и речей? Да те же самые, точка в точку, буква в букву те же, которые приводит сотрудник «Живого Дела», г. Ст. Иванович.

Но и «Речь» и кадеты имели право так писать и говорить: на то они и либералы, на то они и противники рабочей борьбы. Но имеет ли право говорить так рабочая пресса?

Г. Ст. Иванович защищает «законность» и «порядок» от «беззаконий» справа и «злого беспорядка», «анархии» со стороны рабочих слева. Очень хорошо, но поймите же, г. Ст. Иванович, ведь это и значит повторять г. Милюкова. Пора же «познать самого себя». Нельзя же вечно именовать себя «сотрудником рабочей прессы» и «марксистом», говоря самой подлинной, самой настоящей кадетской «прозой».

В № 21 «Звезды» я писал, что заключающееся в вышеприведенных словах г. Ст. Ивановича обращение к власть имущим напоминает мне то, как г. Милюков убеждал ген. Трепова. И для

меня нет сомнения, что именно у г. Милюкова мог позаимствовать г. Ст. Иванович свой метод убеждать власть имущих итти на уступки ради порядка. Уступки ради порядка, убеждение власть имущих в необходимости уступок ради сохранения порядка—это метод Милюкова, Маклакова, либерализма вообще.

Чтобы обеспечить «порядок», либерал не прочь иногда прибегнуть к крайнему средству, находящемуся у него в руках, припугнуть беспорядком.

Сотрудник «Живого Дела», сторонник открытой партии, ликвидатор, в качестве этого средства использует угрозу «подпольем». Именно этой угрозой и кончает г. Ст. Иванович свою статью.—«Неужели правительство хочет, чтобы рабочие обратились к подполью!?»—вопрошает г. Ст. Иванович. Экий ужас... для всякого преданного законности либерала!

Таков последний яркий образчик того, как либеральные взгляды проводятся под видом взглядов марксистских.

То, что некоторые бывшие марксисты стали на деле проповедниками либеральной политики, не ново. Борьба с ними ведется всеми марксистами уже не первый день. И ввиду того, что в последних строках своей статейки в «Ж. Д.» г. Ст. Иванович обнаруживает некоторую забывчивость,—один из эпизодов этой борьбы я считаю полезным ему напомнить. Возобновив его в своей памяти, он вспомнит, быть может, что вопрос о принадлежности некоторых идей к либеральному или рабочему мировоззрению, поставлен не только большевиками, и не в 1912 г., а поставлен и решен всеми марксистами уже несколькими годами раньше.

В одном журнале в 1910 г. некий Стива Нович *) опубликовал статью, близко касавшуюся вопросов рабочей политики. По поводу этой статьи Г. В. Плеханов писал, что он даже «экономистов» предпочитает этому «лидеру ликвидаторства» и задался вопросом, можно ли считать этого «лидера ликвидаторства» принадлежащим к сторонникам организованной социальной демократии. В другом месте нам пришлось прочесть по поводу той же статьи Стивы Новича об «явном идейном ренегатстве». Этот эпизод с автором статьи за подписью «Стива Нович» должен напомнить всем, что марксисты всегда считали своим долгом выяснить перед своими читателями истинную физиономию ликвида-

*) Стива Нович—псевдоним того же Ст. Ивановича, под которым он напечатал откровенно-ликвидаторскую статью в заграничном „Голосе С.-Д.". Прямо указать на это было невозможно в легальной печати. Прим. к наст. изд.

торов, использующих для проповеди своих либеральных идей и общую и профессиональную прессу.

Еще одно замечание. Прочитав статью г. Ст. Ивановича в «Запросах Жизни», я спрашивал: ушел ли этот либерал из «Живого Дела», или же «Живое Дело» сознательно покровительствует либеральной проповеди. Мои сомнения теперь решены. Г. Ст. Иванович не только сотрудничает в «Живом Деле», «Живое Дело» предоставило ему место для защиты либеральных пошлостей из «Запросов Жизни». Эта защита «Живым Делом» статей, печатаемых в журнале г.г. М. Ковалевского и Бланка, очень трогательна. Эта черта, положим, лишь подтверждает достаточно уже утвердившуюся за «Живым Делом» характеристику, как органа не марксистской, а либеральной рабочей политики.

Г. Ст. Иванович, обещает мне еще «разговор особый». Обещаю ему, по этому поводу, что я всегда и впредь, в качестве внимательного читателя, буду следить за его попытками привить русским рабочим либеральные взгляды и немедленно доводить до сведения других читателей о его успехах в борьбе за «законность» и «порядок» против семян беспорядка, произрастающих в рабочей массе.

Примечание. После этой статьи г. Ст. Иванович замолчал, хотя не перестал сотрудничать в „Нашей Заре“.

ЧАСТИЧНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА.

I *).

Покуда рабочий класс, придавленный железным сапогом контр-революции, не подавал признаков жизни,—капитал благословлял реакцию, целовал казацкую плетку, разгонявшую рабочие собрания, и считал всякие разговоры о профессиональных союзах, о делегатах стачечников—недопустимыми и преступными бреднями.

Стачечное движение 1912—1913 г.г. заставляет капитал подумать об изменении своей позиции. Г.г. капиталисты подсчитали по своим приходо-расходным книгам, что непрерывные вспышки политических забастовок для них весьма убыточны. Они начинают мечтать о таком положении, когда политическая стачка станет не правилом, а исключением. Они начинают подумывать о том, что реакция не оправдала их надежд, что она в результате дала им не прибыли, а убытки, не «спокойствие», а ежеминутную готовность рабочей массы прервать работы по самым различным политическим поводам. Реакция не замирила фабрику и пропитала ее бунтовщическим духом,—жалуются московские, петербургские, лодзинские фабриканты и заводчики.

И вот при этих-то обстоятельствах начинают в среде капиталистов раздаваться совершенно необычные для них речи о необходимости предоставить рабочим некоторые политические права: право союзов, право собраний, право коалиций.

Исходя из тех же соображений, из которых исходят московские металлурги, лодзинские хозяева текстильных фабрик, по сообщениям местных газет, «решительно высказываются за необходимость предоставления рабочим коалиционного права, как лучшей гарантии социального мира».

*) „Металлист“, № 6 от 10 августа 1913 г.

А политический орган русской буржуазии газета «Речь», прямо пишет: «Легализация и создание сильных, влиятельных среди рабочих профессиональных союзов, которые бы, действительно, руководили массой и могли упорядочивать стихийные взрывы,—становится настоятельной необходимостью для русской крупной промышленности».

Для того, чтобы вырвать эти признания из уст русской буржуазии, понадобилось полтора миллиона стачечников. Валаамова ослица русского либерализма заговорила о профессиональных союзах только тогда, когда убедилась, что под покровом политической реакции «у нас в промышленности воцаряется перемежающаяся лихорадка, при которой и крупнейшие предприятия не знают, будут ли они работать завтра». Эти слова, проникнутые неподдельным страхом за свой карман и явным ужасом перед размерами современного рабочего движения, мы выписываем из той же «Речи». Они прекрасно вскрывают связь между движением рабочих масс и теми требованиями, которые выставляет либеральная буржуазия.

Стачечное движение представители русской буржуазии поносят изо всех сил. Они не видят в нем ничего, кроме хаоса и дезорганизации промышленности. Они всячески стараются поддерживать то течение (меньшевиков), которое обвиняет петербургских рабочих—и в первую голову металлистов—в «стачечном азарте». Они всячески дискредитируют то течение (большевиков), которое всецело обслуживает рабочее движение.

Но делая все это, политические представители буржуазии не могут скрыть однако: именно «перемежающаяся лихорадка», именно неуверенность в завтрашнем дне, именно то, что они называют,—с удовольствием подхватив чужое, меньшевистское слово,—«стачечным азартом», именно это только и заставило капитал заговорить о «свободе коалиций».

Русскому рабочему классу старались доказать, что лозунг «свободы коалиций» должен стать его собственным, очередным лозунгом, что им должно пропитаться все движение.

На деле движение 1912—1913 г.г. оказалось пропитанным лозунгами, идущими гораздо дальше.

Русский рабочий класс соединенными усилиями либералов и оппортунистов старались предостеречь от «увлечений» и «стачечного азарта». И, однако, только потому, что рабочая масса не послушалась этих советов, только потому, что ни в своих лозунгах, ни в формах движения рабочий класс не остановился на укороченной программе действий,—только поэтому о «сво-

боде коалиций» заговорили либералы и промышленники, как о «настоятельной необходимости».

Несомненно: одно то, что рабочее движение, благодаря своей последовательности и решительности, заставило промышленников и либералов заговорить о «свободе коалиций», одно то, что оно принуждает капитал искать спасения от «хаоса» в расширении политических прав рабочих,—одно это представляет уже большое завоевание современного рабочего движения.

Тот путь, которым рабочие добились словесного признания необходимости свободы коалиций, указывает и те средства, которыми будет завоевана эта свобода на деле. Пусть либералы проклинают «лихорадку» и «азарт», пусть кричат о «хаосе» и «дезорганизации промышленности»,—теперь неоспоримые факты свидетельствуют, что медные лбы либерализма и железные сундуки промышленников поддаются только подобным аргументам.

Заявления промышленников и либералов нуждаются в рассмотрении еще и с другой точки зрения. Конечно, органы буржуазии пишут теперь о «настоятельной необходимости» сильных профессиональных союзов не потому, что эти союзы предназначены для всестороннего улучшения рабочего класса, не потому, что эти союзы должны явиться—по выражению Маркса—«школами социализма». Промышленники и либералы заговорили о профессиональных союзах, несмотря на то, что действительный рост профессионального движения способен укрепить позиции рабочего класса против капитала.

Капитал, естественно, говорит о «настоятельной необходимости» профессиональных союзов не с точки зрения интересов рабочего класса, а с точки зрения своих собственных интересов. Поэтому-то «Речь» и пишет, что «легализация и сильные профессиональные союзы... становятся настоятельной необходимостью для русской крупной промышленности».

Дело ясное. Стачечное движение миллионов рабочих сумело навязать либералам требование «свободы коалиций». Достигнуть этого удалось только потому, что само рабочее движение не ограничилось ни этим лозунгом, ни рекомендовавшимися для его защиты «петициями», а пошло и в своих требованиях и в своих формах гораздо дальше.

Только потому, что рабочее движение не ограничилось «частичными требованиями», буржуазный либерализм стал мало-по-малу выдвигать на очередь эти «частичные требования», как средство успокоения рабочих масс.

Это—урок самой действительности. И этот урок движения 1912—1913 г.г. показывает, как ошибались меньшевики, которые

заранее объявили нежизнеспособной, мертвенной всякую попытку выйти в своих лозунгах за пределы «частичных требований». Действительность показала, что дело обстоит как раз наоборот. «Частичные требования», между прочим, и требование «свободы коалиций», становятся на очередь дня, привлекают к себе внимание, принимаются, так сказать, к сведению господствующими классами лишь тогда, когда движение идет в своих требованиях гораздо дальше. И только дальнейшее развитие движения в том же духе может и должно заставить г.г. либералов и промышленников перейти от слов к делу. И лодзинские промышленники и либеральные политики надеются теперь своими разговорами о свободе коалиций успокоить расходившиеся волны рабочего движения. Они надеются, что «свобода коалиций» даст им «социальный мир». А московские заводчики-металлурги, кроме того надеются еще, что, свалив все на «политику», они получат возможность быть тем более неуступчивыми в области «экономики». Все это, конечно, либеральный самообман. Борьба политическая отнюдь не исключает требование уступок и в области экономической. Московские хозяева-металлурги, отказывая в удовлетворении экономических требований, ссылаются на политический характер движения. Они забывают, видимо, что уже 8 лет тому назад рабочее движение умело совместить и бороться одновременно и за те и за другие требования. «Дни свободы» были и днями самой высокой заработной платы и самого короткого рабочего дня.

II*).

Указания и соображения, сделанные в предыдущей статье, и которые должен будет подтвердить всякий наблюдатель русской жизни, вызвали, однако, понятное недовольство ликвидаторов.

Напр., г. Евг. Маевский в «Н. Р. Газ.» поместил по этому поводу длинную статью, которая—по существу дела—могла бы быть гораздо короче, если бы выкинуть из нее всю брань и неправду, ее наполняющие. Брань мы оставим в стороне, неправду устраним, а доводы г. Маевского разберем.

Касаясь моей статьи, г. Маевский приписывает мне мысль о том, что будто бы лозунг «свободы коалиций» есть лозунг либеральный. Г. Маевский сказал неправду.

*) „Просвещение", № 9, 1913 г.

Приведя заявление либералов и промышленников о необходимости «свободы коалиций», я писал следующее: «Для того, чтобы вырвать эти признания из уст русской буржуазии, понадобилось полтора миллиона стачечников... Стачечное движение миллионов рабочих сумело навязать либералам требование свободы коалиций». Хорош «либеральный» лозунг, который надо «навязывать» либералам и «вырвать» у либералов при помощи миллионов стачечников...

Дело не в том, «либеральный» или не «либеральный» лозунг «свобода коалиций», а в том, что к вопросу о необходимости и о завоевании свободы коалиций можно относиться по-либеральному и не по-либеральному. Когда Меньшиков из «Нового Времени» пишет, что для предотвращения «рабочего бунта» (его выражение) надо удовлетворить «справедливые» требования рабочих—это есть отношение к вопросу с точки зрения растерявшегося полицейского Держиморды.

Когда либералы и промышленники рекомендуют современному правительству «свободу коалиций», как средство успокоить рабочие массы, когда они рассматривают ее, как частичную поправку к режиму,—это есть либеральное отношение к вопросу. Когда передовые рабочие внушают своим товарищам, понявшим или приблизившимся к пониманию настоятельной необходимости свободы организаций, мысль о связи этого требования с пересмотром всех основ современного режима—это марксистское отношение к вопросу. Лодзинские фабриканты утверждают, что свобода коалиций нужна для «социального мира», «Речь» утверждает, что она становится настоятельной необходимостью для русской крупной промышленности. Рабочие сознают, что она нужна им для успешного ведения своей классовой борьбы.

Оказывается, «свобода коалиций» всем нужна и для всего нужна: и рабочим и капиталистам, и для мира и для борьбы. Однако, еще очень недавно г.г. либеральные промышленники и слышать не хотели о свободе рабочих организаций. В этой свободе они видели для себя прямую угрозу. А теперь они утверждают, что именно свобода коалиций есть залог мира и спокойствия на фабрике, лекарство против «перемежающейся лихорадки», захватившей промышленность. Чем вызвана эта перемена? Я утверждаю: именно потому, что рабочее движение не ограничилось частными требованиями, буржуазный либерализм стал мало-по-малу выдвигать на очередь частичные требования—между прочим, и свободу коалиций, как средство успокоения рабочих масс.

«Нет,—отвечает г. Маевский.—«Затяжная приостановка предприятий, вот что заставило представителей промышленности заговорить о свободе коалиций».

Остроумное возражение.

Теперь спросим г. Маевского, а чем вызвана «затяжная приостановка предприятий»?..

Затяжная приостановка предприятий, вызвавшая разговоры либеральной буржуазии о свободе коалиций, вызвана всеми условиями господствующего в стране режима.

Этим же объясняется характерное для современного движения переплетение в нем экономических и политических мотивов.

«Свобода коалиций» в устах либеральной буржуазии явилась ответом на движение, затрогивающее гораздо более широкий круг явлений общеполитической жизни и затрогивающее их гораздо глубже, чем это думают либеральные сторонники реформы в духе свободы коалиций.

Последствия движения 1912—1913 г.г. для рабочего класса г. Маевский в той же статье рисует так: «Сотни стачек, которые прошли нынешним летом, подвели тысячи отдельных и разрозненных рабочих групп вплотную к вопросу о свободе «коалиций». Почему именно к вопросу о свободе коалиций? Почему только к вопросу о свободе коалиций? Все данные о настроении рабочих, все факты их общественных выступлений, их собственные заявления в рабочей печати, наконец, те формы, которые принимает движение, указывают, что «тысячи рабочих групп подошли вплотную» не к вопросу о свободе коалиций, а к общему вопросу о свободе своего классового движения. А этот вопрос о свободе классового движения пролетариата, во-первых, не исчерпывается свободой коалиций, во-вторых, касается не той или другой стороны политического режима, а затрогивает всю область социально-политического уклада России. Либеральный капитал, вынужденный признать необходимость свободы коалиций, рассматривает ее, как стоящую на очереди реформу. Марксист-рабочий так по-реформистски смотреть на нее не может. Великий обман либеральных разговоров о свободе коалиций в том и заключается, что либерал говорит о свободе коалиций, как о поправке к господствующему режиму, как о реформе, которая может быть дарована политически и социально господствующим классом. Этот обман легко вскроется, если спросить лодзинских фабрикантов или либеральных газетчиков о том, как же они думают добиться «настоятельно необходимой для крупной промышленности» свободы коалиций. Конечно, и те и

другие—конституционалисты,—в том смысле, что они стоят на почве 3-еиюньской конституции. Для них вопрос о свободе коалиций есть вопрос о внесении в Думу, затем в Государственный Совет законопроекта, касающегося этого вопроса.

Но мы знаем очень хорошо, чего можно ожидать от этих учреждений в деле рабочего и обще-политического законодательства. Что же г.г. либералы и промышленники собираются делать после того, как Дума и Госуд. Совет отвергнут их либеральный закон о свободе коалиций? Ничего не собираются делать! Вот поэтому-то либеральные разговоры о свободе коалиций и представляют из себя, в конце концов, лицемерную и бессильную болтовню. И этот же характер бессильной болтовни неизбежно приобретает вопрос о свободе коалиций всякий раз, когда он ставится отдельно от общего вопроса, когда он ставится по-реформистски, по-меньшевистски.

Разница же между либеральной и марксистской политикой в том, между прочим, и заключается, что либеральные политики охотно считают политической деятельностью свою бессильную болтовню о реформах, в то время, как для марксиста политика неизбежно и неразрывно связана с деятельностью масс.

А относительно этой деятельности масс сам г. Маевский сообщает нам, что ему «неизвестно, чтобы русский рабочий класс пережил движения», связанные с лозунгом свободы коалиций.

Делая это сообщение, г. Маевский принимает весьма победоносный вид, полагая, видимо, что он наносит этим сообщением смертельный удар моим взглядам. Но г. Маевский, вместо того, чтобы нанести удар мне, опять наносит удар самому себе.

Действительно, Маевский и «иже с ним» вот уже два года кричат со всех крыш, что содержанием нынешнего движения должна явиться борьба за свободу коалиций. С другой стороны, нельзя не признать, что движение двух последних лет приняло очень и очень широкие размеры. Если бы ликвидаторы были правы в определении содержания современного рабочего движения, то это значило бы, что лозунг свободы коалиций сделал широкие завоевания в рабочей массе.

Вот если бы г. Маевский в споре со мной осмелился бы это заявить, если бы моим отрицательным соображениям о данном лозунге он противопоставил факт широкого рабочего движения под этим лозунгом, тогда это был бы действительно убийственный аргумент. Но г. Маевский поступил как раз наоборот: он заявил, что ему «неизвестно, чтобы русский рабочий класс пережил движение» под этим лозунгом. Желая опроверг-

нуть мое заявление, что современное движение не идет под лозунгом «свободы коалиций», г. Маевский подтвердил его, и тем самым выбил у своих единомышленников почву из-под ног.

Как бы там ни было, ясно, что рабочая масса толкалась на выступления и создавала «затяжную приостановку предприятий» не под влиянием чисто-экономических причин и не во имя только «свободы коалиций». Причины были более общие, а содержание движения более широко.

Г. Маевский пытается спрятаться от этого вывода указанием на малую сознательность массы. Но г. Маевский опять не подумал. Почему широчайшее движение 1912—1913 г.г. оказалось глухо к лозунгу «свобода коалиций»? Действительно ли только вследствие политической темноты рабочих масс?.. Но почему же, в таком случае, лозунг «свободы коалиций» не приобрел себе сторонников и в среде передовых рабочих, в среде пролетарского авангарда?

Тут наблюдается интереснейшее явление: и передовой авангард, и рядовая рабочая масса прошли мимо лозунга, который по представлению оппортунистов как раз соответствовал данному моменту в рабочем движении. В чем дело?—Да в том, что данный лозунг отнюдь не охватывал действительных стремлений рабочего движения в 1912—1913 г.г., отнюдь не соответствовал действительным классовым отношениям в современной России. Именно поэтому он был одновременно отвергнут и сознанием рабочего авангарда и классовым инстинктом рядовой борющейся массы.

Оппортунизм всегда при провале какого-либо из своих хитроумно-задуманных планов ссылается на «отсталость» масс. Ему никогда не приходит в голову возложить ответственность за подобный провал на книжность, надуманность, оторванность от жизни масс самого своего «плана». Перед оппортунизмом всегда виновата «масса».

Но жизнь развивается не по политическим прописям оппортунистов. Рабочий авангард отверг лозунг «свободы коалиции», как очередной, потому что этот лозунг слишком узок, как выражение назревающего движения рабочих масс. Рядовая масса оказалась глуха к этому лозунгу потому, что в нем не могли найти себе выражение те нужды и потребности, которые толкали ее на борьбу.

Это не значит, что рабочая масса не понимает необходимости свободы рабочих организаций или борьбы за эту свободу. Это

значит только, что в современной России нет условий, когда борьба неизбежно идет по пути завоевания частичных реформ.

В этом и заключается разгадка судеб лозунга: «свобода коалиций». Бывают эпохи, когда совокупность общественных отношений дает возможность данному классу до поры до времени итти к улучшению своего положения помощью постепенных реформ. Такова была общественная обстановка, в которой развивалось рабочее движение в Западной Европе в конце XIX и начале XX столетий.

Бывают такие эпохи, когда тактика, направленная к завоеванию частичных прав, постепенных реформ, неизбежно вырождается в бессильные, либеральные мечты, когда классовые отношения толкают рабочую массу на путь постановки социально-политических вопросов не по частям, не по реформистике, а целиком.

В такие эпохи область «частичных реформ» становится прибежищем бессильной либеральной мечты, несерьезной и обманной. В такие эпохи все оппортунисты неизбежно терпят крушение и обязательно ругают «массу» за ее несознательность, а рядом—за азарт, т.-е. на деле за то, что ее деятельность и ее настроение не совпадают с либеральными мечтами о «реформах».

Тот факт, что движение переходит за грани, установленные для него либеральной мыслью, и принимает формы, не предусмотренные либеральною ограниченностью, отражается тогда в либеральных головах, как господство «хаоса» и «азарта» в движении. Не умея понять тех законов, по которым движутся рабочие массы и которые совсем не похожи на либеральные схемы, г.г. Маевские описывают тогда рабочие выступления таким образом: «Ряд политических выступлений рабочих 1912—1913 г.г. был, в большинстве случаев, лишь выражением протеста против того или другого факта жизни или демонстрацией, без ясно формулированных, усвоенных и близких всей массе лозунгов».

Нельзя ни капли сомневаться в том, что именно таким образом должно было отразиться историческое движение 1912—1913 г.г. в головах писарей фабричных присутствий. Но, как известно, фабричные присутствия очень плохо разбираются в характере рабочих движений. Рабочие движения всегда представляются с этой точки зрения отрывочными протестами «против того или иного факта жизни» и стихийными, беспорядочными «демонстрациями» без ясно формулированных требований.

А у либерализма всегда найдется лекарство против так обрисованного движения: устранить «те или иные факты жизни», приложить примочки, выдвинуть на очередь вопрос о частичной реформе.

Стачечное движение миллионов рабочих сумело навязать либералам требование свободы коалиций. Достигнуть этого удалось только потому, что само рабочее движение не ограничилось ни этим лозунгом, ни рекомендовавшимися для его защиты «петициями», а пошло и в своих требованиях и в своих формах гораздо дальше. И чем решительнее будут в движении подчеркнуты общие требования, и чем решительнее будут формы движения, тем громче в либеральной среде будут раздаваться голоса за необходимость дать рабочим «свободу коалиций», и тем скорее будет она воплощена в жизнь.

Г.г. либералы и г.г. оппортунисты ни за что с этим не согласятся. Но это уж их дело: рабочее движение движется по законам, ничего общего не имеющим ни с либеральной ограниченностью, ни с оппортунистическим недомыслием.

III*).

Выступления ликвидаторов по вопросу о «свободе коалиций» заставляют еще раз вернуться к их либеральным взглядам на этот вопрос.

В своей газете (№ 14) они приводят такое рассуждение: «Не лучше ли подумать сначала о более радикальном и коренном изменении всех условий русской жизни и уж только тогда приступить к организации нашего союза (речь идет о закрытии московского союза металлистов). Ведь, только при таком изменении условий он будет прочен и долговечен».

Приведя это рассуждение, ликвидаторский писатель прибавляет: такое рассуждение по своему духу близко «темной и отсталой массе».

Любопытное рассуждение либерала...

Если масса действительно прониклась убеждением, что необходимые для нее профессиональные организации будут прочны и долговечны только при коренном изменении условий жизни, то это значит, что она не «темная и отсталая» масса. Проникновение в массу такого убеждения означало бы, наоборот, большой успех в ней политической мысли и сознательности. С

*) „Северная Правда“, № 30 от 6 сентября 1913 г.

другой стороны, если «темная и отсталая» масса проникается убеждением, что надо «сначала подумать о более радикальном и коренном изменении всех условий русской жизни»,—то это значит, что она перестает быть «темной и отсталой». Ведь, даже самые меднолобые либералы никогда не назовут «темной и отсталой массой» тех рабочих, которые выдвигают на первый план вопрос о «радикальном и коренном изменении».

Об «отсталости» свидетельствовал бы только тот факт, если бы кто-либо действительно проповедывал массе: думай о «коренном изменении», а до той поры не организуй, не устраивай обществ и т. д.

Но где слышали наши ликвидаторы подобную проповедь... Среди передовых рабочих, отнюдь не увлеченных лозунгом свободы коалиции, нет людей, которые проповедывали бы: впредь до «коренного изменения» не стоит устраивать союзов, возобновлять закрытые и т. п.

Ликвидаторы прибегают к известному, но скверному полемическому приему: вместо действительных противников стали спорить с выдуманным ими самими чучелом, которому сами же вложили в уста неумные речи.

Среди передовых рабочих нет людей, которые отказывались бы от работы по организации союзов и проч. во имя будущего «коренного изменения». И спор идет совсем не о том, надо ли немедля, сейчас же, при данных условиях работать над организацией масс. Чтобы делать это важное дело, рабочие совсем не нуждаются в ликвидаторских поучениях. Вопрос весь в том, в каком духе вести работу, куда ее направлять, что ставить ее целью?..

Не только стачка, не только попытка создать профессиональный союз или просветительное общество, не только судьба закрываемых рабочих газет, но буквально каждое мельчайшее столкновение на фабрике и заводе приводят самые отсталые массы к сознанию абсолютной необходимости для них свободы организации. На каждом шагу рабочий убеждается в необходимости для него иметь право свободно столковываться со всеми товарищами. Рабочий, можно сказать, ежедневно упирается лбом в отсутствие этого права. И все глубже проникает в рабочую среду сознание, что без свободы организации он раб, а не гражданин.

Благожелательный рабочему классу либерал подходит в этот момент к рабочему и говорит ему: то, чего тебе недостает, на-

зывается «свободой коалиции»: сделай это требование своим лозунгом и настаивай на нем.

Марксист не может и не имеет права ограничиться таким советом рабочим, потому что сказать только это—значит сказать пол-правды, иначе говоря,—неправду.

Марксист должен сказать рабочей массе, ощутившей потребность в свободе организации: свобода стачек, свобода союзов —пустые слова без неприкосновенности личности, без свободы слова, без свободы печати. Свобода коалиций связана с основными, коренными условиями жизни страны. Мечтать о том, что свобода коалиции будет пристроена к исключительным положениям, как чистый флигелек к мрачному застенку—значит полиберальному обманывать и себя и рабочих.

Иначе говоря,—передовой рабочий - марксист, воспользовавшись острым ощущением в массе необходимости свободы коалиций, должен объяснить массе связь этого требования с общими требованиями рабочего класса, поднять массу к этим общим требованиям.

И, выяснив себе эту связь, каждый рабочий скажет, что лозунгом его не может быть «свобода коалиций», а должен стать лозунг более широкий, захватывающий современное положение рабочего класса со всех сторон и включающий в себя требования полной свободы организаций, как целое включает в себе часть.

Какой-нибудь либеральствующий политик, услышав такую речь, скажет, конечно: «это означало бы, что во имя общих и коренных требований... рабочий класс отказался бы от повседневной борьбы».

Пустяки, скажем мы. Это обозначает не отказ от повседневной борьбы, а лишь пропитывание этой необходимой повседневной борьбы духом общих и коренных требований. Это означает, что всю борьбу надо направлять в сторону «коренных изменений».

Это означает, что нельзя в выяснении предстоящего пролетариату пути ограничиваться лозунгом реформы или ряда реформ (сначала свободы стачек, потом союзов, потом печати и т. д.), а надо ставить весь политический вопрос целиком, во весь его рост.

Такова благородная задача, которую должны выполнить передовые рабочие перед лицом уже разбуженной стачками массы.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ *).

Социал-демократия—партия масс. Она исходит из массового действия пролетариата, на массовое действие рабочих опирается и всегда к нему апеллирует. Поэтому лишь в массовом движении пролетариата может она находить ответы на возникающие в ее среде разногласия. Лишь движение самих пролетарских масс подводит итог столкновению лозунгов и методов действий в рабочем движении.

Россия переживает сейчас лишь начало нового подъема рабочего движения. Но уже и первыми шагами нового массового движения подводится итог всей контр-революционной полосе в жизни России, а вместе с тем и тем формулам, лозунгам и построениям, которые зародились в этой атмосфере. Первые же шаги массового движения обязывают каждого социал-демократа проверить на нем, на этом движении, значение той борьбы с ликвидаторством, которую в продолжение всей эпохи контр-революции вела партия и которая ею признана была «неотъемлемым элементом» социал-демократической тактики.

«Новое слово», сказанное ликвидаторами в области вопросов организационных, заключалось, прежде всего, в их отрицательном отношении к старой форме организации. В ближайшей связи с этим стояло и их подробно обоснованное в специальном труде («Общественное Движение», 3 тома) и в книгах Череванина отрицательное отношение к формам массового движения 1905—1906 годов. «Увлечение горячих голов» (Череванин), «революционные иллюзии» (Кольцов), идея гегемонии пролетариата—отжившая свой век ошибка (Потресов), «революционные и оппозиционные партии зашли слишком далеко» (Череванин), несоответствие хозяйственному строю России (Маслов),—вот приблизительно те формулы, в которые отлилось отречение от форм движения 1905 года.

*) „Социал-Демократ“, № 31 от 15/28 июня 1913 г.

Но своим отношением к формам партийной организации и к формам рабочего движения, господствовавшим в революционную эпоху, ликвидаторство характеризовало себя лишь отрицательно. В чем же заключался его положительный ответ на вопрос о жизнеспособных формах рабочего движения? Ликвидаторство долго искало этого ответа. Сначала это было указание на чисто-культурнические методы действия. Затем это была—«мобилизация масс на открытой арене» при помощи легальных рабочих клубов и обществ.

Но это были лишь подготовительные стадии. Свой специфический ответ на вопрос о формах движения рабочего класса в современной России ликвидаторство нашло только тогда, когда наткнулось на идею о петициях. После долгих поисков именно «петиционные кампании» были объявлены совершенно соответствующими данной стадии развития движения и данной политической обстановке.

Этому решению повезло. Оно стало общим знаменем, под которым сошлись и чистые ликвидаторы и так называемые примиренцы.

А это значит, что то была высшая точка «полевения» ликвидаторства, предел доступной ему тактической мудрости. Дальше этого оно уже не двинулось. Стачечная волна 1912—1913 годов была им встречена ворчанием и окриками—«стачечный азарт!»—она выходила за пределы, очерченные защитниками и провозвестниками «петиционной кампании».

При первых же выступлениях защитников «петиционной кампании» наша партия заявила, что эти «кампании» войдут лишь в историю ликвидаторской растерянности, а не в историю русского рабочего движения. Теперь вряд ли уже кто-либо в этом сомневается. Самые ярые «петиционеры» теперь усиленно молчат о своем блестящем «плане», хотя именно теперь, казалось бы, на почве разбуженной массовыми стачками активности пролетариата петиционные кампании—с их точки зрения—могли бы найти свое надлежащее применение.

Но в том-то и дело, что «петиционные кампании» в понимании ликвидаторов противополагались революционному движению пролетариата. То, что понималось ликвидаторами под «петиционной кампанией», ее исходные пункты и связанная с ней политическая перспектива оказались в прямом противоречии с действительным ходом рабочего движения. Эта кампания проповедывалась ликвидаторами, как высшая форма доступного русскому пролетариату активного вмешательства в политическую

жизнь. Но эта высшая форма для ликвидаторства характеризовалась прежде всего своим мирным характером и отсутствием непосредственно-революционного содержания.

«Характерно,—писали ликвидаторы,—что петиционная кампания выливается не в форме старых, избитых фраз: Дума скверна, никуда не годится, укрепляет реакцию и пр.». Петиционная кампания есть «осуждение тактики громких фраз», тактики революции—в этих словах «Нашей Зари» крылось все содержание ликвидаторской кампании и в этом же крылся ее неизбежный крах.

Петиционная кампания пыталась организовать вмешательство пролетариата в политическую жизнь в «конституционных» формах и на почве мелких реформ.

С этой точки зрения понятно, что петиционеры пытались провести ясную границу между собой и «избитыми и громкими фразами».

Но тут-то и оказалось, что в «конституционной» форме и на почве частичных реформ 3-июньской монархии никакая мобилизация масс в современной России невозможна. Тут-то и оказалось, что форма движения, предложенная ликвидаторством русскому пролетариату, ни в какой мере не отвечает его действительному настроению. Пройдя с насмешкой мимо «петиций», пролетариат дружно откликнулся на призыв к стачкам, откликнулся на те «громкие фразы» и «избитые формулы», которые столь решительно были ликвидаторами объявлены достоянием кучки заскорузлых доктринеров, поклоняющихся букве, от которой уже отлетел живой дух массовой борьбы.

В какой форме будет происходить собирание сил пролетариата и его вмешательство в политическую жизнь России 1910—1913 годов? В форме ли собирания подписей под петицией, обращающейся к Думе 3-го июня, или в форме массовых стачечных и демонстративных выступлений? Каково будет содержание этих выступлений?—отрицание ли «громких и избитых фраз» во имя отстаивания реформ или усвоение широкими массами этих именно «громких фраз».

Этот вопрос факта теперь решен фактической историей рабочего движения 1912—1913 г.г. Петиции и отрицание революционных лозунгов остались достоянием ликвидаторских литераторов (примиренцев, конечно, в том числе!), а массовая политическая стачка с революционным содержанием оказалась той исторической формой, в которой на деле произошло возрождение активности рабочих масс России.

В виде петиционной кампании, защищавшейся Левицкими, Мартовыми, Данами и прочими, рабочим классом России отброшена и осуждена как раз та форма, которая выдвинута была ликвидаторами, как крайний предел их организационного строительства. То, что для ликвидаторов и примиренцев в смысле формы движения было самым «левым», для рабочего класса просто осталось вне пределов его внимания.

Но «петиционная кампания» была только результатом общих воззрений ликвидаторов на судьбы и характер рабочего движения в современной России. Посмотрим на итоги ликвидаторства в этой области.

Лозунги партии всегда рождаются из какого-либо определенного представления о соотношении общественных сил в данный момент. Сколько бы ни уверяли нас люди, никакого собственного представления о политическом положении себе не выработавшие, что «прогноз не нужен» или даже «прогноз вреден», сами они при выработке лозунгов движения всегда опираются на какой-либо «прогноз».

В 1910 году «прогноз», на который опиралось ликвидаторство в выработке своих лозунгов, был формулирован ясно и точно в следующих словах:

> «Октябрь 1905 г. (т.-е. революция) не стоит на очереди. Очищение пути капиталистического развития от абсолютистских остатков произойдет без всякой революции, просто в силу интересов... господствующих классов... Феодализм принужден будет уступить, самоисчерпав себя... Предстоит конституционное обновление... Очередной задачей является проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем периоде рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов».

Как видим, этот «прогноз» давал прямую «руководящую идею» для сегодняшней работы: у рабочего класса есть особые интересы, которые ни в какой революции не нуждаются. Вот это-то противопоставление «особых» интересов рабочего класса революционной борьбе и должно было стать исходным пунктом дальнейших ликвидаторских (и примиренческих) тактических построений.

Если революция не стоит на очереди, то что же нас ждет? «Кризис,—отвечал Мартов,—к которому в настоящее время дви-

жется русская жизнь, будет кризисом конституционным». Это ясно. Кризис конституционный в отличие от кризиса революционного обозначает такой кризис, при котором не затрогиваются самые основы данной конституции, а лишь совершается перестановка сил в ее настоящих или несколько расщиренных пределах. Мартов и пояснял это: «Все,—писал он,—ведет к тому, чтобы выдвинуть процесс нарастания элементов будущего политического кризиса в значительной мере в рамки норм и учреждений, оставленных России незаконченной революцией»,—т.-е. в рамки норм и учреждений, существующих в России в 1910 г., когда писались указанные строки.

Но поскольку народные массы оказывались за указанными пределами, а внутри их оставалась—в качестве представительницы будущего России—лишь одна промышленная буржуазия, постольку—совершенно логично—ликвидаторская мысль приходила к выводу, что «движущей силой общественного переворота должна стать буржуазия». Так, факт исчезновения пролетариата с политической арены под давлением царских штыков возводился в целую теорию, передававшую роль движущей силы общественного прогресса либеральной буржуазии. А пролетариат? «Двигаясь навстречу этому (конституционному)» кризису,—отвечал Мартов,—рабочий класс имеет полную возможность... вырывать от поднимающейся к власти буржуазии частичные уступки, способные расширить рамки его борьбы и организации».

Так смыкалась цепь логических умозаключений, отражавших глубокий упадок революционной мысли: революция не стоит на очереди—предстоит конституционный кризис—в этом кризисе руководящая роль принадлежит буржуазии—пролетариат в этом процессе, должен, следовательно, «организоваться не для революции и не в ожидании революции, а просто-таки для защиты своих *особых* интересов», для вырывания у буржуазии «частичных уступок». Этот же самый смысл имела и «экономическая» критика «голого общедемократического лозунга», т.-е. лозунга революционной борьбы с 3-июньской монархией за республику. А отсюда было уже и совсем недалеко до объявления, лозунгов революции вообще, «абстрактными», «нежизнеспособными» (Бунд), «академическими» («Луч»), бессильной и нелепой «громкой фразой» («Наша Заря»), негодными как предмет агитации и, в крайнем случае, пригодными лишь для пропагандистских разъяснений (см. особенно «Луч» № 194). Это воззрение нашло себе ясное отражение и в соответствующих организацион-

ных выступлениях: лозунги революции, общеликвидаторская конференция августа 1912 года «вынесла на чердак», а бундовская и совсем выкинула вон из избирательной платформы социал-демократии, революции был противопоставлен кризис конституционный, так же точно «абстрактным» лозунгам революции были противопоставлены «частичные уступки».

Эти «частичные уступки» должны были исходить от «поднимающейся к власти буржуазии». Но, в таком случае, естественно, конечно, выдвинуть на первый план в рабочем движении именно те частичные требования, которые меньше всего способны были бы встретить сопротивление со стороны этой буржуазии.

И именно на этом основании, по линии «наименьшего сопротивления буржуазии по отношению к требованиям рабочих» (Дан), «частичные требования» были разъяснены в смысле «борьбы за легальность».

«Борьба за легальность» стала, таким образом, воплощением всей ликвидаторской мудрости, тем политическим «новым словом», которым контр-революционная эпоха устами ликвидаторов обогатила социал-демократическую тактику. А этим была подготовлена почва для того, чтобы объявить и все движение 1912 г. проникнутым «частичными требованиями», формой борьбы за «легальность», имеющим своей основой «борьбу за свободу коалиций».

В полном соответствии с этим, и лозунгом партии должна была стать борьба за открытое существование. «Центром деятельности нелегальных организаций в настоящий момент,—писал «Луч»,—должна стать борьба за открытое существование». «Завоевание открытой рабочей партии может столь же мало быть иллюзией, сколь мало иллюзией оказалась и с.-демократическая фракция», оповещал читателей «Луча» г. Маевский.

Не революционная, а конституционная борьба, не лозунг свержения 3-июньского режима, а «открытая рабочая партия», которая столь же мало может быть иллюзией при режиме 3-го июня, сколь мало иллюзорна при нем думская с.-д. фракция!

Вот истинное содержание той идейной проповеди, с которой ликвидаторство оказалось лицом к лицу с пролетарским движением 1912—1913 годов.

Но обратиться к рабочим массам в 1912—1913 г.г. с подобной проповедью и значило притти в решительный конфликт с действительным характером движения. Это значило пытаться сыграть относительно этого движения ту же роль, которую в пред-

революционные годы пытались сыграть относительно рабочего движения того времени переодетые либералы, типа г-на Прокоповича и братии. Ликвидаторство в своей защите «частичных требований» и в своем отвержении лозунгов революции, как «голых лозунгов для немногих», как «звучных фраз», мертвых для рабочих масс, пыталось апеллировать именно к нынешнему состоянию рабочего движения. Вы против петиционных кампаний и борьбы за легальность,—значит вы—против рабочего класса, заявлял Мартов. Теперь настало время посчитаться.

Рабочее движение насмеялось над ликвидаторством. Оно прошло мимо его лозунгов. Ликвидаторские схемы были рассчитаны на то, чтобы ценою отказа от лозунгов революции—«лозунгов для немногих»! —погрузиться в самую гущу рабочего класса. Ему казалось, что именно урезанные лозунги будут самыми своевременными для рабочего класса России в его настоящем состоянии, что они больше всего обеспечат взаимное понимание партии и класса. Оказалось же, что именно гуща рабочего класса России—революционна, что именно неурезанным, революционным лозунгам обеспечено сочувствие и внимание со стороны рабочих масс России. Не случайно же, конечно, и не объяснимо «происками» антиликвидаторов, что формой пробуждения рабочего класса после 1905—1907 г.г. стала не «петиционная кампания», не «борьба за легальность», не «открытая деятельность на почве отстаивания своих прав»—все излюбленные формулы ликвидаторства,—а массовая политическая стачка с революционными лозунгами. «Так уже русская печь печет», или, точнее, так уж диктуется соотношением классов в России во второе десятилетие XX века.

Несколько лет тому назад мы приводили слова одного из ликвидаторов относительно роли нынешних анти-ликвидаторов в революционном движении 1905 г. «Меньшевизм»,—писала «Наша Заря»,—в силу своей оторванности от масс, практически еще меньше мог руководить массовым движением, чем большевизм. Его безукоризненные лозунги большей частью оставались ввиду своей сложности чуждыми и непонятными политически мало развитым русским рабочим массам. В дореволюционный период, да за немногими исключениями и после, большевики имели большее влияние на массы... большевики были более точными выразителями этого движения. Организационные же построения меньшевиков в особенности отличались надуманностью и даже доктринерством... Для масс они оставались чуждой, выдуманной идеей».

Мы тогда же предсказали, что придет время, когда нынешние ликвидаторы опять вынуждены будут сознаться в «надуманности» и «чуждости» для рабочих масс их лозунгов и опять попытаются обвинить в крахе своей пропаганды «неразвитость» русского пролетариата. Но разве обвинение ликвидаторами петербургского пролетариата в «стачечном азарте» не есть прямо выполнение нашего предсказания?

Стоит сравнить эти два периода.

1905 год. Революция. Будущие ликвидаторы выступают против революционного движения пролетариата со своими «доктринерскими» и «надуманными» теориями, выдавая их за чистый марксизм, ругая пролетариат—за его неспособность усвоить их оппортунистическую мудрость.

1913 год. Возрождение рабочего движения. Ликвидаторство опять оказывается со своими «доктринерскими» и «надуманными» лозунгами против революционного движения рабочего класса и поносит рабочий класс за «стачечный азарт», за прискорбное стремление к подполью...

В русском рабочем движении это стало уже правилом, что построения г.г. оппортунистов сталкиваются с рабочим движением как с чуждой, враждебной и отталкивающей их стихией.

Позволительно ли винить в этом рабочее движение? Не правильнее ли будет предположить, что тут не без вины и сами построения г.г. оппортунистов? Не следует ли предположить, что печальные судьбы русского оппортунизма—от г. Прокоповича и до г. Дана—определяются прежде всего тем, что ему, как клад в руки, не дается понимание непосредственно революционного характера рабочего движения в современной России.

Г.г. оппортунисты любят, извратив на свою потребу, некстати повторять слова Маркса о том, что «один шаг действительного рабочего движения, ценнее дюжины программ». Оппортунизм склонен думать, что этими словами он может легко прикрыть свое отступление от революционных «программ». Но если где-либо слова Маркса могли найти свое полное подтверждение, то именно в вопросе об отношении между ликвидаторской «программой» и действительным рабочим движением 1912—1913 годов.

Однако, наши постоянные защитники «движения» против «программ» как раз в этот момент забыли вспомнить, что единый шаг политической стачки в 1912—1913 г.г. был ценнее сотни ликвидаторских программ о «борьбе за легальность».

Программа ликвидаторов, высиженная с такими усилиями «марксистами разных направлений», не была воспринята ни в одном политическом акте рабочей массы, не нашла отклика ни в

одном рабочем листке. Она осталась достоянием людей, примерявших свои программы на рост ушибленного контр-революцией обывателя, а не на потребности революционного пролетариата.

По примеру своих достойных предков-экономистов—ликвидаторы все время контр-революции усиленно созерцали «заднюю» пролетариата, и когда пролетариат в массовых стачках разогнулся и пошел вперед, в руках у ликвидаторов остались лишь жалкие лохмотья детских штанишек легализма, которые они с таким усердием пытались натянуть на него. Совершенно понятно, что после этого казуса,—вполне, как мы видим, естественного,—ликвидаторы безо всякого удовольствия глядят на движение русского пролетариата: своим движением он разбивает и общую схему ликвидаторства и один за другим их тактические лозунги.

Но, быть может, ликвидаторство может найти утешение в том, что, не выражая субъективного настроения «политически мало развитого» русского пролетариата, его схемы и лозунги все же правильно отражают объективное положение дел, объективные задачи пролетариата.

Действительное положение дел не дает ликвидаторству и этого—плоховатого—утешения.

Все яснее становится, что Россия неизбежно катится к революционному обострению положения. На одной стороне стоит миллион политических стачечников, а на другой—начинается обсуждение вопроса о роспуске господско-поповской Думы и изменение избирательного закона 3-го июня. Октябристы в ужасе перед растущим революционным возбуждением решаются на крайнее средство, на прямое осуждение правительства за рост «недовольства», «возмущения» и «оппозиционного настроения» в населении. Либералы оплакивают исчезающие шансы «мирного прогресса» и клянут и реакцию и революцию. Надвигающийся экономический кризис грозит обострить все противоречия и развязать все страсти.

Какое значение при всех этих условиях может иметь ликвидаторская схема о «конституционном кризисе» и «конституционном обновлении», о «борьбе за легальность» и о постепенном расширении арены легальной и мирной борьбы рабочего класса за свои «особые» интересы, о частичных уступках пролетариату со стороны «поднимающейся к власти» буржуазии и об «очередной исторической задаче» в смысле созидания открытой рабочей партии.

Совершенно ясно, что вся эта схема, так же, как и лежащая в ее основе либеральная схема «мирного прогресса», отражает не действительное положение, не действительные отношения классов, а находится с ним в прямом противоречии, должна пасть первой жертвой дальнейшего развития.

Как в конце 1905 года либерализм должен был откровенно признать, что ему нечего делать в закипевшей борьбе, что история отстранила его со своего пути, так и ликвидаторство со своим легализмом и мечтами о «конституционном обновлении» находится накануне того момента, когда оно будет объективным ходом вещей отброшено в сорный ящик истории вместе со всеми другими продуктами идейного распада контр-революционной эпохи.

Этот объективный ход обострения революционной борьбы в России уже заставил ликвидаторов, совершенно логично с точки зрения его исходных пунктов—выступить против массовой стачечной борьбы русских рабочих. В дальнейшем—противоречие между ликвидаторством и ходом рабочего движения в России будет только расти, так же, как—в более общей форме—будет расти противоречие между либерализмом и ходом всего развития страны. А когда это противоречие вскроется даже для подслеповатых политических мужей из Организационного Комитета, тогда... тогда какой-нибудь Череванин напишет новый обвинительный акт против «революционных иллюзий» пролетариата, а какой-нибудь примиренец заявит, что никогда он не имел ничего общего с ликвидаторами и—в подтверждение этого—напишет брошюру: «В защиту партии» [1]).

---

[1]) „Организационным Комитетом" назывался руководящий орган ликвидаторов, бундовцев и других групп, выбранный ими на конференциях в Вене в августе 1912 г. Известно, что с февраля 1917 г. все писания меньшевиков были не чем иным, как длинным „обвинительным актом" против революционных „увлечений" и „иллюзий" русского пролетариата. Прим. к наст. изд.

БОРЬБА ЗА ДЕПУТАТОВ.

В IV Гос. Думе было 13 депутатов социал-демократов. Из них шесть рабочих, прошедших по рабочей курии непосредственно от рабочих избирателей (среди них: Г. И. Петровский, А. Е. Бадаев, М. И. Муранов, Ф. И. Самойлов), примкнули к большевикам. Остальные — Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, Чхенкели и др.—к ликвидаторам. После раскола между нашей партией и меньшевиками-ликвидаторами стал неизбежен и раскол в думской фракции, который и произошел в конце 1913 г. Формальным поводом к расколу послужило неудовлетворение меньшевиками депутатами („семеркой") требования о равноправии (в думских выступлениях, в распределении речей и т. д.), предъявленное нашей большевистской „шестеркой". В связи с этим велась горячая борьба между большевистской газетой („Правда", „За Правду", „Путь Правды") и меньшевистской („Луч", „Новая Рабочая Газета", „Северная Рабочая Газета"). Надеясь в другом месте рассказать подробнее об этом важном моменте в истории нашей партии и ее борьбы с меньшевизмом, я здесь перепечатываю две статьи, выясняющие общий взгляд большевиков и меньшевиков на роль рабочих депутатов в парламентских учреждениях.

Л. К.

1. Игра, которой выиграть нельзя *).

Кому нужен был раскол в думской фракции?

Кто больше всего сопротивлялся удовлетворению требования 6-ти депутатов о равноправии?

Кому политически выгодна была бы полная неустойчивость семерки?

На все эти вопросы есть один ответ: крайним ликвидаторам из тех, что под предводительством г. Ф. Дана пишут в «Н. Р. Газете».

В современном рабочем движении ликвидаторством потеряны все позиции.

Уйдя из старой политической организации, они не создали и новой, своей, той открытой партии, о которой они столь пространно и,—простите за слово,—столь развратно болтали

*) „За Правду", № 34 от 10 ноября 1913 г.

столько времени. Единственно существующая политическая организация складывалась, сложилась и продолжает расти без них и в борьбе с ними. Их попытка выступить против этой организации и поддерживаемого ею движения со страниц своей газеты окончилась полным крахом и лишь скомпрометировала в широких кругах самое имя «лучиста». Не даром же словечко этой газеты: «стачечный азарт», стало уже ходячим, популярным обозначением ликвидаторства, оторвавшегося от подлинного рабочего движения. Масса, быть может, недостаточно ясно чувствовавшая то либеральное зерно, которое лежало в основе ликвидаторской «борьбы за легальность», очень быстро и очень ясно поняла сущность ликвидаторства, когда оно пошло наперерез воскресшему рабочему движению. Ликвидаторство в политическом движении осталось лишь при своих оппортунистических причитаниях и при похвалах либералов,—а рабочее движение—при своей старой программе.

Не спасла ликвидаторство и его попытка забаррикадироваться в профессиональных союзах. Тут—думали они, на будничной работе поневоле суженной рамками законности и легальности, мы отвоюем то, что потеряли в политическом движении. Их расчет оказался построенным на песке... В современных русских условиях трудно подобрать весь необходимый материал. Но уже сейчас можно сказать, что тот разгром ликвидаторства, которым ознаменованы последние этапы развития всякого рода легальных рабочих обществ, является по своей быстроте и решительности чем-то беспримерным. По выражению одной из последних рабочих резолюций, ликвидаторы «сняты» с руководящих позиций в профессиональном движении, в движении культурно-просветительном, в страховой кампании. И пусть они не утешают себя сказками об «интригах». Для ликвидаторства злокозненной непобедимой «интригой» оказывается весь ход современного рабочего движения в России.

С поразительной точностью подтвердилось то указание марксистов, что ликвидаторство есть ничтожество как типичное отражение в головах отошедших от рабочего движения интеллигентов всей контр-революционной эпохи с ее малодушным отрицанием больших задач и вершковым горизонтом в политике. Этому течению не оказалось места в рабочей среде как только великие задачи и широкие горизонты вновь открылись перед рабочим классом.

«Снимая» ликвидаторов, пролетарское движение тем самым показывает, что оно рвется из тех узких рамок, куда безуспеш-

но пыталась загнать его реакция, поддержанная здесь больше, чем где-либо,—либеральною проповедью. Рабочее движение растет у нас и не может расти иначе как через отрицание ликвидаторства. Вот почему так горько плачет либеральная пресса над поражением ликвидаторов в массовом движении: она оплакивает рост рабочего движения, казалось, уже похороненного.

Ликвидаторство побеждено всем духом, всем содержанием временного движения. Побежденным в идейной борьбе—нет пощады. Вот почему победа над ликвидаторством переходит из одной области работы в другую: из политического движения в профессиональное, из профессионального в страховое, и... создает «правдистское поветрие», от которого ликвидаторство ищет спасения лишь в ссылке на отсталость масс.

Вытесняемые «поветрием» из массового движения, ликвидаторы свои последние надежды возложили на думскую фракцию. Если массы так «отстали», что идут за «правдистскими» лозунгами, то нельзя ли, как за якорь спасения, схватиться за депутатов, их сделать глашатаями ликвидаторской политики? Вот мысль ликвидаторов.

Но уже кто, а г. Ф. Дан очень хорошо помнит, что с попытками превратить депутатов в звонарей ликвидаторской колокольни дело обстоит совсем не так просто.

Почему с.-д. фракция I Гос. Думы—несмотря на усиленную пропаганду того же г. Ф. Дана—так-таки и не сделала своим лозунг кадетского министерства?

Почему с.-д. фракция III Госуд. Думы, находившаяся под прямым давлением единомышленников г. Ф. Дана, ни разу не осмелилась выставить центральный ликвидаторский лозунг: «открытая партия» и «борьба за легальность»?

Почему не сделали этого до сих пор семеро депутатов IV Госуд. Думы?

Потому что есть разница между безответственными ликвидаторскими литераторами и между депутатами, чувствующими свою ответственность перед рабочими, их избравшими.

Ликвидаторские литераторы давным давно освободили себя от всякой ответственности перед организацией (она, ведь, объявлена не существующей...), перед какой бы то ни было центральной коллегией (ей, ведь, не полагается существовать...), наконец, перед рабочей массой (она, ведь, «отстала» и заражена «поветрием»)...

Ни одна из думских фракций не могла еще стать на эту точку зрения. И пропаганда крайних ликвидаторских лозунгов всегда упиралась во фракции в сознание депутатами своей ответственности. Поэтому только не увенчались до сих пор успехом усилия г. Ф. Дана сделать фракцию III или IV Думы рупором ликвидаторства. Наличие во фракции IV Думы 6-ти рабочих депутатов, решительных противников ликвидаторства, связанных с массами, действующих в полном согласии с волей организованных рабочих, более всего мешали г.г. Данам. Семерка будет тем податливее на ликвидаторскую проповедь, чем менее связана она будет сотрудничеством с шестью рабочими депутатами-антиликвидаторами. Вот почему г. Ф. Д. со страниц своей газеты рвал и метал против соглашения, фактически препятствовал ему, проповедывал: никаких уступок шестерке. Не интересы думской фракции и не интересы работы руководили этим ликвидаторским застрельщиком в его ожесточенной кампании против соглашения 6-ти и 7-ми, а исключительно интересы своего литераторского, ликвидаторского кружка.

Крайнее ликвидаторство надеется на почве раскола пожать свою жатву; сделать из семи депутатов, «освобожденных» от сотрудничества с шестеркой, податливое оружие своей политики.

Но и этой игры на раскол нельзя выиграть г-ну Дану. У пролетарских масс еще достаточно сильно «поветрие», чтобы «облегчить» семерым депутатам выбор, выбор между сотрудничеством с рабочими депутатами и превращением себя во фракцию «Нашей Зари» и «Луча».

А если удастся раскольничья тактика г.г. Данов,—то это будет значить одно: семерка депутатов от ликвидаторства очутится лицом к лицу с требованием: сложите свои мандаты! —Ликвидаторы не могут представлять рабочий класс России и не будут его представлять.

2. Рабочий или буржуазный парламентаризм? *).

Мы можем сообщить нашим читателям приятную новость. Кроме того истеричного шума, которым г.г. ликвидаторы ответили на требования шести рабочих депутатов, у них (наконец-то!..) объявились и некоторые теоретические аргументы.

*) „За Правду", № 35 от 14 ноября 1913 г.

Они попытались обратиться к теории, к тем разногласиям по существу вопроса, к которым мы все время призываем внимание рабочих.

Первыми выступили ликвидаторы кавказские. Они решили доказать, что разногласия между шестеркой и семеркой действительно существуют, и что точка зрения 6-ти есть отступление от принципов с.-д. В чем видят они преступление 6-ти и заслугу 7-ми? Вот в чем:

„Депутаты большевики—пишут кавказские ликвидаторы—смотрят на Думу косо, считая ее местом болтовни. Главной своей целью они ставят участие в рабочем движении".

Вот какие преступники эти 6 депутатов... Зато семерка ведет себя как следует.

„Главной ареной деятельности их является Дума. Внедумская работа, участие в рабочем движении есть лишь придаток внутридумской деятельности.

Кавказским ликвидаторам нравятся те депутаты, которые на участие в рабочем движении смотрят лишь как на п р и д а т о к, и не нравятся те, которые участие в этом движении считают своей главной целью.

Это уже целая теория,—теория всех «независимцев» в Европе. Можно заранее сказать, что подобная теория будет с негодованием отвергнута рабочими, хотящими видеть в депутатах орудие своей организации, а не людей, снисходительно поглядывающих на рабочее движение с высоты думской кафедры.

Таким образом, попытка кавказских ликвидаторов подвести теоретический фундамент под ликвидаторский поход против 6-ти рабочих депутатов, сразу показала весь свой антипролетарский, антимарксистский характер.

После кавказцев пришел поправлять дело г. Ф. Дан.

В № 73 «Н. Р. Газеты» он доказывает правильность политической линии семерки таким соображением:

„Главное отличие всякой легальной арены и Госуд. Думы в первую очередь... в том и состоит, что на ней с.-д.-тии приходится вести пропаганду и агитацию и организовать рабочие массы на почве б о р ь б ы з а о ч е р е д н ы е т р е б о в а н и я и таким образом сплачивать их в силу, способную решить и в е л и к и е исторические з а д а ч и".

Г. Ф. Дан рассуждает, значит, так: у пролетариата есть, с одной стороны, о ч е р е д н ы е т р е б о в а н и я, а с другой—в е л и к и е и с т о р и ч е с к и е з а д а ч и. В Госуд. Думе с.-демократия должна вести свою работу только на почве первых, т.-е. на

почве очередных, частичных требований. Пропаганде и агитации в духе великих исторических задач здесь не место. Те, кто хотел бы и в Думе вести работу не в духе частичных требований, а в духе великих задач, сами не понимают, что им лучше бы всего «уйти из Думы».

Итак: или работай в Думе на почве частичных требований, или, если ты не хочешь ими ограничиваться,—уходи из нее. Вот теория г. Ф. Дана.

Признаться, такой ясной и цинично-откровенной формулы оппортунизма и парламентского кретинизма нам еще не приходилось встречать.

Г. Ф. Дан этими словами, ведь, вскрыл всю сущность ликвидаторства в вопросе о думской работе социал-демократии. Думская работа с.-д. должна быть работой на почве частичных требований, урезанных лозунгов—вот мысль г. Ф. Дана и мысль всего ликвидаторства.

Дума—главное, говорят кавказские ликвидаторы; а в Думе основное—это борьба за частичные лозунги, добавляет г. Ф. Дан.

Можно только поблагодарить за откровенность.

Позвольте же вам сказать, что шестеро рабочих депутатов—вместе с марксистской организацией и со всеми сознательными рабочими стоят на прямо-противоположной точке зрения.

Они полагают, что не Дума главное, а главное—это рабочее движение вне Думы. Раз.

А второе—и это относится уже специально к г. Ф. Дану—они полагают, что они обязаны в Думе, как и вне Думы, не отделять очередных требований от великих исторических задач, не ограничиваться «борьбой на почве очередных требований», а всякую борьбу переносить на почву великой исторической задачи российского пролетариата. Два.

Наконец, они полагают, что то, что вы называете великой исторической задачей, и что вы отодвигаете вдаль, и есть очередное требование российского пролетариата. Три.

Г-ну Ф. Дану кажется, что если не стоять на почве «очередных требований» и урезанных лозунгов, то неизбежно прийти к бойкоту Думы. А шестерка для того и требовала себе самостоятельности, чтобы показать русским рабочим, как можно и должно, оставаясь в Думе, вести в ней работу не по-ликвидаторски, не на почве частичных требований, не под урезанными лозунгами, а по-марксистки, на почве великой исторической задачи, воспитывая и организуя пролетариат подпольными лозунгами.

Теория Дана насчет специальной особенности думской работы в духе «очередных требований» есть теория оппортунистической, а не с.-д. работы в Думе. Особенно в России, особенно при первых опытах русских рабочих на думской арене она является проповедью развращения и фракции и рабочих масс.

Г-дам Ф. Д. очень хотелось связать этой своей теорией деятельность 6-ти рабочих депутатов. Этого им не удалось.

И удастся ли ему это относительно остальных депутатов? Превратит ли он их в родоначальников фракции русских оппортунистов-независимцев? Отколовшись от 6-ти рабочих депутатов, они сами сделали громадный шаг по пути, указанному Даном.

Покуда скажем одно: семерку уже нельзя защищать иными аргументами, как те, которыми во всем мире защищались люди, уходившие от с.-д. использования парламента к буржуазному парламентаризму. Теория г.г. Данов есть робкая копия теорий этих господ. Путь, ею указываемый, есть путь *ухода от борьбы рабочих масс.*

БУРЖУАЗНАЯ И ЛИКВИДАТОРСКАЯ ОЦЕНКА *).

Последние события рабочей жизни—массовые отравления, забастовки, локаут и демонстрации—встретили довольно широкий отклик в нерабочей среде. Буржуазные газеты, городская дума, научные общества, студенчество откликнулись—по разному—на эти события. Если исключить студенчество и русское техническое общество,—то во всех этих откликах есть одна, очень характерная черта. Эта черта—испуг перед стихией рабочего движения. Определеннее всего этот испуг перед рабочим выразил октябрист г. Гучков на заседании городской думы, где, защищая создание столовых для семей безработных, он сказал:

«Было бы неосторожно доводить существующее повышенное настроение рабочих масс до ожесточения и отчаяния под влиянием тяжелой безработицы». Тот же испуг водил и рукой наших либералов, когда они писали в «Речи» свои статьи по поводу рабочих волнений.

Это естественно. Рост пролетарского сплочения всегда рисуется буржуазии как какое-то стихийное, лишенное внутренней разумной логики, чреватое «эксцессами» движение.

Это барское, сверху—вниз отношение к рабочим—«варварам» характеризует и всю нашу интеллигенцию.

Поэтому испуг перед рабочим окрасил в эти дни не только буржуазные газеты и общества, но и сильно сказался на органе сочувствующей рабочему движению оппортунистической интеллигенции, на «Северной Рабочей Газете»[1]).

И вместе с испугом проникло на ее страницы и желание посодействовать успокоению беспокойной рабочей стихии.

Практический вопрос текущих дней, вопрос о том, как реагировать на локаут, получил в ликвидаторской газете весьма странный характер.

---

*) „Путь Правды", № 47 от 27 марта 1914 г.

[1]) „Сев. Раб. Газета" была в 1914 г. официальным органом меньшевиков. В ней сотрудничал Мартов, Дан, Потресов и т. д.

Высказываясь против стачек, в ответ на локаут и на отказ заводоуправлений в уплате за забастовочные дни, ликвидаторская газета выдвинула два соображения. Первое: «массовая стачка может сыграть в значительной мере даже и дезорганизаторскую роль, *отвлекая* (курсив наш) от организационной работы».

Это то самое соображение, которое всегда выдвигается оппортунистами и которое отвергнуто всей историей рабочего движения. Стоит вспомнить организационные последствия хотя бы бельгийской всеобщей стачки или всеобщей стачки в Швеции, объявленной в ответ на локаут в 1911 году. Стоит, наконец, вспомнить и организационные результаты того движения, по поводу которого ликвидаторы закричали о «стачечном азарте». Повторить теперь этих слов они не рискуют, предпочитая говорить о «*беспорядочной* волне стачек». Но они повторяют на деле те самые соображения, которые они высказывали и тогда, и которые были так решительно опровергнуты ходом рабочего движения. И тогда, крича о «стачечном азарте», они противопоставляли организацию и непосредственную деятельность.

То же они делают и теперь. И так же как тогда, так и теперь это оппортунистическое рассуждение будет отвергнуто рабочей массой.

Второй довод ликвидаторов тоже не нов и тоже хорошо рисует основы их либеральной политики.

Ликвидаторы пишут: «Забастовки укрепляют желание капиталистов дать рабочим острастку»...

«Именно потому, — продолжают ликвидаторы, — теперь не время вести борьбу за свои права такими средствами»...

Вот вполне ликвидаторское рассуждение.

Прежде всего: ведь, все это относится к *каждому* шагу движения рабочего класса.

Каждый шаг его «укрепляет желание капиталистов дать рабочим острастку». Если стать на точку зрения ликвидаторов, то нужно высказаться вообще против всякого шага рабочего движения.

Только либералы способны делать те выводы, которые делают ликвидаторы. Ликвидаторы хотят вести «борьбу» с капиталистами, не пугая их. Но это можно сделать только одним путем: рабочие должны преобразиться в пай-мальчиков.

Теми доводами, которые выставили ликвидаторы, могут руководствоваться только либеральные политики.

ПРИВЕТ ТОВАРИЩАМ-ПРАВДИСТАМ *).

В день первого мая, посылая свой привет всем товарищам-рабочим, мы с особым чувством братской дружбы обращаемся к тем тысячам пролетариев, которые своей самоотверженной работой возродили, подняли, расширили и укрепили влияние идей «правдизма», идеей последовательного марксизма. Трудна была их работа в постоянной борьбе со всеми расслабляющими течениями реакционной эпохи. Они твердо стали на свой пост и вынесли вперед знамя, которое, казалось, было погребено не только врагами, но и забыто былыми друзьями.

Теперь это знамя марксизма гордо вьется над пролетариатом России, теперь даже недавние враги «правдизма» принуждены не только признать его заслуги, но и оправдать его борьбу.

Мы не хотим сегодня говорить о роли «Правды», ее идей и ее борьбы с другими течениями собственными словами. Пусть за нас скажет это наш противник, сотрудник «Луча», человек исстари близкий ликвидаторам и исстари враждебный большевизму, поддерживающий во все время ожесточенной борьбы именно ликвидаторов.

Это друг ликвидаторов за подписью Ан[1]) пишет теперь:

> «Луч» борьбу за частичные требования не связывает с общим требованием. Тактическая линия перегибается в сторону возможности осуществления частичных требований. Создается реформистская иллюзия»... «В основе перегибания тактики в сторону частичных лозунгов у «Луча» лежит переоценка русских конституционных возможностей... Отсюда логически вытекает у «Луча» другое положение: возможность ведения всей пролетарской борьбы в западно-европейских формах, следовательно: долой подполье, долой неорганизованные стачки! и т. д.
>
> Критика «Лучом» наших забастовок часто бьет мимо цели; она часто вызывает в читателе то удивление, то

*) „Путь Правды", № 75 от 1 мая 1914 г.

[1]) Ан—псевдоним меньшевика Ноя Жордания, бывшего впоследствии главой меньшевистского правительства Грузии.

возмущение. Если бы рабочие прислушивались в этом вопросе к «Лучу», забастовок не было бы ни в Чиатурах, ни в Тифлисе, ни в других местах Закавказья.

Все они были объявлены и проведены вопреки советам «Луча». «Луч» до того увлекается своей критикой, что даже в дни пролетарских выступлений, когда забастовка протеста объявлена, выступает с критикой этих выступлений, т.-е. нападает на рабочих в день их массового действия (так было в день ленских событий)».

Подводя итог, этот автор пишет:

«Подведем итог: «Луч» дает лозунги повседневной борьбы, способствует организации масс на почве ее насущных интересов».

«Правда» дает лозунги программного характера, выдвигает на первую очередь конечную политическую цель.

«Луч» свою тактику связывает с возможностью реформ, держит курс на реформы.

«Правда» свою тактику связывает «с бурей», держит курс на ломку.

«Луч» отвечает настроению тех рабочих, которые в прошлом движении играли видную роль, но от пережитых бурь утомились и теперь ищут спокойной повседневной с.-д. работы.

«Правда» отвечает настроению молодого поколения рабочих, еще не испытавших «бури» и жаждущих «бури». Они в с.-д. новички, но сильны боевым духом».

Так пишет о ликвидаторском и правдистском направлении человек, все время поддерживающий ликвидаторов. Конечно, эту характеристику ликвидаторства Ан пытается ослабить своим полным непониманием позиции «Правды», конечно, он—по образцу всех примиренцев—полагает, что добрый марксизм может получиться из добавки к «Правде» хорошей дозы ликвидаторского оппортунизма.

Но, несмотря на все это, мы считаем эту характеристику «ликвидаторства», сделанную нашим противником, лучшим оправданием нашей позиции, нашей борьбы, одним из тех фактов, которые укрепляют в наших товарищах сознание правильности их позиции. Даже наши противники принуждены признать роль и значение «Правды».

Рабочие давно это признали.

Привет товарищам-правдистам!

НА ПОРОГЕ
НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЯТЬ ЛЕТ*).

1905—1910 г.г.

В 1890 году Фридрих Энгельс, заканчивая свое исследование об «иностранной политике русского царства», писал: «Падение абсолютизма в России имело бы также и прямое влияние на ускорение процесса превращения капиталистического общества в социалистическое. В тот день, когда падет царское самодержавие, эта последняя крепость соединенной европейской реакции, во всей Европе подует другой ветер. Это отлично знают господа из «высших сфер» Берлина и Вены: они знают, что, несмотря на раздоры с царем за Константинополь и прочее, легко может наступить такая минута, когда они охотно отдадут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы—все, все чего он ни потребует, лишь бы он защитил их от революции».

Прошло 20 лет, и ни в Европе, ни в России не найдется ни одного беспартийного человека, который упрекнул бы Фридриха Энгельса за эти слова в переоценке международного значения российской революции. Энгельс говорит в приведенном отрывке о «падении абсолютизма», а мы теперь можем сказать, что не только падение абсолютизма, не только полная победа народа над царизмом, но уже массовая борьба против него, первая полу-победа народа оказались достаточны для того, чтобы вызвать указанные Энгельсом последствия. В 1910 г., оглядываясь на события пятилетия, протекшего после великой октябрьской забастовки, мы можем сказать, что массовое движение революционного пролетариата России, даже не достигшее поставленных им себе целей, стало великим поворотным пунктом в истории всего капиталистического мира. «Другой ветер» подул не только в Европе, но и в Азии. Этого движения оказалось совершенно достаточно, чтобы, как-будто во исполнение пророчества Энгельса, французское золото и немецкие

*) „Социал-Демократ“, № 18 от 16/29 ноября 1910 г.

штыки—непримиримые враги в течение 35 лет после Коммуны—оказались объединенными в единой задаче спасения русского царизма от русской революции, и всего капиталистического мира от ее европейских отзвуков и последствий. Деловое сотрудничество международной реакции лишено всяких элементов сентиментальной «дружбы» и потому—несмотря на то, что германский император не упускает теперь случая эксплоатировать в свою пользу слабость царизма,—возрождение Священного Союза остается заветной целью столько же Николая II, пережившего 1905 г., сколько и Вильгельма, переживающего свой 1904 год.

С международным союзом буржуазно-феодальной реакции и пришлось столкнуться в первую очередь российской революции. Европейская буржуазия, в первой половине XIX века готовая приветствовать освободительные движения любого из европейских народов, с ужасом взирала на возможность радикальной победы русского народа над царизмом в начале XX века. Так же, как и европейский пролетариат, европейская буржуазия прекрасно учла те обстоятельства, которые делали из царистской России величайший тормоз успехов пролетарского движения во всей Европе и которые заставили Маркса уже в 1848 г. провозгласить поражение царистской России главнейшим условием успеха европейских революций. С тех пор это положение Маркса в продолжение полувека оставалось основным принципом международной политики революционного пролетариата. Буржуазия не могла отрицать объективной правильности, глубокого реализма этого положения. Но она делала из него другие выводы. Ее принципом стала поддержка царизма в России. Это не значило, что она готова охранять царизм именно в той форме, в которой он существовал в России. Напротив. Интересы западно-европейских банкиров, промышленников и держателей русских бумаг заставляли их с беспокойством следить за расстройством имперских финансов, за бесконтрольностью чиновников и пр., поражение в войне с Японией сильно смутило тех европейских друзей царя, которые надеялись на его штыки. Поэтому европейская буржуазия была заинтересована в упорядочении разных сторон финансового и государственного управления России, но с тем важным условием, чтобы это упорядочение не было связано с революционным пробуждением русских народных масс. Неудовольствия, доставляемые ей иногда проявлениями дикости и варварства царизма, уходили далеко на задний план перед ее страхом и ненавистью к рево-

люции, к радикальной победе пролетарских и крестьянских масс над царизмом. Российская монархия, достаточно обессиленная на арене внешней политики, но достаточно сильная внутри, чтобы сдерживать революционные движения пролетариата и крестьянства,—таковой должна была быть Россия на вкус западно-европейской буржуазной реакции. Капиталистическая Европа не могла бы переварить российской победоносной революции, как столетием раньше феодальная Европа не переварила великой французской революции. И если русская реакция не успела прямо и откровенно стать под знамя иностранных полков, то только потому, что и в данном случае золото, пришедшее из-за границы,—в своей роли всеобщего эквивалента—в достаточной степени заменило прусского вахмистра.

Европа не могла переварить русской революции, однако, не только потому, что русский царизм представляет опору европейской буржуазной реакции, но и потому в особенности, что российская революция оказалась—прежде всего, раньше всего, и это важнее всего—движением пролетариата.

Пролетарская борьба разбудила все русское общество, охваченное сознанием своего бессилия после крушения террористических надежд и либеральных ожиданий начала 80-х годов. Классовым характером своего выступления пролетариат толкнул далеко вперед процесс политического самоопределения всех остальных групп русского общества и радикализировал требования всех жаждавших преобразования классов его. Его движение вызвало к политической жизни крестьянство. Он оказался способным пустить в ход такие способы борьбы, которые в октябре 1905 года сбили царизм с его позиций. Наконец, только пролетариат оказался способным стать поперек дороги царизму, когда он в ноябре того же года объявлением военного положения в Польше и в районах крестьянского движения стал явно на путь контр-революции. Только пролетариат оказался способным—во имя социализма—выставить для решения задачи буржуазного освобождения России армию действительных борцов.

Но этого мало. Великая российская революция оказалась пролетарским движением потому, что только в движении пролетариата были воплощены все задачи буржуазного освобождения России.

Мы смело пишем эти слова потому, что все поведение различных классов в революции свидетельствует об этом факте. Движение либеральной буржуазии воплощало стремление удер-

жать в новой России как можно более—столько, сколько позволят размеры народного движения,—элементов старого порядка. Ни республика, ни полный аграрный переворот не стали знаменем буржуазии. Наоборот, и республика и аграрная революция были объектами ненависти и борьбы либеральной буржуазии. Крестьянское движение, конечно, воплощало в себе стремление к полной аграрной революции, в своем радикальном выражении оно дошло даже до крайнего предела демократического переворота—до уничтожения частной собственности на землю. Но политическая сторона переворота оставалась не ясной для бо́льшей части крестьянства. Правильное решение вопроса о связи «земли» и «воли» было точкой, к которой шла крестьянская масса, но к которой она еще не пришла ни в 1905, ни в 1906 г.г. Только пролетарское движение воплощало последовательно задачи буржуазного переворота.

И оно воплощало их целиком, ибо его естественной, неизбежной тенденцией было дополнить политическую революцию и аграрный переворот рядом гарантий для своей классовой борьбы с буржуазией. От буржуазных революций XVII, XVIII и XIX в.в. российская революция отличалась тем—и это не маловажное различие,—что в каталог их требований она внесла 8-мичасовой рабочий день. Для российской революции не только был бы невозможен закон Учредительного Собрания, запрещавший рабочие коалиции, но для нее был обязателен закон о 8-мичасовом труде.

Но, говоря, что только пролетариат воплощал все задачи буржуазной революции в России, мы не думаем сказать, что эти задачи целиком сознавались рабочей массой России. Нет, целиком сознаны и формулированы они были лишь передовым отрядом пролетариата—социал-демократами. Но зато будет как нельзя более точным сказать, что эти задачи целиком воплощались в самом ходе пролетарского движения.

Пролетариат—и никто другой—дал российской революции ее методы и ее лозунги. Своей неустанной борьбой, своей непримиримостью и своей требовательностью срывая и делая невозможными всяческие соглашения со старой властью, пролетариат толкал и толкнул революцию к вопросу о власти, поднял все вопросы и всю борьбу до уровня борьбы за власть.

Либеральное недомыслие, подсчитывая пинки, полученные им справа и слева, охотно делает ответственным за неудачи своих соглашательских попыток «неразумие» «верхов» и «низов». На

самом же деле, невозможность соглашений в русской революции была результатом не недостатка разума, а результатом отсутствия какого бы то ни было влияния буржуазии на революционные массы и на пролетариат в особенности. Это явное для представителей старого порядка отсутствие влияния либерализма на революционные массы делало для них до большей степени малоценным соглашение с либерализмом, а последнему не давало возможности дать какие-либо действительные гарантии старому режиму в смысле умиротворения «низов». Классовый самостоятельный характер пролетарского движения в революции, вот что создавало условия, делавшие невозможным соглашение. Класс, которому успех его сегодняшней борьбы не сулил ничего другого, кроме расширения арены его завтрашней борьбы, стал таким образом вождем буржуазной революции России.

Российская буржуазная демократия запоздала с решением вопроса о политическом освобождении России. Поэтому, ее политическое освобождение, ее буржуазная революция должна была притти под гегемонией пролетариата. Пролетариат не только не стал бессознательным орудием буржуазного освобождения, он должен был наложить и наложил на самый процесс буржуазного освобождения свой классовый отпечаток. Перед лицом классового движения пролетариата все классы, все политические партии должны были высказаться до конца, целиком показать свою политическую физиономию, и либерализму всех оттенков не оставалось ничего другого, как перед лицом последовательного защитника дела освобождения России демонстрировать измену либеральной буржуазии задаче действительного разрешения вопросов политического развития России.

В состязании между силами старого порядка, буржуазным либерализмом и революцией, руководимой пролетариатом, второй, наверное, должен был потерпеть позорное крушение, последняя же могла быть разбита. Это последнее обстоятельство никогда не упускалось из виду деятелями пролетарской партии, отдававшими себе отчет в трудности тех задач, которые стояли перед пролетариатом. Тактика искусственного форсирования событий никогда, поэтому, не была тактикой пролетарской партии в революции. Но это не мешало, а, наоборот, заставляло ее звать все революционные силы страны к поддержке движения всякий раз, когда оно входило в новый, более глубокий, более решительный фазис. Так было в сентябре—октябре **1905** года, так было в декабре, так было в эпоху первой Думы.

Это не имело ничего общего с теми попытками заранее ограничить роль и задачи пролетариата в революции, которые находили себе выражение на всяком этапе движения. Не имея ни в малейшей степени возможности, ни предохранить «общенациональное» движение от раскола, ни удержать пролетариат от внесения в это движение своих специфически-классовых требований к буржуазии,—эти попытки на деле сводились к облегчению для буржуазии ее задачи: подчинить своему влиянию широкие народные массы.

Революция не дошла до победы, но весь ее ход, группировка классов в открытой борьбе, тенденции, проявленные различными классами, показали, что единственной формой победоносной революции в России начала XX века могло быть только присоединение к революционной борьбе пролетариата—крестьянства и преодоление этим союзом соглашательской тактики либерализма. Это исторический факт, засвидетельствованный столько же трехлетием революции, сколько и трехлетием контрреволюции.

То, что—вопреки буржуазному либерализму—могло быть и должно было бы быть реализовано этим союзом в общественно-экономической области—ограничивалось прежде всего рамками хозяйственного развития страны. Присоединение, в деле революционного разрушения старого режима, к пролетариату крестьянства вытекало неизбежно из буржуазного характера переворота; разрыв же с буржуазным либерализмом знаменовал, что—в пределах буржуазного переворота—российская революция—вопреки либерализму—стремилась к своему полному завершению: переходу власти в руки революционных классов и к полному земельному перевороту. Конструировать противоречие между этой тенденцией и ходом хозяйственного развития страны, как это делают меньшевистские претенденты на «объективное исследование революции», значит подыскивать «научное» обоснование для либеральной тактики обкарнания революции. В течение всей революции это обкарнание проповедывалось либерализмом во имя интересов культуры и хозяйственного развития страны. На деле же это означало охранение культуры помещичьих латифундий от натиска крестьянства и режима нищенской заработной платы и длинного рабочего дня от требования «фабричной конституции» и 8-мичасовой работы.

Российская революция, руководимая пролетариатом и опиравшаяся на крестьянство, не могла оказаться победоносной, не

сломав до конца и того и другого, и этого режима и этой культуры. Полная победа революционного союза городского пролетариата и крестьянской бедноты противоречила не «хозяйственному развитию» страны, а недостаточности этого развития. Недостаточность эта была бы увековечена переходом руководящего значения в деле постройки новой России из рук этого союза в руки буржуазного, городского и земледельческого либерализма.

Столкновение между тактикой последнего и тактикой пролетариата в революции было столкновением двух сил, из которых каждая по-своему желала построить новую Россию. Либерализм мог ее строить только в сотрудничестве с контр-революцией, пролетариат мог ее построить только при полной поддержке крестьянства.

Поэтому, борьба с либерализмом за влияние на крестьянство, которая прошла через всю революцию и получила законченную форму в обеих первых Думах, где впервые нашло себе место политически оформленное представительство деревни, и приобрела такое значение в тактике партии, руководящей борьбой пролетариата в революции.

Однако, политически-неразвитая, неорганизованная деревенская демократия оказалась недостаточно подготовленной к той решительной борьбе, которая от нее требовалась обстоятельствами дела. Во время всей революции ее основная масса колебалась между мечтами о соглашении и иллюзиями политической отсталости и революционной борьбой. И та же масса все время поставляла достаточно человеческого материала, превращаемого царской казармой в орудие подавления пролетарских движений. Революция разбилась о сопротивление международной буржуазной реакции, поддержавшей царизм. Она запнулась, главным образом, о выжидательное настроение крестьянства, подсказанное ему столько же его политической пассивностью, сколько и наивной и губительной верой в возможность милостей сверху—вначале от царя, затем от Думы.

Контр-революция, для которой часть буржуазии была прямым союзником, для которой другая ее часть расчищала дорогу своей проповедью примирения и иллюзиями соглашений, для которой крестьянство частичностью и разрозненностью своих выступлений давало возможность их более или менее быстрого подавления, решительно перешла в наступление. Она последовательно сломила восстание пролетариата, задавила крестьянское движение, пинком ноги прогнала из своих передней допу-

щенных туда в тяжелый момент либералов и установила режим военной диктатуры.

Но самые условия, в которых сделалась возможна диктатура контр-революции, налагали на нее троякого рода обязанности, которые она и выполнила за счет раздавленных масс.

Контр-революция была обязана Европе и уплатила ей по счету безо всякого сопротивления, уступив обе традиционные области своего внешнего влияния—Ближний и Дальний Восток—своим наследственным конкурентам—одну Австрии (аннексия Боснии-Герцеговины), другую—Японии (аннексия Кореи).

Контр-революция была обязана верхам контр-революционной буржуазии и рассчитывалась с ней, дав ей орудие не-парламентского и не-конституционного, но политически организованного влияния в виде третье-июньской системы.

Наконец, контр-революция была обязана той части крестьянства, которое во время революции стало между крестьянской беднотой, и царской и помещичьей властью, и отблагодарило ее землями крестьянской бедноты. Как и подобает, однако, контр-революционной диктатуре, ее обязанности выполнены целиком лишь в той области, где ее единственной обязанностью было демонстрировать бессилие послереволюционной монархии—в области внешней политики.

Что касается внутренней политики и ее основного пункта—аграрной реформы,—то здесь неизбежное крушение контр-революции лишь задерживается и маскируется тем подарком, который поднесли по-революционной России стихийные силы природы, послав два необычайных для России урожая. Могло казаться, что урожай 1909 года сможет сыграть для российской контр-революции ту же роль, которую—по словам Маркса—для контр-революции европейской сыграло после 1848 г. открытие калифорнийских и австралийских золотых россыпей.

С законной гордостью мог указывать Думе министр финансов русского царя, что впервые за 22 года государственный бюджет сведен без явного дефицита. Он не мог только скрыть того обстоятельства, что эта бездефицитность отнюдь не является результатом или свидетельством успешного решения правительством хозяйственных проблем, что, наоборот, она—лишь результат неожиданного подарка судьбы. Он, поэтому, благоразумно предостерег общество от оптимизма, заранее пытаясь оградить себя от упреков грядущего разочарования. Осторожность министра финансов как нельзя более обоснована.

Аграрная политика по-революционной монархии есть попытка сверху разрешить тот вопрос, который революция пыталась решить снизу. Но уже самый приступ к решению этого вопроса требовал от царизма разрыва с былым строем деревенских отношений, в которых он искал себе опоры вплоть до революции и даже во время первых шагов ее развития. В этом смысле царизм, пытаясь спастись от революции, схватился за реформу, носящую по существу буржуазный характер. Он не мог лишь предусмотреть того, что его попытка провести эту реформу в интересах крепостников не могла не столкнуться в конечном счете с ростом буржуазного перерождения деревни.

Эксплоатирование плодов буржуазного развития в интересах усиления власти крепостников и царизма может иметь шансы на успех лишь при замедленном темпе всего развития. Ускорение этого темпа в связи с промышленным оживлением, находящимся в связи именно с урожаями, должно будет поставить все классы общества перед всеми теми задачами, которые оставил неразрешенными 1905 г. И тогда новый и неизбежный промышленный кризис опять поставит на боевую ногу революционные классы русского общества.

Столкновения и пререкания крепостнических и буржуазных партий, в которых находит себе отклик противоречие между задачами контр-революции и задачами развития страны, найдут тогда свое решение в новом, открытом столкновении классов.

И в этом столкновении пролетариат, которого хотела бы, но не может задушить контр-революция, опять во имя своих классовых задач призван будет сыграть роль вождя и гегемона в борьбе. Уже одно его пробуждение и выступление на политическую арену, с которой тщетно гонит и будет гнать его контр-революция, обостряет все отношения. И перед ним станет та же задача: придать неизбежному кризису революционный характер борьбы за власть и парализовать попытки либерализма спасти царизм соглашениями с ним. Революционные традиции российского пролетариата, его революционные классовые потребности, сопротивление его партии всем разлагающим и «упразднительным» тенденциям, в таком обилии порождаемым атмосферой торжествующей контр-революции,—в этом залог того, что пролетариат окажется на своем посту в новой фазе российской революции.

«Мы беспощадны и не требуем никакой пощады от вас»,— кинул Карл Маркс своим судьям, когда они попытались судить

в его лице пролетарское течение в революции 1848 г. С этими же словами стоит перед контр-революцией революционный пролетариат России. Его надежды покоятся не на том, что его будет щадить контр-революция.

«Другой ветер» дует в Европе и в Азии, во всем цивилизованном и цивилизующемся мире. Революционные волны, поднятые великим движением российского пролетариата, катятся по всей Европе. Они должны будут в известный момент вернуться к своей исходной точке. В атмосфере оживления революционной борьбы международного пролетариата новый удар, нанесенный российским пролетариатом, будет для старой России окончательным ударом.

СТЫЧКИ НА АВАНПОСТАХ *).

Студенческое движение, чтобы ни говорили правые и г. Маклаков, возникло самостоятельно, без каких-либо «директив» каких-либо «подпольных заговорщиков» против «российского обновления».

Студенческое движение—чтобы ни говорили г.г. кадеты—движение по своему содержанию, мотивам и характеру не академическое, а политическое. В этом своем качестве самостоятельного политического движения передовых элементов демократии студенческое движение 1910—1911 г.г. сразу нарушило перспективы, рисовавшиеся всем оттенкам российских «обновителей».

Оно, прежде всего, показало, насколько утопична была вера г. Столыпина в обеспеченность тех «20 лет мира», которые ему кажутся необходимыми для завершения задач контр-революции.

Оно, далее, клином врезалось в то сотрудничество различных контр-революционных групп, которое вообще держится лишь отсутствием широкого демократического движения.

Оно, наконец, заставило притти в движение и побудило к различного рода политическому «оказательству» те общественные группы, которые во всю эпоху контр-революции оказывались в «нетях» при возбуждении существенных вопросов политической жизни и своим молчанием устраняли всякое колебание прямолинейной политики контр-революционного наступления.

Достаточно сравнить состояние широких кругов общества в момент «финляндской» или «персидской» кампании г. Столыпина, или отношение этого общества к насилию контр-революции над основными законами (96-я статья) и к каждодневной практике издевательства над самыми невинными формами пролетарского движения, чтобы понять, что—изо всех вопросов, поставленных

*) „Социал-Демократ", № 21—22 от 19 марта 1911 г.

на очередь борьбой дворянско-октябристской контр-революции с народными требованиями,—именно «студенческий» вопрос оказался наиболее по плечу начинающему лишь выходить из подавленного состояния обществу.

И это не потому только, что через волнующееся, исключаемое и высылаемое студенчество в непосредственное соприкосновение со столыпинской политикой были насильственно приведены тысячи и десятки тысяч обывателей, до сих пор счастливо укрывавшихся от всякой политики за соображение о «хате с краю».

Смертники, рабочие и их стачки и союзы, финляндцы, права национальностей и общие вопросы политической жизни,—реакционная эпоха тем и характеризуется, что все эти вопросы куда-то уходят с политического горизонта недавних членов «Союза Союзов», посетителей политических собраний и авторов резолюций, не мирившихся не на чем ином, как только на Учредительном Собрании и «четырехвостке».

Но если можно махнуть рукой на «смертников», с великолепным безразличием и плохо скрытой глумливостью отвернуться от «безрассудных» и «донкихотских» попыток рабочих отстоять свои требования, то что делать с «детьми», со «студентами», волнение которых не только бьет по карману, не только прямо нарушает «мирное житье» в своей «хате», но явно идет под знаменем требований, естественность которых неоспорима, а умеренность—привлекательна.

Не даром либеральная «Речь», на другой день после позорной и, конечно, неудачной попытки к.-д. партии задержать студенческое движение, должна была признать в последнем историческое возмездие за «бессилие» отцов.

Не даром и типичный орган либеральных чиновников-отцов, «Вестник Европы», «не ожидая от студенческих забастовок ничего хорошего», отказывается «произносить над ними приговоры, все равно—обвинительные или оправдательные».

Не даром, наконец, и московские «отцы»-миллионеры, призывая к «настойчивой и непреклонной борьбе со студенческой забастовкой», и осуждая «преступные приемы насилия и обструкции... кучки невменяемых фанатиков», тут же выдают «детям» свидетельство о их «чуткости» к вопросам «правды и права».

Если к этому прибавить поведение либеральной профессуры, так и не сумевшей выйти за пределы вопроса о границе полномочий полиции в «автономной» высшей школе, если принять во внимание, что и все выступления либеральной оппозиции в Г. Думе вертелись в пределах упреков г.г. Столыпину и Кассо

в «разжигании бунта», нарушении понемножку налаживавшегося «мира», то нетрудно будет заметить, что во всех этих выступлениях кадетского и торгово-промышленного либерализма явно сказалось противоречие, характеризующее начало эпохи крупных потрясений общественного организма.

Общество решительно отказывается дальше верить в способность наличной правительственной системы гарантировать его от революционных потрясений,—вот общий смысл общественных выступлений последнего времени. Это настроение, под влиянием студенческого движения, приняло столь определенную форму, что не только заставило взяться за перо московских миллионеров и самарских купцов, но подчинило себе и часть октябристской фракции в Думе.

Тем или другим группам грядущее революционное потрясение может непосредственно рисоваться в различных чертах: московским фабрикантам в виде вновь появляющихся на фабриках «ораторов» из студентов,—так, по крайней мере, объяснял московский корреспондент «Нового Времени» сокровенные мотивы их выступления против Столыпина; октябристам — в виде «накаливания температуры», в котором быстро тает ложь лжеконституционализма, и могут совсем растаять октябристские мандаты; кадетским профессорам, наконец,—в виде нарушения «великих интересов науки»; г.г. Струве и Маклакову—в виде грядущей «пугачевщины», громящей «культуру».

Все эти непосредственные мотивы являются лишь отражением в сознании различных групп общего мотива: полнейшей неустойчивости созданного господством контр-революции положения, полного отсутствия жданных и желанных плодов «успокоения».

Откровенной и определенной целью политики «успокоения» было «отучить» массы от политики.

«Массе некогда и нечего заниматься политикой»,—этот постоянный мотив октябризма теперь, однако, осложнен новым и характерным условием. «Массе некогда и нечего заниматься политикой, когда существует хоть какое-нибудь доверие к принятому курсу», пишет теперь октябристский официоз. А можно ли говорить о «доверии», «хоть о каком-нибудь доверии», когда этот же официоз принужден ставить вопрос: «Революция, господа?» и, отвечая: «Конечно, нет»—на одной странице, на другой спрашивает себя: «Куда мы идем? Не к повторению ли уже пережитого однажды страшного государственного краха?».

Октябристская печать подняла крик по поводу речи Маклакова, хотя в этой речи студенческое движение объяснялось — вполне по-либеральному, т.-е., пошло, трусливо, полицейски — —пробокацией правительства. Усиленным криком октябристы неудачно пытались прикрыть тот бесспорный факт, что речь Маклакова означала острое проявление недоверия к столыпинскому правительству со стороны самого сытого, уравновешенного, спокойного и солидного буржуазного общества.

И как всегда бывает в таких обстоятельствах, недоверие и озлобление тем острее, чем сильнее были надежды, чем больше был оказанный кредит, чем слаще были упования, возложенные на «сильную власть». Г-н Маклаков, на-днях еще рассказывавший о том, как он верил г. Столыпину, как во имя этой веры он готов был «простить» или «понять» роспуск I и II Дум, кончил свою речь о студенческом движении настолько недвусмысленным выпадом против этого «компрометирующего дело обновления» правительства, что «Голос Москвы» отметил в своем календаре: «заседание напоминало I и II Думы».

По поведению Маклакова, этого октябристско-кадетского хамелеона, можно судить об октябристско-кадетской погоде. Погода—сумрачная. «Революция, господа?».

Нет еще, ответим и мы. «Выпады» г.г. Маклаковых, Милюковых, Шидловских «против министров» в I и во II Думах, о которых все же не даром вспомнили октябристы, были слабым отражением массовой борьбы против основ старого режима. «Выпады» этих господ в третьей Думе в начале 1911 г. являются лишь слабыми провозвестниками предчувствуемой, только начинающейся грозы.

Когда палачи, насильники и похитители народных прав начинают перекоряться между собою, обвиняя друг друга в «компрометировании» дела «обновления», это значит, что в низах зреет революционный протест против самого этого «обновления». Чтобы спасти свое дело, торжествующая реакция не раз будет примеривать, какая комбинация будет менее «компрометирующей», какая вывеска будет более подходяща. Она будет метаться от «плети» к «прянику» и опять возвращаться к батогам в ужасе перед воскрешением того, что казалось похороненным раз навсегда.

Студенческое движение 1910—1911 г.г. останется первым показателем этого начавшегося воскрешения, с одной стороны; с другой стороны, оно успело вскрыть все противоречия господствующего режима, внесло в него элементы разложения и не-

устойчивости, и, чем бы оно ни кончилось, оно сильно подвинуло вперед процесс обострения всех отношений в стране.

Не раз и не два пройдут перед нами эти аванпостные стычки, прежде чем разыграется настоящий бой. Но можно быть наперед уверенным,—и студенческое движение этого года наглядный тому пример,—что каждая такая стычка будет все более ослаблять и разлагать тех, кто сейчас еще силен, и просвещать и организовывать тех, для кого будущее несет лишь неустанную борьбу с контр-революцией.

НАЧАЛО ПЕРЕСМОТРА *).

1. Вопрос постановлен.

Четыре года тому назад правительство Столыпина с помощью охранного отделения отправило на каторгу несколько десятков депутатов II Думы — социал-демократов. Через четыре года, когда давно уже стало ясным, что каторга для многих из них была плохо-замаскированным убийством, чиновник охранного отделения убил Столыпина [1]). По этому последнему поводу охранные отделения попали на скамью подсудимых перед лицом III Думы. «Плоха та политическая полиция, чиновники которой убивают министров и целятся в Романовых»,—это соображение настолько элементарно, что оно пробило даже черепа людей 3-го июня, людей, на охрану молящихся, людей, для которых охрана священна, ибо на ней покоятся все их надежды, в нее упираются все их политические расчеты. Гучков ополчился на охрану и был столь суров в критике охраны... убивающей министров, что получил обещание «строгого расследования» со стороны наследника Столыпина Макарова и вызов на дуэль со стороны Кулябки. Энтузиазм со всех сторон проявлен был в высшей мере: охрана, кровью Кулябки, готова была смыть подозрение в соучастии убийству Столыпина, правительство Коковцева-Макарова обещало реформировать охрану, октябристская Дума выражала доверие правительству, а, заодно и реформируемой охране, а «отец русской конституции» Витте торопился засвидетельствовать, что он всегда сомневался в до-

*) „Социал-Демократ“, № 25 от 8 декабря 1911 г.

[1]) Столыпин был убит б. сотрудником охранного отделения Богровым 1 сентября 1911 г. в Киеве в театре в двух шагах от Николая II. Богров очутился в театре с ведома начальника полиции генерала Курлова, начальника киевской охраны полковника Кулябки и начальника личной охраны царя ген. Спиридовича. Таким образом, всем этим малопочтенным господам пришлось отвечать за нерасторопность по службе.

статочности знакомства Столыпина с «охранным делом» и всегда полагал, что глубокое знакомство с последним есть основная добродетель конституционного министра. Оживление в контр-революционной шайке получилось большое: заговорили интересы собственной шкуры, к которой опасность подошла с совершенно неожиданного конца, со стороны револьверов, находящихся в распоряжении охранников. За торжественными заявлениями Гучковых всех степеней в Думе, последовали разоблачения «Нового Времени» и «Голоса Москвы». Эти «разоблачения» не остановились ни перед «ресторанными счетами» г. Курлова, ни перед «блестящей карьерой» г. Спиридовича, ни перед взяточничеством г. Кулябки, но они—естественно—остановились перед основным фактом: перед ролью охранки в деле государственного переворота 3-го июня, перед тем ее делом, которое помогло нынешним «разоблачителям», всем этим Гучковым и Бобринским занять третье-думские кресла.

Приоткрыв двери разоблачений, хозяева III Думы не смогли, однако, удержать их в нужных им границах. В октябристско-правительственную возню вокруг «реформирования» охраны клином врезались и быстро отодвинули на задний план всю эту лицемерную комедию разоблачения на счет роли, сыгранной охранкой в деле роспуска II Думы, процесса с.-д. депутатов ее и всего переворота 3-го июня.

В заграничной, а, частью, и в русской печати, появились признания провокатора Бродского, устанавливавшие с несомненной ясностью, что все дело о «заговоре» II думской социал-демократической фракции было создано охраной под личным руководством Столыпина и инсценировано для того, чтобы как-нибудь обставить задуманный государственный переворот. После этих разоблачений, когда стало ясно, что все это дело более не может быть скрыто, разверзлись уста и кадетских холопов, четыре года вместе с охраной, Столыпиным и октябристами, хранивщих «тайну» заговора... охранного отделения против II Думы и против соц.-дем. депутатов ее.

Они в последние дни II Думы, уже зная, как это явствует теперь из признаний г. Тесленко, о роли охраны в этом деле, употребили все усилия для того, чтобы помешать с.-д-ам, которым петля уже была наброшена на шею, всенародно, с трибуны Думы объяснить, о каком «заговоре» идет речь. Вкупе и влюбе с Пуришкевичем и всеми правыми они заткнули рот соц.-демократии и позволили Столыпину, Герасимову[1]) и Курлову от-

[1]) Начальник петербургской охранки.

править соц.-дем. депутатов в царские застенки без того, чтобы игра этих господ была разоблачена. Мало того. Депутаты с.-д. уже сидели по тюрьмам в ожидании каторжного приговора, уже было ясно, что г.г. сенаторы продолжая дело г.г. Гессенов, Струве и Кизеветтеров, вновь закроют рот подсудимым, уже Николай II и Столыпин объявили в своем манифесте о «заговоре» с.-д—тов, как причине роспуска Думы, когда г.г. кадеты (сторонники «народной свободы»!), пользуясь вынужденным молчанием с.-д—тов, с трибун избирательных собраний в III Думу развивали аргументы манифеста Столыпина и обвинительного акта Камышанского[1]), громя социал-демократов за «незакономерные», «неконституционные поступки». Тогда-то, когда столыпинские сенаторы набивали кандалы на народных представителей, на представителей крестьян и рабочих, заикнулся ли где-либо г. Тесленко о том, что он поведал через четыре года? о том, что он и вся кадетская партия знали уже тогда, о том, что это был лишь «заговор» охранного отделения против социал-демократов. Или г. Тесленко, разверзнувший свои уста лишь на 4-ом году, полагал, что четыре-то года каторги заслужены социал-демократическими депутатами, и не считал нужным нарушать до этого момента течение сенаторского правосудия.

Ныне пресса г.г. Тесленко и Милюковых высказывается за «пересмотр» дела с.-д. депутатов II Гос. Думы. «Речь» «обращает внимание» генерал-прокурора на «новые обстоятельства», раскрывшиеся в этом деле. Очень хорошо. Мы тоже за всяческий пересмотр этого дела. Но **к т о** будет «пересматривать»? И **к а к** будут пересматривать это дело?..

«Дело» депутатов II думской соц.-дем. фракции есть «дело» 3-го июня. Оно неразрывно связано с государственным переворотом. Оно легло в основу последнего. Оно составляет его неразрывную часть. Эта часть была поручена охране так же, как другая часть—роспуск Думы—Столыпину, третья—изменение избирательного закона—Николаю, четвертая—Гучкову.

Где тот генерал-прокурор, который примет «пересмотр», и где тот сенат, который будет «пересматривать»?

Коковцевым, Макаровым, Гучковым, Бобринским не может нравиться охрана, служащая ширмой для террористов, но они не чувствуют никакой потребности «пересматривать» те «дела» охраны, которые служили целям того государственного переворота, который привел их к власти. Дело 3-го июня может быть

---

[1]) Прокурор петроградского суда.

и должно быть пересмотрено не в юридическом, а в политическом порядке, не сенатом, а народом. И этот «пересмотр» не может остаться в пределах исследования действий охраны. Он привлечет к ответственности тех, кто политически ответствен, т.-е. охрану так же, как Гучкова, и октябристов, так же как и холопов «оппозиции Его Величества». Этот политический «пересмотр» начался запросом с.-д. думской фракции, внесенным в III Думу, и получил продолжение в тех митингах на петербургских заводах, которые сразу заставили октябристскую печать закричать о готовящейся «всеобщей стачке».

Достаточно было внесения этого запроса с.-д—ами, чтобы сразу картина взаимной грызни октябристов и охранников изменилась в картину ожесточенной политической борьбы контр-революции с подымающей голову революцией. Все сразу стало на свои места. «Парламентская» картина III Думы, законодательствующей, запрашивающей и выслушивающей министров, остротой поставленного с.-д—ами вопроса быстро превратилась в картину изумления торжествующей контр-революционной сволочи над связанным противником.

Четырехкратное закрытие дверей, нарушение наказа председателем, изгнание с.-д. из зала за одно упоминание о деле думских депутатов, наконец, издевательская передача запроса в комиссию,—все это демонстрировало только, что думские контр-революционеры очень хорошо поняли смысл и значение с.-д. запроса, что они всеми силами будут защищать тот акт, который лежит в фундаменте всей 3-еиюньской системы. Вчера громивший охрану Гучков, сегодня поклялся не допустить, чтобы хоть единый волос выпал из головы ее. «Нехороша охрана, убивающая министров, но свята охрана, убивающая с.-д. депутатов»... Не только в этом должен был всенародно признаться Гучков, но и в том, что убийство с.-д. депутатов II Думы лежит в основе его власти. Прав был тот оратор левых, который при четвертой попытке большинства закрыть двери заседания, бросил ему в лицо заявление, что оно закрывает двери потому, что знает, что публичное обсуждение запроса с.-д. будет публичным изобличением того, что нынешние «законодатели» пришли к власти лишь тем, что с помощью провокаторов отправили на каторгу истинных представителей народа.

На этих заседаниях Думы контр-революция в лице думского большинства еще раз встретилась с революцией, в лице истинных представителей народа, с.-д., бывших депутатов II Думы и ныне каторжан. При этой встрече не могло и не может быть

пощады. С полной ясностью и откровенностью вскрылись и взаимные позиции. И надо поистине чувствовать по-холопски, чтобы, как «Речь», при этой встрече двух непримиримых врагов, хныкать по поводу того, что среди остервеневших палачей контрреволюции бесследно потонул «либерализм» ее старых друзей, «левых октябристов». Надо было обладать в полной мере лакейской душой русских либералов, чтобы, как г. Милюков, выступить на трибуну с заявлением, что его целью было, «спасти президиум и большинство от того постыдного положения, в которое оно попало». Нет, г. Милюков, тут дело не в «постыдности» положения, а в ясности его. Ясность именно и нужна.

Положение выяснено судьбой с.-д. запроса, как нельзя лучше. Наступающая революция, с одной стороны, озверевшая контрреволюция—с другой, а между ними либерализм, пытающийся спасти контр-революционное «большинство» от «постыдного положения».

Не хватало лишь, чтоб внедумские силы сказали свое слово. И они сказали его одновременно и с обеих сторон. В тот самый день, когда с.-д. во второй раз вносили свой запрос, министр внутренних дел Макаров должен был выступить с предназначенными для Гучкова успокоительными заверениями насчет состояния охраны. Ему не надо было много ума, чтобы понять, что,—хотя бы и не принятый Думой—запрос с.-д—тов о деле 3-го июня гораздо более беспокоен для Гучкова, чем запрос октябристов о смерти Столыпина. И Макаров успокоил Гучкова разом в обоих отношениях: по поводу запроса октябристов он обещал гарантии от Богровых, а по поводу—непринятого Думой—запроса социал-демократов сказал: «Заявляю открыто, что людей, которые избрали своим девизом «через Учредительное Собрание к демократической Республике», считаю врагами России и употребляю все усилия для того, чтобы обезвредить от их тлетворного влияния на нашу родину». Циркуляр о пущем «наблюдении» за каторжанами, с.-д. депутатами, уже летел, вероятно, к начальникам сибирских каторжных тюрем, когда Макаров произносил эти слова.

А в тот же день многотысячный (по словам даже «Нового Времени») митинг петербургских рабочих заявил:

«Мы, рабочие Путиловского завода (и Кабельного завода и др. и т. д.), поддерживая запрос соц.-дем. фракции, разоблачающей гнусную провокацию самодержавного правительства, которое нашло себе поддержку в своей авантюре провокации и

у большинства II Гос. Думы, так наз. партии «народной свободы» (кадеты),—выражаем свое негодование и презрение всей буржуазной клике. Освобождение рабочих депутатов II Думы должно быть и будет делом рук самих рабочих».

Положение ясное. Николай, Столыпин, Макаров, Гучков, 3-е июня, каторга с.-д. депутатам, охрана,—все это звенья одной и той же цепи. Нельзя «пересматривать» одно, не трогая других. И единственный действительный пересмотр—революция...

2. Запрос отвергнут [1].

Думская комиссия отвергла запрос об обстоятельствах суда над социал-демократическими депутатами II Думы.

Это следовало ожидать. Никому не охота косить себя по ногам.

У колыбели III Думы стоит переворот 3-го июня и не ей—после пятилетнего почти существования—разоблачать его, сказать о нем правдивое слово.

Рыцари, промышляющие на больших дорогах, и те неохотно возвращаются на место своих подвигов. Естественно, что «молодцы» Гололобова, Гучкова уперлись, когда их потащили и заставили разбираться в деле втородумцев—с.-д.

Но думская комиссия не только отвергла запрос. Под влиянием разоблачений, под давлением пристального внимания к его игре—у игрока, припертого к стене и испуганного тем, что делалось в рабочих кварталах, затряслись руки, и он вдруг выложил свои карты на стол.

«Революционная деятельность с.-д. депутатов II Думы,—гласит доклад комиссии,—установлена независимо от военной организации».

Но с.-д. депутатов судили за «заговор» и именно в связи с военной организацией. За «заговор» их и осудили. Как участники «заговора», томятся они и поныне на каторге. Так гласят все документы, писанные по этому делу 5 лет назад. А теперь думская комиссия выносит новый приговор:—с.-д. депутаты достойны постигшей их кары и независимо от «заговора», независимо от того, был ли он на самом деле, а просто за «революционную деятельность».

Смысл этого признания один: был ли заговор, не было ли его, была ли провокация, не было ли ее,—все одно: с.-д. депу-

[1]) „Звезда“, № 5 от 29 января 1912 г.

таты должны были быть устранены для того, чтобы продолжить дорогу 3-му июня, III Думе и октябристам.

Задача была именно в этом, а какими средствами ее добиться—не все ли, в конце концов, равно.

Пять лет тому назад схватились за «заговор» и четыре года благополучно сидели за этой вывеской. Через четыре года это сорвалось. Людей поймали с поличным. Тогда они признались: не в «заговоре» дело, не в «военной организации», а просто в том, что депутаты были социал-демократами, представителями пролетарских масс и крестьянской бедноты.

В том, что это признание вырвано у хозяев России—громадный результат с.-д. запроса в Думе и вне-думского движения.

Если внесение запроса привлекло к себе внимание, то отвержение его должно привлечь это внимание в еще большей степени.

Не столько отвержением запроса, сколько своими мотивами, своим указанием на то, что дело не в «заговоре», не в юридических мотивах, а в политических целях, думская комиссия раскрыла карты и самой Думы и авторов процесса.

ЛЕНСКАЯ БОЙНЯ И 3-ЬЕИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ *)

В кровавых преступлениях зачата III Дума, кровавым преступлением кончаются ее дни. Правительство, либеральные купцы и либеральные помещики в один голос стараются уверить и русской народ и европейскую биржу, что III Дума была первым действительным представительным собранием в России, что она укрепила «конституцию», что ее пятилетие существование оказало неоценимые услуги народу и идее конституционного правления. Но одно забывают они добавить, что III Думу Романовы, Столыпины и Гучковы могли создать, только перебивши десятки тысяч борцов за народное освобождение; что в основе ее лежит государственный переворот, увенчанный провокаторским заговором против социал-демократической фракции II Думы, что, дабы удержать эту Думу, понадобилось тысячи и тысячи виселиц, не перестававших работать во все время ее существования. Кровавая бойня на Лене— лишь достойное детище того «обновленного» режима, в котором палач и провокатор являются истинными хозяевами государства. Из 3.000 толпы расстреляно 500, это значит, что под солдатскими пулями пал каждый шестой рабочий: жестокость и меткость стрельбы, невиданная даже в России, где научились «не жалеть патронов» с самого момента возникновения рабочего движения.

И надо же было случиться, чтобы во главе расстреливавших рабочих солдат, стала какая-то человекообразная машина в жандармском мундире, которая при ближайшем рассмотрении оказалась точнейшим воплощением всей романовской монархии. Газеты сообщили, что в Киеве он был провокатором, а в Сормове палачом, повесившим 80 рабочих. Провокатор и палач в

*) „Социал-Демократ“, № 26 от 25 апреля / 8 мая 1912 г.

ротмистра Трещенке скрывался под мундиром начальника охранного отделения. Но под министерским мундиром Столыпина не скрывался ли тот же провокатор и палач лишь во всероссийском масштабе? И под императорской мантией Николая Романова не живет ли тот же провокатор и палач? Трещенко расстрелял сотни, но Столыпин и Романов не растреляли ли тысячи? Трещенко подкладывал провокаторские бомбы рабочим, но Романовы и Столыпины, Макаровы, Курловы и Трусевичи не на азефах ли и бродских[1]) построили они свое благополучие?

Не в том дело, мирная или не мирная, экономическая или политическая стачка протекала на рудниках золотопромышленной кампании, а в том дело, что на берегах Лёны действовал точнейший, типичнейший и достойнейший представитель всей сущности романовской монархии, всех методов ее управления, один из тех, на ком она реально держится.

Думе предоставлено одобрять бюджет, парадировать перед Западной Европой и подробно обсуждать проекты законов, которые одним росчерком Николая или Государственным Советом уничтожаются в корне. Гучкову предоставлено выражать «пожелания» и апплодировать министрам, Милюкову предоставлено рядиться в английские обноски «оппозиции Его Величества». Но действительная власть в России принадлежит Трещенкам. И они властвуют над народом штыком и пулей. И потому не в том сейчас заключается задача русского народа и пролетариата, чтобы отвоевать от Трещенки какие-либо п р а в а, а в том, чтобы вырвать у него его штык, его власть.

4-го апреля этот Трещенко расстрелял 500 стачечников, а 11-го, не отмывши рук, он—в лице министра Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского—взошел на трибуну Государственной Думы и заявил: «Так было и так будет».

Но еще раньше, чем царский слуга Трещенко заявил свою волю и впредь—несмотря ни на какие Думы—отстаивать свою власть расстрелами народа, социал-демократический депутат Кузнецов напомнил русским рабочим, что «нас всегда расстреливали и что 9-го января на площади Зимнего Дворца нас расстреливал царь». «Царя не касайтесь», крикнула рабочему депутату III Дума; «я вас покорнейше прошу здесь Высочайшей Власти не касаться»,—заявил ее председатель.

Третья Дума защищает царя; рабочий класс не может не касаться трещенковского царя, когда царский Трещенко ка-

[1]) Бродский—провокатор, подстроивший дело с.-д. фракции II Гос. Думы.

сается рабочего класса. С думской трибуны социал-демократический депутат Кузнецов выразил то негодование и ту жажду борьбы, которые охватили рабочий класс России при известии о кровавой бойне на Лене. И он правильно выразил мысль всех рабочих России, когда заявил: «для нас, рабочих, не нужно никакого вашего расследования. Для нас причина ясна: мы знаем, кто является главными виновниками массового убийства рабочих на Лене», и когда возложил эту вину не только на капиталистов, не только на Трещенку, но и на саму III Думу.

По горло стояла III Дума в крови рабочих и крестьян, теперь она предстанет на суд народный, покрытая кровью по макушку. И не станет рабочий класс под этой кровавой замазкой искать оттенков различия между Коковцевыми и Столыпиными, Макаровыми и Курловыми, Гучковыми и Балашовыми. Вся шайка контр-революции, превратившаяся под верховенством царя в золотопромышленную кампанию, а Россию превратившая в свой рудник, из которого золото добывается обильно смоченное не только пóтом, но и кровью рабочих, вся царская монархия,—монархия провокаторов и палачей, — должна быть сметена с лица земли.

Далеко от центров поднялось зарево, но стоило ему подняться, чтобы разом вскрылись все внутренние пружины современного строя и чтобы кровавым светом окрасилась длинная цепь как-будто разнородных фигур.

Английские капиталисты (надо думать просвещенные либералы у себя дома), и начальник русского охранного отделения, истинно-русские царские губернатор и прокурор, и истинно-биржевой барон Альфред Гинзбург, члены Государственного Совета, гвардейские офицера, придворные лакеи в генеральских мундирах и биржевой заяц Жданов, либеральный ех-министр Виттевского кабинета Тимирязев и заведывавший департаментом полиции Макаров,—Лондон и Петербург, Дворец и Биржа, Охранка и Дума — все и вся оказались связанными крепкими узами взаимных услуг и взаимной поддержки в деле эксплоатации рабочих.

Ленский расстрел, с ясностью бросающийся в глаза всякому, сразу вскрыл, как во имя эксплоатации рабочих сплетается в один отвратительный, кровью напитанный, клубок— международный капитал, царский дворец, охранные отделения; как биржевой курс в Лондоне распоряжается жизнью рабочих на Лене, а истинно-русский царский министр в «националь-

ной» Думе защищает барыши предприятия истинно-еврейского барона.

Тот ответ, который дали на ленский расстрел рабочие Петербурга, Риги, Саратова, Киева, Одессы, Екатеринослава, Харькова, Херсона, Николаева, Сормова забастовками, митингами и демонстрациями показывает, что единению всех эксплоататоров рабочий класс России готовится противопоставить единение рабочих в борьбе с современным строем.

Низвержение романовской монархии в России должно быть лишь первым этапом в борьбе рабочих со всей буржуазией за уничтожение капитализма, за социализм!

ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ *).

Рабочий класс, чтобы получить правильное представление о своих задачах в каждый особый период жизни данной страны, должен всегда внимательно следить за всей совокупностью политических группировок, идей, настроений. Худшую услугу оказывают пролетариату те, кто ограничивает его внимание кругом «своих», особых, «прав», не видя за деревьями леса.

И теперь, при явном, всеми признаваемом, подъеме борьбы за свободу, полезно оглянуться на политику других классов.

Что делают правые? Все то же. Травля «жида», защита охранки, «патриотизм» и крики о «надвигающейся революции».

Что делают либералы? Из-за сотни и тысячи дипломатических уловок, гладких фраз и обходов сути дела в «Речи» и в речах кадет нет-нет да и проглянет правдивое слово того или иного либерала об их «натуре».

Вот вам г. Изгоев, известный веховец, сотрудник «Речи», «Русской Мысли». В апрельской книжке «Р. М.» он подводит такой итог политическим вопросам момента:

„Практический интерес выборов в IV Гос. Думу сведется к борьбе за преобладание между право-октябрьским блоком и кадетско-прогрессистской коалицией. Идейно же борьба будет вестись, во 1-х, между дворянским черносотенным национализмом и конституционно-демократическим империализмом и, во 2-х (слушайте!) между этим последним и революционными настроениями".

Спасибо за откровенность и за правдивое слово! Кто вдумчиво следит за партией к.-д., тот давно эту правду знает. Г. Изгоев, ренегат с задором, выбалтывает ее прямо. Вот смысл борьбы идеи двух и трех лагерей, вот смысл шатаний ликвидаторов, забывающих о 3-ем лагере, или ведущих его в хвосте либералов. Либералы против новой революции. Демократия за,

*) „Социал-Демократ", № 27 от 4 июня 1912 г.

и среди этой демократии только революционные социал-демократы, только антиликвидаторы ясно, твердо подняли и широко сделали известным свое знамя.

А вот вам г. Гредескул, не менее видный и официально известный кадет, пишущий в Речи, без единой оговорки редакции:

„С точки зрения первого утверждения (если в 1905—1906 г.г. не сделано ничего) надо все начинать с начала, т.-е. иными словами, надо устраивать второе движение, тогда как с точки зрения второго утверждения (что в 1905—1906 г.г. заложен фундамент русской конституции), наоборот, второго народного движения уже не требуется, а нужна лишь спокойная, настойчивая и уверенная конституционная работа".

Кажется, ясно? Нам дела нет, кому пробует приписать г. Гредескул «1-е утверждение», как он делает вид, как будто спорит с Струве и т. д.,—это все пустяки. Суть в том, что г. Гредескул сказал, а «Речь» перепечатала редкостную правду про кадетов. Кадеты против новой революции. Демократия—за.

Отсюда ясно гигантское значение тех колебаний трудовиков и ликвидаторов между социал-демократами и либералами, которые многим кажутся неважными. Отсюда ясно значение вопроса: конституционный или революционный кризис? Отсюда ясен смысл ларинских фраз—рабочие должны объединяться «не для революции и не в ожидании революции», и смысл мартовских оговорочек: «достаточно» ухватить наш режим за ахиллесову пяту противоречий конституционализма и абсолютизма. А еще близорукие люди думали и говорили, что мы политически преувеличиваем, когда говорим о великом значении этих вопросов, о предательстве рабочего дела ликвидаторами!..

Массовые стачки вскрывают все покровы. Суть дела обнажается, дипломатия разлетается в прах. За новую революцию или против нее? Октябристы в «Голосе Москвы» давно уже верно схватили эту суть дела, вычитав ее из решений всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. в январе 1912 года.

Вопрос поставлен не нами, а ходом событий. Вопрос признан всеми нашими врагами, от Пуришкевича, до Гредескула, от «Земщины» до «Речи». И посмотрите, с точки зрения этого объективными условиями предписанного вопроса, на всю нелепость, мизерность и убожество потуг ликвидаторов изобразить «основой» идущего движения вопрос о «свободе коалиций».

Субъективно ликвидаторы—по крайней мере немногие лучшие из них—за революцию, как и трудовики, конечно. Они в «свободе коалиции» видят этап, стадию, подмостки, переход

и т. п. Но взгляните на дело пошире и поглубже, не с точки зрения добрых намерений того или иного трудовика или ликвидатора. Каков объективный смысл их лозунга, смысл определяемый—помимо, а иногда и против их воли—соотношением сил в классовой борьбе.

Это соотношение ясно. Против новой революции правые и либералы. За нее пролетариат и идущие за ним буржуазные демократы. Лозунг «свободы коалиции» на деле есть лозунг «конституционной» реформы, а не революции. Никакие ссылки на гигантское значение этой свободы для рабочих и переходный характер этого требования на большую «легкость» (!?) взятия «сначала» этой «позиции» не изменяют бесспорного объективного факта. Примиренцы, перебежавши к ликвидаторам, развращают рабочих иллюзиями «конституционной» р е ф о р м ы в 3-еиюньской России.

Значение свободы коалиций и для рабочих и для всего народа—гигантски велико, слов нет. Но т а к ж е велико значение законности и демократизма в других областях—печати, неприкосновенности личности и т. п. и т. п. Вопрос в том, м ы с л и м а ли борьба за «реформы», борьба за «права» при режиме Николая II и 3-й Думы? Не означает ли в данной политической обстановке России, бросание «революционерами» в массы лозунга конституционной реформы, такой же измены рабочему делу и революции, как изменил бы ему француз эпохи Наполеона III, если бы этот француз сказал: организуйтесь, рабочие, не для революции, не в ожидании революции, а в борьбе за свободу к о а л и ц и й (?)—если бы из «свободы коалиций» при Наполеоне III сделали бы «центральный» лозунг начинающейся массовой борьбы?

Рабочие! Не верьте либералам, которые и прямо и ч е р е з л и к в и д а т о р о в говорят вам ложь, сеют вздорные иллюзии. Невозможна борьба за «реформы», борьба за «права» в 3-еиюньской России. Именно для свободы к о а л и ц и й, именно в силу насущной необходимости ее обязательно бороться за революцию, проповедывать, готовить, организовать революцию.

Не верьте сказке ликвидаторов и либералов, будто «Д у м а с о з д а е т д л я б о р ь б ы п о л и т и ч е с к и й ц е н т р». Дума есть политический центр для сделок купцов с Пуришкевичем, Дума есть трибуна, на которой должны быть и социал-демократы, но политическим центром для борьбы Дума не может быть. И превращение лозунга свободы коалиций, и «центральный», «основной» лозунг и фразы о Думе, как «центре для борьбы»—пустые пере-

псвы либеральных бредней, на тему о нереволюционном, о чисто конституционном «реформировании» России.

Конечно, между конституционным и революционным кризисом нет абсолютной, неподвижной грани. Один переходит в другой, в зависимости от обстоятельств. Но если есть такие «обстоятельства», над которыми мы не властны (экономическая эволюция, международная обстановка и т. д.), то — есть такие «о б с т о я т е л ь с т в а», как деятельность разных классов. От роли классов зависит конституционный или революционный кризис, растет и назревает.

И в то время, как либералы уже открыто подняли давно подготовленное ими знамя борьбы против н о в о й революции,— сознательные рабочие все усилия приложат, чтобы, привлекая на свою сторону крестьянские массы и новую демократическую интеллигенцию, расширить борьбу во всенародную, довести ее до революции, обеспечить ей п о б е д у над царской монархией.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВРАГА *).

В последней (июньской) книжке прогрессистского журнала «Русская Мысль» г. Изгоев поместил статью о рабочем классе и социал-демократии в России. Статья примечательная и заслуживающая внимания, как показатель того, как под влиянием силы и роста рабочего движения изменяется его оценка либералами. Давно ли г.г. Изгоевы в той же «Русской Мысли», а еще больше в «Вехах» третировали русскую социал-демократию, как «интеллигентскую» секту, как отщепенцев от народа, медленно «умирающих в тине бесплодных внутренних свар». Теперь г. Изгоев пишет (принужден писать!) о «силе социал-демократов», об «их историческом значении», об их «заслугах», о том, что социал-демократия—единственная из всех и правых и левых партий работает с народом.

Политический смысл статьи г. Изгоева не только в этом признании. Это смысл и в том, что г. Изгоев—как и следовало ожидать—всячески старается притти на помощь ликвидаторам. И тут его соображения имеют сугубый интерес.

Г. Изгоев не без основания полагает, что полемика между «Лучом» и «Правдой»—«признак не упадка, а роста и русского рабочего класса и политически его представляющей социал-демократии», что в основе этой политики лежит «большое идейное содержание, живые и жизненные вопросы первостепенного значения для страны». Г. Изгоеву, занятому в свое время щупанием пульса у октябристов и прославлением П. Столыпина, понадобилось 4 года, чтобы усвоить себе несложную идею о «первостепенном» и «жизненном» значении для страны вопросов, поставленных социал-демократией. Теперь, сообразив это, он пытается разобраться в существе спора...

«Ликвидаторы,—пишет наш либерал,—считают, что в стране идет борьба за конституцию... Большевики же находят, что со-

*) „Правда“, № 148 от 30 июня 1913 г.

циал-демократы уже в настоящее время должны бороться не только с реакцией, но и с кадетами, с «либеральной буржуазией», являющейся тоже одним из третьеиюньских господ положения и контр-революционной силой, с которой у пролетариата не может быть ничего общего». Большевики, продолжает г. Изгоев, исходят из мысли, что «иной конституции, кроме 3-еиюньской, при кардинальной русской исторической основе (т.-е. при сохранении монархии. Л. К.) быть не может».

Подчеркнутые нами слова вполне вскрывают мысль г. Изгоева. Он стоит за конституцию при сохранении кардинальной исторической основы. Он одобряет ликвидаторов, поскольку и они стоят на почве «борьбы за конституцию». Он обрушивается на «большевиков», поскольку их тактические предпосылки исходят не из «борьбы за конституцию» на данной «исторической основе», а из более глубокого кризиса, кризиса не конституционного...

Точка зрения, смотрящая дальше (или глубже, как угодно!) «кризиса конституционного», кажется нашему либералу «ошибочной и политически-вредной». Очень хорошо: иного мы и не заслужили от сторонников «исторической основы». И очень логично с точки зрения «мирного прогресса».

Но вот вопрос, верит ли сам г. Изгоев в шансы «мирного преобразования», «борьбы за конституцию», «борьбы за легальность» и т. д.? Увы! Времена блаженной веры во все эти игрушки, видимо, миновали даже для г.г. Изгоевых. Русский либерализм в его лице не может скрыть своей глубокой тревоги.

«В содержательности,— пишет г. Изгоев, — большевистской точке зрения отказать нельзя. Продолжительное бессилие русских конституционалистов дать стране гарантии правового строя может в будущем и оправдать большевистский пессимизм... Надежды на конституционное развитие потускнели... Если конституционных сил России окажется не достаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм, несомненно, будет победителем и загонит ликвидаторов в задний угол».

Смысл этих слов и этих предсказаний, в которых, надо сказать, меньше всего нуждаются возвещаемые г. Изгоевым «победители»,—совершенно ясен.

Русский либерализм с тревогой видит, как уходит из-под его ног путь «мирного государственного преобразования» на дорогой его сердцу «исторической основе».

Он с печалью свидетельствует, как в рабочей среде падают шансы ликвидаторской проповеди о «конституционном кризисе» и «борьбе за легальность». С растущим негодованием он вынужден отмечать победу противоположных течений в жизни страны. «Шансы» либерализма и ликвидаторства падают, шансы «большевизма» растут,—пишет г. Изгоев. Он забывает добавить одно: падение шансов либералов и ликвидаторов свидетельствует о росте сознательности среди пролетариата, о крахе вредных иллюзий, о росте подготовки пролетариата к решению революционных задач.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА В РОССИИ.

1. 1905—1911 г.г. *).

Политическая стачка стала в России с самого начала XX в. одним из главнейших орудий политического пробуждения и мобилизации широких рабочих масс. Можно сказать, что вся история рабочего движения в России отразилась в истории политической стачки. Для десятилетия 1895—1904 г.г. официальная (министерства торговли и промышленности) статистика стачек совершенно не выделяет из общей массы последних политических стачек. Она довольствуется рубрикой—случайные, профессиональные, по симпатии, вынужденные, и насчитывает таковых за все десятилетие в сумме всего 178 стачек с 34.703 участниками.

1905 год приносит политическую стачку, как массовое явление, уже не сходящее с арены русской жизни, хотя иногда—в годы особого разгула реакции—и дающее очень низкую цифру.

Следующая таблица наглядно рисует развитие политической (только политической) стачки. Надо принять лишь во внимание, что нижеследующие данные касаются лишь стачек в заведениях, подчиненных фабричной инспекции, и потому очень значительно отстают от действительных размеров стачечной волны.

	Политич. стачек	Участников
В 1905 г.	8.209	1.842.541
„ 1906 „	3.569	650.683
„ 1907 „	2.600	540.070
„ 1908 „	464	92.694
„ 1909 „	50	8.363
„ 1910 „	4	3.777
„ 1911 „	22	8.000

*) „Невская Звезда“. № 14 от 24 июня 1912 г.

В этих цифрах очень красноречиво отразилась вся история освободительного движения в России. Они рисуют громадную роль политической стачки рабочих во всем народном движении в России XX века. Для того, однако, чтобы определить точнее эту роль и понять самый механизм развития политической стачки, надо обратиться к более подробному разбору цифр.

Прежде всего, интересна роль, которую занимает политическая стачка в общем ходе рабочего движения. Это нетрудно выяснить из следующей таблицы, дающей процентное отношение числа политических стачечников к общему количеству стачечников данного года.

Годы	% политич. стачечн. к числу всех стачечников.
В 1905 г.	64%
„ 1906 „	58%
„ 1907 „	72%
„ 1908 „	52%
„ 1909 „	13%
„ 1910 „	8%
„ 1911 „	8%

Эта таблица показывает, что в продолжение четырех первых лет рассматриваемой эпохи число политических «забастовщиков» составляло неуклонно более половины всего числа стачечников. Затем число политических стачечников сразу падает очень низко и держится на этом низком уровне в течение 3 лет. Из этого должно сделать один и очень важный вывод. При всяком подъеме рабочей массы политические интересы выступают на первый план, не только не отставая, но даже обгоняя экономическую борьбу.

Эта крепчайшая связь между политической стачкой и всяким подъемом движения среди пролетариата России выступит еще яснее, если рассмотреть таблицу, рисующую сравнительные кривые падения всего забастовочного движения в целом и экономической и политической стачек в отдельности.

Сравнительно с предшествовавшим годом падение и возрастание стачечной волны русуется в %% в следующем виде:

	Забастовочн. движение в целом	Экономич. стачек	Политическ. стачек
1906 г.	— 62%	— 57%	— 64%
1907 „	— 44%	— 57%	— 17%
1908 „	— 77%	— 58%	— 83%
1909 „	— 64%	— 44%	— 91%
1910 „	— 28%	— 24%	— 55%
1911 „	+ 110%	+ 109%	+ 111%
1912 „	?	?	+ 625% (за перв. 5 мес.)

Из этой таблицы явствует, что в эпоху падения движения политическая стачка падает быстрее и, так сказать, глубже всего забастовочного движения и в своем падении далеко обгоняет стачку экономическую. Сравнительно с 1905 годом движение экономическое к 1906 г. упало на 57%, а политическое на 65%. Сравнительно с 1907 годом (исключительный год, когда политическая стачка сделала последнее свое усилие) экономическое движение к 1908 г. упало на 58,5%, а политическое на 83%.

Уже 1909 год знаменует начало перелома: показатель падения всего движения в целом и экономической стачки в частности уменьшается. Экономическая стачка падает лишь на 44%. Но падение политической стачки продолжается и достигает своего крайнего пункта: сравнительно с предшествовавшим годом она падает на 91%.

1910 год есть момент уже ясно обозначившегося перехода от падения к повышению движения, и вместе с приостановкой падения экономической борьбы сразу замечается поворот и в истории политической стачки: она начинает расти. 1911 г. приносит сравнительный подъем всего движения. Число экономических стачечников возрастает сравнительно с предшествовавшим годом на 109%, а число политических на 111,9%. И, наконец, в 1912 году число политических стачечников сразу дает такой процент роста, который может напомнить во всей истории стачки лишь один момент—1905 год. Политическая стачка падает глубже, при общем падении движения рабочего класса, но, при малейшем оживлении в среде последнего, она очень быстро поднимается, обгоняя даже подъем экономической борьбы. Вот характернейшая черта рабочего движения в России XX века. Эта черта сразу рисует нам особенную обстановку, в которой проходит рабочее движение в России.

Политическая стачка есть неотъемлемая черта современного рабочего движения в России.

Политические домогательства неотделимы от него и выступают с чрезвычайной яркостью в каждый момент подъема рабочего движения, вот о чем говорят нам приведенные цифры.

После этого можно только удивляться ограниченности тех либералов и либеральствующих, которые, как г. Северянин в «Русских Ведомостях» или меньшевик Ежов в «Невском Голосе», изо всех сил предостерегают рабочих против политических стачек. Рабочий класс руководствуется не либеральными советами, а всей той обстановкой, в которой ему приходится вести свою классовую борьбу. А эта обстановка явно говорит за то, что либеральные советы—безжизненны и вредны.

Что бы ни говорили либералы, борьба рабочих идет по пути выдвигания политических домогательств и не может итти иначе.

2. 1912 г. [1]).

Вскоре после ленских событий правительственная газета «Россия» писала, что нынешнее забастовочное движение, как гроза, неожиданно пришло и быстро уйдет.

В то же время либеральные газеты утешали себя тем, что нынешние забастовочные движения носят «чисто-профессиональный» характер. Ликвидаторы же и до сих пор твердят, что движение это по своим требованиям является чисто-экономическим; так, по крайней мере, еще на-днях заявляла ликвидаторская газета.

Чтобы проверить все эти утверждения, стоит обратиться к тому материалу о стачечном движении 1912 года, который собран в отчете «общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». Это общество есть боевая организация капитала, имеющая своей главной целью борьбу с рабочим движением. Оно объединяет 324 фабрики и завода, с общим числом рабочих в 229,622 человека.

Стачечному движению это общество уделяет особое внимание, внимательно следя за всеми его проявлениями. Стачечному движению в последнем отчете общества отведено центральное место. Локауты и штрафы за круговой ответственностью—таковы методы действий этой капиталистической организации.

В ее лице мы имеем дело с серьезным и сплотившимся врагом, высоко поставившим дело осведомления о силах противника, т.-е. в данном случае о рабочем движении.

---

[1]) „Северная Правда“, № 23 от 29 августа 1913 г.

Подводя итоги движения за 1912 год составители отчета пишут:

«Последний год в промышленной жизни страны в общем прошел на фоне усилившегося агрессивного (наступательного) настроения среди фабрично-заводских рабочих. Рабочее движение выливалось двумя значительными потоками политических и экономических стачек».

Общее количество бастовавших в 1912 г. рабочих отчет высчитывает в количестве 1.062.720 человек.

Из этого общего количества принимали участие в стачках:

экономических	207.720 чел.
политических	855.000 чел.

Отчет сообщает, что из общей суммы политических стачечников на вторую половину года приходится более 340.000. Если же взять стачки экономические, то окажется, что на первые пять месяцев (январь—май) приходится около 80.000, а на остальные месяцы около 130.000 бастующих.

Эти цифры, прежде всего, свидетельствуют, как глубоко ошибалась правительственная газета, когда в апреле месяце писала, что забастовочная волна, как шквал—налетела и ушла. Распределение стачек по месяцам ясно показывает, что забастовочное движение в 1912 году не было случайным явлением, вызванным особыми обстоятельствами. Эти обстоятельства (в виде ленских событий) лишь обострили первые моменты движения. Но движение не улеглось после непосредственного ответа на Лену, а пошло дальше, вширь и вглубь. Только ограниченные чиновничьи мозги могли отнестись к движению 1912 г., как к вспышке, неизвестно откуда взявшейся и обреченной моментально погаснуть. Но эти же цифры из отчета капиталистической организации доказывают, кроме того, еще два обстоятельства:

1) что либеральные газеты обманывали и себя и своих читателей, когда писали о «чисто-профессиональном» характере новой волны рабочего движения, и

2) что ликвидаторы свидетельствуют свое полное непонимание современного рабочего движения, его значения и его лозунгов, когда пишут, что оно является «чисто-экономическим».

Надо быть слепым, чтобы говорить об «узко-профессиональном» или «чисто-экономическом» характере рабочего движения, когда на миллион стачечников насчитывается 800.000 участников стачек политических. Об этой же слепоте людей, смотрящих на нынешнее движение с либеральной точки зрения, свидетель-

ствуют и десятки других фактов, характеризующих настроения бастующей массы. Но здесь мы обратим внимание еще лишь на одну сторону дела, именно, на то влияние, которое волна политических стачек оказывает на ход и характер экономической борьбы.

На этот счет отчет московских капиталистов выражается очень глухо и осторожно, но все же в него проникло несколько очень интересных замечаний. Прежде всего, московские капиталисты делают следующее признание: «Частота,— пишут они,— следовавших одна за другой демонстративных забастовок, необычайное разнообразие и различный удельный вес мотивов, по которым рабочие считали нужным прервать работы, свидетельствуют не только о сильном сгущении политической атмосферы, но и о падении фабрично-заводской дисциплины».

В этих словах содержится указание на то, что за последнее время рабочие пользуются самыми разнообразными и самыми различными поводами для проявления своих политических чувств, что эти проявления происходят очень «часто», что под влиянием этих выступлений растерялась «дисциплина», созданная на фабриках в годину черной реакции и ослабления рабочего класса. Экономическое движение происходит в «сильно сгущенной политической атмосфере»—вот что характерно для современного рабочего движения, а этот факт сразу опрокидывает либеральное и оппортунистическое представление о «чисто-экономическом» или «узко-профессиональном» типе движения; этот вывод подтверждают и г.г. составители отчета.

Ход забастовочного движения во второй половине 1912 года они описывают так: с мая число новых стачечников начинает стремительно падать. К концу лета и началу осени размеры движения почти не отличаются от размеров 1911 г. (когда оно было сравнительно незначительно). «Только к концу года,—продолжает отчет,—опять началось некоторое возбуждение, как рефлекс (отзвук, последствие) политических однодневных стачек»...

Взаимодействие политической и экономической волны указано здесь на фактах и достаточно ясно. Проникновение «политики» в «экономику», влияние одной на другую, неизбежная связь между той и другой—подтверждена фактом.

Экономическое движение происходит в сгущенной политической атмосфере, часто и по самым разнообразным мотивам прерывается «не экономическими» выступлениями, при чем одно неизбежно переходит в другое и друг друга поддерживает.

Тот, кто не поймет этого своеобразного характера современного движения и не усвоит себе его причин, никогда не найдет для него ни правильного лозунга, ни истинного пути.

Либерализм и оппортунизм одинаково далеки от этого понимания, покуда они стоят на точке зрения «чисто-экономического» характера движения.

3. 1913 г. [1]).

Московское общество фабрикантов и заводчиков пристально следит за ходом рабочего движения. На-днях оно опубликовало № 18-й своего «Бюллетеня», в котором подводится итог рабочему движению за 1913 год.

Тут есть цифры об общем количестве бастовавших, о забастовках политических и экономических, распределение забастовок по районам, профессиям, месяцам, сведения о количестве стачек, кончившихся победой или поражением рабочих и т. д.

Почему общество фабрикантов производит такую работу?

— Потому, что оно хочет знать своего врага, т.-е. силы, ход развития, возможное будущее рабочего движения.

Заключительная главка обзора стачек в хозяйском издании посвящена созданию всероссийской организации страхования хозяев от стачек. Главной задачей подобной всероссийской хозяйской организации выставляется: воспрепятствовать стремлению рабочих выйти из существующих условий труда, т.-е. улучшить свое положение.

Посмотрим же, что говорит эта боевая противо-рабочая организация хозяев о ходе и состоянии рабочего движения за прошлый год.

По подсчету хозяйской организации выходит, что стачечное движение в 1913 году усилилось сравнительно в 1912 г. В 1912 г. бастовало всего 1.070.000 фабрично-заводских и горных рабочих, а в 1913 году бастовало уже 1.185.000 (цифры всюду круглые). Увеличилось значит число бастовавших в 1913 г. на 115 тысяч стачечников.

Цифры эти—уменьшенные. По подсчетам рабочих газет число бастовавших в 1913 году дошло почти до двух миллионов. Но как бы то ни было и хозяйское издание, как и рабочие газеты, должны признать, что количество растет из года в год.

Что думают хозяева насчет ближайшего будущего, насчет текущего года. Ничего хорошего они для себя не ждут. Вот

---

[1]) „Путь Правды“, № 78 от 6 мая 1914 г.

что они пишут: «Как будут действовать рабочие в ближайшее время, выяснить пока трудно, но следует думать, что настоящий 1914 г. не будет спокойным. Неослабевающая конъюнктура (т.-е. обилие заказов, хорошее состояние рынка) в металлообрабатывающей промышленности безусловно послужит толчком для новых экономических выступлений рабочих, по крайней мере, сейчас уже наметился новый центр массового стачечного движения в горнозаводской промышленности Урала. Затем приостановка работ на многих текстильных фабриках московского района на срок 40 дней может вызвать летом, как и в прошлом году. волну стачек за повышение заработной платы. Наконец, самый факт повышенного числа стачечников в первые месяцы текущего года сравнительно с прошлым годом дает повод ожидать в ближайшие летние месяцы весьма значительных экономических выступлений рабочих[1])».

Итак, промышленники ожидают для себя неспокойных времен, увеличения стачек, вовлечения в движение новых районов (Урал). Это ближайшим образом касается экономических стачек, но и о политических стачках хозяева придерживаются того же мнения.

Вот, что они пишут о политическом стачечном движении:

«Уже теперь можно с уверенностью сказать, что оно будет не менее интенсивным (сильным, настойчивым), нежели в прошлом году. Во всяком случае, мы полагаем, что вряд ли постепенно нараставшая волна политических стачек, может разрешиться и прекратиться сама собой».

Бурные идут времена и для экономического и для политического движения,— говорят промышленники,— и «сами собой» волны рабочего движения не прекратятся. Так.

Посмотрим теперь, что сообщает хозяйская организация о стачках политических и экономических в отдельности.

Всего бастовало за год 1.185 тысяч рабочих. Из них 820.000 было политических забастовщиков. И эта цифра уменьшена. По подсчету рабочих газет политических забастовщиков было в прошлом году не менее одного с четвертью миллиона. Хозяйское издание считает, что количество политических забастовщиков в 1912 и в 1913 годах почти равно или даже упало немного. Сведения рабочих газет говорят, что сравнительно

---

[1]) Это предсказание промышленников на 1914 г. вполне оправдалось. Волна стачек с начала 1914 г. все увеличивалась и увеличивалась, пока не была прервана объявлением войны. Прим. к наст. изд.

с 1912 годом рабочее политическое движение возросло по количеству участников. Если взглянуть на то, как начался 1914 год, каково было количество политических стачечников в первые месяцы текущего года, как в этом году отпразднован день 1-го мая, то окажется, что говорить о падении волны политических стачек никак нельзя. Впрочем, и хозяйский орган должен признать, что количество политических забастовщиков во второй половине 1913 года превысило количество политических забастовщиков в те же месяцы 1912 года.

С июня по декабрь 1912 года бастовало, по их сведениям, 340 тыс. рабочих, а с июня по декабрь 1913 г. бастовало 390 тысяч; на 50 тысяч больше. А орган хозяев правильно замечает, что главные моменты политических выступлений рабочего класса приходятся на первую половину года (9-е января, 4-е апреля, 1-е мая).

По городам и районам политические стачки распределяются так: в Петербурге за год принимало участие в политических стачках 461 тыс. рабочих, в Москве и окрестн.—114 тыс. рабочих, в Риге и Ревеле—109 тыс. рабочих, в Варшаве—54 тыс. рабочих, в остальных районах (Юг, Поволжье)—83 тысячи.

Эти цифры весьма примечательны и заслуживают особого внимания всех интересующихся ходом пролетарского движения в России. Они наглядно, цифрами показывают то, о чем мы говорили вчера в статье «Провинция пробуждается». Петербург со своими металлистами идет впереди: дает за год больше половины всех политических стачечников. Провинция остается далеко позади. В этом основная черта рабочего движения за последние годы: черта, чреватая большими трудностями. Задуматься над этим надо всякому. Но, говоря об отсталости провинции, цифры движения в 1913 году говорят о том, что провинция начинает пробуждаться. Особенно тут важна цифра: 114 тыс. политических стачечников в Москве и окрестностях. Газета «Наш Путь», ее закрытие и стачка трамвайщиков—вот что выдвинуло Москву в 1913 г. даже впереди Риги и Прибалтийского края, который в предыдущем занимал всегда первое место после Петербурга. Наконец, характерно и то, что Юг, Северо-Западный край, Поволжье, Урал дают в этом году уже 83 тысячи политических забастовщиков.

Широкое празднование 1-го мая в этом году в провинции не было, оказывается, неожиданным. Оно было только продолжением начавшегося пробуждения. Не надо петербуржцам обольщаться этими цифрами, а заметить их следует.

Промышленники подсчитали и количество политических забастовщиков по месяцам. Мы приведем здесь эту таблицу с указанием на причины политических выступлений рабочих. Рядом с цифрами хозяйского органа, мы даем подсчет рабочих газет.

Причины политических забастовок.	Месяцы.	Количество забастовщ. по данным: Хозяев.	Рабоч. газ.
Годовщина 9 января	Январь	85.000	160.000
Годовщина освобождения крестьян	Февраль	—	3.000
. . . .	Март	—	—
Годовщина ленских событий	Апрель	74.000	140.000
1-е мая	Май	195.000	420.000
Приговор над матросами балтийцами	Июнь	63.000	100.000
Преследование рабочей печати	Июль	78.000	85.000
Закрытие союза металлистов в Москве	Август	8.000	—
Стачка трамвайщиков в Москве, преследование рабочей печати, день Бейлиса	Сентябрь	146.000	220.000
17-е октября	Октябрь	19.000	—
Суд над обуховцами. Страховая стачка в Варшаве	Ноябрь	131.000	130.000
Штраф на депутата Бадаева	Декабрь	5.000	4.000

Из этой таблицы видно разнообразие поводов к политическим выступлениям рабочих, а равным образом и то, что политической стачкой рабочие откликались на все без исключения важнейшие факты политической жизни страны.

Ясно из этой таблицы и то, почему расходятся цифры рабочей печати и хозяйского органа. Число забастовщиков 9-го января, 4-го апреля и 1-го мая уменьшено в отчете хозяев ровно вдвое в каждом случае.

Такова общая картина политических стачек в 1913 году.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ *).

(Рабочее движение теперь и десять лет тому назад).

Газеты отметили десятилетие летних южных стачек 1903 г. Это напоминание приходится как нельзя более кстати.

Можно без ошибки утверждать, что южная всеобщая стачка 1903 г. наметила формы ликвидации «старого режима». Именно в ней дана была зародышевая форма движения 1905 г. и в ее свете наметилось то распределение общественных сил, которое обусловило впоследствии течение событий при решительном переломе жизни России.

Десятилетие этой стачки совпадает с подобной же эпохой в жизни России по-революционной.

Как и всякая историческая аналогия, и аналогия между 1903 и 1913 г.г. должна быть применяема с большой осторожностью. За истекшее 10-летие политическая и общественная жизнь России значительно усложнилась. Вопреки распространенному фальшиво-радикальному воззрению—ничего не приходится начинать сначала. Вся борьба, все столкновения и отношения подняты на новую ступень и подняты не «естественным ходом событий», а энергией массового движения. Уже это одно вносит целый ряд изменений в стоящие перед нами задачи.

Параллельно с усложнением политической обстановки, в которой приходится выступать главному действующему лицу 1903 и 1913 г.г.—пролетариату, идет и обострение борьбы. Это противоречит некоторым предвзятым мнениям. Либеральное воззрение, широко пропагандировавшееся в эпоху 1907—1912 г.г., заключается в том, что осложнение политической обстановки, характеризующееся появлением Г. Думы, созданием некоторых ле-

---

*) „Просвещение“, № 10, ноябрь 1916 г.

гальных возможностей и т. д., ведет к ослаблению внутренних противоречий, к смягчению борьбы, к компромиссному пути решения вопросов, поставленных 1905 годом. Воззрение это—типичное для всего либерализма—не осталось, однако, достоянием одних либералов. Оно широко захватило и некоторые демократические элементы, главным образом, из интеллигенции, которая создала в годы непосредственно следовавшие за «провалом» движения широкое ликвидаторское течение. В эти годы либеральное воззрение о неизбежном смягчении форм борьбы в «обновленной» России сравнительно с эпохой 1903—1906 г.г. сделало громадные завоевания и среди народнической и среди «марксистской» интеллигенции. Именно отсюда раздались призывы раз навсегда покончить разговоры о «драке» (т. е. о революции) и, покинув эту исторически отжившую концепцию, решительно стать на почву «легальной» и «конституционной» работы.

И надо сказать, что в ряду других проявлений политического маловерия эта проповедь легализма и злейшего оппортунизма не была, пожалуй, самой худшей.

Надо, ведь, сознаться, что даже лозунг г. Струве: «бросьте политику и сажайте капусту» тоже нашел достаточно широкую и сочувственную аудиторию и в форме аполитического культурничества проповедывался даже со стороны с.-д. изданий (вспомним хотя бы г. Стиву Новича).

Первый удар иллюзиям легализма и культурничества был нанесен на Лене г-ном ротмистром Трещенко и с трибуны Думы г. министром Макаровым. Эти иллюзии добили те события, которые вытекли из Ленской трагедии, и вылились в широкую и повсеместную волну стачек.

Правда, первоначально и либеральный и якобы марксистский легализм пытался удержать свои позиции, стараясь представить начавшееся движение или как «узко-профессиональное» или как пропитанное духом частичных требований.

Дальнейшее развитие движения выбило либеральную и плененную либерализмом мысль и из этого последнего убежища. И та и другая оказались в кричащем противоречии с действительностью. Перепуганный либерализм, видя как валятся картонные домики его политических надежд, сразу потерял свою былую уверенность, и из его уст посыпались признания, вырвать которые могло только внутреннее сознание своего полного политического банкротства.

Идейная крепость веховства, «Русская Мысль» прекратила печатанье серии своих политических обзоров под заглавием: «На переломе» (на переломе к конституции) на истерическом возгласе: «мы перед новой Вальпургиевой ночью»... и начала обзор «новых» элементов грядущего переворота. В первой же статье этой новой серии контр-революционный либерализм сознался в полном крушении всех своих надежд.

Устами г. Изгоева, веховца и социалистоеда, он должен был заявить о «продолжительном бессилии русских конституционалистов дать стране гарантии правового строя», о том, что «надежды на конституционное развитие потускнели», что нашему либерализму так и не удалось найти опоры в народных слоях. Чувством глубокого неверия в силы либерализма звучит и последний аккорд этой знаменательной статьи: «Если конституционных сил России окажется недостаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм, несомненно, будет победителем» [1].

Ликвидаторская мысль оказалась — как это часто бывает — в своих позициях упорнее и настойчивее своего учителя — либерализма. Она пыталась повести открытую борьбу с тем «новым», что объявилось в русской жизни, начиная с апрельских дней 1912 г., и что привело в такое конфузно-растерянное смятение либералов.

Ликвидаторство, пытавшееся в 1907—1911 г.г. опереться против «староверов» на настроения широкой массы и апеллировавшее к этой массе в своей защите легализма и аполитического культурничества, теперь объявило прямую войну именно той «самодеятельности» рабочих масс, которой оно постоянно клялось.

Борьба ликвидаторов против наличных форм рабочего движения, тянущаяся уже более года и перепробовавшая все возможные (и недопустимые) методы воздействия на рабочую массу, — свидетельствует прежде всего о том, что и в этой области либерально-ликвидаторская мысль потерпела полное крушение, придя в решительное противоречие с развитием действительных отношений и не найдя в них для себя ни малейшей точки опоры.

Причина крушения либеральной и ликвидаторской мысли, конечно, не в отдельных ошибках ее представителей, а в ее полном несоответствии действительному ходу развития общественных отношений в России после 1905—1907 г.г. И та и дру-

[1]) См. статью Г. Изгоева „Новое“ в июньской кн. „Русской Мысли“ за текущий год.

гая хотели прежде всего быть «реалистичной». Но, как часто в политике, их «реализм» был только поверхностью, и, как всегда, подобный «реализм» сыграл с ними свою обычную лукавую шутку: оставил их вне реальной жизни, оставил «реалистов» без реальной опоры.

Ошибка либерализма и ликвидаторства заключается в том, что, приняв новые, усложненные формы борьбы, они не заметили за этим «новым» старых целей, задач и противоречий, отвели их, отвергли их.

Поэтому-то 1912—1913 г.г., воскресившие старые вопросы, старые лозунги и старые отношения, у одних вызывали страх («Вальпургиева ночь!..»), у других негодование («азарт», «махание кулаками», «синдикализм»!), у тех и у других впечатление нежданно разразившейся стихийной грозы, пришедшей вопреки успокоительным предсказаниям всех профессоров политической метеорологии.

1903 год для всякого внимательного наблюдателя русской жизни предуказал, в какие формы выльется ликвидация старого режима. Руководящая роль пролетариата, роль его как гегемона в этом процессе, и в связи с этим—всеобщая стачка, как специфическое орудие пролетариата, выступили уже с достаточной наглядностью в движении этого года. Но вместе с этим для движения 1903 года было характерно и минимальная степень организованности и слабость сознательно-политического элемента в движении.

В 1903 г. пролетариат выступил как руководитель грядущего движения и блестяще демонстрировал свое новое оружие борьбы несмотря на нехватки в области организации и политического сознания. В преддверии южного движения 1903 г. стояли фигуры Зубатова и Шаевича... Историки и свидетели тогдашних дней неоднократно рассказывали, насколько сильно было предубеждение против «политики» в широких кругах, впервые втянутой в движение массы, и как осторожно надо было подходить к ним с соответствующими лозунгами. Противоречиво было и отношение к движению либерально-обывательских кругов. Если рабочий характер движения отчасти отпугивал их и задевал их интересы, то, с другой стороны, в этом же движении российский оппозиционно-настроенный обыватель впервые видел перед собой реальную силу, противопоставленную ненавистному режиму. Приток демократической интеллигенции в рабочей партии никогда не был так силен, как после южных стачек, и это несмотря на то, что на верхах либеральной идеоло-

гии к тому времени уже очень далеко зашел процесс «критики» марксизма и социал-демократии.

Ничто так не свидетельствует об обострении борьбы в России, происшедшем за истекающее десятилетие, как сопоставление с этой картиной характерных черт движения 1913 г.

Прежде всего в нынешнем движении нет ни одной хотя бы самой маленькой нити из тех, что, как ни как, связывали движение 1903 г. в его исходном пункте с правительственным механизмом.

Фигуры Зубатовых и Шаевичей, пытавшихся приручить рабочее движение, сменены г.г. Трещенко и Макаровым. Это, конечно, только один из симптомов в громадном размере выросшего политического сознания русского рабочего. Всем известна громадная роль политических мотивов в движении 1912—13 г.г. «Обновленный строй», призванный именно притушить эти мотивы в русском рабочем движении, не только не достиг этого, но, наоборот, в десятки раз обострил политическую чуткость пролетариата.

Движение в 1912 г. начинается не с начала, не с той картины, которую дает 1903 г., а с того пункта, где оно оборвалось в 1905 г.: с переплетения экономических и политических мотивов, при чем именно последние играют доминирующую роль во всех выступлениях более широкого масштаба. В 1903 г. движение шло к политике, в 1913 г. оно начинает с политики.

В обстановке «обновленного строя» оно воскрешает как раз то соединение экономических и политических мотивов, которое было навсегда осуждено либеральной и ликвидаторской мыслью. А осуждено-то оно было как раз за то, что оно будто бы более не соответствует новой обстановке. Либерально-ликвидаторская мысль как раз просмотрела, что новая обстановка не только не притупляет остроты борьбы (соединение экономических и политических мотивов есть именно свидетельство этой остроты), но, наоборот, в сотни раз ее увеличивает.

Но движение 1913 года в сравнении с движением 1903 г. характеризуется не только громадной ролью в нем политических мотивов, а и во много раз более сложными отношениями внутри самого рабочего класса. Не только то, что рабочий класс пережил в 1905—1907 г.г., но и то, что он видел и видит вокруг себя в «обновленном строе», укрепляет его организованность и разнообразит его способы действий. Выборы в Думы, выступление там рабочих депутатов, обсуждение рабочих законов, участие в общественных съездах, некоторая практика профессио-

нальной работы, наконец, рабочая печать, все это мало-по-малу преобразует рабочий класс из стихийно-взволнованной массы в солидарный и решительно-выступающий организм. Говорить о «стихийности» (в дурном смысле—бессознательности и неустойчивости) пролетарских движений—особенно в наиболее крупных центрах (как это любят либералы и ликвидаторы),—становится все труднее и труднее. И опять-таки это столь часто повторявшееся за последнее время обвинение лишь показывает, до чего спутаны представления у г.г. обвинителей. Либерализму всегда казалось, что участие пролетариата в «легальных формах» общественной жизни (выборы, думская работа, профессоюзы и т. д.), должно привести к уничтожению в нем былых «иллюзий». 1903 г. показал, что, великолепно используя эти «легальные формы», сама пролетарская масса не только не растеряла свои «иллюзии», но, наоборот, заставила эту «легальность» служить этим «иллюзиям». «Иллюзии» на «легальность» обменяла не пролетарская масса, а лишь некоторая часть интеллигенции.

Вопреки мечтам либерализма усложнившаяся обстановка рабочего движения не только не искоренила того, что либерально-ликвидаторская мысль называет «иллюзиями» и «стихийностью», а лишь вооружила «стихию» новыми методами борьбы. Сборы на рабочую печать и солидарность, проявленная в стачечной борьбе, чтобы указать только то, что бросается в глаза даже постороннему наблюдателю,—больше всего свидетельствуют, как сильно отличается пролетарская «стихия» 1903 г. от пролетарской «стихии» 1913 г. И в этой области, в области внутренней организованности движения, «новая обстановка» только обострила борьбу, дав возможность рабочему классу выковать на службу своим старым целям—новое оружие.

Если, таким образом, рабочее движение в «обновленном строе» не оправдало ни надежд насчет смягчения борьбы, ни предположений ликвидаторов о том, что оно пойдет по пути конституционного реформизма, то самый сильный удар оно нанесло и тем и другим тем, что воскресило к новой жизни идею гегемонии. Роль этой идеи, которую сам А. Потресов должен был признать «исконной идеей» «русского марксизма»—в предреволюционные и революционные годы известна. Известны и торжественные похороны, устроенные этой идее тем же Потресовым в сотрудничестве с Мартыновым, Ан'ом, Левицким и многими другими. Идея была похоронена, можно сказать, при целом залпе рукоплесканий со стороны наших либералов, как отжившее старье, непригодное в «обновленном строе».

1912—1913 г.г. ее воскресили. Воскресла экономическая и политическая борьба пролетариата, воскресли его лозунги, воскресла всеобщая стачка, воскресла и гегемония. Воскресла, как и все прочее в новой обстановке, на новой ступени развития и как и все остальное—воскресла в более резкой, более обостренной форме.

Мы видели, что гегемония пролетариата в общественном движении была фактом уже и в 1903 г. Но тогда гегемония пролетариата была фактом, несмотря на его слабую организованность и недостаточность его политического сознания. В 1913 г. факт руководящей роли пролетариата в общественном движении уже опирается на его возросшую организованноссть и сознание им своих задач. Гегемония пролетариата в общественном движении есть выражение независимости рабочего движения от либерализма и способности его оторвать от последнего и вести за собою крестьянскую массу. Увеличилась ли за эпоху 1907—1912 г.г. способность либерализма вести за собою демократию? Увеличилось ли доверие буржуазной демократии к либерализму? Нет. Либерализм окончательно погряз в «парламентских» комбинациях с октябристами и окончательно запятнал себя своей лакейскою ролью во внутренней и внешней политике. Усилиями «веховцев» в теории и Милюковых на деле из него окончательно вытравлен тот душок свободо- и народо-любия, который до поры до времени маскировал его неприглядную сущность. Последние выборы показали, что все это учтено демократией. Пропасть между демократией и либерализмом выросла, и это принуждены констатировать даже писатели «Нашей Зари», не умея сделать отсюда надлежащих выводов. Когда вслед за рабочей массой и крестьянская масса сдвинется с той мертвой точки, к которой приковало ее 3-е июня, это станет еще яснее, чем теперь. В каком виде произойдет этот сдвиг, никто не возьмется сейчас определить. Но вступит ли она в движение организованной массой с ясными лозунгами, или вольется в него стихийным потоком,—во всяком случае своего руководителя она не будет уже искать в либерализме.

С другой стороны, уже одно то, что после длинной эпохи кладбищенского покоя первые призывы к пробуждению донеслись до нее в 1912—1913 г.г. из среды рабочего класса, заставит буржуазную демократию обратить свое политическое внимание именно в эту сторону.

Пробуждение русской жизни в 1912 году совершилось вновь под знаком рабочего движения. Реакционные газеты признают,

что вот уже год, как «стачки стоят в центре русской жизни». Беспартийно-оппозиционная печать, забывшая на несколько лет о существовании рабочего класса, теперь признается, что все, что есть в текущей русской жизни политически-бодрящего и подающего надежды, связано с рабочим классом и его движением. Так складывается обстановка, при которой история опять выдвигает пролетариат на роль гегемона движения.

Мы не можем здесь гадать, в каких именно формах произойдет ликвидация «обновленного строя». Потребуется ли для пробуждения крестьянства новый внешний толчок?[1]).

Переживем ли мы еще одну правительственную «весну», как пролог знойного лета? В какой бы, однако, форме ни протек этот исторически-неизбежный процесс, теперь уже достаточно ясно видно, что роль пролетариата в этом процессе будет гораздо больше той, которую отвели ему либерализм и ликвидаторство.

Ликвидаторство указало уже загодя, что роль пролетариата ограничена тем, чтобы «вырывать от поднимающейся к власти буржуазии частичные уступки». С своей стороны, либерализм не отказывался от частичных уступок пролетариату в обмен за его содействие либеральной «борьбе за конституцию».

Действительность ежедневно разрушает эту маниловщину.

Мы нигде не видели «поднимающейся к власти буржуазии», но всякий зато видит поднимающийся к гегемонии пролетариат. Никто не видит, чтобы от либеральной борьбы проистекала какая-нибудь «конституция», но всякий замечает, что действительная борьба протекает вне конституционных рамок. Либерально-ликвидаторская мысль уготовила для рабочего движения в «обновленном строе» узенькие рамки «частичных требований», «особых интересов» и цеховой борьбы. А история (т.-е. классовые отношения) и при «обновленном строе» разбивает тонкую скорлупу, в которую хотели замкнуть рабочее движение, и указывает ему путь передового борца за полную демократизацию страны.

«Обновленный строй», «новые условия» и как бы там ни называли новую общественную обстановку после 1905—1907 г.г. не «отменили» (отмененную на бумаге либералами и ликвидаторами) гегемонию пролетариата.

Эти условия лишь обострили задачу и дали новые средства для ее успешного решения.

---

[1]) В действительности так и случилось. „Толчок“, о котором говорится в тексте, пришел из области внешней политики. Крестьянство было окончательно разбужено и подготовлено к революции войной. Прим. к наст. изд.

Но восстанавливая гегемонию пролетариата, движение 1912—1913 г.г. разрушает еще одну типичную либерально-ликвидаторскую иллюзию. Мы уже видели, что эта мысль рисовала себе картину грядущей ликвидации «обновленного строя» как постепенный подъем к власти буржуазии, как результат ряда «конституционных» кризисов. При этом представлении вполне естественно, что именно либеральная буржуазия должна была стать «центром притяжения» для всех освободительных тенденций в русском обществе, а Гос. Дума центром преобразовательной борьбы. Схема эта, поскольку она разрабатывалась на страницах либеральных изданий, явно призвана была поддерживать самочувствие «парламентских» вождей нашей либеральной оппозиции. Но к этому же объективно сводилось все ее значение и тогда, когда она пропагандировалась со страниц яко-бы марксистских изданий.

Но так же, как 1903 год навсегда положил конец сказке об «увенчании здания» путем легальной борьбы земств с бюрократией, так и 1913 год свел на-нет всю теорию «конституционных кризисов» в пределах думских стен.

Крушение этой «теории» лежит в основе того «полевения» буржуазных партий, которое составляет злобу сегодняшнего газетного дня. Все «октябристское полевенье» заключается в стремлении напрячь наш думско-правительственный механизм в целях предупреждения вне-думского напора. Но эту же задачу ставит перед собой и кадетизм. Платформа «полевевшей» кадетско-октябристской буржуазии есть только платформа борьбы за «мирный исход» начавшегося кризиса. Она продиктована политическим отчаянием и последней надеждой застраховать себя от «грядущих потрясений», а отнюдь не стремлением к радикальной реформе основ 3-июньского режима.

Думский либерализм не только не оказался способным стать «центром притяжения» для пробуждающегося движения, он не сумел стать хотя бы его простым регистратором. Дума на взгляд широкой даже обывательской массы становилась тем «скучнее», чем ярче была за эти годы политическая жизнь вне Думы. Чем тусклее становилась при этом роль думского либерализма, тем резче выдвигалась роль с.-д. фракции. Но как раз рабочее представительство в Думе стоит вне каких-либо узко-парламентских комбинаций. Свою силу оно почерпает не в думских комбинациях, а вне Думы, и его роль—а она может быть очень велика в решительные моменты—связана не с «конституционным кризисом», а с кризисом, разыгрывающимся вне Думы.

Конечно, Дума перестанет быть «скучной», как только начнут бушевать волны вне-думского движения. Было бы громадной ошибкой обманывать себя на этот счет. Дворянское и крупно-капиталистическое представительство в Думе еще сыграет свою роль. Попытается использовать свое положение в Думе и либеральная буржуазия, когда откроется вновь поприще для «честных маклеров»... Но центром движения Думе не бывать...

Мы перебрали различные элементы грядущего кризиса, поскольку они проявились в движении 1912—1913 г.г. Мы увидели воскресшую всеобщую стачку с ее перелетом экономических и политических мотивов, возросшую организованность и политическую сознательность пролетарских масс, восстановление их гегемонии в движении. А с другой стороны: крушение либерально-ликвидаторских иллюзий, либерализм, потерявший всякую опору в демократии, Думу, неспособную в какой бы то ни было степени стать выразительницей движения и его регулятором.

При этих условиях не надо быть пророком, чтобы сказать, что 1913 год будет иметь для себя такое же продолжение, какое имел в свое время 1903 год. Но в такой же мере, в какой 1913 год отличается от 1903 года ясностью классовых отношений, выросшей силой пролетариата и обострением всех вопросов, в такой же мере итого нового движения должны быть богаче итогов движения первого десятилетия. Теперь уже ясно, что «обновленный строй» не отменил ни одного из старых лозунгов, ни одной из *старых* форм движения. Все оживает—вопреки похоронным песням разномастных веховцев,—и оживает в момент, когда российский пролетариат имеет гораздо более сил, средств и опыта, чтобы не дать вновь задушить свои стремления.

БОРЬБА ЗА РЕВОЛЮЦИЮ—БОРЬБА С ЛИБЕРАЛИЗМОМ *).

В ноябре 1913 года г. Гучков, выступив с проповедью новой тактики для октябристов, заявил, что задачей всех буржуазных партий должно стать предупреждение «грядущего кризиса», подготовляемого, по его мнению, неумелой политикой данного правительства.

В феврале 1914 года г. Маклаков, выступивший с проповедью новой тактики для кадетов, заявил, что «вера в возможность мирного исхода уже утеряна». Казалось бы, что между людьми, поставившими своей задачей предупредить «грядущий кризис», и людьми, потерявшими веру в возможность разрешить эту задачу, нет и не может быть ничего общего.

На деле, однако, г. Маклаков сам поспешил показать, как легко построить мост между этими двумя категориями людей. Мост был им проведен при помощи простого указания на то, что потеря веры в мирный исход может прекрасно уживаться с желанием во что бы то ни стало этот мирный исход найти и отстоять.

Возможность мирного развития или неизбежность резкого революционного кризиса есть вопрос объективного соотношения сил в стране, вопрос, решаемый классовой группировкой и классовой борьбой.

Но и то, что г. Маклаков назвал «желанием», в конечном счете определяется не настроениями той или другой личности, а глубоко-лежащими интересами данного класса или данной социальной группы.

Давно известно, что «желания» того или другого класса могут прийти в конфликт, в столкновение с развитием страны.

*) „Просвещение", № 3, март 1914 г.

Напр., самые глубокие, самые затаенные «желания» объединенного дворянства и высшей бюрократии,—явно для всех,—находятся в неразрешимом конфликте с объективным ходом развития производительных сил России.

В заявлении г. Маклакова вскрыто подобное же противоречие, но противоречие не между желаниями «объединенного дворянства» и ходом развития страны, а между последним и желаниями нашей либеральной буржуазии. Если бы кто-либо заявил, что он потерял веру в известный путь, но охвачен желанием все же итти и дальше по этому пути, то его справедливо сочли бы маниаком. В политике нет маньячества. Есть только все покоряющие себе классовые интересы. Устами г. Маклакова русская буржуазия заявляет, что, даже потерявши веру в возможность мирного исхода из современного положения, она все же будет стремиться к нему. Интересы буржуазии, боящейся решительной народной ломки крепостничества и предпочитающей этой ломке господство Пуришкевичей, в той или другой ослабленной форме, здесь ясно противопоставлены объективному ходу вещей, влекущему страну к «грядущему потрясению». В нелепой форме противопоставления «веры» и «желания» вскрылась, таким образом, основная причина всего практического бессилия, всей идейной трусости,—короче, всего контр-революционного характера нашего либерализма. Люди наивные или плененные либеральным обманом не раз недоуменно разводили руками по поводу нашего «кадетоедства». Между тем резко отрицательное отношение рабочей партии к русскому либерализму и его политической работе весьма просто объясняется резко-отрицательным отношением русского либерализма к «грядущему кризису».

Страна идет к кризису—это ясно всем, это признают все либералы, это признает г. Маклаков. Организованная пролетарская партия прилагает все усилия к тому, чтобы этот поворотный момент в русской истории был встречен демократией во всеоружии. И тут-то на ее пути встает либерализм со своим решением во что бы то ни стало отстаивать «мирный путь».

«Кризис» это — объективно — попытка трудящихся собственными силами окончательно сбросить с себя путы феодализма. «Мирный исход»—это сохранение феодальных пут в той или другой форме, это медленный процесс взаимоприспособления старых господ и новых форм жизни, процесс, покупаемый ценой огромных страданий и громадной задержки в развитии страны. «Кризис»—даже если бы его задачи и не были непосредственно

воплощены—оставляет свой след в огромном сплочении трудящихся, в миллионах пробужденных к политической жизни людей. «Мирный исход» всегда поддерживает забитость и дезорганизованность масс и опирается на нее.

Политическая работа, выполняемая партиями, связывающими свои задачи с «кризисом», и политическая работа, выполняемая либерализмом, сталкиваются в непрерывном противоречии, поскольку либерализм противопоставляет «возможности кризиса» свое «желание» во что бы то ни стало отстоять путь развития, выгодный на деле только Пуришкевичам и Гучковым.

Заявление г. Маклакова пришлось как нельзя более кстати, ибо оно, с одной стороны, подводит итоги всей политики русского либерализма (оговорочки г. Милюкова никакой роли тут сыграть не могут), а с другой—дает нам как нельзя более ясную картину распределения общественных сил на пороге нового революционного подъема.

Этот подъем идет из рабочих кругов. Он идет, как у нас «принято» выражаться, под «неурезанными лозунгами[1])». Содержание, смысл этого подъема—в подготовке новой попытки раскрепощения страны. Этому подъему и этому содержанию либерализм противопоставляет свое отрицание, свое желание... покончить дело миром, соглашением с реакционным дворянством. По этому пути его толкают, конечно, не моральные качества его вождей, а голые классовые интересы буржуазии. Общественный подъем встречает, таким образом, врагов не только непосредственно в господах положения, но и в буржуазном либерализме. Нет сомнения, маклерская роль либерализма заставляет его считаться не только с интересами реакции, но и с высотой общественного подъема. При данной высоте общественной волны либерализму может казаться, что «мирный исход» может быть куплен таким-то количеством «реформ»—конечно, остающихся на бумаге, и к воплощению которых сами-то либералы, кроме почтительных увещеваний власти, никаких других усилий не делают.

При подъеме волны каталог этих реформ до известной степени расширяется.

---

[1]) Так было „принято" выражаться, конечно, ради цензуры. В легальной печати мы не могли точно назвать свои последовательно-революционные лозунги (низвержение монархии, конфискацию помещичьих земель, 8-часовой рабочий день) и отстаивали их под именем „неурезанных" в противоположность „урезанным", „сокращенным" лозунгам меньшевиков. Иначе еще наши лозунги фигурировали в легальной печати под псевдонимом „три кита".

Это не мешает тому, что каждая новая и более высокая ступень, которой достигает волна подъема, должна быть куплена ценой борьбы с либерализмом и его развращающей проповедью.

На пороге нового подъема разоблачение либерализма и его предательской тактики становится опять неизбежным элементом партийной работы.

Сегодня—та, завтра—другая тема, но борьба с либерализмом, как с противником «подъема» и активным бойцом за «мирный исход», будет занимать все больше места в ходе просвещения масс и их подготовки.

НА ПОРОГЕ РЕВОЛЮЦИИ *).

На происходившем недавно съезде партии 17-го октября ее руководитель А. Гучков сказал: «Попытка октябризма примирить власть и общество потерпела неудачу... Нашему терпению пришел конец одновременно с нашей верой... Мы идем к неизбежной, тяжелой катастрофе».

Партия октябристов была во все время контр-революции главной и серьезнейшей поддержкой правительства. Ее руководитель Гучков—завзятый реакционер, друг Столыпина, московский купец, готовый стать на колени перед любым временщиком, который покажется ему гарантией от народной революции.

И если подобная партия устами подобного политического деятеля заявляет, что она потеряла веру в правительство, это значит, что революция действительно стучит в дверь романовской монархии.

Устами Гучкова говорил страх и отчаяние, страх перед надвигающейся народной бурей и отчаяние в способности господствующего режима предупредить эту грозу.

В декабре 1905 года, во дворце усмирителя восставшей Москвы был заключен союз между дворянством, октябристской буржуазией и шайкой лакеев царя во имя подавления крестьянской и пролетарской революции. В 1907 г. этот союз был оформлен в виде создания Государственной Думы, из которой были изгнаны представители народа и которая была отдана под надзор Государственного Совета и придворной камарильи.

Введя военно-полевые суды, поставив тысячи виселиц, превратив суд в застенок, сослав на каторгу социал-демократических депутатов, отдав население на поток и разграбление местным сатрапам, «облеченным» чрезвычайными «полномочиями», огра-

*) „Социал-Демократ“, № 32 от 15 декабря 1913 г.

бив права у рабочих и отдав деревню кулакам и стражникам, контр-революция полагала, что тем самым она раз навсегда положила предел революционному движению.

Буржуазия немедленно же впряглась в колесницу победителей ненавистной революции.

Октябристы продались реакции целиком, кадеты поддерживали ее, все дальше и дальше отходя от демократии и отказываясь от собственных лозунгов и собственной программы 1905 года. Революция казалась похороненной, а контр-революция обеспечившей себе на долгие годы господство. Среди примыкавшей к рабочему движению интеллигенции это создало ликвидаторское течение, которое вполне последовательно пришло к отрицанию необходимости и нелегальной организации и широкой массовой агитации революционных лозунгов. При первых же шагах пробуждения широкого стачечного движения ликвидаторство предостерегающе зашипело на рабочих. Ему казалось, что революционные выступления рабочих масс помешают буржуазии стать на путь реформ. А, ведь, на буржуазный реформизм и возложило все свои надежды ликвидаторство с того момента, как оно отвернулось от социал-демократической партии.

Всякий сознательный рабочий поймет теперь, что развитие общественной борьбы в России идет совсем не по тем путям, которые указывало ему ликвидаторство.

Буржуазия переходит в оппозицию своему недавнему союзнику только под влиянием начавшегося революционного движения.

Только «стачечный азарт» миллионов рабочих мог побудить октябристов заговорить о необходимости и спешности реформ.

Только угроза непрекращающейся массовой политической стачки заставляет буржуазию разных оттенков подняться с колен перед торжествующей реакцией и предъявить ей свои требования.

Рабочему классу выгодно вносить дезорганизацию и колебания в ряды своих врагов. Но средства для этого не в уступчивости, не в сокращении его требовательности, не в укорачивании его лозунгов,—что проповедуют ликвидаторы,—а только и исключительно в дальнейшем развитии его борьбы и отрицании им всякого реформизма, в неуклонной пропаганде в широких народных массах требований 1905 года. «Левение» буржуазии, отказ ее связывать свою судьбу с судьбой царского правительства—есть только слабое отражение того революцион-

ного стачечного движения, которое с апрельских дней 1912 г. волной катится по всей России.

История России после революции 1905 г., как и вся ее история до 1905 г., показала, что только рабочее движение является действительной и решительной угрозой романовской монархии. Но это при одном условии: если само это рабочее движение идет по пути революционной социал-демократии, а не по пути оппортунизма, легализма и либеральной рабочей политики.

Вот почему борьба со всеми этими уклонениями от пути классовой политики пролетариата становится тем решительнее в рабочих рядах, чем ближе мы подходим к моменту решительной битвы между господствующим режимом и революцией, во главе с пролетариатом.

Мы должны сознательно стремиться к тому, чтобы в решительный момент в рядах пролетариата не было колеблющихся, не было бессознательных потатчиков либерализма.

Левение буржуазии, ее критика современного правительства, ее недовольство им вызваны массовой политической стачкой российских рабочих. И эта критика, и это недовольство выгодны рабочим массам, ибо они расшатывают господствующий режим, ослабляют его, лишают его веры в свои собственные силы. Но рабочий класс должен отдать себе отчет в том, что буржуазия, становясь в оппозицию к современному режиму, совсем не перестает быть врагом рабочего движения и революции.

Нападая на правительство, буржуазия нападает на него именно за то, что оно не умеет предупредить революции, за то, что оно создало в стране возбуждение, которое «сметет и нас и вас», как выразился какой-то октябристский князь, обращаясь к правительству. Она требует «реформ», но реформ во имя предотвращения революции. Ни одна из буржуазных партий не станет серьезно вопрос об изменении основ 3-ииюньского режима, о коренной ломке существующей системы.

Все они стремятся лишь к более или менее узким поправкам и поправочкам к этому режиму. Все они обманывают народ насчет возможности этих «поправок» при сохранении монархии и помещичьего землевладения, т. е. при сохранении политического и социального господства дворянства, во главе с Николаем. Поэтому их «реформизм» великолепно уживается с самым яростным походом против рабочего движения. Отвержение запросов социал-демократов о рабочей печати, о вмешательстве в стачки, о социал-демократических депутатах II Думы, спешная подготовка специального закона, который должен убить

всякую возможность рабочих газет, судебное преследование стачечников—все это делается не только при поддержке, но при активном соучастии тех самых «имущих буржуазных классов», которые всеми своими жизненными интересами связаны с мирной эволюцией государства, и от имени которых говорил Гучков. В «мирную эволюцию», которую защищает буржуазия и во имя которой она требует реформ, необходимым элементом входят насилия над демократией и ожесточенная борьба против рабочего движения.

Мирная эволюция в устах буржуазии есть соглашение о мире с Пуришкевичем за счет народа. Г.г. Гучковы, как и г.г. Милюковы, могут очень долго и настойчиво спорить с Пуришкевичами об условиях этого мира, могут даже грозить перерывом переговоров и, уходя, громко хлопать дверьми,—это не изменяет того факта, что реформизм русской буржуазии есть только стремление к новой сделке с дворянством и царизмом за счет нужд и потребностей крестьян и рабочих.

Разоблачение этого характера реформистской проповеди русской буржуазии является ближайшей задачей той партии, которая хочет и должна готовить народные массы к новой революции.

Мы входим—это уже ясно видно—в полосу либеральной болтовни о реформах.

Общественные съезды, всякого рода либеральные банкеты, конференции и собрания будут теперь усиленно обманывать словами демократию о реформах, об осуществлении манифеста, о том, что реакция изжила себя. Задача социал-демократии заключается в том, чтобы либеральной болтовне о реформах противопоставить усиленную, непрерывную, пользующуюся всякой и каждой кафедрой проповедь р е в о л ю ц и и и революционных лозунгов.

От энергии этой революционной, пролетарской проповеди и от настойчивости партии в деле организационного сплочения сил революционного пролетариата зависит исход завязавшейся борьбы. Всякое колебание в сторону реформизма есть на деле измена делу подготовки революции.

Никаких уступок реформизму, все силы на углубление, расширение и обострение в самых широких кругах населения—как в деревне, так и в городе—лозунгов революции. Только при полной свободе от всяких реформистских шатаний в своих собственных рядах организованный пролетариат сумеет исполь-

зовать целиком в интересах революции реформистские колебания в рядах буржуазии.

Революционная позиция пролетариата России находит себе выражение в массовой революционной стачке. Либеральный оппортунизм находит себе выражение и в нападках на революционную стачку и в попытках скрыть ее революционное содержание.

В конце 1912 года ликвидаторство объявило массовую революционную стачку вредным «азартом», уже дошедшим до грани и неспособным производить какое-либо впечатление.

В июле 1913 года ликвидаторы в Петербурге попытались сорвать стачку, уже объявленную и подготовленную социал-демократической партийной организацией. По достоинству они получили за это кличку штрейкбрехеров.

Они убедились тогда, что их открытая борьба с революционной стачкой не только не способна поставить их во главе движения,—к чему они так стремятся и в чем они так неизбежно терпят крушение к огорчению всех либералов,—но безнадежно компрометирует их в глазах рабочих масс.

Они изменили тогда свою тактику борьбы с революционным движением русских рабочих. Не осмеливаясь больше выступать против революционной стачки, они пытались извратить ее содержание, лишить ее революционного характера.

Стачка 6-го ноября, вспыхнувшая как раз через год после того, как ликвидаторы объявили массовую стачку «мертвой», была объявлена в ликвидаторской печати стачкой во имя требования коалиционных прав. Жалкая ликвидаторская увертка нуждается для своего разоблачения, однако, только в одном: в сопоставлении ее с той сотней резолюций, принятых на фабриках и заводах, которые поступили в редакцию марксистской газеты [1]). Эти резолюции свидетельствуют, что рабочие стачечники своим революционным выступлением сумели сделать то, что не умеет сделать либеральная рабочая политика: они сумели связать свое требование свободы классовой борьбы пролетариата с основным лозунгом ниспровержения всех основ существующего режима. Либеральный рабочий политик отрывает одно от другого; свобода коалиций в его устах становится частичным требованием, требованием реформы, заменяющей революционный лозунг борьбы со всем строем. А сотни тысяч рабочих-стачечников, исходя из ясной потребности рабочих масс в свободе

---

[1]) Т.-е. „Правды".

классовой борьбы, делают своим лозунгом не реформу, не поправку к существующему законодательству, а ниспровержение тех сил, которые это законодательство держат в своих руках: ниспровержение монархии и дворянства. Либеральный рабочий политик, всеми силами пытаясь лишить стачку ее революционного содержания, тормозит развитие революционного сознания в широких массах.

Рабочий-стачечник, поднимаясь от данного частного повода протеста к общим вопросам всей политической жизни страны, гонит вперед все общественное развитие страны, обостряет все вопросы, привлекает внимание всех отсталых и всей страны к основному вопросу момента: к революционной борьбе против 3-еиюньского режима во имя полной демократии и во имя высших интересов социалистического пролетариата.

Социал-демократический депутат, представитель революционных петербургских рабочих, тов. Бадаев, сказал с трибуны Государственной Думы—во время подготовки стачки 6-го ноября,—что за свободу коалиций мы будем бороться со всяким буржуазным правительством, с республиканским в том числе.

Но с царской монархией, с правительством объединенных дворян мы боремся не за то, чтобы о н о д а л о н а м с в о б о д у коалиций, а за то, чтобы оно было окончательно и решительно ниспровергнуто. Стачка 6-го ноября показала еще раз совершеннейшую правильность того решения партии, которое призвало всех революционных социал-демократов «всесторонне поддерживать и развивать» массовую политическую стачку, как орудие просвещения, революционного воспитания и сплочения широких масс. Этого характера революционного орудия, направленного не к частичному изменению режима, а к его полному ниспровержению, не смогут отнять у массовой политической стачки ни либеральная ложь, ни ликвидаторские увертки.

Против колебаний и предательства растерявшейся буржуазии, против либеральной проповеди реформизма, против ликвидаторских попыток подменить лозунги революции лозунгами частных уступок—революционный пролетариат выдвинул и продолжает развивать массовую политическую стачку с лозунгами коренного, революционного преобразования существующего режима.

Революция надвигается,—это чувствуют все. Она будет тем решительнее и пролетариат завоюет в ней тем больше опорных пунктов для своей дальнейшей борьбы за социализм, чем решительнее уже сейчас отвернется он от всякого реформизма,

от всяких колебаний в сторону либерализма, чем резче подчеркнет он—и для себя и для других—свою позицию непримиримого борца со всеми основами романовской монархии и 3-е-июньского господства дворян и контр-революционной буржуазии.

Статья „На пороге революции“ была напечатана в последнем № нашей нелегальной газеты, вышедшем до мировой войны. Она, как и ряд предшествующих ей, рисует положение революционно-пролетарского движения к самому началу 1914 года. С этого момента нарастание революции шло гигантскими шагами вперед, дойдя через ряд бурных и беспрерывных столкновений к июлю 1914 г. до открытой баррикадной борьбы на улицах Петербурга. Революционное движение было задавлено только объявлением войны, введением военного положения, мобилизациями и т. д. и пробудилось лишь через $2^1/_2$ года на новой и более широкой основе.

Первая половина 1914 г. остается одной из самых интересных и знаменательных эпох в истории русского рабочего движения. Революция шла полным ходом вперед. Массовые стачки всколыхнули рабочую массу до самого дна. Наши депутаты в Думе превратили думскую трибуну в рупор революционного движения. „Правда“ стала в те месяцы поистине органом миллионов трудящихся. Меньшевики-ликвидаторы снимались со всех „постов“ в рабочем движении. Профсоюзы один за другим переходили к большевикам. Либералы и ликвидаторы неистовствовали. Реакция металась в бессилии.

Я мог наблюдать это движение совсем вблизи. В феврале 1914 г. я по поручению нашего Ц. К. переехал границу и вступил в обязанности редактора „Правды“ и руководителя нашей думской фракции. Я надеюсь когда-либо рассказать подробно о тех славных днях, использовав для этого статьи, заметки и письма того времени, не вошедшие в этот сборник.

КОЕ-ЧТО ИЗ ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ [1]).

СЛАВЯНСТВО И ПРОЛЕТАРИАТ *).

На банкете белградской городской Думы, устроенном по поводу софийского славянского съезда, граф Бобринский, обещал завещать своим детям «священную обязанность разрешить сербский вопрос». Торжественность и возвышенность выбранной красноречивым графом формы не могла скрыть того обстоятельства, что за ней скрывалось сознание в бессилии русской контрреволюции разрешить не только сербский, но ни один из так называемых славянских вопросов.

Два года тому назад, опьяненная победами над революцией и—до глубины души—трепещущая ее, буржуазия и крепостническая реакции, одинаково, пытались укрепить себя и царизм в России возобновлением активной политики на Балканах. Гучков—во главе комиссии государственной обороны, Милюков—во главе «славянского» хора, поддерживающего Извольского, Струве—во главе застрельщиков идеи «Великой России», польское на-

---

[1]) Я перепечатываю здесь очень небольшой ряд статей, связанных с вопросом международной жизни. Цель перепечатки: показать, что и в этой области большевики еще до мировой войны намечали те исходные пункты, которые во время войны и после нее нам приходилось только развивать дальше. Конечно, тогда эти пункты мы могли только намечать, только нащупывать. Особенно это заметно на заметке о хемницком с'езде, где—независимо от общего всем нам тогда глубокого уважения к Каутскому—уже намечается критическое отношение к его роли „охранителя" старых традиций германской партии и к его сопротивлению „новым веяниям" революционной эпохи. Там же позиция Каутского названа позицией „центра", между тем статья написана почти за 2 года до войны. Прим. к наст. изд.

*) „Социал-Демократ", № 15—16 от 20 октября 1910 г.

родовцы, ищущие решения вопросов о русско-польских отношениях в беседах с нововременцами,—все силы буржуазной нации были к услугам «миссии» царизма на Ближнем Востоке. И только «упрямые» Пуришкевичи да Меньшиков не уставали твердить, что для русской контр-революции, ползанье у ног Вильгельма представляет гораздо больше гарантий устойчивости, чем примеривание сокольских костюмов графом Бобринским и Маклаковым.

Подтверждение их правоты и прозорливости пришло с совершенно неожиданной стороны: со стороны турецкой армии.

Уступив Болгарии—независимость, а Австро-Венгрии—фактически находившиеся в ее обладании Боснию и Герцеговину, турецкая революция обнаружила на Черном море силу, способную в очень большой степени охладить мечты русских «славян» о Балканском полуострове.

В этом и кроется причина того, почему эта революция была встречена не только зубовным скрежетом русских профессионалов контр-революции, но и весьма кислой миной «неославянского» либерализма.

Крушение Турции Абдула Гамида во внутреннем революционном кризисе было не нарушением того и иного § Берлинского трактата, но покушением на самые его основы. Немудрено, что противоречия сталкивающихся на Балканах интересов, до поры до времени прикрывавшиеся гладкостью стиля дипломатической переписки, должны были сказаться после этого по всей линии, и с быстротой — удивительной только для канцеляристов министров иностранных дел—перенести все вопросы на почву открытого сопоставления сил армейских корпусов. Но—на всех пунктах современной Европы—энергия этих сил лишь отражает энергию капиталистического развития данной страны.

В этом соревновании шансы российской контр-революции были заранее сочтены, и именно этот факт принужден был сообщить балканским славянам эмиссар российской контр-революции на Балканах, сказавши в уже цитированной речи: «недавно как будто пробил час, когда Россия должна была откликнуться на сербские дела, но вы знаете, что мы должны были молчать, и со скрежетом зубовным мы молчали».

Но царизм, «принуждаемый к молчанию» как раз в тот момент, когда следовало говорить, представляет мало интереса для тех групп славянской буржуазии различных государств и обла-

стей, для которых его политика на Балканах должна была стать орудием их борьбы с германским капиталом.

Через два года, после петербургских совещаний и пражских торжеств, Софийский съезд превратился, поэтому, в более или менее торжественные похороны «неославизма»,—славизма, желавшего опереться на контр-революционную Россию. И когда представитель буржуазии наиболее развитой в индустриальном отношении славянской области, чем Крамарж, при виде крушения своих надежд на русскую контр-революцию лишил ее представителей звания «славян», он не только мстил ей за неудачу своей антрепризы, но и констатировал выключение столыпинской России и системы сил, способных противостоять немецкому капиталу на Балканах.

Этого крушения панславизма не могут уже скрыть ни «обещания» Бобринского, ни призывы «России» к борьбе с «германизмом», ни воспевания «великой роли» Софийского съезда «Голосом Москвы», но это крушение не обозначает еще ни прекращения разбойничьей игры России на Балканах, ни, вообще, освобождения балканских государств от роли постоянной приманки империалистических аппетитов «великих держав».

Разбитый на ряд отдельных государств, истощаемый кучей династий, ввергнутый корыстными интересами буржуазии государственно-разрозненных областей—здесь переплетающимися с династическими интересами—в сумятицу непреходящих национальных междоусобиц, не могущий в этой обстановке преодолеть своей социально-экономической отсталости, Балканский полуостров останется поприщем «панславянских» интриг царизма и биржевых сделок империалистского капитала до тех пор, покуда в федерации балканских государств он не найдет достаточных рамок развития собственных производительных сил.

Лозунг «федеративной республики на Балканах», провозглашенный балканской социал-демократической конференцией и выдвинутый болгарской социал-демократической партией на десяткак собраний-протестов против Софийского съезда, отмечает путь борьбы пролетариата Балканского полуострова.

Поддержка этого лозунга российским пролетариатом станет для него способом разоблачения «панславизма» российской буржуазии.

Кадеты и народовцы, получив в ответ на свое пресмыкательство перед, во время и после Пражского съезда, перед, во время и после визитов в Англию новую парочку государственных переворотов—«Финляндский закон» и «закон о западном земстве»—

потеряли ко времени Софийского съезда какую бы то ни было возможность без прямого ущерба для своих отношений со своими избирателями продолжать вкупе и влюбе с Бобринским и «Новым Временем» выращивать дерево «панславизма».

Эти крысы поторопились покинуть гибнущий корабль покровительствуемого «Россией» и Новым Временем» панславизма в тот момент, когда он принял естественный для него вид откровенной демонстрации принципов русской контр-революции на Балканах.

Но раскол среди русских и польских буржуазных «славянофилов» отнюдь не обозначает еще отказа отказавшихся от поездки в Софию кадетов и народовцев от эксплоатации тех самых элементов «славянской солидарности», которые пытается эксплоатировать и царизм.

Роль, сыгранная на «Грюнвальдских торжествах» кадетами и народовой демократией, свидетельствует об этом совершенно ясно, и попытка г. Родичева отгородиться от польских социал-патриотов, нашедших нужным вмешаться в этот праздник мелко-буржуазного национализма, при помощи лозунга «автономия Польши» не может заставить забыть, что та же кадетская партия, представителем которой явился в Кракове г. Родичев, еще в эпоху Пражского съезда толкала поляков на путь неославизма указанием на то, что иначе «правительство будет твердить о нелойяльности поляков» (Речь», № 116, 1908 г.).

Эта «славянская» политика русского либерализма,—который сегодня заседает на Пражском съезде, болтая о н е о-славизме, а завтра принужден отказаться от участия на съезде Софийском, ибо «оказалось», что этот либеральный «неославизм» целиком использован, как «оружие для старых политических целей» русской реакции (см. «Речь», № 190, 1910 г.), политика, позволяющая ему сегодня апеллировать к государственной «лойяльности» поляков, а завтра под ударами торжествующей государственности русских националистов подчеркивать «польские права», как необходимое условие успешности всего предприятия «неославизма»,— не может обмануть кого-либо, кроме тех, кто—как народовцы— желает быть обманываем на счет «балканских» аппетитов российского капитала, которые лежат в основе «славянских» чувств либерализма.

Для русского и польского пролетариата националистический поход русской контр-революции, германофобский шовинизм польской и русской буржуазии, национал-патриотические стремления польского мелко-буржуазного социализма лишь подчерки-

вают необходимость противопоставить этому походу и этим стремлениям лозунг единства интересов пролетариата Польши и России, лозунг борьбы за автономную Польшу на почве общей демократизации политического строя России.

«Славянофильство» русской и польской буржуазии запнулось, одновременно, и о бессилие контр-революции на Балканах и о русско-польские отношения. Неспособная сама «решить» ни один из «славянских» вопросов, контр-революция способна, однако, в одинаковой степени отдалять их решение и в Польше и на Балканах. Борьба с русской контр-революцией становится необходимым прологом решения вопросов, стоящих перед пролетариатом всех славянских стран.

Автономия Польши и федеративная республика на Балканах—вот два неразрывные лозунга, исчерпывающие «славянский» вопрос и «славянские» чувства российского пролетариата. Противопоставляя их национализму и славянофильству царизма и буржуазных партий, он воплощает в них международную солидарность пролетариата всех стран, ибо тот и другой лозунг предусматривают такое решение «славянских вопросов», которое—революционизируя все отношения капиталистической Европы—освобождает международный пролетариат от обязанности уплачивать расходы по счетам биржевиков и династов, для которых и национальная рознь и «освободительные» войны одинаково служат лишь предметом выгодных спекуляций [1].

---

[1]) Статья написана в 1910 г., когда государственную независимость Польши не выставляла своим лозунгом ни одна из польских партий, если не считать, конечно, партии Пилсудского, работавшего тогда за счет австрийцев. Однако, выставляя для того момента против романовской монархии лозунг „автономии Польши", мы, конечно, не забыли своей обязанности поддержать и лозунг „независимость", если бы он явился волею широких масс польского населения. Этот взгляд отстаивал уже тогда т. Ленин в своей полемике с польскими социал-демократами. См. далее развитие этой темы в моей работе 1916 г. „Империализм и Восточная Европа". Прим. к наст. изд.

РЕВОЛЮЦИЯ НА ВОСТОКЕ *).

Европа и Азия.

С тех пор, как войной 1870—1871 г.г. был решен вопрос о слиянии десятков немецких княжеств и королевств в единое национальное государство, в Германскую Империю, в центре Европы, а войной 1877 года были созданы условия для образования независимых славянских государств на юго-восточной ее оконечности,—центральное место в вопросах международной политики перешло к вопросам колониальным. За последнюю четверть XIX века трудно указать эпоху, которая не находилась бы под угрозой вооруженных столкновений европейских держав, и эта угроза постоянно вырастала на почве бешеного соревнования капиталистических государств из-за вне-европейских владений. Дикая и непрерывная свалка капиталистических акул, ежеминутно ставящая на карту интересы мира, уже сама по себе показывала и показывает, какие серьезные интересы современного капитализма связаны с колониями. А анализ экономических отношений между Европой и азиатскими и африканскими странами показывает, что современный европейский общественный уклад весь держится на колониальной политике. Известный и русской публике австрийский социал-демократ Отто Бауэр совершенно прав, когда пишет (в австрийском с.-д. ежемесячнике «Борьба»): «Все европейское народное хозяйство теснейшим образом связано с Востоком: на Восток посылает европейская индустрия свои товары, от него получает сырье, он доставляет европейскому капиталу чудовищную дань в виде процентов на миллиарды, вложенные в его железные дороги, пароходные кампании, фабрики, предприятия, государственные займы. Вся европейская система государств держится и падает с господством над восточными странами: азиатские и африканские владения—базис мирового владычества, их расширение—

*) „Звезда", № 1 от 6 января 1912 г.

цель мировой политики. Экономически и политически Европа связана бесчисленными нитями с миром Востока». Эта-то, отмеченная Бауэром, связь между общественным укладом современной Европы и вне-европейскими странами и делает то, что азиатские события приобретают мировое значение, привлекают мировое влияние, ставя на очередь мировые вопросы.

«Великая стена», отделяющая не только Китай, но и все страны будто бы «недвижной» патриархальной и военно-родовой культуры от стран развитой промышленности, давно рухнула под ударами капитализма. Рухнула для того, чтобы на первых порах предоставить в распоряжение европейского капитала богатейший объект всесторонней эксплоатации. Всюду, куда бы он ни проникал, даже в странах с собственной древней культурой, он находил дезорганизованные, лишенные национального сознания, рассаженные по сословным клеткам, погрязшие в первобытных суевериях массы народа, над которыми господствовали земельные феодалы и жрецы. И народ и туземные эксплоататоры были бессильны противопоставить что-либо иноземному капиталу, поскольку сами стояли на почве до-капиталистических порядков. Варварство патриархальное бессильно против варварства капиталистического.

Совершенно естественно, что эксплоататоры местные, князьки, вожди, мандарины и жрецы очень быстро сознали соответствующий вывод из своего бессилия: они поняли, что их интересы гораздо ближе к интересам чужеземцев, чем к интересам своего народа. С своей стороны, европейский капитал был очень мало озабочен *формой* своего господства, раз это господство само по себе было ему обеспечено. Он практиковал самые различные методы: поддерживая «независимость» одних провинций, оккупируя другие, здесь поддерживая данную туземную династию, там—низвергая ее, он всюду руководствовался лишь реалистическим расчетом собственной выгоды и с одинаковой методичностью и хладнокровием действовал и ружьем, и подкупом, и ядом, и миссионером. Но капитализм по существу своему движется в кругу постоянных и все разрастающихся противоречий. Сея насилие и эксплоатацию, он пожинает бурю. Самые хитроумные государственные мужи—эти приказчики капитала—и самые предусмотрительные дипломаты — эти профессиональные иезуиты современного мира—в определенный момент оказываются неспособными справиться с теми силами, которые ими же вызваны в жизни. Логика капиталистического развития оказывается сильнее самых хитроумных расчетов капиталистических клик.

Разбуженная европейским капиталом и на первых порах бессильная перед ним, Азия ныне отказывается быть его безгласным данником. Но, чтобы добиться этого, народы Азии должны в первую очередь преобразовать свои внутренние отношения, сложиться в независимые государства на почве современных отношений.

Азия хочет итти по стопам европейского цивилизованного человечества. Но, так уж сложилась история, что первые же шаги по этому пути должны нанести непоправимые удары всей системе отношений, господствующих в Европе. Буржуазно-демократическое пробуждение Азии наносит удар буржуазному господству в Европе, приближает момент его окончательного крушения. Вот почему вся буржуазная пресса Европы охвачена мрачными предчувствиями и с ужасом смотрит на надвигающиеся с Востока—«черные тучи», вот почему и все европейские правительства мечутся в бессильных поисках таких «комбинаций», которые могли бы затушить разгорающийся пожар; вот почему эпидемия ренегатского отказа от собственных принципов охватила все радикальные и либеральные фракции буржуазии, еще недавно готовые похвалиться своей преданностью принципам «декларации прав человека и гражданина». Осуществление этих «прав» в Китае, в Персии, в Индии, в Северной Африке не предвещает им ничего хорошего.

XIX и XX века.

Революция XIX века,—это революция буржуазно-демократическая и национальная, революция XX века,—это революция пролетарская и интернациональная. Азия переживает теперь свой XIX век. В Европе буржуазно-демократический переворот и образование национальных буржуазных государств заняли $^3/_4$ века. Нет никакого сомнения в том, что в Азии отношения революционизированы настолько, что соответствующий процесс в ней может протечь гораздо быстрее. Соревнование с европейскими народами, опыт последних, высшая ступень достигнутая мировым капитализмом—все это будет толкать вперед процесс развития азиатской демократии. Но все это вместе с тем будет и сильнейшим образом обострять борьбу. Азиатскому движению приходится развиваться в такой международной обстановке, где все противоречия доведены до крайних граней. Противодействие европейских держав, конечно, не остановится ни перед чем. А тяжелое наследие предшествующей истории, наследство Абдула-

Гамида, Магомета-Али, пекинских царедворцев долго еще будет заграждать дорогу свободному развитию.

Италия, Россия, Англия уже находятся в открытой войне с азиатскими народами. Театр войны покуда охватывает Северную Африку и Среднюю Азию, но не будет ничего удивительного в том, что он перенесется и на Дальний Восток, на поля Монголии и Маньчжурии. С другой стороны, азиатские революции в пределах собственных стран наталкиваются на трудности, представляющие наследие старого режима. Новая Турция запутывается в сетях, расставленных еще старым султаном в виде ожесточенной междуплеменной розни. Новая Персия задерживается в своем развитии почти полной разрозненностью отдельных родов, культивировавшеюся старым режимом. Новому Китаю грозит расчленение. В том бушующем океане, который представляет сейчас Азия, тысячи течений политических, социальных, национальных, религиозных, сословных сталкиваются, ищут собственного определения, расходятся, вступают в соревнование. Среди этой бури европейский капитал отнюдь не потерял еще надежды сыграть руководящую роль и найти новый базис для продолжения своей старой грабительской политики. И было бы наивным оптимизмом думать, что один порыв революционной бури способен радикально оздоровить азиатские государства и проложить дорогу азиатской демократии. Слишком велико сопротивление извне и слишком еще сильны навыки, воспитанные веками рабства внутри, чтобы первый шаг революции привел к желательным результатам. Азия только вступает в длительную полосу революционных потрясений,—потрясений, которые могут закончить свой цикл лишь тогда, когда в них будут сожжены тысячелетние предрассудки, вековые династии и самые границы царств и империй передвинуты и перекроены. Процесс классового и национального расслоения азиатских народов не может не протечь под революционными ударами, так же как рождение буржуазной Европы ознаменовалось длинным рядом революций и революционных войн.

Азия в XX веке призвана осуществить те задачи, которые перед Европой встали в конце XVIII и в XIX в.в.

Это значит, что принципиально те же, европейские задачи Азия будет разрешать в существенно-измененной обстановке. Революционная Европа XIX века имела за своей спиной, на Востоке, неподвижные и мало-интересовавшиеся ее делами варварские государства. Революционная Азия имеет перед собой кровно заинтересованное в ее судьбах европейское общество,

непримиримо расколотое на два лагеря, само живущее в предвидении своей социалистической революции.

Революционная Европа XIX века встречала «азиатов» только на полях сражений, только в роли «международных жандармов», продавшихся контр-революционным правительствам. Революционная Азия найдет в Европе не только врагов, но и союзников, заинтересованных в ее дальнейших успехах.

Азиатская демократия и европейский социализм.

Как во всех буржуазно-демократических переворотах интеллигенция играет большую роль в азиатских событиях. Эта интеллигенция воспитывалась большей частью в Европе. Но в Европе сейчас нет других очагов революции, кроме современного рабочего движения. Естественно, поэтому, что революционеры Азии испытали на себе сильное влияние этого движения.

Но это обстоятельство не должно скрывать от нас того, что по существу своему движение азиатской демократии очень еще далеко от идеалов и движения европейского пролетариата. В движении азиатских демократов нет еще ни грана социализма, и это по той причине, что в Азии очень слаб носитель современного социализма—современный промышленный пролетариат. Программа азиатской демократии, однако, от этого не делается менее революционной по своему значению, если примем во внимание условия места и времени. Эту программу можно кратко сформулировать так: свержение старой власти—полное народовластие, национальная независимость.

Эта программа не может вызывать сочувствия буржуазии: она затрогивает интересы ее кармана, она обозначает ограничение ее эксплоатации. Но именно потому эта программа вполне идет по линии интересов современного пролетариата.

Как в начале XIX века по почину Александра I против европейской демократии был организован «Священный Союз» правительств, так и теперь против демократии азиатской действует союз реакционных держав: их соперничество не мешает им быть солидарными в борьбе против революции, где бы она ни поднимала голову. Но если интернациональный характер носит реакция, то и узы солидарности, охватывающие всех искренних борцов за лучшее будущее, не менее широки.

Демократы китайские, персидские, демократы Индии, демократы Египта знают, что их дело общее, а социалистический пролетариат Европы давно уже ждет момента, когда заколе-

блется фундамент реакции в Азии, чтобы нанести свой решающий удар в Европе. Английские, французские, немецкие рабочие с напряженным вниманием следят за ходом дела в Азии, выступая с громким протестом против своих правительств всякий раз, когда последние становятся на пути успехов азиатских демократов. А в этих странах рабочие достаточно организованы и сильны, чтобы правительства раньше, чем решаться на тот или другой шаг, оглядывались на рабочие массы.

Борцы за свободу в Азии знают это, и потому-то Международное Социалистическое Бюро сделалось почти официальным учреждением, куда демократы Азии направляют свои протесты против насильственных действий европейских правительств[1]). Они знают, что, кроме социалистического пролетариата им не к кому апеллировать, но что за то этот класс горой стоит за дело освобождения человечества, где бы знамя этой борьбы не было поднято.

На рубеже Европы и Азии.

Исторически установлен тот факт, что ближайшим толчком, разбудившим к новой жизни народы Азии, были события 1905 г. в России. Из России движение перешло в Персию, в Турцию, всколыхнуло Индию и, наконец, широко разлилось по Китаю, Не менее известно каждому, как живительно и бодряще подействовали события 1905 года и на западно-европейское социалистическое движение. Эти события сыграли международную роль, открыли в истории мира новую, громадной важности эпоху, и, несмотря, на то, что они не имели непосредственного продолжения в самой России, свидетельствует только о собственной ограниченности тот, кто поет им отходную.

Но поскольку события 1905 г. имели интернациональное значение, постольку имел то же, лишь с отрицательным знаком, значение и переворот 3-го июня. Он развязал руки реакции и она воспользовалась этим, чтобы—в первую очередь—стать на пути развития подобных событий в других странах.

С какой бы точки зрения ни посмотреть—с точки зрения интересов мирового прогресса или с точки зрения интересов мировой реакции—России в предстоящих событиях предстоит сыграть решающую роль. В ней узел, в котором сошлись нити будущего.

---

[1]) Писано в 1912 г. 2-й Интернационал так же предал дело азиатских и вообще колониальных революций, как и дело европейских рабочих. Организующим и идейным центром освобождения колоний европейского капитала стал Коммунистический Интернационал. Прим. к наст. изд.

С'ЕЗД В ХЕМНИЦЕ *).

Подводя итоги очередному съезду партии, центральный орган германской социал-демократии назвал его съездом «деловым». Это так. Хемницкий съезд, конечно, не сыграет в истории партии той роли, которая принадлежит, например, дрезденскому съезду. Но, несмотря на этот, можно сказать, будничный характер хемницкого партейтага, он представляет большой интерес для всех марксистов.

Дело в том, что германская социал-демократия вошла в эпоху искания новых методов борьбы. Эти искания порождены всем развитием социал-политических отношений в Германии и потому они неизбежно сказываются при обсуждении самых «будничных» вопросов, при самом «деловом» отношении к последним. Старый партийный аппарат работает великолепно. Доказательство—последняя избирательная кампания, давшая партии блестящую победу.

Но жизнь предъявляет к партии новые препятствия, ставит ее перед новыми задачами. Обострение классовой борьбы, рост возмущения в массах под влиянием империалистической политики, превращение самой партии в самую сильную массовую, народную партию с 4 миллионами избирателей и 110 депутатами—все это ставит социал-демократию в такие условия, которых не было ни 20, ни 10 лет тому назад.

В головах ревизионистов это отражается, как признание того, что партия оказалась в тупике, на мертвом пути. Отказ от тактики «отрицания» и непримиримости, сотрудничество с буржуазным либерализмом, «положительная» работа, превращение в партию демократических и социальных реформ—вот тот путь, который рисуется оппортунизму, как ответ на новые условия и на новые задачи.

«Не завоевание государственной власти для совершения социального переворота, а «реальная политика» реформ в союзе

*) „Невская Звезда", № 26 от 16 сентября 1912 г.

с либералами»,—так, приблизительно, формулировал свою точку зрения Эд. Бернштейн в своей книжке, вышедшей за несколько месяцев до съезда. А в предсъездовском № журнала оппортунистов «Социалистические Еженедельники», Кольб прямо указывает, что старая тактика «принципиального отрицания нынешнего государства» и старая «социально-революционная теория», завели партию в тупик, из которого выход только в решительном разрыве и с этой теорией и с этой тактикой, и в откровенном превращении в партию практической работы на почве современного капиталистического государства. Таков ответ оппортунизма на вопрос о дальнейшей тактике партии.

Партейтагу пришлось столкнуться с этим ответом в лице видного оппортуниста Гильдебранда.

Требуя активной, завоевательной политики для приобретения колоний, Гильдебранд пишет: «Рабочие заинтересованы в том, чтобы это было сделано, лишь бы применялись уместные средства». В дальнейшем оказывается, что из этих «уместных средств» отнюдь не исключается война. Став на эту позицию, рабочие, полагает Гильдебранд, приобретут «доверие» либерализма, а, ведь, без союза с последним никакой прогресс в Германии невозможен.

Такой вид принимает «реальная политика» оппортунистов, когда они прилагают ее к конкретным задачам дня.

Нет никакого сомнения, что в рассуждениях Бернштейна, Кольба и Гильдебранда заключается один из возможных ответов на вопрос о новых задачах партии. Но этот ответ исчерпывается советом перестать быть партией социалистического пролетариата[1]). Партейтаг исключил Гильденбранда из партии, не обратив никакого внимания на страстную защиту его оппортунистами, пройдя мимо их криков о «свободе мнений», о «варварском деспотизме и инквизиционном отношении к научным исследованиям». Этим партейтаг показал, что партия хочет остаться партией социализма, что ответ оппортунизма на вопрос о новых путях борьбы и работы для нее неприемлем. А в то же время на левом крыле партии усиливаются голоса, зовущие партию к более энергичному, более решительному переходу к тактике массовых действий, указывающие на необходимость дополнения тактики парламентского воздействия тактикой вне-параламентского давления.

---

[1]) Через полтора года, 4 августа 1914 г., большинство старой германской партии приняло к исполнению советы Гильдебранда, последовало за оппортунистами и, действительно, перестало быть партией социалистического пролетариата. Прим. к наст. изд.

Именно последние годы принесли для германской партии споры между «левыми», между теми элементами партии, которые давно и решительно отмежевались и от бернштейновской «теории» и от гильдебрандовско-кольбовской тактики.

Эти споры пережили уже несколько фазисов, разделив марксистов и в вопросе о массовой стачке в 1910 году и в вопросе об агитации по поводу Марокко в 1911 г., и в вопросе о перебаллотировках в 1912 г. В этих спорах собственно и лежит сейчас центр тяжести идейной жизни партии. Во главе другой—Роза Люксембург.

Ликвидаторы нашей домашней, российской выделки давно уже обратили на эти споры среди левых марксистов в Германии свое благосклонное внимание с специальной целью извлечь из этих споров некоторый «профит» для себя.

Дело в том, что все выдающиеся теоретики германской с.-д. в русских делах стоят на точке зрения «большевизма». Русский оппортунизм решил воспользоваться теперешними спорами между Каутским и Розой Люксембург, чтобы показать, что Каутский «поумнел» и «самоопределился, как меньшевик». Так, по крайней мере, сообщал своим читателям А. Мартынов в «Нашей Заре» в статье по поводу прошлогоднего партейтага.

Этого нельзя назвать иначе, как мизернейшим использованием серьезнейших, имеющих принципиальное значение разногласий европейских марксистов для интересов своей фракционной лавочки.

Суть вопроса в том, что нарастание элементов кризиса в Германии выдвигает и ставит на очередь ряд тактических проблем, ранее в поле партийного зрения непосредственно не стоявших. Обе спорящих стороны стоят на той точке зрения, что вопросы массовой стачки, уличных демонстраций, вне-парламентских форм массового движения стали для германской с.-д. практическими вопросами.

Каутский, наиболее осторожно относящийся к вопросу о своевременности этих форм борьбы, вместе с тем неоднократно утверждал, что обострение классовой борьбы в Германии неизбежно подводит партию к этим вопросам.

Сущность же спора, если посмотреть на него с точки зрения практической политики партии, правильно сформулирована тем же Каутским в статье, посвященной им хемницкому партейтагу.

Споря со сторонниками более активной, более решительной тактики массовых действий, Каутский писал: «То, что кажется в германской социал-демократии недостаточной инициативно-

стью массовых действий, на деле является продуктом наших специфических условий. Ни вождей, ни массы нельзя упрекать в том, что дело идет не так быстро, как этого нам хотелось бы. Но,—продолжает Каутский, вскрывая суть дела,—действительно должны ли мы хотеть, чтобы великие битвы, которых по мере растущего обострения классовой борьбы не избежать и Германии, чтобы эти битвы пришли скорее, чем это есть на деле? Силы наши,—рассуждает Каутский,—при данных условиях растут быстрее сил наших врагов. Нужно ли при этих условиях прерывать этот процесс, беря на себя инициативу массовых наступательных действий?—спрашивает Каутский. И—в противоречии с сторонниками более наступательной политики, в частности с Р. Люксембург,—Каутский приходит к выводу, что условия для подобной тактики еще не созрели.

Можно, даже соглашаясь с Каутским в определении данных общественных условий, в то же время видеть, что пропаганда и агитация его противников слева, их критика недостаточной инициативности руководящих элементов партии,—что эта критика, пропаганда и агитация не только отражают растущие настроения масс, но что они являются необходимым элементом их подготовки к грядущим «великим битвам».

Мы не можем здесь входить в рассмотрение ряда принципиальных вопросов (о роли парламентаризма, о характере надвигающегося кризиса и т. д.), выдвинутых как раз перед съездом спорами в среде радикалов (левых), но и сказанного достаточно, чтобы понять, в какой атмосфере собрался очередной съезд партии. Направо—оппортунисты, прямым путем идущие к ликвидации партии социалистического пролетариата. А на левом крыле, с одной стороны, сторонники более активной, массовой тактики, отражающие настроения низов, с другой,—осторожные вожди партии, защищающие старые пути и не желающие сходить с них до тех пор, покуда переход на новые рельсы не будет продиктован классовым врагом пролетариата [1]). Оппортунисты, конечно, всегда рады поддержать этот «центр» против крайних левых. Под непосредственным руководством этого «центра» и прошел партейтаг.

---

[1]) Увы, они не пожелали сойти с этих путей и тогда, когда классовый враг бросил прямой вызов пролетариату. Мы думали о них лучше, чем они того заслуживали. См. мою статью 1916 г. „Кризис Интернационала“ в сб. „Экономическая система империализма“. Прим. к наст. изд.

ОТ АНАРХИЗМА К ОППОРТУНИЗМУ *).

Путь освобождения рабочего класса, это путь массовой организации и массового действия. Вне этого нет спасения для рабочего класса. Это путь тяжелой, упорной, медленной работы, но зато единственный верный путь. Этот путь освещен марксизмом. Но как в России, так и в Европе марксизм не по плечу многим интеллигентам-рабочелюбцам. Путь, указываемый марксизмом, кажется им и слишком медленным и немножко скучным. Они пускаются критиковать марксизм и предлагают рабочему классу другие, будто бы лучшие пути. С бо̀льшим или меньшим шумом (это зависит от таланта) — и с бо̀льшим или меньшим успехом — (это зависит от состояния рабочего движения) — такие «критики» марксизма периодически появляются в каждой стране. Русским рабочим следует к ним присмотреться, чтобы предохранить себя от возможных ошибок.

Что может предложить тот, кому организация массового движения пролетариата кажется работой слишком медленной и скучной? Одно из двух: или он становится проповедником выступления маленьких, но энергичных кучек, безнадежно махая рукой на всякие формы широкой массовой работы. Или он приурочивает все свои надежды к тем немедленным реформам, которые он думает получить помощью соглашений и парламентских комбинаций с либеральными слоями буржуазии. В первом случае перед нами анархист, во втором — оппортунист. Общее у них то, что они оба отодвигают на второй план массу, самый рабочий класс. В первом случае — энергичное меньшинство, во втором — ловкие депутаты должны принести освобо-

*) „Правда“, № 99 от 1 мая 1913 г. Эрве, которому посвящена эта статья, в 1914 г. окончательно перешел в лагерь националистической буржуазии, а с 1917 г. стал ближайшим соратником Бурцева и вдохновителем французской интервенции. Прим. к наст. изд.

ждение рабочему классу. Ясное дело, что нет ничего легче, как перейти с первой позиции на вторую. Когда анархист разочаровывается в непосредственном успехе своего «энергичного меньшинства», он переходит к надеждам на ловкую работу парламентариев. Он беспощадно издевается над социал-демократией, он не верит в силу и значение массовой работы и по-прежнему остается «критиком» марксизма.

История западно-европейского движения богата подобными перелетами и сознательные рабочие умеют их оценивать. Самый «свежий» пример подобного скачка от анархизма к оппортунизму представляет известный французский журналист Густав Эрве. Это талантливый и смелый человек. Во французской партии его газета заняла самую «левую» позицию. Он окружил себя анархистами. Он яростно критиковал парламентаариев и парламентскую работу. Он издевался над германской социал-демократией за то, что она заменила боевой дух — полными кассами.

Марксизм в его газете объявляется бездушным, убивающим дух рабочих учением. За то на все лады воспевался «новый» социализм, «повстанческий».

За боевую статью против полиции Эрве попал в тюрьму на 4 года. Когда он вышел из тюрьмы, Франция оказалась охваченной лихорадкой национализма. Наш пылкий полуанархист, анти-патриот и анти-ликвидатор не устоял против войны. На последнем съезде французской партии он внес предложение, которое было отвергнуто съездом, как явно затрудняющее агитацию партии—за мир между Францией и Германией. Несмотря на это, он продолжает в своей газете кампанию, доказывая. что французы никогда не помирятся с нынешним положением Эльзас-Лотарингии в Германской империи. Кампания эта как нельзя более на руку националистической прессе. Но мало того, Оступившись на этом камешке, наш бывший «левый» становится самым яростным защитником вообще оппортунистической тактики во внутренних делах. Французское рабочее движение до сих пор не оправилось от того вреда, который принес ему заключенный с десяток лет тому назад оппортунистами блок (союз) с радикальной буржуазией. Эрве этим ни капли не смущается... он выступает с предложением вновь заключить этот, скверной памяти, союз. «Мы сделали большую глупость, разорвав этот союз»,—пишет он. Спасение от реакции он видит не в усилении самостоятельного рабочего движения, а в союзе его с той самой буржуазией, которая служит главным питомником этой

реакции. В прямом противоречии с действительностью и во имя возлюбленного им союза пролетариата с буржуазией, он цинично пишет: «Без радикальной буржуазии социалистическая партия ничего не может». Но как быть с постановлением международных социалистических конгрессов? Ведь, Амстердамский конгресс прямо осудил политику блоков, подобных тому, который проповедует ныне Э р в е. «Пустяки»,—отвечает Э р в е.—«Если блок (длительный союз) противоречит библии, назовите его коалицией или картелью, глупцы»... Этот тон по отношению к постановлениям международных социалистических конгрессов сам говорит за себя: по одному этому рабочие могут судить, чего можно еще ожидать от проповедника нового союза социалистов и буржуазных радикалов.

То, что проповедует Э р в е—самое вредное из того, что вообще можно предложить рабочим, особенно рабочим Франции. Больше всего нуждаются последние в утверждении своей с а м о с т о я т е л ь н о й, независимой от либерализма партии. Только самостоятельная классовая политика пролетариата во Франции, как и в других странах, является действительным оплотом, против всяческой реакции. То, что проповедует Э р в е, могло бы привести лишь к затемнению классового сознания пролетариата.

Пример Э р в е—блестящий показатель того, как легок переход от анархизма к оппортунизму. И то и другое есть только результат влияния мелко-буржуазных элементов на рабочий класс. Но в самом движении рабочий класс побеждает и то и другое, идя своим путем массовой организации. Он не надеется ни на «энергичное меньшинство», которое за него будто бы способно одним ударом добыть ему освобождение, ни на союз с буржуазными партиями, которые будто бы способны реформами улучшить его положение: он надеется только на собственные силы, организуемые под знаменем марксизма. Он отмечает «критиков» марксизма слева и справа, убеждаясь, что они по существу едино суть...

НА БАЗЕЛЬСКОМ КОНГРЕССЕ *).

Экстренный съезд социалистического Интернационала, собравшийся в Базеле 24—26 ноября, имел своей задачей выработать основы отношения социалистического пролетариата к вопросам, выдвинутым балканской войной, и, одновременно, демонстрировать полное единодушие пролетариата всех стран в вопросе о войне. И та и другая задача были осуществлены в полной мере. Что касается демонстративного значения конгресса, то даже буржуазная пресса не сумела скрыть своего удивления перед организованностью и энтузиазмом, проявленными пролетариатом в настоящую критическую минуту. Но та же буржуазная пресса, отлично усвоившая внешнюю сторону конгресса, посвятившая свои столбцы описаниям демонстраций и митингов, происходивших в связи с конгрессом, оказалась бессильной понять внутреннюю сущность сделанного на конгрессе дела. Это произошло по той простой причине, что для буржуазного общества и его прессы совершенно недоступна та исходная точка, которой руководствуется Интернационал в своем отношении к войне, и которая в рядах социалистов—сама по себе—не возбуждает никаких сомнений. Говоря кратко, эту исходную

*) „Социал-Демократ", № 30 от 12 января 1913 г. Базельский Конгресс 1912 г. и выработанный им манифест были высшей точкой революционного развития II Интернационала. В выработке манифеста принимали участие: А. Бебель, Жорес, Вальян, Р. Люксембург и др. Он был пропитан истинно-революционным духом и требовал от социалистических партий, его подписавших, сопротивляться всеми средствами всякой империалистической войне, а в случае ее возникновения—превращения ее в гражданскую войну за социализм.

Известно, что большинство партий 2-го Интернационала с началом войны 1914 г. изменило требованиям Базельского манифеста, и тогда он превратился в руках „циммервальдцев" и „кинтальцев" в орудие разоблачения измены 2-го Интернационала рабочему делу. Я участвовал на конгрессе и в выработке манифеста, как делегат нашей партии. Прим. к наст. изд.

точку зрения социалистического Интернационала, определившую и принятый в Базеле манифест, можно выразить так: при настоящих условиях единственная действительная гарантия мира между государствами заключается в усилении и обострении гражданской войны пролетариата против буржуазии внутри каждого отдельного государства. Конечно, ни одному буржуазному парламентарию из членов междупарламентского союза мира не придет в голову искать обеспечения любезного его чувствительному сердцу внешнего мира в усилении пролетарских позиций в борьбе с буржуазией. Насчет этого не содержится также никаких указаний в лекциях «гуманных» профессоров-международников. Все это, однако, не опровергает истинности принципа анти-военной кампании социалистического Интернационала о связи внешнего мира с внутренней войной пролетариата против капиталистического государства, а лишь устанавливает, что буржуазный «пацифизм» бессилен и идейно и практически в деле борьбы с войной, поскольку он сам—по своей буржуазной натуре—боится деятельности того единственного класса, борьба которого в данный момент представляет единственную гарантию против войны.

Манифест, выработанный в Базеле, указывает для социалистического пролетариата каждой отдельной страны, для социалистов Балкан, Габсбургской монархии, России, Италии, Англии, Франции и Германии—их специфические очередные задачи и показывает одновременно, как эти специфические задачи социалистов данных государств и стран вытекают из единой задачи обеспечения европейским народом внешнего мира.

Схема манифеста, предложенная В. Адлером, таким образом очень удачно разрешает стоявшую перед социалистическим пролетариатом задачу. Не нужно забывать, что, по существу, задачи была оборонительная; для того, чтобы разрешить подобную задачу, надо было определить наиболее угрожаемые врагом позиции.

В манифесте эти «угрожаемые пункты» определены точно и ясно: возможный раскол и соревнование из-за добычи между балканскими союзниками, агрессивная политика Австрии по отношению к Сербии, Албанский вопрос, как орудие вмешательства европейских держав в балканские дела и арена возможной распри между Австрией и Италией, царские интриги, наконец, эксплоатируемое тем же царизмом соревнование между Германией и Англией.

В каждом из этих угрожаемых по войне пунктов должны быть сосредоточены национальные отряды международной армии социалистического пролетариата.

Поскольку дело касается самого Балканского полуострова и балканских народов, разрешение стоящих перед ними вопросов может быть дано лишь установлением балканской федеративной республики, которая не только погасила бы раздуваемую в своекорыстных интересах отдельными династиями и национальными кликами вражду между болгарами, сербами, румынами и греками, но и объединила бы с славянами и греками турок и албанцев. Только под этим же лозунгом может вестись борьба за то, чтобы новое положение вещей, созданное балканской войной, не было целиком использовано для упрочения позиций династий и буржуазных классов.

В лице Австрии интернациональный социализм имеет пред собой образчик жадной к расширению своих рынков буржуазии, насквозь проеденной своекорыстными интересами династию и побившую рекорд иезуитской двуличности дипломатию. Союз этих трех сил направляет свои усилия к экономическому порабощению Сербии, к превращению ее, как выражается манифест, в австрийскую колонию, с другой стороны, к тому, чтобы в теле балканских народов оставить постоянную занозу, которая служила бы постоянным предлогом вмешательства в дела полуострова. Последней задаче должна служить неожиданно завоевавшая себе симпатии в венских и берлинских дипломатических кабинетах автономная Албания. Положить решительный предел вмешательству Австрии в балканские дела—под каким бы предлогом это вмешательство ни велось: под предлогом ли экономических интересов Австрии в Сербии, или под предлогом политического сочувствия албанской автономии — такова очередная задача социалистов Габсбургской монархии. Обрезывая крылья полету австрийских планов на Балканах, австрийские социалисты тем самым борются против опасностей европейской войны. Албания перестает быть пороховым погребом, как только Австрия и Италия принуждены будут отказаться от включения ее в свои «сферы влияния», и действительная автономия албанского народа будет укреплена его вступлением в балканскую федерацию. Если, таким образом, в критический момент обострения международных отношений в Европе и в Азии задача балканских социалистов заключается в проповеди демократической республиканской федерации на Балканах, а задача социалистов австрийских земель—в сопротивлении захватным пла-

нам Австро-Венгерской династии,—то центр тяжести усилий социалистического Интернационала в данном вопросе все же лежит еще дальше на Восток: в России.

Существование Романовской монархии является одним из главнейших препятствий для решения задачи, которая стоит перед социалистическим пролетариатом Европы. Ниспровержение этой монархии, одинаково давящей свободное развитие и Европы и Азии, есть кровное дело не только российской демократии и пролетариата России, но и пролетариата всего цивилизованного мира. Через семь лет после Великой Российской Революции Базельский конгресс напоминает, что низвержение режима «обновленной России», режима 3-го июня, есть задача, по существу, интернациональная. Не «улучшение» третьеиюньского режима, не «расширение» третьеиюньской «конституции», а ниспровержение монархии,—так поставлен вопрос не только отношениями внутри России, а всей международной обстановкой. Этот камень должен быть сброшен с пути прежде всего, чтобы европейский пролетариат мог обеспечить себе свободное развитие к социализму.

Приветствуя новую волну движения российского пролетариата, социалистический Интернационал вместе с тем заявляет, что задача, выпавшая на долю пролетариата России, одна из самых ответственных в данный момент. Отношения, создавшиеся в Европе и Азии ко второму десятилетию XX века, таковы, что пролетариат России оказывается в центре международных событий. От его голоса зависит многое, к его голосу прислушиваются очень внимательно не только в пролетарской Европе и революционирующейся Азии и его голос в борьбе с Романовской монархией должен звучать все громче и громче. Только люди, из-за деревьев не видящие леса, могут не замечать, что революционная и республиканская проповедь есть самое настоятельное, самое жизненное требование момента, вызванное всей обстановкой, в которой проходит новое пробуждение рабочего класса в России. Только под этим лозунгом социалистический пролетариат России может выполнить задачи, поставленные перед ним историей и подчеркнутые Базельским съездом.

Революция в России—вот Ахиллесова пята всего строя отношений в Европе и Азии. Только новой революцией в России может начаться новый период успехов пролетарского дела в Европе и демократического дела в Азии. Без этой революции надолго будет оттянуто решение всех вопросов, между прочим, и того вопроса, который собрал представителей пролетариата всех

стран в Базеле. Базельский конгресс не мог скрыть от себя, что дело обеспечения мира в Европе требует, по крайней мере, одной войны: победоносной войны всех народов России против Романовской монархии.

Но для конгресса было ясно и то, что, если эта война неизбежна, как предварительное условие решения задачи обеспечения мира, то для действительного решения этой задачи может понадобиться и целый ряд подобных «войн». Французская секция Интернационала, как известно, на своем экстренном съезде—до Базеля, вынесла резолюцию, в которой прямо указывала на всеобщую стачку и восстание, как на крайние орудия борьбы против европейской войны. Эти слова «всеобщая стачка и восстание» не включены в принятый конгрессом манифест по тем же теоретического и практического характера соображениям, которые определяли резолюции Штутгартского и Копенгагенского конгрессов. Этим, однако, не умаляется тот факт, что конгресс был проникнут сознанием, что пролетариату в его борьбе против войны придется развивать свою энергию до крайних пределов, вплоть до открытия гражданской войны. Ссылка манифеста на Коммуну, последовавшую за франко-прусской войной 1870—1871 гг., и на российскую революцию 1905 года недвусмысленно указывает на это.

Резолюции Штутгартского и Копенгагенского конгрессов относительно войны, говорящие о борьбе против войны всеми силами и всеми средствами и об использовании кризиса, вызываемого войной, для уничтожения всего капиталистического строя—эти резолюции воспроизведены полностью в тексте Базельского манифеста.

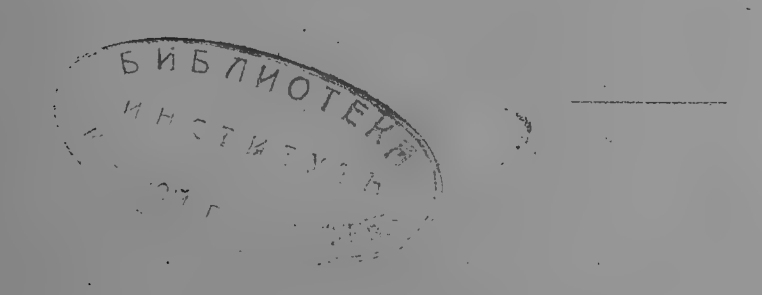
На самом конгрессе манифест не вызвал никаких возражений: он был принят единогласно и без прений. Это было достигнуто благодаря тому, что над выработкой манифеста усердно поработали не только специальная пятичленная комиссия, но и Международное Социалистическое Бюро, посвятившее этому несколько заседаний. В Бюро никто из его членов не предлагал включить в манифест упомянутые указания из французской резолюции. Мне, представлявшему в Международном Социалистическом Бюро Ц.К.Р.С.-Д.Р.П., указания манифеста насчет средств борьбы против войны казались совершенно достаточными. Правда, при современном положении дел в России, военная авантюра царского правительства стала бы скорее, быть может, чем в какой-либо другой стране, исходным пунктом широкого революционного движения. Российские делегаты с пол-

ным основанием могли бы говорить—опираясь на опыт русско-японской войны и на 900.000 политических стачечников и брожение во флоте в 1912 году—о всеобщей стачке и восстании. Эти специфические революционные условия, в которых находится Россия, специально отмечены в Базельском манифесте. И было бы странно, если бы русская делегация пошла дальше и потребовала специфически революционные условия России сделать критерием при выработке средств борьбы всего европейского пролетариата против войны. Конечно, резолюция Интернационала, которая в какой бы то ни было мере связывала бы пролетариат России в применении всеобщей стачки и восстания, была бы для нас вполне неприемлема. Н о о б э т о м н е б ы л о и р е ч и. А раз так, то я не видел никакой необходимости изменять текст манифеста в духе, скажем, французской революции, никакой необходимости в чем-либо отказываться от той принципиальной позиции, которую заняла—рядом с делегатами Германии—наша делегация на Штуттгартском (1907 г.) и Копенгагенском (1910 г.) конгрессах.

Добавлю, что вообще в Бюро при выработке манифеста господствовало большое единодушие, и после некоторых поправок, опять-таки единодушно принятых и направленных к усилению, так сказать, выразительности манифеста, текст его был принят единогласно.

Как я уже сказал, он столь же единодушно без прений принят был затем и на общем собрании съезда. Единодушие пролетариата, его решимость всеми силами и в с е м и средствами противиться войне были еще раз засвидетельствованы перед лицом всего «цивилизованного» мира.

«Цивилизации» капиталистического разбоя, национальной вражды и войн была еще раз противопоставлена цивилизация борющегося за социализм пролетариата.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

З.

И.

К.

Л.

М.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1905 г. и СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

ОШИБКИ БОЛЬШЕВИКОВ.

СТОЛЫПИНЩИНА.

ВЕХИСТЫ.

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ и БУРЖУАЗИЯ.

ЛИКВИДАТОРЫ.

НА ПОРОГЕ НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

КОЕ-ЧТО ИЗ ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

Страницы:	Строки:	Напечатано:	Следует:
17	7 снизу	тактике“,	тактики“,
26	11 снизу	грудящим	грядущим
34	21 сверху	прцессе,	процессе,
40	20 сверху	пе	не
88	7 снизу	по иции	позиции,
100	12 снизу	Милюковц,	Милюкова
118	7 снизу	скамья	скамьях
124	14 снизу	лойяль ости,	лойяльности,
140	2 сверху	возвле-	вовле-
141	2 снизу	самое	самую
150	8 снизу	тут	тот
152	5 сверху	классо,	классов,
162	17 сверху	и родных	народных
168	19 сверху	отрядом	отрядам
189	7 сверху	судити	судите
214	1 сверху	щения) домка	щенная) ломка
236	1 сверху	акти ность,	активность,
241	12 сверху	то	это
252	1 сверху	к к	как
253	8 снизу	соз ать	создать
268	20 сверху	вопитанных	воспитанных
272	1 сверху	об а ом	образом
272	4 снизу	ясн е	ясные
276	12 сверху	ралигией	религией
295	2 сверху	людей	идей
297	9 сверху	люцией победу!) привык исповедывать самые крайние социали-	люционной теории, чтобы не воспользоваться случаем и не по-
297	21 снизу	дал е,	далее,
298	4 снизу	перево ота	переворота
308	18 снизу	В.	Г.
308	1 снизу	резвития	развития
319	3 сверху	Локаля	Локотя
342	9 снизу	нас ет	на счет
350	8 снизу	выпол на	выполнение
357	7 сверху	России	Россию
364	13 снизу	обществен ого	общественного

Страницы:	Строки:	Напечатано:	Следует:
367	3 сверху	гапе“	гане“
370	7 снизу	определяющий	определяющее
381	19 сверху	пользу	на пользу
388	4 снизу	способ к	способен
389	5 сверху	разглагается	разлагается
390	5 сверху	непосредственные интересы	непосредственных интересов
390	10 сверху	оказалось	оказалась
394	8 сверху	„избавителям	„избивателям
396	4 сверху	недостаточно	недостойно
396	4 сверху	честно о	честного
400	6 сверху	мер м	мерам
403	8 снизу	кадет в	кадетов
408	13 сверху	дольш	дольше
412	13 снизу	ликвидирующ го	ликвидирующего
422	2 сверху	так же.	тактике
437	15 сверху	работать“	разбить“
441	4 снизу	аплодисменты	аплодисменты
443	13 снизу	Защищать	Защищая
459	6 снизу	и раба	в раба
461	3 сверху	мысли,	мысль,
561	7 сверху	пятилетне	пятилетнее
572	6 сверху	рий	рия
591	8 снизу	итого	итоги
598	12 снизу	станет	ставит
605	9 снизу	как	ках

НОВАЯ
МОСКВА

